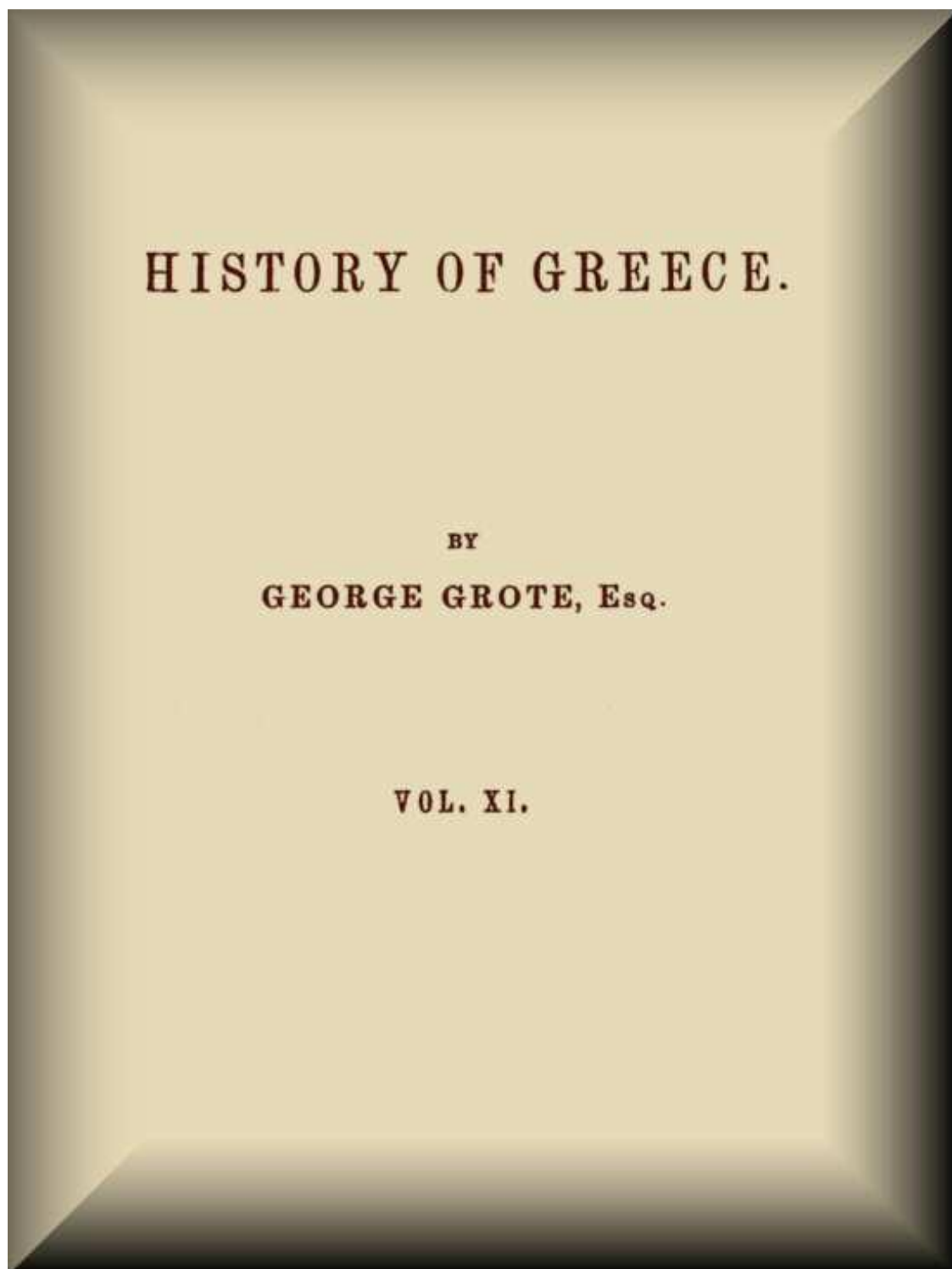

История Греции, том 11 (из 12)

Джордж Гроут

The Project Gutenberg eBook of История Греции, том 11 (из 12).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История Греции, том 11 (из 12)

Автор: Джордж Гроут

Дата выхода: 21 февраля 2020 [eBook #61469].

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Генри Фауэр, Адриан Мастронарди, Рамон Пахарес Бокс, а также командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных Интернет-архивом/Американскими Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF GREECE, VOLUME 11 (OF 12) ***

[Примечание транскриптора](#)

[Оглавление](#)

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

BY GEORGE GROTE, Esq.

VOL. XI.

ПЕРЕПЕЧАТАНО СО ВТОРОГО ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ.

NEW YORK:

ХАРПЕР И БРАТЯ, ИЗДАТЕЛИ,

329 И 331 PEARL STREET.

1880.

ПРЕДИСЛОВИЕ К VOL. XI.

Эта история уже заняла гораздо больше места, чем я предполагал или предполагал вначале.

Тем не менее, чтобы довести ее до срока, обозначенного в моем первоначальном предисловии - конца поколения, современного Александру, в царствование которого мы собираемся вступить, - потребуется еще один том.

Этот том будет включать обзор Платона и Аристотеля, насколько это позволяют рамки общей истории. Платон, действительно принадлежащий к уже описанному периоду, частично упоминается в настоящем томе; в ту эпоху его жизни, когда, будучи советником Дионисия II, он оказывал положительное влияние на судьбы Сиракуз. Но я счел более удобным отложить оценку его философского характера и влияния до того момента, когда я смогу представить его в сопоставлении с его учеником Аристотелем, чья зрелость приходится на поколение, которое сейчас открывается на сайте. Эти два выдающихся мыслителя, как выяснится, взаимно проливают свет друг на друга, в своих точках как контраста, так и сходства.

Г. Г.

Лондон, 15 апреля 1853 года.

СОДЕРЖАНИЕ. VOL. XI.

ЧАСТЬ II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА LXXXIII.

Сицилийские дела (*продолжение*). - ОТ УНИЧТОЖЕНИЯ КАРФАГЕНСКОЙ АРМИИ МОРОМ ПЕРЕД СИРАКУЗАМИ ДО СМЕРТИ ДИОНИСИЯ СТАРШЕГО. 394-367 ГГ. ДО Н. Э.

Частые случаи моровой язвы среди карфагенян, не распространяющиеся на греков в Сицилии. - Мятеж среди наемников Дионисия - их командира Аристотеля отправляют в Спарту. - Трудности Дионисия, связанные с наемниками, - тяжелое бремя их оплаты. - Дионисий вновь основывает Мессену с новыми жителями. - Завоевания Дионисия во внутренних районах Сицилии. - Тревога в Регии - Дионисий нападает на сикельский город Тауромениум - отчаянная оборона сикелов - Дионисий отбит и почти убит. - Агригентум выступает против Дионисия - повторное появление карфагенской армии под командованием Магона. - Поход Дионисия на Регий - ему не удается захватить город - он заключает перемирие на один год. - Магон снова выходит в поле Агирий - отбит Дионисием - заключено перемирие. - Дионисий снова нападает на Тавромений - захватывает его, изгоняет сикелов и сажает новых жителей. -

Планы Дионисия против греческих городов в Южной Италии - большое давление на эти города со стороны самнитов и луканов из внутренних районов. - Заключен союз между итальяскими греками для защиты как от луканов, так и от Дионисия - Дионисий вступает в союз с луканами. - Дионисий нападает на Регий - регийцы спасают кротониатский флот - флот Дионисия уничтожен бурей. - Поражение луканийцев от жителей Турии - Лептины с флотом Дионисия у Ляуса - его поведение по отношению к оставшимся в живых. - Новая экспедиция Дионисия против итальянских греков - его мощное вооружение - он осаждает Каулонию. - Объединенная армия итальянских греков выдвигается для освобождения этого места - их передовой отряд разбит, а полководец Гелорис убит. - Вся армия разбита и взята в плен Дионисием. - Щедрость Дионисия по отношению к пленным. - Дионисий осаждает Региум - заключает с ними мир на суровых условиях. - Он захватывает Каулонию и Гип ропіum - жители перевезены в Сиракузы - территория передана Локри. - Ухищрения Дионисия по обеднению и разоружению регийцев. - Он осаждает Региум - отчаянная оборона города под командованием полководца Фитона - сдача города от голода после одиннадцатимесячной блокады. - Жестокое обращение Дионисия с Фитоном. - Сильное сочувствие, вызванное судьбой Фитона. - Региум расформирован - вся территория южной части Калабрийского полуострова присоединена к Локри. - Анталкидский мир - возвышение Спарты и Дионисия - Кротон завоеван Дионисием - великолепный халат, взятый из храма Геры. - Планы Дионисия по созданию трансмаринских колоний и завоеваний в Эпире и Иллирии. - Дионисий грабит побережье Лация и Этрурии и богатый храм Агилла. - Необъятная власть Дионисия - его поэтические сочинения. - Олимпийский праздник 384 года до н. э., первый после Анталкидова мира - Дионисий посылает на него великолепную делегацию - колесницы для бега и поэтические произведения для чтения. - Чувства толпы на празднике - Дикон из Каулонии. - Выступление Лисия на празднике против Дионисия, касающееся политического состояния греческого мира и страданий поработоченных сицилийцев. - Ненависть к прошлому и страх перед будущими завоеваниями Дионисия преобладают. - Лисий призывает своих слушателей разрушить палатки сиракузского легата в Олимпии в качестве акта возмездия Дионисию. - Взрыв антипатии против стихов Дионисия, прочитанных в Олимпии, - оскорбления, нанесенные его имени и личности. - Чрезмерная скорбь, гнев и раскаяние Дионисия при известии об этом выступлении против него - его подозрения и жестокость. - Заметный и необычный характер проявлений против Дионисия. - Платон посещает Сиракузы - жестоко обращается с Дионисием - приобретает большое влияние на Диона. - Новые постройки и усовершенствования Дионисия в Сиракузах. - Намерение Дионисия возобновить войну с Карфагеном. - Война с Карфагеном - победа Дионисия над карфагенской армией под командованием Магона. - Вторая битва с карфагенянами при Крониуме, в которой Дионисий терпит поражение со страшными потерями. - Он заключает мир с Карфагеном на очень невыгодных для себя условиях: вся территория к западу от реки Галикус сдается Карфагену: он обязуется платить Карфагену дань. - Дела Южной Италии: стена через Калабрийский полуостров спроектирована, но не построена. - Отношения Дионисия с Центральной Грецией. - Дионисий начинает новую войну против Карфагена. Сначала он добивается успеха, но в конце концов терпит поражение под Лилибеем и вынужден вернуться домой. - Дионисий получает приз за трагедию на Ленеиском фестивале в Афинах. Его радость от этой новости. Вскоре после этого он умирает от лихорадки. - Характер Дионисия.

СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАРШЕГО ДИОНИСИЯ - ДИОНИСИЙ МЛАДШИЙ - И ДИОН.

Семья, оставленная Дионисием после его смерти. - Дион - его связь с дионисийской семьей. - Личный характер Диона. - Платон, Дион и пифагорейские философы. - Необычайное влияние Платона на Диона. - Дион учится ненавидеть дионисийский деспотизм - у него зарождаются большие политические и реформаторские взгляды. - Перемена привычек Диона - он вводит Платона в общение с Дионисием. - Дион сохраняет хорошее мнение и доверие Дионисия до самой смерти последнего - его поездки в Пелопоннес. - Смерть старшего Дионисия - расхождение интересов между двумя линиями семьи. - Младший Дионисий становится преемником своего отца - его характер. - Поведение Диона - он подчиняется младшему Дионисию - дает ему откровенные и полезные советы. - Дион приобретает у Дионисия большое влияние и авторитет. - Возвращение Филиста из изгнания. - Дион пытается воздействовать на разум Дионисия в направлении более свободного политического правления и умственного совершенствования. - Его искренние увещания произвели значительный эффект, внушив Дионисию сильное желание увидеться и побеседовать с Платоном. - Приглашение, направленное Платону как Дионом, так и Дионисием. - Платон колеблется - неохотно соглашается посетить Сиракузы. - Платон посещает Сиракузы - беспредельное почтение и восхищение, проявленное к нему сначала Дионисием - страх и ненависть, испытываемые Филистом и другими придворными. - Недобросовестное отношение Платона к Дионисию. - Платон и Дион усиленно увещивают Дионисия исправиться. - Платон уничтожает склонность Дионисия к политическому добру. - Если бы Платон попытался побудить Дионисия к правильному практическому использованию своей власти, Дионисий, возможно, в то время послушался бы его с помощью Диона. - Трудности, с которыми они столкнулись бы при попытке реализовать благотворные проекты. - Интриги Филиста и других с целью настроить Дионисия против Платона и Диона. - Отношения между Дионисием и Дионом - естественная основа для ревности со стороны Дионисия. - Дионисий теряет склонность к политическим улучшениям - он начинает ненавидеть Диона. - Изгнание Диона из Сиракуз в Италию. - Дионисий оставляет Платона в акрополе, но относится к нему хорошо и старается примирить с его уважением. - Он увольняет Платона - затем отзывает его - второй приезд Платона в Сиракузы - его недовольство - Дионисий отказывается отозвать Диона. - Дионисий конфискует имущество Диона - унижение Платона, который с трудом добивается разрешения уехать из Сиракуз. - Дион решает отомстить Дионисию и силой оружия вернуться в Сиракузы. - Платон присоединяется к Диону в Пелопоннесе - раздражение Диона - Дионисий отдает свою сестру Аретку, жену Диона, в жены Тимократу. - Средства вспомогательных войск Диона - Платон - Академия - Алкимен. Дион собирает свои силы в Закинфе. - Небольшие силы Диона против огромной силы Дионисия. Решение Диона - победить или погибнуть. - Обстоятельства, которые говорили против Дионисия - недовольство в Сиракузах. - Ираклид изгнан из Сиракуз - он замышляет нападение на Дионисия, одновременно с Дионом. - Слабость характера - беспутные и пьяные привычки - самого Дионисия. - Тревога солдат Диона в Закинфе, когда им впервые сообщили, что они идут против Дионисия. - Затмение луны - религиозное беспокойство солдат - их успокаивает пророк Милтас - удачное путешествие из Закинфа в Сицилию. - Дион высаживается в Ираклии - он узнает, что Дионисий с большим флотом только что отплыл из Сиракуз в Италию. - Марш Диона из Гераклеи в Сиракузы. - Дион переправляется через реку Анапус и подходит к воротам Сиракуз. - Ошибка Тимократа, оставленного наместником Сиракуз в отсутствие Дионисия. - Общий подъем сиракузян, чтобы приветствовать и помочь Диону. Тимократ вынужден покинуть город, оставив гарнизоны Ортыгии и Эпиполя. - Вступление Диона в Ахрадину - радость горожан - он провозглашает свободу. - Дион предстает в Пентапиле перед Ортыгией - призывает гарнизон

Ортыгии выйти и сразиться - избран сиракузянами полководцем вместе со своим братом Мегаклесом. - Дион захватывает Эпиполь и Эвриалу. Он возводит поперечную стену от моря до моря, чтобы блокировать в Ортыгии. - Возвращение Дионисия в Сиракузы. Он пытается договориться с Дионом и сиракузянами - обманывает их ложными предложениями. - Внезапная вылазка Дионисия, чтобы застать врасплох блокирующую стену - большая храбрость, усилия и опасность Диона - в конце концов он отражает нападение и восстанавливает стену. - Ортыгия снова блокирована по суше - усилия Дионисия с его флотом - прибытие Гераклида из Пелопоннеса с флотом для сотрудничества с Дионисием. - Прибытие Филиста с флотом на помощь Дионисию. Сражение в Великой гавани между флотом Филиста и флотом сиракузян - Филист терпит поражение и погибает. - Интриги Дионисия против Диона в Сиракузах. - Отношение Диона к династии Дионисиев - подозрения сиракузян против него - его надменные манеры. Соперничество с Гераклидом. - Ираклид назначен адмиралом. Дион заставляет его сместить, а затем сам добивается его назначения. - Интриги и клевета, поднятые против Диона в Сиракузах под руководством Дионисия. - Недоверие к Диону со стороны сиракузян, в основном из-за его связи с дионисийской семьей. Клевета на Сосиса. - Дальнейшие предложения Дионисия. Он уезжает из Ортыгии в Италию, оставив своего сына Аполлократа командовать гарнизоном. - Усиливаются разногласия между Дионом и Гераклидом - Дион низложен, а его солдаты лишены причитающегося им жалованья - назначены новые полководцы. - Дион вынужден отступить из Сиракуз - плохое поведение новых генералов и народа по отношению к его солдатам. - Дион достигает Леонтины - леонтинцы поддерживают его против сиракузян - прибытие Нипсия с подкреплением к дионисийскому гарнизону в Ортыгии. - Преимущество, полученное Ираклидом и сиракузянами над Нипсием, когда он вошел в Ортыгию - экстравагантная уверенность в Сиракузах - Нипсий вырывается из Ортыгии и силой пробивается в Неаполь и Ахрадину. - Опасность и беда сиракузян - они отправляются в Леонтины, чтобы призвать на помощь Диона. - Собрание в Леонтины - патетическое обращение Диона. - Нежелание Ираклида впустить Диона в Сиракузы - возобновление нападения со стороны Нипсия - единодушные мольбы пригласить Диона. - Вступление Диона в Сиракузы - он выстраивает свои войска на Эпиполе. Страшное состояние города. - Дион отгоняет Нипсия и его войска в Ортыгию - он гасит пламя и сохраняет Сиракузы. - Всеобщая благодарность сиракузян Диону. Ираклид и Феодот бросаются на его милость. - Дион прощает Ираклида - его объяснение мотивов. - Примечательные черты в этом поступке Диона. - Дион восстанавливает блокаду Ортыгии и выкупает взятых пленников. - Дион назначается генералом на суше по ходатайству Гераклида, который продолжает командовать флотом. - Попытка сместить Диона с помощью спартамца Гесилия - хорошее поведение Гесилия. - Сдача Ортыгии Аполлократом Диону. - Вступление Диона в Ортыгию - восстановление жены - скорая смерть сына - поведение Диона в час триумфа. - Подозрения, которые ранее возникали в отношении Диона - что он стремится к деспотизму для себя - подтверждаются его нынешним поведением. - Он сохраняет свою диктаторскую власть с крепостью и гарнизоном Ортыгии - он не дает свободы Сиракузам. - Намерение Диона сделать себя царем, с ликургской схемой управления и дисциплины. - Заблуждение Диона относительно своего положения. - Дион не предпринимает никаких шагов, чтобы реализовать хоть какую-то меру народной свободы. - Против Диона выступает Гераклид - нетерпение сиракузян увидеть разрушение дионисийских твердынь и погребального памятника. - Дион вызывает Гераклида на личную расправу. - Усиление притеснений Диона - ненависть к нему в Сиракузах. - Беспокойство и раздражительность Диона на фоне его непопулярности. - Заговор Каллиппа против него - хитрости и лжесвидетельства. - Каллипп совершает покушение на Диона. - Жизнь, настроения и изменившееся положение Диона.

СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА ДО КОНЦА ЭКСПЕДИЦИИ ТИМОЛЕОНА. 353-336 ГГ. ДО Н. Э.

Положение и перспективы Каллиппа после убийства Диона. - Он остается хозяином Сиракуз более года. Его неправильное правление. Возвращение Гиппариния, сына Дионисия, в Сиракузы. Изгнание Каллиппа. - Плачевное состояние Сиракуз и Сицилии, описанное Платоном. - Рекомендации Платона бесплодны - состояние Сиракуз ухудшается. Дионисий возвращается в Ортигию, изгоняя Гиппарину. - Пьяные привычки дионисийских принцев. - Локри - зависимость и место жительства младшего Дионисия. - Страдания итальяских греков от луканов и бруттиев из внутренних районов. - Дионисий в Локри - его непопулярность и возмутительное правление - жестокая месть локрийцев его родственникам. - Бедствия сиракузян - новая опасность со стороны Карфагена. Они обращаются за помощью к Гикету - в союзе с Гикетом они посылают просить помощи у Коринфа. Тайный союз Гикета с карфагенянами - он замышляет провалить обращение в Коринф. - Коринфяне благосклонно принимают прошение из Сиракуз - голосование за предоставление помощи. - Трудности с поиском коринфского лидера - большинство ведущих граждан отказываются - Тимолеон предложен и выбран. - Предшествующая жизнь и характер Тимолеона. - Его поведение по отношению к брату Тимофану, жизнь которого он спасает в битве. - Тимофан становится деспотом и совершает грубые притеснения - Тимолеон с двумя товарищами предаёт его смерти. - Благотворное влияние этого поступка на Коринф - отношение к Тимолеону. - Горькие упреки Тимолеона со стороны матери. - Сильное душевное потрясение Тимолеона. Он замыкается в себе и уходит от общественной жизни. - Различные суждения современных и античных умов о поступке Тимолеона. Комментарии Плутарха. - Тимолеон назначен полководцем в Сиракузы - он принимает командование - наставления Телеклида. - Приготовления Тимолеона - его скудные средства - он нанимает нескольких фокейских наемников. - Плохие перспективы экспедиции - второе послание от Гикета, в котором он отказывается от участия в коринфском союзе и просит не посылать войска в Сицилию. - Тимолеон отправляется в Сицилию с небольшой эскадрой - благоприятные предзнаменования от богов. - Тимолеон прибывает в Регий - ему мешает достичь Сицилии превосходящий по силе карфагенский флот - коварное послание от Гикета. - Стратегема Тимолеона, чтобы пробраться в Сицилию, в сговоре с регийцами. - Общественное собрание в Регии - Тимолеон и карфагеняне присутствуют на нем - длинные речи, во время которых Тимолеон ускользает, намереваясь отправить свой флот в Сицилию. - Тимолеон при Тавромении в Сицилии - грозная сила его врагов - деспоты в Сицилии - уныние в Сиракузах. - Успех Тимолеона при Адрануме. Он удивляет и побеждает войска Гикета, превосходящие его по численности. - Улучшение положения и союзов Тимолеона - он подходит к стенам Сиракуз. - Положение Дионисия в Ортигии - он решает сдать эту крепость Тимолеону, оговаривая безопасную перевозку и убежище в Коринфе. - Тимолеон посылает войска занять Ортигию и принимает Дионисия в своем лагере. - Тимолеон отправляет весть о своем успехе в Коринф с самим Дионисием на триreme. - Большой эффект, произведенный в Коринфе - доверие граждан - подкрепление, отправленное Тимолеону. - Видение павшего Дионисия в Коринфе - впечатление, произведенное на греков - многочисленные посетители, желающие увидеть его. Беседа с Аристоксеном. - Тимолеон извлекает огромную выгоду из обладания Ортигией - в ней обнаружены многочисленные запасы. - Большая карфагенская армия под командованием Магона прибывает для помощи в нападении на Ортигию. Разгромлена Неоном, во время отсутствия Магона и Гикета. Неон приобретает Ахрадину и присоединяет к ней линию стены до Ортигии. - Возвращение Магона и Гикета в Сиракузы - усложнение их дела после победы Неона. - Возвращение Тимолеона в Сиракузы - удачный поход и прибытие коринфского подкрепления. - Мессен объявляет о поддержке Тимолеона. -

Он разбивает свой лагерь недалеко от Сиракуз. - Магон не доверяет Гикету и его позиции в Сиракузах - он внезапно отзывает свою армию и флот, полностью покидая Сиракузы. - Тимoleon овладевает Эпиполем и всем городом Сиракузы - Гикетас вынужден бежать в Леонтины. - Войска Гикетаса ведут вялую оборону. - Большой эффект произвела весть о том, что Тимoleon стал хозяином Сиракуз. - Необычайное восхищение Тимoleonом - особенно за выдающуюся благосклонность к нему богов. - Тимoleon приписывает все свои успехи богам. - Испытания Тимoleonа в час успеха - легкая возможность сделать себя деспотом Сиракуз. - Тимoleon предлагает сиракузянам разрушить дионисийскую цитадель в Ортыгии. - Он возводит на этом месте судебные инстанции. - Опустошенное состояние Сиракуз и других городов Сицилии. Возвращение изгнанников. Обращение Тимoleonа и сиракузян в Коринф. - Из Коринфа в Сиракузы отправляются уполномоченные - они восстанавливают законы и демократию, введенные Диоклесом, но с различными изменениями и дополнениями. - Бедность в Сиракузах - необходимость приглашения новых колонистов. - Большое количество новых колонистов, собранных в Коринфе для Сицилии. - Приток новых колонистов в Сицилию со всех сторон. - Облегчение бедности Сиракуз. - Успехи Тимoleonа против Гикета, Лептина и других деспотов в Сицилии - Гикет снова приглашает карфагенян вторгнуться в Сицилию. - Карфагеняне высаживаются на Сицилии с огромной армией, в которой много местных жителей. - Тимoleon выступает из Сиракуз против карфагенян - мятеж части наемников под командованием Фрасия - Тимoleon вступает в карфагенскую провинцию - предзнаменование о петрушке. - Он сталкивается с карфагенской армией, проходя мимо Кримеса. Военные колесницы впереди - Тимoleon приказывает своей коннице атаковать. - Упорный бой между пехотой Тимoleonа и родной карфагенской пехотой. Страшный штурм - полная победа Тимoleonа. - Тяжелые потери карфагенян в сражении, особенно их родных войск. Добыча, собранная солдатами Тимoleonа. - Уныние и ужас среди побежденной армии, а также в самом Карфагене. - Великое приумножение славы Тимoleonа - благосклонность богов, проявленная к нему в битве. - Тимoleon возвращается в Сиракузы - увольняет Фрасия и дезертировавших наемников - высылает их из Сицилии - их судьба. - Успех Тимoleonа в борьбе с Гикетасом и Мамеркусом. - Победа Тимoleonа над Гикетасом у реки Дамурия. - Тимoleon нападает на Хикетаса и Леонтины. Это место (с Хикетасом лично) сдается Тимoleonу гарнизоном. Хикетас и его семья преданы смерти. - Тимoleon одерживает победу над Мамеркусом - он заключает мир с карфагенянами. - Тимoleon побеждает и берет в плен Мамеркуса и Гиппона. Мамеркус осужден сиракузским общественным собранием. - Тимoleon низлагает всех деспотов Сицилии. - Тимoleon слагает свои полномочия в Сиракузах. - Благодарность и награда ему со стороны сиракузян. - Большое влияние Тимoleonа даже после того, как он сложил с себя власть. - Иммиграция новых греческих поселенцев в Сицилию, в Гелу, Агригентум, Камарину и т. д. - Значение и важность морального превосходства, которым пользовался Тимoleon, в регулировании этих новых поселений. - Многочисленные трудности, которые он должен был разрешить. - Резиденция Тимoleonа в Сиракузах - часовня в честь богини Автоматии. - Прибытие слепого Тимoleonа в общественное собрание Сиракуз во время обсуждения серьезных и критических вопросов. - Манера, в которой Тимoleon переносил противоречия в общественном собрании - его искреннее стремление обеспечить свободу слова в отношении самого себя. - Непоколебимая умеренность и общественный дух Тимoleonа. - Ксенофоновский идеал - власть над свободными людьми - положительные и отрицательные качества Тимoleonа. - Свобода и комфорт, распространявшиеся по всей Сицилии в течение двадцати четырех лет, вплоть до деспотизма Агафокла. - Смерть и похороны Тимoleonа. - Прокламация на его похоронах - памятник в его честь. - Противопоставление Диона и Тимoleonа.

ГЛАВА LXXXVI.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРЕЦИЯ: ВОЦАРЕНИЕ ФИЛИППА МАКЕДОНСКОГО И РОЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА. 359-356 ГГ. ДО Н. Э.

Возобновление правления в Центральной Греции. - Состояние Центральной Греции в 360-359 гг. до н. э. - Деградация Спарты. - Мегалополь - Мессен - их страх перед Спартой - отсутствие центральных действий в Пелопоннесе. - Коринф, Сикион и т.д. - Сравнительно хорошее состояние Афин. - Могущество Фив. - Уничтожение фиванцами свободных городов Беотии - противно греческому чувству. - Фессалия - деспоты Фере. - Александр из Фере - его жестокости - его убийство. - Тисифон - деспот Фере - потеря власти в династии Фере. - Македон - правление и смерть Пердикки. - Филипп в юности в Фивах - приобретенные там идеи - заложены основы его будущих военных способностей. - Состояние Филиппа после смерти Пердикки. - Смуты и опасности, с которыми ему пришлось столкнуться. - Македонское правительство. - Действия Филиппа против своих многочисленных врагов. Его успехи - фракийцы - афиняне. - Он эвакуирует Амфиполь. Он побеждает Аргея и афинян - его мягкое обращение с афинскими пленниками. - Филипп заключает мир с Афинами - отказывается от притязаний на Амфиполь. - Победы Филиппа над пеонийцами и иллирийцами. - Филипп эвакуирует Амфиполь - афиняне пренебрегают им. - Состояние Эвбеи - фиванцы поднимают восстание и нападают на остров - победоносные усилия Афин. - Сдача Херсонеса Афинам. - Социальная война - Хиос, Кос, Родос и Византия восстают против Афин. - Причины социальной войны - поведение афинян. - Синод в Афинах. - Афины действуют больше в своих собственных интересах и меньше в интересах своих союзников - вооружение на службе - плохо оплачиваемые наемники - их поборы. - Четыре города объявляют себя независимыми от Афин - вмешательство карийского Мавсола. - Большие силы восставших - вооружение, направленное Афинами против Хиоса - отпор афинян и смерть Хабрия. - Дальнее вооружение Афин - Ификрат, Тимофей и Харес - неудачные операции в Геллеспонте и ссора между полководцами. - Ификрат и Тимофей обвиняются Харесом в Афинах - Ификрат оправдан, Тимофей оштрафован и удаляется из Афин. - Высокомерие и непопулярность Тимофея, засвидетельствованные его другом Исократом. - Изгнание Тимофея - его смерть вскоре после этого. - Ификрат больше не работает - эти два полководца - большая потеря для Афин. - Экспедиция Хареса - Афины заключают мир со своими восставшими союзниками, признавая их полную автономию. - Окончание Социальной войны - большая потеря Афинами своего могущества. - Возобновление действий Филиппа. Он осаждает Амфиполь. - Амфиполитанцы посылают просить помощи у Афин - маневры Филиппа, чтобы побудить Афины не вмешиваться. - Афиняне решают не помогать Амфиполю - их мотивы - важность этого решения. - Захват Амфиполя Филиппом в результате измены одного из жителей города. - Важность Амфиполя для Филиппа - разочарование афинян нарушением обещания. - Филипп развлекает афинян ложными заверениями - побуждает их отвергнуть предложения олинфян - предлагает обмен Пидны на Амфиполь. - Филипп действует враждебно по отношению к Афинам - завоевывает Пидну и Потидею - отдает Потидею олинфянам - бездействие афинян. - Рост могущества Филиппа - он основывает Филиппы, открывает золотые рудники у горы Пангея и получает от них большие доходы. - Брак Филиппа с Олимпией - рождение Александра Македонского.

197-241

ГЛАВА LXXXVII.

ОТ НАЧАЛА СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ ДО НАЧАЛА ОЛИНФСКОЙ ВОЙНЫ.

Причины Священной войны - Амфикиционный совет. - Политическая жалоба, поданная в совет, сначала Фивами против Спарты. - Затем Фивы против фокийцев. Фокийцы осуждены и оштрафованы. - Совет принимает решение о посвящении фокийской территории Аполлону. - Фокийцы решают сопротивляться - их вождь Филомел. - Поднимается вопрос о праве на управление храмом - старое право фокийцев против права дельфийцев и амфикионцев. - Филомел принимает активные меры. Он отправляется в Спарту - получает помощь от царя Архидама. Захватывает Дельфы - побеждает локрийцев. - Филомел укрепляет храм - набирает многочисленных наемников - пытается примирить греческие настроения. Греческий мир расколот. - Филомел пытается сохранить пророческое агентство - поведение пифии. - Битвы Филомела с локрийцами - его успех. - Усилия фиванцев по созданию конфедерации против фокийцев. - Опасность фокийцев - они забирают часть сокровищ храма, чтобы заплатить наемникам. - Многочисленные наемники, нанятые фокийцами - жестокость и ожесточенность войны - поражение и смерть Филомела. - Ономарх - полководец фокийцев - возобновление войны - его власть с помощью наемников. - Жестокие меры Ономарха - он использует сокровища храма, чтобы разбросать взятки по разным городам. - Успехи Ономарха - он продвигается до Фермопил - вторгается в Беотию - отбивается от фиванцев. - Фиванцы посылают отряд под командованием Паммена на помощь Артабазу в Малую Азию. - Завоевание Сестоса Харесом и афинянами. - Происки Керсobleпта против Афин - он вынужден уступить ей свою часть Херсонеса - афинские поселенцы отправлены туда, а также на Самос. - Активность и постоянное продвижение Филиппа - он завоевывает Метону - беспечность Афин. - Филипп совершает поход в Фессалию против деспотов Феры. - Великая сила Ономарха и фокийцев - планы Афин и Спарты - спартанцы задумывают военные действия против Мегалополя. - Первое появление Демосфена в качестве общественного советника в афинском совете. - Воспитание и ранняя юность Демосфена - богатство его отца - нечестность его опекунов. - Юность Демосфена - болезненное и слабое телосложение - недостаток физического воспитания и телесной бодрости. - Подготовка Демосфена к ораторскому искусству - его наставники - Исей - Платон - преданное изучение Фукидида. - Неустойчивые усилия Демосфена преодолеть свои природные недостатки как оратора. - Демосфен придает большое значение ораторскому искусству. Его ум и мысли - как формировались. - Сначала он становится известен как логограф или составитель речей для тяжущихся. - Фокион - его противоположность и соперничество с Демосфеном - его характер и положение - его храбрость и честность. - Прочное влияние его честности на афинскую публику. - Сколько раз он избирался полководцем. - Его манера говорить - эффективная краткость - презрение к ораторскому искусству. - Его откровенность - его презрение к афинскому народу - его невозмутимость - его отталкивающие манеры. - Фокион и Эвбул - лидеры партии мира, представлявшей сильно преобладавшие в Афинах настроения. - Влияние Фокиона во время правления Филиппа было пагубным - в это время Афины могли одержать верх над Македонией. - Изменения в военном духе Греции со времен Пелопоннесской войны. Упадок гражданского воинства: все большее распространение наемных войск. Контраст между периклийским и демосфенским гражданином. - Падение воинской готовности и среди пелопоннесских союзников Спарты. - Размножение наемных солдат - его пагубные последствия - необходимость обеспечения эмиграции. - Ухудшение состояния греческой военной силы происходило одновременно с большим развитием македонской. - Грубость и бедность македонян - прекрасный материал для солдат - организаторский гений Филиппа. - Первая парламентская речь Демосфена - о симмориях - тревога за Персию. - Положительные рекомендации в речи - зрелая мысль и проницательность, которые они подразумевают. - Предложенная им подготовка и схема расширения основы симморий. - Дух увещаний Демосфена - постоянное подчеркивание необходимости личных усилий и

самопожертвования как условий успеха. - Дела в Пелопоннесе - проекты Спарты против Мегалополя - ее попытка добиться сотрудничества с Афинами. - Мнения и рекомендации Демосфена - он советует Афинам поддержать Мессену и Мегалополь. - Филипп в Фессалии - он нападает на Ликофрона из Фере, который призывает Ономарха и фокийцев - Ономарх побеждает Филиппа. - Успехи Ономарха в Беотии - максимум фокейской мощи. - Филипп восстанавливает свои силы и снова идет в Фессалию - полная победа над фокийцами - Ономарх убит. - Филипп завоевывает Феру и Пагас - становится хозяином всей Фессалии - изгнание Ликофрона - Филипп вторгается в Фермопилы - афиняне посылают туда отряд и задерживают его продвижение. Их тревога в этот момент и необычная быстрота передвижения. - Фаил принимает командование над фокийцами - третье разорение храма - возрождение сил фокийцев - злоупотребления вождей. - Война в Пелопоннесе - спартанцы атакуют Мегалополь - вмешательство Фив. - Военные действия с нерешительным результатом - заключен мир - автономия Мегалополя вновь признана. - Неудачные действия фокейцев в Беотии - смерть Фаила, которого сменяет Фалекус. - Фиванцы получают деньги от персидского царя. - Возросшая мощь и грозность Филиппа. Тревога, которую он теперь начинает внушать всему греческому миру. - Филипп приобретает значительный флот - значение Пагасского залива для него - его летучие эскадры досаждают афинской торговле и побережью. - Филипп ведет войну во Фракии - его интриги среди фракийских князей. - Он осаждает Геренон Тейхос: тревога в Афинах: принят указ об отправке флота: Филипп заболевает: флот не отправлен. - Популярность наемного полководца Харидема - голосование в его пользу, предложенное Аристократом - речь Демосфена против. - Вялость афинян - главные мирные лидеры, Эвбул, Фокион и др., не предлагают ничего энергичного против Филиппа - Демосфен берет на себя эту обязанность. - Первый филиппик Демосфена, 352-351 гг. до н. э. - замечания и рекомендации первого филиппика. Сурово комментирует прошлую апатию народа. - Он настаивает на необходимости личной службы граждан, предлагает создать действующий флот и вооружение. - Его финансовые предложения. - Вред от прошлой небрежности и неподготовленности - вред от наемных неоплачиваемых вооружений, служащих без граждан. - Характерные черты первого Филиппика - благоразумные советы и ранние предупреждения Демосфена. - Советы Демосфена не были приведены в исполнение: никаких серьезных мер Афины не приняли. - Противники Демосфена в Афинах - ораторы на жалованье у Филиппа - тревога по поводу персидского царя еще не утихла.

241-319

ГЛАВА LXXXVIII.

ЭВБЕЙСКАЯ И ОЛИНФСКАЯ ВОЙНЫ.

Изменение настроений в Олинфе - олинфяне боятся Филиппа - заключают мир с Афинами. - Недружелюбные чувства Филиппа к Олинфу - перерастание в войну в 350 г. до н. э. - Беглые сводные братья Филиппа получают убежище в Олинфе. - Интриги Филиппа в Олинфе - его средства коррупции и разжигания междоусобной розни. - Завоевание и разрушение Филиппом олинфских городов-конфедератов, между 350-347 гг. до н. э. Страшные явления. - Филипп нападает на олинфян и халкидян - начало Олинфской войны, 350 г. до н. э. - Олинфяне заключают союз с Афинами. - Афиняне заключают союз с Олинфами - самая ранняя олинфская речь Демосфена. - Вторая Олинфия - самая ранняя - ее тон и тон. - Склонность превозносить практический эффект речей Демосфена - его истинная позиция - он оппозиционер. - Филипп продолжает давить на Олинфскую конфедерацию - растущая опасность Олинфа - новые обращения в Афины. - Демосфен произносит еще одну олинфскую речь - ту, что стоит первой в печатном порядке. Ее суть. - Справедливая оценка

ситуации Демосфеном. Он подходит к вопросу о Феорическом фонде. - Помощь, посланная Афинами в Олинф. Частичный успех в борьбе с Филиппом. - Частичная и преувеличенная уверенность в Афинах. Афиняне теряют из виду опасность Олинфа. Третья Олинфия Демосфена. - Тематика и содержание третьей Олинфии. - Мужество Демосфена в борьбе с преобладающими настроениями. - Восстание Эвбеи против Афин. - Интриги Филиппа в Эвбее. - Плутарх Эретрийский просит помощи у Афин. Ему присылают помощь под началом Фокиона, хотя Демосфен отговаривает - предательство Плутарха - опасность Фокиона и афинян в Эвбее - победа Фокиона при Тамине. - Дионисийский праздник в Афинах в марте 349 г. до н. э. - Оскорбление, нанесенное Демосфену Мейдием. - Упреки в адрес Демосфена за отсутствие в битве при Тамине - он отправляется на службу в Эвбею в качестве гоплита - его назначают сенатором на 349-348 гг. до н. э. - Военные действия в Эвбее в 349-348 гг. до н. э. - Большие усилия Афин в 349 г. до н. э. для поддержки Олинфа и одновременного поддержания Эвбеи. - Финансовые затруднения Афин. Предложение Аполлодора о фонде теократии. Собрание направляет излишки доходов на военные нужды. - Аполлодор обвиняется и подвергается штрафу. - Отвлечение средств Феорического фонда свидетельствует о сильном беспокойстве Афин в данный момент. - Три экспедиции, отправленные Афинами в Халкидику в 349-348 гг. до н. э., согласно Филохору. - Окончательный успех Филиппа - захват халкидских городов и Олинфа. - Продажа олинфских пленников - разорение греческих городов в Халкидике. - Расходы, понесенные Афинами в Олинфской войне. - Теорический фонд - не использовался на военные нужды до битвы при Херонее. - Мнения о Феорическом фонде. - Это был общий фонд Афин для проведения религиозных праздников и богослужений - раздачи были одной из его частей - характер древних религиозных праздников. - Ни одна другая отрасль афинского мироустройства не обеднела и не была принесена в жертву расходам на теорический фонд. - Ежегодные излишки можно было бы аккумулировать в качестве военного фонда - насколько Афины виноваты в том, что не сделали этого. - Попытка афинских имущественных слоев освободиться от прямого налогообложения, взяв средства из Феорического фонда. - Конфликт этих двух чувств в Афинах. Демосфен пытается стать посредником между ними - призывает всех к самопожертвованию, особенно к личной военной службе. - Приложение.

319-363

ГЛАВА LXXXIX.

ОТ ВЗЯТИЯ ОЛИНФА ДО ОКОНЧАНИЯ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ ФИЛИППОМ.

Страдания олинфян и халкидян - триумф и праздник Филиппа. - Эффект, произведенный в Афинах взятием Олинфа - особенно по количеству афинских пленников, взятых в плен. - Энергичный язык Эмбула и Эсхина против Филиппа. - Возросшее значение Эсхинеса. - Эсхинес как посланник Афин в Аркадии. - Растущее уныние и желание мира в Афинах. - Косвенные предложения о мире между Афинами и Филиппом, еще до падения Олинфа - Эвбеи - Фринон и т.д. - Первое предложение Филократа - предоставить Филиппу разрешение отправить посланников в Афины. - Влияние, оказанное на умы афинян многочисленными пленными гражданами, захваченными Филиппом в Олинфе. - Миссия актера Аристодема от афинян к Филиппу по вопросу о пленниках. Филипп сообщает о благоприятных условиях. - Ход Священной войны - постепенный упадок и обнищание фокийцев. Разногласия между ними. - Партия противников Фалека в Фокисе - Фалек низложен - он продолжает удерживать Термопилы с наемниками. - Фиванцы обращаются за помощью к Филиппу, чтобы тот расправился с фокийцами. - Тревога среди фокийцев - одна из фокийских партий приглашает афинян занять Фермопилы - Фалек отбивает их. - Усиление смуты в Афинах - неопределенность в отношении Фалека и Фермопильского прохода. - Оборона Греции

теперь зависит от Фермопил - важность этого прохода как для Филиппа, так и для Афин. - Предложение Филократа в афинском собрании - отправить посланников к Филиппу для заключения мира. - Десять афинских посланников - среди них Демосфен и Эсхин. - Путешествие посланников в Пеллу. - Высказывания Эсхина о поведении Демосфена - приготовления посланников к выступлению перед Филиппом. - Выступление Эсхина перед Филиппом по поводу Амфиполя. Неудача Демосфена в его речи. - Ответ Филиппа - возвращение посланников. - Отзыв об Эсхинесе и его поведении, изложенный им самим. - Филипп предлагает мир на условиях *uti possidetis* - доклад, сделанный афинскими посланниками по возвращении. - События в афинском собрании после возвращения посланников - ходатайства Демосфена. - Прибытие македонских посланников в Афины - дни, назначенные для обсуждения мира. - Постановление, принятое синодом союзников в Афинах. - Собрание для обсуждения мира в присутствии македонских посланников. - Филократ предлагает заключить мир и союз с Филиппом. Он предлагает специально исключить фокийцев. - Участие Эсхина и Демосфена - в обсуждении этого предложения. Противоречия между ними. - Эсхины полностью поддержали предложение Филократа - Демосфен также поддержал его, за исключением исключения фокийцев - язык Эвбула. - Предложение Филократа о мире и союзе с Филиппом было принято собранием. - Собрание должно обеспечить ратификацию и присягу договора. - Вопрос: кого следует принять в союзники Афинам? - О фокийцах и Керсоблепте. - Посланник Керсоблепта принимается как афинским собранием, так и македонскими посланниками. - Македонские посланники формально отказываются принять фокийцев. - Затруднения Филократа и Эсхина. Их ложные заверения о тайных добрых намерениях Филиппа по отношению к фокийцам. - Фокийцы молчаливо исключены - афиняне и их союзники клянутся заключить мир без них. - Губительная ошибка - ложный шаг Афин в отказе от фокийцев - Демосфен не протестовал против этого в то время. - Клятвы приносятся перед Антипатром, без участия фокийцев. - Второе посольство из Афин к Филиппу. - Демосфен призывает посланников немедленно отправиться во Фракию, чтобы принести присягу Филиппу - они отказываются из-за задержки в пути и в Пелле. - В это время Филипп завершает завоевание Фракии. - Посольства из многих греческих государств в Пелле. - Консультации и разногласия между десятью афинскими посланниками - взгляды Эсхина на обязанности послов. - Посланники обращаются к Филиппу - проповедь Эсхина. - Место Демосфена в этом втором посольстве. - Марш Филиппа в Фермопилы - он скрывает свои цели, возлагая на фокийцев обманчивые надежды. Интриги, чтобы добиться его расположения. - Посланники приносят клятву Филиппу в Фере - последнее дело перед отъездом. Они возвращаются в Афины. - Планы Филиппа на Фермопилах - продажное попустительство афинских посланников - письмо Филиппа, которое они привезли в Афины. - Эсхин и посланники объявляют, что фокейцы исключены из клятвы с Филиппом - протест Демосфена в сенате, по прибытии в Афины, против поведения его коллег - голосование сената, одобряющее его протест. - Общественное собрание в Афинах - успешное обращение к нему Эсхина - его лживые заверения народу. - Афинский народ верит обещаниям Филократа и Эсхина - к протесту Демосфена не прислушиваются. - Письмо Филиппа благосклонно принято собранием - предложение Филократа принято, постановление о мире и союзе с ним навечно. - Постановление о принуждении фокийцев отдать Дельфы. - Письма Филиппа к афинянам, приглашающие их послать войска для соединения с ним при Фермопилах - политика этих писем - афиняне ничего не предпринимают. - Фокейские посланники слышали эти дебаты в Афинах - положение Фалека при Фермопилах. - Зависимость фокийцев от помощи афинян в удержании Фермопил. - Полученные в Фермопилах известия о решимости Афин выступить против фокийцев. - Фалек сдает Фермопилы по договору Филиппу. Тот отводит все свои войска. - Все фокийские города по своему усмотрению сдаются Филиппу, который заявляет о

своем полном согласии с фиванцами. - Третье посольство, отправленное афинянами к Филиппу, - посланцы возвращаются, не повидавшись с ним, узнав о фокейской конвенции. - Тревога и недовольство в Афинах - предложение Каллистена привести город в состояние хорошей обороны - Эсхинес и другие афинские посланники посещают Филиппа в Фокисе - триумфальное празднование успеха Филиппа. - Справедливые признания Филиппа афинянам после завоевания Фермопил: язык его сторонников в Афинах. - Амфикиционный сбор созывается вновь. Строгий приговор фокийцам. Они исключены из собрания, а вместо них в него введен Филипп. - Разорение и нищета фокийцев. - Непреодолимое превосходство Филиппа. Амфикионы называют его председательствующим на пифийском празднике 346 г. до н. э. - Этот мир произвел большие изменения в политических отношениях греков. Демосфен и Эсхин - доказательства нечестности и мошенничества Эсхина, даже из его собственных признаний. - Этот позорный мир был заключен с Афинами из-за развращенности ее собственных посланников. - Импиachment и осуждение Филократа. - Скорбная смерть всех причастных к разрушению Дельфийского храма.

364-434

ГЛАВА ХС.

ОТ МИРА 346 ГОДА ДО Н. Э. ДО БИТВЫ ПРИ ХЕРОНЕЕ И СМЕРТИ ФИЛИППА.

Положение Филиппа после окончания Священной войны. - Настроения Демосфена - он рекомендует согласиться на мир и признать новое амфикиционное достоинство Филиппа. - Настроения Исократ - его письмо к Филиппу - его отречение от свободного эллинизма. - Позиция персидского царя Оха - его меры против мятежников в Феникии и Египте. - Завоевание Феникии Охом - вероломство сидонского принца Теннеса. - Завоевание Египта персидскими войсками под командованием Ментора и Багоаса. - Власть Ментора как персидского наместника на азиатском побережье - он захватывает Гермею Атарнейскую. - Мир между Филиппом и афинянами, продолжавшийся без формального отречения с 346-340 гг. до н. э. - Перемещения и интриги Филиппа по всей Греции. - Разобщенность греческого мира - ни один греческий город не признает своего лидера. - Бдительность и новые предостережения Демосфена против Филиппа. - Миссия Пифона в Афины от Филиппа - поправки, предложенные в недавно заключенном мире - бесплодные обсуждения их. - Спор о Галоннесе. - Афиняне отказываются принять уступку Галоннеса в качестве одолжения, требуя вернуть его как свое право. - Взятие и возвращение Галоннеса - репрессии между Филиппом и афинянами. - Движение филиппистских фракций в Мегаре - в Ореусе - в Эретрии. - Филипп во Фракии - споры о Босфоре и Геллеспонте - Диопейт командует Афинами в Херсонесе. Филипп участвует вместе с кардийцами против Афин. Враждебные столкновения и жалобы на Диопейта - Обвинения против Диопейта в Афинах со стороны ораторов-филиппистов - Демосфен защищает его - речь на Херсонесе и третий Филиппик. - Усиление влияния Демосфена в Афинах - Афинская экспедиция, посланная по его предложению в Эвбею - Орей и Эретрия освобождены, а Эвбея отделена от Филиппа. - Миссия Демосфена в Херсонес и Византию - его важные заслуги в отторжении византийцев от Филиппа и заключении ими союза с Афинами. - Филипп начинает осаду Перинфа - марш через Херсонес - объявление войны Афинами против него. - Манифест Филиппа об объявлении войны Афинам - Жалобы Филиппа на афинян - Его политика в отношении Афин - Его лекция о преимуществах мира. - Открытая война между Филиппом и афинянами. - Осада Перинфа Филиппом. Его многочисленные орудия для осады - большой масштаб операций. Упорство обороны. Город освобождают византийцы и греческие наемники из персидских сатрапов. - Филипп нападает на Византию - опасность места - его освобождают флоты Афин, Хиоса, Родоса и т. д. Успех афинского флота в Пропонтиде под командованием Фокиона.

Филипп отказывается от осады Перинфа и Византии. - Благодарственные грамоты Византии и Херсонеса Афинам за помощь - почести и комплименты Демосфену. - Филипп отступает из Византии, заключает мир с византийцами, хианами и другими и нападает на скифов. По возвращении он терпит поражение от трибаллов и получает ранение. - Важная реформа, проведенная Демосфеном в управлении афинским морем. - Злоупотребления, проникшие в триерархию - несправедливое распределение нагрузки - неоправданные льготы, которые приобрели для себя богатые администраторы. - Индивидуальные трудности и плохие общественные последствия, вызванные этим неравенством. - Противодействие богатых граждан и Эсхина предложенной Демосфеном реформе - трудности, которые ему пришлось преодолеть. - Его новая реформа справедливо распределяет бремя триерархии. - Ее полный успех. Повышение эффективности военно-морского вооружения. - В Греции начинается новая Священная война. - Кирра и ее равнина близ Дельф посвящены Аполлону во время первой Священной войны при Солоне. - Необходимость порта в Кирре для удобства посетителей Дельф. Кирра снова вырастает и переходит в руки локрийцев Амфиссы. - Отношения между локрийцами Амфиссы и Дельфами - во время прежней Священной войны они решительно выступили на защиту Дельф от фокийцев. - Амфикиционный совет в Дельфах - февраль 339 г. до н. э. Эсхинес - один из легатов из Афин. - Язык амфикиционного оратора среди амфикиионов против Афин - новое посвящение старого афинского жертвоприношения в храме. - Речь Эсхина в амфикиционном совете. - Страсти и беспорядки, вызванные его речью. - Жестокая резолюция, принятая амфикиионами. - Амфикиионы с дельфийской толпой идут вниз, чтобы разрушить Кирру - вмешательство амфикиионов для спасения своего имущества. Они прогоняют амфикиионов. - Амфикиионы принимают решение о проведении в будущем специального совета и принятии мер по наказанию локрийцев. - Несправедливое насилие Амфикиионов - общественное зло, причиненное Эсхинами. - Последствия действий Эсхина в Афинах. Противодействие Демосфена поначалу бесплодно. - Изменение настроений в Афинах - афиняне решают не принимать участия в процессе Амфикиионов против Амфиссы. - Специальный совет амфикиионов в Фермопиле, проведенный без Афин. Голосование о наборе войска для наказания Амфиссы. Коттиф - президент. Амфикиионы ссылаются на вмешательство Филиппа. - Мотивы голосования - зависимость большинства амфикиионцев от Филиппа - Филипп принимает командование - марширует на юг через Фермопилы. - Филипп вступает в Фокису. - Он внезапно занимает и начинает укреплять Элатею. - Он отправляет посольство в Фивы, объявляя о своем намерении напасть на Аттику и прося либо помощи, либо свободного прохода для своей армии. - Недружественные отношения между Афинами и Фивами. Надежды Филиппа на то, что Фивы будут действовать совместно с ним против Афин. - Большая тревога в Афинах, когда пришло известие, что Филипп укрепляет Элатею. - Афинское общественное собрание - всеобщее беспокойство и молчание - никто не говорит, кроме Демосфена. - Совет Демосфена немедленно отправить посольство в Фивы и предложить союз на самых либеральных условиях. - Совет Демосфена принят - он вместе с другими посланниками отправляется в Фивы. - Разделенное состояние чувств в Фивах - влияние филиппинской партии - эффект, произведенный македонскими посланниками. - Эффективное и успешное ораторское искусство Демосфена - он убеждает фиванцев заключить союз с Афинами против Филиппа. - Афинская армия отправляется по приглашению в Фивы - сердечное сотрудничество фиванцев и афинян. - В Афинах принимаются энергичные решения - приостанавливается строительство новых доков - фонд Фив направляется на военные нужды. - Разочарование Филиппа - он остается в Фокисе и пишет своим пелопоннесским союзникам, чтобы они присоединились к нему против Амфиссы. - Война афинян и фиванцев против Филиппа в Фокисе - они получают некоторые преимущества перед ним - почести Демосфену в Афинах. - Афиняне и фиванцы

восстанавливают Фокию и ее города. - Война против Филиппа в Фокисе - большое влияние Демосфена - вспомогательные войска, которые он приобрел. - Усиленные действия Филиппа в Фокисе - Успехи Филиппа - он побеждает большое количество наемных войск - берет Амфиссу. - На стороне греков нет выдающегося полководца - Демосфен поддерживает дух союзников и удерживает их вместе. - Битва при Херонее - полная победа Филиппа. - Македонская фаланга - ее длинные пики - превосходит греческих гоплитов в передней атаке. - Отличная организация македонской армии Филиппом - разные рода войск объединены. - Потери в битве при Херонее. - Уныние и тревога в Афинах при известии о поражении. - Принятые в Афинах решения об энергичной обороне. Уважение и доверие к Демосфену. - Влияние поражения на некоторых жителей островов в Эгейском море - поведение родосцев. - Поведение Филиппа после победы - суровость по отношению к Фивам - большая снисходительность к Афинам. - Поведение эсхинцев - Демадес отправляется посланником к Филиппу. - Мир Демадеса, заключенный между Филиппом и афинянами. Афиняне вынуждены признать его вождем эллинского мира. - Замечания Полибия по поводу Демадского мира - средства сопротивления, которыми еще располагали Афины. - Почетные голоса, переданные в Афинах Филиппу. - Импичмент, выдвинутый против Демосфена в Афинах - афиняне поддерживают его. - Экспедиция Филиппа в Пелопоннес. Он вторгается в Лаконию. - Конгресс в Коринфе. Филипп избран вождем греков против Персии. - Ущемление чувств афинян - униженное положение Афин и Греции. В Греции нет подлинных чувств к войне с Персией. - Подготовка Филиппа к вторжению в Персию. - Филипп отрекается от Олимпии по просьбе своей недавно вышедшей замуж жены, Клеопатры - недовольство Олимпии и Александра - разлад при дворе. - Большой праздник в Македонии - празднование рождения сына у Филиппа от Клеопатры и брака его дочери с Александром из Эпира. - Павсаний - из ярости, нанесенной ему - его обида на Филиппа, поощряемая партизанами Олимпии и Александра. - Убийство Филиппа Павсанием, которого убивают стражники. - Сообщники Павсания. - Александр Великий провозглашен царем - первым его известил Линкестиец Александр, один из заговорщиков - Аттал и царица Клеопатра с грудным сыном преданы смерти. - Удовлетворение Олимпии по поводу смерти Филиппа. - Характер Филиппа.

434-523

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА LXXXIII.

Сицилийские дела (*продолжение*). - ОТ УНИЧТОЖЕНИЯ
КАРФАГЕНСКОЙ АРМИИ МОРОМ ПЕРЕД СИРАКУЗАМИ ДО
СМЕРТИ ДИОНИСИЯ СТАРШЕГО. 394-367 ГГ. ДО Н. Э.

В предыдущем томе я описал первые одиннадцать лет правления Дионисия Старшего, деспота Сиракуз, вплоть до его первой большой войны с карфагенянами; эта война закончилась внезапным поворотом фортуны в его пользу, в то время, когда он был сильно потеснен и фактически осажден. Победоносная карфагенская армия перед Сиракузами

была полностью уничтожена ужасной моровой язвой, за которой последовало позорное предательство ее полководца Имилькана.

В течение менее чем тридцати лет мы читаем о четырех различных эпидемиях,^[1] каждая из которых была ужасающе тяжелой и поразила Карфаген и его армии в Сицилии, не затронув ни Сиракузы, ни сицилийских греков. Такие эпидемии были самыми неодолимыми врагами для карфагенян и самыми эффективными союзниками для Дионисия. Второе и третье, - выдающиеся среди многих удачных событий его жизни, - произошли в тот самый момент, когда это было необходимо для спасения от прилива превосходства в карфагенском оружии, которое, казалось, могло полностью захлестнуть его. От каких физических условий зависело частое повторение такого бедствия, а также тот примечательный факт, что оно касалось только Карфагена и его армий, мы частично знаем в отношении третьего из четырех случаев, но совсем не знаем в отношении остальных.

Бегство Имилькана с карфагенянами из Сиракуз оставило Дионисия и сиракузян в полном разгаре триумфа. Завоевания Имилькана были полностью утрачены, а карфагенское владычество на Сицилии теперь сводилось к тому ограниченному пространству в западном углу острова, которое оно занимало до вторжения Ганнибала в 409 году до н. э. Такой грандиозный успех, вероятно, позволил Дионисию подавить оппозицию, недавно проявленную среди сиракузян против продолжения его правления. Нам рассказывают, что он был сильно смущен своими наемниками, которые, некоторое время не получая жалованья, проявляли такое яростное недовольство, что угрожали его падением. Дионисий захватил их командира, спартанца Аристотеля, после чего солдаты взбунтовались и с оружием в руках собрались вокруг его резиденции, яростно требуя как свободы своего командира, так и выплаты недоимок. Дионисий уклонился от первого требования, сказав, что отошлет Аристотеля в Спарту, чтобы его судили и разбирались с ним среди его соотечественников; что касается второго, то он умиротворил солдат, выделив им в обмен на жалованье город и территорию Леонтины. Охотно приняв эту богатую взятку и самую плодородную почву острова, наемники в количестве десяти тысяч покинули Сиракузы, чтобы поселиться в новом городе, а Дионисий нанял на их место новых наемников. Им (включая, возможно, иберов или испанцев, которые недавно перешли с карфагенской службы на его) и освобожденным рабам он доверил поддержание своего господства^[2].

Эти несколько фактов, которые мы слышим, позволяют нам понять, что отношения между Дионисием и наемниками, с помощью которых он управлял Сиракузами, были беспокойными и трудно управляемыми. Но они не объясняют нам всей причины такого раздора. Мы знаем, что незадолго до этого Дионисий избавился от тысячи несносных наемников, вероломно предав их смерти в битве с карфагенянами. Более того, он вряд ли стал бы хватать Аристотеля и отправлять его на суд, если бы тот не сделал ничего, кроме как потребовал выплаты жалованья, действительно причитающегося его солдатам. Вероятно, недовольство наемников объяснялось более глубокими причинами, возможно, связанными с тем движением в сиракузском сознании против Дионисия, которое открыто проявилось в инвективах Теодора. Мы были бы рады узнать, как Дионисий собирался платить новым наемникам, если у него не было возможности платить старым. Расходы на содержание постоянной армии, на кого бы они ни падали, должны были быть крайне обременительными. Что стало с прежними жителями и владельцами Леонтины, которых, должно быть, лишили собственности, когда это столь желанное место было передано наемникам? Во всех этих вопросах мы, к сожалению, остаемся в неведении.

Дионисий отправился на север Сицилии, чтобы вновь основать Мессену; в то время как другие сицилийцы, изгнанные карфагенянами из своих мест, собрались вместе и вернулись.

Восстановив Мессену после ее разрушения Имильконом, он получил возможность поселить в ней население, полностью отвечающее его интересам и подходящее для агрессивных замыслов, которые он уже замышлял против Регию и других италийских греков. Он поселил в нем тысячу локрийцев, четыре тысячи человек из другого города, название которого мы не можем точно установить,[3] и шестьсот пелопоннесских мессенцев. Эти последние были изгнаны Спартой из Закинфа и Наупакта в конце Пелопоннесской войны и поступили на службу в Сицилию к Дионисию. Даже здесь их преследовала ненависть Спарты. Ее протесты против его проекта основать в городе расселения, носящем их собственное древнее имя, вынудили его отозвать их, после чего он поселил их на части территории Абакены на северном побережье. Они дали своему новому городу название Тындарис, приняли много новых жителей и вели свои дела так благоразумно, что вскоре достигли общей численности в пять тысяч жителей.[4] Ни здесь, ни в Мессене мы не находим упоминания о восстановлении тех жителей, которые бежали, когда Имилькон взял Мессену, и которые составляли почти все прежнее население города, поскольку очень немногие из них упоминаются как убитые. Сомнительно, что Дионисий принял их, когда восстанавливал Мессену. Тщательно восстановив укрепления города, разрушенные Имильконом, он разместил в нем гарнизон из своих наемников[5].

Затем Дионисий предпринял несколько походов против сикелов в глубине острова, которые присоединились к Имилькону в его недавнем нападении на Сиракузы. Он захватил несколько их городов и заключил союзы с двумя самыми могущественными князьями в Агирии и Кенторипе. Ему были преданы Энна и Кефаледиум, а также карфагенская зависимость Солус. В результате этих действий, которые, по-видимому, заняли некоторое время, он приобрел мощное господство в центральной и северо-восточной частях острова, а его гарнизон в Мессене обеспечил ему командование проливом между Сицилией и Италией[6].

Его приобретение этой важной укрепленной позиции, как хорошо понимали, означало скрытые замыслы против Регию и других греческих городов на юге Италии, среди которых, соответственно, царила живая тревога. Многочисленные изгнанники, которых он изгнал не только из Сиракуз, но и из Накса, Катаны и других завоеванных городов, не имея больше надежного убежища в Сицилии, были вынуждены перебраться в Италию, где их благосклонно приняли и в Кротоне, и в Регию.[7] Один из этих изгнанников, Гелорис, некогда близкий друг Дионисия, был даже назначен генералом регийских войск, которые в то время были не только сильны на суше, но и поддерживались флотом из семидесяти или восьмидесяти трирем. [8] Под его командованием регийские войска пересекли пролив с целью частично осадить Мессену, частично основать наксийских и катанейских изгнанников в Миле на северном побережье острова, неподалеку от Месены. Оба плана не увенчались успехом: Гелофрис был отбит от Мессены с потерями, а новые поселенцы в Миле были быстро изгнаны. Таким образом, командование проливом было полностью сохранено за Дионисием, который, собираясь предпринять агрессивную экспедицию в Италию, был задержан лишь необходимостью захватить недавно основанный сикелами город на холме Тавр - Тауромениум. Сикелы защищали эту позицию, саму по себе высокую и сильную, с неожиданной доблестью и упорством. Это было место, на котором первоначально высадились первобытные греческие колонисты, впервые пришедшие на Сицилию, и откуда, следовательно, начались последующие эллинские посягательства на уже сложившееся сикельское население. Этот факт, хорошо известный обеим сторонам, делал захват с одной стороны столь же почетным, как и сохранение с другой. Дионисий провел в осаде несколько месяцев, даже до середины зимы, пока снег покрывал вершину холма. Он неоднократно предпринимал штурмы, которые неизменно отбивались. Наконец, в одну безлунную зимнюю

ночь он нашел способ перебраться по почти недоступным скалам в менее защищенную часть города и укрепиться в одной из двух укрепленных частей, на которые он был разделен. Взяв первую часть, он немедленно приступил к атаке второй. Но сикелы, сопротивляясь с отчаянной храбростью, отбили его и заставили штурмующих бежать в беспорядке, в ночной темноте и по самой труднопроходимой местности. Шестьсот из них были убиты на месте, и лишь немногие спаслись, не бросив оружия. Даже самого Дионисия, поверженного ударом копья в его набедренную повязку, с трудом подняли и унесли живым; все его оружие, кроме набедренной повязки, осталось позади. Он был вынужден снять осаду и долго не мог оправиться от раны: тем более что его глаза тоже сильно пострадали от снега[9].

Столь явное поражение перед сравнительно незначительным городом понизило его военную репутацию и ободрило его врагов по всему острову. Агригентины и другие, сбросив с себя зависимость от него, провозгласили себя самостоятельными, изгнав тех вождей, которые поддерживали его интересы[10]. Многие из сикелов, воодушевленные успехом своих соотечественников в Тавромении, открыто выступили против него, присоединившись к карфагенскому полководцу Магону, который теперь, впервые после катастрофы в Сиракузах, снова продемонстрировал силу Карфагена в поле.

Со времени сиракузской катастрофы Магон оставался спокойным в западном, или карфагенском, углу острова, набирая силу и мужество своих соотечественников и прилагая необычайные усилия, чтобы умиротворить привязанность зависимых туземных городов. Усиленный частично изгнанниками, изгнанными Дионисием, он теперь был в состоянии взять на себя агрессивные действия и выступить на стороне сикелов после их успешной обороны Тавромения. Он даже решился захватить и опустошить территорию Мессении, но Дионисий, оправившись от раны, выступил против него, разбил его в битве у Абакены и заставил отступить на запад, пока из Карфагена ему не прислали свежие войска[11].

Не преследуя Магона, Дионисий вернулся в Сиракузы, откуда с флотом в сто военных кораблей отправился осуществлять свои проекты против Регия. Он так искусно организовал и замаскировал свои передвижения, что ночью прибыл к воротам и под стены Регия, не вызвав ни малейшего подозрения у горожан. Набрав горючих веществ, чтобы поджечь ворота (как он однажды успешно сделал у ворот Ахрадины),[12] он в то же время приставил лестницы к стенам и попытался совершить эскаладу. Удивленные и немногочисленные, горожане начали оборону; но атака уже продвигалась, если бы генерал Гелорис, вместо того чтобы попытаться погасить пламя, не решил подбодрить его, навалив сухих опилок и других предметов. Пожар стал настолько сильным, что даже сами нападавшие были сдержаны, пока не появилось время для горожан взойти на стены в полном составе, и город был спасен от захвата благодаря сожжению его части. Разочаровавшись в своих надеждах, Дионисий был вынужден довольствоваться опустошением соседних территорий; после этого он заключил с регийцами перемирие сроком на один год, а затем вернулся в Сиракузы[13].

Вероятно, этот шаг был обусловлен известиями о передвижениях Магона, который вновь вышел на поле боя с наемным войском, насчитывавшим восемьдесят тысяч человек - ливийцев, сардинцев и итальянцев, - доставленным из Карфагена, где вновь возрождалась надежда на сицилийский успех. Магон направил свой поход через сикельское население в центре острова, получив поддержку многих из его различных поселений. Однако Агирий, самый крупный и важный из всех, оказал ему сопротивление как враг. Агирис, деспот этого места, завоевавший большую часть соседней территории и обогатившийся за счет убийства

нескольких богатых владельцев, поддерживал тесный союз с Дионисием. Последний быстро пришел ему на помощь с войском, насчитывавшим двадцать тысяч человек, сиракузян и наемников. Введенный в город и сотрудничающий с Агирисом, который поставлял обильные припасы, он вскоре привел карфагенян в большое затруднение. Магон расположился лагерем у реки Хрисас, между Агирием и Моргантином, во вражеской стране, преследуемый туземцами, которые прекрасно знали местность и подробно перебивали все его отряды, отправлявшиеся за провизией. Сиракузяне, не одобряя или не доверяя таким медлительным методам, нетерпеливо требовали разрешения предпринять энергичную атаку; когда Дионисий отказался, утверждая, что при небольшом терпении враг будет быстро выбит голодом, они покинули лагерь и вернулись домой. Встревоженный их дезертирством, он тут же объявил запрос на большое количество рабов, чтобы занять их места. Но в этот самый момент от карфагенян поступило предложение заключить мир и удалиться, которое Дионисий удовлетворил при условии, что они оставят ему Сикелы и их территорию, особенно Тавромений. На этих условиях был заключен мир, и Магон снова вернулся в Карфаген[14].

Освободившись от этих врагов, Дионисий получил возможность вернуть рабов, которых он набрал по недавней реквизиции, их хозяевам. Полностью утвердив свое господство среди сикелов, он снова выступил в поход на Тавромений, который и в этот раз не смог оказать ему сопротивления. Сикелы, которые так доблестно защищали его, были изгнаны, чтобы освободить место для новых жителей, выбранных из числа наемников Дионисия[15].

Овладев таким образом Мессеном и Тавром, двумя важнейшими морскими пунктами на италийской стороне Сицилии, Дионисий подготовился к осуществлению своих скрытых планов против греков на юге Италии. Эти все еще могущественные, хотя когда-то гораздо более могущественные, города теперь страдали от упадка, общего для всех эллинских колоний на побережье континента. Коренное население внутренних районов было усилено или порабощено более воинственными эмигрантами из глубинки, которые теперь наседали на приморские греческие города, с трудом сопротивляясь их вторжению.

Это были самниты, ветвь выносливой сабеллинской расы, горцы из центральной части Апеннинского хребта, которые недавно распространились по всему миру как грозные нападающие. Около 420 года до н. э. они обосновались в Капуе и на плодородных равнинах Кампании, изгнав или отстранив от власти прежних тосканских владельцев. Оттуда, около 416 года до н.э, они покорили соседний город Кумæ, древнейшую западную колонию эллинской расы.[16] Соседние греческие поселения Неаполис и Дикеархия, похоже, также попали, как и Кумæ, под дань и власть кампанских самнитов, и таким образом были частично ослаблены.[17] Эти кампанцы, самнитского происхождения, часто упоминались в двух предыдущих главах, как наемники в армиях карфагенян и Дионисия. [18] Но великая миграция этой воинственной расы была дальше на юго-восток, вниз по линии Апеннин к Тарентинскому заливу и Сицилийскому проливу. Под именем луканов они создали в этих регионах грозную державу, подчинив себе осевшее там население Oenotrian.[19] Власть луканов, по-видимому, началась и постепенно росла примерно с 430 года до н. э. В период своего максимума (около 380-360 гг. до н. э.), она охватывала большую часть внутренней территории и значительные участки побережья, особенно южного, ограниченного воображаемой линией, проведенной от Метапонта на берегу Тарентского залива через всю Италию до Посейдонии или Пестума, близ устья реки Силарис, на Тирренском или Нижнем море. Около 356 года до н. э. сельские крепостные, называемые бруттианами,[20] восстали против луканцев и отняли у них южную часть этой территории, основав независимое владение во внутренней части того, что сейчас называется Дальней Калабрией, простирающейся от пограничной линии, проведенной по Италии между Турием и Ляусом, до

Сицилийского пролива. Около 332 года до н. э. началось периодическое вмешательство эпирских царей с одной стороны и настойчивые усилия Рима с другой, в результате которых, после долгих и доблестных боев, самниты, луканы, бруттии остались под властью Рима.

В период, которого мы достигли, луканийцы, завоевав греческие города Посейдонию (или Пестум) и Лаус, а также большую часть территории, лежащей между Посейдонийским и Тарентумским заливами, сильно притесняли жителей Фурий и тревожили все соседние греческие города вплоть до Регия. Тревога этих городов была настолько серьезной, что некоторые из них заключили тесный оборонительный союз, укрепив по этому случаю ту слабую синодальную группу и чувство италийского общения,^[21] форма и след которого, похоже, сохранялись без реальности, даже при явной вражде между отдельными городами. Условия вновь заключенного союза были самыми строгими; они не только обязывали каждый город помогать по первому зову любому другому городу, в который вторглись луканийцы, но и объявляли, что в случае пренебрежения этим обязательством генералы непокорного города должны быть приговорены к смерти.^[22] Однако в это время италийские греки не меньше боялись Дионисия и его агрессивных предприятий с юга, чем луканийцев с севера; их оборонительный союз был направлен против обоих. Для Дионисия, напротив, вторжение луканов с суши было удачным случаем для успеха его собственных планов. Их совместные замыслы против одних и тех же врагов быстро привели к созданию отдельного союза между ними.^[23] К союзникам Дионисия следует отнести и эпизефирийских локрийцев, которые не только не присоединились к италийской конфедерации, но и горячо поддерживали его борьбу против нее. Вражда локрийцев против своих соседей, регийцев, была древней и ожесточенной; ее превосходил только Дионисий, который никогда не прощал отказа регийцев разрешить ему жениться на жене из их города и всегда был благодарен локрийцам за то, что они предоставили ему привилегию, в которой отказали их соседи.

Желая по возможности не провоцировать других членов италийской конфедерации, Дионисий по-прежнему заявлял, что будет мстить исключительно Регии; против нее он мощные силы из Сиракуз. Двадцать тысяч пеших, тысяча конных и сто двадцать военных кораблей - вот общее количество его вооружения. Высадившись у Локри, он прошел по нижней части полуострова в западном направлении, огнем и мечом опустошил регийскую территорию, а затем расположился лагерем у пролива на северной стороне Регии. Его флот проследовал вдоль побережья вокруг мыса Зефириум к той же точке. Пока он держал осаду, члены Италийского синода отправили из Кротона флот из шестидесяти кораблей для помощи в обороне. Их корабли, обогнув мыс Зефириум, приближались к Регию с юга, когда Дионисий сам подошел, чтобы напасть на них, с пятьюдесятью кораблями, выделенными из его войска. Хотя его флот и уступал по численности, он, вероятно, превосходил его по размерам и оснащению, поэтому кротонийские капитаны, не решаясь рисковать в бою, вывели свои корабли на берег. Дионисий напал на них и отбуксировал бы все корабли (без экипажей) в качестве призов, если бы место действия не находилось так близко от Регия, что все силы города могли подойти для подкрепления, в то время как его собственная армия находилась на противоположной стороне города. Численность и мужество регийцев пресекли его усилия, спасли корабли и вытащили их на берег в целости и сохранности. Вынужденный безуспешно отступить, Дионисий в очередной раз попал в страшную бурю, которая подвергла его флот величайшей опасности. Семь его кораблей были выброшены на берег; их экипажи, числом в пятнадцать сотен человек, либо утонули, либо попали в руки регийцев. Остальные после больших опасностей и трудностей либо присоединились к основному флоту, либо вошли в гавань Мессены; там же нашел убежище и сам Дионисий на своей квинквереме, но только в полночь и после неминуемого риска в течение нескольких

часов. Удрученный этим несчастьем, а также приближением зимы, он на время отозвал свои силы и вернулся в Сиракузы[24].

Однако часть его флота под командованием Лептинеса была отправлена на север вдоль юго-западного побережья Италии к Элейскому заливу, чтобы сотрудничать с луканцами, которые с этого побережья и из внутренних районов страны вторглись к жителям Турии на берегу Тарентинского залива. Фурии были преемниками, хотя и с гораздо меньшей силой, древнего Сибариса, чьи владения некогда простирались от моря до моря, включая город Лаус, ныне луканское владение. [25] Сразу же после появления луканцев фурийцы отправили срочное послание своим союзникам, которые спешили прибыть в соответствии с договором. Но прежде чем это соединение могло состояться, фурийцы, полагаясь на свои собственные силы, состоящие из четырнадцати тысяч пеших и одной тысячи конных, выступили против врага в одиночку. Луканские захватчики отступили, преследуемые фуриями, которые последовали за ними даже в ту горную область Аппенин, которая простирается между двумя морями и представляет собой самую грозную опасность и трудность для всех военных операций. [26] Они успешно атаковали укрепленный пост или деревню луканцев, которая попала в их руки с богатой добычей. Получив такое частичное преимущество, они были настолько воодушевлены, что решились перейти через все горные перевалы даже к южному морю, намереваясь напасть на процветающий город Ляус[27], бывший когда-то зависимостью их сибаритских предшественников. Но луканийцы, заманив их на эти непроходимые пути, сомкнулись с ними позади с сильно возросшим числом, запретили всякое отступление и заперли их на равнине, окруженной высокими и обрывистыми скалами. Атакованные на этой равнине числом, вдвое превышающим их самих, несчастные фурийцы потерпели одно из самых кровавых поражений, зафиксированных в греческой истории. Из четырнадцати тысяч человек десять тысяч были убиты по безжалостному приказу луканцев не давать передышки. Оставшимся удалось бежать на холм у берега моря, откуда они увидели флот военных кораблей, проплывавших на небольшом расстоянии. Оцепенев от ужаса, они вообразили или понадеялись, что это корабли, ожидаемые из Регию на помощь; хотя регийцы, естественно, посылали свои корабли, когда требовали, в Турий, в Тарентинском заливе, а не в Нижнее море у Ляусов. Под таким впечатлением тысяча человек отплыла от берега, чтобы искать защиты на корабле. Но, к несчастью, они оказались на борту флота Лептинеса, брата и адмирала Дионисия, прибывшего с явной целью помочь луканийцам. Этот офицер, проявив не столько неожиданную, сколько почетную щедрость, спас им жизнь, а также, как оказалось, и всем остальным беззащитным выжившим; он убедил или заставил луканцев отпустить их, получив по одной мине серебра за человека[28].

Этот акт эллинского сочувствия позволил вернуть в Фурии три или четыре тысячи граждан под выкуп, вместо того чтобы оставить их на расправу или продажу варварским луканцам, и вызвал горячее уважение к Лептину лично среди фурийцев и других итальянских греков. Но это вызвало резкое недовольство Дионисия, который теперь открыто провозгласил свой проект подчинения этих греков и стремился поощрить луканцев как незаменимых союзников. Поэтому он отстранил Лептинеса от должности и назначил адмиралом своего брата Теарида. Затем он предпринял новую экспедицию, теперь уже не против одного только Регию, а против всех итальянских греков. Он вышел из Сиракуз с мощным отрядом - двадцатью тысячами пеших и тремя тысячами конных, с которым за пять дней добрался по суше до Мессены; его сопровождал флот под командованием Теарида - сорок военных кораблей и триста транспортов с провизией. Сначала он удачно захватил у Липарских островов регскую эскадру из десяти кораблей, экипажи которых он взял в плен в Мессене,

переправил свою армию через пролив в Италию и осадил Каулонию - на восточном побережье полуострова и на границе с северной границей своих союзников локрийцев. Он энергично атаковал это место, используя лучшие осадные машины, которыми располагал его арсенал.

Италийские греки, с другой стороны, собрали свои объединенные силы, чтобы освободить его. Главным центром их действий был Кротон, где сейчас собралось большинство сиракузских изгнанников, самых передовых из всех поборников дела. Одному из этих изгнанников, Гелорису (который до этого был назначен регийцами генералом), было поручено командование коллективной армией; это соглашение нейтрализовало все местные ревности. Под влиянием царивших там сердечных настроений в Кротоне была собрана армия, оцениваемая в двадцать пять тысяч пеших и две тысячи конных; какие города предоставили войска и в какой пропорции, мы не можем сказать.[29] Во главе этих войск Гелофрис отправился на юг из Кротона к реке Эллепор недалеко от Каулонии, где его встретил Дионисий, снимавший осаду.[30] Он находился примерно в четырех милях с половиной от кротонской армии, когда узнал от своих разведчиков, что Гелофрис с отборным полком из пятисот человек (возможно, таких же сиракузских изгнанников, как и он сам) значительно опережает основную часть войска. Быстро продвигаясь вперед ночью, Дионисий застал это передовое охранение на рассвете, полностью изолированное от остальных. Гелорис, посылая мгновенные сообщения, чтобы ускорить приближение основной части, защищался со своим небольшим отрядом от подавляющего превосходства в численности. Но шансы были слишком велики. После героического сопротивления он был убит, а его товарищи почти все разрублены на куски, прежде чем основная часть, хотя и подошедшая на полной скорости, смогла прибыть.

Однако поспешность италийской армии, хотя и не спасла генерала, но оказала роковое воздействие на их собственную солдатскую армию. Сбитые с толку и удрученные тем, что Гелорис был убит, а они остались без полководца, который мог бы руководить сражением и восстановить порядок, италийцы еще некоторое время сражались с Дионисием, но в конце концов были разбиты с большими потерями. С поля боя они отступили на соседнюю возвышенность, очень трудную для атаки, но лишенную воды и провизии. Здесь Дионисий заблокировал их, не пытаясь атаковать, но строго охраняя холм в течение всего оставшегося дня и последующей ночи. Жара следующего дня и полное отсутствие воды настолько подавили их мужество, что они послали к Дионисию вестника с предложениями, умоляя дать им возможность уйти за оговоренный выкуп. Но условия были категорически отвергнуты; им было приказано сложить оружие и сдаться по своему усмотрению. Против этого ужасного требования они стояли еще некоторое время, пока возрастающее давление физического истощения и страданий не заставило их сдаться, около восьмого часа дня[31].

Более десяти тысяч обезоруженных греков спустились с холма и продефилировали перед Дионисием, который пронумеровал роты по мере их прохождения с помощью палки. Поскольку его жестокий нрав был хорошо известен, они ожидали самого сурового приговора. Тем больше было их удивление и восторг, когда они обнаружили, что к ним отнеслись не просто снисходительно, но и великодушно. 32 Дионисий отпустил их всех, даже не потребовав выкупа, и заключил договор с большинством городов, к которым они принадлежали, оставив их автономию ненарушенной. Он получил горячую благодарность, сопровождаемую голосами золотых венков, как от пленников, так и от городов, а среди широкой общественности Греции этот акт приветствовался как составляющий выдающуюся славу его политической жизни.[33] Такое восхищение было вполне заслуженным, если принять во внимание распространенные в то время законы войны.

С кротониатами и другими италийскими греками (кроме Регия и Локрия) Дионисий не имел заметных прежних отношений и поэтому не испытывал сильных личных чувств ни антипатии, ни симпатии. С Регием и Локрием дело обстояло иначе. К локрийцам он был сильно привязан, против регийцев его вражда была горькой и непримиримой, что проявилось в более яркой форме на фоне его недавнего увольнения пленников из Кротониата; этот шаг, вероятно, был продиктован в значительной степени его желанием иметь свободные руки для нападения на изолированный Региум. Завершив все приготовления, связанные с победой, он двинулся к городу и приготовился к его осаде. Горожане, чувствуя себя без надежды на помощь и запуганные бедствиями италийских союзников, разослали глашатаев просить его об умеренных условиях и умолять воздержаться от крайностей и безмерной суровости. [34](#) На мгновение Дионисий, казалось, удовлетворил их просьбу. Он даровал им мир при условии, что они сдадут все свои военные корабли, числом семьдесят, заплатят ему триста талантов деньгами и отдадут в его руки сто заложников. Все эти требования были строго соблюдены, после чего Дионисий отозвал свою армию и согласился пощадить город [35](#).

Следующим его шагом было нападение на Каулонию и Гиппониум, два города, которые, похоже, занимали всю ширину Калабрийского полуострова, сразу к северу от Региума и Локри; Каулония - на восточном побережье, Гиппониум - на западном или вблизи него. Оба эти города он осадил, взял и разрушил: вероятно, ни один из них, учитывая безнадежные обстоятельства дела, не оказал сколько-нибудь упорного сопротивления. Затем он перевез жителей обоих городов, по крайней мере тех, кому не удалось бежать, в Сиракузы, где поселил их в качестве граждан, освободив от налогов на пять лет. [36](#) Быть гражданином Сиракуз означало в этот момент быть подданным его деспотии, и ничего более: как он освободил место для этих новых граждан или снабдил их землями и домами, мы, к сожалению, не знаем. Но территория обоих этих городов, покинутая свободными жителями (хотя, вероятно, и не рабами, и не крепостными), была передана локрийцам и присоединена к их городу. Таким образом, этот благосклонный город, принявший его предложение о браке, безмерно обогатился как землями, так и коллективной собственностью. И здесь было бы интересно узнать, какие меры были приняты для присвоения или распределения новых земель; но наш информатор молчит.

Таким образом, Дионисий аккумулировал в Сиракузах не только всю Сицилию [37](#) (говоря языком Платона), но даже немалую часть Италии. Такая массовая смена мест жительства и собственности, вероятно, заняла несколько месяцев; за это время армия Дионисия, похоже, так и не покинула Калабрийский полуостров, хотя сам он, возможно, на время лично отправился в Сиракузы. Вскоре стало ясно, что обезлюдение Гиппониума и Каулонии было задумано лишь как прелюдия к разорению Регия. На это Дионисий и решился. Недавний договор, который он заключил с регийцами, был лишь обманом с целью заманить их в ловушку и заставить сдать свой флот, чтобы впоследствии напасть на них с большей выгодой. Переведя свою армию на итальянский берег пролива, недалеко от Регия, он занялся приготовлениями к переправе в Сицилию. Тем временем он отправил регийцам дружеское послание с просьбой снабдить его на короткое время провизией, заверив, что то, что они предоставят, будет быстро заменено из Сиракуз. В случае отказа он намеревался нанести им оскорбление и напасть на них; если они согласятся, то израсходовать их провизию, не выполнив своего обязательства по замене потребленного количества; а затем все-таки напасть, когда их возможности удержаться уменьшатся. Поначалу регийцы охотно подчинялись, поставляя обильные припасы. Но расход продолжался, а отход армии откладывался - сначала под предлогом болезни Дионисия, потом по другим причинам, - так что в конце концов они распознали хитрость и отказались поставлять больше. Дионисий сбросил маску, вернул им сотню заложников и осадил город в форме [38](#).

Слишком поздно пожалев о том, что лишились средств защиты, регийцы, тем не менее, приготовились держаться со всей энергией отчаяния. Фитон был избран командующим, все население было вооружено, а по всей линии стены велось тщательное наблюдение. Дионисий предпринял энергичные штурмы, используя все ресурсы своих таранных машин, чтобы пробить брешь. Но его упорно отбивали со всех сторон, неся большие потери: несколько его машин были сожжены или уничтожены своевременными атаками осажденных. Во время одного из штурмов Дионисий сам был тяжело ранен копьем в пах, после чего долго не мог оправиться. В конце концов он был вынужден превратить осаду в блокаду и полагаться только на голод, чтобы покорить этих доблестных граждан. Одиннадцать месяцев держались регенцы под натиском нужды, постепенно усиливавшейся и в конце концов закончившейся мучительным и разрушительным голодом. Нам рассказывают, что медимн пшеницы продавался по огромной цене в пять мин; по курсу около 14 фунтов стерлингов за бушель; все лошади и все животные были съедены; в конце концов шкуры были сварены и съедены, и даже трава на некоторых частях стены. Многие погибли от абсолютного голода, а оставшиеся в живых потеряли все силы и энергию. В таком невыносимом состоянии они были вынуждены, по истечении почти одиннадцати месяцев, сдаться по собственному желанию.

Эти жертвы голода были так многочисленны, что Дионисий, войдя в Региум, обнаружил груды непогребенных трупов, а также шесть тысяч горожан в последней стадии истощения. Всех этих пленников отправили в Сиракузы, где тем, кто мог предоставить мину (около 3 фунтов 17 шиллингов), позволили выкупить себя, а остальных продали в рабство. После такого периода страданий число тех, кто сохранил средства для выкупа, было, вероятно, очень невелико. Но рейнский генерал Фитон был задержан вместе со всеми своими сородичами, и его ждала иная участь. Сначала по приказу Дионисия утопили его сына, а самого Фитона приковали к одной из самых высоких осадных машин, чтобы он стал зрелищем для всей армии. Пока его выставляли на посмешище, к нему прислали гонца с известием, что Дионисий только что утопил его сына. "Ему повезло больше, чем его отцу, на один день", - ответил Фитон. Через некоторое время страдальца сняли со столба и повели по городу, на каждом шагу бичуя и оскорбляя его, а глашатай громко провозглашал: "Вот человек, уговоривший регийцев на войну, знаменательно наказанный Дионисием!" Фитон, перенося все эти мучения с героическим мужеством и достойным молчанием, был вынужден воскликнуть в ответ глашатаю, что наказание назначено за то, что он отказался предать город Дионисию, которого самого вскоре настигнет божественное возмездие. В конце концов продолжительные бесчинства в сочетании с благородным поведением и высокой репутацией жертвы возбудили страсти даже среди солдат самого Дионисия. Их ропот стал настолько явным, что он начал опасаться открытого мятежа с целью спасения Фитона. Под этим страхом он отдал приказ прекратить мучения и утопить Фитона со всей его родней^[39].

Пророческое убеждение, под которым погиб этот несчастный, что божественное возмездие скоро настигнет его губителя, ничуть не подтвердилось последующей действительностью. Могущество и процветание Дионисия, ослабленные его войной с карфагенянами в 383 году до н. э., оставались весьма значительными даже до его смерти. А несчастья, обрушившиеся на его сына, младшего Дионисия, более чем через тридцать лет после этого, хотя они, несомненно, получили религиозное толкование у современных критиков, вероятно, были приписаны деяниям более поздним, чем варварство, причиненное Фитону. Но эти варварства, если и не были отомщены, то, по крайней мере, были восприняты современным миром с глубоким сочувствием, а поэты даже помянули их с нежностью и пафосом. Пока Дионисий сочинял трагедии (о которых мы еще поговорим) в надежде на аплодисменты в Греции, он сам создавал реальный материал для истории, не менее трагичный, чем

страдания тех легендарных героев и героинь, к которым он (как и другие поэты) прибегал за сюжетом. Среди множества актов жестокости, более или менее отягченных, о которых историк Греции обязан рассказывать, мало найдется столь отвратительных, как смерть регского полководца, который не был ни подданным, ни заговорщиком, ни мятежником, а врагом в открытой войне - самое худшее, что мог сказать даже сам Дионисий, это то, что он уговорил своих соотечественников вступить в войну. И даже это нельзя было сказать правдиво; так как антипатия регийцев к Дионисию была давней, прослеживаемой до его порабощения Наксоса и Катаны, если не до более ранних причин - хотя утверждение Фитона может быть очень вероятно правдивым, что Дионисий пытался подкупить его, чтобы предать Региум (как генералы Наксоса и Катаны были подкуплены, чтобы предать свои города), и был вне себя от ярости, когда предложение было отвергнуто. Эллинская военная практика сама по себе была достаточно жестокой. И афиняне, и лакедемоняне предавали смерти военнопленных оптом, после взятия Мелоса, после битвы при Игоспотаме и в других местах. Но делать смерть хуже смерти, преднамеренно применяя длительные пытки и унижения, - это не по-эллински; это по-карфагенски и по-азиатски. Дионисий показал себя лучше грека, когда отпустил без выкупа кротонийских пленников, захваченных в битве при Каулонии; но он стал гораздо хуже грека и даже хуже своих собственных наемников, когда обрушил на головы Фитона и его сородичей усугубленные страдания, выходящие за рамки простого смертного приговора.

По приказу Дионисия город Региум был разрушен[40] или разобран. Вероятно, он передал эти земли Локри, как и земли Каулонии и Гиппониума. Все свободные граждане Региум были перевезены в Сиракузы для продажи, а тем, кому посчастливилось спасти свою свободу, предоставив оговоренный выкуп, не разрешили вернуться на родную землю. Если Дионисий так усердствовал в обогащении локрийцев, чтобы передать им два других соседних города-домена, к жителям которых он не питал особой ненависти, то тем более он был бы склонен к подобной передаче регийской территории, чтобы одновременно удовлетворить свою антипатию к одному государству и пристрастие к другому. Правда, Регия не была окончательно включена в состав Локри; но и Каулония, и Гиппоний не были окончательно включены в состав Локри. Сохранение всех трех переходов зависело от верховенства Дионисия и его династии; но на время, последовавшее за захватом Региума, локрийцы стали хозяевами регийской территории, а также двух других городов, и таким образом овладели всем Калабрийским полуостровом к югу от залива Сквиллас. Для итальянских греков в целом эти победы Дионисия были фатально губительны, поскольку политический союз, созданный между ними для противостояния натиску луканов из внутренних районов, был разрушен, и каждый город оказался в одиночестве и изоляции.[41]

387 год, в котором сдался Регий, был также отмечен двумя другими памятными событиями: всеобщим миром в Центральной Греции под диктовку Персии и Спарты, обычно называемым Анталкидским миром, и взятием Рима галлами[42].

Теперь в греческом мире было две великие восходящие державы: Спарта в Пелопоннесе и Дионисия на Сицилии; каждая из них, соответственно, укрепляла свои позиции благодаря союзу с другой. Я уже описывал в одной из предыдущих глав[43] положение Спарты после Анталкидова мира; как много она выиграла, став защитницей этого персидского рескрипта, и как она приобрела, отдав азиатских греков Артаксерксу, империю на суше, равную той, которой она наслаждалась до поражения при Книде, хотя и не восстановив морскую империю, укрепленную этим поражением.

Для этого великого имперского государства Дионисий на западе был подходящей противоположностью. Его недавние победы в Южной Италии уже подняли его власть до

масштабов, превосходящих все далекие воспоминания Гелона; теперь он еще больше расширил ее, отправив экспедицию против Кротона. Этот город, самый большой в Магна-Греции, попал под его власть; ему удалось захватить, неожиданно или подкупом, даже его сильную цитадель, расположенную на скале, нависающей над морем.[44] Кажется, он также продвинулся еще далеко тер со своим флотом, чтобы напасть на Турий; этот город был обязан своим сохранением исключительно силе северных ветров. Он разграбил храм Геры у мыса Лакиниум, во владениях Кротона. Среди украшений этого храма было одно необычайной красоты и знаменитости, которое на периодических праздниках выставлялось на обозрение восхищенных зрителей: халат, вытканый с величайшим мастерством и украшенный самым дорогим образом, вотивное подношение сибарита по имени Алкимен. Дионисий продал эту мантию карфагенянам. Она долгое время оставалась одним из постоянных религиозных украшений их города, будучи, вероятно, посвящена в честь эллинских божеств, недавно введенных для поклонения; которых (как я уже говорил) карфагеняне в это время особенно стремились умиловить в надежде предотвратить или облегчить страшные моры, которыми они так часто были поражены. Они купили у Дионисия мантию по непомерно высокой цене - сто двадцать талантов, или около 27 600 фунтов стерлингов.[45] Какой бы невероятной ни казалась эта сумма, мы должны помнить, что честь, оказанная новым богам, в основном оценивалась в зависимости от величины выложенной суммы. Как карфагеняне, вероятно, не посчитали бы слишком большой ценой перенести непревзойденное облачение из гардероба лакинийского Гера в новооткрытый храм и поклонение Деметре и Персефоне в своем городе, так и мы можем быть уверены, что потеря такого украшения и разрушение священного места глубоко унизили бы кротониатов, а вместе с ними и толпу италийских греков, посещавших лакинские праздники.

Овладев важным городом Кротон с цитаделью у моря, которую мог удерживать отдельный гарнизон, Дионисий лишил жителей их южного владения Скиллетия, которое он использовал для возвышения города Локри.[46] Продвинул ли он свои завоевания дальше вдоль Тарентского залива, чтобы завладеть Турием или Метапонтом, мы не можем сказать. Но оба они, должно быть, были ошеломлены быстрым расширением и близким приближением его власти; особенно Турия, еще не оправившаяся от катастрофического поражения от луканцев.

Получив в свое распоряжение морские владения в заливе, Дионисий смог расширить свои честолюбивые замыслы даже до далеких ультрамариновых предприятий. Чтобы спастись от его длинной руки, сиракузские изгнанники были вынуждены бежать на большее расстояние, и одна из их частей либо основала, либо была принята в город Анкону, расположенный высоко в Адриатическом заливе.[47] По другую сторону этого залива, в соседстве и союзе с иллирийскими племенами, Дионисий со своей стороны послал флот и основал несколько поселений. К этим планам его подтолкнул лишенный собственности князь эпиротийских молоссов по имени Алкетас, который, проживая в Сиракузах в качестве изгнанника, завоевал его доверие. Он основал город Лиссу (ныне Алессіо) на иллирийском побережье, значительно севернее Эпидамна, и помог парийцам основать два греческих поселения, расположенных еще дальше на север в Адриатическом заливе - острова Исса и Фарос. Его адмирал в Лиссе разгромил соседние иллирийские прибрежные суда, которые досаждали новопоселившимся парийцам; с иллирийскими племенами, жившими неподалеку от Лиссы, он поддерживал тесный союз и даже снабдил большое количество из них греческими паноплями. Утверждается, что целью Дионисия и Алкета было использовать этих воинственных варваров сначала для вторжения в Эпир и восстановления Алкета в его молосском княжестве, а затем для разграбления богатого храма в Дельфах - план далеко идущий, но вполне осуществимый, и способный быть поддержанным сиракузским флотом,

если бы обстоятельства благоприятствовали его исполнению. Вторжение в Эпир было завершено, и молоссы были разбиты в кровавой битве, в которой, как говорят, было убито пятнадцать тысяч из них. Но дальнейшие планы против Дельф были остановлены вмешательством Спарты, которая направила туда войска и предотвратила дальнейший поход на юг.[48] Алкетас, однако, похоже, остался князем части Эпира, на территории почти напротив Коркиры, где мы уже узнали его, в предыдущей главе, как зависимого от Ясона из Фере в Фессалии.

Другим предприятием, предпринятым Дионисием в это время, была морская экспедиция вдоль берегов Лациума, Этрурии и Корсики; отчасти под предлогом подавления пиратства, совершаемого из их приморских городов, а отчасти с целью разграбления богатого и священного храма Лейкотеи в Агилле или ее морском порту Пирги. В этом он преуспел, лишив его денег и драгоценных украшений на сумму в тысячу талантов. Агиллейцы выступили на защиту своего храма, но были полностью разбиты и потеряли столько награбленного и пленных, что Дионисий, вернувшись в Сиракузы и продав пленных, получил дополнительную прибыль в пятьсот талантов[49].

Дионисий достиг такой военной славы[50], что галлы из Северной Италии, которые недавно разграбили Рим, прислали предложить свой союз и помощь. Он принял предложение; возможно, именно отсюда берут свое начало галльские наемники, которых мы впоследствии находим на его службе в качестве наемников. Его длинные руки теперь простирались от Лисса с одной стороны до Агиллы с другой. Хозяин большей части Сицилии и Южной Италии, а также самой мощной постоянной армии в Греции, беспринципный грабитель самых святых храмов повсюду[51], он внушал ужас и неприязнь всей Центральной Греции. Он был тем более уязвим для этих настроений, что был не только принцем-триумфатором, но и трагическим поэтом; конкурентом, как таковым, за аплодисменты и восхищение, которые не может вырвать никакая сила. Поскольку ни одна из его трагедий не сохранилась, мы не можем составить о них никакого собственного мнения. Тем не менее, когда мы узнаем, что он занимал второе или третье место, а одно из его сочинений получило даже первый приз на Ленейском фестивале в Афинах[52] в 368-367 гг. до н. э. - благосклонное мнение афинской публики дает веские основания предполагать, что его поэтические таланты были значительными.

Однако в годы, непосредственно следовавшие за 387 годом до н. э., Дионисий-поэт вряд ли мог получить беспристрастное слушание где-либо. Ведь, с одной стороны, его окружение аплодировало бы каждому слову, а с другой - большая часть независимых греков была бы настроена против услышанного из-за страха и ненависти к автору. Если верить анекдотам, рассказанным Диодором, мы должны были бы сделать вывод не только о том, что трагедии были презренными сочинениями, но и о том, что раздражительность Дионисия в отношении критики была преувеличена до глупой слабости. Дифирамбический поэт Филоксен, житель или гость Сиракуз, услышав частное чтение одной из этих трагедий, спросил его мнение. Он высказал неблагоприятное мнение, за что был отправлен в тюрьму:[53] на следующий день заступничество друзей обеспечило ему освобождение, и впоследствии он сумел с помощью тонкого остроумия и двусмысленных фраз выразить оскорбительное настроение, не пойдя на открытый компромисс с истиной. На олимпийском празднике 388 года до н. э. Дионисий отправил в Олимпию несколько своих сочинений вместе с лучшими актерами и хористами, которые должны были их декламировать. Но стихи были настолько презренными (нам рассказывают), что, несмотря на все преимущества декламации, они были позорно осмеяны; более того, актеры, возвращаясь в Сиракузы, потерпели кораблекрушение, а команда корабля приписала все страдания своего путешествия дурному характеру

доверенных им стихов. Однако льстецы Дионисия, как говорят, продолжали превозносить его гений и уверять, что его конечный успех как поэта, хотя и прерванный на время завистью, непогрешим; Дионисий поверил и продолжал сочинять трагедии, не унывая[54].

Среди этих злобных насмешек, распространяемых остроумцами в адрес княжеского поэта, мы можем проследить некоторые важные факты. Возможно, в 388 году до н. э., но, несомненно, в 384 году до н. э. (оба года - олимпийские) Дионисий послал трагедии, чтобы их читали, и колесницы, чтобы они бежали перед толпой, собравшейся на праздник в Олимпии. 387 год до н. э. был памятным годом как в Центральной Греции, так и на Сицилии. В первой он ознаменовался заключением Анталкидова мира, который положил конец восьмилетней войне: во второй - завершением италийской кампании Дионисия, поражением и унижением Кротона и других италийских греков, а также низвержением трех греческих городов - Гиппониума, Каулони и Региума - судьба регийцев была отмечена самыми жалкими и впечатляющими инцидентами. Первый олимпийский фестиваль, состоявшийся после 387 года до н. э., был, соответственно, выдающейся эпохой. Два предыдущих фестиваля (392 и 388 гг. до н. э.), которые отмечались в разгар всеобщей войны, не были посещены значительной частью эллинского населения, поэтому следующий фестиваль, 99-я Олимпиада в 384 г. до н. э., был отмечен особым характером (как и 90-я Олимпиада[55] в 420 г. до н. э.) как объединяющий в религиозном братстве тех, кто долгое время был разлучен.[56] Для каждого честолюбивого грека (как и для Алкивиада в 420 г. до н. э.) было предметом необычных амбиций выступить на таком празднике в качестве индивидуального деятеля. Для Дионисия это было особенно соблазнительно, поскольку он торжествовал над всеми соседними врагами - на вершине своего могущества - и был отстранен от всех войн, требующих его личного командования. Поэтому он отправил туда свою Теору, или торжественную делегацию для жертвоприношения, одетую в богатейшие одежды, обставленную золотыми и серебряными блюдами и снабженную великолепными палатками, которые служили им для проживания на священной земле Олимпии. Кроме того, он послал несколько колесниц и четыре колесницы для участия в регулярных гонках на колесницах: и, наконец, он также послал чтецов и хористов, искусных и высококвалифицированных, чтобы представить свои собственные поэтические композиции перед теми, кто желал их услышать. Мы должны помнить, что поэтическая декламация не входила в официальную программу фестиваля.

Все это потрясающее снаряжение под руководством Феарида, брата Дионисия, было выставлено перед олимпийской толпой с ослепительным эффектом. Ни одно имя не стояло перед ними так ярко и демонстративно, как имя сиракузского деспота. Каждый человек, даже из самых отдаленных регионов Греции, был побужден поинтересоваться его прошлыми подвигами и характером. Вероятно, среди присутствующих было немало людей, готовых ответить на подобные вопросы - многочисленные страдалцы из италийской и сицилийской Греции, которых его завоевания бросили в изгнание; их ответы должны были вызвать сильнейшую антипатию к Дионисию. Помимо многочисленных случаев обезлюдивания и мутации населения, которые он произвел в Сицилии, мы уже видели, что в течение последних трех лет он уничтожил три свободные греческие общины - Регий, Каулоний и Гиппонию, переведя всех жителей двух последних в Сиракузы. В случае с Каулонией произошло случайное обстоятельство, которое произвело на зрителей яркое впечатление своим недавним исчезновением. Бегуном, завоевавшим главный приз на стадионе в 384 году до н. э., был Дикон, уроженец Каулони. Это был человек с необычайно быстрой ногой, прославленный предыдущими победами на стадионе и всегда провозглашавшийся (по обычаю) вместе с названием своего родного города - "Дикон Каулоний". Слышать, как этот знаменитый бегун теперь провозглашается "Диконом Сиракузским", [57] придавало

болезненную огласку тому факту, что свободной общины Каулонии больше не существует, - и поглощению греческой свободы, осуществленному Дионисием.

Проследивая историю событий в Центральной Греции, я уже останавливался на сильных чувствах, возбужденных среди греческих патриотов Анталкидским миром, по которому Спарта стала демонстративным защитником и исполнителем персидского рескрипта, приобретенного путем передачи азиатских греков Великому царю. Естественно, что эти эмоции проявились на следующем олимпийском празднике в 384 году до н. э., где после долгой разлуки воссоединились не только спартанцы, афиняне, фиванцы и коринфяне, но и азиатские и сицилийские греки. Эмоции нашли красноречивого выразителя в лице оратора Лисия. Происходя из сиракузских предков и будучи когда-то гражданином Фурий, [58] Лисий имел особые основания для симпатии к сицилийским и итальяским грекам. Он произнес публичную речь о текущем состоянии политических дел, в которой остановился на скорбном настоящем и серьезных опасностях будущего. "Греческий мир (сказал он) сгорает с обеих сторон. Наши восточные братья перешли в рабство к Великому царю, наши западные - к деспотизму Дионисия. [59] Эти двое - великие властители, как в морской силе, так и в деньгах, настоящих инструментах господства: [60] если они оба объединятся, они уничтожат то, что осталось от свободы в Греции. Им позволили совершить все эти разрушения без сопротивления, поскольку в прошлом среди ведущих греческих городов были разногласия; но теперь настало время, чтобы эти города объединились, чтобы противостоять дальнейшему разрушению. Как может Спарта, наш законный президент, сидеть спокойно, пока эллинский мир пылает и уничтожается? Несчастья наших разоренных братьев должны быть для нас как свои собственные. Не будем бездействовать, ожидая, пока Артаксеркс и Дионисий нападут на нас объединенной силой: давайте сразу же пресечем их дерзость, пока это еще в наших силах" [61].

К сожалению, мы располагаем лишь скудным фрагментом этой эмфатической речи (панегирика в древнем смысле этого слова), произнесенной Лисием в Олимпии. Но мы видим тревожную картину того времени, которую он старался передать: Эллада уже поработана, как на востоке, так и на западе, двумя величайшими властителями эпохи, [62] Артаксерксом и Дионисием, и теперь их объединенные усилия угрожают ее центру. Чтобы ощутить всю вероятность столь мрачного предвидения, мы должны вспомнить, что только в предыдущем году Дионисий, уже владевший Сицилией и значительной частью итальянской Греции, перебросил свои морские силы в Иллирию, вооружил иллирийских варваров и отправил их на юг под командованием Алкетаса против молоссов, намереваясь в конечном итоге продвинуться дальше и разграбить Дельфийский храм. Лакедемоняне были вынуждены послать войска, чтобы остановить их продвижение. [63] Неудивительно, что Лисий изобразил сиракузского деспота замышляющим скрытые проекты против Центральной Греции и объектом не только ненависти за то, что он сделал, но и ужаса за то, что он собирался сделать, вместе с другим великим врагом с востока. [64]

Из этих двух врагов один (персидский царь) был недостижим. Но второй - Дионисий - хотя и не присутствовал лично, но своими посланцами и принадлежностями выделялся даже до показного, превосходя всех людей на земле. Его Теорий, или торжественное представительство, затмило все остальные великолепием своих шатров и украшений: его колесницы для скачек были великолепны: его лошади были редкого совершенства, выращенные из венецианской породы, привезенные из самых глубин Адриатического залива: [65] его стихи, прочитанные лучшими артистами Греции, вызывали аплодисменты благодаря прекрасной подаче и хоровому снаряжению, если не благодаря превосходным внутренним достоинствам. Теперь антипатия к Дионисию не только усугублялась всей этой

демонстрацией, контрастирующей с убожеством обедневших изгнанников, которых он раскулачил, но и получала повод для нападок. Лисий не преминул воспользоваться такой возможностью для активных действий против видимого объекта. Горячо проповедуя крестовый поход с целью свержения Дионисия и освобождения Сицилии, он в то же время указывал на стоящий перед ними золотой и пурпурный шатер, богатый и гордый, превосходящий всех своих собратьев, в котором остановился брат деспота со своим сиракузским легатом. Он призвал своих слушателей немедленно протянуть руку возмездия, чтобы частично воздать за страдания свободной Греции, разграбив палатку, которая оскорбляла их своим показным убранством. Он призывал их вмешаться и не допустить, чтобы посланцы этого нечестивого деспота приносили жертвы, запрягали свои колесницы в списки или принимали какое-либо участие в священном панэллинском празднике[66].

Мы не сомневаемся, что значительная часть зрителей на равнине Олимпии с большей или меньшей силой ощущала великодушный панэллинский патриотизм и негодование, о которых говорил Лисий. В какой степени его слушатели действовали в соответствии с неподобающей жестокостью его практических рекомендаций - насколько они действительно наложили руки на палатки, или пытались помешать сиракузянам принести жертву, или препятствовали выводу их колесниц на состязания - мы не можем сказать. Нам говорят, что некоторые осмелились разграбить шатры:[67] насколько это удалось, мы не слышим. Несомненно, что элейские власти вмешались бы самым решительным образом, чтобы пресечь любую попытку осквернить праздник и защитить сиракузских посланников в их шатрах, их регулярные жертвоприношения и гонки на колесницах. Кроме того, насколько можно судить по нашему рассказу, сиракузские колесницы действительно участвовали в гонках по спискам, поскольку в результате различных случайностей они были позорно неудачны или перевернуты и разбиты вдребезги[68].

Любому, кто задумается об олимпийском празднике со всей его торжественностью и состязаниями за различные почести, покажется, что одно проявление столь яростной антипатии, пусть даже сдержанной, чтобы не вылиться в действие, было бы достаточно неприятно для сиракузских посланников. Но дело обстояло гораздо хуже, когда речь зашла о стихах Дионисия. Это были добровольные выступления, которые проводились (подобно проповеди Лисия) перед теми, кто пожелал прийти и послушать; они не входили в обычную торжественную программу и поэтому не находились под особой защитой элейских властей. Дионисий выступил по собственной воле, чтобы испытать себя как поэта перед слушателями. Поэтому здесь антипатия к деспоту могла проявиться в самых безоговорочных взрывах. И когда нам говорят, что из-за плохого качества стихов[69] они были приняты с отвратительными насмешками, несмотря на превосходство декламации, легко понять, что ненависть, предназначенная для личности Дионисия, была выплеснута на его стихи. Конечно, шипящие и улюлюкающие ясно давали понять, что они на самом деле имеют в виду, и с полным правом осыпали проклятиями его имя и деяния. Ни лучшие чтецы Греции, ни лучшие стихи даже Софокла или Пиндара не имели бы никаких шансов против такой predetermined антипатии. И вся сцена закончилась бы жесточайшим разочарованием и унижением, которому подверглись бы как сиракузские посланники, так и действующие лица; это был единственный канал, по которому кара Эллады могла бы дойти до автора.

Хотя деспот не присутствовал лично в Олимпии, он ощутил наказание в самой своей душе. Одно лишь повествование о случившемся повергло его в мучительную печаль, которая некоторое время, казалось, только усиливалась от размышлений о происшедшем, и в конце концов довела его почти до безумия. Он был поражен нестерпимым сознанием глубокой ненависти, которую питала к нему даже большая часть далекого и независимого эллинского

мира. Ему казалось, что эту ненависть разделяют все вокруг, и он подозревал каждого в заговоре против его жизни. Это болезненное возбуждение довело его до такого предела жестокости, что он схватил нескольких своих лучших друзей по ложному обвинению или догадке и заставил их быть убитыми[70]. Даже его брат Лептинес и его древний партизан Филист, люди, которые посвятили свою жизнь сначала его возвышению, а затем его службе, не спаслись. Оскорбив его междоусобным браком, заключенным между их семьями без его ведома, оба были изгнаны из Сиракуз и удалились в Фурии в Италии, где получили тот привет и радушный прием, который Лептинес заслужил своим поведением в Луканской войне. Изгнание Лептинеса длилось не более (по-видимому) года, после чего Дионисий смирился, отозвал его и отдал ему в жены свою дочь. Но Филист оставался в изгнании более шестнадцати лет; он вернулся в Сиракузы только после смерти Дионисия старшего и воцарения Дионисия младшего[71].

Такова была памятная сцена на Олимпийском празднике 384 года до н. э., а также ее влияние на ум Дионисия. Диодор, отметив все факты, напустил на них атмосферу насмешки, признав причиной душевных страданий Дионисия лишь досаду на неудачный успех его поэмы, а также отнесся к 388 и 386 годам до н. э. то, что по праву относится к 384 году до н. э., то, что должным образом относится к 384 году до н. э.[72] Прежде всего, невероятно, чтобы поэма Дионисия, который сам был человеком способным и имел все возможности извлечь выгоду из хороших критиков, которых он специально собрал вокруг себя[73], была настолько смехотворно плоха, чтобы вызвать отвращение у беспристрастной аудитории: далее, еще более невероятно, чтобы простая поэтическая неудача, хотя она, несомненно, его огорчила, произвела такой страшный эффект, чтобы ввергнуть его в муки и безумие. Чтобы так сильно взволновать такого человека, как Дионисий - глубоко запятнанного великими преступлениями беспринципного честолюбия, но удивительно свободного от недугов, - нужна какая-то более мощная причина; и эта причина заметно выделяется, когда мы представляем себе все обстоятельства Олимпийского фестиваля 384 года до н. э. Он накопил для этого случая все средства, чтобы, подобно Крёзусу в его беседе с Солоном, показать себя самым процветающим и могущественным человеком в эллинском мире;[74] средства, недоступные для любого современника и превосходящие даже Иеро или Тиро прежних времен, чьи похвалы в одах Пиндара он, вероятно, держал в уме. Он рассчитывал, вероятно, с полным основанием, что его великолепная легация, колесницы и наряд актеров и чтецов для поэмы превзойдут все, что можно было увидеть на священной равнине; и он полностью ожидал такой награды, какую публика всегда с радостью дарит богачам, истощавшим свои кошельки в признанной эллинской благочестивой показухе. В этом напряженном состоянии ожидания что услышал Дионисий от своих посланцев, вернувшихся с праздника? Что их миссия оказалась полностью провальной и даже хуже, чем провальной; что представление не вызвало обычного восхищения не потому, что на земле были соперники равные или превосходящие его, а просто потому, что оно исходило от *него*; что само его великолепие сделало взрыв антипатии против него более громким и сильным; что его палатки на священной земле подверглись настоящему нападению и что доступ к жертвоприношению, как и к матчам, был обеспечен ему только благодаря вмешательству власти. Мы узнаем, что его колесницы вышли из строя в результате несчастных случаев; но при существующем нраве толпы именно эти несчастные случаи послужили бы поводом для насмешливых возгласов в его адрес. К этому следует добавить взрывы ненависти, еще более яростные, вызванные его стихами, повергающими декламаторов в полный стыд. В тот момент, когда Дионисий ожидал услышать рассказ о беспрецедентном триумфе, ему сообщают не просто о разочаровании, а об оскорблениях в свой адрес, прямых и личных, самых острых, когда-либо нанесенных греками греку, среди самой святой и посещаемой церемонии эллинского

мира.[75] Ни в одном другом случае мы не читаем о том, что общественная антипатия к отдельному человеку дошла до осквернения насилиям величия олимпийского праздника.

Здесь были реальные и достаточные причины - не просто неудачный успех его поэмы - которые проникли в душу Дионисия, доведя его до мучений и временного безумия. И хотя он заглушил Vox Populi в Сиракузах, все его наемники, корабли и крепости в Ортыгии не могли избавить его от ощущения его силы, когда вольнолюбивая толпа в Олимпии так резко выступила против него.

По-видимому, вскоре после заключения мира 387 г. до н. э. Дионисий принял в Сиракузах философа Платона[76]. Последний, прибыв в Сицилию из любопытства и любознательности, особенно чтобы увидеть гору Итну, был представлен своими друзьями, философами из Тарентума, Диону, тогда молодому человеку, жителю Сиракуз и брату Аристомаша, жены Дионисия. О Платоне и Дионе я расскажу подробнее в другом месте: здесь я упоминаю философа только как иллюстрацию к истории и характеру Дионисия. Дион, находясь под глубоким впечатлением от беседы с Платоном, убедил Дионисия пригласить его и поговорить с ним. Платон красноречиво рассуждал о справедливости и добродетели, отстаивая свою доктрину о том, что нечестивые люди неизбежно несчастны, что истинное счастье принадлежит только добродетельным и что деспоты не могут претендовать на заслугу мужества.[77] Этот скучный реферат не дает нам возможности проследить за аргументацией философа. Но очевидно, что он излагал свои общие взгляды на социальные и политические темы с такой же свободой и достоинством речи перед Дионисием, как и перед любым простым гражданином; и далее нам говорят, что слушатели были очень очарованы его манерой и языком. Но не таков был сам деспот. После одного-двух повторений подобных речей он стал не просто противником учения, но и враждебно относился к личности Платона. Согласно Диодору, он схватил философа, отвел его на сиракузский невольничий рынок и выставил на продажу как раба по цене в двадцать мин; его друзья подписались заплатить и таким образом освободили его. По словам Плутарха, Платон и сам хотел уехать и был посажен Дионом на трирему, которая должна была доставить домой лакедемонского посланника Поллиса. Но Дионисий тайно уговорил Поллиса убить его во время плавания или, по крайней мере, продать в рабство. Платон был высажен на берег в Эгине и там продан. Его выкупила или выкупила Анникерис из Киренаиды и отправила обратно в Афины. Последняя версия является более вероятной из двух; но то, что Платон действительно был продан и на какое-то время стал рабом, кажется несомненным фактом[78].

То, что Дионисий выслушивал рассуждения Платона с отвращением, не менее решительным, чем то, которое император Наполеон был склонен проявлять к идеологам, было событием, которого, естественно, следовало ожидать. Но то, что, не удовлетворившись увольнением философа, он попытался убить, изувечить или опозорить его, убедительно иллюстрирует мстительные и раздражительные элементы его характера и показывает, как мало он мог уважать жизнь тех, кто стоял на его пути как политический противник.

В то же время Дионисий был занят новыми постройками, военными, гражданскими и религиозными, в Сиракузах. Он расширил укрепления города, добавив новую линию стены, протянувшуюся вдоль южного утеса Эпиполе от Эвриала до пригорода под названием Неаполис; этот пригород теперь, судя по всему, был окружен отдельной стеной - или, возможно, был окружен несколькими годами ранее, хотя мы знаем, что он был неукреплен и открыт во время нападения Имилькаона в 396 году до н. э. В это время, вероятно, форт на Эвриале был расширен и достроен до той степени величия, о которой свидетельствуют его

нынешние остатки. Таким образом, весь склон Эпиполе оказался окружен и защищен укреплениями от основания у Ахрадины до вершины у Эвриала. Теперь Сиракузы состояли из пяти отдельно укрепленных частей - Эпиполя, Неаполя, Тихе, Ахрадины и Ортигии; каждая часть имела свое собственное укрепление, хотя четыре первых были включены в одни и те же внешние стены. Таким образом, Сиракузы стали самым большим укрепленным городом во всей Греции, даже больше Афин в их нынешнем состоянии, хотя и не таким большим, как Афины во время Пелопоннесской войны, когда еще стояла Фалерийская стена.

Помимо этих обширных укреплений, Дионисий также расширил доки и арсеналы, чтобы обеспечить жильем двести военных людей. Он построил просторные гимназии на берегу реки Анапус, за пределами городских стен; и еще он украсил город различными новыми храмами в честь разных богов[80].

Такие дорогостоящие нововведения придали Сиракузам не только величие, но и безопасность, а самому деспоту - внушительную известность. Они были продиктованы теми же стремлениями, что и его показная легация в Олимпию в 384 году до н. э.; легация, результат которой был столь неприятен и непереносим для его чувств. Они должны были утешить и, несомненно, частично утешили сиракузский народ в связи с потерей свободы. Кроме того, они должны были послужить более полной подготовкой к войне с Карфагеном, которую он теперь намеревался возобновить. Он был вынужден искать предлог, поскольку карфагеняне не дали ему никакого повода. Но это была агрессия, причем агрессия панэллинская,[81] рассчитанная на то, чтобы завоевать для него симпатии всех греков, как философов, так и простого народа. А поскольку война была начата в год, непосредственно следующий за оскорблением, нанесенным ему в Олимпии, мы можем отчасти приписать ее желанию совершить подвиги, которые могли бы спасти его имя от подобного поношения в будущем.

Сумма в пятнадцать сотен талантов, недавно награбленная из храма в Агилле,[82] позволила Дионисию собрать большую армию для предполагаемой войны. Вступив в интриги с некоторыми из недовольных карфагенян на Сицилии, он подтолкнул их к восстанию и принял в свой союз. Карфагеняне отправили посланников, чтобы выразить недовольство, но не смогли получить никакого ответа; тогда они со своей стороны подготовились к войне, собрали большое количество наемников под командованием Магона и заключили союз с некоторыми италийскими греками, враждебно настроенными к Дионисию. Обе стороны распределили свои силы так, чтобы действовать частично в Сицилии, частично на прилегающем полуострове Италии; но основное напряжение войны выпало на Сицилию, где Дионисий и Магон командовали лично. После нескольких частичных и нерешительных сражений в местечке под названием Кабала произошло генеральное сражение. Схватка была кровопролитной, а храбрость велика с обеих сторон; но в конце концов Дионисий одержал полную победу. Сам Магон и десять тысяч человек его армии были убиты, пять тысяч попали в плен, а остальные были вынуждены отступить на соседнюю возвышенность, сильную, но лишенную воды. Они были вынуждены отправить посланников с просьбой о мире, который Дионисий согласился заключить, но только при условии, что каждый карфагенинец будет немедленно выведен из всех городов острова и получит компенсацию за расходы на войну[83].

Карфагенские генералы согласились на предложенные условия, но заявили (что, вероятно, было правдой), что они не могут поручиться за выполнение таких условий без согласия властей дома. Они просили о перемирии на несколько дней, чтобы иметь возможность послать туда за инструкциями. Убедившись, что им не скрыться, Дионисий удовлетворил их просьбу. Считая освобождение Сицилии от пунийского ига уже свершившимся фактом, он с

триумфом вознес себя на пьедестал, более высокий, чем Гелон. Но эта самоуверенность выбила его из колеи и оказалась губительной для него, как это часто случалось в греческих военных действиях. Разбитая карфагенская армия постепенно приходила в себя. Вместо убитого полководца Магона, которого похоронили с пышностью, командующим был назначен его сын, юноша необычайной энергии и способностей, который так сумел успокоить и реорганизовать свои войска, что по истечении срока перемирия был готов к повторной битве. Вероятно, сиракузяне были застигнуты врасплох и не до конца подготовились. По крайней мере, удача Дионисия улетучилась. В этом втором сражении, проходившем в местечке под названием Крониум, он потерпел страшное и губительное поражение. Его брат Лептинес, командовавший на одном крыле, был убит в доблестном бою; те, кто его окружал, были разбиты; сам же Дионисий со своими отборными войсками на другом крыле сначала имел некоторое преимущество, но в конце концов был побежден и отброшен назад. Вся армия в беспорядке бежала в лагерь, преследуемая карфагенянами с беспощадной жестокостью, которые, разгневанные предыдущим поражением, не давали покоя и не брали пленных. Четырнадцать тысяч мертвых тел из разбитой сиракузской армии, как говорят, были подобраны для погребения; остальным удалось спастись только ночью и в укрытии своего лагеря[84].

Такова была знаменательная победа - спасение армии, а возможно, и самого Карфагена, - одержанная в Крониуме юным сыном Магона. Сразу же после нее он удалился в Панорм. Его армия, вероятно, была слишком ослаблена предыдущим поражением, чтобы предпринимать дальнейшие наступательные операции; к тому же он сам еще не имел регулярного назначения на должность генерала. Карфагенским властям тоже хватило благоразумия воспользоваться этим благоприятным моментом для заключения мира, и они отправили к Дионисию посланников с полными полномочиями. Но Дионисий добился мира только за счет больших уступок: он отдал Карфагену Селину с ее территорией, а также половину территории Агригентины - все, что лежало к западу от реки Галикус; кроме того, он обязался выплатить Карфагену тысячу талантов. 85] На эти невыгодные условия Дионисий был вынужден подписаться, хотя всего за несколько дней до этого потребовал от карфагенян эвакуировать всю Сицилию и оплатить расходы на войну. Поскольку сомнительно, чтобы Дионисий располагал столь крупной суммой, готовой к выплате сразу, можно предположить, что он обязуется выплачивать ее ежегодными платежами. Таким образом, мы находим подтверждение памяtnому высказыванию Платона о том, что Дионисий стал данником карфагенян[86].

Таковы болезненные пробелы в греческой истории, как она дошла до нас, что мы почти ничего не слышим о Дионисии в течение тринадцати лет после мира 383-382 гг. до н. э. Кажется, что карфагеняне (в 379 г. до н. э.) послали войско в южную часть Италии с целью восстановить город Гиппоний и его жителей.[Но, похоже, их внимание было отвлечено от этого предприятия из-за повторения предыдущих несчастий - страшной моровой язвы и восстания ливийцев, которые серьезно угрожали безопасности их города. Кроме того, в один из этих годов Дионисий предпринял ряд операций, слабый отголосок которых дошел до нас, на этом же полуострове Италии (ныне Калабрия Ультра). Он проложил линию стены через самую узкую часть или перешеек полуострова, от Скилетского залива до Гиппонийского, чтобы отделить территорию Локри от северной части Италии и полностью подчинить ее себе. По слухам, стена предназначалась для отражения вторжений луканов, но на самом деле (как нам сообщают) Дионисий хотел прервать связь между Локри и другими греками в Тарентинском заливе. Эти последние, как говорят, вмешались извне и помешали осуществлению плана; но его естественные трудности сами по себе не были бы маленьким препятствием, и мы не уверены, что стена была даже начата[88].

За это время в Центральной Греции произошли важные события (о которых я рассказывал в предыдущих главах). В 382 году до н. э. спартанцы обманным путем стали хозяевами Фив и разместили в Кадмее постоянный гарнизон. В 380 году до н. э. они разгромили Олинфскую конфедерацию, достигнув тем самым максимума своего могущества. Но в 379 году до н. э. в Фивах произошел переворот, вызванный заговором Пелопида, который изгнал лакедемонян из Кадмеи. Втянутые в обременительную войну с Фивами и Афинами, лакедемоняне вместе с другими союзниками постепенно теряли позиции и сильно поредели до заключения мира 371 года до н. э., по которому им оставалось сражаться только с Фивами. Затем произошла роковая битва при Лектре, которая полностью уничтожила их военное превосходство. Об этих событиях мы уже подробно рассказывали в предыдущих главах. За два года до битвы при Лектре Дионисий послал на помощь лакедемонянам в Коркиру эскадру из десяти кораблей, которые были захвачены Ификратом; примерно через три года после битвы, когда фиванцы и их союзники теснили Спарту в Пелопоннесе, он дважды посылал туда военный отряд из галлов и иберов, чтобы подкрепить ее армию. Но его войска не задержались надолго и не оказали сколько-нибудь заметных услуг[89].

В этом же году мы узнаем о новом нападении Дионисия на карфагенян. Заметив, что в последнее время они были сильно ослаблены мором и мятежами своих африканских подданных, он счел благоприятной возможность попытаться вернуть то, от чего пришлось отказаться по миру 383 года до н. э.. Легко найдя ложный предлог, он вторгся в карфагенские владения на западе Сицилии с большим сухопутным войском, состоящим из тридцати тысяч пеших и трех тысяч конных; вместе с флотом из трехсот парусных и столько же складских судов. Разорив большую часть открытой территории карфагенян, он сумел овладеть Селинусом, Энтеллой и Эриксом, а затем осадил Лилибеум. Этот город, расположенный недалеко от западного мыса Сицилии[90], по-видимому, возник вместо соседнего города Мотик (о котором мы почти ничего не слышим после его взятия Дионисием в 396 году до н. э.) и стал главной карфагенской станцией. Он начал атаковать его активной осадой и таранными машинами. Но гарнизон был настолько многочисленным и так хорошо защищен, что он был вынужден снять осаду и ограничиться блокадой. Его флот держал гавань под охраной, чтобы перехватить поставки из Африки. Однако вскоре после этого он получил сведения, что в порту Карфагена произошел пожар, в результате которого сгорели все корабли. Придя к выводу, что карфагеняне больше не опасаются морского нападения, он снял свой флот с постоянного наблюдения у Лилибея, оставив сто тридцать военных кораблей в гавани Эрикса, а остальных отправив домой в Сиракузы. Карфагеняне быстро воспользовались этой неосторожностью. Пожар в их порту был сильно преувеличен. У них оставалось еще двести военных кораблей, которые, снарядившись в тишине, ночью отплыли в Эрикс. Внезапно появившись в гавани, они напали на сиракузский флот врасплох, и им удалось, не встретив серьезного сопротивления, захватить и увезти на буксире почти все из них. Получив столь значительное преимущество, Лилибеум стал открыт для подкрепления и снабжения по морю, так что Дионисий больше не считал нужным продолжать блокаду. С наступлением зимы обе стороны вернулись на позиции, которые они занимали до недавнего движения[91].

Таким образом, деспот ничего не выиграл, снова взявшись за оружие, и сицилийские владения карфагенян ничуть не уменьшились по сравнению с тем, что они приобрели по договору 383 года до н. э. Но он получил (примерно в январе или феврале 367 года до н. э.) известие об успехе иного рода, который доставил ему едва ли меньше удовольствия, чем победа на суше или на море. На Ленеиском фестивале в Афинах одна из его трагедий была удостоена первого приза. Хорист, занятый в представлении, стремясь первым сообщить об этом успехе в Сиракузы и получить вознаграждение, которое, естественно, ожидало гонца,

поспешил из Афин в Коринф, нашел судно, только что отправившееся в Сиракузы, и достиг Сиракуз прямым курсом при благоприятном ветре. Он первым сообщил новость и получил полное вознаграждение за свое усердие. Дионисий был вне себя от радости: хотя в прежние годы он занимал второе или третье место на афинских состязаниях, никогда прежде он не был признан достойным первого приза. Принеся жертву богам за добрую весть, он пригласил друзей на великолепный пир, где предался необычайному веселью. Но радостное возбуждение в сочетании с действием вина вызвало приступ лихорадки, от которой он вскоре умер, процарствовав тридцать восемь лет[92].

Тридцать восемь лет карьеры, полной усилий, приключений и опасностей, как у Дионисия, должны были привести к тому, что его организм был достаточно истощен, чтобы легко сдаться перед острой болезнью. На протяжении всего этого долгого периода он никогда не щадил себя. Он был человеком неутомимой энергии и активности, как телесной, так и умственной; всегда лично возглавлял свои войска на войне, бдительно следил за всеми деталями своего правления дома и решал их, а свободное время (которое, к удивлению Филиппа Македонского, он мог найти[93]) использовал для сочинения собственных трагедий, чтобы побороться за справедливо присужденные призы. Его личная храбрость была заметна, и он дважды был тяжело ранен, ведя своих солдат на штурм. Его эффективное мастерство как амбициозного политика, его военные ресурсы как полководца и дальновидная забота, с которой он подготовил орудия как нападения, так и защиты, прежде чем начать войну, - вот замечательные черты его характера. Римлянин Сципион Африканский был склонен выделять Дионисия и Агатокла (история последнего начинается примерно через пятьдесят лет после смерти первого), обоих деспотов Сиракуз, как двух известных ему греков с наибольшими способностями к действию - людей, сочетавших в наиболее запоминающейся степени смелость с проницательностью.[94] Эта критика, исходящая от превосходного судьи, подтверждается биографией обоих, насколько она дошла до нас. Нельзя назвать другого грека, который, начав со скромного и бесперспективного положения, вознесся на столь высокую вершину господства у себя дома, совершил столь поразительные военные подвиги за границей и сохранил свое величие неизменным на протяжении всей долгой жизни. Дионисий хвастался, что завещал своему сыну империю, скрепленную адамантиновыми цепями;[95] столь мощны были его наемные войска, столь прочны были его позиции в Ортыгии, столь полностью были подчинены сиракузяне. Невозможно найти лучшего испытания энергичности и способностей, чем тот беспримерный успех, с которым Дионисий и Агатокл играли в игру деспота и, в некоторой степени, завоевателя. Из них двоих Дионисий был наиболее благосклонен к фортуне. Обоим помогла одна вспомогательная случайность, отличавшая Сиракузы от других греческих городов, - местная особенность Ортыгии. Этот островок, казалось, был специально создан для гарнизона отдельной крепости - как отдельно от остальных Сиракуз, так и против них, - с полным командованием гаванью, доками, морскими силами и морскими подходами. Кроме того, Дионисий не раз пользовался особым вмешательством богов, иногда в самые критические моменты: так его враги (и, несомненно, друзья) истолковывали повторяющиеся моры, которые поражали карфагенские армии с силой, гораздо более смертоносной, чем копье сиракузского гоплита. В четырех или пяти случаях при жизни Дионисия мы читаем о том, как этот невидимый враг уничтожал карфагенян на Сицилии и в Африке, но оставлял сиракузян нетронутыми. Дважды она останавливала продвижение Имилькаона, когда он находился в полной победе; один раз - после взятия Гелы и Камарины, второй раз - когда после великой морской победы у Катаны он привел свое многочисленное войско под стены Сиракуз и фактически овладел открытым пригородом Ахрадиной. В обоих случаях мор произвел полный переворот в войне, возвысив Дионисия от надвигающейся гибели до гарантированной безопасности в первом случае и до безмерного триумфа в другом. Мы

обязаны допустить эту удачу (подобная которой никогда не выпадала на долю Агатохла), когда мы рассматриваем долгое процветание Дионисия^[96] и когда мы принимаем, по справедливости, панегирик Сципиона Африканского.

В предыдущей главе подробно описаны средства, с помощью которых Дионисий получил свой приз и сохранил его: те, что использовал Агатохл - аналогичные по духу, но еще более мрачные в деталях - будут описаны далее. То, что Гермекрат, который занимал самые высокие должности в государстве и за которым люди привыкли следовать, стремился стать деспотом, не было необычным явлением в греческой политике; но то, что Дионисий стремился подняться по той же лестнице, казалось абсурдом или даже безумием - если воспользоваться выражением Исократ.^[97] Если же, несмотря на столь невыгодные условия, ему удалось сковать своих соотечественников, привыкших к свободной конституции как к праву рождения, теми "адамантиновыми цепями", которые они, как известно, ненавидят, мы можем быть уверены, что его план действий был выбран ловко и осуществлялся с непревзойденным упорством и дерзостью; но мы также можем быть уверены, что он был в высшей степени гнусным. Механизм мошенничества, с помощью которого народ должен был обманом заставить себя временно подчиниться, в качестве прелюдии к механизму силы, с помощью которого это подчинение должно было быть увековечено против его согласия, был основным ремеслом греческих узурпаторов. Но редко когда оно сопровождалось более наглой клеветой или осуществлялось с большей жестокостью и разорением, чем в случае с Дионисием. В самом деле, вначале его планы были подкреплены опасностью, грозившей Сиракузам от карфагенского оружия. Но его план узурпации не только не уменьшил эту опасность, но и значительно увеличил ее, разобшив город в столь критический момент. Дионисий ничего не добился в своем первом предприятии по освобождению Гелы и Камарины. Он был вынужден уйти в отставку с таким же позором, как и предыдущие полководцы, которых он так горько поносил; и, по-видимому, даже с большим позором, поскольку есть веские основания полагать, что он вступил в предательский сговор с карфагенянами. Спасение Сиракуз в тот опасный момент произошло не благодаря энергии или способностям Дионисия, а благодаря своевременной эпидемии, которая вывела Имилькаона из строя в разгар победоносной карьеры.

Дионисий обладал не только талантом организовать и смелостью установить деспотию, более грозную, чем все, что было известно современным грекам, но и систематическим благоразумием, чтобы сохранить ее в неприкосновенности на протяжении тридцати восьми лет. Он тщательно соблюдал те две меры предосторожности, которые Фукидид называет причинами долговечности афинского Гиппия при аналогичных обстоятельствах: внушение гражданам и тщательная организация с либеральным жалованием наемников.^[98] Он был умерен в потворстве; ни один из его appetitов не привел его к совершению насилия.^[99] Это воздержание существенно продлило его жизнь, поскольку многие греческие деспоты погибли из-за отчаянного чувства индивидуальной мести, вызванного его бесчинствами. У Дионисия все остальные appetitы слились воедино с любовью к господству, как дома, так и за его пределами, и к деньгам как средству для достижения власти. Служению этой главной страсти были посвящены все его силы, а также огромные военные ресурсы, которые беспринципная способность помогала накапливать и привлекать. О том, как пополнялась его казна при постоянно возникающих крупных потребностях, мы мало что знаем. Однако мы знаем, что его поборы с сиракузян были непомерными;^[100] что он без колебаний лишал святости храмы; и что он оставил после себя большую репутацию за изобретательные уловки в вытягивании денег из своих подданных.^[101] Кроме большого гарнизона иностранных наемников, которыми исполнялись его приказы, он содержал постоянный корпус шпионов, кажется, обоих полов, рассеянных среди граждан.^[102] Огромная каменоломня Сиракуз

была его работой.[103] И смутная общая картина, и дошедшие до нас отрывочные подробности его поведения по отношению к сиракузянам представляют нам лишь деспотичного и вымогательского тирана, по чьей воле погибло множество жертв; более десяти тысяч, по общему выражению Плутарха.[Он в значительной степени обогатил своих младших братьев и помощников, среди которых выделялся Гиппаринус, получивший состояние, равное или большее, чем то, которое растратил его распутник. 105] Но мы также слышим о поступках Дионисия, свидетельствующих о ревнивом и жестоком нраве, даже по отношению к близким родственникам. И кажется несомненным, что он никому не доверял, даже им:[106] что хотя на поле он был совершенно храбрым человеком, однако его подозрительность и робкая тревога по отношению к каждому, кто приближался к его персоне, доходили до самых мучительных пределов и распространялись даже на его жен, братьев, дочерей. Боясь подпустить кого-либо с бритвой к своему лицу, он, как говорят, опалил себе бороду горящим углем. Его брата и сына обыскали на предмет скрытого оружия и даже заставили переодеться в присутствии стражников, прежде чем разрешили им увидеться с ним. Офицер стражи по имени Марсий, которому приснилось, что он убивает Дионисия, был предан смерти за этот сон, как доказательство того, что его мысли во время бодрствования должны были быть направлены на осуществление такого проекта. Уже упоминалось, что Дионисий предал смерти мать одной из своих жен, заподозрив, что она с помощью заклинаний сделала бесплодной другую, а также сыновей локрийского гражданина Аристеида, который с негодованием отказался отдать ему в жены свою дочь[107].

Таковы были условия существования - вечная недоверчивость, опасность даже от ближайших родственников, вражда как с каждым достойным свободным человеком, так и с ним самим, и опора только на вооруженных варваров или освобожденных рабов, - которые преследовали почти каждого греческого деспота, и от которых величайший деспот своего века не имел никакого освобождения. Хотя философы категорически настаивали на том, что такой человек должен быть несчастным,[108] однако сам Дионисий, как и огромная масса восхищенных зрителей, вероятно, считал, что недостатки его положения с лихвой компенсировались его благоговейным величием и полным удовлетворением честолюбивых мечтаний, подвергавшихся, правда, острым страданиям, когда их ранили в самое нежное место и когда они пожинали оскорбления вместо восхищения на памятном олимпийском празднике 384 года до н. э., о котором говорилось выше. Но сиракузяне, над которыми он правил, не получили такой компенсации за то, что они страдали от его сборщиков налогов, от его гарнизона из галлов, иберов и кампанцев в Ортигии, от его шпионов, его тюрем и его палачей.

Сиракузы также не страдали в одиночку. Правление старшего Дионисия было опустошительным для эллинского населения Сицилии и Италии в целом. Сиракузы превратились в великую крепость с огромной военной мощью в руках правителя, "чьей политикой было собрать в нее всю Сицилию"; в то время как оставшиеся свободные эллинские общины были унижены, поработаны и наполовину обезлюдели. На эту тему скорбные свидетельства Лисия и Исократы подтверждаются письмами очевидца Платона. В своих советах, данных сыну и преемнику Дионисия, Платон решительно настаивает на двух моментах: во-первых, в отношении сиракузян - превратить унаследованный деспотизм в правление царя, правящего мягко и по установленным законам; во-вторых, восстановить и заново заселить свободными конституциями другие эллинские общины в Сицилии, которые к моменту его воцарения почти варваризировались и наполовину обезлюдели.[110] Старший Дионисий ввез в Сицилию большое количество наемников, с помощью которых он добился своих завоеваний, и для которых он создал поселения за счет покоренных эллинских

городов. В Наксосе, Катане, Леонтинах и Мессене прежние жители были вытеснены и заменены другими, из числа галльских и иберийских наемников. Преобразованные таким образом общины, в которых бывшие свободные граждане попали в зависимость или изгнание, не только перестали быть чисто эллинскими, но и стали гораздо менее населенными и процветающими. Подобным образом Дионисий подавил и поглотил Сиракузы и Локри, некогда автономные греческие общины Региум, Гиппоний и Каулония на италийской стороне пролива. Во внутренних областях Италии он вступил в союз с варварскими луканами, которые даже без его помощи набирали силу и теснили италийских греков на побережье.

Если мы рассмотрим результаты войны, которую Дионисий вел против карфагенян с начала и до конца своей карьеры, то заметим, что он начал с потери Гелы и Камарины, а мир, благодаря которому ему удалось сохранить сами Сиракузы, возник не из-за его собственных успехов, а из-за моровой язвы, погубившей его врагов; не говоря уже о предательском сговоре с ними, который, как я уже отмечал, был вероятной ценой их гарантии его владычества. Его война с карфагенянами в 397 году до н. э. была предпринята с большой энергией, он отвоевал Гелу, Камарину, Агригентум и Селину и обещал самый решительный успех. Но вскоре фортуна вновь повернулась против него. Он терпел крупные поражения и во второй раз был обязан безопасностью Сиракуз не чему иному, как страшной моровой язве, уничтожившей армию Имилькана. В третий раз, в 383 году до н. э., Дионисий с радостью возобновил войну против Карфагена. После блестящего успеха вначале он снова потерпел полное поражение и был вынужден уступить Карфагену всю территорию к западу от реки Галикус, а также выплатить дань. Таким образом, точное различие между сицилийской территорией Карфагена - как она выглядела в начале его правления и в конце - сводится к следующему: в более ранний период она доходила до реки Гимера, а в более поздний - только до реки Галикус. Промежуточное пространство между ними охватывает Агригентум с большей частью его территории, которая, таким образом, представляет собой эллинскую землю, спасенную Дионисием от карфагенского владычества.

ГЛАВА LXXXIV.

СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАРШЕГО ДИОНИСИЯ - ДИОНИСИЙ МЛАДШИЙ - И ДИОН.

Старший Дионисий в момент своей смерти хвастался тем, что оставил свое владычество "скрепленным цепями из адаманта", то есть поддерживаемым большим количеством наемников,^[111] хорошо обученных и хорошо оплачиваемых, неприступными укреплениями на островке Ортыгия, четырьмя сотнями военных кораблей, огромными складами оружия и военными запасами и установленным страхом над умами сиракузян. Это были действительно "цепи из адаманта" - до тех пор, пока был такой человек, как Дионисий, чтобы держать их в руках. Но он не оставил после себя преемника, способного справиться с этой задачей, да и преемственность не была беспрепятственной. У него было наследство от двух жен, на которых он женился одновременно, как уже говорилось. От локрийской жены Дорис у него был старший сын Дионисий и двое других; от сиракузской жены Аристомахи, дочери Гиппарина, у него было два сына, Гиппарин и Нисей, и две дочери, Софросинка и Аретка.^[112] Дионисию младшему вряд ли было меньше двадцати пяти лет на момент смерти его отца и тезки. Гиппарину, старшему сыну от другой жены, было значительно меньше. Мать

Аристомаха долгое время оставалась бездетной, что старший Дионисий приписывал заклинаниям матери локрийской жены и в наказание предал предполагаемую колдунью смерти[113].

Потомство Аристомахи, хотя и младшее из двух, получало значительные преимущества от присутствия и облика ее брата Диона. Гиппарин, отец Диона и Аристомахи, был главным пособником старшего Дионисия в его первоначальной узурпации, чтобы вернуть свое собственное состояние,[114] разрушенное расточительными тратами. Цель была достигнута настолько, что его сын Дион теперь был одним из богатейших людей в Сиракузах,[115] обладая имуществом, оцениваемым более чем в сто талантов (около 23 000 фунтов стерлингов). Кроме того, Дион был зятем старшего Дионисия, который отдал свою дочь Софросинку в жены своему сыну (от другой матери) младшему Дионисию *síus*; а свою дочь Аретку - сначала своему брату Теариду, а затем, после смерти Теарида, Диону. Как брат Аристомахи, Дион был шурином старшего Дионисия и дядей как собственной жены Аретки, так и Софросинки, жены младшего Дионисия; как муж Аретки, он был зятем старшего Дионисия и шурином (а также дядей) жены младшего. Браки между близкими родственниками (исключая связь между братом и сестрой по материнской линии) были обычным делом в греческих нравах. Мы не сомневаемся, что деспот относил гармонию, которую могли создать такие связи между членами двух его семей и Дионом, к числу "адамантовых цепей", скреплявших его владычество.

Помимо богатства и высокого положения, личный характер Диона сам по себе был заметным и выдающимся. Он обладал энергичным нравом, большой храбростью и весьма значительными умственными способностями. Хотя его характер был надменным и пренебрежительным по отношению к отдельным людям, однако в том, что касается политического общения, его амбиции отнюдь не были чисто корыстными и эгоистическими, как у старшего Дионисия. Охваченный горячей любовью к власти, он в то же время был проникнут тем чувством регулируемой государственности и подчинения индивидуальной воли установленным законам, которое витало в атмосфере греческих разговоров и литературы и стояло так высоко в греческой морали. Кроме того, он был способен действовать с энтузиазмом и смело идти на любые опасности, отстаивая свои убеждения.

Дион родился около 408 года до н. э.,[116] ему был двадцать один год в 378 году до н. э., когда старший Дионисий, разобрав Региум и покорив Кротон, достиг максимума своего владычества, став повелителем сицилийских и итальянских греков. Пользуясь благосклонностью своего шурина Дионисия, Дион, несомненно, принимал участие в войнах, в результате которых было приобретено это большое владение, а также в жизни в роскоши, которая преобладала среди богатых греков в Сицилии и Италии и которая афинянину Платону казалась в равной степени удивительной и отталкивающей.[117] Этот великий философ посетил Италию и Сицилию около 387 года до н. э., как уже упоминалось. Он был знаком и общался со школой философов, называемых пифагорейцами; остатками того пифагорейского братства, которое когда-то оказывало столь мощное политическое влияние на города этих регионов и которое все еще пользовалось значительной репутацией, даже после полного политического упадка, благодаря индивидуальным способностям и рангу членов, в сочетании с привычками к затворничеству, мистицизму и привязанности между собой. С этими пифагорейцами Дион, молодой человек с открытым умом и пылкими стремлениями, естественно, был связан благодаря деятельности старшего Дионисия в Италии.[118] Через них он вступил в общение с Платоном, беседа с которым стала эпохой в его жизни.

Мистический поворот воображения, сентиментальная краткость и математические изыскания пифагорейцев, несомненно, произвели на Диона сильное впечатление; точно так же Лисий, член этого братства, приобрел привязанность и повлиял на настроения Эпаминондаса в Фивах. Но сила воздействия Платона на умы молодых людей была гораздо более впечатляющей и неотразимой. Он обладал большим практическим опытом, мастерским владением политическими и социальными темами и очарованием красноречия, которого не знали пифагорейцы. Возбуждающее воздействие сократических бесед, а также демократической атмосферы, в которой воспитывался Платон, развило все коммуникативные способности его ума; и как ни велика эта способность в его оставшихся диалогах, есть основания полагать, что она была гораздо выше в его беседах; выше, возможно, в 387 году до н. э., когда он еще был в основном сократическим Платоном, чем в более поздние времена, после того как он в определенной степени проникся мистицизмом пифагорейцев.^[119] Воспитанный, как Дион, при дворе Дионисия, привыкший видеть вокруг себя лишь рабскую почтительность и роскошные удовольствия, не привыкший к открытой речи и большим философским дискуссиям, он нашел в Платоне нового человека, и перед ним открылся новый мир.

Концепция свободного сообщества с соответствующими правами и обязанностями, принадлежащими каждому гражданину, определяемыми законами и защищаемыми или принуждаемыми властью, исходящей от коллективного образования, называемого городом, стояла на переднем плане обычной греческой морали, спонтанно царила в груди каждой греческой праздничной толпы и была частично усвоена Дионом, хотя и не из его собственного личного опыта, но от учителей, софистов и поэтов. Эту концепцию, важнейшую и основополагающую как для философов, так и для вульгарных людей, Платон не просто изложил с потрясающей силой, но и возвысил с помощью усовершенствований и доработок до идеального совершенства. Прежде всего, он основывался на строгом, даже воздержанном и аскетическом каноне в отношении индивидуальных удовольствий, а также на тщательной тренировке ума и тела, готовящей каждого человека к надлежащему исполнению обязанностей гражданина; тема, которую Платон (как мы видим из его диалогов) не просто излагал с прямым принуждением проповедника, но затрагивал с ускоряющим и острым эффектом и подкреплял обильными практическими иллюстрациями сократического диалога.

Как стимул, исходящий от учителя, был здесь безупречно эффективен, так и предрасположенность ученика позволила ему полностью реализоваться. Дион стал другим человеком как в общественном настроении, так и в личном поведении. Он вспомнил, что за двадцать лет до этого его страна Сиракузы была такой же свободной, как Афины. Он научился ненавидеть беззаконие деспотизма, который сверг ее свободу, а впоследствии погубил и свободы многих других греков в Италии и Сицилии. Он заметил, что Сицилия наполовину варваризировалась благодаря иностранным наемникам, ввезенным в качестве орудия деспота. Ему пришла в голову возвышенная идея или мечта исправить все эти накопленные несчастья и страдания. Его желанием было прежде всего очистить Сиракузы от пятен рабства и заново одеть ее в блеск и достоинство свободы; но не с целью восстановления народного правительства в том виде, в каком оно существовало до узурпации, а с целью установления улучшенной конституционной политики, разработанной им самим, с законами, которые должны были не только обеспечить права личности, но также воспитать и морализировать граждан.^{[Функции, которые он себе представлял и которые ему подсказывал Платон, были не функциями деспота, как Дионисий, а функциями деспотичного законодателя, как Ликург,^[121] пользующегося мгновенным всемогуществом, дарованным ему благодарными гражданами в состоянии общественного смятения, чтобы создать}

хорошую систему; которая, будучи однажды приведена в движение, будет поддерживать себя, формируя умы граждан в соответствии с присущим ей совершенством. Освободив и реформировав Сиракузы, Дион пообещал себе, что будет использовать сиракузскую силу не для уничтожения, а для воссоздания других свободных эллинских общин по всему острову, изгоняя оттуда всех варваров - как привозных наемников, так и карфагенян.

Таковы были надежды и проекты, возникшие в голове юного Диона, когда он слушал Платона; надежды, чреватые будущими результатами, которых никто из них не предвидел, и недостойные сравнения с теми восторженными стремлениями, которые молодые спартанские цари Агис и Клеомен восприняли столетие спустя, отчасти из бесед философа Сфереса.[Никогда прежде Платон не встречал ученика, который бы так быстро понял, так глубоко обдумал или так страстно принял к сердцу его уроки. [123](#)] Воспламененный своим новым порывом к философии, как к высшему руководству и наставнику добродетельного поведения, Дион изменил свои привычки в жизни; сменив пышность и роскошь сицилийского богача на простую пищу и регламентированное применение, он стал приверженцем Академии. Этому курсу он придерживался без колебаний на протяжении всего своего пребывания при дворе Дионисия, несмотря на непопулярность, которой он пользовался среди своих ближайших соратников. Его энтузиазм даже заставил его поверить, что сам деспот, неспособный противостоять тому убедительному языку, которым он сам был обращен, может быть мягко склонен к использованию своей могучей силы в благотворных и реформаторских целях. Поэтому Дион, пригласив Платона в Сиракузы, добился для него беседы с Дионисием. О том, как плачевно провалилась эта затея, было рассказано в моей последней главе. Вместо того чтобы обрести новообращенного, философу посчастливилось спасти свою собственную персону и сделать правильные шаги из львиного логова, в которое его заманил неосторожный энтузиазм его молодого друга.

Суровое обращение Дионисия с Платоном стало для Диона болезненным, хотя и спасительным предупреждением. Не жертвуя ни своими убеждениями, ни философской регулярностью жизни, которую он решил принять, он увидел, что терпение крайне необходимо, и повел себя так, чтобы сохранить благосклонность и доверие Дионисия. Такую политику, вероятно, рекомендовал бы ему даже Платон в надежде на лучшее будущее. Но на ней решительно настаивали пифагорейцы Южной Италии, среди которых был Архит, известный не только как математик и друг Платона, но и как главный политический судья Тарентума. Для этих людей, живших в пределах досягаемости, если не под властью, этого грозного сиракузского деспота, было бы невыразимым преимуществом иметь рядом с ним такого друга, как Дион, пользоваться его доверием и служить им щитом от его неудовольствия или вмешательства. Дион настолько преодолел свою несгибаемую натуру, что вел себя по отношению к Дионисию умело и благоразумно. Деспот поручал ему несколько важных дел, особенно посольства в Карфаген, которые он исполнял хорошо, особенно с выдающимися заслугами в красноречии; а также исполнение различных жестоких приказов, которые его гуманность тайно смягчала.[\[125\]](#) После смерти Феарида Дионисий отдал Диону в жены вдову Аретеку (свою дочь) и до последнего относился к нему благосклонно, принимая от него такую свободу порицания, какую он не потерпел бы ни от одного другого советника.

В течение многих лет, прошедших до смерти деспота, Дион, несомненно, находил возможность посещать Пелопоннес и Афины для участия в больших праздниках и других целей. Таким образом он поддерживал дружбу и философское общение с Платоном. Будучи министром и родственником, а возможно, и преемником самого могущественного принца Греции, он везде пользовался большим авторитетом, который усиливался его философией и

красноречием. Спартанцы, в то время союзники Дионисия, оказали Диону редкую честь - дали ему право гражданства,[126] и он получил свидетельства уважения и от других городов. Такие почести возвысили его репутацию в Сиракузах, а поездки в Афины и города Центральной Греции расширили его знания как о политиках, так и о философах.

Вскоре старший Дионисий скончался от неожиданного приступа лихорадки после нескольких дней болезни. Он не сделал никаких специальных заявлений о своем престолонаследии. Поэтому, как только врачи объявили, что ему грозит опасность, между двумя его семьями возникло соперничество: с одной стороны, Дионисий младший, его сын от локрийской жены Дорис; с другой - его жена Аристомаха и ее брат Дион, представлявший ее детей Гиппарину и Ниссею, тогда еще совсем маленьких. Дион, желая получить для этих двух отроков либо партнерство в будущей державе, либо какое-то другое выгодное положение, попросил разрешения подойти к постели больного. Но врачи отказались удовлетворить его просьбу, не уведомив младшего Дионисия; тот, решив предотвратить это, велел дать отцу усыпляющее средство, от действия которого тот так и не проснулся, чтобы иметь возможность видеть кого-либо.[127] Таким образом, беседа с Дионом сорвалась, а отец умер, не дав никаких указаний, и Дионисий-младший стал старшим сыном без сопротивления. Он был представлен тому, что называлось собранием сиракузского народа,[128] и произнес несколько примирительных фраз, прося их продолжать с ним ту добрую волю, которую они так долго проявляли к его отцу. Согласие и одобрение, конечно, не были лишними для нового хозяина войск, сокровищ, магазинов и укреплений в Ортигии; эти "адамантиновые цепи", которые, как хорошо известно, избавляли от необходимости проявлять какую-либо реальную народную добрую волю.

Дионисий II. (или младший), которому тогда было около двадцати пяти лет, был молодым человеком со значительными природными способностями, быстрыми и живыми порывами,[129] но слабым и тщеславным по характеру, подверженным преходящим капризам и жаждущим похвалы, не будучи способным к трудолюбивым и решительным усилиям, чтобы ее заслужить. Еще он был совершенно неопытен в серьезных делах. Он не видел военной службы и не участвовал в обсуждении политических мер; от того и другого его старательно удерживала крайняя ревность отца. Его жизнь проходила во дворце или акрополе Ортигии, среди всех поблажек и роскоши, приличествующих княжескому сословию, и была разнообразна любительской работой плотника и токаря. Однако вкусы отца ввели в число гостей дворца некоторое количество поэтов, чтецов, музыкантов и т. д., так что младший Дионисий пристрастился к поэтической литературе, которая открыла его ум для щедрых чувств и больших представлений о совершенстве больше, чем любая часть его весьма ограниченного опыта. Философия, поучительные беседы, упражнения разума были ему чужды.[130] Но сама слабость и нерешительность его характера представляла его как впечатлительного, возможно, импровизируемого сильной волей и влиянием, оказываемыми на него из этой среды, по крайней мере, так же, как и из любой другой.

Таким был новичок, неожиданно вставший на место самого энергичного и могущественного деспота греческого мира. Дион - будучи уже в зрелом возрасте, имея за плечами опыт и заслуги, а также пользуясь полным доверием старшего Дионисия, - мог бы, вероятно, оказать существенное сопротивление младшему. Но он ничего подобного не предпринял. Он признал и поддержал молодого принца с сердечной искренностью, полностью отбросив те взгляды, какими бы они ни были, на детей Аристомаха, которые побудили его добиваться последней встречи с больным. Прилагая все усилия для укрепления и облегчения продвижения правительства, он пытался добиться влияния и преобладания над умом юного Дионисия. На первом заседании совета, состоявшемся после воцарения, Дион отличился не

только своей искренней приверженностью, но и достойной речью и умными советами. Остальные члены совета, привыкшие при самовластном деспоте, который только что покинул сцену, к простой функции - слушать, аплодировать и повиноваться его указаниям, исчерпывали себя фразами и комплиментами, ожидая уловить тон молодого принца, прежде чем решиться высказать какое-либо определенное мнение. Но Дион, свободе слова которого частично подчинялся даже старший Дионисий, презрел все подобные ухищрения, сразу же приступил к полному анализу сложившейся ситуации и предложил положительные меры, которые следовало принять. Не приходится сомневаться, что при передаче власти, которая во многом зависела от индивидуального духа прежнего владельца, необходимо было принять множество мер предосторожности, особенно в отношении наемных войск как в Сиракузах, так и в отдаленных провинциях. Все эти насущные необходимости Дион изложил вместе с подходящими советами. Но самая серьезная из всех трудностей возникла из-за продолжавшейся войны с Карфагеном, которую карфагеняне, как предполагалось, будут вести более энергично, рассчитывая на неуверенное положение и неопытное управление нового принца. Эту трудность Дион взял на себя. Если совет сочтет целесообразным заключить мир, он обещал отправиться в Карфаген и договориться о мире - задача, которой он не раз занимался при старшем Дионисии. Если же будет решено продолжать войну, он посоветовал немедленно снарядить внушительные силы, пообещав выделить из своего большого имущества сумму, достаточную для снаряжения пятидесяти трирем[131].

Молодой Дионисий был не только глубоко впечатлен мудростью и находчивостью Диона, но и благодарен ему за щедрое предложение как денежной, так и личной поддержки.[132] По всей вероятности, Дион действительно выполнил это предложение, ведь для человека его нрава деньги имели мало значения, разве что как средство расширения влияния и приобретения репутации. Война с Карфагеном, судя по всему, продолжалась, по крайней мере, весь следующий год[133] и была прекращена вскоре после этого. Но она так и не приняла тех угрожающих масштабов, которые рассматривались советом как вероятные. Однако, как случайность, она была достаточной, чтобы внушить Дионисию тревогу в сочетании с другими трудностями его нового положения. Поначалу он мучительно осознал собственную неопытность, беспокоился об опасностях, которые видел впервые, и был не просто открыт для советов, но жаждал и был благодарен за предложения из любой точки, где ему могли оказать доверие. Дион, причисленный по древним связям и браку к дионисийской семье, которому старый деспот доверял больше, чем кому-либо другому, и окруженный тем аксессуарным достоинством, которое аскетическая строгость жизни обычно дает в избытке, имел все основания для такого доверия. И когда его сочли не только самым надежным, но и самым откровенным и бесстрашным из советников, Дионисий с радостью подчинился и мерам, которые он советовал, и порывам, которые он внушал.

Такова была политическая атмосфера Сиракуз в период, последовавший за новым воцарением, когда в честь ушедшего Дионисия проводились пышные торжества, сопровождавшиеся погребальным сооружением, столь тщательно продуманным, что прославило его конструктора Тимея, и увековеченным памятниками архитектуры, слишком грандиозными, чтобы быть постоянными,[134] сразу за Ортигией, у царских ворот, ведущих в эту цитадель. Среди народных мер, естественных при начале нового царствования, был отозван из ссылки историк Филист[135], один из самых старых и преданных сторонников старшего Дионисия, который, однако, в конце концов был изгнан и никогда после этого не был прощен. Его отзыв теперь, казалось, сулил младшему нового и ценного помощника, который, к тому же, должен был смягчить строгие

порядки его отца. В этом отношении она гармонировала со взглядами Диона, хотя Филист впоследствии стал его большим противником.

Теперь Дион был одновременно и премьер-министром, и доверенным лицом молодого Дионисия. Он с неизменной энергией отстаивал курс правительства и имел большее политическое значение, чем сам Дионисий. Но успех в этом не был целью, ради которой трудился Дион. Он не хотел ни служить деспоту, ни сам становиться деспотом. Настал благоприятный момент для возобновления проекта, который он впитал от Платона и который, несмотря на презрительное пренебрежение со стороны его бывшего хозяина, с тех пор оставался мечтой его сердца и жизни. Сделать Сиракузы свободным городом, под управлением не воли, а добрых законов, с самим собой в качестве законодателя по существу, если не по имени, дать право и заселить полуварварские эллинские города в Сицилии и изгнать карфагенян - вот планы, которым он теперь снова посвятил себя с неослабевающим энтузиазмом. Но для их реализации он не рассчитывал ни на какие другие средства, кроме согласия и инициативы самого Дионисия. Человек, который был настолько сангвиником, что решил поработать над железной душой отца, не должен был отчаиваться в том, чтобы заново сформировать более податливый металл, из которого состоял сын. Поэтому, оказывая Дионисию все свои услуги в качестве министра, он также занялся платоновской профессией и попытался убедить его реформировать как себя, так и свое правительство. Он старался пробудить в нем стремление к лучшему и благородному поведению, чем то, которое преобладало среди окружавших его роскошных компаньонов. Он с энтузиазмом рассказывал об ученых и волнующих душу беседах Платона, образцы которых он либо читал вслух, либо повторял, возвышая слушателя не только до более высокого интеллектуального уровня, но и до полного величия ума, необходимого для управления другими с честью и совершенствованием. Он указал на непревзойденную славу, которую Дионисий приобретет в глазах Греции, согласившись использовать свою огромную власть не как деспот, действующий на страхе подданных, а как царь, принуждающий к умеренности и справедливости, собственным отцовским примером, а также хорошими законами. Он пытался показать, что Дионисий, освободив Сиракузы и провозгласив себя царем, ограниченным и ответственным перед благодарными гражданами, будет иметь гораздо больше реальной силы против варваров, чем сейчас[137].

Таковы были новые убеждения, которые Дион пытался вложить в разум молодого Дионисия, как живую веру и чувства. Проникнутый платоновской идеей о том, что ничего нельзя сделать для улучшения и счастья человечества,[138] пока философия и власть не соединятся в одних руках; но все, если они соединятся, - он думал, что видит перед собой шанс осуществить это соединение в случае величайшего из всех эллинских властителей. Он уже видел в воображении свою родную страну и сограждан, освобожденных, морализированных, облагороженных и приведенных к счастью, без убийств и преследований,[139] просто благодаря благонамеренному и целеустремленному использованию уже организованной власти. Если бы случайность передала деспотию в руки самого Диона в этот период его жизни, греческий мир, вероятно, увидел бы опробованный эксперимент, столь же памятный и щедрый, как любое событие, записанное в его истории: каков был бы его результат, мы не можем сказать. Но его душу достаточно воспламенило то, что от эксперимента его отделяла только необходимость убедить впечатлительного юношу, на которого он имел большое влияние; а для себя он был вполне доволен более скромным положением номинального служителя, но реального инициатора и руководителя столь благородного предприятия.[140] Его сила убеждения, подкрепленная как глубокой искренностью, так и его внушительным положением и практическими способностями, действительно произвела на Дионисия большое впечатление. Молодой человек, казалось, был одушевлен сильным желанием самосовершенствоваться и подготовиться к такому использованию правительственных полномочий, какое изобразил Дион. Он доказал искренность

своих чувств, выразив желание увидеться и пообщаться с Платоном, которому он отправил несколько личных посланий, горячо прося его посетить Сиракузы^[141].

Это был именно тот первый шаг, к которому стремился Дион. Он хорошо знал и лично ощущал чудесную магию бесед Платона, обращенных к молодым людям. Привезти Платона в Сиракузы и влить его красноречивый язык в предрасположенные уши Дионисия было равносильно осуществлению соединения философии и власти. Поэтому вместе с приглашением от Дионисия он отправил в Афины самые настоятельные и категоричные мольбы от себя. Он представлял огромный приз, который можно было выиграть, - не что иное, как возможность руководить действиями организованной власти, распространяющейся на всех греков Италии и Сицилии, - при условии, что только разум Дионисия может быть полностью завоеван. Это (по его словам) было уже наполовину сделано; не только сам Дионисий, но и его юные сводные братья по другой линии были охвачены искренними умственными стремлениями и жаждали испытать из чистого источника истинной философии. Все предвещало полный успех, такой, который сделал бы их сердечными и активными прозелитами, если бы только Платон пришел немедленно - прежде чем враждебные влияния успеют развратить их - и посвятил этой задаче свое непревзойденное искусство проникновения в юношеский разум. Эти враждебные влияния действительно действовали, причем с большой активностью; в случае победы они могли не только сорвать проект Диона, но даже спровоцировать его изгнание или угрожать его жизни. Мог ли Платон, отклонив приглашение, оставить своего преданного поборника и апостола сражаться в столь великой битве в одиночку и без помощи? Что Платон сможет сказать о себе впоследствии, если, отказавшись прийти, он не только упустил величайшую перспективную победу, которая когда-либо открывалась философии, но и допустил разложение Дионисия и гибель Диона?^[142]

Эти призывы, сами по себе выразительные и трогательные, дошли до Афин, подкрепленные просьбами, едва ли менее настойчивыми, от Архита из Тарентума и других пифагорейских философов на юге Италии; для их личного благополучия, помимо интересов философии, характер будущего сиракузского правительства имел огромное значение. Платон был глубоко взволнован и смущен. Ему был уже шестьдесят один год. Он пользовался огромной популярностью в роде Акадекмус близ Афин, среди восхищенных слушателей со всех концов Греции. Афинская демократия, если и не оказывала на него никакого влияния в общественных делах, не мешала ему и не приглушала его интеллектуальной славы. Предложенное путешествие в Сиракузы выводило его из завидного положения на новое поле опасностей и спекуляций; блестящее и лестное, превосходящее все, к чему когда-либо приближалась философия, если оно увенчается успехом; но чреватое позором и даже опасностью для всех заинтересованных сторон, если оно провалится. Платон уже видел старшего Дионисия, окруженного стенами и наемниками в Ортыгии, и на жестоком опыте убедился в болезненных последствиях изложения философии несговорчивому слушателю, чье недовольство так легко переходит в действие. Вид современных деспотов поближе к дому, таких как Евфрон Сикионский и Александр Ферейский, отнюдь не обнадеживал; он также не мог разумно поставить свою личность и репутацию на карту, полагая, что младший Дионисий окажется славным исключением из общего правила. Чтобы перевесить подобные опасения, у него было положительное и почтительное приглашение самого Дионисия, которое, однако, могло бы сойти за мимолетный, хотя и горячий каприз молодого принца, если бы не было подкреплено твердыми заверениями такого зрелого человека и ценного друга, как Дион. Ради этих заверений и ради позора, который можно было бы понести, оставив Диона сражаться и подвергаться опасности в одиночку, Платон пожертвовал своими собственными причинами для колебаний. Он отправился в Сиракузы, не столько надеясь преуспеть в предполагаемом обращении Дионисия, сколько из страха услышать, как его самого и его философию поносят за признанное бессилие - мол, он годится только для дискуссий в школе, уклоняется от всякого применения на практике, предаст интересы своих друзей-пифагорейцев и подло бросает

преданного поборника, который наполовину открыл ему дверь для триумфального вступления[143].

Таков рассказ философа о его собственном душевном состоянии, когда он отправился в Сиракузы. В то же время он намекает, что его мотивы по-разному интерпретировались другими.[144] А поскольку рассказ, которым мы располагаем, был написан через пятнадцать лет после этого события - когда Дион погиб, когда сиракузское предприятие не принесло ничего похожего на ожидаемое, и когда Платон вспоминал о нем с глубочайшей скорбью и отвращением,[145] которые, должно быть, отравили последние три или четыре года его жизни, мы можем справедливо подозревать, что он отчасти перенес в 367 г. до н. э. чувства 352 г. до н. э. до н. э. чувства 352 года до н. э.; и что в более ранний период он отправился в Сиракузы не просто потому, что ему было стыдно отказаться, а потому, что он действительно льстил себе некоторыми надеждами на успех.

Каким бы унылым он ни был до этого, он вряд ли мог не питать надежд от теплоты своего первого приема. Одна из царских карет встретила его при посадке и доставила к жилью. Дионисий принес жертву благодарения богам за его благополучное прибытие. Банкеты на акрополе стали отличаться своей простотой и трезвостью. Никогда еще Дионисия не видели таким мягким в ответах женихам или при ведении государственных дел. Он сразу же начал брать уроки геометрии у Платона. Все вокруг него, разумеется, внезапно прониклись вкусом к геометрии;[146] так что все полы были усыпаны песком, и ничего нельзя было увидеть, кроме треугольников и других начертанных на них фигур, а вокруг них стояли толкователи и слушала толпа. Для тех, кто был обитателем акрополя во времена правления прежнего деспота, эта перемена была достаточно удивительной. Но их удивление перешло в тревогу, когда во время периодического жертвоприношения, которое как раз в это время проводилось, Дионисий сам задержал глашатая, произносящего обычную молитву богам: "Чтобы деспотизм долго оставался непоколебимым". "Остановись! (сказал Дионисий глашатаю) не произноси такого проклятия в наш адрес!"[147] Для ушей Филиста и старых политиков эти слова означали не что иное, как революцию в династии и гибель сиракузской власти. Один афинский софист (восклицали они), не имея никакой другой силы, кроме своего языка и репутации, добился завоевания Сиракуз; попытки, в которой за полвека до этого несчастно погибли тысячи его соотечественников. 148] С невыразимым отвращением они наблюдали, как Дионисий отрекся от престола в пользу Платона и променял заботу о своей огромной силе и владычестве на геометрические задачи и дискуссии о *sumtum bonum*.

На мгновение Платон, казалось, стал деспотом Сиракуз; таким образом, благородные цели, ради которых трудился Дион, оказались в его власти, полностью или частично. И, насколько мы можем судить, они действительно были в значительной степени ему подвластны, если бы эта ситуация, столь интересная и чреватая последствиями для жителей Сицилии, была должным образом обращена в дело. При всем почтении к величайшему философу древности мы вынуждены признать, что, по его собственным свидетельствам, он не только не сумел обратить ситуацию в должное русло, но даже испортил ее неоправданной строгостью. Восхищаться философией в ее выдающихся учителях - это одно; изучать и усваивать ее - это другая ступень, более редкая и трудная, требующая усердного труда и отсутствия общих способностей; а то, что Платон называет "философской жизнью"[149], или практическое преобладание хорошо подготовленного интеллекта и хорошо выбранных этических целей в сочетании с минимумом личных appetitов, - это третья ступень, более высокая и редкая. Сейчас Дионисий достиг только первой стадии. Он проникся теплым и глубоким восхищением к Платону. Он проникся этим чувством благодаря увещаниям Диона; и мы увидим по его дальнейшему поведению, что это было действительно искреннее и прочное чувство. Но он восхищался Платоном, не имея ни склонности, ни таланта,

чтобы подняться выше и приобрести то, что Платон называл философией. Это было неожиданной удачей и большой заслугой настойчивого энтузиазма Диона, что Дионисий дошел до того, что стал восхищаться Платоном, взывать к его присутствию и представлять его как некую духовную силу рядом с мирской. Это было больше, чем можно было ожидать; но требовать большего и настаивать на том, чтобы Дионисий пошел в школу и прошел курс умственного возрождения, было целью, которую вряд ли можно было достичь, и, если бы она не удалась, то была бы очень вредной. К сожалению, именно эту ошибку совершили Платон и Дион в знак уважения к Платону. Вместо того чтобы воспользоваться существующим пылом Дионисия и сразу же подтолкнуть его к активным политическим мерам, полезным для жителей Сиракуз и Сицилии, с помощью всей силы авторитета, который в тот момент был бы непреодолим, вместо того чтобы поддержать его против беспочвенных страхов или трудностей в исполнении и позаботиться о том, чтобы ему была оказана полная честь за все хорошее, что он действительно совершил, задумал или принял - Платон отложил все это как дела, для которых его царственный ученик еще не созрел. Они с Дионом стали общаться с Дионисием, как исповедник обращается с кающимся; прощупывать его внутренний мир^[150], показывать ему его собственную недостойность, показывать, что его жизнь, его воспитание, его товарищи были порочными, настаивать на покаянии и исправлении этих пунктов, прежде чем он сможет получить отпущение грехов и быть допущенным к активной политической жизни, говорить ему, что он должен исправиться, стать разумным и умеренным человеком, прежде чем он сможет серьезно взяться за управление другими.

Таков был язык, которым Платон и Дион обращались к Дионисию. Они прекрасно понимали, что ступают на деликатную почву, что, раздражая пылкую лошадь в чувствительной части, они не имеют никакой гарантии от ее ударов.^[151] Поэтому они прибегли к множеству иносказательных и двусмысленных выражений, чтобы смягчить нанесенную обиду. Но эффект от этого был не менее сильным: Дионисий отвратил Дионисия от политических дел. Платон не только отказался от собственных политических рекомендаций, но и приглушил, вместо того чтобы усилить, положительные добрые решения, которые Диону уже удалось привнести. В присутствии Платона Дионисий открыто объявил о своем желании и намерении превратить деспотию в Сиракузах в ограниченную царскую власть и заново заселить Сицилию отторгнутыми городами. Это были два великих пункта, к которым Дион так щедро подводил его и которые он призвал Платона с явной целью поддержать. Что же говорит Платон, когда делается это важное заявление? Вместо того чтобы похвалить или ободрить, он резко замечает Дионисию: "Сначала пройди обучение, а потом делай все эти вещи; в противном случае оставь их невыполненными".^[152] Дионисий после подопечных жаловался, и с полным основанием (когда Дион был в изгнании, угрожая нападением на Сиракузы, под благосклонным влиянием Платона), что великий философ фактически удержал его (Дионисия) от осуществления тех же капитальных улучшений, которые он теперь поощряет Диона совершить вооруженным вторжением. Впоследствии Платон был очень чувствителен к этому упреку; но даже его собственное оправдание доказывает, что он был в основном незаслуженным.

Плутарх замечает, что Платон испытывал гордое сознание философского достоинства, презирая уважение к людям и отказывая недостаткам Дионисия в большей мере, чем он проявил бы к обычному ученику Академии.^[153] Если мы и отдадим ему должное за чувства, которые сами по себе почетны, то только за счет его пригодности к практической жизни; признав (цитируя замечательную фразу из одного из его собственных диалогов), что "он пытался иметь дело с отдельными людьми, не зная тех правил искусства или практики, которые касаются человеческих дел"^[154]. Дионисий не был обычным учеником, и Платон не мог разумно ожидать такой же безмерной покорности от того, за чье ухо боролось столько враждебных влияний. Платон и Дионисий не были единственными заинтересованными сторонами. Кроме них, в первую очередь, был Дион, чье положение было поставлено на карту, а во вторую, еще более важную, - помощь

жителям Сиракуз и Сицилии. Для них и от их имени Дион трудился с таким рвением, что вдохновил Дионисия на готовность выполнить два лучших решения, которые допускала ситуация; решения, не только несущие пользу народу, но и обеспечивающие положение Диона - ведь если бы Дионисий однажды вступил на этот путь политики, Дион был бы необходим ему в качестве помощника и человека для исполнения.

Однако нет никакой уверенности в том, что подобные планы могли быть успешно реализованы, даже при полной искренности Дионисия и энергии Диона. В любом правительстве легко сделать зло, но трудно добиться полезных перемен; а в случае с греческим деспотом это было особенно верно. Те огромные силы наемников и другие инструменты, которые были крепкими, как адамант, для деспотичного правления старшего Дионисия, были бы найдены едва ли управляемыми, возможно, даже препятствующими, если бы его сын попытался использовать их в более либеральных целях. Но все же эксперимент был бы опробован, с достаточными шансами на успех - если бы только Платон, во время своего недолгого духовного правления в Сиракузах, более точно измерил практическое влияние, которое философ мог бы разумно надеяться оказать на Дионисия. Я делаю ему эти замечания с искренним сожалением; но я сильно ошибаюсь, если впоследствии он не услышал их в более пикантной форме от изгнанного Диона, на которого в основном и пали последствия этой ошибки.

Атмосфера в Сиракузах быстро омрачилась. Консервативная партия - друзья старой деспотии, с ветераном Филистом во главе - вела свою игру гораздо лучше, чем реформаторы, которых играл Платон или Дион со времен Платона. Филист видел, что Дион, как человек сильных патриотических порывов и энергичного исполнения, был настоящим врагом, на которого следовало нацелиться. Он не оставлял попыток оклеветать Диона и настроить против него Дионисия. Шепоты и искажения из тысячи разных мест доносились до слуха Дионисия, тревожа его мыслью о том, что Дион узурпировал себе реальную власть в Сиракузах, чтобы в конце концов передать ее детям Аристомаха и править от их имени. Платона привезли туда (говорили) в качестве агента заговора, чтобы увлечь Дионисия пустыми рассуждениями, ослабить его деятельную энергию и в конце концов отстранить от дел, чтобы все серьезные политические су перешли в руки Диона.^[155] Эти враждебные интриги не были секретом для самого Платона, который уже вскоре после своего прибытия начал замечать признаки их ядовитой деятельности. Он искренне пытался противодействовать им;^[156] но, к сожалению, язык, с которым он сам обратился к Дионисию, был именно таким, чтобы дать им наибольший шанс на успех. Когда Дионисий рассказывал Филисту или другим придворным, как Платон и Дион унизили его в собственных глазах и сказали, что он недостойн править, пока не пройдет тщательное очищение, его увещевали возмутиться как самонадеянностью и оскорблением и уверяли, что это могло произойти только из-за намерения лишить его власти в пользу Диона или, возможно, детей Аристомаха с Дионом в качестве регента.

Не следует забывать, что у Дионисия были реальные основания для ревности к Диону, который не только превосходил его по возрасту, достоинству и способностям, но и был лично надменен в поведении и строг в своих привычках, в то время как Дионисий наслаждался общением и удовольствиями. Поначалу ревности не давали вырваться наружу - отчасти благодаря сознанию Дионисия, что ему нужен кто-то, на кого можно опереться, отчасти благодаря тому, что Дион, похоже, проявлял большое самообладание и заботился о том, чтобы унести с собой настоящий ум и добрую волю Дионисия. С самого начала враги Диона, несомненно, не скупились на клевету, чтобы отвратить Дионисия от него; и остается только удивляться, как, несмотря на такие интриги и естественные причины ревности, Дион смог укоренить свои политические устремления и сохранить дружеское влияние на Дионисия до прибытия Платона. После этого события

естественные причины антипатии стали проявляться все сильнее и сильнее, а противодействующие обстоятельства исчезли.

Так прошло три важных месяца, в течение которых те ценные общественные склонности, которые Платон нашел вложенными Дионом в лоно Дионисия и которые он мог бы разжечь в жизнь и действие - либерализация управления Сиракузами и восстановление других свободных греческих городов - исчезли, чтобы никогда не вернуться. Вместо них Дионисий проникся антипатией, все более и более ожесточенной, к другу и родственнику, у которого эти чувства зародились. Обвинения против Диона в заговоре и опасных замыслах, распространяемые Филистом и его шайкой, стали еще более дерзкими, чем прежде. В конце концов, на четвертом месяце Дионисий решил избавиться от него.

Наблюдая за действиями Диона, было обнаружено письмо, которое он написал карфагенским военачальникам в Сицилии (с которыми война все еще продолжалась, хотя, казалось бы, и не очень активно), приглашая их, если они направят в Сиракузы какое-либо предложение о мире, передать его через него, так как он позаботится о том, чтобы оно было должным образом обсуждено. Я уже говорил, что еще при Дионисии Дион был тем человеком, которому обычно доверяли переговоры с Карфагеном. Такое письмо от него, насколько мы можем судить по общему описанию, не предполагало ничего похожего на предательскую цель. Но Дионисий, посоветовавшись с Филистом, решил использовать его в качестве последнего предлога. Пригласив Диона в акрополь под видом стремления уладить их растущие разногласия и начав дружескую беседу, он, ничего не подозревая, повел его в соседнюю гавань, где недалеко от берега была пришвартована лодка с гребцами на борту, готовая к старту. Затем Дионисий достал перехваченное письмо, вручил его Диону и прямо в лицо обвинил его в измене. Тот запротестовал против обвинения и попытался ответить. Но Дионисий остановил его, настоял на том, чтобы он поднялся на борт лодки, и приказал гребцам немедленно увезти его в Италию[157].

Это резкое и бесславное изгнание столь великой личности, как Дион, вызвало не меньшее замешательство среди его многочисленных друзей, чем триумф Филиста и сторонников деспотии. Об осуществлении либеральных проектов, задуманных Дионом, теперь не могло быть и речи; не столько из-за неспособности Дионисия осуществить их в одиночку, сколько из-за его нерасположенности к подобным попыткам. Сестра Аристомаха и жена Диона Аретка (последняя - сводная сестра самого Дионисия) выражали свое горе и негодование, а политические соратники Диона, и прежде всего Платон, дрожали за свою личную безопасность. Среди наемных солдат имя Платона было особенно odioзным. Многие подстрекали Дионисия убить его, и даже ходили слухи, что он был убит, как виновник всей этой смуты.[158] Но деспот, прогнав человека, которого он больше всего ненавидел и боялся, не был настроен причинять вред кому-либо еще. Успокоив тревоги Арете, он заявил, что отъезд ее мужа следует рассматривать не как изгнание, а лишь как временную разлуку, чтобы дать время унять царившую вражду, и в то же время приказал снарядить две триремы, чтобы отправить к Диону его рабов и ценное имущество, а также все необходимое для поддержания личного достоинства и комфорта. По отношению к Платону, который, естественно, был крайне взволнован и думал только о том, как бы поскорее выбраться из столь опасной ситуации, его проявления были еще более примечательными. Он успокоил опасения философа, уговорил его остаться, в мягкой форме, но не допуская отказа, и сразу же препроводил его в его собственную резиденцию на акрополе, под предлогом оказания ему чести. Отсюда невозможно было сбежать, и Платон оставался там некоторое время. Дионисий хорошо относился к нему, общался с ним свободно и интимно и повсюду заявлял, что они находятся в самых лучших дружеских отношениях. Что еще более любопытно, он проявлял величайшее стремление добиться уважения и одобрения мудреца и занять в его сознании место более

высокое, чем то, которое отводил Диону; тем не менее он сторонился философии или платоновского лечения и обучения, считая, что под покровительством Диона его хотят заманить в ловушку и парализовать.[Это странный рассказ самого Платона, но он похож на реальную картину тщеславного и слабого принца, восхищающегося философом - как бы кокетничающего с ним - и стремящегося заслужить его одобрение, насколько это можно было сделать, не подчиняясь подлинной платоновской дисциплине.

Во время этого долгого и тягостного заключения, которое, вероятно, заставило его в полной мере ощутить сравнительные удобства афинской свободы, Платон получил от Дионисия одну практическую пользу. Он убедил его установить дружеские и гостеприимные отношения с Архитом и тарентинцами, что для последних было реальным увеличением безопасности и удобства.[160] Но в том, что он старался сделать самым тщательным образом, ему не удалось. Дионисий противился всем уговорам отозвать Диона. Оказавшись в конце концов занятым войной (то ли упомянутой ранее войной с Карфагеном, то ли какой-то другой, мы не знаем), он согласился отпустить Платона, договорившись послать за ним снова, как только вернется мир и досуг, и пообещав отозвать Диона в то же время; по этому договору Платон, со своей стороны, согласился вернуться. Через некоторое время наступил мир, и Дионисий вновь пригласил Платона, но не отозвал Диона - ему нужно было ждать еще год. Но Платон, ссылаясь на условия договора, отказался ехать без Диона. Для него лично, несмотря на известность, которую ему придавало известное влияние Дионисия, это путешествие было не менее чем отвратительным, так как он достаточно испытал Сиракузы и их деспотизм. Он даже не прислушался к просьбе самого Диона, который, отчасти желая способствовать своей будущей реставрации, убедительно убеждал его отправиться в путь. Дионисий осаждал Платона просьбами приехать,[161] обещая, что все, на чем он мог бы настаивать в пользу Диона, будет удовлетворено, и во второй раз привел в движение Архита и тарентинцев, чтобы убедить его. Эти люди через своего спутника и друга Архедема, прибывшего в Афины на сиракузской триреме, заверили Платона, что Дионисий сейчас увлечен изучением философии и даже достиг в ней значительных успехов. Их убедительные уговоры, а также уговоры Диона, побудили Платона отправиться в Сиракузы. Его, как и прежде, встретили с почетом. Он был удостоен привилегии, которой не пользовался никто другой, приближаться к деспоту без обыска; его ласково приветствовали родственницы Диона. Однако этот визит, затянувшийся гораздо дольше, чем он сам того желал, оказался ничем иным, как вторым великолепным пленением в качестве спутника Дионисия на акрополе в Ортыгии[162].

Дионисий-философ получил множество льстецов, как до него его отец Дионисий-поэт, и даже осмелился провозгласить себя сыном Аполлона[163]. Возможно, что даже нескромное увлечение философией со стороны столь великого властителя способствовало возвышению репутации философов в современном мире. В противном случае, затеи Дионисия не заслуживали бы внимания; хотя он, похоже, действительно был человеком с литературным талантом[164] - до конца сохраняя искреннее восхищение Платоном и ревниво жалея, что не смог заставить Платона восхищаться собой. Но второй визит Платона к нему в Сиракузы - совсем не похожий на первый - не принес жителям Сиракуз никакой пользы и заслуживает внимания только потому, что он повлиял на судьбу Диона. Здесь, к сожалению, Платон ничего не смог добиться, хотя его рвение по отношению к другу было неутомимым. Дионисий нарушил все его обещания, стал еще более яростным в своей ненависти, нетерпеливым к уважению, которым Дион пользовался даже в изгнании, и боялся мести, которую он мог бы однажды осуществить.

Изгнанный из Сиракуз, Дион отправился в Пелопоннес и Афины, где в течение нескольких лет продолжал регулярно получать денежные переводы за свое имущество. Но в конце концов, даже когда Платон жил в Сиракузах, Дионисий решил удержать половину имущества под предлогом сохранения его для сына Диона. Вскоре он предпринял еще более жестокие шаги, отбросил все

маскировки, продал все имущество Диона и присвоил или раздал своим друзьям большую выручку, не менее ста талантов.[165] Платон, который имел несчастье услышать это известие, находясь во дворце Дионисия, был полон скорби и неудовольствия. Он просил разрешения удалиться. Но хотя ум Дионисия был уже основательно настроен против него многочисленными инсинуациями клеветников,[166] он получил разрешение не без труда и утомительных просьб; в основном благодаря настойчивым уговорам Архита и его спутников, которые представили деспоту, что они привезли его в Сиракузы и отвечают за его безопасное возвращение. Наемники Дионисия действительно были так недоброжелательны к Платону, что потребовались значительные меры предосторожности, чтобы доставить его в целости и сохранности[167].

Именно весной 360 года до н. э. философ, по-видимому, вернулся в Пелопоннес из этого, своего второго визита к младшему Дионисию и третьего посещения Сиракуз. На олимпийском празднике того года он встретил Диона, которому рассказал о недавних делах Дионисия.[168] Разгневанный захватом имущества и не надеясь получить разрешение на возвращение, Дион задумал добиться его восстановления острием меча. Но тут произошло еще одно оскорбление со стороны Дионисия, которое придало ссоре еще более смертоносный характер. Аретка, жена Диона и сводная сестра Дионисия, продолжала жить в Сиракузах со времени изгнания своего мужа. Она стала связующим звеном между ними, продолжения которого Дионисий не мог больше терпеть при его нынешней ненависти к Диону. Поэтому он принял решение объявить ее разведенной и снова выдать замуж, несмотря на ее решительное неприятие, за одного из своих друзей по имени Тимократ. [169] К этому он добавил еще одно жестокое оскорбление, намеренно развратив и огрубив старшего сына Диона, юношу, только что достигшего половой зрелости.

Возмущенный таким образом во всех самых нежных чувствах, Дион со страстной решимостью взялся отомстить Дионисию и освободить Сиракузы от деспотизма к свободе. Большую часть своего изгнания он прожил в Афинах, в доме своего друга Каллиппа, наслаждаясь обществом Спевсиппа и других философов Академии, а по возвращении из Сиракуз - учением самого Платона. Хорошо обеспеченный деньгами и строгий в отношении личных нужд, он мог в значительной степени потворствовать своему либеральному духу в отношении многих людей, и среди прочих - в отношении Платона, которому он помог оплатить расходы на хорическую выставку в Афинах.[170] Дион также посетил Спарту и различные другие города; он пользовался высокой репутацией и везде делал себе успехи; этот факт не был неизвестен Дионисию и усугублял его недовольство. Однако Дион долгое время не терял надежды, что это недовольство смягчится и он сможет вернуться в Сиракузы на дружеских условиях. Он также не лелеял никаких враждебных намерений, пока последние действия в отношении его имущества и жены не прервали всякую надежду и не пробудили мстительные чувства.[171] Поэтому он начал готовить план нападения на Дионисия и присоединения Сиракуз с помощью оружия, обращаясь к Платону, который дал свое одобрение, но не без скорбной сдержанности; Он сказал, что ему уже семьдесят лет, что, хотя он и признает справедливую вину Диона и плохое поведение Дионисия, вооруженный конфликт все же противен его чувствам, и он не может ожидать от него ничего хорошего, что он долго и тщетно трудился, чтобы примирить двух раздраженных родственников, и теперь не может трудиться для достижения противоположной цели.[172]

Но хотя Платон был настроен благодушно, его друзья и ученики в Академии сердечно сочувствовали Диону. Особенно Спевсипп, его близкий друг и родственник, сопровождавший Платона в Сиракузы, много общался с населением города и обнадеживающе сообщал о его готовности помочь Диону, даже если он выступит против Дионисия со столь малыми силами. Каллипп с Евдемом (другом Аристотеля), Тимонидом и Мильтасом - все трое члены общества при Академии, а последний еще и пророк - оказали ему помощь и приняли участие в его предприятии. В Сиракузах было много изгнанников, не менее тысячи человек; с большинством из них Дион

вступил в общение, приглашая их к общению. В то же время он нанимал наемных солдат небольшими отрядами, держа свои меры в тайне, как только мог. [173] Алкимен, один из ведущих ахейцев в Пелопоннесе, горячо поддержал это дело (вероятно, из симпатии к ахейской колонии Кротон, находившейся тогда под зависимостью Дионисия), придав ему дополнительное достоинство своим именем и присутствием. Было собрано большое количество запасного оружия всех видов, чтобы снабдить новых безоружных партизан по достижении Сицилии. Со всеми этими помощниками Дион оказался на острове Закинф немного позже середины лета 357 года до н. э.; он собрал восемьсот воинов, испытанных и храбрых, которым было приказано прибыть туда бесшумно и небольшими отрядами, не сообщая, куда они идут. Была подготовлена небольшая эскадра, состоящая не более чем из пяти судов, два из которых были на тридцать весел, с провизией, достаточной для прямого перехода через море из Закинфа в Сиракузы; поскольку обычный переход через Коркиру и Тарентский залив был невозможен перед лицом морской мощи Дионисия [174].

Такова была презренная сила, с которой Дион осмелился напасть на величайшего из греческих государей в его собственной крепости и на острове. Дионисий царствовал в Сиракузах в качестве деспота десять-одиннадцать лет. Как ни уступал он лично своему отцу, не похоже, чтобы сиракузская власть в его руках существенно ослабла. Мы мало знаем о политических фактах его правления; но ветеран Филист, его главный советник и офицер, похоже, сохранил большую часть огромных средств, завещанных старшим Дионисием. Поэтому неравенство сил между нападавшим и нападавшей стороной было совершенно экстравагантным. Для Диона лично такое неравенство было безразлично. Для человека его восторженного темперамента так велики были героизм и возвышенность предприятия, сочетавшего освобождение своей страны от деспота с мстью за грубые оскорбления, нанесенные ему самому, что он был удовлетворен, если бы только смог высадиться на Сицилии с какими бы малыми силами, считая за честь погибнуть в таком деле. [175] Таков был категоричный язык Диона, переданный нам Аристотелем; который (будучи тогда среди учеников Платона), возможно, слышал его своими ушами. Беспристрастным зрителям современности, таким как Демосфен, попытка казалась безнадежной [176].

Но умные люди Академии, сопровождавшие Диона, не стали бы разбрасываться своими жизнями в размышлениях о славном мученичестве; ни они, ни он не знали, что существовали обстоятельства, не бросающиеся в глаза обычному зрителю, которые существенно ослабляли великую кажущуюся безопасность Дионисия.

Во-первых, было выраженное и почти единодушное недовольство жителей Сиракуз. Хотя им и запрещались любые публичные выступления, они были сильно взволнованы первоначальным проектом Диона предоставить свободу городу, склонностями даже самого Дионисия к той же цели, так скоро счастливо угасшими, развязным языком Дионисия, большим положением жены и сестры Диона, вторым пришествием Платона, и все это способствовало надежде, что Дион может быть дружески отозван. В конце концов такая возможность исчезла, когда его имущество было конфисковано, а жена вновь вышла замуж за другого. Но поскольку его энергичный характер был хорошо известен, сиракузяне теперь с уверенностью ожидали и горячо желали, чтобы он вернулся силой и помог им расправиться с тем, кто был и его врагом, и их. Спевсипп, сопровождавший Платона в Сиракузы и много общавшийся с людьми, привез оттуда убедительные свидетельства их недовольства Дионисием и страстного желания получить помощь от Диона. Они говорили, что достаточно будет, если он придет один; они соберутся вокруг него и сразу же вооружат его достаточной силой [177].

Несомненно, в Пелопоннес было отправлено множество других посланий подобного содержания; а один сиракузский изгнанник, Ираклид, сам по себе представлял значительную силу. Хотя он и был другом Диона, [178] он оставался на службе у Дионисия до второго визита Платона. В это

время он попал в немилость и был вынужден спасать свою жизнь бегством из-за мятежа среди наемных войск, а точнее, среди солдат-ветеранов, которым Дионисий урезал жалованье. Урезанные воины подняли оружие, требуя продолжения прежнего жалованья, а когда Дионисий закрыл ворота акрополя, отказавшись удовлетворить их требования, они подняли яростный варварский боевой крик *ῥᾶπ* и бросились на стены.^[179] Грозные голоса этих галлов, иберов и кампанцев донеслись до ушей Платона, который знал, что сам является объектом их ненависти, и находился в это время в саду акрополя. Но Дионисий, не менее напуганный, чем Платон, усмирил мятеж, уступив все, что просили, и даже больше. Вина за это злоключение была возложена на Гераклида, по отношению к которому Дионисий вел себя в сочетании с несправедливостью и вероломством - согласно суждению как Платона, так и всех окружающих.^[180] Изгнанник, он принес весть о том, что Дионисий не может рассчитывать даже на наемные войска, к которым он относился со скупостью, тем более отвратительной, что они контрастировали с щедростью его отца.^[181] Гераклид был готов сотрудничать в свержении деспотии в Сиракузах. Но он ждал, пока снарядит эскадру трирем, и не был готов так быстро, как Дион; возможно, это было сделано намеренно, поскольку между ними вскоре вспыхнула ревность.^[182]

Второй источник слабости Дионисия заключался в его собственном характере и привычках. Властная энергия отца, далеко не всегда служившая сыну, сочеталась с ревностью, которая намеренно сдерживала его и мешала расти. Он всегда был слабым, мелочным, лишенным мужества и прозорливости, и не годился для положения, подобного тому, которое приобрел и сохранил его отец. Его личная некомпетентность была признана всеми и, вероятно, проявилась бы еще заметнее, если бы он не нашел себе министра с такими способностями и такой преданностью династии, как Филист. Но помимо известной некомпетентности, в последнее время он приобрел привычки, которые внушали всем окружающим презрение. Он был вечно пьян и погружен в разгул. Справиться с таким вождем, пусть даже окруженным стенами, солдатами и вооруженными кораблями, казалось Диону и его доверенным лицам делом отнюдь не выполнимым.^[183]

Тем не менее, эти причины слабости были известны только близким наблюдателям, в то время как огромная военная сила Сиракуз была очевидна для всех. Когда солдатам, собранным Дионом в Закинфе, впервые сообщили о том, что им суждено ударить через море прямо на Сиракузы, они отшатнулись от этого предложения как от акта безумия. Они жаловались на своих вождей за то, что те не рассказали им о планах; точно так же, как десять тысяч греков в армии Кира, добравшись до Тарса, жаловались на Клеарха за то, что тот утаил, что они идут против великого царя. Потребовалось все красноречие Диона с его преклонным возрастом, его величественным присутствием и количеством золотых и серебряных пластин в его распоряжении, чтобы снять их опасения. О том, насколько широко были распространены эти опасения, говорит тот факт, что из тысячи сиракузских изгнанников только двадцать пять или тридцать осмелились присоединиться к нему.^[184]

После великолепного жертвоприношения Аполлону и обильного банкета для солдат на стадионе в Закинфе Дион отдал приказ отправляться в путь на следующее утро. В ту же ночь произошло затмение луны. Мы уже видели, к каким катастрофическим последствиям привело появление этого же феномена за пятьдесят шесть лет до этого, когда Никиас собирался вывести побежденный афинский флот из гавани Сиракуз.^[185] При существующих опасениях группы Диона затмение вполне могло побудить их отказаться от предприятия; так, вероятно, произошло бы и при таком полководце, как Никиас. Но Дион изучал астрономию, и, что не менее важно, Милтас, пророк экспедиции, помимо своего дара пророчества, также получил образование в Академии. Когда испуганные солдаты спросили, какое новое решение следует принять в связи со столь серьезным знамением богов, Милтас поднялся и заверил их, что они ошиблись в знамении,

которое обещало им удачу и победу. Затмением луны боги намекнули на то, что вскоре должно померкнуть нечто очень блестящее: теперь в Греции не было ничего столь блестящего, как деспотия Дионисия в Сиракузах; именно Дионисия ожидало затмение, которое должно было наступить благодаря победе Диона. [187] Успокоенные такими утешительными словами, солдаты поднялись на борт. Поначалу у них были все основания полагать, что их ожидает благосклонность богов, так как легкий и устойчивый этезианский бриз перенес их через среднее море без происшествий и страданий за двенадцать дней, от Закинфа до мыса Пахинус, юго-восточного угла Сицилии и ближайшего к Сиракузам. Лоцман Протус, проложивший курс так, чтобы точно попасть мыс, настоятельно рекомендовал немедленно высадиться, не проходя дальше вдоль юго-западного побережья острова, поскольку начиналась штормовая погода, которая могла помешать флоту держаться у берега. Но Дион опасался высаживаться так близко к основным силам противника. Поэтому эскадра двинулась в путь, но была отброшена сильным ветром от Сицилии к побережью Африки, едва избежав кораблекрушения. Не без особых трудностей и опасностей они вернулись в Сицилию через пять дней, коснувшись острова Гераклея Миноа к западу от Агригентума, находящегося под властью карфагенян. Карфагенский губернатор Миноа, Синал (возможно, грек на службе Карфагена), был лично знаком с Дионом и принял его со всей возможной любезностью, хотя ничего не знал о его приближении и поначалу сопротивлялся его высадке по незнанию.

Так Дион после десяти лет изгнания вновь оказался на сицилийской земле. Благоприятные предсказания Мильтаса полностью сбылись. Но даже этот пророк вряд ли мог быть готов к чудесным вестям, которые сейчас прозвучали и обеспечили успех экспедиции. Дионисий недавно отплыл из Сиракуз в Италию с флотом из восьмидесяти трирем. [188] Что побудило его совершить столь серьезную ошибку, мы не можем понять; ведь Филист уже находился с флотом в Тарентумском заливе, ожидая перехвата Диона и полагая, что эскадра вторжения, естественно, поплывет вдоль побережья Италии в Сиракузы, согласно почти повсеместной в те дни практике. [Филист не совершил той же ошибки, что и Никиас в отношении Гилиппа, [190] презрев Диона из-за малочисленности его сил. Он наблюдал в обычных водах и был разочарован лишь тем, что Дион, отважившись на смелый и необычный прямой курс, получил большую благосклонность ветра и погоды. Но пока Филист следил за побережьем Италии, сам Дионисий, естественно, держал свои главные силы в Сиракузах. Деспот был полностью осведомлен о недовольстве, царившем в городе, и о надеждах, возбужденных проектом Диона, который был в целом хорошо известен, хотя никто не мог сказать, как и в какой момент можно ожидать освободителя. Дионисий, подозрительный как никогда, устроил в городе новый обыск на предмет оружия и отобрал все, что смог найти [191]. Мы можем быть уверены, что его полк привычных шпионов был начеку как никогда, и что необычная строгость была в порядке вещей. И все же в этот критический момент он счел нужным покинуть Сиракузы с очень большой частью своих сил, оставив командование Тимократу, мужу покойной жены Диона; и в этот же критический момент Дион прибыл в Миноа.

Ничто не могло превзойти радость дионских воинов, узнавших об отъезде Дионисия, который оставил Сиракузы открытыми и легкодоступными. Стремясь воспользоваться благоприятным моментом, они призвали своего вождя отправиться туда без промедления, отказавшись даже от той меры отдыха, которую он рекомендовал после утомительного плавания. Поэтому Дион, подкрепившись у Синала, у которого он оставил свое запасное оружие, чтобы тот передал его ему в случае необходимости, отправился в поход на Сиракузы. Когда он вступил на территорию Агригентины, к нему присоединились две сотни всадников у Экономона. [192] Далее, когда он проходил через Гелу и Камарину, многие жители этих городов, а также соседние сиканы и сикелы

пополнили его отряд. Наконец, когда он приблизился к сиракузской границе, значительная часть сельского населения также присоединилась к нему, хотя и без оружия; в общей сложности подкрепление, присоединившееся к нему, составило около пяти тысяч человек.^[193] Вооружив этих добровольцев наилучшим образом, Дион продолжил свое продвижение до Акраэ, где сделал короткий вечерний привал. Оттуда, получив хорошие новости из Сиракуз, он возобновил свой марш во второй половине ночи, поспешив вперед к переправе через реку Анапус; которую ему посчастливилось занять без всякого сопротивления до рассвета.

Теперь Дион находился не более чем в миле с четвертью от стен Сиракуз. Восходящее солнце открыло его армию взору сиракузского населения, которое, несомненно, с нетерпением ожидало его появления. Его видели приносящим жертву реке Анапус и возносящим торжественную молитву богу Гелиосу, который тогда только-только показался над горизонтом. Он носил венок, привычный для тех, кто был занят подобным делом; его солдаты, воодушевленные уверенным ободрением пророков, также взяли венки.^[194] Воодушевленные и воодушевленные, они миновали Анапус (кажется, у моста, составлявшего часть Гелоринского пути), бегом пересекли низкую равнину, отделявшую южный утес Эпиполе от Большой гавани, и приблизились к воротам квартала Сиракуз под названием Неаполь - воротам Теменитидов, рядом с часовней Аполлона Теменита.^[195] Во главе их шел Дион в блестящих доспехах и с телохранителем, состоявшим из ста его пелопоннесцев. По одну сторону от него стоял его брат Мегаклес, по другую - его друг афинянин Каллипп; все трое, а также большая часть воинов, все еще были увенчаны своими священными венками, как будто шествовали в радостной праздничной процессии, когда победа уже была обеспечена^[196].

Пока Дион не встретил ни малейшего сопротивления. Тимократ (оставленный в Сиракузах с большим отрядом наемников в качестве наместника), пока он посылал экспресс с известием Дионисию, удерживал две военные позиции или рога города: остров Ортигия на одной оконечности и Эпиполе с Эвриалом на другой. Уже упоминалось, что Эпиполь представлял собой треугольный склон, стены которого граничили с северным и южным утесами и образовывали угол на западной вершине, где стоял сильный форт Эвриала. Между Орфигией и Эпиполем располагались густонаселенные кварталы Сиракуз, где проживала большая часть горожан. Поскольку недовольство сиракузян было хорошо известно, Тимократ считал небезопасным выходить из города и встречать Диона на дороге, опасаясь восстания внутри. Но он, возможно, занял бы важный мост через Анапус, если бы до него не дошли сведения, что Дион направляет свою атаку сначала на Леонтины. Многие из кампанских наемников под командованием Тимократа, имея имущество в Леонтины, немедленно покинули Эпиполе, чтобы отправиться туда и защитить его.^[197] Этот слух - ложный и, возможно, намеренно распространенный захватчиками - не только увлек большую часть гарнизона в другие места, но и ввел Тимократа в заблуждение; таким образом, Диону было позволено совершить ночной поход, достичь Анапа и найти его незанятым.

Тимократу было уже поздно сопротивляться, когда восходящее солнце показало армию Диона, переправляющуюся через Анапус. Эффект, произведенный на сиракузян в густонаселенных кварталах, был электрическим. Они поднялись как один человек, чтобы приветствовать своего освободителя и свергнуть династию, которая висела на их шее сорок восемь лет. Наемники Дионисия, находившиеся в центральных районах города, были вынуждены искать убежища в Эпиполе, а его полиция и шпионы были преследованы и схвачены, чтобы подвергнуться всем ужасам народной мести.^[198] Далеко не всегда Тимократ мог выступить против Диона, он не мог даже сдерживать внутренний мятеж. Его так сильно запугали донесения перепуганной полиции, бурный и единодушный гнев народа, к которому каждый дионисийский партизан давно привык относиться как к обезоруженным рабам, что он не считал себя в безопасности даже в Эпиполе. Но

он не мог найти средства добраться до Ортигии, поскольку промежуточный город находился в руках его врагов, в то время как Дион со своими войсками пересекал равнину между Эпиполем и Великой гаванью. Поэтому ему оставалось только полностью эвакуировать Сиракузы и бежать из Эпиполя либо северным, либо западным путем. Чтобы оправдать свое поспешное бегство, он распространил самые ужасающие сведения об армии Диона и тем самым еще больше парализовал обескураженных партизан Дионисия[199].

Дион уже достиг ворот Теменитиды, где его собрались встречать главные граждане, одетые в свои лучшие наряды, и толпа, издававшая громкие и радостные восклицания. Остановившись у ворот, он дал звук своей трубы и попросил тишины, после чего официально объявил, что он и его брат Мегакл прибыли с целью свергнуть дионисийский деспотизм и дать свободу как сиракузянам, так и другим сицилийским грекам. Вопли усилились, когда он и его солдаты вошли в город, сначала через Неаполис, затем по подъему к Ахрадине; главная улица которой (широкая, непрерывная и прямая, что было редкостью для греческого города[200]) была украшена, как в день юбилея, жертвами, приносимыми в жертву богам, столами и чашами с вином, приготовленными для праздника. Когда Дион шел во главе своих воинов по дорожке, образованной посреди этой толпы, с каждой стороны на него бросали венки, как на олимпийского победителя, и обращались к нему с благодарственными молитвами, как к богу[201]. Каждый дом был сценой шумной радости, в которой одинаково участвовали мужчины и женщины, свободные и рабы; выплеск чувств, долго сдерживаемых и облегченных прошлым деспотизмом с его инквизиторской полицией и гарнизоном.

Диону еще не время было поддаваться этим приятным, но пассивным порывам. Вдохнув мужество в своих солдат, а также в горожан своим триумфальным шествием через Ахрадину, он спустился на ровную площадку перед Ортигией. В этой крепости все еще находился дионисийский гарнизон, которому он бросил вызов выйти на бой. Но бегство Тимократа оставило их без приказа, а внушительная демонстрация и единодушное восстание народа в Ахрадине, которые они, должно быть, частично наблюдали со своих стен, а частично узнали через беглых шпионов и партизан, повергли их в уныние и ужас, так что они не были склонны покидать свои укрепления. Восставшие граждане, к которым Дион теперь обращался как к собранию свободных людей, приветствовали их отсталость как признание своей неполноценности. Неподалеку, перед акрополем с его Пентапилой, или пятью воротами, возвышался великолепный солнечный циферблат, воздвигнутый старшим Дионисием. Взойдя на вершину этого сооружения, с оружием деспота на одной стороне и освобожденной Ахрадиной на другой, Дион обратился с одушевленной речью к сиракузянам, увещевая их к упорным усилиям в защите вновь приобретенных прав и свобод и приглашая их избрать генералов для командования, чтобы совершить полное изгнание дионисийского гарнизона. Сиракузяне под единогласные возгласы назначили Диона и его брата Мегакла полководцами с полными полномочиями. Но оба брата настаивали на том, чтобы вместе с ними были избраны коллеги. Поэтому было избрано еще двадцать человек, десять из которых были из той небольшой группы сиракузских изгнанников, которые присоединились к ним в Закинфе.

Таков был въезд Диона в Сиракузы на третий день[203] после его высадки в Сицилии; это был первый публичный акт возобновленной сиракузской свободы; первый после того рокового голосования, которое за сорок восемь лет до этого избрало старшего Дионисия полномочным генералом и вложило в его руки государственный меч, не предвидя последствий. В руках Диона этот меч был энергично использован против общего врага. Он немедленно напал на Эпиполь; гарнизон, оставленный в нем беглым Тимократом, был настолько ошеломлен, что позволил ему овладеть им вместе с сильной крепостью Эвриала, которую при небольшом мужестве и преданности можно было бы долго защищать. Это приобретение, сделанное внезапно, в условиях

успеха с одной стороны и уныния с другой, имело огромное значение и во многом определило исход поединка. Оно не только сократило численность партизан Дионисия в пределах Ортигии, но и позволило Диону освободить многих государственных преступников,[204] которые стали ярыми сторонниками революции. После своего успеха он не терял времени и принял меры против Ортигии. Чтобы полностью закрыть ее со стороны суши, он начал возведение блокадной стены, протянувшейся от Великой гавани с одной стороны до моря с восточной стороны Порты Лаккиус с другой. [205] В то же время он обеспечил горожан оружием, насколько это было возможно, отправив за запасным оружием, которое он сдал на хранение Синалу в Миноа. Не похоже, чтобы гарнизон Ортигии пытался помешать ему; таким образом, за семь дней он не только получил оружие от Синала, но и завершил, в грубой форме, всю или большую часть блокадной стены[206].

По истечении этих семи дней, но не раньше (случайно не получив посланный ему экспресс), Дионисий вернулся со своим флотом в Ортигию.[207] Положение его изменилось фатальным образом. Островок был единственной частью города, которой он владел, да и тот был закрыт со стороны суши почти завершенной стеной блокады. Вся остальная часть города была занята не подданными, а злейшими врагами. Леонтины, а также, вероятно, и многие другие зависимые от Сиракуз города воспользовались возможностью восстать.[208] Даже с большим флотом, который он привел домой, Дионисий не считал себя достаточно сильным, чтобы противостоять своим врагам в поле, но прибег к стратагеме. Сначала он попытался вступить в частную интригу с Дионом, который, однако, отказался принимать отдельные предложения и пожелал, чтобы он публично обратился с ними к свободным гражданам Сиракуз. Поэтому он отправил посланников, предложив сиракузянам то, что в наше время назвали бы конституцией. Он требовал лишь умеренного налогообложения и умеренного несения военной службы при условии их собственного согласия. Но сиракузяне посмеялись над этим предложением, и Дион от их имени дал императивный ответ, что никакие предложения от Дионисия не могут быть приняты, кроме полного отречения; добавив от своего имени, что он сам, на основании родственных связей, обеспечит Дионисию, если тот отречется от престола, безопасность и другие разумные уступки. Дионисий одобрил эти условия и пожелал отправить к нему посланников в Ортигию, чтобы уладить все детали. И Дион, и сиракузяне с готовностью ухватились за его предложение, ни на минуту не усомнившись в его искренности. Несколько самых выдающихся сиракузян, одобренных Дионом, были отправлены в качестве посланников к Дионисию. Воцарилась всеобщая уверенность, что отставка деспота теперь обеспечена; и солдаты и граждане, занятые против него, полные радости и взаимных поздравлений, стали небрежно караулить на крепостной стене блокады; многие из них даже удалились в свои дома в городе.

Именно этого и ожидал Дионисий. Желая затянуть дискуссию, чтобы задержать посланцев в Ортигии на всю ночь, он приказал на рассвете внезапно выступить всем своим солдатам, которых он до этого стимулировал как вином, так и огромными обещаниями в случае победы.[209] Выступление было своевременным и поначалу полностью успешным. Половина солдат Диона расположилась в лагере для охраны перекрестной стены (другая половина была расквартирована в Ахрадине) вместе с отрядом сиракузских граждан. Но они были так мало подготовлены к боевым действиям, что нападавшие, выбежав с криками и бегом, с первого же натиска вынесли стену, убили часовых и принялись разрушать стену (которая, вероятно, была грубым и поспешным сооружением), а также атаковать войска, находившиеся с внешней стороны. Сиракузяне, удивленные и напуганные, бежали, практически не оказывая сопротивления. Их бегство частично расстроило более крепких дионских солдат, которые храбро сопротивлялись, но не успели сформировать свой строй. Никогда еще Дион не был столь прославлен как офицер и как солдат. Он приложил максимум усилий, чтобы сформировать войска и выстроить их в ряды, необходимые для эффективного боя греческих гоплитов. Но его приказы не были услышаны в шуме или проигнорированы в неразберихе: его войска теряли мужество, нападающие одерживали верх, и

день, казалось, явно шел против него. Видя, что другого выхода нет, он поставил себя во главе своих лучших и самых преданных солдат и бросился, хотя уже был пожилым человеком, в самую гущу схватки. Схватка была тем более ожесточенной, что происходила в узком пространстве между новой блокадной стеной с одной стороны и внешней стеной Неаполиса с другой. И доспехи, и личность Диона были заметны, он был известен как врагам, так и друзьям, и битва вокруг него была одной из самых упорных в греческой истории. [210] Дротики били и в его щит, и в шлем, а щит был пронзен несколькими копьями, которые от тела его удерживала только нагрудная пластина. В конце концов он был ранен в правую руку или кисть, брошен на землю и оказался в неминуемой опасности попасть в плен. Но эта бесцеремонность с его стороны так подстегнула храбрость его собственных войск, что они и спасли его, и удвоили усилия против врага. Назначив вместо себя командиром Тимонида, Дион с инвалидной рукой сел на коня, поскакал в Ахрадину и повел в бой ту часть своего войска, которая находилась там в гарнизоне. Эти люди, свежие и хорошие солдаты, восстановили битву. Сиракузяне вернулись на поле боя, все вступили в напряженную борьбу, и дионисийские нападающие были снова загнаны в стены Ортыгии. Потери с обеих сторон были тяжелыми; у Дионисия было восемьсот человек; всех их он приказал забрать с поля боя (по перемирию, заключенному по его просьбе Дионом) и похоронить с пышными почестями, чтобы популяризировать себя среди оставшихся в живых [211].

Если учесть, насколько сомнительным оказался исход этой битвы, то становится очевидным, что если бы Тимократ удержался в Эпиполе, чтобы Дионисий мог остаться хозяином Эпиполя и Ортыгии, то успех всего предприятия Диона в Сиракузах оказался бы под серьезной угрозой.

Велика была радость, вызванная победой в Сиракузах. Сиракузяне выразили свою благодарность воинам Диона золотым венком стоимостью в сто мин; а те, очарованные доблестью своего полководца, подарили золотой венок ему. Дион немедленно приступил к восстановлению поврежденной поперечной стены, которую он отремонтировал, завершил и поставил под надежную охрану на будущее. [212] Дионисий больше не пытался помешать ему вооруженным нападением. Но поскольку он все еще имел превосходство на море, он переправил через гавань отряды, чтобы разорить страну в поисках провизии, и послал корабли, чтобы доставить запасы также по морю. Вскоре его превосходство на море было ослаблено прибытием из Пелопоннеса Ираклида [213] с двадцатью триремami, тремя меньшими судами и пятнадцатью сотнями воинов. Сиракузяне, которые теперь начали активно проявлять себя на кораблях, собрали неплохую военно-морскую силу. Все доки и пристани были сосредоточены в Ортыгии и вокруг нее, в пределах досягаемости Дионисия, который был хозяином военно-морских сил, принадлежавших городу. Но, похоже, экипажи некоторых кораблей (в основном коренные сиракузяне, [214] с примесью афинян, несомненно, демократических настроений) должны были дезертировать от деспота к народу, захватив свои корабли, так как вскоре мы видим у сиракузян флот из шестидесяти трирем, [215] который они вряд ли могли приобрести иначе.

Вскоре Дионисий получил подкрепление от Филиста, который привел в Ортыгию не только свой флот из Тарентского залива, но и значительный полк конницы. С ними, а также с некоторыми другими войсками, Филист предпринял экспедицию против восставших леонтинцев. Но хотя он пробрался в город ночью, вскоре был изгнан защитниками, получившими подкрепление из Сиракуз [216].

Однако, чтобы сохранить провизию в Ортыгии, Филисту было еще более необходимо поддерживать свое превосходство на море против растущей морской мощи сиракузян, которыми теперь командовал Ираклид. [217] После нескольких частичных столкновений между двумя адмиралами произошла последняя битва, отчаянная и решительная. Оба флота насчитывали по шестьдесят трирем. Поначалу Филист, отважный и смелый, казалось, одержит победу. Но вскоре судьба обернулась против него. Его корабль был выброшен на берег, а сам он с большей частью

своего флота перебит врагом. Чтобы избежать плена, он заколол себя. Однако рана оказалась не смертельной, и он, будучи семидесяти восьми лет от роду, живым попал в руки своих врагов, которые раздели его догола, жестоко оскорбляли и в конце концов отрубили ему голову, после чего протащили его тело за ногу по улицам Сиракуз. [218] Как ни отвратительно это обращение, мы должны помнить, что оно было менее ужасным, чем то, которому старший Дионисий подверг рейнского полководца Фитона.

Последние надежды дионисийской династии погибли вместе с Филистом, самым способным и верным из ее слуг. Он был участником первого дня узурпации - восемнадцатого брюмера: его своевременная, хотя и жалкая смерть спасла его от участия в последнем дне изгнания - на острове Святой Елены.

Даже после предыдущей победы Диона Дионисий потерял все шансы одолеть сиракузян силой. Но теперь, благодаря победе Гераклида, он еще больше утратил свое превосходство на море, а значит, и возможность постоянно удерживаться в Ортигии. Казалось, что триумф Диона обеспечен, а его враг повержен в прах. Но, хотя Дионисий и был обезоружен, он все еще оставался грозным благодаря своим средствам разжигания интриг и раздоров в Сиракузах. Его древняя антипатия к Диону стала еще более острой, чем прежде. Вынужденный сам отказаться от империи, но решив, что Дион должен быть разрушен вместе с ним, он затеял целый ряд подлых маневров, используя страхи и зависть сиракузян, соперничество Ираклида, недостатки Диона и, что было важнее всего, связь Диона с династией Дионисиев.

Дион проявил самоотверженное мужество и заслужил огромную благодарность сиракузян. Но он был воспитан в деспотии, одним из главных основателей которой был его отец; он был связан всеми узами родства с Дионисием, с которым его сестра, бывшая жена, и его дети все еще жили в акрополе. Таким образом, обстоятельства сложились так, что сиракузяне стали опасаться, и небезосновательно, что Дион может заключить какую-то частную сделку с акрополем и что выдающиеся заслуги, которые он только что оказал, могут стать лишь ступенькой к новому деспотизму в его лице. Подобные подозрения были вполне оправданы недугами Диона, сочетавшимися с мужественным и великодушным характером и столь надменными манерами, что это болезненно воспринималось даже его спутниками. Дружеские письма из Сиракуз, написанные Платону или другим афинянам (возможно, письма Тимонида Спевсиппу) вскоре после победы, содержали много жалоб на отталкивающее поведение Диона; этот недостаток философ призывал своего друга исправить. [219] Все, кого оскорбляло высокомерие Диона, утвердились в своих подозрениях относительно его деспотических замыслов и были вынуждены обратиться за защитой к его сопернику Ираклиду. Этот последний, бывший генерал на службе у Дионисия, от неудовольствия которого он спас свою жизнь только бегством, не смог или не захотел сотрудничать с Дионом в его экспедиции из Закинфа, но с тех пор привел на помощь сиракузянам значительные силы, включая несколько вооруженных кораблей. Хотя Гераклид не присутствовал при первом вступлении в Сиракузы и не прибыл туда до тех пор, пока Ортигия не была взята в блокаду, он считался равным Диону по способностям и военной эффективности, а что касается скрытых замыслов, то у него было огромное преимущество: он не был связан с деспотией и не вызывал недоверия. Кроме того, его манеры были не только популярны, но, по словам Плутарха, [220] более чем популярны - он был гладок, коварен и ловок в криминальных речах, чтобы погубить соперников и возвыситься самому.

Поскольку состязание в скором времени должно было проходить скорее на море, чем на суше, снаряжение флота стало необходимым; поэтому Ираклид, который привел с собой наибольшее количество трирем, естественно, приобрел большую важность. Вскоре после его прибытия сиракузское собрание приняло решение назначить его адмиралом. Но Дион, который, похоже, узнал об этом голосовании только после того, как оно прошло, выступил против него как против

отступления от всех полномочий, которые сиракузяне своим прежним голосованием предоставили ему самому. Поэтому народ, хотя и с неохотой, отменил свое голосование и сместил Ираклида. Затем, мягко упрекнув Ираклида в том, что он разжигает рознь в то время, когда общий враг все еще опасен, Дион созвал еще одно собрание, на котором предложил от себя назначить Ираклида адмиралом с охраной, равной его собственной. [221\]](#) Принятое таким образом право назначения вызвало недовольство сиракузян, унизило Ираклида и привело в ярость его приверженцев, а также флот, которым он командовал. Это дало ему власть - вместе с провокацией использовать эту власть для уничтожения Диона; таким образом, он оказался вдвойне открыт для искреннего недоверия со стороны одних и для преднамеренной клеветы со стороны других.

Необходимо понять эту ситуацию, чтобы оценить средства, предоставленные Дионисию для личных интриг, направленных против Диона. Хотя подавляющее большинство сиракузян было враждебно настроено к Дионисию, среди них было немало людей, связанных с теми, кто служил под его началом в Ортигии, и способных привести в движение его взгляды. Вскоре после полного поражения своей вылазки он вновь стал просить о мире, на что Дион ответил, что мир не может быть заключен, пока Дионисий не отречется от престола и не уйдет в отставку. Затем Дионисий разослал глашатаев из Ортигии с письмами, адресованными Диону от его родственниц. Все эти письма были полны жалоб на страдания, выпавшие на долю этих несчастных женщин, а также молитв о том, чтобы он ослабил свою враждебность. Чтобы отвести от себя подозрения, Дион приказал вскрыть письма и публично зачитать их перед сиракузским собранием; однако их содержание было таково, что неизбежно возникли подозрения, выраженные или нет, относительно того, как они повлияли на симпатии Диона. Одно письмо было с надписью "Гиппаринус (сын Диона) своему отцу". Поначалу многие присутствующие отказывались принимать к сведению столь сугубо частное сообщение, но Дион настоял на своем, и письмо было публично зачитано. Оказалось, что оно исходило не от юноши Гиппаринуса, а от самого Дионисия, и было коварно составлено с целью дискредитировать Диона в умах сиракузян. В начале письма ему напоминали о долгих услугах, которые он оказал деспотии. Он умолял его не хоронить эту великую державу, равно как и своих родственников, в одной общей гибели ради народа, который обернется и ужалит его, едва он даст ему свободу. Самому Дионисию он предложил немедленную отставку, если Дион согласится занять его место. Но в случае отказа Дион угрожал самыми жестокими пытками его родственницам и сыну [\[222\]](#).

Это письмо, хорошо составленное для своей цели, было встречено возмущенным отказом и протестом со стороны Диона. Несомненно, его отказ был воспринят собранием с одобрением; но письмо не в меньшей степени влило в их умы предполагаемый яд. Плутарх проявляет (по моему мнению) не слишком глубокое знание человеческой природы, когда жалуется на сиракузян за то, что письмо внушило им подозрения в отношении Диона, вместо того чтобы восхититься его великодушным сопротивлением столь трогательным призывам. Именно великодушие, необходимое для ситуации, и вызвало их недоверие. Кто мог уверить их в том, что в душе Диона есть такие чувства, и кто мог предсказать, какие из болезненно противоречивых чувств определяют его поведение? Положение Диона не позволяло ему рассчитывать на полное доверие. Более того, его враги, не довольствуясь разжиганием истинных причин недоверия, фабриковали грубые небылицы как против него самого, так и против наемников под его командованием. Сиракузянин по имени Сосис, брат одного из стражников Дионисия, произнес в сиракузском собрании яростную речь, предупреждая своих соотечественников остерегаться Диона, чтобы не получить строгого и трезвого деспота вместо того, кто постоянно находится в состоянии опьянения. На следующий день Сосис явился в собрание с раной на голове, которую, по его словам, ему нанесли несколько солдат Диона в отместку за его речь. Многие присутствующие, поверив в эту историю, горячо поддержали его; Диону же с большим трудом удалось отбиться от обвинения и получить

время для выяснения его истинности. В ходе расследования выяснилось, что рана была поверхностным порезом, нанесенным бритвой самим Сосисом, а вся история - позорная клевета, за распространение которой он был подкуплен.^[224] В этом конкретном случае оказалось возможным осудить преступника за бесстыдную ложь. Но было множество других нападок и извращений, менее ощутимых, порожденных теми же враждебными интересами и направленными к той же цели. С каждым днем подозрительность и недружелюбие сиракузян по отношению к Диону и его воинам становились все более ожесточенными.

Морская победа, одержанная Ираклидом и сиракузским флотом над Филистом, возвысившая дух сиракузян и славу адмирала, еще более ослабила влияние Диона. Укрепилось мнение, что даже без него и его солдат сиракузяне смогут защитить себя и овладеть Ортигией. Именно теперь побежденный Дионисий отправил оттуда новое посольство к Диону, предлагая сдать ему это место с гарнизоном, оружейным магазином и сокровищами, равными пятидесятичному полному жалованию, при условии, что ему будет позволено удалиться в Италию и пользоваться доходами большой и продуктивной части (называемой Гиартой) сиракузской территории. Дион снова отказался отвечать, попросив его обратиться к сиракузской общественности и посоветовать принять условия.^[225] В условиях существующего недоверия к Диону этот совет был истолкован как скрывающий предполагаемый сговор между ним и Дионисием. Ираклид пообещал, что если война будет продолжена, то он будет держать Ортигию заблокированной до тех пор, пока она не будет сдана по собственному желанию со всеми, кто в ней находился, в качестве пленных. Но, несмотря на обещание, Дионисий сумел ускользнуть от его бдительности и отплыть в Локри в Италии со многими спутниками и большим имуществом, оставив Ортыгию под командованием своего старшего сына Аполлократа.

Хотя блокада была немедленно возобновлена и стала еще более строгой, чем прежде, этот побег деспота сильно дискредитировал Ираклида. Вероятно, дионисийские партизаны были не скупы на упреки. Чтобы создать себе новую популярность, Ираклид горячо поддержал предложение гражданина по имени Гиппо о новом разделе земельной собственности; предложение, которое, учитывая масштабные изменения земельной собственности, произведенные дионисийской династией, мы вполне можем предположить, было рекомендовано на основании спекулятивной справедливости, а также в связи с необходимостью обеспечения бедных граждан. Дион решительно выступил против этого предложения, но был перебит. Были приняты и другие предложения, еще более противные ему и даже направленные прямо против него. Наконец, Ираклид, усугубляя свое невыносимое высокомерие, убедил народ принять постановление о назначении новых генералов и о том, что причитающееся дионским солдатам жалованье, составляющее сейчас большую задолженность, не должно выплачиваться из государственного бюджета^[226].

Дион лишился командования ближе к середине лета, примерно через девять месяцев после прибытия в Сиракузы^[227]. Двадцать пять новых генералов, среди которых был и Гераклид.

Скандално неблагодарная и несправедливая мера, в результате которой солдаты были лишены причитающегося им жалованья, была продиктована чистой антипатией к Диону, поскольку она, похоже, не была применена к тем солдатам, которые пришли с Гераклидом; более того, новые генералы отправили дионским солдатам частные послания, предлагая им дезертировать от своего вождя и присоединиться к сиракузянам, в этом случае им было обещано предоставление гражданства.^[228] Если бы солдаты подчинились, очевидно, что им должно было быть назначено либо причитающееся жалованье, либо какой-то эквивалент. Но все до одного пренебрегли приглашением, с непоколебимой верностью прилепившись к Диону. Ираклид решил изгнать его одного. Однако этому помешали нравы солдат, которые, возмущенные вероломной неблагодарностью сиракузян, подстрекали Диона к законной мести им и требовали только, чтобы

их повели на штурм. Отказавшись применить силу, Дион успокоил их волнение и, поставив себя во главе их, вывел их из города; не без упреков в адрес генералов и жителей Сиракуз по поводу их действий, неосмотрительных и нечестивых, пока враг все еще был хозяином Ортыгии. Тем не менее, новые генералы, выбранные как самые ярые враги Диона, не только остались глухи к его призыву, но и раздули антипатию народа и подстрекнули его к нападению на солдат, шедших из Сиракуз. Их атака, хотя и повторялась неоднократно, была решительно отбита солдатами - превосходными войсками, численностью в три тысячи человек; Дион же, желая обеспечить их безопасность и избежать кровопролития с обеих сторон, ограничился строгой обороной. Он запретил преследование, отдавая пленных без выкупа, а также тела убитых для погребения[229].

В таком виде Дион прибыл в Леонтины, где встретил самое горячее сочувствие к себе и возмущенное отвращение к поведению сиракузян. Вступив в союз с недавно получившими право голоса Сиракузами против династии Дионисия, леонтинцы не только приняли в свое гражданство воинов Диона и назначили им положительное вознаграждение, но и отправили в Сиракузы посольство, настаивая на справедливости по отношению к ним. Сиракузяне, в свою очередь, отправили посланников в Леонтины, чтобы обвинить Диона перед собранием всех созванных там союзников. Кто были эти союзники, наша скудная информация не позволяет нам сказать. Их мнение было в пользу Диона и против сиракузян, которые, тем не менее, упорно сопротивлялись, отказываясь от справедливости и возмещения ущерба[230] и считая себя в состоянии уменьшить Ортыгию без помощи Диона, так как запасы провизии в ней были исчерпаны, а гарнизон уже страдал от голода. Отчаявшись получить подкрепление, Аполлократ уже решил отправить посланников и предложить капитуляцию, когда Нипсий, неаполитанский офицер, посланный Дионисием из Локри, имел счастье прибыть в Ортыгию во главе подкрепляющего флота, сопровождавшего многочисленные транспорты с большим запасом провизии. Теперь о капитуляции не могло быть и речи. Гарнизон Ортыгии был усилен до десяти тысяч наемников, обладавших значительными достоинствами, и на некоторое время обеспечен провиантом[231].

Сиракузские адмиралы, то ли по неосторожности, то ли по несчастью, не смогли предотвратить приход Нипсия. Но они внезапно напали на него, когда его флот находился в гавани, а экипажи, считая себя в безопасности от врага, обменивались приветствиями или помогали выгружать запасы. Атака была своевременной и успешной. Несколько трирем Нипсия были разрушены, другие отбуксированы в качестве призов, а победа, одержанная Ираклидом без Диона, вызвала буйную радость во всех Сиракузах. Полагая, что Ортыгия больше не сможет продержаться, горожане, солдаты и даже генералы предались безумному веселью и опьянению, продолжавшемуся всю последующую ночь. Нипсий, умелый офицер, уловил удобный момент и предпринял энергичную ночную вылазку. Его войска, выйдя в полном порядке, установили лестницы, взобрались на стену и без сопротивления расправились со спящими или пьяными часовыми. Овладев этим важным делом, Нипсий поручил части своих людей разрушить ее, а остальных погнал вперед на город. На рассвете перепуганные сиракузяне увидели, что их энергично атакуют даже в их собственной крепости, когда ни полководцы, ни граждане не были готовы к сопротивлению. Войска Нипсия сначала ворвались в Неаполь, который находился ближе всего к стене Ортыгии, а затем в Тиху, другой укрепленный пригород. Они победоносно пронеслись по ним, отбивая все отряды сиракузян, которые могли им противостоять. Улицы стали ареной кровопролития, дома - грабежа; поскольку Дионисий уже отказался от мысли снова постоянно править в Сиракузах, его войска думали только о том, как бы насытить месть своего господина и свою собственную жадность. Солдаты Нипсия разгромили все частные дома в городе, унося в Ортыгию в качестве добычи не только имущество, но и женщин и детей. Наконец (как выясняется) они добрались и до Ахрадины, самой большой и густонаселенной части Сиракуз. Здесь та же сцена грабежа, разрушения и кровопролития продолжалась в течение всего дня и в

еще больших масштабах; сопротивления было достаточно, чтобы вызвать ярость победителей, но не сдерживать их продвижение.

Вскоре Ираклиду и его соратникам, а также всем горожанам стало ясно, что нет никакой надежды на безопасность, кроме как призвать на помощь Диона и его солдат из Леонтины. Однако обращение к тому, кого они не только ненавидели и боялись, но и бесславно унизили, было настолько невыносимым, что долгое время никто не решался высказать то, что у каждого было на уме. В конце концов некоторые из присутствующих союзников, менее заинтересованные в политических партиях города, решились выступить с предложением, которое переходило от человека к человеку и было принято под давлением смешанных и противоположных эмоций. Тогда два офицера союзников и пять сиракузских всадников на полной скорости отправились в Леонтину, чтобы умолять Диона о немедленном присутствии. Добравшись до места ближе к вечеру, они сразу же встретили самого Диона и описали ему несчастные сцены, происходящие сейчас в Сиракузах. Их слезы и страдания собрали вокруг них толпу слушателей, как леонтинцев, так и пелопоннесцев; быстро было созвано общее собрание, перед которым Дион призвал их рассказать свою историю. Тонем людей, для которых все было поставлено на карту, они описали страдания и грядущее разорение города; они просили забыть о своих прошлых проступках, которые уже были слишком жестоко оплачены.

Их речь, глубоко трогательная для собравшихся, была выслушана в тишине. Все ждали, когда Дион начнет и решит судьбу Сиракуз. Он поднялся, чтобы заговорить, но некоторое время слезы мешали ему говорить, в то время как окружавшие его солдаты ободряюще поддерживали его. Наконец он нашел в себе силы сказать: "Я созвал вас, пелопоннесцы и союзники, чтобы обсудить ваше собственное поведение. Для меня обсуждение было бы позором, пока Сиракузы находятся в руках разрушителя. Если я не смогу спасти свою страну, я пойду и похороню себя в ее пылающих руинах. Что касается вас, то если, несмотря на случившееся, вы все же решите помочь нам, заблуждающимся и несчастным сиракузянам, то мы будем обязаны вам тем, что по-прежнему остаемся городом. Если же, презрев причиненное зло, вы оставите нас на произвол судьбы, я благодарю вас за все ваши доблести и привязанность ко мне, молясь, чтобы боги вознаградили вас за это. Помните Диона, как того, кто не покинул ни вас, когда вам причинили зло, ни своих сограждан, когда они были в беде".

Эта речь, исполненная пафоса и достоинства, отозвалась в сердцах слушателей, наполнив их страстным волнением и желанием следовать за ним. Всеобщие крики призывали его немедленно встать во главе их и отправиться в Сиракузы; присутствующие посланники падали ему на шею, призывая благословения как на него, так и на солдат. Как только волнение улеглось, Дион приказал всем немедленно принять вечернюю трапезу и вернуться с оружием в руках на место, приготовившись к ночному походу на Сиракузы.

К рассвету Дион со своим отрядом был в нескольких милях от северной стены Эпиполя. Здесь его встретили посланцы из Сиракуз, которые убеждали его замедлить марш и действовать осторожно. Гераклид и другие генералы отправили послание, запрещающее ему приближаться к городу, с уведомлением, что ворота будут закрыты против него; в то же время от многих выдающихся граждан пришли встречные послания, в которых они умоляли его продолжать путь и обещали ему пропуск и поддержку. Позволив своим войскам грабить и разрушать Сиракузы в течение всего предыдущего дня, Нипсий счел благоразумным отвести их на ночь в Ортигию. Его отступление повысило мужество Гераклида и его соратников, которые, решив, что атака окончена, раскаялись в приглашении, которое они позволили отправить Диону. Под этим впечатлением они отправили ему второе послание о запрете; они держали стражу у ворот в северной стене, чтобы выполнить свою угрозу. Но события следующего утра быстро обманули их. Нипсий возобновил атаку с еще большим ожесточением, чем прежде, завершил разрушение стены блокады перед Ортигией и

безжалостно распустил своих солдат по всем улицам Сиракуз. В этот день было меньше грабежей, но больше массовых убийств. Мужчины, женщины и дети гибли без разбора, и эти варвары не думали ни о чем, кроме как превратить Сиракузы в груды развалин и мертвых тел. Чтобы ускорить этот процесс и отсрочить прибытие Диона, которого они вполне ожидали, они подожгли город в нескольких местах, используя факелы и огненные стрелы. Несчастные жители не знали, куда бежать, чтобы спастись от пламени внутри домов или от меча снаружи. Улицы были усеяны трупами, а огонь постоянно набирал силу, грозя охватить большую часть города. При таких ужасных обстоятельствах ни сам раненый Гераклид, ни другие полководцы не могли дольше противостоять приходу Диона, к которому были посланы даже брат и дядя Гераклида с настоятельными просьбами ускорить его поход, поскольку малейшее промедление могло привести к гибели Сиракуз[232].

Дион находился примерно в семи милях от ворот, когда до него донеслись эти последние крики бедствия. Немедленно поспешив вперед, его солдаты, чей пыл не уступал его собственному, бегом достигли ворот, называемых Гексапила, в северной стене Эпиполя. Войдя в эти ворота, он остановился во внутреннем помещении, называемом Гекатомпедон.[233] Его легковооруженные сразу же были посланы вперед, чтобы задержать уничтожаемого врага, а гоплитов он сдерживал, пока не сформировал их в отдельные колонны под командованием соответствующих капитанов, вместе с гражданами, которые толпились вокруг него с демонстрацией великого почтения. Он распределил их таким образом, чтобы войти во внутреннюю часть Сиракуз и атаковать войска Нипсия сразу с нескольких сторон.[234] Находясь теперь внутри внешнего укрепления, образованного стеной Эпиполеи, перед ним лежал трехчастный внутренний город - Тихея, Неаполь, Ахрадина. Каждая из этих частей имела свое отдельное укрепление; между Тихой и Неаполем было неукрепленное пространство, но каждая из них примыкала к Ахрадине, западная стена которой составляла их восточную стену. Вероятно, эти внутренние укрепления были частично заброшены после строительства внешних стен вдоль Эпиполеи, которые охватывали их все внутри и были главной защитой от иностранного врага. Кроме того, войска Нипсия, будучи хозяевами трех городов и бродя по ним в качестве разрушителей в течение нескольких часов, несомненно, сломали ворота и другими способами ослабили оборону. Зрелище было ужасным, а путь повсюду преграждали пламя и дым, падающие дома и обломки, а также множество людей, лежащих вокруг. Именно среди таких ужасов оказались Дион и его солдаты, проникшие разными частями сразу в Неаполис, Тиху и Ахрадину.

Его задача, вероятно, была бы нелегкой, если бы Нипсий мог управлять войсками под его командованием, которые сами по себе были храбрыми и хорошими. Но эти войска уже несколько часов расходились по улицам, удовлетворяя свои развратные и убийственные страсти и разрушая город, который Дионисий теперь уже не надеялся удержать. Отозвав из этого жестокого беспорядка столько солдат, сколько смог, Нипсий расставил их вдоль внутренних укреплений, заняв входы и открытые места, через которые Дион пытался проникнуть в город.[235] Таким образом, битва не была непрерывной, а велась между отдельными отрядами у отдельных проемов, часто очень узких, и на местности, которую иногда трудно преодолеть, среди полыхающего повсюду огня.[236] Дезорганизованные грабежом, войска Нипсия не могли долго сопротивляться продвижению Диона, с солдатами, полными пыла, и с сиракузянами, окружавшими его, воодушевленными отчаянием. Нипсий был побежден, вынужден оставить свою линию обороны и отступить со своими войсками в Ортигию, до которой большая часть из них добралась в целостности и сохранности. Дион и его победоносные войска, форсировав вход в город, не пытались их преследовать. Первой и самой насущной необходимостью было погасить пламя; но немалое число солдат Нипсия

было рассеяно по улицам и домам и убито, когда они несли на плечах добычу. Однако еще долго после того, как город был очищен от врагов, все находившиеся в нем люди были заняты тем, чтобы остановить пожар; эта задача с трудом удавалась им даже при неустанных усилиях в течение всего дня и последующей ночи[237].

На следующий день Сиракузы были уже другим городом, обезображенным следами пламени и враждебных солдат, но все еще освеженным в сердцах своих граждан, которые чувствовали, что избежали гораздо худшего, и, прежде всего, проникнутым обновленным политическим духом и глубоким чувством покаянной благодарности к Диону. Все те генералы, которые были выбраны на последних выборах из-за их сильной оппозиции ему, немедленно бежали, за исключением Ираклида и Феодота. Эти два человека были его самыми яростными и опасными врагами; однако, судя по всему, они знали его характер лучше, чем их коллеги, и поэтому без колебаний бросились на его милость. Они сдались, признали свою вину и попросили у него прощения. Его великодушие (говорили они) приобрело бы новый блеск, если бы он теперь возвысился до справедливого негодования на заблуждающихся соперников, которые стояли перед ним, смирившись и устыдившись своей прежней оппозиции, умоляя его поступить с ними лучше, чем они поступили с ним.

Если бы Дион поставил их просьбу на голосование, она была бы отвергнута подавляющим большинством голосов. Его солдаты, недавно лишенные жалованья, все еще пылали негодованием против авторов такой несправедливости. Его друзья, напоминая ему о горьких и беспринципных нападках, которые он, как и они, испытал от Гераклида, призывали его очистить город от того, кто злоупотреблял народными формами в целях, едва ли менее пагубных, чем деспотизм как таковой. Жизнь Ираклида теперь висела на волоске. Не высказывая никакого определенного мнения, Диону оставалось лишь хранить неопределенное молчание и ждать, когда народные настроения проявятся в приговоре, которого требовала одна партия и ожидала даже противоположная. Тем больше было удивление всех, когда он взял на себя ответственность за помилование Гераклида, добавив в качестве объяснения и удовлетворения[238] своим разочарованным друзьям: "Другие полководцы прошли через самые тяжелые испытания.

"Другие генералы большую часть своего обучения посвящали оружию и войне. Мое долгое обучение в Академии было посвящено тому, чтобы помочь мне победить гнев, зависть и все злобные ревности. Чтобы показать, что я извлек пользу из этих уроков, недостаточно того, что я выполняю свой долг по отношению к друзьям и честным людям. Настоящим испытанием будет, если после того, как меня обидели, я проявлю умиротворение и мягкость по отношению к обидчику. Я хочу доказать, что превосхожу Гераклида скорее добротой и справедливостью, чем силой и умом. Успехи в войне, даже достигнутые в одиночку, наполовину зависят от удачи. Если Гераклид был вероломен и злобен из-за зависти, то не Дион должен портить добродетельную жизнь, повинаясь злобным чувствам. Да и человеческое зло, как бы велико оно ни было, никогда не доходило до такого предела упрямой жестокости, чтобы не быть исправленным мягким и милостивым обращением со стороны постоянных благодетелей"[239].

Мы можем с полным основанием принять это за нечто близкое к подлинной речи Диона, переданной его спутником Тимонидом и попавшей в биографию Плутарха. Она придает особый интерес, как изложение мотивов, поступку, который она сопровождает. Искренность этого изложения не вызывает сомнений, поскольку все обычные мотивы этого случая советовали противоположное поведение; и если бы Дион подобным образом оказался у ног своего соперника, его жизнь наверняка не была бы спасена. Он гордился (с чувством, подобным тому, которое испытывал Калликратид[240], освобождая пленников, взятых в

Метимне) тем, что он ярким поступком воплотил в жизнь возвышенную мораль, которую он впитал в Академии; тем более, что случай представлял все соблазны отступить от нее. Убеждая себя, что он может прославленным примером устыдить и смягчить взаимную жестокость, столь частую в греческих партийных войнах, и рассматривая амнистию Гераклиду как должное продолжение великодушного порыва, побудившего его идти из Леонтины в Сиракузы, - он, вероятно, прославился и тем, и другим больше, чем самой победой. Вскоре нам предстоит узнать, что его ожидания были полностью разочарованы. И мы можем быть уверены, что в то время суждение о его действиях по отношению к Гераклиду сильно отличалось от того, которое мы получаем сейчас. Среди его друзей и солдат великодушные этого поступка было бы забыто за его безрассудством. Среди его врагов он вызвал бы удивление, возможно, восхищение, но мало кто из них примирился бы с ним или превратился в друга. В душе самого Ираклида сам факт того, что он обязан жизнью Диону, стал бы новым и невыносимым унижением, за которое Эриннис внутри побудил бы его отомстить. Критика друзей, а также инстинкт солдат предупредили бы Диона, что, поддавшись великодушному чувству, он упустил из виду разумные последствия, и что, оставаясь в Сиракузах, Гераклид будет только опаснее для него и для них, чем прежде. Не лишая его жизни, Дион мог потребовать, чтобы он уехал из Сиракуз; это предложение, учитывая практику того времени, было бы благородным.

Следующим делом Диона было возобновление блокадной стены, возведенной против Ортыгии и частично разрушенной во время последней вылазки Нипсия. Каждому сиракузскому гражданину было приказано срубить кол и положить его неподалеку, после чего в течение ближайшей ночи солдаты установили заграждение, чтобы восстановить разрушенные части линии. Обеспечив таким образом защиту города от Нипсия и его гарнизона, Дион принялся хоронить многочисленных убитых во время вылазки и выкупать пленных, не менее двух тысяч человек, уведенных в Ортыгию. [241](#) Не был забыт и трофей с жертвоприношением богам за победу. [242](#)

Теперь было созвано общественное собрание, чтобы избрать новых полководцев взамен бежавших. Ираклид сам предложил избрать Диона полководцем с полными полномочиями на суше и на море. Это предложение было принято с большим одобрением главными гражданами; но более бедные люди были привязаны к Ираклиду, особенно моряки; они предпочитали служить под его командованием и громко требовали, чтобы он был назван адмиралом, наряду с Дионом, как генералом на суше. Вынужденный согласиться с этим назначением, Дион довольствовался тем, что настаивал и добивался отмены принятого ранее постановления о перераспределении земель и домов[\[243\]](#).

Положение дел в Сиракузах теперь было чревато бедами и ссорами. На суше Дион пользовался диктаторской властью; на море Гераклид, его враг не меньше, чем когда-либо, был адмиралом по отдельному и независимому назначению. Неопределенная власть Диона, осуществляемая одним своевольным, хотя и великодушным по духу, но крайне отталкивающим по манерам человеком, должна была стать одиозной после того, как чувства, вызванные недавним спасением, улягутся; таким образом, открывалась широкая возможность для противодействия Гераклиду, часто на справедливых основаниях. Но этот офицер не был расположен ждать справедливых оснований. Отправив сиракузский флот в Мессену, чтобы вести войну с Дионисием в Локри, он не только пытался поднять моряков на борьбу с Дионом, обвиняя его в деспотических замыслах, но даже заключил тайный договор с общим врагом Дионисием при посредничестве спартанца Фаракса, командовавшего дионисийскими войсками. Когда его интриги были раскрыты, ведущие сиракузские граждане выступили против них с яростным сопротивлением. По-видимому (насколько мы

можем судить по скудным сведениям Плутарха), военные действия были сорваны, и вооружение было вынуждено вернуться в Сиракузы. Здесь ссора возобновилась - моряки, очевидно, были на стороне Гераклида, а главные граждане - на стороне Диона - и зашла так далеко, что город страдал не только от беспорядков, но даже от нерегулярного снабжения провизией.^[244] Среди бедствий Диона не последнее место занимало то, что он испытал от своих собственных друзей или солдат, которые напоминали ему о своих предупреждениях и предсказаниях, когда он согласился пощадить Гераклида. Тем временем Дионисий отправил в Сицилию отряд под командованием Фаракса, который расположился лагерем в Неаполисе на территории Агригентины. В какую схему действий входило это движение, мы не можем понять, поскольку Плутарх не рассказывает ничего, кроме того, что непосредственно касается ссоры между Дионом и Гераклидом. Для нападения на Фаракс были собраны все силы Сиракуз: флот под командованием Гераклида, сухопутные солдаты под командованием Диона. Последний, хотя и считал неосторожным вступать в бой, был вынужден рискнуть сразиться из-за инсинуаций Гераклида и шума моряков, которые обвинили его в намеренном затягивании войны с целью продления своего диктаторского правления. Дион напал на Фаракс, но был отбит. Однако это поражение не было серьезным, и он уже готовился возобновить атаку, когда ему сообщили, что Гераклид с флотом отплыл и со всей скоростью возвращается в Сиракузы, намереваясь захватить город и не допустить туда Диона с его войсками. Ничто, кроме быстрого и решительного движения, не могло разрушить этот замысел. Немедленно покинув лагерь со своими лучшими всадниками, Дион как можно быстрее поскакал обратно в Сиракузы, преодолев расстояние в семьсот стадий (около восьмидесяти двух миль) за очень короткое время и предотвратив прибытие Гераклида^[245].

Разочарованный таким образом, Гераклид нашел возможность предпринять еще один маневр против Диона через спартанца Гесилия, который был послан спартанцами, информированными о разногласиях в Сиракузах, чтобы предложить себя (как и Гилипп) в качестве командующего. Гераклид охотно воспользовался прибытием этого офицера и заставил сиракузян принять спартанца в качестве своего главнокомандующего. Но Дион ответил, что у сиракузян достаточно коренных жителей, пригодных для командования; кроме того, если требуется спартанец, то он сам является спартанцем по государственному праву. Гесилий, выяснив положение дел, проявил добродетель и благоразумие, не только отказавшись от своих притязаний, но и приложив все усилия для примирения Диона и Гераклида. Понимая, что ошибка была на стороне последнего, Гесилай заставил его связать себя самыми сильными клятвами о лучшем поведении в будущем. Он предоставил свою собственную гарантию соблюдения договора; но чтобы обеспечить это соблюдение, большая часть сиракузского флота (главного орудия Гераклида) была распущена, оставив лишь достаточное количество кораблей, чтобы держать Ортыгию в блокаде^[246].

Захват этого островка и крепости, за которыми теперь следили строже, чем когда-либо, приближался. Что стало с Фараксом и почему он не выступил после отступления Диона, чтобы преследовать сиракузян и помочь Ортыгии, мы не знаем. Но помощь не приходила, провизии становилось все меньше, а гарнизон стал настолько недовольным, что Аполлократ, сын Дионисия, не мог больше держаться. Поэтому он капитулировал перед Дионом, передав ему Ортыгию с ее крепостью, оружием, складами и всем, что в ней находилось, - кроме того, что он мог увезти на пяти триерах. На борт этих судов он посадил свою мать, сестер, ближайших друзей и главные ценности, оставив все остальное Диону и сиракузянам, которые толпами собрались на берегу, чтобы увидеть его отплытие. Для них это был момент оживленной радости и взаимного самодовольства - обещание начать новую эру свободы^[247].

Въехав в Ортигию, Дион впервые после двенадцатилетней разлуки увидел свою сестру Аристомаху, жену Аретеку и семью. Эта встреча вызвала у всех самые нежные чувства и слезы восторга. Аретка, ставшая против своего согласия женой Тимократеса, поначалу боялась подойти к Диону. Но он принял и обнял ее с неослабевающей любовью. [248] Он увел ее и сына из дионисийского акрополя, в котором они жили после его отсутствия, в свой собственный дом, решив сам не жить в акрополе, а оставить его как общественную крепость или сооружение, принадлежащее Сиракузам. Однако это возобновление его домашнего счастья вскоре было нарушено смертью его сына, который, напившись от Дионисия пьяными и беспутными привычками, упал с крыши дома в приступе опьянения или безумия и погиб[249].

Теперь Дион находился на вершине власти и славы. Используя совершенно несоразмерные средства, он добился власти величайшего деспота Греции, даже находясь в неприступной крепости. Он боролся с опасностями и трудностями с поразительной решимостью и проявлял почти рыцарское великодушие. Если бы он "испустил дух"[250] в момент триумфального вступления в Ортигию, Академия была бы прославлена учеником первоклассных и незапятнанных достоинств. Но чаша процветания, отравившая столько других выдающихся греков, теперь имела роковой эффект преувеличения всех худших качеств Диона и затухания всех лучших.

Плутарх действительно хвастается, и мы можем вполне поверить, что он сохранил простоту своего стола, одежды и привычек жизни совершенно неизменными - теперь, когда он стал хозяином Сиракуз и предметом восхищения всей Греции. В этом отношении Платон и Академия имели основания гордиться своим учеником.[251] Но публичные ошибки, о которых сейчас пойдет речь, были не менее пагубны как для его соотечественников, так и для него самого.

С первого момента своего въезда в Сиракузы из Пелопоннеса Диона подозревали и обвиняли в том, что он стремится изгнать Дионисия только для того, чтобы передать деспотию себе. В подтверждение обвинения приводились его надменные и отталкивающие манеры, повсюду возбуждавшие против него личную неприязнь. Даже в те моменты, когда Дион трудился ради истинного блага сиракузян, это подозрение всегда в большей или меньшей степени переходило ему дорогу; лишая его заслуженной благодарности и в то же время дискредитируя его противников и жителей Сиракуз как виновных в подлой ревности к благодетелю.

Настало время, когда Дион должен был поступить так, чтобы либо подтвердить, либо опровергнуть столь неблагоприятные предзнаменования. К сожалению, и его слова, и его поступки подтвердили их самым решительным образом. Гордый и отталкивающий внешний облик, которым он всегда славился, был скорее усугублен, чем смягчен. Он гордился тем, что как никогда открыто показывал, что презирает все, что похоже на стремление к популярности[252].

Если слова и манера поведения Диона были столь значительны, то еще более значительным было то, что он сделал, и то, что он оставил без внимания. Из того великого блага свободы, которое он так громко обещал сиракузянам и которое велел провозгласить своему глашатаю при первом вступлении в их стены, он не получил абсолютно ничего. Он сохранил свою диктаторскую власть в неизменном виде, а свои военные силы, несомненно, не уменьшились, если не усилились; поскольку Аполлократ не увел с собой солдат в Ортигию, можно предположить, что часть из них, по крайней мере, осталась служить Диону. Он сохранил акрополь и укрепления Ортигии в том виде, в каком они были, только с гарнизоном

из войск, подчинявшихся его командам, а не Дионисия. Его победа выразилась в обильных подарках его собственным друзьям и солдатам;^[253] но для жителей Сиракуз она не принесла ничего лучшего, чем смена хозяев.

В планы Диона не входило установление постоянной деспотии. Он намеревался установить себя царем, но предоставить сиракузянам то, что в наше время назвали бы конституцией. Впитав от Платона и Академии, а также из собственных убеждений и вкусов отвращение к чистой демократии, он решил ввести лакедемонскую схему смешанного правления, сочетающего царя, аристократию и народ, с определенными положениями и ограничениями. В этом общем ключе выдержаны рекомендации, адресованные как ему, так и сиракузянам после его смерти Платоном, который, однако, как представляется, наряду с политической схемой рассматривает ликурговскую реформу нравов и практики. Для помощи в разработке и реализации своего плана Дион отправился в Коринф, чтобы пригласить советников и помощников; ведь Коринф подходил его взглядам не только как город-мать Сиракуз, но и как город, основательно олигархический^[254].

В том, что эти намерения Диона были искренними, сомневаться не приходится. Они были первоначально задуманы без всякой мысли о приобретении первого места для себя, еще при жизни старшего Дионисия, и в основном совпадали с теми, которые он увещевал младшего Дионисия осуществить сразу после смерти отца. Именно их он намеревался продолжить, призвав Платона, - о том, с каким успехом, уже говорилось выше. Но Дион совершил роковую ошибку, не заметив, что за время между 367 и 354 годами до н. э. положение вещей, как его самого, так и Сиракуз, полностью изменилось. Если в прежний период, когда дионисийская династия находилась в зените могущества, а Сиракузы были в полном упадке, младшего Дионисия можно было спонтанно, без споров и принуждений убедить в необходимости слияния его собственной деспотии с более либеральной системой, даже продиктованной им самим - несомненно, такая свободная, хотя и умеренная уступка сначала вызвала бы безграничную благодарность и имела бы шанс (хотя это более сомнительно) на длительное удовлетворение. Но ситуация была совершенно иной в 354 году до н. э., когда Дион, после изгнания Аполлократа, стал хозяином в Ортигии; и его ошибкой было то, что он все еще настаивал на применении старых планов, когда они стали не только непригодными, но и вредными. Дион не был в положении деспота, который ради общественного блага соглашается отказаться от власти, которую, как все знают, он может сохранить, если захочет; сиракузяне тоже больше не были пассивными, безвольными и безнадежными. Они получили торжественное обещание свободы и были тем самым воодушевлены на решительные действия самим Дионом, который был вооружен ими полномочиями, делегированными специально для того, чтобы свергнуть Дионисия. В этих обстоятельствах Дион, вместо того чтобы сложить с себя полномочия, должен был объявить себя царем - даже ограниченным царем - и определить, сколько свободы он согласится предоставить сиракузянам, которые его назначили - это было действие, которое не могло не возмутить их как вопиющая узурпация, и которое он мог надеяться сохранить только силой.

Однако реальное поведение Диона было еще хуже. Он не проявлял никаких видимых признаков реализации даже той доли народной свободы, которая входила в его первоначальный план. Какие именно обещания он давал, мы не знаем. Но он сохранил свою власть, военную силу и деспотические укрепления, временно не ослабленные. И кто может сказать, как долго он собирался их сохранять? То, что у него в голове действительно были цели, подобные тем, что ставит ему в заслугу Платон^[255], я считаю правдой. Но он не сделал ни одного практического шага в их направлении. Он решил осуществить их не путем

убеждения сиракузян, а своей собственной силой. Именно это оправдание, которое он, вероятно, придумывал себе, и толкнуло его вниз по наклонной плоскости, откуда впоследствии уже не было выхода.

Поведение Диона вряд ли могло пройти без протеста. Громче всех протестовал Гераклид, который, пока Дион действовал на благо Сиракуз, выступал против него преступно и предательски, а теперь снова оказался в оппозиции к Диону, когда оппозиция стала не только опасностью, но и патриотизмом. Приглашенный Дионом на совет, он отказался, заявив, что теперь он не более чем частное лицо и будет присутствовать на общественном собрании вместе с остальными; этот намек ясно и разумно подразумевал, что Дион тоже должен сложить свои полномочия, раз уж общий враг повержен.^[256] Сдача Ортыгии вызвала сильное волнение среди сиракузян. Им не терпелось разрушить опасную крепость, воздвигнутую на этом острове старшим Дионисием; они надеялись и ожидали, кроме того, увидеть разрушение того великолепного погребального памятника, который сын воздвиг в его честь, и урну с его прахом, выброшенную наружу. Итак, из этих двух мер первая была вызвана настоящей и неоспоримой необходимостью, которую Дион должен был осуществить без промедления; вторая - соответствовала естественной в то время народной антипатии, которая должна была послужить доказательством того, что старый деспотизм осужден. Однако Дион не сделал ни того, ни другого. Именно Гераклид осудил его и добился сноса Дионисийского бастилия; таким образом, он получил славу присоединить свое имя к мере, которую Тимолеон с готовностью осуществил одиннадцать лет спустя, в тот момент, когда стал хозяином Сиракуз. Дион не только не инициировал разрушение этой опасной крепости, но, когда Гераклид предложил это, он воспротивился и помешал этому.^[257] Мы найдем ту же самую берлогу, служившую для последующих деспотов, которую Дион сохранил как для них, так и для себя, и которую устранил только настоящий освободитель Тимолеон.

Своим мужественным и патриотическим поведением Ираклид завоевал необычайную популярность среди сиракузян. Но Дион ясно видел, что не может, в соответствии со своими планами, больше допускать такого свободного противостояния. Многие из его сторонников, считая Ираклида тем, кого не следовало щадить в предыдущий раз, были готовы предать его смерти в любой момент; их сдерживал лишь особый запрет, который Дион теперь счел нужным снять. С его помощью они проникли в дом Ираклида и убили его^[258].

Этот мрачный поступок уничтожил все надежды на получение сиракузской свободы из рук Диона и заклеил его как простого преемника дионисийской деспотии. Напрасно он присутствовал на похоронах Гераклида со всей своей военной силой, оправдывая перед народом свое известное преступление тем, что Сиракузы не могут быть спокойны, пока два таких соперника ведут активную политическую жизнь. В сложившихся обстоятельствах это замечание было оскорбительной насмешкой, хотя его можно было бы с полным основанием использовать в качестве причины для отсылки Гераклида в тот момент, когда он перед этим пощадил его. Теперь Дион возложил на своего соперника меланхолическую честь умереть мучеником за свободу Сиракуз, и в этом свете он был горько оплакан народом. После этого убийства ни один человек не мог считать себя в безопасности. Наняв солдат в качестве палачей своих собственных политических антипатий, Дион стал все больше и больше удовлетворять их нужды. Он выдавал им жалованье и щедрость, сначала за счет своих противников в городе, потом за счет своих друзей, пока в конце концов дисконт не стал всеобщим. Среди горожан Дион стал вызывать отвращение как тиран, и тем большее

отвращение, что он представлял себя как освободитель; солдаты также в значительной степени были к нему недовольны[259].

Шпионы и полиция дионисийской династии еще не были восстановлены, поэтому Диону была предоставлена полная свобода слова и порицания, так что вскоре он получил полные сведения о настроениях, царивших в отношении него. Он был встревожен и раздражен этой переменой в общественном настроении;[260] злился на народ и в то же время стыдился самого себя. Убийство Ираклида тяжким грузом легло на его душу. Тот самый человек, которого он раньше щадил, когда тот был не прав, теперь был убит, когда тот был прав. Правила Академии, которые принесли ему столько самоудовлетворения в первом случае, не могли не вызвать соразмерного чувства самоуничтожения во втором. Дион не был простым искателем власти и не был готов к бесконечным мерам предосторожности, необходимым для греческого деспота. Когда ему сказали, что его жизнь в опасности, он ответил, что лучше сразу погибнет от руки первого убийцы, чем будет жить в вечной рассеянности, как по отношению к друзьям, так и к врагам[261].

Слишком хороший для деспота, но непригодный для народного вождя человек не мог долго оставаться в том шатком положении, которое занимал Дион. Его близкий друг, афинянин Каллипп, видя, что человек, способный уничтожить его, станет популярным как среди сиракузян, так и среди значительной части солдат, организовал соответствующий заговор. Он пользовался большим доверием Диона, был его спутником во время изгнания в Афинах, сопровождал его на Сицилию и вместе с ним вошел в Сиракузы. Но Платон, заботясь о репутации Академии, осторожно сообщает нам, что эта неприятная дружба возникла не из-за общения в области философии, но и из-за общего гостеприимства, и особенно общего посвящения в Элевсинские мистерии.[262] Храбрый и смелый в бою, Каллипп пользовался большим авторитетом среди солдат. Он был удобно расположен для того, чтобы подговаривать их, и с помощью хитроумной уловки даже заручился неосознанным попустительством самого Диона. Узнав, что против его жизни готовятся заговоры, Дион рассказал о них Каллиппу, который предложил взять на себя роль шпиона и с помощью имитации партнерства не только обнаружить, но и предать заговорщиков. При таком доверии Каллипп получил полное право беспрепятственно вести свои интриги, так как Дион игнорировал многочисленные предупреждения, которые доходили до него.[263] Среди слухов, порожденных новым положением Диона и старательно распространяемых Каллиппом, был один, что он собирается вернуть Аполлократа, сына Дионисия, в качестве своего партнера и преемника деспотии, как замену недавно погибшего юного сына. Эти и другие сообщения все больше и больше дискредитировали Диона, а Каллипп тайно организовывал все более широкий круг приверженцев. Однако его заговор не ускользнул от внимания Аристомаха и Аретки, которые, обратившись сначала с бесполезными намеками к Диону, наконец, взялись допросить самого Каллиппа. Последний не только отверг обвинение, но даже подтвердил его, по их просьбе, одной из самых торжественных и страшных клятв, признанных в греческой религии: вошел в священную рощу Деметры и Персефоны, прикоснулся к пурпурному одеянию богини и взял в руку зажженный факел[264].

Так и не дождавшись ответа, наступил день Кореи - праздник тех самых двух богинь, от имени и в присутствии которых Каллипп отрекся. Именно этот день он назначил для казни. Сильные точки обороны в Сиракузах были заранее доверены его главным приверженцам, а его брат Филострат[265] держал в гавани трирему, готовую к бегству на случай, если затея сорвется. Пока Дион, не принимая участия в празднике, оставался дома, Каллипп окружил его дом доверенными солдатами, а затем послал в него отборную компанию закинфян, безоружных, как будто для того, чтобы обратиться к Диону по делу. Эти молодые и мускулистые мужчины,

войдя в дом, оттеснили или запугали рабов, ни один из которых не проявил ни рвения, ни привязанности. Затем они пробрались в апартаменты Диона, попытались повалить его на пол и задушить. Однако он так упорно сопротивлялся, что они сочли невозможным убить его без оружия; они не знали, как его раздобыть, боясь открыть двери, чтобы против них не была введена помощь. В конце концов один из них спустился к задней двери и достал у сиракузянина по имени Ликон короткий меч лаконского типа и особой работы. Этим оружием они убили Диона. [266\]](#) Затем они схватили Аристомаха и Аретку, сестру и жену Диона. Этих несчастных женщин бросили в темницу, где их долго держали и где последняя родила посмертного сына.

Так погиб Дион, прожив всего около года после изгнания дионисийской династии из Сиракуз - но слишком долго для своей славы. Несмотря на события последних месяцев, нет никаких сомнений в том, что он был человеком, существенно отличавшимся от класса греческих деспотов: человеком не с чисто личными устремлениями, не жаждущим лишь толп покорных подданных и победоносной армии, но с большими общественными целями, сопутствующими его собственным амбициозным взглядам. Он хотел увековечить свое имя как основателя полиса, в общих чертах напоминающего Спарту; который, хотя и не шокировал эллинские инстинкты, должен был пойти дальше, чем обычно стремятся сделать политические институты, чтобы переделать чувства и привычки граждан на принципах, подходящих для философов вроде Платона. Дион с детства воспитывался при дворе старшего Дионисия, не привык к установленной законности, свободе слова и привычке к активной гражданской позиции, откуда вытекала большая часть эллинских добродетелей, - удивительно, как он приобрел столько общественного убеждения и истинного великодушия души, а не как он не приобрел большего. Влияние Платона в юности наложило печать на его зрелый характер; но это влияние (как говорит сам Платон) обнаружило в ученике редкую предрасположенность. Тем не менее, у Диона не было опыта работы свободного и народного правительства. Атмосфера, в которой прошла его юность, была атмосферой энергичного деспотизма; стремление же, которое он перенял от Платона, заключалось в том, чтобы сдерживать и упорядочивать этот деспотизм и предоставлять народу определенную дозу политической свободы, оставляя за собой право определять, сколько именно полезно для него, и не допускать, чтобы он приобретал больше.

О том, как этот проект - естественный рост ума Диона, для которого подходили его вкусы и способности, - был жестоко отброшен из-за отчужденных чувств младшего Дионисия, мы уже рассказывали. Положение Диона теперь полностью изменилось. Он стал изгнанником, человеком, которого плохо использовали, испытывающим презрительную антипатию к Дионисию и стремящимся покончить с его деспотизмом в Сиракузах. Появились новые мотивы, которые, очевидно, совпадали со старым проектом. Но условия проблемы полностью изменились. Дион не мог свергнуть Дионисия, не "взяв сиракузян в партнеры" (по выражению Геродота [\[267\]](#) об афинянине Клейстене), не пообещав им полную свободу в качестве стимула для сердечного сотрудничества, не дав им оружия и не пробудив в них бурные порывы греческого гражданства, тем более сильные, что их так долго терзали. [\[268\]](#) С этими новыми союзниками он не знал, как поступить. У него не было опыта убеждения свободного и ревностного народного ума, он был совершенно непрактичен: его манеры были надменны и неприятны. Кроме того, родство с дионисийской семьей вызывало к нему антипатию с двух разных сторон. Как и герцога Орлеанского (Égalité) в конце 1792 года, во время первой французской революции, его ненавидели и роялисты, потому что, будучи родственником царствующей династии, он принимал активное участие в борьбе с ней, и искренние демократы, потому что подозревали его в намерении поставить себя на ее место. Для Диона такая коалиция антипатий была серьезным препятствием, представляя собой

прочную основу для поддержки всех его соперников, особенно беспринципного Ираклида. О плохом обращении, которому он подвергся как со стороны сиракузян, так и со стороны Ираклида, в то время, когда офицеры Дионисия все еще оставались хозяевами в Ортыгии, уже рассказывалось. Однако Дион вел себя, хотя и не всегда благоразумно, но с такой щедрой энергией против общего врага, что сместил своего соперника и сохранил свое господство непоколебимым вплоть до сдачи Ортыгии.

Эта капитуляция довела его власть до максимума. Она стала поворотным пунктом и кризисом его жизни. Теперь открывалась великолепная возможность заслужить славу и признание. Он мог присоединить свое имя к акту, столь же возвышенному и впечатляющему, как и любой другой в греческой истории, который он в недобрый час оставил для исполнения в последующие дни Тимолеоном - снесение дионисийской твердыни и возведение на ее месте судов правосудия. Он мог бы взять на себя инициативу в организации, при обсуждении и согласии народа, хорошего и свободного правительства, которое, более или менее свободное от недостатков, по крайней мере, удовлетворило бы его и избавило бы Сиракузы от тех десяти лет страданий, которые продлились до прихода Тимолеона, чтобы сделать эту возможность фактом. Дион мог бы сделать все то, что сделал Тимолеон, и мог бы сделать это с большей легкостью, поскольку его меньше стесняли другие города Сицилии и карфагеняне. К сожалению, он все еще считал себя достаточно сильным, чтобы возобновить свой первоначальный проект. Несмотря на дух, отчасти вызванный им самим, среди сиракузян, несмотря на отвращение, уже недвусмысленно проявившееся при одном только подозрении на его деспотические замыслы, он возомнил себя вправе обращаться с сиракузянами как с прирученным и пассивным стадом; выкроить для них столько свободы, сколько он считал нужным, и потребовать, чтобы они были довольны ею; но еще хуже - отложить предоставление им какой-либо свободы вообще, под предлогом или видом всесторонних консультаций с советниками по его собственному выбору.

Благодаря этой прискорбной ошибке, одинаково пагубной как для Сиракуз, так и для него самого, Дион превратил свое правление в чистую силу. Он поставил себя в условия, при которых он был фатально обречен двигаться от плохого к худшему без возможности исправления. Он уже сделал мучеником Ираклида и был бы вынужден сделать других мучеников, если бы его жизнь продолжалась. К счастью для его репутации, его карьера была прервана так рано, прежде чем он успел стать достаточно плохим, чтобы потерять ту симпатию и уважение, с которыми философ Платон до сих пор оплакивает его смерть, успокаивая собственное разочарование, сваливая вину за неудачу Диона на всех, кроме самого Диона.

ГЛАВА LXXXV. СИЦИЛИЙСКИЕ ДЕЛА ДО КОНЦА ЭКСПЕДИЦИИ ТИМОЛЕОНА. 353-336 ГГ. ДО Н. Э.

Убийство Диона, о котором рассказывалось в моей последней главе, было, по-видимому, искусно спланировано и осуществлено в интересах его исполнителя, афинянина Каллиппа. Сразу же получив в командование солдат, среди которых он до этого был очень популярен, и овладев Ортыгией, он стал практически верховным правителем в Сиракузах. У Корнелия Непоса мы читаем, что после убийства Диона в обществе царила глубокая скорбь и сильная реакция в его пользу, о чем свидетельствовали пышные похороны, на которых

присутствовала вся масса населения.[269] Но этому утверждению трудно поверить; не только потому, что Каллипп долго оставался непоколебимым хозяином, но и потому, что он бросил в тюрьму родственников Диона по мужской линии - его сестру Аристомаху и беременную жену Аретку, отомстив таким злодейским актом за ложную клятву, которую он так недавно был вынужден дать, чтобы удовлетворить их подозрения.[270] Аретка родила сына в тюрьме. Похоже, что этих несчастных женщин держали в заточении все время, более года, пока Каллипп оставался хозяином. После его свержения они были освобождены, когда сиракузец по имени Гикетас, друг покойного Диона, решил взять их под свою защиту. После недолгого доброго обращения он посадил их на судно, чтобы отправить в Пелопоннес, но во время плавания приказал убить их, а тела утопить в море. Говорят, что к этому жестокому поступку его подстрекали враги Диона, и этот поступок слишком наглядно показывает, насколько непримиримыми были эти враги[271].

Как Каллипп держался в Сиракузах, с помощью какой поддержки, насилия или обещаний, и какие трудности ему приходилось преодолевать - нам не дано знать. Поначалу он, кажется, обещал восстановить свободу; нам даже рассказывают, что он обратился с публичным письмом к своей стране, городу Афины,[272] в котором, несомненно, претендовал на почести тираноубийцы, представляя себя освободителем Сиракуз. Как это было воспринято афинским собранием, нам не известно. Но для Платона и завсегдатаев Академии известие о смерти Диона вызвало глубочайшую скорбь, о чем можно прочесть в письмах философа.

В течение года Каллипп держался в полном блеске и владычестве. Затем выросло недовольство, и друзья Диона - или, возможно, враги Каллиппа под этим именем - с силой заявили в Сиракузы. Однако Каллипп разбил их и заставил укрыться в Леонтини,[273] деспотом которого мы в настоящее время считаем Гикета. Воодушевленный, вероятно, этим успехом, Каллипп совершил множество преступлений и стал настолько одиозен,[274] что изгнанная дионисийская семья начала надеяться на восстановление своего господства. Он отправился из Сиракуз в экспедицию против Катаны; Гиппаринус воспользовался этим отсутствием, чтобы войти в Сиракузы во главе войска, достаточного для того, чтобы в сочетании с народным недовольством закрыть ему доступ в город. Каллипп быстро вернулся, но был разбит Гиппаринусом и вынужден довольствоваться невыгодным обменом Катаны на Сиракузы[275].

Гиппаринус и Нисей были двумя сыновьями Дионисия Старшего от Аристомахии и, следовательно, племянниками Диона. Хотя Гиппарин, вероятно, стал хозяином Ортигии, самой сильной части Сиракуз, в других частях Сиракуз, по-видимому, существовали противоборствующие партии, которые оспаривали его власть; во-первых, сторонники Дионисия младшего и его семьи, а во-вторых, масса, которая хотела избавиться от обеих семей и установить свободную народную конституцию. Таково положение дел, которое мы почерпнули из писем Платона.[276] Но мы слишком скудны воспоминаниями, чтобы составить хоть какое-то представление о состоянии Сиракуз или Сицилии между 353 и 344 гг. до н. э. - от смерти Диона до приглашения, направленного в Коринф, которое привело к миссии Тимолеона. Нас уверяют, что это был период невыносимых конфликтов, беспорядков и страданий; что даже храмы и гробницы были заброшены;[277] что народ повсюду попирался деспотами и иностранными наемниками; что деспоты часто свержались насилием или предательством, но на смену им приходили другие, такие же плохие или еще хуже; что умножение числа иностранных солдат, которым редко регулярно платили, повсюду распространяло грабежи и насилие.[278] Философ Платон в письме, написанном через год или более после смерти Диона (по-видимому, после изгнания Каллиппа) и адресованном оставшимся в живых родственникам и друзьям последнего, рисует плачевную картину

состояния как Сиракуз, так и Сицилии. Он доходит до того, что говорит, что в условиях смуты и запустения, которые царили, эллинская раса и язык, скорее всего, исчезнут на острове и уступят место пунийскому или осканскому.[Он призывает враждующие стороны в Сиракузах предотвратить это несчастье, придя к компромиссу и создав умеренное и народное правительство, но с некоторыми правами, сохраненными за правящими семьями, среди которых он хотел бы видеть братское партнерство, тройственное по своему характеру; включая Дионисия младшего (теперь в Локри) - Гиппарина, сына старшего Дионисия, и сына Диона. О крайней необходимости такого компромисса и согласия, чтобы уберечь и народ, и деспотов от общей гибели, Платон дает самые патетические наставления. Он рекомендует тройное царское соправительство, передающееся по наследству в семьях трех названных лиц и включающее в себя председательство в религиозных церемониях с достаточной мерой достоинства и почитания, но очень малой активной политической властью. Советуя пригласить беспристрастных, уважаемых всеми арбитров для определения условий компромисса, он убедительно просит каждую из воюющих сторон мирно согласиться на их решение[280].

Платону, который видел перед собой двойную линию спартанских царей, единственных наследственных царей в Греции, предложение о трех соправительствующих царских семьях вовсе не казалось невыполнимым; да оно и не было таковым, учитывая небольшой объем политической власти, предоставленной им. Но среди бушевавших тогда страстей и массы зла, причиненного и причиненного со всех сторон, маловероятно, что какой-либо миролюбивый арбитр, какого бы положения или характера он ни был, найдет слушание или будет в состоянии осуществить такое спасительное урегулирование, какое исходило от мантинейского Демонакса в Кирене - между недовольными киренейцами и династией князей Баттиадов. 281] Рекомендация Платона осталась без внимания. Он умер в 348-347 гг. до н. э., не увидев никакого смягчения тех сицилийских бедствий, которые опечалили последние годы его долгой жизни. Напротив, состояние Сиракуз ухудшилось, а не улучшилось. Младший Дионисий сумел добиться своего возвращения, изгнав Гиппарина и Ниссея из Ортыгии и вновь утвердившись там в качестве хозяина. Поскольку ему предстояло отомстить за долгий шлейф прошлых унижений, его правление носило тот деспотичный характер, который, согласно древней пословице, присущ царям, вернувшимся из изгнания[282].

Из всех этих князей, происходивших от старшего Дионисия, ни один не унаследовал трезвости и воздержанности, которые так способствовали его успеху. Все они, как говорят, были склонны к пьянству и распутству[283] - Дионисий Младший и его сын Аполлократ, а также Гиппаринус и Нисей. Гиппарин был убит в состоянии алкогольного опьянения, так что Нисей стал представителем этой семьи, пока не был изгнан из Ортыгии возвращением младшего Дионисия.

Этот принц с момента своего первого изгнания из Сиракуз в основном проживал в Локри в Италии, откуда родом была его мать Дорис. Уже говорилось, что старший Дионисий всеми доступными ему способами увеличивал и возвращал Локри как придаток своего сиракузского владения. Он присоединил к его территории весь самый южный полуостров Италии (в пределах линии, проведенной от залива Терина до залива Скилляция), некогда принадлежавший Регию, Каулонию и Гиппонию. Но хотя могущество Локри таким образом увеличилось, он перестал быть свободным городом, превратившись в зависимый от семьи Дионисия.[284] В таком виде он стал резиденцией второго Дионисия, когда тот уже не мог содержать себя в Сиракузах. Мы мало знаем о том, чем он занимался, хотя нам говорят, что он возродил часть разрушенного города Региума под названием Фибия.[285] Сам Региум

появляется вскоре после этого как община под своим именем и, вероятно, был восстановлен после полного падения второго Дионисия.

Период между 356 и 346 гг. до н. э. был для всех италийских греков временем больших испытаний и страданий, вызванных возросшим могуществом луканцев и бруттийцев. Бруттийцы, занимавшие самый юг Калабрии, были фракцией, отделившейся от общей массы луканийцев и самозмансипированной; они состояли главным образом из коренных сельских крепостных в горных общинах, которые сбросили власть своих луканийских хозяев и образовали для себя независимую совокупность. Эти люди, особенно в тех энергичных усилиях, которыми была отмечена их ранняя независимость, были грозными врагами греков на побережье, от Тарентума до Сицилийского пролива, и более чем равными даже спартамцам и эпиротам, приглашенным греками в качестве вспомогательных войск.

Похоже, что второй Дионисий, удалившись в Локри после первой потери своей власти в Сиракузах, вскоре обнаружил, что его правление неприемлемо, а его личность непопулярна. С самого начала он, по-видимому, удерживал себя в городе с помощью двух отдельных цитаделей и постоянной армии под командованием спартамца Фаракса, человека распутного и жестокого.^[286] Поведение Дионисия стало в конце концов настолько одиозным, что ничто, кроме крайней силы, не могло сдержать недовольство горожан. Мы читаем, что он имел привычку совершать самые развратные бесчинства по отношению к замужним девам из хорошей семьи в Локри. Возникшее против него недовольство было подавлено его превосходящей силой - не без многочисленных жестокостей по отношению к отдельным людям, вставшим на его защиту, - пока не наступил момент, когда он и его сын Аполлократ совершили свое второе возвращение в Ортигию. Чтобы обеспечить столь важное приобретение, Дионисий уменьшил свои военные силы в Локри, где оставил жену, двух дочерей и малолетнего сына. Но после его отъезда локрийцы подняли восстание, одолели уменьшившийся гарнизон и взяли в плен этих несчастных членов его семьи. На их безвинные головы обрушились все ужасы возмездия за бесчинства деспота. Напрасно и сам Дионисий, и тарентинцы^[287] просили разрешения выкупить пленников за самый высокий выкуп. Напрасно Локри осаждали и опустошали его территорию. Локрийцев нельзя было ни соблазнить подкупом, ни удержать угрозами, чтобы они не довели до крайности свою мстительную ярость. После многочисленных жестокостей и зверств жена и семья Дионисия были избавлены от дальнейших страданий тем, что были задушены.^[288] Этой отвратительной трагедией закончилась неблагоприятная супружеская связь, начавшаяся между старшим Дионисием и локрийской олигархией.

По тому, как Дионисий распорядился своей властью в Локри, мы можем судить о том, как он поведет себя в Сиракузах. Сиракузяне терпели еще большее зло, чем прежде, не зная, где искать помощи. Гикетас Сиракузский (некогда друг Диона, а в итоге убийца вдовы и сестры убитого Диона) теперь утвердился в качестве деспота в Леонтини. К нему они обратились как к помощнику, надеясь таким образом получить силу, достаточную для изгнания Дионисия. Хикетас с радостью принял предложение, намереваясь получить награду за изгнание, когда оно будет достигнуто. Кроме того, со стороны Карфагена теперь собиралась грозная туча. Какие причины заставляли Карфаген бездействовать в течение последних нескольких лет, пока Сицилия была так слаба и разобщена, мы не знаем; но теперь она снова стала агрессивной, расширяя свои союзы среди деспотов острова и собирая большие силы и флот, чтобы угрожать независимости как Сицилии, так и Южной Италии.^[289] Появление этого нового врага довело сиракузян до отчаяния и не оставило им никакой надежды на безопасность, кроме помощи из Коринфа. В этот город они направили патетический и настоящий призыв, в котором излагались как фактические страдания, так и

приближающаяся опасность извне. А опасность была такова, что даже спокойному наблюдателю могло показаться, что скорбное пророчество Платона вот-вот исполнится - эллинизм, как и свобода, исчезнут на острове.

В призыве коринфян о помощи Хикетас принимал участие, но не по своей воле. Он решил, что для его целей лучше присоединиться к карфагенянам, с которыми он уже вступил в переговоры, и использовать их силы сначала для изгнания Дионисия, а затем для того, чтобы самому захватить Сиракузы. Но эти планы пока не подлежали разглашению: поэтому Гикетас согласился с настоятельной просьбой сиракузян, направленной в Коринф, намереваясь с самого начала помешать ее успеху.^[290] Он ожидал, что коринфяне сами откажутся выполнить просьбу: ведь предложенное им предприятие было сопряжено с большими трудностями; им не нужно было ни мстить за нанесенный ущерб, ни ожидать выгоды; а сила сочувствия, несомненно немалая, к страдающей колонии, вероятно, будет нейтрализована неустроенностью и деградацией, в которую сейчас быстро погружалась вся Центральная Греция под честолюбивыми порывами Филиппа Македонского.

Сиракузские посланники достигли Коринфа в благоприятный момент. Но грустно вспоминать об уменьшении греческого могущества по сравнению с тем временем, когда (за семьдесят лет до этого) их предки отправились сюда просить помощи против осаждающих Афины войск; когда Афины, Спарта и Сиракузы были в полном расцвете сил и несокрушимой свободы. Однако в этот момент у коринфян были свободны как руки, так и разум, поэтому голос искренней скорби, донесшийся из самой уважаемой колонии, был воспринят с благосклонностью и сочувствием. Сердечно и единодушно был принят указ об оказании просимой помощи^[291].

Следующим шагом должен был стать выбор лидера. Но лидера найти было нелегко. Предприятие не представляло особого соблазна, опасностей и трудностей было предостаточно, как и уверенности. Безнадежный разлад в Сиракузах в течение многих лет был хорошо известен всем ведущим коринфским политикам и генералам. Имена всех или большинства из них последовательно выдвигались архонтами, но все единодушно отказывались. Наконец, пока архонты колебались, на ком остановить выбор, неизвестный голос в толпе произнес имя Тимолеона, сына Тимодема. Казалось, что движущая сила была вызвана божественным вдохновением;^[292] настолько очевидным был выбор и настолько величественно прекрасным он оказался. Тимолеон был назначен - без труда и без особого намерения оказать ему честь - на должность, от которой отказались все остальные ведущие люди.

Следует отметить некоторые моменты в предыдущей истории этого замечательного человека. Он принадлежал к знаменитой семье в Коринфе и был уже в зрелом возрасте - возможно, около пятидесяти лет. Он отличался не только мужеством, но и мягкостью нрава. Мало подвижимый личным тщеславием или честолубием, он был предан своему патриотизму и безоговорочно ненавидел как деспотов, так и предателей.^[293] Правительство Коринфа было и всегда было олигархическим, но это была регулярная, конституционная олигархия, а антипатия коринфян к деспотам была давней^[294] - едва ли менее сильной, чем в демократических Афинах. Как солдат в рядах коринфских гоплитов, Тимолеон отличался и храбростью, и покорностью дисциплине.

Эти черты его характера еще сильнее выделяются на фоне его старшего брата Тимофана, который обладал такими же солдатскими достоинствами, как храбрость и энергичная предприимчивость, но в сочетании с ними отличался беспринципным честолубием и бессовестным преследованием собственной выгоды любой ценой для других. Военные

качества Тимофана, однако, снискали ему такую популярность, что он получил высокое офицерское звание в коринфской службе. Тимолеон, одушевленный всей полнотой братской привязанности, не только старался скрыть его недостатки и подчеркнуть достоинства, но и подвергался величайшим опасностям ради спасения его жизни. В битве с аргейцами и клеонцами Тимофан командовал конницей, когда его конь, будучи раненным, повалил его на землю, очень близко врагу. Оставшиеся всадники бежали, оставив своего командира на верную гибель; но Тимолеон, служивший среди гоплитов, со всей скоростью выскочил из рядов и прикрыл Тимофана своим щитом, когда враг уже готов был пронзить его. Он в одиночку сражался с ними, отбивая многочисленные копья и дротики, и успешно защищал своего павшего брата, пока не подоспело подкрепление; правда, ценой нескольких ран, полученных им самим[295].

Этот акт великодушной преданности вызвал большое восхищение Тимолеона. Но он также вызвал сочувствие к Тимофану, который меньше его заслуживал. Коринфяне недавно подверглись большому риску попасть в руки своих афинских союзников, которые задумали захватить город, но были разочарованы своевременным извещением, полученным в Коринфе.[296] Для вооружения народа, считавшегося опасным для существующей олигархии,[297] было сочтено целесообразным снарядить постоянный отряд из четырехсот платных иностранных солдат и разместить их в качестве постоянного гарнизона в сильной и возвышенной цитадели. Командование этим гарнизоном и управление фортом было поручено Тимофану. Худшего выбора и быть не могло. Новый командир, поддерживаемый не только своим полком и сильной позицией, но и некоторыми жестокими партизанами, которых он взял на жалованье и вооружил, среди более бедных граждан, с легкостью выступил в роли деспота, взяв все управление в свои руки. Он схватил нескольких главных граждан и, вероятно, всех членов олигархических советов, сопротивлявшихся его приказам, и предал их смерти без всякого суда. [298] Теперь, когда было уже слишком поздно, коринфяне раскаялись в ошибочном голосовании, которое возвело среди них нового Периандра. Но Тимолеону преступления его брата причинили муки стыда и печали. Сначала он поднялся на акрополь[299], чтобы побрататься с ним; он убеждал его, руководствуясь самыми священными мотивами, как общественными, так и личными, отказаться от своих губительных проектов. Тимофан с презрением отверг этот призыв. Теперь Тимолеону предстояло сделать выбор между братом и страной. Он снова отправился на акрополь в сопровождении Эсхила, брата жены Тимофана, пророка Ортагора, его близкого друга, а возможно, и еще одного друга по имени Телеклеид. Придя к Тимофану, они вновь обратились к нему с молитвами и мольбами, призывая его отступить от своих тиранических замыслов. Но все их мольбы были безрезультатны. Тимофан сначала смеялся над ними, а потом пришел в ярость и больше ничего не хотел слушать. Не найдя слов, они выхватили мечи и предали его смерти. Тимолеон не принимал участия в этом деле, но стоял в стороне, спрятав лицо и заливаясь слезами[300].

Вместе с жизнью Тимофана ушел деспотизм, который уже начал оказывать свое сокрушительное влияние на коринфян. Наемные войска были либо уволены, либо переданы в надежные руки; акрополь снова стал частью свободного города; коринфская конституция возродилась в прежнем виде. Каким образом были осуществлены эти перемены и какой мерой насилия они сопровождались, мы остаемся в неведении; ведь Плутарх не сообщает нам почти ничего, кроме того, что касается лично Тимолеона. Однако мы знаем, что радость граждан по поводу смерти Тимофана и восстановления конституции была бурной и всеобщей. Этот прилив чувств был настолько сильным, что, казалось, увлек за собой даже тех, кто действительно сожалел об ушедшем деспотизме. Боясь сказать, что они на самом деле чувствуют по отношению к поступку, эти люди лишь еще сильнее выражали свою

ненависть к его совершителю. Хотя было хорошо, что Тимофана убили (говорили они), но то, что его убил его брат и его шурин, было поступком, который запятнал обоих участников неизгладимой виной и мерзостью. Однако большинство коринфской публики, а также самые знатные граждане, придерживались совершенно противоположной точки зрения. Они выражали самое горячее восхищение как исполнителем, так и поступком. Они превозносили сочетание теплой семейной привязанности с преданным великодушием и патриотизмом, каждый из которых находился на своем месте и был правильно сбалансирован, что и было отмечено в поведении Тимолеона. Он проявил братскую привязанность, подвергнувшись величайшим опасностям в битве, чтобы сохранить жизнь Тимофану. Но когда этот брат, вместо невинного гражданина, стал злейшим врагом Коринфа, Тимолеон подчинился настоящему призыву патриотизма, пренебрегая не столько собственным комфортом и интересами, сколько братской привязанностью[301].

Таков был вердикт, вынесенный большинством - большинством как по значению, так и по количеству - в отношении поведения Тимолеона. Однако, по его мнению, общий поток хвалебных слов был недостаточен, чтобы заглушить или даже компенсировать язык упреков, сам по себе гораздо более резкий, который исходил от меньшинства. Среди этого меньшинства нашелся один человек, чей голос произвел глубокое впечатление - его мать Демаристка, мать убитого Тимофана. Демаристка не только думала о своем убитом сыне с острой материнской скорбью, но и испытывала сильный ужас и презрение к тем, кто совершил это преступление. Она проклинала Тимолеона, отказывалась даже видеть его снова и закрывала свои двери от его визитов, несмотря на настоятельные мольбы.

Больше ничего не оставалось, как сделать Тимолеона полностью несчастным среди почти всеобщей благодарности Коринфа. В том, что он испытывал сильную братскую привязанность к Тимофану, его предыдущее поведение не оставляет сомнений. Эта привязанность должна была быть преодолена, прежде чем он сопровождал своих друзей-тираноубийц на акрополь, и, несомненно, с особой горечью отзывалась в его душе после того, как дело было сделано. Но когда к этому внутреннему источнику страданий добавился вид людей, избегавших общения с ним как с братоубийцей, а также укус материнской Эриннис, он стал мучительно страдать, вплоть до растерянности. Жизнь стала для него омерзительной; некоторое время он отказывался от еды и решил уморить себя голодом. Ничто, кроме настойчивой заботы друзей, не помешало ему исполнить это решение. Но ни один утешительный голос не мог придать ему сил для выполнения обязанностей общественной жизни. Он покинул город и людские дома, схоронился в уединении среди своих полей в деревне и не хотел никого видеть и ни с кем разговаривать. В течение нескольких лет он скрывался, как самоосужденный преступник; и даже когда время несколько смягчило остроту его мучений, он все еще избегал любого видного положения, выполняя лишь свои необходимые обязанности гражданина. Со дня смерти Тимофана до прибытия сиракузцев с просьбой о помощи прошло двадцать лет[302]. За все это время Тимолеон, несмотря на сочувствие и готовность восхищенных сограждан, ни разу не решил взять на себя какое-либо важное командование или должность. И вот неожиданно среди толпы раздается *голос Дея*, который рассеивает мучительный кошмар, так долго угнетавший его душу, и возвращает его к здоровым и благородным действиям.

Нет сомнений, что поведение Тимолеона и Эсхила, убивших Тимофана, было в высшей степени губительным для Коринфа. Деспот уже обагрил свои руки кровью соотечественников и был бы обречен, в силу фатальной необходимости, идти от плохого к худшему, умножая число жертв, как условие сохранения собственной власти. Сказать, что этот поступок не должны были совершать близкие родственники, было равносильно тому, что сказать, что его

вообще не следовало совершать; ведь никто, кроме близких родственников, не мог получить тот легкий доступ, который позволял им совершить его. И даже Тимолеон и Эшилус не могли предпринять эту попытку без величайшего риска для себя. Ничто не могло быть более вероятным, чем то, что за смерть Тимофана отомстят на месте; и мы не знаем, как они избежали такой мести от солдат, находившихся поблизости. Уже говорилось, что современные настроения по отношению к Тимолеону разделились между восхищением героическим патриотом и отвращением к братоубийству, но с большим перевесом на стороне восхищения, особенно в самых высоких и лучших умах. В наше время перевес был бы противоположным. Чувство долга перед семьей занимает большую часть поля морали по сравнению с обязательствами перед страной, чем в древние времена; а та острая антипатия к деспоту, который верховодит и отменяет законы, рассматривая его как худшего из преступников - которая стояла на переднем плане древнего добродетельного чувства - теперь исчезла. Узурпация верховной власти рассматривается европейской общественностью как преступление только в тех случаях, когда она смещает уже состоявшегося короля; там, где короля нет, успешный узурпатор находит скорее сочувствие, чем порицание: и мало кто из читателей был бы недоволен Тимолеоном, если бы он даже поддержал попытку своего брата. Но в представлении Тимолеона и его эпохи в целом даже нейтралитет выглядел в свете измены своей стране, когда никто, кроме него, не мог спасти ее от деспота. Эти настроения ярко выражены в комментариях Плутарха, который восхищается братским тираноубийством как актом возвышенного патриотизма и лишь сетует на то, что внутренние эмоции Тимолеона не соответствовали возвышенности поступка; что огромные душевные страдания, которые он перенес впоследствии, свидетельствовали о недостойной слабости характера; что убежденность в настоящем патриотическом долге, однажды сознательно принятая, должна была уберечь его от угрызений совести и уберечь от последующего стыда и раскаяния, которые испортили половину славы героического поступка. Здесь обозначена антитеза между Плутархом и современной европейской точкой зрения, хотя я считаю его критику необоснованной. Нет никаких оснований предполагать, что Тимолеон когда-либо испытывал стыд и раскаяние за убийство брата. Находясь в скорбном состоянии человека, взволнованного противоречивыми чувствами, и повинаясь тому, что он считал самым священным обязательством, он по необходимости страдал от нарушения другого. Вероятно, размышления о том, что он сам спас жизнь Тимофану только для того, чтобы тот разрушил свободу своей страны, в значительной степени способствовали его окончательному решению; решению, в котором Эсхил, другой близкий родственник, принимал даже большее участие, чем он.

Именно в таком состоянии духа Тимолеон был призван принять командование вспомогательными войсками для Сиракуз. Как только прошло голосование, Телеклид обратился к нему с несколькими словами, действительно призывая его напрячь все нервы и показать, чего он стоит, с таким примечательным замечанием в заключение: "Если ты сейчас добьешься успеха и славы, мы будем считать, что убили деспота; если ты потерпишь неудачу, мы будем считаться братоубийцами"[303].

Он немедленно приступил к подготовке кораблей и солдат. Но коринфяне, хотя и решились на экспедицию, не были готовы ни голосовать за значительную субсидию, ни служить добровольцами в большом количестве. Средства Тимолеона были настолько ограничены, что он не смог снарядить более семи трирем, к которым коркиряне (одушевленные общей симпатией к Сиракузам, как в старину во времена деспота Гиппократа[304]) добавили еще две, а лейкадяне - одну. Он не смог набрать более тысячи воинов, усиленных затем во время плавания до двенадцати сотен. Несколько главных коринфян - Эвклид, Телемах и Неон -

сопровождали его. Но солдаты, похоже, были в основном разношерстными наемниками, некоторые из которых служили под началом фокийцев в Священной войне (недавно завершившейся), и так сильно одиозировались как соучастники разгрома Дельфийского храма, что с радостью согласились на чужую службу где угодно[305].

Действительно, требовался определенный энтузиазм, чтобы определить добровольцев в предприятие, грозные трудности и сомнительная награда которого были очевидны с самого начала. Но еще до завершения приготовлений пришли новости, которые, казалось, делали дело практически безнадежным. Гикетас отправил вторую миссию, отказавшись от всего, что он сказал в первой, и попросив не посылать экспедицию из Коринфа. Не получив вовремя помощи от коринфян (по его словам), он был вынужден вступить в союз с карфагенянами, которые не позволят ни одному коринфскому солдату ступить на Сицилию. Это сообщение, сильно возмущившее коринфян против Гикета, заставило их с еще большим рвением отдать голоса за его уничтожение. Однако их рвение к активной службе не только не возросло, но, вероятно, даже уменьшилось из-за открывшихся препятствий. Если бы Тимолеон даже достиг Сицилии, он нашел бы там множество врагов, не имея ни одного важного друга: ведь без Гикета сиракузяне были почти беспомощны. Но теперь казалось невозможным, чтобы Тимолеон со своим небольшим отрядом когда-либо достиг сицилийского берега перед лицом многочисленного и активного карфагенского флота[306].

В то время как человеческие обстоятельства казались враждебными, боги подавали Тимолеону самые благоприятные знаки и предзнаменования. Он не только получил обнадеживающий ответ в Дельфах, но и, когда находился в храме, с одной из статуй ему на голову упала фила с переплетенными венками и символами победы. Жрицы Персефоны узнали от богини во сне, что она собирается отплыть с Тимолеоном на Сицилию, свой любимый остров. Поэтому он приказал снарядить новую специальную трирему, священную для двух богинь (Дкеметры и Персефоны), которые должны были сопровождать его. И когда, покинув Коркиру, эскадра отправилась в ночное плавание к итальяскому побережью, священная трирема озарилась небесным светом, а горящий факел на вершине, похожий на тот, который обычно несли в Элевсинских мистериях, бежал вместе с кораблем и направлял лоцмана к нужному месту посадки в Метапонтуме. Подобные проявления божественного присутствия и поддержки, должным образом засвидетельствованные и прокомментированные пророками, вселяли во всеоружие надежду на это плавание[307].

Однако эти надежды были сильно притушены, когда, проигнорировав официальное уведомление карфагенского корабля, они проплыли вдоль побережья Италии и, наконец, достигли Региума. Этот город, ранее частично возрожденный под названием Фибия младшим Дионисием, теперь представляется восстановленным под своим старым именем и с полной прежней автономией, после свержения его власти в Локри и в Италии в целом. Двадцать карфагенских трирем, вдвое превосходящих силы Тимолеона, были обнаружены в Региии в ожидании его прибытия с посланниками из Гикета на борту. Эти посланцы прибыли с хорошими новостями, которые они выдавали за добрые. "Гикетас недавно одержал крупную победу над Дионисием, которого он изгнал из большей части Сиракуз и теперь блокировал в Ортигии, надеясь вскоре изгнать его голодом с помощью карфагенского флота. Таким образом, общий враг был на исходе своих ресурсов, и война не могла затягиваться. Поэтому Гикетас надеялся, что Тимолеон отправит обратно в Коринф свой флот и войска, ставшие теперь лишними. Если Тимолеон сделает это, он (Гикетас) будет рад лично видеть его в Сиракузах и с удовольствием посоветуется с ним по поводу обустройства этого несчастного города. Но он не мог допустить коринфское войско на остров; более того, даже если бы он и

захотел, карфагеняне категорически запретили это и были готовы в случае необходимости отразить его превосходящими силами своего флота, находящегося сейчас в проливе"[308].

Игра, которую Гикетас вел с карфагенянами, теперь была открыта, к яростному негодованию вооруженных сил. Вместо того чтобы быть их другом или даже нейтралом, он был не кем иным, как явным врагом, освободив Сиракузы от Дионисия только для того, чтобы разделить их между собой и карфагенянами. Однако при всей пылкости вооружения пересечь пролив, противостоя вражескому флоту двойной силы, было невозможно. Поэтому Тимолеон прибег к хитрости, в которой ему помогали вожди и жители Региа, горячо сочувствовавшие его проектам освобождения Сицилии. В беседе с посланниками Гикета, а также с карфагенскими военачальниками он попытался принять условия, предписанные Гикетом; сразу же признав, что бесполезно выходить из игры. Но в то же время он напомнил им, что ему было доверено командование вооружением для сицилийских целей, и что он будет опозорен, если сейчас поведет его обратно, не трогая остров, разве что под давлением какой-то необходимости, не просто реальной, но очевидной для всех и подтвержденной безупречными свидетелями. Поэтому он попросил их вместе с ним предстать перед общественным собранием Региа, нейтрального города и общего друга обеих сторон. Тогда они публично повторяют сообщение, которое уже сделали ему, и заключают официальное соглашение о хорошем отношении к сиракузянам, как только Дионисий будет изгнан. В этом случае жители Региа стали бы свидетелями по обоим вопросам. Они свидетельствовали бы от его (Тимолеона) имени, когда он придет защищаться в Коринф, что он отвернулся только перед непобедимой необходимостью и что он потребовал все, что было в его силах, в качестве гарантии для Сиракуз; они свидетельствовали бы также от имени сиракузян, если бы данная гарантия в будущем была уклонена[309].

Ни у посланцев Гикета, ни у карфагенских военачальников не было никаких причин отказываться от этой, как им казалось, ничего не значащей церемонии. Поэтому оба они вместе с Тимолеоном присутствовали на официальном собрании регийцев. Ворота города были закрыты (обычная практика во время общественных собраний): карфагенские военные корабли лежали, как обычно, поблизости, но не в состоянии немедленно двинуться в путь, и, возможно, многие из экипажей находились на берегу, поскольку все шансы на вражду, казалось, были упущены. То, что уже было сообщено Тимолеону от Гикета и карфагенян, теперь повторилось в формальном изложении перед собранием; посланцы Гикета, вероятно, более подробно остановились на этом деле, с некоторыми мускулами речи, вызванными их собственным тщеславием. Тимолеон стоял в стороне, как внимательный слушатель; но прежде чем он успел подняться, чтобы ответить, различные регинские ораторы выступили с комментариями или вопросами, которые снова вызвали посланников. Так незаметно прошло много времени, Тимолеон часто пытался получить возможность говорить, но всегда был вынужден уступать место какому-нибудь навязчивому регинцу. Однако в течение всего этого времени его триремы в гавани не простаивали. Одна за другой, с минимальным шумом, они покидали свои якорные стоянки и выходили в море, держа курс на Сицилию. Карфагенский флот, хотя и видел эти действия, не понимал, что они означают, и не имел никаких указаний, чтобы предотвратить их. Вскоре все остальные греческие триеры были на плаву и в пути; только триера Тимолеона оставалась в гавани. Тайно получив известие, когда он сидел в собрании, он ускользнул из толпы, друзья скрыли его бегство, и он немедленно поднялся на борт. Поначалу его отсутствие не было обнаружено, дебаты продолжались, как будто он все еще присутствовал, и намеренно затягивались рейнскими ораторами. В конце концов, правду больше нельзя было скрывать. Посланники и карфагеняне узнали, что собрание и дебаты были всего лишь уловками, а их настоящий враг исчез. Но узнали они об этом слишком поздно. Тимолеон со своими триремами уже находился в плавании в Тавромений

на Сицилии, куда все прибыли в целостности и сохранности без сопротивления. Поверженные и униженные, его враги покинули собрание в яростном гневе на регийцев, которые напомнили им, что карфагеняне должны были последними жаловаться на обман других[310].

Хорошо продуманная хитрость, с помощью которой Тимолеон преодолел непреодолимую на первый взгляд трудность, возвысила как его собственную славу, так и дух его солдат. Теперь они были в безопасности в Сицилии, в Тауромениуме, недавнем поселении, расположенном недалеко от древнего Наксоса: их сердечно приветствовал Андромакс, главный гражданин этого места, чье влияние было столь мягким и давало такое полное удовлетворение, что оно сохранялось и после реформы Тимолеона, когда граждане, конечно, могли бы смести его, если бы захотели. Андромакс, пригласив Тимолеона к себе, приготовился сотрудничать с ним и дал энергичный ответ на угрозы, присланные карфагенянами из Региа, после того как они тщетно преследовали коринфскую эскадру до Тавромения.

Но Андромакс и Тауромениум были лишь мелкими помощниками по сравнению с врагами, против которых Тимолеону пришлось сражаться; врагами, теперь более грозными, чем когда-либо. Ибо Гикетас, разгневанный хитростью, примененной в Региа, и опасаясь прервать блокаду, которую он вел против Ортигии, послал в Сиракузы дополнительную эскадру карфагенских воинов; гавань этого места была вскоре полностью осаждена.[311] Большие сухопутные силы карфагенян действовали под командованием Ганно в западных областях острова, добившись значительного успеха против кампанцев Энтеллы и других. [312] Сицилийские города имели своих местных деспотов, Мамеркуса в Катане - Лептинеса в Аполлонии [313] - Никодема в Кенторипе - Аполлониада в Агирии [314] - от которых Тимолеон не мог ожидать помощи, за исключением тех случаев, когда они могли испытывать преобладающий страх перед карфагенянами. А сиракузяне, даже узнав о его прибытии в Тавромений, едва ли осмеливались питать надежды на серьезную помощь от такой горстки людей против грозного войска Гикета и карфагенян под их стенами. Кроме того, какая у них была гарантия, что Тимолеон окажется лучше, чем Дион, Каллипп и другие до него? Соблазнительные обещатели освобождения, которые в случае успеха забывали слова, которыми они завоевали сердца людей, и думали только о том, чтобы присвоить себе скипетр предыдущего деспота, возможно, даже усугубив все то, что было плохого в его правлении? Таким вопросом задавались многие страдающие граждане Сиракуз среди того отчаяния и душевной болезни, когда имя вооруженного освободителя звучало лишь как новый обманщик и новый бич[315].

Только поступками Тимолеон мог опровергнуть эти обоснованные подозрения. Но поначалу в него никто не верил, и он не мог избежать пагубного влияния того недоверия, которое повсеместно внушали его предшественники. Посланники, которых он рассылал по городу, были приняты так холодно, что казалось, он не найдет союзников за стенами Тавромения.

В конце концов, одно приглашение, очень важное, дошло до него - из города Адранума, расположенного примерно в сорока милях от Тауромениума; это был родной сикельский город, похоже, частично эллинизированный, незначительный по размерам, но почитаемый как священный для бога Адрана, поклонение которому было распространено по всей Сицилии. Адраниты были политически разделены, и в то самое время, когда одна сторона отправила приглашение Тимолеону, другая послала аналогичное сообщение Хикетасу. Находясь в Сиракузах или Леонтины, Хикетас был ближе к Адрануму, чем Тимолеон в Тавромении; он не терял времени, отправляясь туда с пяти тысячным войском, чтобы занять столь важное место. Он прибыл туда вечером, не обнаружил врага и расположился лагерем за стенами, считая себя уже хозяином этого места. Тимолеон, уступая в численности, понимал, что у него нет шансов на успех, кроме внезапности. Поэтому, отправившись из

Тауромениума, он в первый день не продвигался вперед, чтобы до Адранума не дошли сведения о его приближении; но на следующее утро он двинулся в путь с максимальной отдачей, выбирая самые короткие, но труднопроходимые тропы. Когда он приблизился к Адрануму на расстояние около трех миль, ему сообщили, что войска из Сиракуз, только что закончившие свой поход, расположились лагерем неподалеку от города, не подозревая, что поблизости находится какой-либо враг. Его офицеры были обеспокоены тем, чтобы люди освежились после утомительного марша, прежде чем решиться напасть на армию, в четыре раза превосходящую их по численности. Но Тимолеон искренне протестовал против такой задержки, уговаривая их сразу же идти за ним на врага, поскольку это единственный шанс застать его врасплох. Чтобы ободрить их, он сразу же взял свой щит и пошел во главе их, неся его на руке (щит генерала обычно нес за него ординарец), несмотря на утомительный марш, который он сам совершал пешком не хуже, чем они. Солдаты повиновались, и попытка увенчалась полным успехом. Войско Хикетаса, безоружное и ужинающее, было настолько застигнуто врасплох, что, несмотря на превосходство в численности, бежало, не встретив почти никакого сопротивления. Из-за стремительности бегства триста человек из них были убиты, но шестьсот попали в плен, а весь лагерь, включая его принадлежности, был взят, едва ли потеряв одного человека. Хикетас бежал с остальными в Сиракузы[316].

Эта победа, одержанная так быстро и умело, и последовавшее за ней взятие Адранума произвели сильнейший фурор во всей Сицилии. Она была даже больше, чем победа; это было провозглашение богов в пользу Тимолеона. Жители священного города, открывая ворота и подходя к нему с благоговейным трепетом, рассказывали о видимых проявлениях благосклонности бога Адрана. В момент начала битвы они видели, как порталы их храма самопроизвольно распахнулись, а бог, размахивая копьем, с обильным потом на лице.[317] Такие факты, подтвержденные и засвидетельствованные в месте особой святости и распространившиеся оттуда по всем окрестным общинам, способствовали возвышению славы Тимолеона не меньше, чем сама победа. Он получил предложения о союзе от Тындариса и нескольких других городов, а также от Мамеркуса, деспота Катаны, одного из самых воинственных и могущественных князей острова.[318] Так многочисленны были полученные таким образом подкрепления, и так возросла его уверенность в себе благодаря недавнему успеху, что теперь он решился выступить даже под стены Сиракуз и бросить вызов Гикетасу, который не считал разумным рисковать вторым столкновением с победителем Адранума.[319].

Гикетас по-прежнему владел всеми Сиракузами, за исключением Ортыгии, против которой он построил линии блокады вместе с карфагенским флотом, занимавшим гавань. Тимолеон был не в состоянии атаковать это место и был бы вынужден быстро отступить, поскольку его враги не хотели выходить. Но вскоре стало ясно, что проявления двух богинь и бога Адрана в его пользу не были ни бесплодными, ни обманчивыми. Теперь ему выпало настоящее благодеяние, которое не могли завоевать ни мастерство, ни доблесть. Дионисий, запертый в Ортыгии со скудным запасом провизии, увидел со своих стен приближающуюся армию Тимолеона и услышал о победе при Адрануме. Он уже начал отчаиваться в своем положении в Ортыгии,[320] где он, возможно, и смог бы продержаться благодаря смелым усилиям и стойкой выдержке, но без каких-либо разумных шансов снова стать хозяином Сиракуз; шансов, которые Тимолеон и коринфская интервенция отрезали решительнее, чем когда-либо. Дионисий был человеком не только без энергичного характера и личного превосходства своего отца, которые могли бы помочь справиться с подобными трудностями, но и ленивым и пьяным по своим привычкам, не жаждавшим скипетра, когда его можно было сохранить только путем упорной борьбы, и достаточно упрямым, чтобы стоять до последнего только в качестве причины войны.[321] В таких условиях прибытие Тимолеона и навело его на

мысль, и дало ему средства, чтобы сделать свою отставку подчинённой приобретению безопасного убежища и комфортного будущего содержания: ведь для греческого деспота, на голову которого свалился одиоз прошлых жестокостей, отречение от власти едва ли было возможно в соответствии с личной безопасностью. [Но Дионисий был уверен, что может положиться на гарантию Тимолеона и коринфян в отношении шельфа и защиты в Коринфе, имея столько имущества, сколько сможет унести с собой; ведь у него были средства приобрести такую гарантию за счет сдачи Ортыгии - сокровища неоценимой ценности. Поэтому он решил предложить капитуляцию и отправил посланников к Тимолеону с этой целью.

Договориться об условиях было несложно. Дионисий оговорил лишь безопасный проезд со своим движимым имуществом в Коринф и беспрепятственное проживание в этом городе, предложив взамен безоговорочную сдачу Ортыгии со всем ее гарнизоном, оружием и магазинами. Договор был заключен немедленно, и три коринфских офицера - Телемах, Эвклид и Неон - были отправлены с четырьмя сотнями человек, чтобы взять на себя управление городом. Вступление в город прошло благополучно, хотя им пришлось уклоняться от блокады, пробираясь туда несколько раз и небольшими компаниями. Передав им Ортыгию с гарнизоном, Дионисий перешел с деньгами и небольшим числом спутников в лагерь Тимолеона, который увез его, оставив при этом окрестности Сиракуз[323].

Представьте себе положение и чувства Дионисия, пленника в лагере Тимолеона, путешествующего по острову, на котором его отец, как и он сам, был всемогущим, и знающего, что он является объектом либо ненависти, либо презрения для всех, - за исключением тех случаев, когда огромное благодеяние, которое он оказал, сдав Ортыгию, купило для него снисходительное терпение! Он, несомненно, жаждал немедленного отплытия в Коринф, а Тимолеон не менее жаждал отправить его туда, как живое свидетельство свершившегося триумфа. Хотя с момента высадки Тимолеона на Сицилии не прошло и пятидесяти дней, он уже мог объявить о решающей победе, об объединении вокруг него великой конфедерации и овладении безупречной позицией Ортыгии с гарнизоном, равным по численности его собственной армии; депеши сопровождалось присутствием того самого деспота, носящего страшное имя Дионисий, против которого, собственно, и была направлена экспедиция! Тимолеон отправил в Коринф специальную трирему[325] с Дионисием и сообщением о важных событиях, а также о договоре, который гарантировал свергнутому правителю беспрепятственное проживание в этом городе.

Впечатление, произведенное в Коринфе прибытием этой триремы и ее пассажиров, было мощным, не поддающимся никакому сравнению. Удивление и восхищение были всеобщими, ведь экспедиция Тимолеона начиналась как отчаянное предприятие, в котором едва ли кто из ведущих коринфян был готов принять участие; никто не предполагал, что успех будет столь быстрым и полным. Но победоносная перспектива в Сицилии, служба под началом удачливого полководца теперь были всеобщим увлечением граждан. Немедленно было выделено и снаряжено подкрепление из двух тысяч гоплитов и двухсот кавалеристов[326].

Если триумф вызвал удивление и радость, то личность самого Дионисия вызвала к другим чувствам с не меньшей силой. Павший деспот был зрелищем, недоступным для греческих глаз; тот, кто стремился к деспотизму, ставил на карту все свои силы, лишаясь шанса уйти на частную должность. По удивительному стечению обстоятельств исключение из этого правила было сделано именно там, где оно менее всего могло иметь место; в случае самого грозного и одиозного деспотизма, который когда-либо господствовал в греческом мире. За почти полвека до похода Диона на Сиракузы все привыкли произносить имя Дионисия со

смесью страха и ненависти - чувства протрации перед непреодолимой силой. О том, с каким трудом сам Дион преодолевал это впечатление в умах своих солдат, уже рассказывалось. Хотя успех Диона рассеялся, прежняя тревога вновь ожила, когда Дионисий вернул себе владение Ортыгией, а сиракузяне обратились к Коринфу с патетическим призывом о помощи против него. И вот теперь, неожиданно, представитель этого угасшего величия, сам носящий ужасное имя Дионисий, въезжает в Коринф по договору, претендуя лишь на скромное жилище и непритязательную безопасность частного гражданина.[327] Греческий ум был очень чувствителен к таким контрастам, которые в значительной степени вошли в представления каждого человека о человеческих делах и были воспроизведены в тысяче форм писателями и ораторами. Обилие посетителей, которые стекались поглазеть и поговорить с Дионисием не только из Коринфа, но и из других городов Греции, было огромным; одни из простого любопытства, другие из сострадания, а некоторые даже с оскорбительной насмешкой. Перечисленные анекдоты, похоже, призваны передать унижительное впечатление об этом последнем периоде его карьеры. Но даже обычные жизненные обязанности - покупка приправ и средств в таверне[328], тонкость критики в отношении одежды и мебели[329] - выглядели унижительно, когда их выполнял бывший деспот Сиракуз. Его привычка много пить, уже укоренившаяся, вряд ли могла быть исправлена в эти дни смертной казни; тем не менее в целом его поведение кажется более достойным, чем можно было ожидать. Его литературные вкусы, проявившиеся во время общения с Платоном, подразумеваются даже в анекдотах, призванных его опорочить. Так, говорят, что он открыл школу для обучения мальчиков чтению и обучал народных певцов искусству пения или чтения стихов.[330] Его имя служило последующим писателям, как греческим, так и римским, - как имена Креза, Поликрата и Ксеркса служили Геродоту примером для назидания о переменчивости человеческих событий. Однако анекдоты о нем редко поддаются проверке, и мы не можем отличить реальные факты от подходящих и впечатляющих мифов, которые должна была породить такая беременная ситуация.

Среди тех, кто посетил его в Коринфе, был Аристоксен из Тарента: тарентинские вожди, впервые представленные Платоном, поддерживали переписку с Дионисием даже после его первого изгнания из Сиракуз в Локри и тщетно пытались уберечь его несчастную жену и дочерей от мести локрийцев. Во времена расцвета Дионисия его посланник Полиарх был отправлен с миссией в Тарентум, где вступил в разговор с главным магистратом Архитом. Эту беседу Аристоксен записал письменно, вероятно, с личного свидетельства Архита, биографию которого он составил. Полиарх говорил о богатстве, власти и чувственных наслаждениях как о единственных предметах, ради которых стоит жить, и называл тех, кто обладает ими в больших количествах, единственными существами, заслуживающими восхищения. На вершине всего этого стоял персидский царь, которого Полиарх превозносил как самого завидного и восхитительного из смертных. "Рядом с персидским царем (говорил он), хотя и с очень большим интервалом, идет наш деспот Сиракуз." [331] Что стало с Полиархом, мы не знаем; но Аристоксен дожил до того, что увидел завистливого Дионисия в изменившейся фазе его жизни в Коринфе, и, вероятно, стал свидетелем гибели и персидских царей. На вопрос, что послужило причиной его недовольства Платоном, Дионисий ответил, сильно отличаясь от слов своего бывшего посланника Полиарха, что среди множества бед, которые окружают деспота, ни одна не была столь пагубной, как нежелание его так называемых друзей говорить ему правду. Такие лжедрузья отравили добрые чувства между ним и Платоном.[332] Этот анекдот имеет больше признаков подлинности, чем другие, которые мы читаем, более остроумные и язвительные. Кинический философ Диоген относился к Дионисию с надменным презрением за то, что тот согласился жить на частной должности после того, как пользовался таким господством. Таковы были в большей или меньшей степени настроения каждого посетителя, видевшего его; но следует сожалеть о

том, что он с самого начала не был на частной должности. По своей природе он был непригоден, даже с выгодой для себя, пройти опасный и тернистый путь греческого деспота.

Подкрепления, о которых постановили коринфяне, были снаряжены без промедления и отправлены в Фурии в Италии, но карфагенская эскадра в проливе не позволила им отправиться дальше на кораблях, и они были вынуждены ждать благоприятного случая.^[333] Но самым большим подкреплением для Тимолеона стало приобретение Ортигии. В ней находился не только гарнизон из двух тысяч солдат, перешедших (вероятно, к собственному удовлетворению) от падающего дела Дионисия под победоносное знамя Тимолеона, но и всевозможные военные запасы. Здесь были лошади, двигатели для осады и сражений, всевозможные ракеты, а главное - щиты и копья, которых, если верить Плутарху, насчитывалось семьдесят тысяч.^[334] Отстранив Дионисия, Тимолеон организовал в Катане службу небольших судов, чтобы доставлять провизию морем в Ортигию, ускользая от карфагенской сторожевой эскадры. Он нашел средства, чтобы сделать это с достаточным успехом,^[335] пользуясь ветрами или плохой погодой, когда военные корабли не могли преградить вход в меньшую гавань. Тем временем сам он вернулся в Адранум, пост, удобный для наблюдения за Леонтинами и Сиракузами. Здесь два убийцы, подкупленные Гикетасом, собирались лишить его жизни во время жертвоприношения на празднике, но им помешала случайность, столь удивительная, что все признали видимое вмешательство богов, защитивших его^[336].

Тем временем Гикетас, решив овладеть Ортигией, призвал на помощь все карфагенские силы под командованием Магона. Вскоре великая гавань Сиракуз была занята огромным флотом из ста пятидесяти карфагенских военных кораблей, а сухопутный отряд, состоявший, как говорят, из шестидесяти тысяч человек, также прибыл к Гикетасу и был расквартирован им в стенах Сиракуз. Никогда прежде карфагенские войска не заходили в эти стены. Сиракузская свобода, а возможно, и сиракузский эллинизм, теперь казались вымершими. Даже Ортигия, несмотря на храбрость ее гарнизона под командованием коринфского Неона, казалась недолговечной, несмотря на постоянные атаки и батареи стен в сочетании со строгой блокадой, препятствующей привозу грузов по морю. Тем не менее, хотя гарнизон был подавлен, несколько небольших судов с провизией из Катаны сумели проскользнуть внутрь; этот факт побудил Хикетаса и Магона разработать план нападения на этот город, считая себя достаточно сильными, чтобы осуществить это частью своих сил, не прекращая осады Ортигии. Поэтому они отплыли из гавани и отправились из Сиракуз с лучшей частью своего вооружения, чтобы напасть на Катану, оставив Ортигию в блокаде. Но оставшиеся позади командиры так небрежно несли вахту, что Неон вскоре увидел со стен Ортигии возможность с выгодой напасть на них. Совершив внезапный и энергичный набег, он застал блокадную армию врасплох, разгромил ее во всех пунктах, понес серьезные потери, и так настойчиво преследовал, что овладел Ахрадиной, изгнав ее из этой важной части города. Провизия и деньги, полученные здесь в критический момент, сделали эту победу важной. Но главное, что придавало ей ценность, - это овладение Ахрадиной, которую Неон немедленно присоединил к Ортигии новой линией укреплений и таким образом удерживал их вместе.^[337] Ортигия до этого (как я уже отмечал) была совершенно отлична от Ахрадины. Вероятно, население Ахрадины, обрадованное освобождением от карфагенян, оказало Неону ревностную помощь как в обороне собственных стен, так и в строительстве новых соединительных линий по направлению к Ортигии; материалы для них поставляли многочисленные промежуточные гробницы.

Этот доблестный подвиг Неона навсегда изменил положение сражающихся в Сиракузах. Всадник тут же отправился сообщить дурную весть Гикетасу и Магону у Катаны. Оба они немедленно вернулись, но заняли только половину города - Тихий, Неаполис и Эпиполе. Успешная осада или блокада Ортыгии и Ахрадины, объединенных вместе, стала крайне затруднительной: к тому же Неон теперь получил обильные припасы на время.

Тем временем подошел Тимолеон, усиленный новой коринфской дивизией, которая, задержавшись вначале в Фуриях и устав от промедления, направилась вглубь страны, через территорию бруттиев, к Регию. Им посчастливилось найти пролив неохраняемым; карфагенский адмирал Ганно, увидев, что их корабли стоят в Фуриях, и не ожидая их продвижения по суше, сначала вернулся со своим отрядом в Мессинский пролив, а затем, надеясь стратагемой напугать гарнизон Ортыгии и заставить его сдаться, приплыл в гавань Сиракуз со своими триремами, украшенными, словно после победы. Его моряки с венками на головах кричали, входя в гавань под стенами Ортыгии, что вся коринфская эскадра, приближавшаяся к проливу, была захвачена в плен, и в доказательство победы выставляли на борту греческие щиты. Этой глупой выдумкой Ганно, вероятно, вызвал серьезное смутнение среди гарнизона Ортыгии. Но такое временное удовлетворение он приобрел ценой того, что оставил пролив без охраны и позволил коринфской дивизии беспрепятственно переправиться из Италии в Сицилию. Достигнув Регию, они обнаружили не только свободный пролив, но и полное и внезапное затишье, наступившее после нескольких дней бурной погоды. Немедленно сев на паромные и рыбацкие лодки, какие только смогли найти, и переправив своих лошадей за уздечку, они без потерь и трудностей достигли сицилийского побережья[338].

Так боги вновь проявили свою благосклонность к Тимолеону необычным стечением обстоятельств и поразили врага слепотой. Успех сопутствовал ему настолько, что важный город Мессен объявил себя его союзником, приняв новых коринфских солдат сразу же после их высадки. С небольшим опозданием они двинулись вперед, чтобы присоединиться к Тимолеону, который считал себя достаточно сильным, несмотря на то, что даже с этим подкреплением он мог командовать только четырьмя тысячами человек, чтобы дойти до окрестностей Сиракуз и там противостоять неизмеримо превосходящим силам своих врагов. [339] Он, похоже, разбил лагерь недалеко от Олимпия и моста через реку Анапус.

Хотя Тимолеон был уверен в сотрудничестве Неона и коринфского гарнизона в Ортыгии и Ахрадине, он был отделен от них многочисленными силами Гикета и Магона, которые заняли Эпиполь, Неаполь и Тиху, а также низменность между Эпиполем и Великой гаванью; в то время как большой карфагенский флот заполнил саму гавань. По здравому размышлению, у Тимолеона было мало шансов на успех. Но в голове Магона уже зародились подозрения, посеявшие семена раздора между ним и Гикетой. Союз между карфагенянами и греками был противоестественным для обеих сторон, и при каждом удобном случае он мог быть нарушен из-за взаимного недоверия, растущего из антипатии, которую каждая сторона чувствовала в себе и знала, что она существует в другой. Неудачный план похода в Катану и крупная победа, одержанная Неоном в результате этого отсутствия, заставили Магона поверить, что Хикетас его предал. Эти опасения усилились, когда он увидел перед собой армию Тимолеона, расположившуюся на реке Анапус, и почувствовал, что находится в греческом городе, в целом ему не симпатизирующем, в то время как Неон был у него в тылу в Ортыгии и Ахрадине. При таких обстоятельствах Магон считал, что вся безопасность его карфагенян зависит от ревностного и верного сотрудничества Гикетаса, которому он теперь перестал доверять. И его недоверие, как только оно возникло, усугублялось дружеским общением, которое, как он видел, происходило между солдатами Тимолеона и солдатами Гикетаса. Эти

солдаты, все греки и наемники, сражающиеся за чужую страну, сталкивались друг с другом на поле боя, как враги, но в перерывах между боями мирно и дружелюбно общались в своих лагерях. Сейчас оба, не мешая друг другу, занимались ловлей угрей среди болотистой и водной местности между Эпиполем и Анапом. Свободно обмениваясь замечаниями, они восхищались великолепием и величием Сиракуз с их большим морским удобством, когда один из солдат Тимолеона заметил противоположной стороне: "И этот великолепный город вы, греки, стремитесь варваризировать, сажая этих карфагенских головорезов ближе к нам, чем они есть сейчас; хотя наша первая забота должна состоять в том, чтобы держать их как можно дальше от Греции. Неужели вы полагаете, что они привели это войско из Атлантики и со столбов Геракла только ради Гикета и его правления? Если бы Хикетас распоряжался делами как истинный правитель, он не стал бы так изгонять своих братьев и приводить врага в свою страну; он обеспечил бы себе почетное правление, придя к соглашению с коринфянами и Тимолеоном". Таков был разговор между воинами Тимолеона и воинами Гикета, о котором быстро стало известно карфагенянам. Произведя, по-видимому, сильное впечатление на тех, кому оно было адресовано, оно вызвало тревогу у Магона, который был вынужден поверить, что он больше не может доверять своим сицилийским союзникам. Без промедления он посадил все свои войска на флот и, несмотря на самые настойчивые уговоры Гикетаса, отплыл в Африку[340].

На следующий день, когда Тимoleon подошел к месту атаки, он с изумлением обнаружил, что карфагенская армия и флот выведены. Его солдаты, не веря своим глазам, смеялись над трусостью Магона. Однако Гикетас решил защищать Сиракузы своими войсками, несмотря на тяжелый удар, нанесенный дезертирством Магона. Это дезертирство открыло и гавань, и низины возле нее, так что Тимoleon получил возможность напрямую связаться со своим гарнизоном в Ортыгии и Ахрадине и разработать планы тройного одновременного наступления. Сам он должен был атаковать южный фронт Эпиполя по направлению к реке Анапус, где город был сильнее всего; коринфянину Исиасу было поручено предпринять энергичную атаку со стороны Ахрадины, или восточной стороны; а Дейнарху и Демарету, генералам, которые провели недавнее подкрепление из Коринфа, было приказано атаковать северную стену Эпиполя, или Гексапилон;[341] они, вероятно, были посланы в обход из Ортыгии, по морю, чтобы высадиться у Трогила. Гикетас, удерживавший совокупность Эпиполя, Тихи и Неаполя, был атакован сразу с трех сторон. У него была очень удобная для обороны позиция, которую хороший полководец с храбрыми и верными войсками мог бы удержать против более многочисленных сил, чем те, что были у Тимолеона. Однако, несмотря на такие преимущества, никакого эффективного сопротивления не было оказано, и даже не было попыток. Тимoleon не только занял это место, но и взял его, не потеряв ни одного человека убитым или раненым. Хикетас и его сторонники бежали в Леонтины[342].

Дезертирство Магона, конечно, объясняет сильное уныние среди солдат Хикетаса. Но когда мы читаем о поразительных возможностях захвата, становится очевидным, что здесь должно было быть нечто большее, чем просто уныние. Воины, стоявшие на защите, действительно не желали использовать свое оружие для того, чтобы отбить Тимолеона и сохранить власть Гикета в Сиракузах. Когда мы видим, что эти настроения проявляются с такой силой, мы не можем не понять, что отвращение этих людей к службе, которую они считали карфагенским делом, отдало в руки Тимолеона легкую победу, и что недоверчивое отступление Магона не было таким нелепым и трусливым, как представляет Плутарх[343].

Однако греческая публика, не вникая в предварительные события, восприняла легкий захват как факт, и восприняла его с беспредельным энтузиазмом. Из Сицилии и Италии новость быстро распространилась в Коринф и другие части Греции. Везде царило одно и то же

настроение: удивление и восхищение не только масштабами завоевания, но и легкостью и быстротой, с которой оно было достигнуто. Прибытие пленного Дионисия в Коринф само по себе было впечатляющим событием. Но теперь коринфяне узнали об исчезновении большого карфагенского войска и полном захвате Сиракуз без потерь; и это еще до того, как они убедились, что их второе подкрепление, которое, как они знали, было заблокировано в Фуриях, смогло достичь сицилийского берега.

Столь необычайные новшества вызвали даже в Греции, а тем более в самой Сицилии, такие чувства к Тимолеону, каких не испытывал ни один грек. Его храбрость, его искусные планы, его быстрота движений, действительно, вызывали заслуженное восхищение. Но в этом отношении его уже превзошли другие, и мы можем заметить, что даже коринфянин Неон, захватив Ахрадину, соперничал со своим старшим офицером. Но то, что не имело себе равных, то, что накладывало особую печать на все его заслуги, - это сверхчеловеческая удача, или, что в глазах большинства греков было одним и тем же, другими словами - безграничная благосклонность, с которой боги относились и к его личности, и к его предприятию. Хотя Тимолеона очень хвалили как храброго и умелого человека, его еще больше превозносили как человека завидного.^[344] "Никогда еще боги не проявляли столько доброты по отношению к смертным"^[345]. Вопрос, который, как объявил Телекид, рассматривался при Тимолеоне, теперь был триумфально решен. После взятия Сиракуз мы можем быть уверены, что никто никогда не осуждал Тимолеона как братоубийцу; все восхваляли его как тираноубийцу. Великие подвиги других выдающихся людей, таких как Агесилай и Эпаминондас, были достигнуты ценой лишений, жестоких боев, ранений и смерти участников и т. д., и все это было вычитано из совершенного душевного удовлетворения зрителя. Подобно ораторскому искусству или поэме, пахнущей лампой, они слишком явно несли на себе следы предварительных трудов и усталости. Но Тимолеон, подобно бессмертным богам, сошедшим на равнину Трои, совершал великолепные подвиги, преодолевал, казалось бы, непреодолимые препятствия, лишь впервые появившись на свет и не прилагая усилий. Он продемонстрировал великолепный результат, выполненный со всей очевидной легкостью, которая является привилегией вдохновения первоклассного гения.^[346] Такое зрелище добродетели и удачи в сочетании - славное завершение с изящным мастерством - было ново для греческого мира.

При всем том, что он сделал, Тимолеон не ставил себе в заслугу ничего. В депеше, возвещавшей коринфянам о его победе *Veni, Vidi, Vici*, а также в своих речах в Сиракузах он приписывал все достижения фортуне или богам, которых благодарил за то, что они вписали его имя в качестве главного инициатора своего указа об освобождении Сицилии.^[347] Не приходится сомневаться, что он твердо верил, что является благосклонным орудием божественной воли, и что он был даже больше других поражен тем, как перед ним открылись запертые ворота. Но даже если он сам в это не верил, в том, чтобы придать фактам такую окраску, было большое благоразумие; не только потому, что таким образом он ослаблял приступы зависти, но и потому, что под видом скромности он на самом деле возвышал себя гораздо выше. Он приобрел для себя большую власть над умами людей в отношении своих будущих достижений, как возлюбленный богов, чем когда-либо имел бы, будучи всего лишь высокоодаренным смертным. И хотя то, что он уже сделал, было грандиозно, оставалось еще много недоделанного; предстояло преодолеть новые трудности, не такие же по виду, но едва ли меньшие по величине.

Это были не только новые трудности, но и новые искушения, с которыми Тимолеон должен был бороться. Теперь для него начался тот момент испытаний, который стал роковым для

стольких греков до него. Предстояло доказать, сможет ли он без опьянения и извращения проглотить чашу успеха, которая так полно переполняла его. Теперь он был полным хозяином Сиракуз; он владел ими, пока еще стояли укрепления Ортыгии, - и все мрачные средства деспотического сжатия, материальные и моральные, еще оставались в его руках. В отношении личного восхищения и престижа успеха он значительно превосходил Диона, а в начале своей карьеры еще больше превосходил старшего Дионисия. Поставить себя деспотом в Сиракузах, похоронив в забвении все, что он говорил или обещал раньше, было шагом естественным и осуществимым; не без опасностей и трудностей, но с шансами на успех, равными шансам других нарождающихся деспотий, и более чем достаточными, чтобы соблазнить ведущего греческого политика средней нравственности. Вероятно, большинство людей в Сицилии ожидали, что он воспользуется своим беспрецедентным положением и выступит в роли нового Дионисия. Многие друзья и приверженцы настойчиво рекомендовали ему это. Они даже будут высмеивать его как идиота (как в свое время называли Солона[348]) за то, что он не воспользовался благодеянием, которое предоставили ему боги, и не вытащил сеть, когда рыба уже попала в нее. Не нашлось бы и других советников, которые под предлогом патриотического бескорыстия и заботы о народе, который он пришел освободить, всучили бы ему подобную рекомендацию. Сиракузяне (утверждали они), непригодные для свободной конституции, должны получать свободу в малых дозах, о которых Тимолеон был лучшим судьей: их интересы требуют, чтобы Тимолеон держал в своих руках антинародную власть с небольшим нынешним уменьшением, чтобы сдерживать их безрассудство и обеспечивать им выгоды, которые они упустили бы, если бы были предоставлены собственному свободному решению.

Соображения этого последнего характера, несомненно, сильно волновали Диона в час его победы, помимо простого честолюбия, чтобы ввергнуть его в то роковое заблуждение и проступок, от которого он так и не смог оправиться. Но урок, извлеченный из последних печальных месяцев карьеры Диона, не был упущен Тимолеоном. Он убедился в том, что не только в своем собственном лоне не поддается соблазнам, но и не поддается на провокации и уловки извне. Ни в корыстных, ни в благотворных целях его не убедить ухватиться за антинародную власть и увековечить ее. В момент испытания подлинный героизм и прямота суждений, соединившиеся в его характере, впервые засияли во всей своей яркости.

Будучи теперь хозяином всех Сиракуз с их пятикратной совокупностью - Ортигией, Ахрадиной, Тихой, Неаполем и Эпиполем, - он решил немедленно разрушить этот великий памятник рабства, который старший Дионисий навязал своим согражданам. Не медля ни минуты, он приступил к делу. Он пригласил всех сиракузян, кто пожелает, прийти с железными орудиями и вместе с ним разрушить отдельную крепость, укрепление и резиденцию, воздвигнутую старшим Дионисием в Ортыгии, а также великолепный погребальный памятник, воздвигнутый в память об этом деспоте его сыном и преемником.[Это был первый публичный акт, совершенный в Сиракузах по его приказу; первое проявление восстановленного суверенитета народа; первое излияние чувств, одновременно свободных, сердечных и единодушных, среди людей, утомленных полувековым рабством; первое братское сотрудничество Тимолеона и его солдат с ними, чтобы превратить обещание освобождения в гарантированный факт. То, что работа по разрушению была выполнена руками и ломом самих сиракузян, сделало все происходящее впечатляющим договором между ними и Тимолеоном. Это устраняло все ошибки и подозрения относительно его будущих планов. Он показал, что не только отказался от деспотизма для себя, но и стремился сделать его невозможным для других, начав со свержения того, что было не только заметным памятником, но и самым мощным инструментом прошлых деспотий. Это принесло неоценимую пользу: сразу вселило

уверенность в его дальнейшие действия и расположило сиракузян добровольно прислушиваться к его советам. И это было полезно не только для того, чтобы сгладить путь к дальнейшим мерам мирного восстановления, но и для того, чтобы выплеснуть реакционную антипатию сиракузян, неизбежную после столь долгого угнетения, на бессознательные камни; и таким образом оставить меньше ее для обрушения на головы политических соперников, скомпрометированных в прежних процессах.

Этот важный акт разрушения был в дальнейшем подчинён новому строительству, не менее значимому для духа, в котором Тимолеон решил действовать. Очистив от неприятной крепости, он возвел на том же месте и, вероятно, из тех же материалов, суды для будущего судопроизводства. Таким образом, самый яркий символ и инструмент народного правления стал местной заменой деспотии прошлого.

Сиракузяне были глубоко признательны за эти мероприятия - первые плоды установления власти Тимолеона. А если принять во внимание внутреннюю важность самого акта - то, как эмфатический смысл был донесен до сиракузского глаза и сиракузского разума, - доказательство не только бескорыстного патриотизма, но и благоразумия в оценке необходимости реальной ситуации, - и наконец, фундамент, заложенный для свершения дальнейших благ - если мы возьмем все это вместе, то почувствуем, что разрушение Тимолеоном Дионисийского бастилия и возведение на его месте здания для отправления правосудия было одним из самых впечатляющих явлений в греческой истории.

Работа, которую еще предстояло сделать, действительно была такой, что требовала от него и сиракузян самого лучшего духа, энергии и благоразумия. В результате долгого угнетения и страданий город настолько обеднел и опустел, что рыночная площадь (если верить преувеличению Плутарха) служила пастбищем для лошадей и местом мягкого отдыха для конюхов, которые их обслуживали. Другие города Сицилии демонстрировали такие же признаки упадка, запустения и нищеты. Проявления городской жизни в Сицилии почти прекратились. Люди боялись выходить в город, который они оставляли на попечение деспота и его наемников, уединяясь на своих полях и фермах и сторонясь любых гражданских поступков. Даже поля были возделаны лишь наполовину, чтобы не приносить ничего сверх необходимого для существования. Тимолеон в первую очередь стремился возродить некогда надменный дух Сиракуз из этой глубины неуверенности и унижения; этому возрождению не могло способствовать никакое действие, кроме его первых действий в Ортигии. Следующим его шагом было собрать вместе, по приглашениям и прокламациям, распространенным повсюду, тех изгнанников, которые были изгнаны или вынуждены искать убежища в других местах во время недавних притеснений. Многие из них, нашедшие убежище в различных частях Сицилии и Италии, с радостной готовностью повиновались его призыву[350]. Но были и другие, которые бежали в Грецию или на Эгейские острова и не слышали никаких воззваний Тимолеона. Чтобы добраться до таких отдаленных людей, он и сиракузяне вместе прибегли к помощи коринфян. Сиракузяне так остро чувствовали, как много нужно сделать для безопасной реорганизации их города в свободную общину, что охотно согласились с Тимолеоном, умоляя коринфян во второй раз взять на себя почетную задачу основателей Сиракуз[351].

Два уважаемых гражданина, Кефал и Дионисий, были посланы из Коринфа, чтобы сотрудничать с Тимолеоном и сиракузянами в создании общины заново, на свободной и народной основе, и в подготовке измененного законодательства[352]. Эти уполномоченные приняли в качестве основного текста и темы демократическую конституцию и законы, установленные Диоклесом около семидесяти лет назад, которые узурпация Дионисия ниспровергла, когда им было не более семи лет от роду. Кефал утверждал, что не сделал

ничего иного, как возродил законы Диокла с такими комментариями, изменениями и приспособлениями, какие были необходимы в связи с изменением времени и обстоятельств.[353] В законах о наследовании и собственности он, как говорят, вообще ничего не изменил; но, к сожалению, мы не знаем, каковы были законы Диокла и как они теперь были изменены. Однако несомненно, что политическая конституция Диоклеса была демократической, и что конституция, установленная сейчас, также была демократической. 354] Кроме этого общего факта, мы ничего не можем утверждать.

Однако, хотя свободная народная конституция была абсолютно необходима, а хорошая конституция - великим благом, она не была единственной насущной необходимостью для Сиракуз. Требовался не меньший приток новых граждан, причем не только бедняков, приносивших с собой оружие и промышленность, но и людей в достатке и легком положении, способных покупать земли и дома. Помимо того, что многие земли были разорены или не обрабатывались, общая бедность жителей была крайней; в то же время государственные нужды были значительными, поскольку, помимо всего прочего, необходимо было обеспечить жалование тем самым солдатам Тимолеона, которым они были обязаны своим освобождением. О масштабах нищеты болезненно свидетельствовал тот факт, что они были вынуждены продать те общественные статуи, которые составляли украшение Сиракуз и их храмов; жестокая рана для чувств каждой греческой общины. Однако с этого принудительного аукциона они специальным голосованием исключили статую Гелона, в знак благодарности за его победу при Гимере над карфагенянами[355].

Для обновления общины, оказавшейся в таком бедственном положении, нужны были как новые средства, так и новые люди, и коринфяне активно взялись за их приобретение. Их первая прокламация была адресована сиракузским изгнанникам, которых они приглашали вернуться в Сиракузы в качестве свободных и самостоятельных граждан, получивших справедливый надел земли. Они заставили публично выступить с таким заявлением на всех панэллинских и местных праздниках, предварив его заверением, что коринфяне уже свергли и деспотию, и деспота - факт, который печально известное присутствие самого Дионисия в Коринфе способствовало более широкому распространению, чем любое официальное объявление. Кроме того, они обещали, если изгнанники соберутся в Коринфе, предоставить им транспорт, конвой и вождей до Сиракуз без всяких затрат. Число изгнанников, которые воспользовались приглашением и прибыли в Коринф, хотя и было немалым, но все же едва ли достаточным, чтобы приступить к предложенному сицилийскому обновлению. Поэтому они сами обратились к коринфянам с просьбой пригласить дополнительных колонистов из других греческих городов. Обычно было нетрудно найти людей, готовых принять участие в новом поселении, если оно было основано при многообещающих обстоятельствах и осуществлялось под позитивным управлением могущественного города-предводителя[356]. Было много богатых людей, желающих обменять состояние митиков в старом городе на состояние полноправных граждан в новом. Поэтому более общий призыв коринфян привлек многочисленных желающих, и вскоре в Коринфе собрался большой отряд колонистов, в общей сложности десять тысяч человек, включая сиракузских изгнанников[357].

Когда колонисты были доставлены в Сиракузы на флоте и под официальной санкцией коринфского правительства, они обнаружили там еще большее число людей, частично сиракузских изгнанников, но в основном эмигрантов из разных городов Сицилии и Италии. Итальянские греки, которых в это время сильно потеснили постоянно увеличивающиеся силы луканийцев и бруттийцев, становились настолько неспособными защитить себя без иностранной помощи, что некоторые из них, вероятно, были склонны искать другого дома. Приглашение Тимолеона еще больше, чем приглашение коринфян, привлекало новых

переселенцев - из-за безграничного восхищения и доверия, которые он теперь внушал; тем более что он действительно присутствовал в Сиракузах. Таким образом, общее число переселенцев со всех концов (как восстановленных изгнанников, так и других) в обновленные Сиракузы составило не менее шестидесяти тысяч человек[358].

Ничто не может быть более неприятным, чем отсутствие информации о том, как Тимолеон и Кефал справлялись с этим большим потоком. Такое положение вещей, как и то, что оно порождает множество новых неудобств и противоречивых интересов, требует определенной степени изобретательности и оригинальности суждений, которые дают возможность оценить способности всех заинтересованных лиц, делая этот момент особенно интересным и поучительным. К сожалению, нам не дано узнать подробности. Говорят, что земля Сиракуз была распределена, а дома проданы за тысячу талантов - большая сумма в 230 000 л. Сиракузским изгнанникам было предоставлено право преимущественной покупки домов, ранее принадлежавших им. Поскольку дома были проданы, и притом за немалую цену, можно предположить, что и земли были проданы, и что прибывшие поселенцы не получили свои участки безвозмездно. Но как они были проданы, и какая часть территории была продана, нам неизвестно. Однако несомненно, что результатом новой иммиграции стало не только пополнение сил и населения Сиракуз, но и облегчение крайней бедности прежних жителей. Таким образом, в город поступило большое количество новых денег[359].

Столь важные изменения, несомненно, заняли значительное время, хотя мы не можем распределить их по месяцам или годам. Тем временем Тимолеон продолжал действовать так, чтобы сохранить и даже укрепить доверие и привязанность сиракузян. Он активно использовал свои силы, чтобы свергнуть и изгнать оставшихся деспотов по всему острову. Сначала он напал на Хикетаса, своего старого врага, в Леонтины, и заставил его капитулировать, при условии, что тот разрушит укрепленную цитадель, откажется от власти и будет жить в городе как частное лицо. Лептинес, деспот Аполлонии и нескольких других соседних городов, также был вынужден покориться и принять предложение о перевозке в Коринф[360].

Похоже, что покорность Гикета была лишь симуляцией, чтобы получить время для укрепления своих позиций и побудить карфагенян к новому вторжению в Сицилию[361]. Тем более что Тимолеон, желая облегчить положение сиракузян, послал своих солдат под командованием коринфянина Дейнарха искать плату и грабеж в карфагенских владениях у западного края Сицилии. Это вторжение, в изобилии обеспечившее потребности солдат, подтолкнуло Энтеллу и несколько других городов к восстанию против Карфагена. Возмущение карфагенян было сильным, когда Магон вернулся, внезапно оставив гавань Сиракуз Тимолеону. Не сумев удовлетворительно защитить себя, Магон спасся от худшей смерти лишь самоубийством, после чего его мертвое тело было распято по приказу общественности. И карфагеняне решили предпринять новые усилия, чтобы восстановить свою честь и защитить свою территорию[362].

Усилия были предприняты в огромных масштабах и с длительной предварительной подготовкой. В Лилибее, в западном углу острова, была высажена армия, состоявшая, как говорят, из семидесяти тысяч человек под командованием Гасдрубала и Гамилькара; кроме того, там находился флот из двухсот трирем и тысячи вспомогательных судов с провизией, военным имуществом, двигателями для осады, боевыми колесницами с четырьмя лошадьми и т. д.[363] Но самым ярким доказательством серьезных усилий, помимо численности и расходов, было присутствие не менее десяти тысяч туземной пехоты из Карфагена; люди были одеты в дорогие, полные и гораздо более тяжелые, чем обычные, несли белые щиты и носили сложные нагрудные знаки. Эти люди взяли с собой в поход большой личный багаж;

великолепные кубки и другие изделия из золота и серебра, такие, какие полагались богатым семьям этого богатого города. *Элита* дивизии - двадцать пять сотен человек, или четвертая часть, - составляла то, что называлось Священным отрядом Карфагена.^[364] Уже говорилось, что в целом карфагеняне нанимали на военную службу иностранцев, а своих граждан было немного. Поэтому эта армия особенно выделялась и казалась еще более грозной после высадки; она наводила панику по всей Сицилии, не исключая даже Сиракуз. Коринфские войска, опустошавшие карфагенскую провинцию, были вынуждены поспешно отступить и отправились к Тимолеону за подкреплением.

Разношерстные переселенцы, недавно обосновавшиеся в Сиракузах, занятые заботами, неизбежными в новом поселении, не были готовы к встрече с таким страшным врагом. Хотя Тимолеон приложил все усилия, чтобы поднять их мужество, и хотя его увещевания находили полный видимый отклик, все же паника царила такая, что лишь немногие последовали за ним на поле боя. Он смог собрать не более двенадцати тысяч человек, включая около трех тысяч сиракузских граждан - платный отряд, который он держал вокруг себя в Сиракузах, другой платный отряд под командованием Дейнарха, которого захватчики только что вынудили эвакуироваться из карфагенской провинции, и, наконец, союзников, которые могли присоединиться.^[365] Его кавалерия насчитывала около тысячи человек. Тем не менее, несмотря на столь значительное отставание, Тимолеон решил продвинуться вперед и встретить врага в его собственной провинции, прежде чем он успеет опустошить территорию Сиракуз и ее союзников. Но когда он приблизился к границе, к территории Агригентума, тревога и недоверие в его армии грозили задержать его дальнейшее продвижение. Один из офицеров наемников, по имени Фрасий, воспользовавшись преобладающими чувствами, поднял мятеж против него, убеждая солдат, что Тимолеон безумно торопит их к гибели, против врага, в шесть раз превосходящего их по численности, и во враждебной стране в восьми днях пути от Сиракуз; так что для них не будет спасения ни в случае поражения, ни в случае гибели. Фрасий убеждал их вернуться в Сиракузы, чтобы вымогать деньги, а не следовать за командиром, который не мог или не хотел вознаградить их за такую отчаянную службу. Эти рекомендации были настолько успешны и правдоподобны при фактическом обескураживании, что все усилия Тимолеона едва ли могли им противостоять. Не было ни одного случая, когда его влияние, обусловленное как безграничным личным уважением, так и верой в его благосклонность к богам, было бы так близко к провалу. И хотя ему удалось подбодрить и удержать большую часть своей армии, Фрасий с тысячей наемников настоял на возвращении и действительно вернулся в Сиракузы. Более того, Тимолеон был вынужден отправить вместе с ними приказ домашним властям, что эти люди должны немедленно и любой ценой получить свою задолженность по жалованью. Удивительно, что ему удалось удержать остальных, застраховав мятежников, которым достался жребий, казавшийся гораздо более безопасным и завидным. Фрасий, храбрый человек, поступивший на службу к фокийцам Филомелу и Ономарху, участвовал в разграблении дельфийского храма, что навлекло на него неприязнь всего греческого мира.^{366]} Сколько из тысячи отделившихся солдат, которые теперь последовали за ним в Сиракузы, были соучастниками того же святотатственного деяния, мы не можем сказать. Но несомненно, что это были люди, которые пошли на службу к Тимолеону в надежде не только на боевые действия, но и на получение выгодных лицензий, чего не позволяло его великодушное отношение к оседлым жителям.

Сумев поддержать дух оставшейся армии и расценив уход стольких трусов как положительное преимущество, Тимолеон двинулся на запад, в карфагенскую провинцию, пока не приблизился на небольшое расстояние к реке Кримесус, которая берет начало в горной местности к югу от Панормуса (Палермо), течет почти на юг и впадает в море у

Селинуса. На дороге ему встретились несколько мулов, везущих груз петрушки, что вызвало полузадушенную тревогу солдат, поскольку петрушка обычно использовалась для венков, возлагаемых на надгробия. Но Тимолеон, взяв горсть петрушки и сплетя из нее венок для своей головы, воскликнул: "Это наш коринфский символ победы: священная трава, которой мы украшаем наших победителей на Истмийском празднике. Она пришла к нам сюда спонтанно, как предвестие нашего приближающегося успеха". Настаивая на этой теме и увенчивая петрушкой как себя, так и своих офицеров, он воспрянул духом и повел армию вперед, на вершину возвышенности, расположенной прямо над руслом Кримеса[367].

Как раз в этот момент карфагенская армия переходила реку, направляясь навстречу ему. Шум и грохот их приближения были отчетливо слышны, хотя туман майского утра,[368] нависший над долиной, все еще скрывал от глаз переправляющуюся армию. Вскоре туман поднялся с низины на вершины холмов, открыв взору реку и карфагенян под ней. Вид у них был грозный. Боевые колесницы и четверки,[369] составлявшие их фронт, уже переправились через реку и, похоже, остановились немного впереди. За ними следовали туземцы-карфагеняне, десять тысяч отборных гоплитов с белыми щитами, которые также частично переправились и еще переправлялись; основная же часть войска, иностранные наемники, беспорядочной массой теснились позади, пытаясь добраться до берега, который, судя по всему, был частично изрезан. Видя, насколько благоприятен момент для нападения на них, пока они находятся в беспорядке и разделены рекой, Тимолеон, после короткого возлияния, отдал приказ немедленно спускаться с холма.[370] Его сицилийские союзники с некоторыми наемниками были на двух флангах; сам же он с сиракузянами и лучшими наемниками занял центр. Демарету с его конницей было приказано атаковать карфагенян первыми, пока они не успели сформироваться. Но колесницы, стоявшие впереди, защищая большую часть линии, оставляли ему возможность лишь частично подобраться к ним через свободные промежутки. Вскоре Тимолеон, поняв, что его конница мало чего добилась, отозвал ее и приказал атаковать с флангов, а сам, со всей силой пехоты, взялся атаковать спереди. Схватив у сопровождающего свой щит, он пошел вперед, громко призывая пехоту к бодрости и следованию за ним. Никогда еще его голос не звучал так преобладающе и волнующе; его воздействие сильно действовало на дух всех окружающих, которые даже поверили, что слышат, как вместе с ним говорит бог. [371] Вторя его крику, они шли вперед к атаке с величайшим спокойствием, в компактном порядке и под звуки труб.

Пехота, вероятно, смогла уклониться или прорваться сквозь заслон колесниц с большей легкостью, чем кавалерия, хотя Плутарх не рассказывает, как это было сделано. Затем Тимолеон и его воины вступили в ближний и яростный бой с отборной карфагенской пехотой, которая сопротивлялась с мужеством, достойным ее репутации. Их огромные щиты, железные нагрудники и медные шлемы (в общем, доспехи тяжелее, чем обычно носили даже греческие гоплиты) позволили им отразить удары копий греческих нападавших, которые были вынуждены взяться за мечи и таким образом пробиться к линии карфагенских копий, чтобы сломать их ряды. О таком использовании мечей в греческих сражениях мы читаем редко. Хотя карфагеняне храбро держались, но они были слишком нагружены доспехами, чтобы можно было сражаться только плотной массой. Они уже теряли своих воинов в первых рядах, отборных воинов, и начинали сражаться в невыгодном положении, когда боги, еще больше подружившись с Тимолеоном, поставили точку в их конфузе явным и ужасающим вмешательством.[372] Началась сильнейшая буря. Вершины холмов окутала кромешная тьма; подул ураганный ветер; обильно полил дождь и град со всеми ужасными аккомпанементами грома и молний. Для греков эта буря не представляла особых неудобств, так как пришла им в спину. Но карфагенянам, которым она била прямо в лицо, она принесла и огромные страдания, и душераздирающую тревогу. Дождь и град били, а молнии сверкали

в лицо, так что они не могли видеть, чтобы справиться с враждебными бойцами: шум ветра и града, бьющегося о доспехи, мешал слышать приказы офицеров: складки их объемных военных туник были залиты дождевой водой, что стесняло движения: земля вскоре стала настолько грязной, что они не могли удержаться на ногах; а когда они поскользнулись, тяжесть их снаряжения не позволила им подняться. Греки, не испытывая особых неудобств и воодушевленные очевидной немощью своих врагов, наседали на них с удвоенной энергией. В конце концов, когда четыреста человек из первой шеренги карфагенян погибли храброй смертью на своих местах, остальные белокожие повернулись спиной и обратились в бегство. Но и бегство оказалось невозможным. В тылу они столкнулись с собственными войсками, продвигавшимися вверх и пытавшимися переправиться через Кримесус; сама река с каждой минутой становилась все полноводнее и мутнее из-за сильного дождя. Попытка переправиться была настолько беспорядочной, что многие погибли в потоке. Рассеявшись в полном беспорядке, вся карфагенская армия думала только о бегстве, оставив свой лагерь и багаж добычей победителей, которые преследовали их через реку и по холмам на другой стороне, нанося огромные потери. В этом преследовании конница Тимолеона, не очень эффективная во время битвы, оказала отличную услугу; она массово давила беглецов-карфагенян и загоняла их, перегруженных доспехами, в грязь и воду, откуда они не могли выбраться[373].

Ни одна победа в греческой истории не была более полной, чем победа Тимолеона при Кримесе. Десять тысяч карфагенян были убиты, а пятнадцать тысяч взяты в плен. На этих цифрах не стоит заострять внимание, но несомненно, что общее количество и тех, и других было очень велико. Из боевых колесниц многие были разбиты во время боя, а все оставшиеся, числом двести, попали в руки победителей. Но самым серьезным и болезненным для Карфагена было то, что потери понесли в основном коренные карфагеняне, а иноземных наемников было гораздо меньше. Говорят даже, что Священный батальон Карфагена, состоявший из двадцати пяти сотен воинов, принадлежавших к самым знатным семьям Карфагена, был перебит до одного человека; это утверждение, несомненно, преувеличено, но подразумевает страшное реальное уничтожение. Многие из этих воинов спаслись, бросив свои украшенные щиты и дорогие нагрудники, которые победители забрали в огромном количестве - тысяча нагрудников и не менее десяти тысяч щитов. В целом, собранная добыча была огромной - оружие, багаж, золото и серебро из разграбленного лагеря; греки так долго занимались преследованием и захватом, что не нашли времени воздвигнуть свой трофей до третьего дня после битвы. Тимолеон оставил большую часть награбленного,[374] как и большую часть пленных, в руках отдельных захватчиков, которые значительно обогатились за день. Но все равно оставалась большая сумма для общественного сиракузского сундука: пять тысяч пленных и разнообразные трофеи в виде доспехов и драгоценных изделий, сложенные во внушительном великолепии вокруг палатки генерала.

Карфагенские беглецы не успокоились, пока не достигли Лилибея. И даже там их охватило такое уныние, такое глубокое убеждение, что на них обрушился гнев богов, что их с трудом удалось уговорить сесть на корабль, чтобы вернуться в Карфаген; они были убеждены, что если их выловят в море, то боги в своем нынешнем недовольстве никогда не позволят им добраться до суши. 375] В самом Карфагене горе и подавленность были беспрецедентными: горе как личное, так и общественное, от потери такого большого числа главных граждан. Опасались даже, что победоносный Тимолеон тут же пересечет море и нападет на Карфаген на его собственной земле. Однако были предприняты срочные меры по формированию новой армии для Сицилии, состоящей из иностранных наемников, в которой практически не

было местных жителей. Гискон, сын Ганно, который считался самым энергичным гражданином, был отозван из изгнания и получил указание собрать это новое войско.

Угнетающее впечатление от гнева богов, под которым находились карфагеняне, возникло из-за того, что их поражение было вызвано не столько страшной бурей, сколько оружием Тимолеона. И наоборот, в отношении самого Тимолеона этот же факт производил впечатление благоговейного удивления и зависти. Если и были скептики, сомневавшиеся в реальности особых вмешательств богов или в их благосклонности к Тимолеону, то победа кримесов должна была их убедить. Буря, столь же сильная и своевременная, обрушившаяся на спину греков и в лицо карфагенян, была проявлением божественной благосклонности, едва ли менее заметным, чем те, что были оказаны Диомеду или Энею в "Илиаде".^[376] И чувства, возникшие по отношению к Тимолеону - вернее, возникшие ранее, а теперь еще более подтвердившиеся, - смешались с тем искренним восхищением, которое он заслужил своими быстрыми и хорошо проведенными операциями, а также силой характера, достаточно поразительной, чтобы в самых критических обстоятельствах поддержать мужество унывающей армии. Его победа при Кримесе, как и победа при Адрануме, была одержана в основном благодаря той чрезвычайной скорости, с которой он настиг неподготовленного врага в уязвимый момент. И весть об этом, которую он сразу же отправил в Коринф, - в сопровождении груза великолепных карфагенских щитов для украшения коринфских храмов - разнесла по всей Центральной Греции и радость по поводу этого события, и повышенный почет его имени, о чем свидетельствует надпись: "Коринфяне и полководец Тимoleon, после освобождения сицилийских греков от карфагенян, посвятили эти щиты в знак благодарности богам"^[377].

Оставив большую часть своих платных войск для ведения войны в карфагенской провинции, Тимoleon повел своих сиракузян домой. Первым делом он сразу же уволил Фрасия с тысячей платных солдат, которые дезертировали от него перед битвой. Он приказал им покинуть Сицилию, дав им всего двадцать четыре часа на отход из самих Сиракуз. Вероятно, в сложившихся обстоятельствах им не меньше хотелось уйти, чем ему - уволить их. Но они ушли только на погибель, ибо, переправившись через Мессинский пролив и завладев морским участком в Италии на Южном море, бруттийцы из внутренних районов заманили их в ловушку признаниями в мнимой дружбе и перебили их всех^[378].

Теперь Тимолеону пришлось иметь дело с двумя греческими врагами - Гикетасом и Мамеркусом, деспотами Леонтины и Катаны. Благодаря необычайной скорости своих передвижений он разбил огромное войско карфагенян, прежде чем оно вступило в союз с этими двумя союзниками. Теперь оба в ужасе писали в Карфаген, требуя нового вооружения, как необходимого для их безопасности не меньше, чем для карфагенских интересов на острове; Тимoleon был общим врагом обоих. Вскоре Гискон, сын Ганнона, специально отозванный из изгнания, прибыл из Карфагена со значительным отрядом - семьдесят трирем и множество греческих наемников. Карфагеняне редко прибегали к услугам греческих наемников, но битва при Кримесе, как говорят, убедила их в том, что с греками не сравнится ни один солдат. Силы Гискона, очевидно, были распределены частично в карфагенской провинции у западного угла острова, частично в окрестностях Милей и Мессены на северо-востоке, где к нему присоединился Мамеркус с войсками Катаны. Мессен, по-видимому, недавно перешел под власть деспота по имени Гиппон, который выступал в качестве их союзника. В оба пункта Тимoleon отправил часть своих наемников, не взяв на себя командование; в обоих случаях его войска сначала потерпели частичное поражение: две их дивизии, одна из которых насчитывала четыреста человек, были разбиты на куски. Но такие частичные поражения были, по религиозным представлениям того времени, как никогда

яркими доказательствами особой благосклонности богов к Тимолеону. Ведь убитые солдаты участвовали в разграблении дельфийского храма и поэтому были отмечены божественным гневом; но боги отложили приговор на то время, когда солдаты служили лично под началом Тимолеона, чтобы он не пострадал, и исполнили его теперь в его отсутствие, когда его исполнение причинило бы ему наименьшие неудобства[379].

Однако Мамеркус и Хикетас, не приняв такого толкования своих недавних успехов в борьбе с Тимолеоном, были полны надежд и уверенности. Первый посвятил богам щиты убитых наемников с надписью дерзкого триумфа, а второй, воспользовавшись отсутствием Тимолеона, который отправился в экспедицию в недалекую Калаурию, вторгся на сиракузскую территорию. Не довольствуясь тем, что нанес большой урон и унес обильную добычу, Гикетас, возвращаясь домой, оскорбил Тимолеона и небольшой отряд, находившийся с ним, пройдя сразу под стенами Калаурии. Не дав ему пройти мимо, Тимолеон бросился в погоню, хотя его отряд состоял только из конницы и легких войск, а гоплитов было мало или совсем не было. Он обнаружил, что Хикетас расположился на дальнем берегу Дамурии, реки с изрезанными берегами и труднопроходимым бродом. Несмотря на такую хорошую оборонительную позицию, войска Тимолеона с таким нетерпением ждали атаки, а каждый из его кавалерийских офицеров так стремился быть первым в атаке, что ему пришлось решать вопрос о приоритете по жребию. Атака была предпринята с доблестью, и войска Хикетаса потерпели полное поражение. Тысяча из них была убита во время боя, а остальные спаслись лишь бегством и бросив свои щиты[380].

Теперь настала очередь Тимолеона напасть на Гикета в его собственном владении Леонтины. Здесь его ждала обычная удача. Солдаты гарнизона - то ли недовольные поведением Гикета в битве при Дамурии, то ли пораженные божественной благосклонностью, ожидавшей Тимолеона, - перебили его и сдали город в его руки; и не только город, но и самого Гикета в цепях, его сына Евполема и его военачальника Евтима, человека необычайной храбрости и победоносного атлета на играх. Все трое были преданы смерти: Хикетас и его сын - как деспоты и предатели, а Евфим - главным образом за оскорбительные сарказмы в адрес коринфян, публично произнесенные в Леонтины. Жена и дочери Гикета были доставлены в качестве пленниц в Сиракузы, где они были приговорены к смерти публичным голосованием сиракузского собрания. Этот приговор был принят в качестве явной мести за предыдущее преступление Гикета, когда он предал смерти вдову, сестру и сына Диона. Хотя Тимолеон, вероятно, мог бы спасти несчастных женщин, оказав на них сильное влияние, он не стал вмешиваться. Общее чувство народа считало это жестокое, но особое возмездие правильным в сложившихся обстоятельствах; и Тимолеон, как не мог убедить их в обратном, так и не счел правильным призывать их отбросить свои чувства в угоду ему. Однако этот поступок оставил заслуженное пятно на репутации такого человека, как он"[381]. К женщинам обе стороны относились как к существам прилагательным, через жизнь которых должна была осуществляться месть политическому врагу.

Далее настал черед Мамеркуса, который собрал у Катаны значительные силы, усиленные карфагенскими союзниками под командованием Гискона. Он был атакован и разбит Тимолеоном у реки Аболус, потеряв две тысячи человек, многие из которых принадлежали к карфагенской дивизии. Мы не знаем ничего, кроме самого факта этого сражения, которое, вероятно, произвело серьезное впечатление на карфагенян, поскольку вскоре после него они прислали убедительные предложения о мире, покинув своих сицилийских союзников. Мир был заключен, однако на условиях, которые оставляли карфагенское владычество в Сицилии таким же, каким оно было в конце правления старшего Дионисия, а также высадкой

Диона в Сицилии.[382] Линия разделения была установлена у реки Халыкус, или Ликус, которая впадает в южное море около Гераклеи Мinoa и является западной границей территории Агригентума. Все, что находилось к западу от Халыкуса, признавалось карфагенским, но оговаривалось, что если кто-либо из греков на этой территории пожелает эмигрировать и стать жителем Сиракуз, то им будет позволено беспрепятственно приехать со своими семьями и имуществом. Далее было оговорено, что вся территория к востоку от Галика должна считаться не только греческой, но и свободной греческой, распределенной между многими свободными городами и освобожденной от деспотов. А карфагеняне официально заверили, что не будут ни помогать, ни принимать в союзники ни одного греческого деспота в Сицилии. 383 В первом договоре, заключенном старшим Дионисием с карфагенянами, было четко оговорено, что сиракузяне должны ему подчиняться. 384 Вот один из многочисленных контрастов между Дионисием и Тимолеоном.

Избавившись таким образом от своего самого грозного врага, Тимолеон быстро положил конец войне в других частях острова. Мамеркус фактически отчаялся в дальнейшей обороне без иностранной помощи. Он переправился с эскадрой в Италию, чтобы просить о вводе луканской армии в Сицилию;[385] и, возможно, он получил бы ее, поскольку этот воинственный народ был теперь очень силен, если бы его собственные моряки не покинули его и не вернули свои суда в Катану, сдав Тимолеону и город, и себя. То же самое, и даже больше, незадолго до этого сделали войска Гикетаса в Леонтины, отдав в плен даже самого Гикетаса; так сильно, по-видимому, было господство имени Тимолеона, с престижем его постоянного успеха. Теперь Мамеркус не мог найти убежища, кроме как в Мессене, где его радушно принял деспот Гиппон. Но Тимолеон быстро прибыл туда с достаточным количеством войск, чтобы осадить Мессену по суше и по морю. После продолжительного сопротивления[386] город был сдан ему, а Гиппон попытался тайно бежать на корабле. Но он был схвачен и возвращен в среду мессенского населения, которое, охваченное чувством лютой ненависти и мести, посадило его посреди переполненного театра и там предало его смерти с оскорблениями, созвав всех мальчиков из школы в театр, чтобы они стали свидетелями того, что считалось возвышающей сценой. Мамеркус, не пытаясь бежать, сдался в плен Тимолеону, оговорив лишь, что его судьба должна быть определена сиракузским собранием после справедливого разбирательства, а сам Тимолеон не должен ничего говорить в его адрес. Его привезли в Сиракузы, и он предстал перед собравшимся народом, к которому обратился со сложной речью, вероятно, искусно составленной, поскольку, как говорят, он обладал немалым поэтическим талантом.[387] Но никакое красноречие не могло преодолеть укоренившегося отвращения сиракузян к его личности и характеру. Услышав ропот и видя, что у него нет шансов добиться благоприятного приговора, он внезапно отбросил одежду и с яростным отчаянием бросился на одно из каменных сидений, головой вперед, в надежде нанести себе смертельный удар. Но, не преуспев в этой попытке самоубийства, он был выведен из театра и казнен как разбойник[388].

Теперь Тимолеон почти достиг своей цели - уничтожить все деспотии в Сицилии. Оставались еще Никодем, деспот в Кенторипе, и Аполлониады в Агирии. Обоих он быстро сверг или изгнал, вернув оба города в состояние свободных общин. Он также изгнал из города Этны кампанских наемников, посаженных туда старшим Дионисием.[389] Так он поступал до тех пор, пока в греческой части Сицилии не остались только свободные общины без единого деспота.

О деталях его деятельности наши скудные сведения позволяют нам сказать немного. Но великая цель, с которой он отправился из Коринфа, была достигнута. После того как он уничтожил все другие деспотии в Сицилии, ему оставался лишь один дальнейший триумф -

самый благородный и редкий из всех - установить свою собственную. Это он и сделал без промедления, сразу же по возвращении в Сиракузы после военных действий. Поздравив сиракузян с уже достигнутым триумфом, он попросил их отказаться от дальнейшей службы в качестве единственного полководца, тем более что зрение его уже подводило[390]. Вполне вероятно, что сначала ему было отказано в этом требовании и что его горячо просили сохранить свои функции; но если это было так, он не менее упорно продолжал настаивать, и народ, хотел он того или нет, согласился. Далее следует отметить, что он не только сложил с себя генеральские полномочия, но и сразу же оставил их после полного исполнения провозглашенной им цели - освободить сицилийских греков как от внешних врагов, так и от деспотов-врагов; точно так же, как, впервые овладев Сиракузами, он без промедления начал свою властную карьеру, приказав снести дионисийскую цитадель и построить на ее месте судебный орган.[391] Этим мгновенным действием он предотвратил рост подозрений, которые, несомненно, вызвало бы промедление, и для которых у свободных общин Греции в целом было достаточно оснований. Не последнюю роль в его многочисленных заслугах сыграло и то, что, сознавая добрые намерения, он обладал здравым смыслом, чтобы понять, что другие не могут заглянуть в его лоно; что все их предположения, кроме тех, что были порождены его собственным поведением, исходили бы от людей хуже его и потому были бы неблагоприятны. Поэтому ему было необходимо быстро и заранее, даже с показной наглостью, выставлять самые веские доказательства своих истинных целей, чтобы заранее подавить рост подозрений.

Теперь он был частным гражданином Сиракуз, не имея ни оплачиваемых солдат под своим командованием, ни каких-либо других государственных функций. В качестве награды за его великолепные заслуги сиракузяне выделили ему дом в городе и земельный участок среди лучших в округе. Здесь он и поселился, отправив жену и семью в Коринф[392].

И хотя Тимолеон отказался от всех видов официальной власти и всех средств принуждения, его влияние как советника на суждения, чувства и поступки не только сиракузян, но и сицилийцев в целом было столь же велико, как и прежде; возможно, даже больше - потому что факт его спонтанной отставки давал ему еще один титул на доверие. Редко кому из смертных дозволено предъявить столь высокие требования к доверию и почитанию, как Тимолеону; на стольких различных основаниях, с таким малым количеством сплавов или ослаблений. Иметь советника, которого все почитали, не испытывая ни подозрений, ни опасений, который не только давал яркие доказательства необычайной энергии в сочетании с искусным управлением, но и пользовался, в особой степени, благосклонностью богов, было для сицилийцев в этот момент невыразимо ценным преимуществом. Ведь именно сейчас не только Сиракузы, но и другие города Сицилии стремились укрепить свои воссозданные свободные общины за счет притока граждан из-за границы. За шестьдесят лет, прошедших с момента первого грозного вторжения, когда карфагенянин Ганнибал завоевал Селину, произошел целый ряд причин, направленных на ослабление и уменьшение, но никак не на обновление греческого населения Сицилии. Нападения карфагенян, успешный деспотизм первого Дионисия и беспокойное правление второго - все это способствовало одному и тому же результату. Примерно в 352-351 гг. до н. э. Платон (как уже упоминалось) выражает опасение, что эллинизм на Сицилии исчезнет, уступив место силе феникийцев или кампанцев.[393] И то, что было печальной возможностью даже в 352-351 гг. до н. э., стало ближе к вероятности в 344 г. до н. э., перед высадкой Тимолеона, в том жалком состоянии, в котором находился остров.

Его беспрецедентный успех и безупречное личное поведение в сочетании с активной позицией Коринфа без него полностью переломили ситуацию. По мнению всех греков,

Сицилия теперь была землей, восстановленной для эллинизма и свободы, но требующей новых колонистов как для участия, так и для охраны этих капитальных привилегий. Пример колонизации под эгидой Коринфа был подан в Сиракузах, и ему быстро последовали в других местах, особенно в Агригентуме, Геле и Камарине. Все эти три города жестоко пострадали во время грозных карфагенских нашествий, которые непосредственно предшествовали деспотизму Дионисия в Сиракузах. Во время правления династии Дионисия у них не было возможности даже наверстать упущенное, не говоря уже о присоединении извне. В то же время все три города (особенно Агригентум) вспоминали свой прежний уровень роскоши и могущества, как это было до 407 года до н. э. Поэтому они с нетерпением воспользовались новой жизнью и безопасностью, которые дала Сицилии карьера Тимолеона, чтобы пополнить свои истощенные ряды, вернув тех, кого изгнали прежние страдания, и пригласив новых колонистов. Мегелл и Ферист, граждане Элеи на южном побережье Италии (которая, вероятно, в это время была подавлена натиском луканийцев из внутренних районов), отправили колонию в Агригентум: Горгус из Кеоса отправился с другой группой в Гелу: в обоих случаях часть изгнанных граждан вернулась обратно. Камарина и Агириум также получили большое количество жителей. Жители Леонтины, как говорят, удалились в Сиракузы; это утверждение трудно понять, и, вероятно, оно верно лишь отчасти, поскольку город и его название все еще продолжали существовать[394].

К сожалению, дела Тимолеона дошли до нас (через Диодора и Плутарха) в таком туманном и запутанном виде, что мы редко можем проследить последовательность или определить дату отдельных фактов.[395] Но в отношении общих обстоятельств, их характера и влияния, нет места ни для ошибки, ни для сомнения. То, что проповедовали в своих панегириках риторы и софисты вроде Лисия[396], то, о чем вздыхал Платон в посланиях своей старости, рекомендуя это после смерти Диона оставшимся в живых его сторонникам как неосуществленную цель их покойного вождя - возрождение свободы и эллинизма на всем острове, - теперь стало реальностью под эгидой Тимолеона. Дома, храмы, стены были спасены от упадка, а земли - от сравнительного бесплодия. Ведь не только его личная репутация и достижения были главной приманкой для новых колонистов, но и его руководящие советы, которые определяли их местонахождение по прибытии. Не имея ни малейшей власти над собой, ни даже официального достоинства, он выступал в качестве своего рода генерального *oekist* или патрона-основателя, к которому с любовью обращались поселенцы во всех частях Сицилии. На его рассмотрение выносились вопросы распределения или продажи земель, изменения, которые требовалось внести в существующие законы и обычаи, новые политические конституции и т. д. Ни одно решение не давало удовлетворения, кроме тех, которые он оглашал или одобрял; ни одно, которое он одобрял, не оспаривалось[397].

В ситуации, в которой оказалась Сицилия, очевидно, что неизбежно возникнут многочисленные сомнения и трудности; что претензии и интересы прежних жителей, возвращающихся изгнанников и новых иммигрантов будут часто противоречить друг другу; что обряды и обычаи различных фракций, составляющих новое целое, должны быть изменены ради взаимной гармонии; Что поселенцы, прибывшие из олигархий и демократий, могут принести с собой различные идеи относительно надлежащих черт политической конституции; что распределение или продажа земель, и урегулирование старых долгов представляют слишком много шансов для злобных споров; что в ситуации существует тысяча новшеств, которые не могут быть определены ни прецедентом, ни каким-либо императивным правилом, но должны быть оставлены на усмотрение верховного арбитра. И здесь неоспоримые преимущества давало наличие такого человека, как Тимoleon, к которому можно было обратиться; человека, не только действительно лишенного зловещих

пристрастий, но и признанного всеми таковым; человека, которого все любили, которому все доверяли и которого не хотели обидеть; Человек, который не стремился навязать свою волю свободным сообществам, а обращался к ним как к свободным людям, опираясь только на их разум и чувства и воплощая во всех своих рекомендациях те инстинкты свободы слова, всеобщего голосования и равных законов, которые формировали зародыш политических обязательств в сознании греков в целом. Было бы интересно узнать, как Тимолеон разрешил множество новых и сложных вопросов, которые должны были быть представлены ему в качестве третейского судьи. Нет в человеческом обществе ситуации, столь ценной для изучения, как та, в которой рутина с необходимостью нарушается, а конструктивные способности приходят в активное движение. В греческой истории, пожалуй, никогда не было одновременной колонизации и одновременной перестройки политических институтов, более масштабной, чем та, что произошла сейчас на Сицилии. К сожалению, нам позволено знать только общий факт, без того очарования или поучительности, которые могли бы дать детали. Тимолеон был в Сицилии тем же, кем был Эпаминондас при основании Мессены и Мегалополя, хотя и с гораздо большей властью: и мы должны сожалеть о таком же невежестве в отношении подробностей деятельности обоих этих великих людей.

Но хотя сфера деятельности Тимолеона была связана с Сицилией, его резиденция, его гражданство, его особые интересы и обязанности находились в Сиракузах. Этот город, как и большинство других сицилийских городов, родился заново, с многочисленными поселенцами и изменившимися политическими институтами. Я уже упоминал, что Кефал и другие, приглашенные из Коринфа по прямому голосованию сиракузян, восстановили демократический институт Диокла с соответствующими изменениями. Новая эра свободы была отмечена учреждением новой священной должности, Амфиполя или жреца Зевса Олимпийского; должность менялась ежегодно, назначалась по жребию (несомненно, при некоторых условиях квалификации, которые нам не известны^[398]) и предназначалась, подобно архонту Эпониму в Афинах, в качестве признанного имени для отличия каждого сиракузского года. В этой работе по реформированию конституции, а также во всех трудах и перестройках, связанных с новыми поселенцами, Тимолеон принимал самое активное участие. Но как только новая конституция была завершена и начала действовать, он отказался от выполнения каких-либо конкретных обязанностей или осуществления каких-либо полномочий в соответствии с ней. Пользуясь высочайшим общественным уважением, осыпaeмый почетными и благодарными голосами народа, он имел мудрость и добродетель, чтобы предпочесть жизнь частного лица; такому решению, несомненно, способствовала его усиливающаяся потеря зрения, которая в скором времени перешла в полную слепоту. [Он жил в доме, отведенном ему народным голосованием, который он посвятил Святому Богу и внутри которого поставил часовню богине Автоматии - богине, под покровительством которой благословения и слава приходили как бы сами собой. 400 Этой богине он приносил жертвы, как великой и постоянной покровительнице, которая сопровождала его из Коринфа во всех его делах на Сицилии.

Отказавшись от предложенного ему официального положения и держась в стороне от подробностей общественной жизни, Тимолеон избежал ревности, которая непременно должна была сопутствовать такому огромному влиянию, как его. Но на самом деле во всех больших и важных делах эта скромность не уменьшала, а увеличивала его реальное влияние. Здесь, как и везде, богиня Автоматия работала на него и приводила к нему послушных слушателей без его собственного желания. Хотя сиракузяне вели свои обычные дела через других, но когда возникали серьезные затруднения, при обсуждении специально обращались к Тимолеону. В последние месяцы его жизни, когда он ослеп, его прибытие в собрание было торжественной сценой. Его привезли в машине, запряженной мулами, через

рыночную площадь к дверям театра, где проходило собрание, затем сопровождающие ввели или втянули машину в театр среди собравшихся людей, которые выразили свою привязанность самыми горячими криками и поздравлениями. Как только он ответил на их приветствие и восстановилась тишина, началась дискуссия, на которую он был приглашен; Тимолеон сидел на своей машине и слушал. Выслушав обсуждение вопроса, он высказал свое мнение, которое обычно сразу же утверждалось поднятием рук собравшихся. Затем он покидал народ и удалялся, сопровождающие снова выводили машину из театра, и те же возгласы одобрения сопровождали его отъезд; в то время как собрание продолжало заниматься своими делами и более обычными делами[401].

Таково впечатляющее и живописное описание, данное (несомненно, Афанисом или другим очевидцем[402]) отношений между сиракузским народом и слепым Тимолеоном после того, как его власть была отменена, и когда для него не осталось ничего, кроме его характера и морального превосходства. Легко понять, что торжественное заступничество, о котором здесь рассказывается, должно было быть припасено для тех случаев, когда собрание было нарушено каким-то необычным насилием или столкновением сторон. Для таких критических моментов, когда число участников было почти равным, а разочарование разгневанного меньшинства грозило зарождением постоянной вражды, неоценимую пользу приносил судья, которого почитали обе стороны и перед которым ни одна из них не считала зазорным уступить. Держась в стороне от деталей и неудобств повседневной политической жизни и сохраняя себя (подобно саламинской триреме, если воспользоваться выражением, которое Плутарх применил к Периклу в Афинах) для случаев одновременно судьбоносных и трудных, Тимолеон заполнил пробел, иногда опасный для всех свободных обществ; но который даже в Афинах всегда оставался пробелом, потому что не было афинянина, одновременно достойного и известного как достойный, чтобы заполнить его. Мы можем даже удивляться, как он оставался достойным, когда сильные народные настроения его пользу так сильно склоняли его голову, и когда никакие противоречия или порицания против него не были терпимы.

Два человека, Лафистий и Дементий, которых называли неприятными именами сикофантов и демагогов, дерзнули попробовать эксперимент. Первый требовал от него залога в судебном процессе, второй в публичном выступлении порицал различные части его военных кампаний. Общественное негодование против обоих этих людей было бурным; однако можно не сомневаться, что Лафистий применил к Тимолеону юридический процесс, универсальный для каждого гражданина: какова была уместность порицаний Демернета, мы не можем сказать. Однако Тимолеон воспользовался благовидным нетерпением народа защитить его от судебного процесса или от порицания только для того, чтобы преподать ему серьезный и ценный урок. Протестуя против всякого вмешательства в судебный процесс Лафистия, он решительно заявил, что это именно та цель, ради которой он так долго трудился и боролся - чтобы каждый сиракузский гражданин мог апеллировать к законам и свободно пользоваться своими законными правами. И хотя он не считал нужным подробно опровергать возражения, выдвинутые против его предыдущего генеральства, он публично объявил о своей благодарности богам за то, что они исполнили его молитву о том, чтобы он мог стать свидетелем того, как все сиракузяне будут обладать полной свободой слова[403].

От биографов Тимолеона мы почти ничего не узнаем, кроме нескольких случаев, поразительных, впечатляющих и несколько театральных, как те, о которых мы только что рассказали. Но что действительно важно, так это тон и нрав, которые эти инциденты выявляют как в Тимолеоне, так и в сиракузском народе. Видеть, как он, не испорченный карьерой сверхчеловеческого успеха, сохраняет те же сердечные убеждения, с которыми

отправился из Коринфа; отказывается от власти, самого пылкого из всех стремлений греческого политика, и опускается до частной должности, несмотря на все внешние побуждения к обратному; сопротивляясь искушению навязать свою волю народу, уважая его свободу слова и общественное голосование так, что все остальные должны были следовать его примеру; отказываясь от командования и довольствуясь советом, когда спрашивали его мнение - все это представляет собой образец подлинного и разумного общественного духа, который ассоциируется лишь с несколькими другими именами, кроме имени Тимолеона. То, что сиракузский народ должен был подчиниться такому поведению и послушанию не просто добровольно, но искренне и почти благоговейно, не вызывает удивления. И мы можем быть совершенно уверены, что мнение Тимолеона, с которым они спокойно и не афишируя советовались, было той путеводной звездой, которой они следовали в большинстве случаев, когда возникали трудности или моменты; помимо тех исключительных случаев, когда несогласие усугублялось, его призывали с такой внушительной церемонией в качестве третейского судьи. На ценности такого оракула под рукой нет нужды настаивать, особенно в городе, который за последние полвека не знал ничего, кроме владычества силы, и среди новой разношерстной толпы, состоящей из греческих поселенцев из самых разных мест.

Тимoleon теперь пользовался, как и заслужил, тем, что Ксенофонт называет "тем благом, не человеческим, а божественным - властью над желающими людьми, которая явно дается людям с подлинной и высоко тренированной сдержанностью характера"[404]. В нем было полностью реализовано указанное Ксенофонтом состояние - воздержанность в самом большом и полном смысле этого слова: не просто трезвость и воздержание (которые были присущи и старшему Дионисию), но отсутствие той роковой жажды власти любой ценой, которая в Греции была плодотворным родителем самых больших преступлений и беззаконий.

Тимoleon дожился до завершения своего великого дела по обеспечению сицилийских гражданских прав, преодолел все трудности, которые только зарождались, и увидел, как оно процветает. Не только Сиракузы, но и другие греческие города острова под влиянием возрожденных свободных институтов обрели безопасность, комфорт и достаток, которых они долгое время не знали. Земли снова стали обрабатываться с усердием; плодородная почва вновь давала обильный урожай; храмы были восстановлены после прежнего упадка и украшены вотивными подношениями благочестивой щедрости.[405] То же самое состояние процветающей и активной свободы, которое последовало за изгнанием династии Гелонов за сто двадцать лет до этого и продолжалось около пятидесяти лет, без деспотов внутри или захватчиков извне, теперь снова стало преобладать на всей Сицилии под эгидой Тимолеона. Правда, просуществовала она не так долго. Оно было разрушено в 316 году до н. э., через двадцать четыре года после битвы при Кримесе, деспотом Агатоклом, чей отец был среди переселенцев в Сиракузы под предводительством Тимолеона. Но тем промежутком безопасности и свободы, которым Сицилия была благословлена между этими двумя эпохами, она обязана щедрому патриотизму и разумным советам Тимолеона. В греческих летописях найдется немного имен, с которыми можно связать столь большое количество predetermined и благотворных результатов.

Привязанный к сиракузянам как общий отец и благодетель[406] и выставляемый как их герой всем гостям из Греции, он провел остаток своей жизни в полном почете. К несчастью для сиракузян, этот остаток жизни был слишком коротким; он умер от болезни, по-видимому, легкой, в 337-336 гг. до н. э. - через три или четыре года после битвы при Кримесе. Глубокая и нелицемерная скорбь, которую вызвала его смерть, охватила всю Сицилию. Не только сиракузяне, но и толпы людей со всех других частей острова собрались, чтобы отдать честь

его похоронам, которые были пышно отпразднованы за государственный счет. Несколько избранных юношей города несли на плечах тело, на котором он лежал; за ними следовала бесчисленная процессия мужчин и женщин в праздничных нарядах, увенчанных венками и смешивавших со слезами восхищение и зависть к ушедшему освободителю. Процессия прошла по той земле, где хранилась самая почетная память о Тимолеоне, где когда-то возвышалась разрушенная дионисийская твердыня и где теперь располагался суд, у входа в Ортигию. Наконец, он достиг Некрополя, между Ортигией и Ахрадиной, где была приготовлена массивная погребальная свая. Как только груз был поставлен на эту сваю и огонь был готов, глашатай Деметрий, отличавшийся силой своего голоса, громко провозгласил следующее

"Сиракузяне торжественно, за двести мин, проводят похороны этого человека, коринфянина Тимолеона, сына Тимодема. Они проголосовали за то, чтобы в честь него на все будущие времена устраивались музыкальные, конные, колесничные и гимнастические состязания, потому что, низложив деспотов, покорив чужеземного врага и заново заселив величайший из разрушенных городов, он вернул сицилийским грекам их конституцию и законы".

В память о Тимолеоне на агоре Сиракуз был воздвигнут надгробный памятник, по-видимому, с этой надписью. Вскоре к этому памятнику были пристроены другие здания: портики - для сбора людей для деловых встреч или бесед - и палестры - для занятий молодежи. Совокупность зданий, взятых вместе, называлась Тимолеонтион^[407].

Если вспомнить, что за год до смерти Тимолеона произошла роковая битва при Херонее и что его родной город Коринф, как и все его соседи, все глубже погружался в деградацию подвластных городов Македонии, мы не пожалеем, что своевременная смерть избавила его от столь скорбного зрелища. Именно благодаря ему сицилийские греки были спасены от подобной участи на протяжении почти одного поколения. Ему выпала редкая слава до конца выполнить обещание освобождения, с которым он отправился из Коринфа. Ранние годы его жизни были годами тяжких страданий - и тоже во имя свободы, вызванной смертью брата; поздний период, проявивший такое же чувство долга при более счастливых обстоятельствах, щедро отплатил ему успехами, превзошедшими все разумные ожидания, и обильным потоком благодарности и привязанности, изливавшимся на него среди освобожденных сицилийцев. Его характер представляется наиболее благородным и поучительным, если мы сравним его с Дионом. Тимолеон был воспитан как гражданин свободной, хотя и олигархической общины в Греции, окруженной другими свободными общинами, в условиях всеобщей ненависти к деспотам. Политики, которых он научился уважать, были людьми, прошедшими эту школу, сохранившими квалифицированное превосходство в условиях более или менее открытой конкуренции со стороны соперников и вынужденными искать средства для проведения своих взглядов помимо простой диктовки. Более того, человек, которого Тимолеон выбрал для своего своеобразного образца, был Эпаминондас, самый благородный образец, который только могла предложить Греция. ^{408]} Именно этому примеру Тимолеон отчасти был обязан своим энергичным патриотизмом в сочетании со свободой от личных амбиций, мягкостью политических антипатий и совершенными привычками примирительного и народного поведения, которые он проявлял среди стольких новых и сложных сцен до самого конца своей карьеры.

Воспитание Диона (как я уже рассказывал в предыдущей главе) было совершенно иным. Он был членом деспотической семьи и приобрел свой опыт под энергичным, но совершенно своевольным руководством старшего Дионисия. Нравы и потребности общества свободных

людей он так и не научился учитывать. Окунувшись в эту развращающую атмосферу, он, тем не менее, проникся великодушными и общественными устремлениями: ему стало противно волевое правительство, и он искал славы в том, чтобы способствовать замене его квалифицированной свободой и правительством законов. Но источником, из которого он пил, была Академия и ее прославленный учитель Платон, а не практическая жизнь и не лучшие практические политики, такие как Эпаминондас. Соответственно, в то же время он проникся идеей, что, хотя деспотизм - это плохо, правительство, основанной на народных началах, также плохо; другими словами, как только он подавил деспотизм, он должен определить, сколько свободы он допустит или какие законы он одобрит для общества; вместо деспота он должен стать деспотичным законодателем.

Здесь и заключалось главное различие между двумя завоевателями Дионисия. Скорбные письма, написанные Платоном после смерти Диона, разительно контрастируют с завидным концом Тимолеона и благодарственной надписью сиракузян на его могиле.

ГЛАВА LXXXVI. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРЕЦИЯ: ВОЦАРЕНИЕ ФИЛИППА МАКЕДОНСКОГО И РОЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА. 359-356 ГГ. ДО Н. Э.

В предыдущих главах я проследил историю сицилийских греков через долгие годы деспотизма, страданий и обнищания к периоду обновленной свободы и сравнительного счастья, наступившему под благосклонным покровительством Тимолеона в 344-336 гг. до н.э. Теперь будет уместно возобновить нить событий в Центральной Греции с того места, где они были оставлены в конце предыдущего тома - воцарение Филиппа Македонского в 360-359 гг. до н. э. Смерть Филиппа произошла в 336 г. до н. э., и последние годы его жизни принесут нам последнюю борьбу за полную эллинскую свободу; результат, стоящий в скорбном контрасте с достижениями современного освободителя Тимолеона в Сицилии.

В то время, когда Филипп взошел на престол, даже самому дальновидному политику Греции или Македонии не могло показаться, что такая борьба возможна. Среди надежд и страхов большинства греческих городов Македония тогда прошла совершенно незамеченной; в Афинах, Олинфе, Тасусе, Фессалии и некоторых других она была предметом небезынтересным, но отнюдь не первостепенной важности.

Эллинский мир сейчас находился в состоянии, отличном от всего, что было со времен поражения Ксеркса в 480-479 гг. до н. э. Поражение и деградация Спарты освободили внутренние государства от единственного города-правителя, на который они научились равняться. Ее имперское превосходство, которым она долгое время владела и которым жестоко злоупотребляла, было подавлено успехами Эпаминонадаса и фиванцев. Она больше не была главой многочисленного корпуса подчиненных ей союзников, посылавших депутатов на периодические синоды, подчинявших свою внешнюю политику ее влиянию, размещавших свои военные контингенты под командованием ее офицеров (ксенаги) и даже управлявших своим внутренним управлением через олигархии, преданные ее целям, с подкреплением, где это было необходимо, спартанским гарнизоном и хармостом. Она больше не находила на своей северной границе ряд обособленных аркадских деревень, каждая из которых управлялась отдельно под руководством преданных ей лидеров и

снабжала ее выносливыми солдатами; не было у нее и дружественного города Тегеи, связанного с ней давней фило-лаконской олигархией и традицией. Под влиянием сильного переворота в чувствах, последовавшего за поражением спартанцев при Лейктре, небольшие аркадские общины под руководством Эпаминонда объединились в большой укрепленный город Мегалополь, ставший центром общеаркадской конфедерации, где часто собирался синод (называемый Десятью тысячами) для решения вопросов, представляющих интерес для различных частей Аркадии. Тегея тоже претерпела политическую революцию, так что эти два города, сопредельные друг с другом и образующие вместе северную границу Спарты, превратили ее аркадских соседей из ценных инструментов в грозных врагов.

Но эта потеря иностранной вспомогательной силы и достоинства была не самым худшим, что понесла Спарта. На ее северо-западной границе (граничащей также с Мегалополем) стоял недавно образованный город Мессен, что означало отсечение почти половины спартанской территории и имущества. Западная и более плодородная половина Лаконии была отделена от Спарты и поделена между Мессеной и различными другими независимыми городами; ее обрабатывали в основном те, кто когда-то был перiezками и гелотами Спарты.

На том этапе греческой истории, к которому мы сейчас переходим, когда коллективный эллинский мир, впервые после вторжения Ксеркса, должен был встать на защиту от врага из Македонии, это изменившееся положение Спарты было обстоятельством серьезной важности. Пелопоннесцы не только были разобщены и лишены общего вождя, но Мегалополь и Мессен, зная о сильной враждебности Спарты по отношению к ним и о ее огромном превосходстве в силах, даже уменьшенном, по сравнению со всем, что они могли собрать, жили в вечном страхе перед ее нападением. Их соседи аргейцы, постоянные враги Спарты, были готовы защитить их, но такая помощь была недостаточна для их обороны без внепелопоннесского союза. Поэтому мы видим, что они опирались на поддержку Фив или Афин, в зависимости от того, что можно было получить; и в конце концов даже приветствовали оружие Филиппа Македонского, как защитника от неизбежной враждебности Спарты. Элис, оказавшаяся в той же ситуации по отношению к Трифилии, что и Спарта по отношению к Мессене, сообщила, что трифилийцы, которых она считала своими подданными, были приняты в Аркадскую федерацию как свободные люди. Мы увидим, что Спарта пытается вовлечь Элиду в политические комбинации, призванные обеспечить обоим возвращение утраченного господства. [409](#) Об этих комбинациях будет сказано подробнее позже; сейчас я лишь констатирую тот общий факт, что деградация Спарты в сочетании с ее постоянной угрозой агрессии против Мессены и Аркадии дезорганизовала Пелопоннес и разрушила его силы панэллинской обороны против нового иностранного врага, который теперь медленно возникал.

Некогда мощная пелопоннесская система была фактически полностью разрушена. Коринф, Сикион, Флий, Трезен и Эпидавр, ценные как второстепенные государства и как союзники Спарты, теперь были отстранены от всякой политической комбинации, стремясь только к тому, чтобы каждый сам по себе не участвовать в столкновениях между Спартой и Фивами. [\[410\]](#) По-видимому, Коринф был недавно угнетен и потревожен временной деспотией Тимофана, описанной в моей последней главе; хотя дата этого события не может быть точно определена.

Но великие и преобладающие силы Эллады теперь, впервые в нашей истории, находились не в Пелопоннесе, а в Афинах и Фивах. Оба эти города находились в полной боевой готовности и работоспособности. Афины имели многочисленный флот, процветающую

торговлю, значительное число морских и островных союзников, посылали депутатов в ее синод и вносили взносы в общий фонд для поддержания совместной безопасности. Она была, безусловно, величайшей морской державой Греции. В предыдущем томе я рассказывал, как ее полководец Тимофей приобрел для нее важный остров Самос, а также Пидну, Метону и Потидею в Термическом заливе; как он потерпел неудачу (как до него потерпел неудачу Ификрат) в нескольких попытках захватить Амфиполь; как он насаждал афинское завоевание и поселенцев во фракийском Херсонесе, который после нападения и угрозы со стороны фракийского князя Котиса был отвоеван благодаря постоянным усилиям Афин в 358 году до н.э. Афины не понесли значительных потерь во время борьбы, завершившейся умиротворением после битвы при Мантинее; в целом их состояние было лучше, чем когда-либо после бедствий, постигших их в конце Пелопоннесской войны.

Сила Фив также была внушительной и грозной. Она потеряла многих из тех пелопоннесских союзников, которые составляли подавляющую силу Эпаминондаса, когда он впервые вторгся в Лаконию под влиянием нового антиспартанского импульса, последовавшего за битвой при Лейктре. Она сохранила за собой только Аргос, а также Тегею, Мегалополь и Мессену. Последние три мало что добавляли к ее силе и нуждались в ее бдительной поддержке, которую Эпаминондас был готов заплатить за создание сильной границы против Спарты. Но число дополнительных пелопоннесских союзников, группировавшихся вокруг Фив, было все еще значительным:[\[411\]](#) фокийцы и локрийцы, малийцы, гераклеоты, большинство фессалийцев и большинство (если не все) жителей Эвбеи; возможно, также акарнанцы. Фокийцы действительно были неохотными союзниками, склонными ограничивать свои обязательства узкими рамками взаимной защиты в случае вторжения, и в скором времени мы увидим, что отношения между ними стали положительно враждебными. Кроме этих союзников, фиванцы обладали ценной позицией Оропа на северо-восточной границе Аттики, города, который был отвоеван у Афин за шесть лет до этого, к глубокой досаде афинян.

Но помимо союзников вне Беотии, Фивы значительно усилили свое могущество внутри Беотии. Она присвоила себе территории Платеи и Феспии на южной границе, Коронеи и Орхомена - на северной, завоевав и частично изгнав их прежних жителей. О том, как и когда были сделаны эти приобретения, было рассказано в предыдущем томе:[\[412\]](#) здесь я просто напомним этот факт, чтобы оценить положение Фив в 359 году до н. э. - что эти четыре города, бывшие в 372 году до н. э. автономными, объединенные с ней только определенными обязательствами Беотийской конфедерации и частично даже фактически враждовавшие с ней, теперь потеряли свою автономию со своими свободными гражданами и стали частью ее собственности и суверенитета. Таким образом, владения Фив простирались по всей Беотии от границ Фокисы[\[413\]](#) на северо-западе до границ Аттики на юге.

Новое положение Фив в Беотии, приобретенное ценой уничтожения трех или четырех автономных городов, имеет большое значение для рассматриваемого нами периода; не только потому, что оно увеличило силу и гордость самих фиванцев, но и потому, что оно породило в эллинском сознании мощный поток неблагоприятных настроений против них. Как раз в то время, когда спартанцы потеряли почти половину Лаконии, фиванцы присоединили к своему городу треть свободной беотийской территории. Возрождение свободного мессенского гражданства после более чем двухвекового перерыва недавно было встречено с всеобщим удовлетворением. Как сильно было бы потрясено это чувство, когда Фивы ради собственного обогащения уничтожили четыре автономные общины, все из своего беотийского рода - одна из этих общин, Орхомен, уважаемый как за свою древность, так и за традиционные легенды! Не было предпринято особых усилий, чтобы выяснить

обстоятельства дела и узнать, не превысили ли Фивы меру строгости, предусмотренную военным кодексом того времени. В патриотических и национальных представлениях каждого грека Эллада представляла собой совокупность автономных, братских городов-общин. Исчезновение любой из них было подобно отсечению конечности от организованного тела. Неприязнь к Фивам, возникшая в результате этих действий, сильно повлияла на общественное мнение того времени и особенно проявилась в речи афинских ораторов, преувеличенной страданием из-за потери Оропа[414].

Большая часть фессалийцев, а также магнеты и фтиоты-ахейцы были в числе тех, кто подчинялся власти Фив. Даже могущественный и жестокий деспот Александр Ферейский числился в этом каталоге.[415] Города плодородной Фессалии, принадлежавшие могущественным олигархиям с многочисленными зависимыми крепостными, были, как правило, жертвой внутренних конфликтов и муниципального соперничества друг с другом; беспорядочного и неверного.[416] Алеуады, вожди в Лариссе, и Скопады, в Кранноне, когда-то были главными семьями в стране. Но в руках Ликофрона и энергичного Ясона Фера возвысилась до первого ранга. Под началом Ясона, как тагуса (федерального полководца), были объединены все силы Фессалии, вместе с большим количеством прилегающих притоков, македонских, эпиротийских, долопийских и т.д., и хорошо организованной постоянной армией наемников. Он мог собрать восемь тысяч конницы, двадцать тысяч гоплитов и пельтастов или легкой пехоты в гораздо более значительном количестве.[417] Военная мощь такого масштаба в руках человека, одинаково способного и честлюбивого, вызвала всеобщую тревогу и, без сомнения, была бы использована в каком-нибудь великом плане завоевания, как в самой Греции, так и за ее пределами, если бы Ясон не был внезапно прерван убийством в 370 году до н. э., Его братья Полифрон и Полидор унаследовали его должность тагуса, но не его способности или влияние. Последний, жестокий тиран, предал смерти первого и, в свою очередь, был убит через короткий промежуток времени преемником еще хуже, своим племянником Александром, который жил и сохранял власть в Фере около десяти лет (368-358 гг. до н. э.).

В течение некоторого времени Александр успешно сражался с фиванцами и сохранял свое господство в Фессалии. Но перед битвой при Мантинее в 362 году до н. э. он был низведен до состояния зависимого союзника Фив и предоставил свой контингент в армию, которая под командованием Эпаминонда отправилась в Пелопоннес. В 362-361 годах до н.э. он даже обратил свои военные действия против Афин, врага Фив; он вел против них морскую войну, не без частичного успеха и ущерба для ее торговли. [419] И поскольку внешнее превосходство Фив повсеместно, вероятно, было подорвано смертью их великого вождя Эпаминонда, Александр из Фере восстановил силы; продолжая быть величайшим властителем в Фессалии, а также самым кровожадным тираном, до самой своей смерти в начале 359 года до н. э.[420] Затем он умер, в бодром возрасте и в полноте власти. Против угнетенных подданных или соседей он мог обезопасить себя с помощью наемной охраны; но он был убит по умыслу своей жены Фебки и по наущению ее братьев - памятная иллюстрация к общему положению, изложенному Ксенофонтом, что греческий деспот не мог рассчитывать ни на безопасность, ни на привязанность, и что его самых опасных врагов можно найти среди его собственных домашних или родственников.[421] Жестокая жизнь Александра и жестокость его поступков внушали его жене смешанную ненависть и страх. Кроме того, из слов, оброненных в приступе опьянения, она узнала, что он намерен предать смерти ее братьев Тисифона, Пифола и Ликофрона, а вместе с ними и ее саму; отчасти потому, что она была бездетна, он задумал снова жениться на вдове покойного деспота Ясона, которая жила в Фивах. Поэтому Фебка, предупредив своих братьев об опасности, договорилась с ними о способах убийства Александра. Спальня, которую она делила с ним,

находилась в верхнем этаже, куда можно было попасть только по съёмной лестнице, у подножия которой каждую ночь лежал свирепый мастиф на цепи и фракийский солдат, татуированный по моде своей страны. Кроме того, весь дом регулярно занимала рота стражников; говорят даже, что гардероб и шкафы Фебе каждый вечер обыскивали на предмет спрятанного оружия. Однако все эти многочисленные меры предосторожности, вызывающие недоверие, были сведены на нет ее хитростью. Весь день она прятала своих братьев в надёжном соседнем тайнике. Ночью Александр, придя в постель в состоянии алкогольного опьянения, вскоре заснул; тогда Фебе выкралась из комнаты, приказала убрать собаку от подножия лестницы под предлогом, что деспот желает насладиться спокойным отдыхом, и позвала своих вооружённых братьев. Расстелив на лестнице шерсть, чтобы их шаги были бесшумными, снова поднялась в спальню и унесла меч Александра, который всегда висел рядом с ним. Однако, несмотря на это поощрение, трое молодых людей, все ещё дрожа от величины риска, не решались подняться на лестницу; их удалось уговорить только с помощью ее явной угрозы, что если они дрогнут, она разбудит Александра и разоблачит их. Наконец они поднялись и вошли в опочивальню, где горел светильник, а Фебка, открыв перед ними дверь, снова закрыла ее и встала на засов. Затем братья подошли к кровати: один схватил спящего деспота за ноги, другой - за волосы на голове, а третий пронзил его мечом[422].

После успешного и безопасного завершения этого дела, популярного благодаря одиозному характеру убитого деспота, Феба сумела привлечь на свою сторону наемные войска и закрепить скипетр за собой и своим старшим братом Тисифоном. После этой перемены, видимо, власть новых князей была не столь велика, как у Александра, поэтому в Фессалии появились дополнительные элементы слабости и раздора. Это следует отметить как одно из существенных обстоятельств, проложивших путь Филиппу Македонскому к завоеванию власти в Греции, как будет показано далее.

В 360-359 годах до н. э. Пердиккас, старший брат и предшественник Филиппа на троне Македонии, был убит в расцвете лет. По одним данным, он погиб в кровавой битве с иллирийцами, в которой пало четыре тысячи македонцев; по другим - от рук убийц и вероломного подкупа своей матери Эвридики.[423] О подвигах Пердикки в течение пяти лет его правления мы знаем немного. Он помогал афинскому полководцу Тимофею в войне против Олинфской конфедерации и в захвате Пидны, Потидеи, Тороны и других соседних мест; с другой стороны, он противостоял афинянам в их попытке взять Амфиполь, обеспечив этот важный пункт македонским гарнизоном, как против них, так и для себя. Он участвовал в серьезных конфликтах с иллирийцами.[424] Похоже, что он также не был лишен некоторых литературных склонностей - он был поклонником интеллектуальных людей и состоял в переписке с Платоном в Афинах. Выдающиеся философы или софисты, такие как Платон и Исократ, пользовались известностью и определенным влиянием во всем греческом мире. За сорок лет до этого македонский царь Архелай оказал благосклонность Платону,[425] тогда еще молодому человеку, а также его учителю Сократу. Аминтас, отец Пердикки и Филиппа, на протяжении всего своего правления поддерживал дружбу с ведущими афинянами, особенно с Ификратом и Тимофеем, первого из которых он даже усыновил как своего сына; Аристотель, впоследствии столь выдающийся философ (сын Никомаха, доверенного врача Аминта[426]), некоторое время учился в Афинах как ученик Платона; кроме того, Пердиккас во время своего царствования поселил у себя друга философа Евграфа Орейского. Пердиккас очень доверял наставлениям Эвфрея, который руководил его выбором соратников и не позволял быть его гостями никому, кроме людей с учеными привычками; это вызвало сильное отвращение среди военных македонцев.[427] Это яркое свидетельство

репутации Платона, что мы видим, как его совета одновременно добивались Дионисий Младший в Сиракузах и Пердиккас в Македонии.

По предложению Платона, переданному через Эвфрея, Пердиккас был вынужден подарить своему родному брату Филиппу часть территории или удел в Македонии. В 368 году до н. э. (во время правления Александра, старшего брата Пердикки и Филиппа) Пелопид привел Македонию к частичному подчинению и взял заложников за ее верность; среди этих заложников был и юный Филипп, которому тогда было около пятнадцати лет. В таком виде Филипп пробыл в Фивах около двух или трех лет.^[428] Как и когда он покинул этот город, мы не можем точно сказать. Похоже, он вернулся в Македонию после убийства Александра Птолемеом Алоритом; вероятно, без сопротивления со стороны фиванцев, поскольку его ценность как заложника тогда уменьшилась. О том, что мать Эвридика вверила его (вместе с братом Пердиккой) защите афинского полководца Ификрата, находившегося в то время на побережье Македонии, рассказывалось в одной из предыдущих глав. Как сложилась судьба Филиппа во время правления Птолемея Алорита в Македонии, мы не знаем; можно предположить, что он вернулся в Фивы как более безопасную резиденцию. Но когда его брат Пердиккас, убив Птолемея Алорита, стал царем, Филипп поселился в Македонии и даже получил от Пердиккаса (как уже говорилось), благодаря уговорам Платона, отдельный округ для управления в качестве подчиненного. Здесь он оставался до смерти Пердикки в 360-359 гг. до н. э.; он организовал отдельное военное войско (как Дердас в 382 г. до н. э., когда лакедемоняне воевали с Олифмом^[429]) и, вероятно, служил во главе его в войнах, которые вел его брат.

Однако время, проведенное Филиппом в Фивах с пятнадцати до восемнадцати лет, стало событием, имеющим большое значение для определения его будущего характера.^[430] Хотя Филипп находился в Фивах, с ним обращались вежливо и уважительно. Он жил у Паммена, одного из главных граждан; вероятно, его хорошо учили литературе и риторике, так как в последующей жизни он обладал значительным талантом оратора^[431]; возможно, он получил и некоторое образование в области философии, хотя впоследствии он никогда не проявлял к ней никакого вкуса, и хотя утверждение, что его учили пифагорейцы, не заслуживает доверия. Но самый неизгладимый урок, который он усвоил в Фивах, был получен в обществе и на живом примере таких людей, как Эпаминондас и Пелопид. Это были ведущие граждане, проявлявшие те качества, которые обеспечивали им устойчивое восхищение свободной общины - фиванской общины, более склонной к действию, чем к речи; кроме того, оба они были выдающимися полководцами - один из них был самым искусным организатором и самым ученым тактиком своего времени. Зрелище фиванской военной силы, превосходной и как кавалерия, и как пехота под руководством такого человека, как Эпаминондас, было очень убедительным для молодого македонского принца; и оно стало еще более действенным в сочетании с личным общением с победителем Лектры - первым человеком, которым Филипп научился восхищаться и которому он стремился подражать в своей военной карьере.^[432] Его ум рано напитался самыми передовыми стратегическими идеями того времени и был брошен в колею размышлений, сравнений и изобретений в области военного искусства.

Переведенный из Фив в подчинение своему старшему брату Пердиккасу, Филипп организовал военные силы и получил возможность применить на практике, хотя сначала и в ограниченных масштабах, уроки, полученные от прославленных фиванцев. Он стоял во главе войск, принадлежащих ему и организованных им самим, когда неожиданная смерть Пердиккаса открыла перед ним перспективу наследования трона. Но эта перспектива была полна сомнений и опасностей. У Пердиккаса остался малолетний сын; кроме того,

существовали три принца, Архелай, Аридей и Менелай,[433] сыновья Аминта от другой жены или любовницы Гигеи, а значит, сводные братья Пердиккаса и Филиппа; были еще два претендента на корону - Павсаний (который прежде стремился к трону после смерти Аминта), поддерживаемый фракийским принцем, и Аргелай, которому помогали афиняне. К этим опасностям добавлялись нападения соседних варварских народов, иллирийцев, пеонийцев и фракийцев, всегда готовых[434] напасть и разграбить Македонию в любой момент слабости кишечника. По-видимому, незадолго до своей смерти Пердиккас потерпел тяжелое поражение от иллирийцев, потеряв четыре тысячи человек; затем последовала его смерть, либо от полученной тогда раны, либо в результате махинаций его матери Эвридики. Возможно, и ранение в бою, и убийство - реальные факты[435].

Поначалу Филипп взял на себя управление страной в качестве опекуна своего юного племянника Аминтаса, сына Пердикки. Но трудности конъюнктуры были столь грозны, что македоняне кругом вынудили его принять корону. 436] Из трех своих сводных братьев он предал смерти одного, а двум другим помешало бегство в изгнание; мы найдем их далее в Олинфе. Они либо нашли, либо, как считалось, могли найти в Македонии партию, которая поддержала бы их притязания на корону[437].

Престолонаследие в Македонии, хотя и передавалось по наследству от одной семьи к другой, было предметом частых и кровавых споров между отдельными членами этой семьи, и обычно доставалось самым смелым и беспринципным из них. Никто, кроме энергичного человека, не смог бы там удержаться, особенно в условиях воцарения Филиппа.

Македонскую монархию называют ограниченной монархией, и в значительной степени это утверждение верно. Но в чем заключались эти ограничения и как они действовали, мы не знаем. В том, что существовали некоторые древние формы и обычаи, которые царь обычно соблюдал, мы не сомневаемся;[438] как, вероятно, было и у иллирийских племен, эпиротов и других соседних воинственных народов. Время от времени созывалось общее собрание, чтобы выразить согласие с каким-нибудь важным предложением или судить какого-нибудь выдающегося обвиняемого. Но, хотя такие церемонии признавались и иногда проводились, случаи, когда они служили серьезной конституционной проверкой царской власти, были редки.[439] Факты македонской истории, насколько они дошли до нас, показывают, что цари действовали, руководствуясь своими чувствами и осуществляя свои собственные планы - советуясь с кем угодно и когда угодно - подчиняясь только необходимости не оскорблять слишком сильно настроения того военного населения, которым они командовали. Филипп и Александр, сочетая царское положение с личными способностями и беспримерным успехом, были более могущественны, чем любой из их предшественников. Каждый из них требовал чрезвычайных усилий от своих солдат, которых они были вынуждены держать в добровольном повиновении и привязанности, как это делал Ясон Ферейский со своей постоянной армией наемников.[440] Во время правления Александра армия проявляет себя как единственная сила рядом с ним, перед которой даже он вынужден иногда склоняться; после его смерти ее власть становится на некоторое время еще более возвышенной. Но насколько нам известна история Македонии, я не вижу никаких свидетельств существования координированных политических органов или постоянного аппарата (аристократического или народного) для проверки власти царя, чтобы хоть как-то оправдать сравнение, проведенное современным историком между македонской и английской конституциями.

Первым делом Филипп расправился со своими многочисленными врагами, откупившись от фракийцев своевременными подарками и обещаниями, так что соперничество Павсания за трон перестало быть опасным. Оставались афиняне с Аргеем со стороны моря и иллирийцы со стороны суши.

Но Филипп проявил ловкость и энергию, достаточные для того, чтобы противостоять всем. Пока он спешил реорганизовать силы страны, расширить применение тех усовершенствованных военных мер, которые он уже пытался применить в своей провинции, и воодушевить своих друзей и солдат коллективными проповедями,[441] в таком стиле и духе, каких македонцы никогда прежде не слышали из царских уст, он ухитрился отгородиться от нападения афинян до более удобного момента.

Он знал, что овладение Амфиполем было той великой целью, ради которой они вели войну против Македонии в течение нескольких лет и ради которой они теперь выступили на стороне Аргея. Поэтому он сразу же заявил о своей готовности уступить им это важное место, выведя македонский гарнизон, который Пердиккас удерживал против них, и оставив город его собственным гражданам. Этот акт, вероятно, был истолкован афинянами как равносильный фактической уступке; ведь даже если бы Амфиполь все еще держался против них, они не сомневались бы в своих силах одолеть его без посторонней помощи. Далее Филипп отправил в Афины письма, в которых выражал желание быть принятым в ее союз на тех же дружеских условиях, что и его отец Аминтас до него.[442] Эти действия, похоже, привели к тому, что афиняне стали менее охотно поддерживать Аргея. Афинский адмирал Мантий, хотя и доставил принца морем в Мефон, сам остался в морском порту, в то время как Аргей отправился вглубь страны с некоторыми возвращающимися изгнанниками, наемниками и несколькими афинскими добровольцами в Эгес или Эдессу,[443] надеясь добиться приема в этой древней столице македонских царей. Но жители отказались принять его, и на обратном пути, в Мефоне, он подвергся нападению Филиппа и потерпел полное поражение. Его беглые войска нашли убежище на соседней возвышенности, но вскоре были вынуждены сдаться. Филипп позволил большей их части уйти на условиях, потребовав лишь выдать ему Аргея и македонских изгнанников. С афинскими гражданами он обращался с особой вежливостью, сохранил им все их имущество и отправил их домой, преисполненных благодарности, с примирительными посланиями к афинскому народу. Изгнанники, среди которых был и Аргеус, попав к нему в плен, вероятно, были преданы смерти[444].

Благоразумная мягкость, проявленная Филиппом по отношению к афинским пленникам, в сочетании с эвакуацией Амфиполя оказали самое благоприятное воздействие на нравы афинской общественности и склонили ее к принятию его мирных предложений. Соответственно, был заключен мир. Филипп отказался от всех притязаний на Амфиполь, признав этот город владением, по праву принадлежащим Афинам.[445] Таким отказом он не оставил никакого законного владения, поскольку Амфиполь никогда не принадлежал македонским царям, и ни один македонский солдат никогда не входил в него до трех или четырех лет назад, когда граждане попросили помощи у Пердикки, чтобы участвовать в обороне против Афин. Но афиняне, похоже, получили главный приз, за который они так долго боролись. Они поздравляли себя с надеждой, которую, вероятно, с уверенностью высказывали ораторы, поддержавшие мир, что только амфиполиты никогда не подумают сопротивляться признанным притязаниям Афин.

Таким образом, Филипп был избавлен от врагов на побережье, и у него освободились руки для борьбы с иллирийцами и пеонийцами во внутренних районах страны. Он совершил поход на территорию пеонийцев (кажется, вдоль верхнего течения реки Аксий), которых он нашел ослабленными после недавней смерти их царя Агиса. Он разбил их войска и заставил их подчиниться македонскому господству. После этого он перешел к нападению на иллирийцев - более серьезному и грозному предприятию. *Иллирийцы, пеонийцы, фракийцы* и т. д. не обозначали единой национальной массы, а относились к большому числу

родственных племен или кланов, каждый из которых отличался от других, управлялся отдельно и имел свое особое название и обычаи. Иллирийские и пеонийские племена занимали обширную территорию к северу и северо-западу от Македонии, на территории современной Боснии почти до Юлийских Альп и реки Саве. Но в середине четвертого века до Рождества Христова, похоже, происходила большая иммиграция галльских племен с запада, которые вторгались на территорию более северных иллирийцев и пеонийцев, ограничивая их владения и безопасность и оттесняя их все дальше на юг; иногда они вынуждены были искать пропитание и грабить, вторгаясь в Македонию или занимаясь морским пиратством против греческой торговли в Адриатическом море.[Иллирийцы стали более опасными соседями Македонии, чем во времена Фукидида; похоже, что недавняя коалиция их воинов с целью вторжения и грабежа находилась сейчас в зените своей силы. Во главе коалиции стоял вождь по имени Бардилис, который возвысился до командира из скромного сословия угольщиков; этот человек славился своей храбростью, но еще больше он был известен тем, что поступал со своими воинами строго справедливо, особенно при распределении добычи.[Бардилис и его иллирийцы овладели значительной частью Западной Македонии (к западу от горы Бермий), занимая по большей части города, деревни и равнины,[448] а коренных македонцев ограничивая обороноспособными, но бесплодными холмами. Филипп выступил в поход, чтобы напасть на них, во главе войска, которое ему удалось довести до десяти тысяч пеших и шестисот конных. Численность Бардилиса была примерно равной, но, узнав о приближении Филиппа, он послал предложение о мире на условии, что каждая сторона сохранит то, чем владеет на самом деле. Предложение было отвергнуто, и две армии быстро встретились. Филипп собрал вокруг себя на правом фланге отборные македонские войска, с которыми он предпринял самое энергичное наступление, одновременно маневрируя конницей, чтобы атаковать левый фланг иллирийцев. Сражение, проходившее с крайним упорством с обеих сторон, некоторое время оставалось нерешенным; царь Македонии никак не мог прорвать продолговатый квадрат, в который выстроились его враги. Но в конце концов его конница смогла так эффективно атаковать их во фланг и тыл, что победа была объявлена в его пользу. Иллирийцы бежали, были энергично преследованы, потеряв семь тысяч человек, и больше не поднимались. Бардилис вскоре потребовал мира и согласился купить его, отказавшись от всех своих завоеваний в Македонии; Филипп же так упорно добивался победы, что подчинил себе все племена к востоку от Лихнидского озера[449].

Эти операции против внутренних соседей Македонии должны были занять год или два. В этот промежуток времени Филипп оставил Амфиполь на произвол судьбы, выведя из него македонский гарнизон в качестве средства примирения с афинянами. Можно было ожидать, что они сразу же воспользуются открывшейся возможностью и предпримут активные действия по возвращению Амфиполя. Они знали цену этому городу: они считали его своим по праву; они давно хотели им завладеть и даже осаждали его пять лет назад, хотя, кажется, только с наемными войсками, которые были отбиты в основном благодаря помощи предшественника Филиппа - Пердикки. Амфиполь вряд ли сдался бы им добровольно, но, будучи брошенным на собственные силы, он, возможно, был бы атакован с успехом. Тем не менее, они остались, не предпринимая никаких попыток захватить область в устье реки Стримон. Мы должны помнить (как было сказано в моем последнем предыдущем томе[450]), что в течение 359 года до н. э. и первой половины 358 года до н. э. они вели операции во фракийском Херсонесе против Харидема и Керсobleпта с небольшим успехом и позорными затруднениями. Эти досадные операции в Херсонесе, в которых были заинтересованы многие афиняне как частные владельцы, помимо общественных претензий города, возможно, полностью поглощали внимание Афин, чтобы побудить ее отложить приобретение Амфиполя до их завершения, которое не состоялось (как мы увидим в ближайшее время)

непосредственно перед тем, как она погрузилась в опасный кризис Социальной войны. Я не знаю лучшего объяснения тому необычному обстоятельству, что Афины, хотя так стремились к обладанию Амфиполем и до, и после, не предпринимали никаких попыток приобрести его в течение более чем года после его эвакуации Филиппом; если только мы не отнесем эту возможность к тем, которые она упустила (по словам Демосфена[451]) по чистой небрежности, не подозревая, как быстро такая возможность исчезнет.

В 358 году до н. э. афинянам представилась возможность восстановить свое влияние на Эвбее, и за этот остров, расположенный так близко от их собственных берегов, они нанесли более энергичный удар, чем за далекие владения Амфиполя. Во время возрождения морской конфедерации под властью Афин (сразу после 378 г. до н. э.) большинство городов Эвбеи присоединились к ней добровольно, но после битвы при Лейктре (в 371 г. до н. э.) остров перешел под власть фиванского супрема су. Поэтому эвбейцы из всех городов служили в армии Эпаминонда, как в его первом, так и в последнем походе в Пелопоннес (369-362 гг. до н. э.).[452] Более того, Ороп, пограничный город Аттики и Беотии, расположенный прямо напротив Эвбеи, был отвоеван у Афин[453] в 366 г. до н. э. до н. э. изгнанниками, переправившимися через пролив из Эретрии под руководством эретрийского деспота Фемисона, и был передан фиванцам, у которых и оставался. Но в 358 году до н. э. в эвбейских городах началось недовольство, по неизвестной нам причине, против верховенства Фив; тогда на остров был послан мощный фиванский отряд, чтобы сдержать их. Завязалась ожесточенная борьба, в которой, если бы Фивы одержали верх, Халкис и Эретрия, возможно, разделили бы судьбу Орхомена.[454] Эти города отправили срочные послания с просьбой о помощи афинянам, которые были сильно тронуты опасением, что их ненавистный сосед Фивы усилятся таким большим приобретением вблизи их границ. Народное собрание, уже настроенное на сочувствие к просителям, было приведено в восторг резким и выразительным обращением Тимофея, сына Конона.[455] "Как! Афиняне (сказал он), когда фиванцы уже на острове, вы еще здесь обсуждаете, что делать или как поступить? Не заполните ли вы море триерами? Неужели вы не подниметесь немедленно, не поспешите в Пирей и не спустите триеры на воду?" Этот оживленный апостроф, переданный и, несомненно, услышанный самим Демосфеном, был горячо встречен народом. Афинская армия, как военная, так и морская, была снаряжена с готовностью и отправлена в путь с быстротой, которую редко можно сравнить. Всеобщий энтузиазм был настолько велик, что дорогостоящую должность триерарха впервые взяли на себя добровольцы, вместо того чтобы ожидать более медленного процесса выделения богатых людей, чья очередь была служить, с возможностью еще большей задержки из-за судебного процесса, называемого Antidosis или обмен имущества,[456] возбужденного любым из выбранных таким образом лиц, которые могли считать себя едва ли использованными по требованию. Сам Демосфен был в числе добровольных триерархов; он и некто по имени Филин были со-триерархами одного корабля. Нам рассказывают, что через три или пять дней афинский флот и армия под командованием Тимофея[457] были высажены в полном составе на Эвбее; и что в течение тридцати дней фиванцы потерпели такое поражение, что были вынуждены эвакуировать ее по капитуляции. Успеху афинян способствовал отряд наемников под командованием Хареса. Однако не ясно, что успех был таким легким и быстрым, как любят утверждать ораторы. 458] Тем не менее, их хвастовство, часто повторяемое впоследствии, настолько обосновано, что Афины полностью выполнили свою задачу, спасли эвбейцев из Фив и получили свидетельство их благодарности в виде золотого венка, посвященного в афинском акрополе.[459] Эвбейские города, признавая свою автономию, в то же время продолжали оставаться членами афинской конфедерации, посылая депутатов в афинский синод, на общие цели которого они платили ежегодную дань, оцениваемую в пять талантов для Орея (или Гистиея) и Эретрии.[460]

По завершении этого эвбейского предприятия Харес со своими наемниками был отправлен в Херсонес, где после долгих проволочек и недобросовестных действий с их стороны добился от Харидема и Керсоблепта эвакуации этого полуострова и его уступки Афинам. Я описал эти события в предыдущем томе, отметив при этом, что в этот момент Афины достигли максимума своего возрожденного внешнего могущества и второй конфедерации, начавшейся в 378 году до н. э.^[461] Но этот период возвышения был очень коротким. Он был быстро свергнут двумя важными событиями - Социальной войной и завоеваниями Филиппа во Фракии.

Афинская конфедерация, недавно усиленная спасением Эвбеи, включала в свой состав большую часть островов Эгейского моря, а также греческие морские порты во Фракии. В список входили острова Лесбос, Хиос, Самос (последний сейчас частично занят афинскими клерухами или поселенцами), Кос и Родос, а также важный город Византий. Вскоре после недавнего успеха на Эвбее Хиос, Кос, Родос и Византия восстали против Афин, подняв против них серьезную войну, известную под названием Социальной войны.

О непосредственных причинах этой вспышки мы, к сожалению, имеем мало сведений. С 378 года до н. э. в Афинах постоянно собирался синод депутатов от всех городов-конфедератов, подобного которому не было при первой Афинской империи в период ее полной зрелости. Насколько эффективно работал синод, мы не знаем. По крайней мере, он должен был предоставить союзникам, если они были ущемлены, полную возможность выслушать свои жалобы и критически оценить использование общего фонда, в который каждый из них вносил свой вклад. Но я уже отмечал в предыдущем томе, что афинская конфедерация, начавшаяся (378 г. до н. э.) в великодушном и равном духе общей морской обороны,^[462] после унижения великого врага Спарты при Лейктре постепенно стала извращаться в сторону исключительно афинских целей и интересов. Афины завоевывали остров Самос, Пидну, Потидею и Метону на побережье Македонии и Фракии, а также фракийский Херсонес; все эти приобретения были сделаны только для себя, без всякой выгоды для конфедеративного синода, и к тому же в значительной части стали частной собственностью ее собственных граждан в качестве клерухов, в прямое нарушение ее общественного постановления, принятого в 378 году до н. э., не допускать никакого присвоения земель афинскими гражданами за пределами Аттики.

По мере того как Афины все больше действовали в своих интересах и все меньше - в интересах, общих для всей конфедерации, приверженность более крупных государств конфедерации становилась все более неохотной. Но что еще больше способствовало их отторжению от Афин, так это поведение ее вооружения на службе, состоявшего в значительной степени из наемников, скудно и нерегулярно оплачиваемых; чьи беспорядочные и хищнические поборы, особенно за счет афинских конфедератов, в резких выражениях характеризуются всеми современными ораторами - Демосфеном, Эсхином, Исократом и т. д. Полководцы, не имея средств заплатить своим солдатам, часто были вынуждены подчиняться их хищническим побуждениям и вести их в самое легкое место, где можно было получить деньги; более того, некоторые из командиров, особенно Харес, сами были не менее готовы, чем их солдаты, наживаться на таких грабежах.^[463] Поэтому отправленные Афинами войска иногда почти не видели врага, с которым их послали сражаться, предпочитая более легкий и прибыльный путь взимания взносов с друзей и грабежа торговых судов, встреченных на море. Афины также не могли предотвратить подобные проступки, когда их собственные граждане отказывались служить лично, и когда они нанимали иностранцев, которых нанимали по случаю, но редко регулярно платили.^[464] Страдания, тревога и отчуждение, возникавшие из-за этого среди конфедератов, были не

столько вредными, сколько позорными для Афин. Мы не сомневаемся, что в синоде конфедерации были поданы многочисленные жалобы; но они, должно быть, оказались безрезультатными, поскольку злоупотребления продолжались до периода, незадолго до битвы при Херонее.

На фоне столь очевидного стремления Афин пренебречь интересами конфедерации ради собственных целей и терпеть или поощрять постоянные позитивные посягательства неоплаченного вооружения, естественно, росло недовольство, проявлявшееся наиболее сильно среди некоторых крупных зависимых территорий у азиатского побережья. Острова Хиос, Кос и Родос, а также важный город Византия на Босфоре Фракийском приняли совместное решение и объявили о своем отделении от Афин и их конфедерации. Согласно духу конвенции, заключенной в Спарте непосредственно перед битвой при Лейктре, и последующего союза, заключенного в Афинах через несколько месяцев после этого[465], обязательные и нерушимые конфедерации вообще осуждались среди греков, так что эти острова были вправе просто отделиться, когда сочтут нужным. Но их отделение, которому Афины, вероятно, при любых обстоятельствах воспротивились бы, было провозглашено враждебно, с обвинениями в коварных замыслах с ее стороны против них. Кроме того, она разжигалась интригами и оружием карийского принца Мавсола.[466] Со времени Анталкидского мира все азиатское побережье находилось под неослабным владычеством сатрапов или подчиненных принцев, зависимых от Персии, которые искали возможности расширить свои завоевания на соседних островах. Мавсол, похоже, захватил Родос и Кос, спровоцировав на первом острове революцию, в результате которой там установилась олигархия, не только преданная ему, но и поддерживаемая значительными силами его наемных войск.[467] Правительство Хиоса, похоже, всегда было олигархическим; этот факт был одной из причин отсутствия симпатии между хиосцами и Афинами. Наконец, у византийцев была особая причина для недовольства, поскольку они взяли на себя привилегию задерживать и облагать налогом корабли с кукурузой из Эвксинского моря при проходе через Босфор[468], в то время как Афины, как глава островной конфедерации, требовали этого права для себя и, во всяком случае, протестовали против использования такой власти любым другим городом для своей отдельной выгоды.

Это восстание, ставшее началом так называемой Социальной войны, стало грозным ударом по внешнему превосходству Афин. Среди всех ее конфедератов Хиос был самым крупным и могущественным, весь остров находился под единым управлением. Старики, такие как Платон и Исократ, возможно, помнят, как за пятьдесят четыре года до этого (412 г. до н. э.) Афины были взбудоражены известием о восстании Хиоса, произошедшем вскоре после великой катастрофы в Сиракузах[469]. И, вероятно, тревога была не намного меньше, когда афиняне узнали о четырехкратном дезертирстве среди своих союзников у азиатского побережья. Объединенные вооруженные силы всех четырех были собраны на Хиосе, куда Мавсол также отправил подкрепление. Афиняне снарядили флот с сухопутными войсками на борту, чтобы атаковать остров; и в этом критическом случае мы можем предположить, что их граждане преодолеют нежелание служить лично. Хабрия поставили командовать флотом, Хареса - сухопутными войсками; последние были высажены на острове, и было согласовано совместное нападение на город Хиос с моря и суши в один и тот же момент. Когда Харес подошел к стенам, хиосцы и их союзники почувствовали себя достаточно сильными, чтобы выйти вперед и рискнуть сразиться, но без решительного результата; в то же время Чабриас попытался с помощью флота прорваться в гавань. Но меры предосторожности для защиты были приняты, и чианские моряки были полны решимости. Хабрий, возглавивший атаку со свойственной ему стремительностью, запутался среди вражеских судов, был атакован со всех сторон и пал, храбро сражаясь. Остальные афинские корабли либо не поспешили за

ним, либо не смогли произвести никакого впечатления. Их атака полностью провалилась, и флот был вынужден отступить, не понеся особых потерь, кроме потери храброго адмирала. Харес со своим сухопутным войском был снова взят на борт, и афиняне сразу же отплыли от Хиоса[470].

Это поражение на Хиосе стало серьезным несчастьем для Афин. В этом городе было так мало военных и упал воинский дух, что потеря такого смелого солдата и опытного полководца, как Хабрий, никогда впоследствии не была восполнена. С другой стороны, для чианцев и их союзников это событие было весьма обнадеживающим. Они смогли не только сохранить свое восстание, но даже получить новую поддержку и привлечь к себе других союзников Афин, среди которых, кажется, были Сестос и другие города на Геллеспонте. В течение нескольких месяцев они оставались хозяевами на море с флотом из ста трирем, высаживаясь и опустошая афинские острова Лемнос, Имброс, Самос и другие, чтобы собрать сумму для покрытия своих расходов. Они даже были достаточно сильны, чтобы тесной осадой давить на город Самос, пока афиняне не собрали флот из ста двадцати трирем под общим командованием Хареса, Ификрата с сыном Менестеем и Тимофея. Несмотря на осаду Самоса, афинские адмиралы сочли благоразумным направить свои первые усилия на уменьшение Византии; вероятно, из соображений первостепенной важности сохранить открытыми два пролива между Эвксинским и Эгейским морями, чтобы корабли с кукурузой могли безопасно выходить из первого.[471] Чтобы защитить Византию, хианцы и их союзники сняли осаду Самоса, и сразу же отплыли к Геллеспонту, в узком проливе которого были собраны оба флота, - как афиняне и лакедемоняне в последние годы Пелопоннесской войны. План морских действий был согласован тремя афинскими военачальниками и уже близился к осуществлению, как вдруг разразилась буря, которая, по мнению Ификрата и Тимофея, делала опрометчивым и опасным упорство в его осуществлении. Поэтому они задерживались, а Харес, рассуждая иначе, призвал триерахов и моряков следовать за ним и бросился в бой без своих коллег. Он потерпел поражение или, по крайней мере, был вынужден отступить, так ничего и не добившись. Но он был так зол на двух своих коллег, что написал депешу в Афины, обвиняя их в коррупции и преступном отставании от врага[472].

Таким образом, три объединенных адмирала были поставлены не просто в оппозицию, а в жестокий конфликт между собой. На суде по ответственности, которому все они подверглись вскоре после этого в Афинах, Харес выступил в качестве официального обвинителя двух своих коллег, которые, в свою очередь, также обвинили его. Его поддержал в нападении Аристофон, один из самых опытных ораторов того времени. Оба они обвиняли Ификрата и Тимофея в том, что они получили взятки от хианцев и родосцев[473] и предали их доверие, покинув Харес в критический момент, когда заранее было решено сражаться и когда можно было добиться важного успеха.

Насколько справедливым было это дело, мы не можем решить. Характеры Ификрата и Тимофея заставляют предположить, что они были правы, а их обвинитель - нет. Однако следует помнить, что афинская публика (и, вероятно, любая другая публика - древняя или современная, римская, английская или французская), естественно, симпатизировала бы передовому и смелому адмиралу, который вел в бой, не боясь ни бури, ни врага, и призывал своих коллег следовать за ним. Ификрат и Тимофей, несомненно, настаивали на безрассудстве его действий и указывали на силу шторма. Но это опять же отрицал Харес, и в этом случае доказательства были бы противоречивы; капитаны и моряки были представлены в качестве свидетелей с обеих сторон, а флот, вероятно, был разделен на две враждующие стороны. Афинские дикасты, естественно, считали, что Ификрат и Тимофей не должны были

позволять своему коллеге действовать без посторонней помощи, даже если они не одобряли это действие. Ификрат защищался, частично порицая поведение Хареса, частично горько обличая другого своего обвинителя - Аристофона. "Неужели *ты* (спрашивал он) предашь флот за деньги?" "Нет", - был ответ. "Ну, тогда *ты*, Аристофон, не предашь флот; сделаю ли это я, Ификрат?"[474].

В результате этого важного дела Ификрат был оправдан, а Тимофей признан виновным и приговорен к крупному штрафу в сто талантов. По каким причинам возникло такое различие в приговоре, мы выяснили не до конца. Оказывается, что Ификрат, не оправдывая себя и не сваливая вину на Тимофея, решительно взял на себя ответственность за весь процесс, а его сын Менестей представил точный отчет о всех средствах, полученных и выданных армией, в пределах его собственных знаний[475].

Исократ, личный друг Тимофея, объясняет это крайней непопулярностью последнего в городе. Хотя, будучи полководцем и находясь на иностранной службе, Тимофей вел себя не только со скрупулезной справедливостью по отношению ко всем, но и с редкой терпимостью к морским союзникам, которых другие полководцы обижали и грабили, - однако дома его поведение было невыносимо высокомерным и оскорбительным, особенно по отношению к ведущим ораторам, принимавшим участие в общественных делах. Будучи признанным человеком со способностями и полководцем, оказавшим ценную услугу, он тем не менее пользовался личной непопулярностью и нажил себе множество врагов, в первую очередь среди тех, кто был способен причинить ему вред. Исократ рассказывает, что он сам часто говорил Тимофею (как Платон говорил Диону) об этом серьезном недостатке, который затмевал его реальные способности, приводил к тому, что его совершенно не понимали, и накапливал против него народную неприязнь, которая могла бы привести к меланхоличным последствиям при подходящем случае. Тимофей (по словам Исократа), хотя и признавал справедливость упрека, не мог побороть свой природный нрав.[476] Если таков был характер этого выдающегося человека, описанный его близким другом, мы можем судить, как бы он возбуждал недружелюбных политиков и даже равнодушных людей, знавших его только по внешним признакам. Ификрат, хотя по натуре и гордый человек, был более сдержанным и примирительным в своем поведении и более живым к бедам политической одиомы.[477] Более того, он, кажется, был эффективным оратором[478] на публике, и его популярность среди военных в Афинах была настолько заметной, что на этом самом суде многие из них проявили свое сочувствие, появившись с оружием в руках возле Дикастерий.[479] При таких обстоятельствах мы можем легко понять, что Харес и Аристофон сочли удобным выдвинуть свое обвинение против Тимофея более резко, чем против Ификрата; и что Дикастерий, осудив первого, мог быть менее убежден в виновности второго и лучше во всех отношениях оправдать его[480].

Говорят, что на Тимофея был наложен штраф в сто талантов - самый большой штраф (по словам Исократа), когда-либо наложенный в Афинах. После осуждения он удалился в Халкис, где умер через три года после этого, в 354 г. до н. э. В год, следующий за его смертью, память о нем все еще была очень непопулярна; тем не менее, похоже, что штраф был возвращен его семье, а его сыну Конону было позволено уладить требование, выделив меньшую сумму в десять талантов на ремонт городских стен. Очевидно, что Тимофей своим уходом в отставку уклонился уплаты полного штрафа, так что его сын Конон стал после него одним из богатейших граждан Афин[481].

Потеря такого гражданина, как Тимофей, стала для Афин новым несчастьем. Он с большим успехом руководил ее армиями, поддерживал честь ее имени на восточных и западных морях и значительно расширил список ее иностранных союзников. Недавно она потеряла в бою

Хабрия; второго полководца, Тимофея, у нее отняли; а третий, Ификрат, хотя и был оправдан на последнем суде, но, насколько мы можем судить, никогда впоследствии не занимался военным командованием. Эти трое были последними выдающимися военными гражданами в Афинах; Фокион, хотя и был храбрым и достойным, не мог сравниться ни с одним из них. С другой стороны, Харес, человек большой личной храбрости, но не обладавший никакими другими достоинствами, был теперь в полном расцвете сил. Недавняя судебная распря между тремя афинскими адмиралами была вдвойне вредна для Афин: во-первых, она дискредитировала Ификрата и Тимофея, а во-вторых, возвысила Хареса, которому теперь было доверено единоличное командование.

В следующем, 356 году до н. э., Харес направил еще один мощный флот для нападения на восставших союзников. Однако, не имея достаточных средств из дома для оплаты своих войск, в основном иностранных наемников, он счел целесообразным под свою ответственность принять предложение Артабаза (сатрапа Даскилии и области к югу от Пропонтиды), восставшего против персидского царя.^[482] Харес присоединился к Артабазу со своей собственной армией, усиленной дополнительными отрядами наемников, недавно распущенных персидскими сатрапами. Со всеми этими силами он сразился с царскими войсками под командованием Тифрауста и одержал великолепную победу, после чего Артабаз так щедро вознаградил его, что вся афинская армия временно оказалась в изобилии. Афиняне дома сначала были очень недовольны своим полководцем за то, что он нарушил свои инструкции и отвлек армию от предписанной и законной задачи. Однако весть о победе и последовавшем за ней выгодном вознаграждении несколько успокоила их. Но вскоре они узнали, что персидский царь, возмущенный столь беспричинной агрессией с их стороны, снаряжает большой флот, чтобы повторить действия своих врагов. Напуганные перспективой персидского нападения, они стали стремиться заключить мир с восставшими союзниками, которые, со своей стороны, не менее стремились к прекращению войны. После обмена посольствами и начала переговоров в следующем году (355 г. до н. э., третий год войны) был заключен мир, по которому афиняне признали полную автономию и выход из состава конфедерации восставших городов - Хиоса, Родоса, Коса и Византии^[483].

Так закончилась Социальная война, которая смертельно подорвала могущество и понизила достоинство Афин. Насколько мы знаем события, очевидно, что ее усилия по борьбе с этим грозным восстанием были слабыми и недостаточными; это свидетельствует о печальном упадке сил с 412 года до н. э., когда она с необычайной энергией боролась с подобными и даже более серьезными бедствиями, всего через год после непоправимой катастрофы перед Сиракузами. Каким бы плачевным ни был результат Социальной войны, она все же обошлась дорого и оставила Афины бедными. Годовые доходы ее конфедерации значительно уменьшились из-за отделения стольких важных городов, а государственная казна была истощена. Именно в это время начинается деятельность Демосфена в качестве общественного советника. В речи, произнесенной в этом году (355 г. до н. э.), он отмечает бедность казны; в последующих речах он ссылается на нее как на факт, но слишком известный^[484].

Но несчастья, постигшие Афины в результате социальной войны, не были одиночными. Она имела еще одно последствие - сделала ее менее компетентной для защиты от ранних агрессий Филиппа Македонского.

Этот принц в первый год своего воцарения (359 г. до н. э.) пытался примирить Афины различными мерами, но особенно тем, что вывел свой гарнизон из Амфиполя, в то время как он укреплял свои военные силы внутри страны против иллирийцев и пеонийцев. Таким образом, он провел в Амфиполе, по-видимому, чуть меньше двух лет, и провел их с таким

успехом, что смирил своих врагов во внутренних районах и собрал силы, способные вести агрессивные действия против городов на побережье. В течение этого времени Амфиполь оставался свободным и независимым городом, от которого Филипп официально отказался, и на который афиняне не нападали. Почему они упустили эту благоприятную возможность вновь подкрепить оружием претензии, на которых они так настаивали, я уже частично (хотя и не очень удовлетворительно) объяснил. Филипп был не тем человеком, который позволил бы им наслаждаться этой возможностью дольше, чем он мог помочь, или отложить момент активных действий, как это сделали они. Ближе к концу 358 года до н. э., обнаружив, что его руки свободны от препятствий внутри страны, он сразу же приступил к осаде Амфиполя. Говорят, что жители были настроены к нему неблагоприятно и дали ему много поводов для войны.^[485] Нелегко понять, что это могли быть за поводы, если учесть, что за короткое время до этого город был гарнизонирован македонцами, призванными защищать Афины; да и жители не были в состоянии действовать агрессивно против Филиппа.

Тщетно призвав Амфиполь к сдаче, Филипп начал упорную осаду, штурмывая стены таранами и другими военными орудиями. Слабые места укрепления должны были быть хорошо известны ему от его собственных солдат, которые недавно стояли в гарнизоне. Жители энергично защищались, но обстоятельства изменились настолько, что они были вынуждены обратиться к своему древнему врагу Афинам за помощью против македонского принца. Их посланники Гиеракс и Стратокл, прибывшие в Афины вскоре после успешного завершения афинской экспедиции в Эвбею, предстали перед общественным собранием, настоятельно приглашая афинян немедленно прибыть и занять Амфиполь, как единственный шанс на спасение от македонского владычества.^[486] Мы не знаем точно, началась ли еще Социальная война; если бы она началась, Афины были бы слишком сильно подавлены тревогами, вызванными столь грозным восстанием, чтобы иметь средства даже для заманчивого возвращения давно потерянного Амфиполя. Но как бы то ни было, Филипп предвидел мольбы амфиполитанцев и противодействовал им. Он отправил афинянам вежливое письмо, в котором сообщал, что осаждают город, но признавал его принадлежащим им по праву и обещал вернуть его, когда ему удастся его захватить^[487].

Многое в дальнейшей истории Греции зависело от того, как Афины отреагируют на эти два противоречивых послания. Положение Амфиполя, который командовал проходом через Стримон, было не только очень важным - он закрывал Македонию с востока и открывал золотые области вокруг горы Пангея, - но и легко защищался афинянами с моря, если был однажды захвачен. Если бы они были дальновидны в оценке шансов и бдительны в отношении будущей обороны, они могли бы сейчас приобрести это важное место и удержать его, несмотря на все усилия Филиппа. Но это роковое бездействие, ставшее их общим коварным грехом, в данном случае было поощрено некоторыми правдоподобными, но обманчивыми уговорами. Весть об опасности, грозящей амфиполитам, была бы нежелательна в Афинах, где к ним испытывали сильную неприязнь, как к несговорчивым оккупантам чужой территории, и как к тем, кто неоднократно причинял потери и унижения афинскому оружию. Афиняне также не могли сразу изменить свою точку зрения, чтобы рассматривать вопрос только с точки зрения политики и признать этих старых врагов людьми, чьи интересы теперь пришли в гармонию с их собственными. С другой стороны, нынешнее отношение афинян к Филиппу было весьма благоприятным. Они не только заключили с ним мир в течение предыдущего года, но и считали, что он хорошо обошелся с ними, эвакуировав Амфиполь и с честью уволив своих граждан, попавших в плен в армии его конкурента Аргея.^{488]} Поэтому они были склонны поверить его положительному заверению, что он желает занять это место только для того, чтобы изгнать из него беспокойное население, которое причиняло ему зло и раздражение, и что он с готовностью передаст его

законным владельцам - афинянам. Удовлетворить просьбу амфиполитанцев о помощи, таким образом, для Афин означало бы развязать новую войну и порвать с дорогим другом, чтобы защитить одиозного врага и обеспечить себе приобретение, которое в любом случае досталось бы им, даже если бы они оставались на месте, через уступку Филиппа. Необходимо остановиться на мотивах, побудивших Афины воздержаться от вмешательства, поскольку, вероятно, мало было таких решений, о которых она впоследствии горько сожалела. Письмо с заверениями от Филиппа было получено и принято; посланцы из Амфиполя были отклонены с отказом.

Лишенные всякой надежды на помощь из Афин, амфиполитанцы все же держались, сколько могли. Но один из жителей города вступил в переписку с Филиппом, чтобы предать его, и оборона постепенно становилась все слабее. В конце концов он проделал брешь в стенах, достаточную для того, чтобы с помощью находившихся внутри партизан взять город штурмом, не без мужественного сопротивления тех, кто еще оставался верен. Все недружественные ему граждане были изгнаны или бежали, с остальными обошлись снисходительно; но нам говорят, что Филипп не проявил особой благосклонности к тем, кто помог ему в предательстве[489].

Амфиполь был для Филиппа приобретением неопишуемой важности, причем не только для обороны, но и для нападения. Это была не только самая удобная морская станция во Фракии, но и открытая для него вся страна к востоку от Стримона, и особенно золотой край у горы Пангея. Он прочно обосновался на новом месте, которое отныне оставалось одним из оплотов Македонии вплоть до завоевания этого царства римлянами. Он не предпринял никаких шагов, чтобы выполнить свое обещание передать это место афинянам, которые, несомненно, отправили посольства, чтобы потребовать этого. Разразившаяся социальная война поглотила все их заботы и все их силы, так что они не смогли, несмотря на катастрофические поражения на Хиосе и в других местах, принять энергичные меры в отношении Филиппа и Амфиполя. Тем не менее он не стал категорически отказываться от капитуляции, а продолжал забавлять афинян обманчивыми надеждами, внушаемыми ему через его партизан, платных или добровольных, в общественном собрании.

Ему было тем более необходимо отложить любой открытый разрыв с Афинами, что олинфяне забили тревогу из-за завоевания Амфиполя и послали на переговоры о заключении договора о дружбе и союзе с афинянами. Такой союз, если бы он был заключен, помешал бы дальнейшим планам Филиппа. Но его сторонники в Афинах добились увольнения олинфских посланников, вновь заверив, что македонский принц по-прежнему друг Афин и по-прежнему готов уступить Амфиполь в качестве ее законного владения. Они, однако, представили, что у него есть все основания жаловаться на то, что Афины продолжают удерживать Пидну, древний македонский морской порт. 490] Поэтому они предложили начать с ним переговоры об обмене Пидны на Амфиполис. Но поскольку пиднэйцы, как известно, были настроены против передачи, в предварительных переговорах была необходима секретность, поэтому Антифон и Харидем, два названных посланника, получали свои инструкции от сената и делали свои доклады только сенату. Общественное собрание, информированное о том, что ведутся переговоры, неизбежно тайные, чтобы обеспечить приобретение Амфиполя, было убеждено отразить авансы Олинфа, а также смотреть на Филиппа по-прежнему как на друга[491].

Предложенный союз олинфян был отвергнут, как и мольбы амфиполитанцев о помощи. Афины имели все основания раскаиваться в том и другом. Тайные переговоры не приблизили

ее к овладению Амфиполем. Они закончились ничем, или даже хуже, чем ничем, поскольку забавляли ее обманчивыми ожиданиями, в то время как Филипп заключил договор с олинфянами, раздраженными, конечно, их недавним поражением в Афинах. До сих пор он поддерживал мирные отношения с афинянами, даже удерживая Амфиполь вопреки своему договору. Но теперь он изменил свою политику и заключил союз с олинфянами, чью дружбу он приобрел не только тем, что уступил им округ Антема (лежащий между Олинфом и Термами и оспариваемый олинфянами у бывших македонских царей), но и тем, что завоевал и передал им важное афинское владение Потидею.[492] Мы не знаем никаких подробностей об этих важных сделках. Наши скудные источники лишь сообщают нам, что в течение первых двух лет (358-356 гг. до н. э.), пока Афины были поглощены своей катастрофической Социальной войной, Филипп начал действовать как ее заклятый враг. Он отвоевал у нее не только Пидну и другие места для себя, но и Потидею для олинфян. Нам говорят, что Пидна была предана Филиппу партией предателей в городе;[493] и он, вероятно, воспользовался тайными предложениями Афин об обмене Пидны на Амфиполь, чтобы возмутить пиднейцев против ее недобросовестности; ведь у них были бы все основания возмущаться проектом передачи их подпольно, вопреки их собственным намерениям. Первым осадили и захватили Пидну. Несколько ее жителей, как говорят, были убиты за обиду, нанесенную Македонии[494], а к тем, кто предал город, отнеслись с презрением. Осада длилась достаточно долго, чтобы передать новости в Афины и получить помощь, если бы афиняне действовали с должной оперативностью при отправке войск. Но либо давление социальной войны, либо нетерпение личной службы, равно как и денежной оплаты, либо обе причины, действующие вместе, заставили их отстать от крайней необходимости. Несколько афинских граждан были захвачены в Пидне и проданы в рабство, некоторых Демосфен выкупил из собственных средств; однако мы не можем с уверенностью сказать, что из Афин была послана какая-либо помощь.[495] Если помощь и была послана, она пришла слишком поздно.

С таким же опозданием была отправлена помощь в Потидею[496] - хотя осада, которую вели совместно Филипп и олинфяне, была и долгой, и дорогостоящей[497], и хотя там проживало множество афинских поселенцев (клерухов), которых захват этого места изгнал из их домов и имущества.[498] Даже для спасения этих сограждан, не похоже, чтобы кто-либо из коренных афинян взял на себя бремя личной службы; посланный отряд помощи, кажется, состоял из генерала с наемными иностранцами; которые, поскольку им не платили, отложили предприятие, на которое они были посланы, чтобы соблазниться грабежом в другом месте для своей собственной выгоды.[499] Так Филипп без объявления войны начал ряд враждебных мер против Афин, лишив их нескольких ценных морских владений на побережье Македонии и Фракии, а также нарушив условия договора об уступке Амфиполя.[После потерь, понесенных в ходе Социальной войны, и разочарования в Амфиполе, она была еще больше удручена тем, что Пидна перешла в его руки, а Потидея (самое важное владение во Фракии после Амфиполя) - в руки Олинфа. Обедневшие поселенцы вернулись домой, несомненно, с горькими жалобами на агрессию, но также и со справедливой досадой на медлительность своих соотечественников в отправке помощи.

Эти два года были использованы Филиппом таким образом, чтобы значительно укрепить его власть и положение. Он лишил Афины владений в Термическом заливе, где теперь, похоже, сохранился только город Метона, а не ряд портов вокруг залива, приобретенных для нее Тимофеем.[Он примирил добрую волю олинфян, уступив им Антему и Потидею; последняя, благодаря своему выгодному положению на Палленском перешейке, давала им власть над этим полуостровом[502] и обеспечивала (что для Филиппа было очень важно) их вражду с Афинами. Он не только улучшил морские удобства Амфиполя, но и распространил свои

приобретения на нефтеносные районы горы Пангея к востоку от Стримона. Он овладел этой плодородной страной, непосредственно примыкающей к острову Тасос, где и тасийцы, и афиняне когда-то боролись за право добычи полезных ископаемых, и, откуда, очевидно, и те, и другие извлекали ценные продукты. В глубине этой области он основал новый город Филиппы, выросший из предыдущего города Крениды, недавно основанного тасийцами; он принял такие эффективные меры для увеличения металлических заводов в окрестностях, что они вскоре принесли ему большой доход; по словам Диодора, не менее тысячи талантов в год. [503](#)] Он приказал чеканить новую золотую монету, носившую имя, полученное от его собственного. Открывшийся таким образом новый источник богатства имел для него огромное значение, поскольку позволял покрывать постоянно растущие расходы на военную службу. У него было полно работы, чтобы держать своих солдат в тренировке: ведь народы внутренних областей - иллирийцы, пеонийцы и фракийцы - смятые, но не покоренные, снова поднимались на борьбу и вновь пытались совместно отвоевать свою независимость. Армия Филиппа под командованием его полководца Парменио, о котором мы впервые слышим, победила их и снова привела к покорности[\[504\]](#).

Именно в этот период Филипп женился на Олимпии, дочери молосского князя Неоптолема[\[505\]](#), происходившей от древних молосских царей, которые могли похвастаться героической генеалогией Эакидов. Филипп видел ее на религиозных мистериях на острове Самофракия, где они оба одновременно проходили посвящение. По жестокости нрава - ревности, жестокости и мстительности - она почти параллельна персидским царицам Аместрис и Парисатис. Эпиротийские женщины, как и фракийские, были сильно увлечены вакхическими религиозными обрядами, которые с неистовым экстазом праздновались в горных уединениях в честь Дионисия. [506](#)] К этому виду религиозного возбуждения Олимпия была особенно восприимчива. Говорят, она любила, чтобы вокруг нее играли прирученные змеи, и предавалась церемониям магии и заклинаниям.[\[507\]](#) Ее нрав и характер через некоторое время стали отталкивать и даже настораживать Филиппа. Но в 356 году до н. э. она родила ему сына, впоследствии прославленного как Александр Великий. Именно летом этого года, вскоре после взятия Потидеи, Филипп получил почти одновременно три послания с хорошими новостями: о рождении сына, о поражении иллирийцев от Парменио и об успехе одного из его беговых коней на Олимпийских играх[\[508\]](#).

ГЛАВА LXXXVII. ОТ НАЧАЛА СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ ДО НАЧАЛА ОЛИНФСКОЙ ВОЙНЫ.

В предыдущей главе рассказывалось о том, как Филипп, во время продолжения Социанской войны, возвеличил себя в Македонии и Фракии за счет Афин, овладев Амфиполем, Пидной и Потидеей - две последние были фактически отняты у нее, а первая захвачена лишь под ложными заверениями, данными ей во время осады: как он еще больше укрепил себя, записав Олинф и в союзники, и во враги афинян. Так он начал войну против Афин, о которой обычно говорят как о войне за Амфиполь, продолжавшуюся без официального мира в течение двенадцати лет. Соппротивление, оказанное Афинами в ответ на его первые агрессии, было слабым и неэффективным - отчасти из-за неловкости. Но не успела закончиться Социальная война, как в другом месте возникли новые затруднения и осложнения, гораздо более грозные, известные под названием Священной войны,

раздирающей самые внутренности эллинского мира и выгодной только неутомимому агрессору в Македонии.

Амфикиционный сбор, которое мы сейчас увидим возвеличенным в недобрую славу, было эллинским институтом, древним и почтенным, но редко наделенным практической эффективностью. Хотя по случаю оно было политическим, по своей основной цели оно было религиозным, связанным с поклонением Аполлону в Дельфах и Деметре в Фермопилах. Его собрания проводились дважды в год - весной в Дельфах, осенью в Фермопилах; каждый четвертый год он председательствовал на праздновании великого пифийского фестиваля в Дельфах или назначал лиц, которые председательствовали от его имени. Он состоял из депутатов, называемых иеромнемонами и пиласорами, посылаемых двенадцатью древними народами или фракциями эллинского имени, которые были признаны его учредительным органом: фессалийцы, беотийцы, дорийцы, ионийцы, перребийцы, магнеты, локрийцы, ионийцы или эниане, ахейцы, малийцы, фокийцы, долопы. Это были двенадцать народов, единственных участников амфикиционных священных обрядов и собраний: каждый народ, малый и великий, имел два голоса при принятии решения и не более; каждый город, малый и великий, вносил равный вклад в два голоса того народа, к которому он принадлежал. Таким образом, Спарта считалась лишь одной из различных общин, составляющих дорийскую нацию: Афины, подобно ионийцам, не превосходили по рангу Эритрею или Приэну[509].

О том, что в течение предыдущего столетия Амфикиционный сбор редко вмешивалось в политические дела Греции и никогда не вмешивалось с какой-либо важной целью, свидетельствует тот факт, что оно ни разу не упоминается ни в истории Фукидида, ни в "Эллинике" Ксенофонта. Но после унижения Спарты при Лейктре этот великий религиозный собор эллинского мира, после долгого оцепенения, стал собираться для решения дел. К сожалению, проявления его активности были по большей части оскорбительными и озорными. Вероятно, вскоре после битвы при Лейктре, хотя точный год нам неизвестен, фиванцы выставили перед Амфикиционами обвинение против Спарты за то, что она вероломно захватила Кадмею (цитадель Фив) в период глубокого мира. Ей был вынесен обвинительный приговор,[510] а также штраф в пятьсот талантов, удвоенный через определенный промежуток времени после неуплаты. Обвиняемый поступок был, несомненно, грубым политическим проступком, и предлог, хотя и очень незначительный, для привлечения политических проступков к ответственности Амфикиционов можно было найти в тексте старой клятвы, которую давал каждый включенный город[511]. Однако все знали, что на протяжении многих поколений собрание не принимало к рассмотрению политические проступки, так что и суд, и приговор были вопиющими отступлениями от понятного греческого обычая, свидетельствующими лишь об унижении Спарты и наглости Фив. Спартанцы, разумеется, не стали платить, и против них не было никаких средств принуждения. Поэтому никаких практических последствий не последовало, кроме (возможно) исключения Спарты из собрания Амфикиционов, а также из Дельфийского храма и Пифийских игр. Однако косвенно этот пример был наиболее пагубным, поскольку показал, что авторитетом всеэллинского собора, почтенного своей религиозной древностью, можно злоупотреблять в угоду политическим антипатиям одного ведущего государства.

В 357 году до н. э. Фивы предприняли вторую попытку использовать власть Амфикиционного собрания как средство подавления своих соседей - фокийцев. Последние с давних времен были пограничными врагами фиванцев, локрийцев и фессалийцев. До битвы при Лектре они сражались против Фив как союзники Спарты, но после этой битвы подчинились Фивам и продолжали быть ее союзниками, хотя и все менее сердечными, до битвы при Мантинее и смерти Эпаминонда. 512] С тех пор старая антипатия,

похоже, разгорелась с новой силой, особенно со стороны Фив. Раздраженная против фокийцев, вероятно, как разорвавших клятвенный союз, она решила выдвинуть против них обвинение на амфикинийском собрании. Что касается сути обвинения, то здесь мы находим разные версии. По словам одного свидетеля, их обвиняли в том, что они возделывали часть Киррхейской равнины, издревле посвященной Аполлону; по словам другого, их обвиняли в агрессивном вторжении в Беотию; по словам третьего, война была вызвана тем, что они увели замужнюю фиванскую женщину Феано. Павсаний признается, что не может точно определить, в чем заключалось обвинение против них.^[513] Опираясь на антипатию фессалийцев и локрийцев, не менее острую, чем ее собственная, Фивы без труда добились осуждения фокейцев. На них был наложен штраф, сумма которого нам не известна, но он был настолько велик, что не мог быть выплачен.

Таким образом, фиванцы, которые так и не смогли создать мощную конфедерацию, подобную той, что раньше собиралась в Спарте, восполнили недостаток, воспользовавшись своим положением в амфикинийском собрании, чтобы отомстить политическим врагам. На погашение штрафа было отведено определенное время, но у фокийцев не было ни средств, ни желания это сделать. Об этом было заявлено на следующем собрании амфикионон, и тогда было принято решительное постановление, выгравированное вместе с остальными на колонне в Дельфийском храме, об экспроприации отрекшихся фокийцев и посвящении всей их территории Аполлону, как за два века до этого поступили с Киррой с ее плодородной равниной. В то же время, чтобы сохранить последовательность и равноправие, необходимо было вновь упомянуть о штрафе, который до сих пор не выплачен лакедемонянами; против них было предложено принять решение об отлучении.

Такие надвигающиеся опасности, которые, вероятно, скоро осуществляются по наущению Фив, вызвали решительный дух сопротивления среди фокийцев. Во главе этого настроения встал богатый и ведущий гражданин фокейского города Ледон, по имени Филомел, сын Феотима, который энергично взялся за организацию средств для сохранения фокейской свободы и собственности. Среди собравшихся соотечественников он протестовал против вопиющей несправедливости недавнего приговора, обрекшего их на огромную сумму, превышающую их средства, в то время как полоска земли, на которой они якобы посягнули на собственность бога, была в лучшем случае узкой и незначительной. Теперь не оставалось ничего, что могло бы отвратить от них полное разорение, кроме смелого фронта и упорного сопротивления, которое он (Филомел) обещал провести с успехом, если они доверят ему все полномочия. Фокийцы (утверждал он) были исконными и законными управляющими Дельфийского храма - привилегия, которой их несправедливо лишили Амфикинийское собрание и дельфийцы. "Давайте ответим нашим врагам (призывал он), восстановив утраченные права и захватив храм; мы заручимся поддержкой и поддержкой многих греческих государств, чьи интересы совпадают с нашими, чтобы противостоять несправедливым постановлениям амфикионон".^[514] Наши враги фиванцы (добавлял он) замышляют захват храма для себя, благодаря коррупционному попустительству амфикионского большинства: давайте предвосхитим и предотвратим их несправедливость"^[515].

Здесь возник новый вопрос, касающийся права председательства над самым почитаемым святилищем Греции; вопрос, чреватый гибелью для мира эллинского мира. Притязания фокийцев были не просто выдумкой, а основывались на древней реальности и, несомненно, считались ими самими справедливыми. Дельфы и их жители первоначально были частью фокейского имени. В гомеровском каталоге, на который ссылается Филомел, они перечислены среди фокийцев, которыми командовали Схедий и Эпистроф, под названием "скалистая Пифо" - это название до сих пор применяет к ним Геродот.^[516] Дельфийцы

приобрели достаточно силы, чтобы отделиться от своих фокийских собратьев, выделиться в самостоятельную общину и взять на себя выгодную привилегию управлять храмом как своим собственным. Их отделение произошло под влиянием Спарты,^[517] от интересов которой они в основном зависели. Но фокийцы не переставали настаивать на своем, и даже в 450 г. до н. э. спор еще не был решен в их пользу, так что фактическое управление находилось в их руках. Спартанцы послали армию с явной целью отнять у них храм и передать его дельфийцам; но вскоре после этого, когда спартанские войска отступили, афиняне выступили в поход и лишили дельфийцев собственности,^[518] вернув храм фокийцам. Это состязание получило название Священной войны. В то время афиняне были хозяевами большей части Беотии, а также Мегары и Пегеи; и если бы они продолжали оставаться таковыми, фокийцы, вероятно, были бы поддержаны в управлении святым местом; права дельфийцев, с одной стороны, и фокийцев, с другой, в то время явно зависели от сравнительной силы Афин и Спарты. Но вскоре на Афины обрушились злые времена, и она потеряла все свои внутренние владения к северу от Аттики и больше не могла поддерживать своих союзников в Фокисе. Теперь фокийцы фактически стали союзниками Спарты и были вынуждены отказаться от управления храмом в пользу дельфийцев, которые были подтверждены официальной статьей Никиасского мира в 421 году до н. э.^[519] и сохранили его без вопросов, под признанным эллинским верховенством Спарты, вплоть до битвы при Лейктре. Даже тогда она оставалась непоколебимой, поскольку Фивы ни в коем случае не были склонны поддерживать притязания своих врагов - фокийцев, но, напротив, были рады, что в их сокрушении им помогали их соперники - дельфийцы, которые, как управляющие храмом, могли существенно способствовать суровому приговору амфикинийского собрания.

Таким образом, мы видим, что требование, выдвинутое Филомелом, было не фиктивным, а подлинным, и он сам, как и другие фокийцы, считал, что речь идет о восстановлении древней привилегии, утраченной только благодаря превосходящей силе.^[520] Его взгляды были горячо поддержаны соотечественниками, и он был назначен генералом с полными полномочиями. Первым делом он отправился в Спарту, на помощь которой рассчитывал, поскольку на нее все еще налагался большой штраф по приговору Амфикинии. Он изложил свои взгляды царю Архидаму, пообещав, если фокийцы станут хозяевами храма, стереть приговор и штраф из летописи. Архидам не решился обещать ему публичное одобрение или поддержку, тем более что Спарта всегда была главным сторонником дельфийского председательства (в отличие от фокийского) в храме. Но втайне он горячо поддержал затею, выделив на ее осуществление сумму в пятнадцать талантов, а также несколько наемных солдат. С этой помощью Филомел вернулся домой, выделил из своего кошелька такую же сумму в пятнадцать талантов и собрал пельтастов, как фокийцев, так и чужеземцев. Затем он осуществил свой замысел против Дельф, внезапно напав на город и храм и захватив их, как оказалось, без особого сопротивления. Встревоженным дельфийцам он обещал безопасность и хорошее обращение; но он предал смерти членов рода (или клана), называемого Thrakidæ, и захватил их имущество: эти люди составляли один из нескольких священных родов, ведущих политическую и религиозную деятельность в этом месте.^[521] Вероятно, когда на них внезапно напали, они послали просить помощи у своих соседей, локрийцев из Амфиссы; ведь Филомелус едва успел овладеть Дельфами, как эти последние выступили на помощь. Он разгромил их, однако с серьезными потерями, и заставил вернуться домой.

Добившись полного успеха в своей первой попытке, Филомелус не терял времени, чтобы торжественно и официально объявить о своей истинной цели. Он объявил, что пришел только для того, чтобы вернуть фокийцам их древние права администраторов; что сокровища

храма должны быть в безопасности и уважении, как и прежде; что не следует терпеть никаких нечестивых или незаконных действий; что храм и его оракул будут открыты, как и прежде, для посетителей, жертвователей и любознательных людей. В то же время, прекрасно понимая, что его локрийские враги в Амфиссе находятся совсем рядом, он возвел стену для защиты города и храма, который, похоже, до сих пор не был защищен, особенно его западная часть. Он еще больше увеличил количество своих войск. Пока фокийцы, воодушевленные этим первым преимуществом, в большом количестве повиновались его призыву, он привлекал новых наемников из-за границы, предлагая им более высокую плату. Вскоре во главе пяти тысяч воинов он имел достаточно сил, чтобы удержать такой сложный пост, как Дельфы, от немедленного нападения. Но, желая успокоить чувства греков и предотвратить вражду, он отправил посланников во все главные государства - не только в Спарту и Афины, но и в свои вражеские Фивы. Его посланникам было поручено дать торжественные заверения, что фокийцы захватили Дельфы только для того, чтобы вернуть себе отцовское право председательствования, против прошлой незаконной узурпации; что они готовы дать любую гарантию, требуемую эллинским органом, для строгой сохранности ценностей в храме, и выставить и проверить все, по весу и количеству, перед экспертами; что сознавая собственную честность цели, они без колебаний просят положительной поддержки против своих врагов, или, во всяком случае, нейтралитета.^[522] Ответы, направленные Филомелу, не все были одинаковы по тону. В связи с этим памятным событием настроения греческого мира были болезненно разделены. В то время как Афины, Спарта, пелопоннесские ахейцы и некоторые другие государства Пелопоннеса признали владение фокейцев и согласились помочь им удержать его, фиванцы и фессалийцы решительно выступили против них, поддерживаемые всеми государствами к северу от Беотии, локрийцами, дорийцами, инийцами, фтиотами-ахейцами, магнетами, перрхейцами, атаманцами и долопами. Некоторые из этих последних были зависимы от фессалийцев и последовали их примеру; кроме того, многие из них, принадлежавшие к амфикинии, должны были принять участие в голосах осуждения, только что отмененных фокийцами.

Мы ясно видим, что ни Филомел, ни его фокийские товарищи не собирались вначале наложить руки на имущество Дельфийского храма; Филомел, стараясь оправдать себя в глазах Греции, пытался сохранить пророческое агентство храма в его обычной работе, чтобы, как и прежде, удовлетворять потребности жертвователей и просителей. Он потребовал, чтобы пифийская жрица взошла на треножник, подчинилась пророческому вдохновению и произнесла слово, вложенное в ее уста, как обычно. Но жрица, избранная дельфийцами и, вероятно, сама принадлежавшая к одному из священных дельфийских родов, демонстративно отказалась повиноваться ему, тем более что первый же вопрос, с которым он обратился, касался его собственной узурпации и его шансов на успех в борьбе с врагами. На его предписание пророчествовать в соответствии с традиционными обрядами она ответила, что эти обряды как раз и есть то, что он только что сверг; тогда он схватил ее и попытался силой усадить на треножник. Покорившись и испугавшись за свою личную безопасность, жрица невольно воскликнула, что он может делать все, что пожелает. Филомелус с радостью воспринял это как ответ, благоприятный для его цели. Он изложил его в письменном виде и провозгласил как прорицание бога, одобряющее и разрешающее его замыслы. Он созвал специальное собрание своих сторонников и дельфийцев в целом, на котором было сделано обращение к этому обнадеживающему ответу, как к основанию для полной уверенности в отношении предстоящей войны. Так его истолковали все окружающие, и подтверждающие доказательства были получены из дальнейших знаков и предзнаменований, происходивших в тот момент.^[523] Вероятно, однако, что Филомелус позаботился о том, чтобы в будущем назначить новую жрицу, более благоприятную для его

интересов и склонную давать прорицательские ответы при новых управляющих так же, как и при старых.

Хотя столь значительная часть греков объявила войну фокийцам, ни один из них, кроме локрийцев, с которыми Филомелус был вполне компетентен иметь дело, поначалу не предпринимал враждебных движений. Он нашел в себе достаточно сил, чтобы захватить и разграбить их территорию, ввязавшись в несколько нерешительных стычек. Поначалу локрийцы не хотели даже отдавать тела убитых солдат для погребения, утверждая, что святотатцы по общему греческому обычаю должны быть изгнаны без погребения. Они не прекращали своих отказов до тех пор, пока он не пригрозил им возмездием за тела их собственных убитых.[524] Так горько было раздражение, вызванное этой плачевной войной во всем эллинском мире! Однако даже против одних только локрийцев Филомелус вскоре обнаружил, что ему не хватает денег на оплату своих солдат - как коренных фокийцев, так и наемных чужеземцев. Поэтому, хотя он все еще придерживался своего обещания уважать собственность храма, он не считал себя вправе взимать принудительные взносы с имущества своих врагов, богатых дельфийских граждан; и вскоре его оружие увенчалось блестящим успехом против локрийцев в битве у скал под названием Федриады; скалистая и труднодоступная местность так близко к Дельфам, что локрийцы, очевидно, должны были быть агрессорами, идущими вверх с целью освободить город. Они были разбиты с большими потерями, как в убитых, так и в пленных; некоторые из них спаслись от копья врага, бросившись на верную смерть вниз с обрывистых скал[525].

Эта победа, придав храбрости фокийцам, послужила сигналом к новым действиям среди их многочисленных врагов. Громкие жалобы побежденных локрийцев вызвали всеобщее сочувствие, и фиванцы, которых теперь давил не только страх, но и ненависть к фокейцам, встали во главе движения. Отправив посланников к фессалийцам и другим амфикифонийским государствам, они просили помощи и убеждали в необходимости собрать общие силы, "чтобы помочь богу", защитить судебное достоинство амфикифонийского собрания и усмирить святотатцев-фокийцев.[526] Похоже, что было созвано специальное собрание самого собрания, вероятно, в Фермопилах, поскольку Дельфы находились во владении врага. Здесь были приняты решительные решения о формировании амфикифонийского войска для казней, сопровождавшиеся суровыми приговорами о штрафах и других наказаниях в отношении фокийских вождей, по имени Филомел и Ономарх, - возможно, братьев, но, по крайней мере, совместных командиров, вместе с другими[527].

Теперь опасность для фокийцев стала неминуемой. Их собственных сил было недостаточно, чтобы противостоять конфедерации, готовой выступить в защиту Амфикифонийского собрания;[528] не похоже, чтобы Афины или Спарта давали им что-то большее, чем обещания и поощрения. Единственный шанс на эффективное сопротивление заключался в привлечении большого отряда наемников, для чего ни собственные средства, ни дальнейшая помощь, получаемая от частных конфискаций, не могли быть достаточными. Оставалось только воспользоваться сокровищами и ценностями дельфийского храма, на которые и наложил руку Филомелус. Однако он сделал это, как показывает его предыдущее поведение, с искренней неохотой, возможно, с различными обещаниями поначалу занять только определенную сумму, предназначенную для решения чрезвычайных обстоятельств, и с намерением вернуть ее, как только будет обеспечена безопасность. 529] Но какими бы ни были его намерения вначале, все подобные резервы или ограничения, или обязательства по возврату средств были быстро забыты на практике. Когда

чувство, защищавшее фонд, было нарушено, стало легко брать как много, так и мало, а претенденты становились все более многочисленными и настойчивыми; кроме того, потребности войны никогда не прекращались, и непримиримое отвращение, вызванное разорением половины греческого мира, не оставляло фокийцам никакой безопасности, кроме как под защитой постоянного наемного войска. [530](#)] Филомелус и его преемники также не были удовлетворены, не обогащая своих друзей и не украшая своих жен или фавориток.

Пользуясь большими средствами храма, Филомел повысил жалованье своим войскам до суммы, вдвое меньшей, чем прежде, и издал прокламации, приглашавшие к новым сборам по той же ставке. Благодаря таким заманчивым предложениям ему удалось быстро собрать конное и пешее войско, которое, как говорят, насчитывало 10 000 человек; в основном, как нам говорят, это были люди с особенно злым и безрассудным характером, поскольку ни один благочестивый грек не стал бы поступать на такую службу. С ними он напал на локрийцев, которым, однако, с одной стороны помогали фиванцы, а с другой - фессалийцы со своими прилегающими союзниками. Филомел последовательно одерживал верх над теми и другими и возлагал большие надежды на подкрепление из 1500 ахейцев, прибывших к нему из Пелопоннеса. Война приняла особенно свирепый характер, ибо фиванцы, [\[531\]](#) уверенные в своем превосходстве сил и шансах на успех, несмотря на то, что против них были использованы дельфийские сокровища, начали с того, что предали смерти всех своих пленных, как святотатцев, осужденных Амфикионийским собранием. Это так возмутило войска Филомела, что они вынудили его отомстить пленным беотийцам. В течение некоторого времени такие жестокие расправы продолжались с обеих сторон, пока, наконец, фиванцы не почувствовали, что вынуждены остановиться, и Филомел последовал их примеру. Война продолжалась некоторое время с нерешительными результатами, поскольку фиванцы и их союзники значительно превосходили их по численности. Но вскоре Филомел неосторожно подвергся нападению в невыгодной позиции, недалеко города Неон, среди непроходимых лесов и скал. Здесь он был разбит с большими потерями, а его армия рассеяна; сам он получил несколько ран и сражался с отчаянной храбростью, пока дальнейшее сопротивление не стало невозможным. Тогда он попытался бежать, но оказался на краю пропасти, где смог избежать мучений плена, только спрыгнув вниз и погибнув. Остатки его побежденной армии были собраны на некотором расстоянии Ономархом [\[532\]](#).

Фиванцы и их союзники, вместо того чтобы воспользоваться важной победой, недавно одержанной над Филомелом, похоже, предположили, что фокийцы теперь разойдутся или покорятся по собственной воле, и, соответственно, вернулись домой. Их беспечность дала Ономарху время реорганизовать своих удрученных соотечественников. Созвав в Дельфах общее собрание фокийцев и союзников, он настойчиво убеждал их упорствовать в проектах и отомстить за смерть своего покойного полководца. Однако он встретил немалое сопротивление; многие из фокийцев, не готовые к борьбе, в которую они теперь оказались втянуты, и сами стыдившиеся разрушения храма, стремились каким-то способом вновь оказаться в лоне эллинского религиозного чувства. Ономарх, несомненно, ответил, и не без оснований, что мир недостижим ни на каких условиях, кроме абсолютного разорения, и что нет иного пути, кроме как удерживать свои позиции, как они стояли, путем новых силовых усилий. Но даже если бы необходимость в деле была менее настоятельной, он смог бы преодолеть любое сопротивление своих соотечественников с помощью многочисленных наемников-чужеземцев, находившихся сейчас в Фокисе и присутствовавших на собрании под именем союзников [\[533\]](#). На самом деле, настолько непреодолимым было его превосходство с помощью этой большой платной силы под его командованием, что и Демосфен, и Эсхин [\[534\]](#) называют его (как и его предшественника и преемника) не генералом, а деспотом фокейцев. Воины не меньше Ономарха стремились продолжать войну и использовать еще не исчерпанные богатства храма во всех направлениях,

способствующих конечному успеху. В этом смысле собрание приняло решение, назначив Ономарха генералом со всеми полномочиями для приведения указа в исполнение.

Его энергичные меры в скором времени принесли пользу фокийскому делу. Используя средства храма еще более щедро, чем Филомел, он пригласил свежих солдат со всех концов и через некоторое время оказался во главе более многочисленной армии, чем прежде. В храме было выставлено множество донатов, не только из золота и серебра, но и из латуни и железа. Пока Ономарх переплавлял драгоценные металлы и чеканил их в деньги, он одновременно превращал медь и железо в оружие;^[535] таким образом, он смог вооружить как своих собственных солдат, разоруженных в результате недавнего поражения, так и класс добровольцев, более бедных, чем обычные самовооруженные наемники. Помимо оплаты солдат, он разбрасывал повсюду подарки или взятки, чтобы заполучить влиятельных партизан в городах, благосклонных к его делу; вероятно, в первую очередь в Афинах и Спарте. Нам сообщают, что спартанский царь Архидам со своей женой Деинихой были в числе получателей; более того, такое же коррумпированное участие, по заявлению враждебно настроенных мессенцев,^[536] вменялось в вину спартанским эфорам и сенату. Даже среди врагов Ономарх эффективно использовал свое золото, стремясь таким образом заполучить или нейтрализовать часть фессалийцев; среди них были и могущественные деспоты Фере, которых мы впоследствии обнаружим его союзниками. Так великое дельфийское сокровище было пущено в ход; а беспринципный фокейский деспот еще больше укрепил свои руки, схватив тех из своих соотечественников, кто был в оппозиции к его взглядам, предав их смерти и конфисковав их имущество^[537].

Благодаря такому сочетанию обильного соблазна, разврата и насилия ситуация вновь стала меняться в пользу фокийцев. Ономарх вскоре оказался во главе грозной армии, с которой он выступил из Дельф и покорил последовательно локрийцев Амфиссы, эпикнемидских локрийцев и соседнюю территорию Дориса. Он довел свои завоевания до окрестностей Фермопил; захватил Троний, один из городов, который командовал этим важным проходом, и обратил его жителей в рабство. Вероятно, он также захватил Никею и Алпонус - две другие ценные позиции вблизи Фермопил, которые, как мы знаем, находились во власти фокийцев до момента, непосредственно предшествовавшего их гибели, поскольку мы видим, что он стал хозяином Фермопил и быстро открыл свои коммуникации с Фессалией.^[538] Помимо этого расширения владений к северу и востоку от Фоки, Ономарх также вторгся в Беотию. Фиванцы, лишенные теперь своих северных союзников, поначалу не встретили его в поле, так что ему удалось захватить Орхомен. Но когда он перешел к атаке на Херонею, они предприняли эффективные усилия, чтобы освободить это место. Они вывели свои силы и нанесли ему поражение, которое было не очень решительным, но достаточным, чтобы заставить его отойти в Фокис.

Вероятно, в это время фиванцы были сильно подавлены и не могли эффективно действовать против фокийцев из-за нехватки денег. По крайней мере, мы знаем, что в разгар фокейской войны они наняли отряд из 5000 гоплитов под командованием Паммена для Артабаза, восставшего фригийского сатрапа. Здесь Паммен со своими воинами приобрел некоторую известность, одержав две важные победы над персами.^[539] Фиванцы, по-видимому, не имея флота и морских зависимостей, боялись обидеть великого царя меньше, чем Афины, когда запретили Харесу помогать Артабазу и согласились на неблагоприятное умиротворение, завершившее Социальную войну. Как долго Паммен и фиванцы оставались в Азии, нам не известно. Но, несмотря на одержанные ими победы, Артабазу не долго удавалось противостоять персидскому оружию. Через три года после этого мы слышим, что он и его шурин Мемнон изгнаны из Азии и живут в изгнании у Филиппа Македонского^[540].

Пока Паммен служил под началом Артабаза, афинский полководец Харес захватил Сестос в Геллеспонте, который, судя по всему, восстал против Афин во время Сословной войны. С

пленными сестийцами он обращался сурово: мужчин военного возраста предавал смерти, а остальных продавал в рабство. [541] Это было важным приобретением для Афин, поскольку обеспечивало безопасность в Херсонесе, а также перевес в Геллеспонте.

Встревоженный успехами Хареса в Геллеспонте, фракийский принц Керсоблепт вступил в интригу с Памменом в Азии и с Филиппом Македонским (который находился на побережье Фракии, нападая на Абдеру и Маронею), чтобы сдержать продвижение афинского оружия. Филипп, по-видимому, двинулся вперед и угрожал афинским владениям в Херсонесе; но доступ туда ему был запрещен Амадоком, другим принцем Фракии, хозяином промежуточной территории, а также присутствием Хареса с его флотом у фракийского побережья. [Аполлонид Кардийский был агентом Керсоблепта, который, однако, обнаружив, что его планы не удались, и запуганный присутствием Хареса, заключил соглашение с Афинами и сдал ей ту часть Херсонеса, которая еще оставалась за ним, за исключением Кардии. Афиняне отправили в Херсонес еще один отряд клерухов или переселенцев, для которых должно было освободиться значительное место как в результате обезлюдения Сестоса, так и в результате недавней уступки Керсоблепта.] [543] Именно в следующем году (352 г. до н. э.) афиняне также отправили на Самос новую партию из 2000 граждан в качестве переселенцев, в дополнение к тем, кто был отправлен туда за 13 лет до этого. [544]

Упоминание Филиппа о нападении на Маронею и угрозе фракийскому Херсонесу свидетельствует о неутомимой деятельности этого принца и постоянном расширении его власти. В 358 году до н. э. он взял Амфиполь; до 355 года до н. э. он захватил Пидну и Потидею, основал новый город Филиппы и открыл для себя ресурсы прилегающего устьевоем края; он установил отношения с Фессалией, помогая великому роду Алеуадов в Лариссе в их борьбе с Ликофроном и Пейтолаем, деспотами Фере: [545] он снова наказывал внутренние племена, граничащие с Македонией, фракийцев. По-видимому, в 354-353 гг. до н. э. он напал на Метону, последнее владение Афин на македонском побережье. Расположенная на берегу Термического залива, Метона, несомненно, была удобной станцией для афинских каперов, чтобы перехватывать торговые суда, идущие не только в македонские порты, но и из Олинфа и Потидеи; поэтому олинфяне, которые тогда были в союзе с Филиппом против Афин, были рады, что она перешла под его власть, и, возможно, оказали ему свою помощь. Он осаждал это место со свойственной ему энергией, используя все известные в то время двигатели и средства нападения, а осажденные со своей стороны были не менее решительны в обороне. Они отражали его атаки так долго, что весть об опасности места достигла Афин, и было предоставлено достаточно времени для отправки помощи, если бы афиняне были готовы и энергичны в своем движении. Но, к сожалению, они не успели извлечь уроки из потери Пидны и Потидеи. Либо этейские ветры, обычные летом, либо зимние бури - оба эти обстоятельства учитывались Филиппом при выборе сезона для своих предприятий [547], - либо (что более вероятно) отвращение афинских уважаемых граждан к личной службе на корабле и их медлительность даже в денежных выплатах - привели к такой задержке в приготовлениях, что отправленная экспедиция достигла Метона лишь слишком поздно. [Мефонеи, галантно державшиеся до тех пор, пока не были исчерпаны все их средства, в конце концов были вынуждены сдаться. Диодор рассказывает, что Филипп предложил им настолько мягкие условия, что они смогли уйти с одеждой на спине] [549], но это вряд ли можно считать точным, поскольку мы знаем, что среди них были афинские граждане, проданные в рабство, некоторых из которых Демосфен выкупил на свои деньги [550].

Овладев последним портом, которым Афины владели в Термическом заливе, - приобретением огромной важности, которое никогда прежде [551] не принадлежало македонским царям, - Филипп получил возможность распространить свои военные действия на окрестности фракийского Херсонеса с одной стороны и Фермопилы - с другой. О том, как он угрожал

Херсонесу, уже рассказывалось; еще более важной была его кампания в Фессалии. Эта страна, как обычно, была раздираема междоусобными спорами. Ликофрон, деспот Феры, обладал наибольшей властью; в то время как алеуады Лариссы, слишком слабые, чтобы противостоять ему своими силами, попросили помощи у Филиппа, который вошел в Фессалию с мощной армией. Такое усиление настолько изменило баланс фессалийских сил, что Ликофрон, в свою очередь, был вынужден просить помощи у Ономарха и фокийцев.

Фокийцы были настолько сильны, что не могли сравниться с фиванцами в борьбе с другими враждебными соседями и имели в запасе средства для борьбы с Филиппом в Фессалии. Поскольку их войска состояли из большого количества наемников, которых они были вынуждены для безопасности держать на жалованье - держать их на службе за границей было нежелательно. Поэтому они с готовностью вступили в Фессалийскую кампанию. В этот момент в сравнительной оценке эллинских сил они представляли собой единицу первой величины. И афиняне, и спартанцы приветствовали их как естественного врага и противовес Фивам, одинаково одиозного для тех и других. Пока фокийцы сохраняли свою фактическую власть, Афины могли управлять своей внешней политикой за границей, а Спарта - своими замыслами в Пелопоннесе, не опасаясь противодействия со стороны Фив. И Афины, и Спарта сначала поддерживали фокийцев против несправедливых преследований со стороны Фив и злоупотребления юрисдикцией Амфикитии, еще до того, как было совершено или даже предвиделось разрушение Дельфийского храма. И хотя, когда это разрушение действительно произошло, оно, несомненно, вызывало осуждение среди афинян, привыкших к неограниченной свободе публичных обсуждений, а также в Спарте, поскольку стало известно в условиях привычной секретности государственных дел, тем не менее политические интересы настолько возобладали, что фокийцев (возможно, отчасти с помощью подкупа) все еще поддерживали, хотя и не очень помогали, как полезных соперников Фив. [Сдержать "лейкитическую наглость фиванцев"^[553] и увидеть беотийские города Орхомен, Феспию, Платею, восстановленными в их первоизданной автономии, было первостепенным желанием каждого из двух древних глав Греции. Пока и Афины, и Спарта чувствовали себя единым целым. Но Спарта лелеяла еще одну надежду, с которой Афины отнюдь не были согласны, - воспользоваться затруднениями Фив, чтобы разбить Мегалополис и Мессену и вернуть себе прежнее пелопоннесское владычество. Эти два новых пелопоннесских города, возведенные Эпаминондом на границе Лаконии, до сих пор поддерживались против Спарты уверенностью в том, что фиванцы вмешаются, если им будет угрожать опасность. Но в 353-352 гг. до н. э., когда Ономарх и фокийцы одерживали победу, Фивы были настолько не готовы к вмешательству, что мегалополисы направили в Афины посланников с просьбой о защите и союзе, а спартанцы, со своей стороны, прислали возражения на эту просьбу.

Именно в связи с политическими дебатами в Афинах в 354 и 353 годах до н. э. перед нами впервые предстает афинянин Демосфен, выступающий в качестве советника своих соотечественников в общественном собрании. Его первая речь о публичном совете была произнесена в 354-353 гг. до н. э. в связи с тревогой о приближающейся войне с Персией; вторая, в 353-352 гг. до н. э., была призвана указать на правильную политику Афин в отношениях со спартанскими и мегалопольскими посланниками.

Следует сказать несколько слов об этом выдающемся человеке, который является главным украшением угасающего эллинского мира. Ему было около двадцати семи лет; он родился, согласно наиболее вероятному из противоречивых свидетельств, в 382-381 гг. до н. э.^[554] Его отец, которого также звали Демосфен, был гражданином со значительным имуществом и настолько безупречным характером, что даже Эсхинс ничего не говорит против него; его мать Клеобула была одной из двух дочерей и соправительниц гражданина по имени Гилон,^[555] афинского изгнанника, который, разбогатев как владелец земли и экспортер кукурузы в Босфоре,

отправил двух своих дочерей в Афины; там, обладая богатым приданым, они вышли замуж за двух афинских граждан - Демохара и старшего Демосфена. Последний был человеком весьма состоятельным и имел две различные мануфактуры: одну - по производству мечей или ножей, где работали тридцать два раба, другую - по производству диванов или кроватей, где трудились двадцать человек. В новом списке граждан и облагаемого налогом имущества, введенном при архонте Наусинике (378 г. до н. э.), старший Демосфен был зачислен в число богатейшего класса, лидеров симморийцев. Но он умер около 375 года до н. э., оставив сына Демосфена семи лет и младшую дочь пяти лет. Мальчик и его большое отцовское имущество были переданы на попечение трех опекунов, указанных в завещании отца. Эти опекуны, хотя отец, надеясь обеспечить их верность, завещал им значительное наследство, отобранное у собственного сына, и хотя все они были богатыми людьми, а также родственниками и друзьями, распоряжались имуществом с такой небрежностью и нечестностью, что, когда они пришли отчитываться перед своим подопечным, осталась лишь сравнительно небольшая сумма. В возрасте шестнадцати лет Демосфен достиг гражданского совершеннолетия и по афинскому закону получил право распоряжаться собственным имуществом. Во время его несовершеннолетия опекуны продолжали причислять его к богатейшему классу (как и его отца) и платить повышенную ставку прямого налога, взимаемого с этого класса; но реальная сумма, переданная ему опекунами, была слишком мала, чтобы оправдать такое положение. Хотя его отец умер с состоянием в четырнадцать талантов, которое уменьшилось бы от сумм, завещанных в качестве наследства, но должно было бы увеличиться в большей пропорции за счет процентов на имущество в течение десяти лет несовершеннолетия, если бы им правильно управляли, сумма, выплаченная молодому Демосфену по достижении им совершеннолетия, была меньше двух талантов, а опекуны не только дали нечестные счета, но и признались, что не могут составить завещание отца. После неоднократных жалоб и уговоров он обратился в суд с иском против одного из них - Афоба - и получил приговор, предусматривающий возмещение ущерба в размере десяти талантов. Однако должник по-прежнему уклонялся от уплаты. Сохранилось пять речей Демосфена, три против Афоба, две против Онетора, шурина Афоба. На момент написания последней речи Демосфен так ничего и не получил; мы также не знаем, сколько он в итоге получил, хотя, похоже, трудности, возникшие на его пути, были таковы, что заставили его отказаться от большей части требований. Неизвестно также, подавал ли он когда-либо иски, о которых он говорит как о предполагаемых, против двух других опекунов - Демофона и Териппида[556].

В юности Демосфен получил обычное грамматическое и риторическое образование состоятельного афинянина. Говорят, что уже в детстве он проявлял необычайную тягу и интерес к риторическим упражнениям. Убедительно прося, он уговорил своих воспитателей отвести его послушать Каллистрата, одного из самых искусных ораторов Афин, произносившего в Дикастерии речь по поводу Оропа.[557] Эта речь, произведшая глубокое впечатление на Демосфена, стимулировала его тягу к риторическим занятиям. Еще сильнее разгорелась эта страсть, когда по достижении совершеннолетия он обнаружил, что лишился большей части отцовского имущества, и был вынужден отстаивать свои права в судебном порядке против своих опекунов. Будучи вынужденным, согласно афинской практике, лично отстаивать свою правоту, он остро ощутил беспомощность некомпетентного оратора и необходимость приобретения ораторской силы не только как инструмента честолубия, но даже как средства индивидуальной защиты и безопасности.[558] Похоже также, что он с детства отличался хилым телосложением и слабой мускулатурой; так что отчасти по собственной несклонности, отчасти из-за заботы матери он мало участвовал в упражнениях палестры, как в детстве, так и в юности. Его деликатная одежда и несколько женоподобные привычки обеспечили ему в детстве прозвище Батала, которое оставалось за ним большую часть его жизни и которое его враги пытались связать с унижительными обвинениями.[559] Такая сравнительная телесная немощь, вероятно, способствовала его жажде умственных и риторических приобретений, как единственного

открытого пути к знаменитости. Но в то же время она лишала его возможности присвоить себе весь спектр всеобъемлющего греческого образования, как его представляли Платон, Исократ и Аристотель; образования, одинаково применимого к мысли, слову и действию - сочетающего в себе телесную силу, выносливость и бесстрашие с расширенными умственными способностями и умением донести их до людей с помощью речи. Диспропорция между физической энергией и умственной силой Демосфена, начиная с детства, зафиксирована и оплакана в надписи, помещенной на его статую после смерти[560].

В восемнадцатилетнем возрасте Демосфен занимал известное и хорошее семейное положение в Афинах, был причислен к классу богатейших граждан и обязан исполнять литургии и триерархии, как и его отец до него;[561] но с реальным состоянием, весьма недостаточным для ожидаемых от него расходов, с судебным разбирательством против богатых и недобросовестных опекунов и объектом неприязни и раздражения со стороны других богатых людей, таких как Мейдиас и его брат Фрасилох,[562] друзья этих опекунов. Семейное положение дало ему хорошее представление о государственных делах, к которым он стал тщательно готовиться: сначала как автор речей для других, затем как оратор от своего имени. Платон и Исократ были в этот момент в полной славе, их посещали в Афинах ученики со всех концов Греции; Исеус, учившийся у Исократа, пользовался большой репутацией как сочинитель судебных речей для истцов или ответчиков по гражданским делам. Демосфен учился у Исея (который, как говорят, помогал ему в составлении речей против его опекунов), а также извлекал значительную выгоду из рассуждений Платона, Исократа и других. Как пылкий честолюбец, он искал наставления в большинстве лучших источников, как теоретических, так и практических, как у писателей, так и у лекторов.[563] Но кроме живых учителей, был один из прошлого поколения, который внес значительный вклад в его совершенствование. Он изучал Фукидида с неутомимым трудом и вниманием; согласно одному рассказу, он переписал всю историю восемь раз своей рукой; согласно другому, он выучил ее наизусть, чтобы иметь возможность переписать ее по памяти, когда рукопись будет случайно уничтожена. Не вдаваясь в подробную критику этих деталей, мы, по крайней мере, констатируем, что Фукидид был объектом его особого изучения и подражания. Насколько сочинение Демосфена изменилось под влиянием Фукидида - он воспроизвел смелую, величественную и впечатляющую фразеологию, но без излишней краткости и оборотов этого великого историка, и сумел соединить с ней проницательность и изящество, не уступающие Лисию, - можно увидеть в подробной критике ритора Дионисия[564].

Выбрав для себя смелый и оригинальный стиль, Демосфен столкнулся с еще большими трудностями, связанными с внешними требованиями к оратору. От природы он не был наделен, как Эсхин, великолепным голосом, как Демадес, готовым к пылким импровизациям. Его мысли требовали тщательной подготовки; его голос был плохим и даже сиплым, дыхание коротким, жестикуляция неловкой; кроме того, он был ошеломлен и смущен проявлениями толпы. Такое скопление естественных препятствий было по меньшей мере равносильно тем, на которые жалуется Исократ, всю жизнь лишавший его возможности выступать перед публикой и ограничивавший его избранной аудиторией друзей или учеников. Энергия и успех, с которыми Демосфен преодолевал свои недостатки, чтобы удовлетворить критическое собрание, подобное афинскому, - одно из самых запоминающихся обстоятельств в общей истории самообразования. Неоднократное унижение и отпор только подстегивали его к новым одиночным усилиям по совершенствованию. Он исправлял свое дефектное красноречие, говоря с камешками во рту; он готовился преодолевать шум собрания, декламируя в штормовую погоду на морском берегу Фалерума; он раскрывал свои легкие бегом и расширял свои возможности задерживать дыхание, произнося фразы во время марша в гору; иногда он проводил два или три месяца без перерыва в подземной камере, упражняясь днем и ночью то в сочинении, то в декламации, и обрывал одну половину головы, чтобы лишиться себя права выезда за границу. После нескольких безуспешных

попыток выступить перед собранием его мужество уже было готово угаснуть, когда Евномий и другие старые граждане успокоили его, сравнив содержание его речей с речами Перикла и увещевая его еще немного потрудиться над исправлением своих внешних недостатков. По другому случаю он излил свое разочарование актеру Сатиру, который взялся объяснить ему причину, попросив его повторить на свой лад речь Софокла, которую он (Сатир) стал повторять за ним, с подходящим акцентом и подачей. Демосфен, глубоко пораженный разницей, начал заново заниматься самосовершенствованием, вероятно, постоянно беря уроки у хороших образцов. В своей неустанной частной практике он посвятил себя приобретению грациозной речи, следя за всеми своими движениями во время произнесения речи перед высоким зазеркальем.^[565] После упорных усилий в течение нескольких лет он был вознагражден полным успехом. Его речи стали полны решительности и энергичности и пользовались большой популярностью у широкой публики; хотя некоторые критики порицали его модуляции как искусственные, неестественные и напоминающие низкий сценический эффект; другие же, в том же духе, осуждали его речи как излишне затянутые и пахнущие лампой^[566].

Сам Демосфен придавал этим внешним средствам воздействия столь большое значение, что, как говорят, назвал "действие" первым, вторым и третьим необходимым условием для оратора. Если мы признаем эту оценку правильной по отношению к реальным слушателям, мы должны помнить, что его речи - это (не менее верно, чем история Фукидида) "вечное владение, а не демонстрация для сиюминутного эффекта". Даже на современников его речи, прочитанные отдельно от оратора, произвели очень сильное впечатление. Были и такие, кто считал, что их полное совершенство можно оценить только таким образом;^[567] а для загробного мира, который знает их только по чтению, они были и остаются предметом восхищения, достигшего своей высшей точки в восторженных чувствах привередливого ритора Дионисия.^[568] Действия Демосфена - продуманные, как это, несомненно, было, и высоко, как он сам, возможно, ценил достижение, заработанное таким трудом, - произвели свой эффект только в сочетании с делом Демосфена; его мыслями, чувствами, словами, и, прежде всего, его проницательностью в оценке и совете по фактической ситуации. Его политическая мудрость и возвышенный патриотический идеал, по правде говоря, столь же замечательны, как и его ораторское искусство. Каким путем он приобрел те или иные качества, нам, к сожалению, не дано знать. Наши информаторы мало интересуются им только как оратором; они не рассказывают нам ни о том, чему он научился, ни от кого, ни от каких товарищей или партийных соратников сформировалась его политическая точка зрения. Но мы вряд ли ошибемся, если предположим, что внимательное изучение Фукидида дало ему не только силу и величие выражения, но и то представление об Афинах в те времена, которое он постоянно внушает своим соотечественникам, - Афины в начале Пелопоннесской войны, в дни бурной энергии и по совету своего благороднейшего государственного деятеля.

В других отношениях мы остаемся в неведении относительно умственной истории Демосфена. Прежде чем он приобрел репутацию государственного советника, он уже был известен как логограф, или составитель речей, которые произносили либо ораторы в общественном собрании, либо тяжущиеся в дикастерии; за эти сочинения ему платили, согласно обычной афинской практике. Он также лично выступал в Дикастерии в поддержку обвинения, выдвинутого другими против закона, предложенного Лептином, об отмене голосов неприкосновенности, принятых городом в пользу отдельных лиц, и о запрете таких пожалований в будущем. Ничто не может быть более примечательным в этой речи против Лептинеса, чем интенсивность, с которой молодой оратор доказывает необходимость строгого и верного следования обязательствам со стороны народа, несмотря на большие случайные неудобства, связанные с этим. Судя по всему, он постоянно общался с некоторыми богатыми юношами, в том числе с Аполлодором, сыном богатого банкира Пасиона, которого он взялся обучать ораторскому искусству. Об этом мы узнаем из доносов его соперника Эсхина,^[569] который обвиняет его в том, что он таким образом

проникал в различные богатые семьи, особенно в те, где были юноши-сироты и овдовевшие матери, и, используя недостойные приемы, обманывал и разорял их. Сколько правды в таких обвинениях, мы не можем сказать. Но Эсхинес не без оснований применял к своему сопернику неприятные названия логографа и софиста; названия тем более унижительные, что Демосфен принадлежал к триерархической семье, к высшему классу по богатству[570].

Здесь уместно будет упомянуть еще одного советника современников, который стоит в явной противоположности и соперничестве с Демосфеном. Фокион был небогатым гражданином, сыном мастера по изготовлению пестиков. Он родился около 402 года до н. э. и был примерно на двадцать лет старше Демосфена. В какое именно время началось его политическое значение, мы не знаем, но он дожил до великого возраста восьмидесяти четырех лет и был заметным человеком на протяжении последних полувеков своей жизни. Он известен прежде всего как военный офицер, служивший в подчинении у Хабрия, к которому был очень привязан, в битве при Наксосе в 376 году до н. э. Это был человек, обладавший глубокой личной храбростью и значительными командирскими талантами; выносливый и стойкий, нечувствительный к холоду и усталости; строго простой в своих привычках, а главное, не допускавший никакой личной развращенности. Его воздержание от грабежей и казнокрадства во время морских походов составляло достойный контраст с другими афинскими адмиралами и обеспечило ему большое уважение со стороны морских союзников. Отсюда, вероятно, и его прозвище Фокион Добрый[571].

Я уже отмечал, насколько глубокую и сильную поддержку оказывал афинскому народу любой государственный человек, который однажды утвердил за собой характер, не вызывающий подозрений в личной испорченности. Среди афинских политиков слишком многие не были невиновны в этом вопросе; более того, даже когда человек был действительно невиновен, в его жизни нередко возникали обстоятельства, которые делали более или менее серьезные сомнения допустимыми против него; Так, Демосфен, известный не только как человек с несколько дорогостоящими привычками, но и как посещающий богатые дома и получающий деньги за сочиненные речи или произнесенную риторику, был непременно обвинен, справедливо или несправедливо, своими врагами в обмане богатых клиентов, и никогда не получил бы бесспорного кредита за высокую денежную независимость, даже в отношении государственных дел; Хотя он, конечно, не был коррумпирован и, по общему мнению, не был коррумпирован, - по крайней мере, в период, который охватывает этот том, вплоть до смерти Филиппа.[572] Но Фокион не принимал ни денег, ни подарков от кого бы то ни было, - был печально известен и явно беден, - ходил босиком и без верхней одежды даже в очень холодную погоду, - имел только одну женщину-рабыню для присмотра за своей женой; в то время как он пользовался владениями, достаточными для того, чтобы обогатить его, если бы он захотел. Таким образом, его личная неподкупность бросалась в глаза общественности, а в сочетании с храбростью и справедливым полководческим искусством обеспечила ему доверие большее, чем то, которое было оказано даже Периклу. Он не менее сорока пяти раз избирался на ежегодную должность Стратега или генерала города, то есть одного из Совета Десяти, который так назывался, - величайшая исполнительная должность в Афинах, - и избирался, ни разу не обратившись за этой должностью и даже не присутствуя при выборе.[573] Во всей афинской истории мы не читаем о подобном умножении различных назначений и почестей для одного и того же человека.

Согласно картине Афин и их демократии, которую обычно представляют историки, нас учат верить, что единственный путь к почестям или политическому влиянию - это соблазнительное обращение к народу, обхаживание его изысканными речами, недостойной лестью или безмерными обещаниями. Тем, кто придерживается такого взгляда на афинский характер, будет трудно объяснить карьеру Фокиона. Он не был оратором - скорее от презрения, чем от

некомпетентности.[574] Помимо получения хорошего образования, он пользовался беседами Платона и Ксенократа в Академии;[575] и мы не удивляемся, что в их школе он приобрел презрение к популярному ораторскому искусству, а также любовь к кратким, концентрированным, острым ответам. Однажды, когда он собирался выступить перед публикой, его заметили особенно погруженным в размышления. "Ты выглядишь задумчивым, Фокион", - сказал один из друзей. "Да, клянусь Зевсом, - ответил тот, - я размышляю, не могу ли я как-нибудь сократить речь, с которой собираюсь обратиться к афинянам". Однако он так хорошо знал, по каким пунктам следует ударить, что его красноречивая краткость, подкреплённая весом характера и положения, прорезала тонкие ораторские речи Демосфена эффективнее, чем любые контр-ораторские выступления таких людей, как Эсхинс. Сам Демосфен очень боялся Фокиона как оппонента и, как говорят, заметил, увидев, как тот поднимается, чтобы говорить: "Вот идет тесак моих проповедей"[576] Полиект, сам оратор и друг Демосфена, весьма комплиментарно отозвался о Фокионе, сказав, что "Демосфен был лучшим оратором, но Фокион - самым грозным в речи". "В государственной политике, в средствах политического воздействия и в личном характере Фокион был прямой противоположностью Демосфена, чье воинственное красноречие, невоинственный нрав, платное сочинение речей и деликатные привычки жизни он, несомненно, одинаково презирал.

Как в характере Фокиона было мало от исповедуемого оратора, так в нем было еще меньше от льстеца. У него был характер грубого солдата, который говорит все, что думает, без умолчаний и украшений, не заботясь о том, понравится это слушателям или нет.[578] Его оценка своих соотечественников была полностью и нескрываяемо презрительной. Это видно из всех его поступков; особенно ярко это проявляется в памятном замечании, приписываемом ему по случаю, когда что-то, сказанное им в общественном собрании, вызвало бурные аплодисменты. Повернувшись к другу, он спросил: "Не сказал ли я, бессознательно, что-нибудь плохое?" Его манеры, кроме того, были угрюмыми и отталкивающими, хотя его нрав, как говорят, был добрым. В Академии он научился спартанскому самоограничению и строгости жизни.[579] Никто никогда не видел его ни смеющимся, ни плачущим, ни купающимся в общественных банях.

Если Фокион и добился беспримерной чести быть сорок пять раз избранным полководцем, то мы можем быть уверены, что для ее достижения существовали и другие средства, кроме ораторского искусства и демагогии. Мы можем с удивлением спросить, как ему удалось достичь этой чести, при стольких отвратительных обстоятельствах, одной лишь силой храбрости и честности; тем более что он никогда не совершал никаких выдающихся заслуг,[580] хотя в различных случаях вел себя достойно и умело. Ответ на этот вопрос можно найти в том, что Фокион, хотя и не был льстецом, но решительно шел на поводу у капитальных слабостей народа. Презирая их суждения, он проявлял не большую дальновидность в отношении общественных интересов и безопасности Афин, чем они. Афинский народ, несомненно, имел много недостатков и совершил много ошибок; но худшей из всех ошибок в период между 360-336 гг. до н. э. было его непреодолимое отвращение к усилиям, личным и денежным, необходимым для ведения активной войны против Филиппа. Поборником этого неприятия напряженной внешней политики стал Фокион;[581] он в свойственной ему манере язвительно высмеивал тех, кто призывал к действиям против Филиппа, как будто они были простыми драчунами и трусами, выискивающими возможности обогатиться за государственный счет. Оратор Эвбул был в числе ведущих государственных деятелей, образовавших в Афинах так называемую партию мира, которая постоянно сопротивлялась или препятствовала энергичным военным действиям, стремясь скрыть от посторонних глаз представление о Филиппе как об опасном враге. Среди членов этой мирной партии, несомненно, были и те, кто действовал коррумпированно, находясь на прямом содержании Филиппа. Но многие другие, без всякой примеси коррупции, придерживались той же политики только потому, что им было легче управлять городом в условиях мира, чем войны, потому что война была

обременительной и неприятной как для них самих, так и для их сограждан, и потому что они либо не хотели, либо не могли предвидеть последствий бездействия. Теперь для этой мирной партии, которой нужен был военный лидер в качестве партнера их гражданских и риторических лидеров, было большим преимуществом укрепить себя таким коллегой, как Фокион; человек не только не вызывающий подозрений в честности, но и особенно незаинтересованный в совете мира, поскольку его значение было бы возвышено войной. [Кроме того, большинство выдающихся военачальников теперь любили только военные действия и презирали детали военного управления дома; Фокион же, [583] и он почти один среди них, был доволен тем, что оставался в Афинах и продолжал сочетать гражданскую и военную эффективность, которая была привычной прежде. Таким образом, благодаря мирной партии и распространенному среди населения отвращению к военным действиям он получил возможность надолго сохранить за собой стратегические функции, не заботясь о личной популярности.

Влияние Фокиона как общественного советника в период, охватываемый этим томом, вплоть до битвы при Херонее, было крайне пагубным для Афин: тем более пагубным, отчасти (как и в случае с Никиасом) из-за респектабельности его личных качеств, отчасти потому, что он поддерживал и санкционировал наиболее опасные недуги афинского ума. Его биографы вводят нас в заблуждение, обращая наше внимание главным образом на последние двадцать лет его долгой жизни, после битвы при Херонее. В то время, когда победоносные военные силы Македонии были полностью организованы, а Греция сравнительно ослаблена, можно было бы убедительно (я не говорю решительно, даже тогда) утверждать, что подчинение Македонии стало фатальной необходимостью; и что попытки сопротивления могли закончиться только превращением плохого в худшее. Но мирная политика Фокиона, которую можно было бы назвать благоразумием после воцарения Александра, оказалась губительно неосмотрительной и бесчестной во время правления Филиппа. В первые годы правления Филиппа все шансы были против него; они менялись и становились все более и более в его пользу только потому, что он играл хорошо, а его противники - плохо. Превосходство в силе поначалу было на стороне Афин, и если бы она захотела его применить, то могла бы добиться того, чтобы Филипп остался хотя бы в пределах Македонии. Все зависело от ее воли; от того, готовы ли ее граждане по собственному разумению понести расходы и усталость от активной внешней политики - готовы ли они взять в руки пики, открыть кошельки и отказаться от домашних утех ради поддержания греческой и афинской свободы против растущего, но пока еще не неодолимого разрушителя. На такую жертву афиняне не могли заставить себя пойти; и в результате этого нежелания они в конце концов были вынуждены пойти на гораздо более серьезную и непоправимую жертву - потерю свободы, достоинства и безопасности. Именно в такой момент, когда решался подобный вопрос, влияние миролюбивого Фокиона оказалось наиболее губительным. Его беспокойство о том, чтобы граждане были похоронены дома в своих собственных могилах, его отчаяние, смешанное с презрением, к своим соотечественникам и их утонченным привычкам, его ненависть к ораторам, которые могли извлечь выгоду из увеличения расходов на войну [584], - все это заставляло его препятствовать общественным усилиям и пассивно ожидать перевеса македонского оружия; таким образом, он играл в игру Филиппа и, хотя сам был неподкупным, поддерживал ораторов, находившихся на жаловании у Филиппа.

Любовь к миру, как в обществе, так и в отдельном человеке, обычно вызывает симпатию без лишних вопросов, хотя бывают времена растущей опасности извне, когда советчик мира - худшее руководство, которому можно следовать. Со времен Пелопоннесской войны в Греции тихо происходила революция, в результате которой солдатские обязанности в значительной степени перешли из рук гражданских ополченцев в руки платных наемников. Граждане, проживающие в

стране, в целом стали не готовы нести бремя военной службы; с другой стороны, разрозненная группа греков, готовых носить оружие где угодно и ищущих лишь плату, значительно увеличилась. Когда-то дело обстояло совсем иначе. Афинский гражданин 432 года до н. э. - по обоюдному свидетельству хвalebного Перикла и недружелюбных коринфян - всегда был готов смело преодолевать опасности, усталость и лишения в иностранных походах во славу Афин. "Он считал праздником исполнить долг на ее службе (это говорит враг[585]); он тратил свое тело ради нее, как если бы это было тело другого". Горячо поддерживая идею имперских Афин, он знал, что они могут быть поддержаны только энергичными усилиями отдельных граждан и что разговоры на публичных собраниях, хотя и полезны как предварительное условие для действий, но вредны, если их допускать вместо действий[586]. Таков был афинянин Перикл 431 года до н. э. Но эта энергия была подавлена бедствиями Пелопоннесской войны и больше никогда не возрождалась. Афинянин Демосфен 360 года до н. э. как бы состарился. В нем умерли драчливость, панэллинское первенство и любовь к предпринимательству. Он был тихим, домовитым, утонченным гражданином, приверженным демократической конституции и с веселой гордостью исполняющим свои обычные городские обязанности, но погруженным в промышленные или профессиональные занятия, в домашний уют, в впечатляющие проявления общественной религии, в атмосферу дискуссий и размышлений, как интеллектуальных, так и политических. Отказаться от всего этого ради иностранной и постоянной военной службы он считал тяготами, которые нельзя переносить иначе, как под давлением близкой и непосредственной опасности. Предостережения против отдаленных опасностей, какими бы реальными они ни были, не могли вызвать в нем чувства; даже платить другим за то, что они служат вместо него, было обязанностью, которую его едва ли можно было побудить выполнить.

Не только в Афинах, но и среди пелопоннесских союзников Спарты граждане, проживавшие в Пелопоннесе, испытывали подобную неспособность к военной службе. В 431 году до н. э. эти пелопоннессцы (и здесь мы имеем одновременное свидетельство Перикла и Архидамa[587]) были готовы к службе со своими лицами и отступали только тогда, когда у них просили деньги. В 383 г. до н. э. Спарта обнаружила, что они так неохотно присоединяются к ее штандарту, особенно для операций за морем, что была вынуждена принять в свою конфедерацию принцип денежной компенсации;[588] точно так же Афины поступили (около 460-450 гг. до н. э.) с невоинственными островитянами, зачисленными в ее конфедерацию Делоса[589].

На фоне растущего нежелания граждан нести военную службу из года в год увеличивалось число плавучих, разношерстных групп, которые зарабатывали на жизнь солдатством под началом того, кто им платил. В 402-401 годах до н. э, когда набиралась кирейская армия (десять тысяч греков), было трудно собрать столько людей; вождям или вербовщикам выдавались большие премии; рекруты состояли в значительной степени из оседлых людей, соблазненных выгодными обещаниями вдали от своих домов.[Но активные люди, готовые к оплачиваемой иностранной службе, постоянно умножались - от бедности, изгнания или любви к предпринимательству[591]; они проходили постоянное обучение и были значительно улучшены Ификратом и другими, как пельтасты или легкая пехота, чтобы служить в сочетании с гражданским войском гоплитов. Ясон из Фере собрал большую и лучше обученную армию наемников, чем когда-либо видели киреевцы в их восходящем походе[592]; фокийцы также в Священной войне, владея дельфийскими сокровищами, окружили себя грозным отрядом наемных солдат. Возникли (как в XIV и XV веках в современной Европе) кондотьеры вроде Харидема и других - генералы, имевшие под своим командованием отряды наемников и нанимавшиеся к любому князю или властителю, который нанимал и платил им. На этих вооруженных скитальцев - бедных, храбрых, отчаянных, не связанных никакими гражданскими узами - Исократ неоднократно жаловался как на одно из

самых серьезных несчастий Греции.[593] Такие скитальцы, действительно, обычно были естественными эмигрантами в новых колониальных предприятиях. Но так случилось, что в период между 400 и 350 гг. до н. э. было создано мало эллинских колоний; на самом деле пространство, открытое для эллинской колонизации, становилось все более ограниченным из-за мира Анталкида, деспотизма Дионисия и усиления луканцев, бруттийцев и вообще внутренних держав. Исократ, превознося великую услугу, оказанную ранее Афинами эллинскому миру в организации ионической эмиграции и предоставлении нового дома стольким неустроенным грекам, настаивает на абсолютной необходимости подобных средств эмиграции в его собственное время. Он призывает Филиппа встать во главе эллинского завоевания Малой Азии и таким образом приобрести территорию, которая могла бы обеспечить поселение для множества бездомных, бродячих изгнанников, которые жили мечом и нарушали покой Греции[594].

Этот упадок гражданского ополчения и растущее отвращение к личной службе или военным упражнениям - вместе с одновременным ростом профессиональной армии, не связанной гражданскими обязательствами, - один из главных фактов эпохи Демосфена. Хотя он и не свойственен Афинам, он с большей силой поражает нас в Афинах, где дух самоотверженных индивидуальных усилий был когда-то так высок, но где также очарование и стимулирование *ulus*[595] мирного существования было наиболее разнообразным, а активность промышленного преследования - наиболее непрерывной. Это был фатальный отрыв активной силы общества от политической свободы и интеллекта, разрушающий то многогранное сочетание культурной мысли с энергичным делом, которое составляло эллинский *идеал*, и возлагающий защиту Греции на вооруженных людей, обращенных только к своему генералу или начальнику жалования. Но непоправимо роковым стало то, что именно в этот момент греческий мир был брошен на защиту от Македонии под предводительством неутомимого молодого принца, который впитал и даже смог усовершенствовать лучшие идеи военной организации[596], заложенные Эпаминондасом и Ификратом. Филипп (по описанию его врага Демосфена) обладал всей той стремительной и непобедимой любовью к действию, которую афиняне проявляли в 431 году до н. э., о чем мы знаем как от врагов, так и от друзей; а македонское население сохранило, среди грубости и бедности, те военные способности и готовность, которые угасали в стенах греческих городов.

Хотя они еще не были ни дисциплинированными, ни грозными, но в руках такого гения-организатора, как Филипп, они были отличным сырьем для солдат. Они все еще были (как и их предшественники во времена первого Пердикки,[597] когда жена царя собственноручно пекла лепешки на очаге) горными пастухами, плохо одетыми и плохо обутыми, евшими и пившими из деревянных тарелок и чашек, в значительной степени лишенными не только ли городов, но и постоянного места жительства.[Мужчины из знати были вооружены нагрудными пластинами и составляли хорошую конницу; но пехота представляла собой сброд, лишенный порядка,[599] вооруженный плетеными щитами и ржавыми мечами, и сражалась в невыгодном положении, хотя постоянно была начеку, чтобы отразить набеги своих иллирийских или фракийских соседей. Среди некоторых македонских племен человек, ни разу не убивший врага, был отмечен унижительным знаком.[600] Именно таких людей Филипп, став царем, нашел под своей властью; не хороших солдат, а отличных рекрутов, которых нужно было формировать в солдат. Бедность, выносливость и тело, приспособленное к труду, были естественными качествами, хорошо оцененными древними политиками, для военного населения, предназначенного для завоеваний. Такими были родные персы во время их первой вспышки при Кире Великом; такими были даже греки во время нашествия Ксеркса, когда спартанский царь Демарат считал бедность и обитателем Греции, и залогом греческой храбрости[601].

Именно против этих грубых македонцев, которым жизнь в лагере давала возможность грабежа без всяких жертв, трудолюбивый и утонченный афинский гражданин должен был идти и

сражаться, отказавшись от своего ремесла, семьи и праздников; задача тем более тяжелая, что постоянным агрессиям и систематизированным военным действиям его новых врагов можно было противопоставить только равные непрерывные усилия с его стороны. К такой личной преданности в сочетании с тревогами превентивной бдительности афиняне периклийской эпохи были бы готовы, но афиняне эпохи Демосфена - нет; хотя вся их свобода и безопасность в конце концов оказались под угрозой.

Без этого краткого очерка о великих военных переменах в Греции после Пелопоннесской войны - сокращении численности гражданских войск и увеличении числа наемников - читатель вряд ли смог бы понять ни действия Афин в отношении Филиппа, ни карьеру Демосфена, к которой мы сейчас приступим.

Усердным трудом приобретая для себя эти высокие способности к речи и сочинению, Демосфен в 354 году до н. э. выступил вперед, чтобы посвятить их служению обществу. Его первое обращение к собранию не менее интересно с объективной точки зрения, как воспоминание о реальной ситуации в эллинском политическом мире в тот год, чем с субъективной, как свидетельство его собственной манеры оценивать ее необходимость.^[602] В тот момент в Афинах преобладали опасения, вызванные сообщениями о Великом Царе, который, как говорили, замышлял враждебные меры против Греции, и в частности против Афин, вследствие помощи, недавно оказанной афинским генералом Харесом восставшему персидскому сатрапу Артабазу. Эти опасения, которые отчасти уже побудили афинян (за год до этого) заключить мир со своими восставшими островными союзниками и завершить Социальную войну, продолжали будоражить общественное мнение. Персидское вооружение в триста кораблей с большим количеством греческих наемников и вторжение в Грецию считались вероятными.^[603] Похоже, что Мавсол, принц или сатрап Карики, который был главным агентом в разжигании социальной войны, продолжал военные действия против островов даже после заключения мира, объявляя, что он действует во исполнение царских замыслов; поэтому афиняне отправили посланников, чтобы убедить его в обратном.^[604] Персы, по-видимому, также собирали внутренние войска, которые несколько лет спустя были использованы для повторного завоевания Египта, но их назначение в данный момент не было объявлено. Отсюда и тревога, царившая сейчас в Афинах. Важно отметить, что мало кто еще испытывал опасения по поводу Филиппа Македонского, хотя этот принц постоянно увеличивал свои военные силы, а также завоевания. Более того, Филипп впоследствии утверждал, что во время этой тревоги по поводу персидского вторжения он сам был одной из сторон, приглашенных для помощи в обороне Греции^[605].

Хотя македонская держава еще не стала явно грозной, в этой речи Демосфена мы видим тот самый панэллинский патриотизм, который впоследствии заставил его так энергично трубить в трубу против Филиппа. Обязанность, лежащая на всех греках, а на Афинах особенно, в силу их традиций и положения, любой ценой отстаивать эллинскую свободу против чужеземцев, подчеркивается с акцентом и достоинством, достойными Перикла.^[606] Но хотя Демосфен таким образом внушает своим соотечественникам благородные и общеэллинские цели, он не ограничивается красноречивой декламацией или негативной критикой прошлого. Его рекомендации относительно средств позитивны и однозначны; они подразумевают внимательное изучение и проницательную оценку окружающих обстоятельств. Сохраняя перед своими соотечественниками благоприятный взгляд на их положение, он никогда не обещает им успеха, кроме как при условии искренних и настойчивых индивидуальных усилий, с оружием и деньгами: и он исчерпывает все свои изобретения в непопулярной задаче пристыдить их, прямым упреком, а также косвенной инсинуацией, из того отвращения к личной военной службе, которое, к несчастью Афин, стало подтвержденной привычкой. Такой позитивный и практичный характер средств, всегда учитывающий все сложности той или иной ситуации, в сочетании с постоянным

представлением Афин в качестве залогового защитника греческой свободы и обращением к афинскому прошлому не как к наследию, на которое следует опираться, а как к примеру, которому следует подражать, составляют нетленное очарование этих речей Демосфена, не менее запоминающееся, чем их превосходство как риторических сочинений. В последнем достоинстве, правда, его соперник Эсхинс уступает ему меньше, чем в первом.

Ни в одной из речей Демосфена не преобладает дух практической мудрости, как в этом его самом раннем известном выступлении перед общественным собранием на симмории, произнесенном молодым человеком двадцати семи лет, который не мог получить иного образования, кроме как от презируемых классов софистов, риториков и актеров. Провозглашая персидского царя общим и опасным врагом греческого имени, он утверждает, что пока не было никаких доказательств надвигающегося персидского нападения, достаточно очевидных и явных, чтобы оправдать Афины в посыле[607] к всеобщей лиге греков, как предлагали предыдущие ораторы. Он осуждает, с одной стороны, любой шаг, рассчитанный на то, чтобы спровоцировать персидского царя или вызвать войну, а с другой - любой преждевременный призыв к грекам объединиться, пока они сами не прониклись чувством общей опасности. Ничто, кроме общего ужаса, не могло привести к объединению различных эллинских городов; ничто другое не могло бы заглушить ревность и антипатию, из-за которых так часто происходят междоусобные войны, и, возможно, позволило бы персидскому царю приобрести несколько греков в качестве союзников против остальных.

"Давайте не будем ни чрезмерно бояться великого царя, ни, напротив, первыми начинать войну и причинять ему зло - как по собственному почину, так и из-за дурных предчувствий и недоверия, распространенных среди окружающих нас греков. Если бы мы, с полной и единодушной силой Греции, могли напасть на него без посторонней помощи, я бы считал, что даже несправедливость, допущенная по отношению к нему, вовсе не является несправедливостью. Но поскольку это невозможно, я утверждаю, что мы должны позаботиться о том, чтобы не дать царю повода для навязывания прав от имени других греков. Пока мы спокойны, он не сможет сделать ничего подобного, не вызывая недоверия; но если мы первыми начнем войну, то, естественно, покажется, что он имеет в виду искреннюю дружбу с остальными, ввиду их неприязни к нам. Поэтому не выставляйте на всеобщее обозрение печальные бедствия эллинского мира, созывая его членов, когда вы не сможете их убедить, и вступая в войну, когда у вас не будет достаточной силы; но сохраняйте мир, доверяя себе и делая полную подготовку" [608].

Именно эта необходимость подготовки и составляет особую цель Демосфена в его речи. Он предлагает разработанный в результате тщательных размышлений план[609] по улучшению и расширению классификации Симмория; предлагает более удобное и систематическое распределение ведущих граждан, а также общих финансовых и морских средств - таким образом, чтобы обеспечить как готовность вооруженной силы в случае необходимости, так и справедливое распределение как усилий, так и расходов среди граждан. В детали этого плана экономической реформы, который объясняется с точностью администратора, а не с туманностью ратора, я здесь не вдаюсь; тем более что мы не знаем, был ли он принят на самом деле. Но дух, в котором она была предложена, заслуживает всяческого внимания, как провозглашающий, даже в этот ранний день, домашнюю истину, которую оратор повторяет в стольких последующих проповедях. "В подготовке, которую я предлагаю вам, афиняне (говорит он), первым и самым важным моментом является то, что ваши умы должны быть так настроены, чтобы каждый человек в отдельности был готов и стремился выполнить свой долг. Ибо вы ясно видите, что из всех тех дел, по которым вы приняли коллективное решение и по которым каждый в отдельности считал обязанность исполнения возложенной на себя, ни одно не ускользнуло из ваших рук; напротив, когда после принятия решения вы стояли, глядя друг на друга, ни один человек не намеревался ничего делать сам, но каждый перекладывал бремя действий на своего соседа, - ничто никогда не удавалось.

Поэтому, полагая, что вы настроены таким образом и настроены на должный лад, я рекомендую"[610] и т. д.

Это истинно демосфеновская жилка увещевания, с неослабевающей силой проходящая через "Филиппики" и "Олинфики" и стремящаяся возродить то сочетание, которым Перикл хвастался как установленным фактом в афинском характере[611], - энергичное индивидуальное действие, следующее за полноценным общественным обсуждением и коллективным решением. Как часто здесь и в других местах оратор обличает бесполезность голосования в общественном собрании, даже после того, как оно было проведено, - если граждане по отдельности сдерживались и не желали уставать или нести денежные тяготы, необходимые для исполнения! Демус в Пниксе (если воспользоваться аристофановским сравнением)[612] все еще оставался панихидником и патриотом, в то время как дома Демус считал, что город благополучно дойдет сам, без всяких жертв с его стороны, и что он волен погрузиться в свое имущество, семью, религию и отдых. И так Афины действительно могли бы жить дальше, наслаждаясь свободой, богатством, утонченностью и индивидуальной безопасностью, если бы греческий мир был гарантирован от грозного македонского врага извне.

Именно в следующем году, когда тревога по поводу Персии улеглась, афиняне были призваны обсудить противоречивые заявления Спарты и Мегалополя. Успех фокийцев, казалось, не позволит Фивам, особенно пока их войска под командованием Паммена отсутствовали в Азии, вмешиваться в дела Пелопоннеса для защиты Мегалополя. Даже в Афинах были политики, которые с уверенностью предсказывали грядущее унижение Фив,[613] вместе с освобождением и восстановлением тех беотийских городов, которые она теперь держала в зависимости - Орхомена, Феспии и Платеи; предсказания были сердечно встречены мисо-фиванскими настроениями в Афинах. Спартанцам казалось, что наступил благоприятный момент для разрушения Мегалополя и возвращения Мессены; в этой схеме они надеялись заинтересовать не только Афины, но и Элиду, Флию и некоторые другие пелопоннесские государства. Афинам они предлагали помощь в возвращении Оропа, который уже около двенадцати лет находился в руках фиванцев; Элису и Флию они также предлагали помощь в отвоевании соответственно Трифилии и Трикаранума у аркадян и аргейцев.[614] Эта политическая комбинация была горячо поддержана значительной частью афинской партии; ее рекомендовали не столько из-за неприязни к Фивам, сколько из-за желания вернуть пограничный город Ороп. Но против этого выступали и другие, в том числе Демосфен, которого никакие уловки не могли склонить к тому, чтобы согласиться на восстановление лакедемонской власти в том виде, в каком она существовала до битвы при Лектре. В афинском собрании дискуссия была оживленной и даже яростной; посланцы из Мегалополя, как и посланцы из Спарты, находили в ней горячих сторонников[615].

Демосфен занимает среднюю позицию между ними, но на самом деле выступает за защиту Мегалополя от спартанского завоевания. В этой оратории (как и в оратории De Symmoriis, за год до этого) мы отмечаем отсутствие намека на Филиппа; этот момент следует отметить как свидетельство постепенного изменения точки зрения Демосфена. Все приводимые аргументы касаются эллинских и афинских интересов, без ссылки на вероятность военных действий извне. Фактически Демосфен утверждает, как позицию, которую никто не оспаривает, что в интересах Афин и Спарта, и Фивы должны быть слабыми; ни одна из них не в состоянии нарушить ее безопасность;[616] - позиция, к сожалению, но слишком хорошо признанная среди всех ведущих греческих государств в их взаимных отношениях друг с другом, что делает панэллинскую совокупность сравнительно беззащитной перед Филиппом или любым искусным агрессором извне. Однако, утверждая общую максиму, сомнительную и опасную саму по себе, Демосфен не выводит из нее ничего, кроме разумных последствий. Что касается Спарты, то он настаивает лишь на сохранении ее *statu quo* и неприкосновенности независимости Мегалополя и Мессены. Его не

заставят отдать ей эти два города даже соблазнительные перспективы помощи Афинам в возвращении Оропа и в возрождении автономии беотийских городов. В тот момент среди афинской публики преобладала антипатия к Фивам, сочетавшаяся с определенной симпатией к Спарте, которой они помогли в битве при Мантинее против мегалополитов.[617] Разделяя эти настроения,[618] Демосфен не хочет, чтобы его соотечественники были введены ими в заблуждение. Он рекомендует Афинам самим принять фиванскую политику в отношении Мегалополя и Мессены, чтобы защитить эти два города от Спарты; тем более что таким образом фиванцы будут исключены из Пелопоннеса, а их общее влияние сузится. Он даже заходит так далеко, что говорит, что если Спарте удастся вновь завоевать Мегалополь и Мессену, Афины должны снова стать союзниками фиванцев, чтобы сдержать ее дальнейшее усиление[619].

Насколько мы можем судить по несовершенным сведениям, похоже, что мнение Демосфена не возобладало, и афиняне отказались от защиты Мегалополя от Спарты, поскольку вскоре мы видим, что фиванцы продолжают предоставлять эту защиту, как и раньше. Агрессивные планы Спарты, по-видимому, были выдвинуты в тот момент, когда фокийцы под командованием Ономарха настолько решительно превосходили Фивы, что поставили этот город в затруднительное положение. Но превосходство фокийцев вскоре было ослаблено столкновением с более грозным врагом - Филиппом Македонским.

Этот принц уже частично вмешивался в фессалийские дела,[620] подстрекая Эвдикуса и Симуса, вождей алеуадеев Лариссы, против Ликофрона, деспота Феры. Но недавнее приобретение Метона позволило ему расширить свои завоевания на юг и привлечь более значительные силы к борьбе с фессалийскими раздорами. В этой стране большие города, как обычно, боролись за господство и удерживали в подчинении меньшие с помощью гарнизонов, а Ликофрон из Фере прилагал все усилия, чтобы вернуть себе то превосходство над всей страной, которым когда-то владели Ясон и Александр. Теперь Филипп вошел в страну и напал на него так энергично, что вынудил его обратиться за помощью к фокийцам. Ономарх, к тому времени одержавший победу над фиванцами и овладевший Фермопилами, был заинтересован в том, чтобы помешать дальнейшему продвижению Филиппа на юг и расширить свое собственное господство. Он послал в Фессалию семитысячный отряд под командованием своего брата Фаила, чтобы поддержать Ликофрона. Но Фаиллус потерпел полное фиаско: Филипп разбил его и изгнал из Фессалии, так что Ликофрон Ферейский оказался в большей опасности, чем когда-либо. В связи с этим Ономарх сам отправился туда со всеми силами фокийцев и иностранных наемников. Началась упорная и, похоже, затяжная борьба, в ходе которой он поначалу одержал убедительную победу. Он разбил Филиппа в двух сражениях, понеся столь тяжелые потери, что македонская армия была выведена из Фессалии, а Ликофрон со своими фокейскими союзниками остался хозяином страны[622].

За этим большим успехом фокейского оружия последовали дальнейшие победы в Беотии. Ономарх возобновил вторжение на эту территорию, разбил фиванцев в битве и стал хозяином Коронеи в дополнение к Орхомену, которым он владел до этого.[623] Похоже, что фиванцы в это время лишились большей части своих сил, которые служили в Азии под началом Артабаза и которые, возможно, из-за этих самых неудач, они вскоре отозвали. Фокийцы, напротив, находились на пике своего могущества. На этот момент, вероятно, приходится агрессивная комбинация спартанцев против Мегалополя и дебатов, о которых уже говорилось, в афинском собрании.

Филипп некоторое время находился в замешательстве после поражения в Фессалии. Его солдаты, обескураженные и даже мятежные, вряд ли согласились бы остаться под его знаменами. Большими усилиями и одухотворенными увещеваниями ему, наконец, удалось их оживить. После некоторого перерыва на восстановление и подкрепление он со свежей армией вошел в Фессалию и возобновил свои действия против Ликофрона; тот был вынужден снова просить помощи у

Ономарха и обещать, что вся Фессалия впредь будет находиться под его властью. Ономарх, соответственно, присоединился к нему в Фессалии с большой армией, состоявшей, как говорят, из двадцати тысяч пеших и пятисот конных. Но в этой стране он встретил более упорное сопротивление, чем прежде; жестокая династия Фере, вероятно, злоупотребила своей предыдущей победой, усугубив насилие и хитрость, чтобы бросить в объятия врага множество изгнанников. Когда Филипп вошел в Фессалию с новой армией, фессалийцы так горячо поддержали его, что вскоре он оказался во главе армии из двадцати тысяч пеших и трех тысяч конных. Ономарх встретил его в поле, где-то у южного побережья Фессалии; он не сомневался в успехе, как из-за своих недавних побед, так и из-за соседства с афинским флотом под командованием Хареса, сотрудничавшим с ним. Здесь произошло сражение, в котором упорно противостояли две армии, почти равные по численности пехоты. Филипп возвеличил мужество своих солдат, украсив их лавровыми венками, [624] как крестоносцев на службе богу против разорителей Дельфийского храма; фессалийцы же, сформировав лучшую в Греции конницу и сражаясь с искренней доблестью, дали решающее преимущество его делу. Поражение войск Ономарха и Ликофрона было полным. Шесть тысяч из них были убиты, три тысячи взяты в плен; остальные спаслись либо бегством, либо бросив оружие, и вплавь добрались до афинских кораблей. Сам Ономарх погиб. По одним данным, его убили собственные наемники, спровоцированные его трусостью; по другим - он утонул, будучи унесенным в море непокорной лошадью, и пытался бежать к кораблям. Филипп приказал распять его мертвое тело, а всех пленников утопил как людей, виновных в святотатстве [625].

Эта победа принесла Филиппу славу мстителя за дельфийского бога и стала важным этапом в его карьере возвеличивания. Она не только положила конец власти фокейцев к северу от Фермопил, но и окончательно сокрушила могущественную династию Фере в Фессалии. Филипп осадил этот город, после чего Ликофрон и Пейтолай, окруженные враждебным населением и неспособные к длительной обороне, капитулировали и сдали его, уйдя со своими наемниками в количестве двух тысяч человек в Фокис. [626] Овладев Ферами и провозгласив их свободным городом, Филипп приступил к осаде соседнего города Пагасэ, самой ценной морской станции в Фессалии. Как долго Пагасэ сопротивлялся, мы не знаем, но достаточно долго, чтобы послать уведомление в Афины с мольбами о помощи. Афиняне, встревоженные последовательными завоеваниями Филиппа, были полны решимости не допустить захвата этого важного пункта, что вполне позволяла сделать их военно-морская мощь. Но и здесь (как и в предыдущих примерах с Пидной, Потидеей и Метонем) отвращение граждан к личной службе и препятствия в распределении повинностей и расходов, когда требовался реальный поход, привели к неприятному результату: хотя экспедиция была назначена и отправлена, она не прибыла вовремя. [627] Пагас сдался и перешел во власть Филиппа, который укрепил и гарнизонировал его для себя, став таким образом хозяином Пагасского залива, великого морского входа в Фессалию.

Вероятно, некоторое время Филипп был занят тем, что укреплял свое господство над Фессалией. Но как только для этого были приняты достаточные меры предосторожности, он попытался закрепить свое преимущество над фокийцами, вторгнувшись на их собственную территорию. Он двинулся к Фермопилям, по-прежнему провозглашая своей целью освобождение Дельфийского храма и наказание святотатственных грабителей; в то же время он примирился с фессалийцами, пообещав восстановить Пилею, или полугодовой амфикионийский праздник в Фермопилях, который фокийцы прекратили. [628] Фокийцы, хотя и были хозяевами этого почти неприступного перевала, но, похоже, были настолько удручены своим недавним поражением и смертью Ономарха, что не чувствовали себя в состоянии долго удерживать его. Весть о такой опасности, переданная в Афины, вызвала необычайное волнение. Важность защиты Фермопил и запрета победоносному царю Македонии вступать в сотрудничество с фиванцами на южной стороне, [629] не только против фокийцев, но, вероятно, и против Аттики, ощущалась так сильно, что обычные

колебания и промедления афинян в отношении военных экспедиций были преодолены. Главным образом по этой причине - но отчасти, надо полагать, и из-за досадного разочарования, постигшего недавно при попытке освободить Пагас, - афинское войско под командованием Наусикла (не менее пяти тысяч пеших и четырехсот конных, согласно Диодору[630]) было снаряжено с не меньшей энергией и быстротой, чем за семь лет до этого против фиванцев в Эвбее. Афинские граждане сбросили с себя летаргию и немедленно вызвались добровольцами. Они вовремя достигли Фермопил, приведя перевал в такое состояние обороны, что Филипп вообще не стал его атаковать. Часто впоследствии Демосфен, [631] борясь с общим безразличием своих соотечественников при возникновении военных трудностей, напоминал им об этом неожиданном акте энергичного движения, увенчавшегося полным эффектом. Афинянам удалось почти без потерь обезопасить себя и своих союзников от очень опасной ситуации, просто благодаря скорости своих действий. Общая стоимость вооружения составила более двухсот талантов, и из того, что Демосфен подчеркивает ту часть расходов, которая была покрыта солдатами в частном порядке и индивидуально, [632] можно сделать вывод, что эти солдаты (как и в сицилийской экспедиции при Никии [633]) были в значительной степени богатыми гражданами. Среди части греческой публики, однако, афиняне вызвали злословие как соучастники фокийского святотатства и враги дельфийского бога [634].

Но хотя Филиппа таким образом не пустили в Южную Грецию, а фокийцы получили возможность реорганизоваться против Фив, в Фессалии и за Фермопильским проливом македонское превосходство отныне было неоспоримым фактом. Однако прежде чем мы проследим его дальнейшие действия, будет удобно обратиться к событиям как в Фокисе, так и в Пелопоннесе.

В подавленном состоянии фокейцы после поражения Ономарха получили подкрепление не только из Афин, но и из Спарты (тысяча человек), а также от пелопоннесских ахейцев (две тысячи человек [635]). Фаил, преемник (некоторые называют его братом) Ономарха, снова оказался в состоянии обороны. В третий раз он прибегнул к еще не исчерпанным запасам - дельфийским сокровищам и ценностям. Он опустошил храм в большей степени, чем Филомел, и не в меньшей, чем Ономарх; его одиозность усугублялась тем, что он не мог теперь прокормить себя, не прибегая к подношениям выдающегося великолепия и древности, которые пощадили два его предшественника. Так, великолепные золотые донативы лидийского царя Крёза были переплавлены и превращены в деньги: сто семнадцать кирпичей или слитков золота, большинство из которых весили по два таланта каждый; триста шестьдесят золотых кубков, а также женская статуя высотой в три локтя и лев из того же металла - говорят, что в общей сложности они весили тридцать талантов. [636] Изъятие таких украшений, поразительных и почтенных в глазах многочисленных посетителей храма, несомненно, глубоко переживалось греческой публикой. Негодование усугублялось тем, что прекрасные юноши и девушки, любимцы Ономарха или Фаила, получали самые ценные подарки и носили самые знатные украшения, украшавшие храм, - даже ожерелья Елены и Эрифилы. Одна женщина, флейтистка по имени Бромияс, не только получила от Фаила серебряный кубок и золотой венок (первый был посвящен в храме фокейцами, второй - пепаретцами), но и была представлена им в качестве распорядителя пифийского праздника для состязания за приз в исполнении священного гимна. Поскольку в состязаниях на этот приз всегда участвовали мужчины, собравшаяся толпа так громко возмущалась нововведением, что Бромияс был вынужден удалиться. [637] Более того, обильные щедроты и вопиющие злоупотребления стали как никогда известны. [638] Фокийские вожди с показным упорством демонстрировали свое вновь приобретенное богатство и либо впервые ввозили купленных рабов, либо, по крайней мере, значительно умножали их число. В Фокисе, как нам говорят, и раньше было принято, чтобы богатым людям прислуживали бедные молодые свободные жители страны; среди последних возникли жалобы на то, что у них таким образом отбирают хлеб насущный [639].

Несмотря на возмущение, вызванное этими действиями не только во всей Греции, но даже в самом Фокисе, Филл добился своего, набрав новую армию наемников и заключив новые союзы между небольшими городами. Афины и Спарта получили большую или меньшую выгоду от этого распределения; хотя стоимость афинской экспедиции в Фермопилы, которая спасла фокийцев от уничтожения, очевидно, была оплачена самими афинянами.[640] Файлл некоторое время вел войну против беотийцев и локрийцев. Диодор считает, что он проиграл несколько сражений. Но несомненно, что общий результат не был неблагоприятным для него; что он сохранил Орхомен в Беотии; и что его власть осталась без существенного ослабления[641].

Напряжение войны, похоже, на время было перенесено в Пелопоннес, где часть фокейских и фиванских войск отправилась на сотрудничество. Лакедемоняне открыли кампанию против Мегалополя, о которой я уже говорил, что она обсуждалась в афинском общественном собрании. Их план, похоже, был разработан за несколько месяцев до этого, когда Ономарх находился на пике своего могущества, и Фивы, как предполагалось, были в опасности; но он не был осуществлен до его поражения и смерти, когда фокийцы, подавленные на время, были спасены только благодаря быстрому вмешательству Афин, - и когда фиванцы имели сравнительно свободные руки. Более того, можно предположить, что фиванское подразделение, отправленное в Азию под командованием Паммена за год или два до этого для помощи Артабазу, теперь вернулось; тем более что мы знаем, что спустя совсем немного времени после этого Артабаз предстает полностью разбитым персидскими войсками, изгнанным из Азии и вынужденным укрыться вместе со своим шурином Мемноном под защитой Филиппа.[Мегалополисы отправили посланников просить помощи у Афин, опасаясь, что Фивы не смогут им помочь. Можно сомневаться, что Афины удовлетворили бы их просьбу, несмотря на совет Демосфена, но фиванцы теперь снова стали достаточно сильны, чтобы поддерживать своими силами своих естественных союзников в Пелопоннесе.]

Поэтому, когда лакедемонская армия под командованием царя Архидама вторглась на территорию Мегалополя, для противостояния ей вскоре были собраны компетентные силы: частично аргейцы, которые в течение предыдущего года вели пограничную войну со Спартой и потерпели частичное поражение при Орнее,[643] частично сикионцы и мессенцы, которые прибыли в полном составе. Кроме того, в Пелопоннес с обеих сторон были переброшены силы из Беотии и Фокиса. Фиванцы отправили на помощь Мегалополю четыре тысячи пеших и пятьсот конных под командованием Кефисия; спартанцы же не только отозвали свои войска из Фокиса, но и получили три тысячи наемников, находившихся на службе у Фаила, и сто пятьдесят фессалийских коней от Ликофрона, изгнанного деспота из Фере. Архидам получил подкрепление и собрал все свои силы раньше противника. Сначала он продвинулся в Аркадию, где расположился у Мантинеи, отрезав аргейцев от Мегалополя; затем он вторгся на территорию Аргоса, напал на Орнею и нанес аргейцам частичное поражение. Вскоре прибыли фиванцы и соединились со своими аргейскими и аркадскими союзниками. Объединенные силы значительно превосходили лакедемонян по численности, но это превосходство было уравновешено плохой дисциплиной фиванцев, которая сильно упала в этом отношении за десять лет, прошедших со смерти Эпаминонда. Последовало сражение, в котором частично выиграли лакедемоняне, а аргейцы и аркадяне предпочли разойтись по домам в свои соседние города. Лакедемоняне, опустошив часть Аркадии и взяв штурмом аркадский город Гелисс, вскоре пересекли свою границу и вернулись в Спарту. Однако они оставили в Аркадии дивизию под командованием Анаксандра, который, вступив в бой с фиванцами у Тельфуса, понес большие потери и попал в плен. В двух других сражениях фиванцы также последовательно одерживали победы, а в третьем их победили лакедемоняне. С таким равновесным и нерешительным успехом продолжалась война, пока, наконец, лакедемоняне не предложили и не заключили мир с Мегалополем. Формально или косвенно они были вынуждены признать автономию этого города, отказавшись,

по крайней мере на время, от своих агрессивных целей, с которыми Демосфен боролся и которые пытался сорвать перед афинским собранием. Фиванцы со своей стороны вернулись домой, выполнив свою задачу по защите Мегалополя и Мессены; можно предположить, что фокейские союзники Спарты также были отправлены домой[644].

Война между беотийцами и фокийцами, несомненно, ослабла во время этого эпизода в Пелопоннесе, но она все еще продолжалась в виде ряда частичных сражений на реке Кефисс, в Коронее, в Абэ в Фокисе и у локрийского города Нарикса. В основном фокийцы потерпели поражение, а их полководец Фаиллус вскоре умер от мучительной болезни - подходящее наказание (с точки зрения греческого историка[645]) за свои святотатственные деяния. Он оставил своим преемником Фалека, молодого человека, сына Ономарха, под опекой и по совету опытного друга по имени Мнасеас. Но вскоре Мнасей был застигнут фиванцами ночью, побежден и убит, а Фалекус, оставленный на произвол судьбы, потерпел поражение в двух битвах под Херонеей и не смог помешать своим врагам опустошить значительную часть фокийской территории[646].

О последовательных событиях этой десятилетней Священной войны мы знаем только из скудных анналов Диодора, чьи горячие симпатии в пользу религиозной стороны вопроса, похоже, привели его к преувеличению побед фиванцев или, по крайней мере, к некоторому упущению уравнивающих их поражений. Ведь, несмотря на эти последовательные победы, фокийцы ни разу не были разбиты, но продолжали владеть беотийским городом Орхоменом; кроме того, фиванцы настолько устали и обеднели в результате войны, что ограничились лишь пустыми набегам и стычками.[647] Их потери полностью ложились на собственных граждан и их средства, в то время как фокийцы сражались с иностранными наемниками и сокровищами храма. 648] Растущая бедность фиванцев даже побудила их отправить посольство к персидскому царю с просьбой о денежной помощи, которое получило от него подарок в размере трехсот талантов. Поскольку в это время он организовывал новую экспедицию огромного масштаба для повторного завоевания Феникии и Египта после нескольких предыдущих неудач, ему требовались греческие солдаты в той же мере, в какой греки требовали его денег. Поэтому мы увидим, что фиванцы смогли прислать ему эквивалент.

В войне на лаконской и аркадской границе, о которой мы только что рассказали, афиняне не принимали никакого участия. Их борьба с Филиппом становилась от месяца к месяцу все более серьезной и неудобной. Вовремя заняв обороняемый Фермопильский проход, они, правда, помешали ему и разгромить фокийцев, и вмешаться в дела южных государств Греции. Но последняя битва, в которой он одержал победу над Ономархом, значительно укрепила его власть и военную репутацию. Численность обеих сторон была очень велика; результат был решающим и губительным для побежденных; кроме того, мы не можем сомневаться, что македонская фаланга с другими военными усовершенствованиями и маневрами, которые Филипп постепенно организовывал с момента своего воцарения, теперь была продемонстрирована в грозной эффективности. Царь Македонии стал возвышающимся воином и владыкой, витающим на задворках греческого мира, вызывая страх или надежду, или и то и другое сразу, в каждом городе по всей его территории. В первом филиппике Демосфена и в его оратории против Аристократа (произнесенной между серединой лета 352 года до н. э. и серединой лета 351 года до н. э.) мы видим явные признаки ужаса, который Филипп внушал греческим политикам в течение года после своего поражения при Фермопилах. "Афины не могут (говорит оратор[649]) предоставить ни одного сухопутного войска, способного противостоять Филиппу в полевых условиях".

Репутация его полководческого искусства и неутомимой деятельности была уже повсюду; так же как и репутация офицеров и солдат, частично коренных македонцев, частично избранных греков, которых он собрал вокруг себя,[650] особенно лохагов или передовых людей фаланги и гипаспистов. Более того, отличная фессалийская конница отныне стала одним из элементов

македонской армии, поскольку Филипп приобрел неограниченное превосходство в этой стране после изгнания фессалийских деспотов и их помощников - фокийцев. Фило-македонская партия в фессалийских городах сделала его федеральным вождем (или в некотором роде тагом) страны, не только зачислив их конницу в свои армии, но и предоставив в его распоряжение таможенные и рыночные сборы, которые составляли постоянный общий фонд для поддержки фессалийского коллективного управления.^[651] Финансовые средства Филиппа для оплаты его иностранных войск, и осуществления его военных предприятий, таким образом, были значительно увеличены.

Но помимо неодолимой сухопутной силы Филипп теперь обладал и немалой морской мощью. В первые годы войны, хотя он взял не только Амфиполь, но и все афинские владения на македонском побережье, экспорт с его территории был прерван военно-морскими силами Афин, что серьезно уменьшило доходы от его экспортных пошлин.^[652] Но теперь он сумел собрать достаточное количество вооруженных кораблей и каперов, чтобы если не отвести такой ущерб от себя, то хотя бы отплатить за него Афинам. Ее флот, правда, все еще был несравненно лучше, но вялость и беспечность ее граждан не позволяли использовать его с пользой; в то время как Филипп открыл для себя новый путь к морскому могуществу, овладев Ферами и Пагасом и установив свое господство над магнатами и их территорией, прилегающей к восточной границе Пагасейского залива. Этот залив (ныне известный под названием Воло) до сих пор является большим входом и выходом для фессалийской торговли; восточное побережье Фессалии, вдоль горы Пелион, скалистое и без гаваней.^[653] Морские силы, принадлежавшие Фере и ее морскому порту Пагасе, были очень значительны, и были таковыми еще со времен деспотов Ясона и Александра;^[654] в какой-то момент это болезненно ощутили даже Афины. Все эти корабли перешли на службу Филиппу, вместе с пошлинами на экспорт и импорт, взимаемыми вокруг Пагасейского залива; командование которыми он обеспечил, возведя подходящие укрепления на магнезийском берегу и разместив гарнизон в Пагасе.^[655] Такие дополнительные военно-морские средства, в сочетании с теми, которыми он уже обладал в Амфиполе и других местах, быстро сделали его раздражающим, если не грозным, для Афин даже на море. Его триремы появлялись повсюду, вероятно, небольшими и быстро перемещающимися эскадрами. Он взимал большие контрибуции с островных союзников Афин и оплачивал военные расходы в значительной степени за счет захвата торговых судов в Эгейском море. Его эскадры совершали набеги на афинские острова Лемнос и Имброс, захватив в плен несколько афинских граждан. Они дошли на юг до Герестуса, южного мыса Эвбеи, где не только столкнулись и захватили прибыльную эскадру кукурузных кораблей, но и оскорбили побережье самой Аттики в противоположной бухте Марафона, отбуксировав в качестве приза одну из священных трирем.^[656] Таковы были беды, которые успешно причиняли летучие эскадры Филиппа, хотя Афины, вероятно, имели значительное количество крейсеров на море и, конечно, гораздо большее количество кораблей дома в Пейреусе. Ее торговля и даже побережье были нарушены и поставлены под угрозу; ее союзники по острову пострадали еще больше. Особенно Эвбея, ближайшая и самая важная из всех ее союзников, отделенная лишь узким проливом от Пагасейского залива и южного побережья Фтиотиса, теперь находилась в пределах досягаемости не только мародерских судов Филиппа, но и его политических интриг.

Таким образом, война с Филиппом становилась все более и более позорной и невыгодной для афинян. Хотя они начали ее в надежде наказать его за двуличие в присвоении Амфиполя, они сами оказались проигравшими в результате захвата Пидны, Потидеи, Метона и т. д.; и теперь они были брошены на оборону, не обеспечивая безопасности ни своих морских союзников, ни своей торговли, ни своих берегов.^[657] Известия об этих различных потерях и оскорблениях, нанесенных на море, несмотря на бесспорное морское превосходство,

вызывали в Афинах яростные жалобы на генералов государства и преувеличенные вспышки вражды против Филиппа. [658] Этот принц, проведя несколько месяцев после отпора у Фермопиллы в Фессалии и настолько утвердив свое господство над этой страной, что мог оставить завершение задачи своим офицерам, с присущей ему активностью двинулся во Фракию. Там он принимал участие в спорах между различными местными князьями, изгоняя одних, утверждая или ставя других и расширяя свою собственную власть за счет всех. [659] Среди этих князей, вероятно, были Керсоблепты и Амадоки, так как Филипп довел свою агрессию до непосредственной близости от фракийского Херсонеса.

В ноябре 352 г. до н. э. в Афины поступили сведения, что во Фракии осаждает Херен-Тейхос, место, расположенное так близко к Херсонесу, [660] что афинским владениям и колонистам на этом полуострове угрожала серьезная опасность. Тревога и волнение, вызванные этим известием, были столь велики, что в общественном собрании немедленно было принято решение снарядить флот из сорока трирем, укомплектовать его афинскими гражданами, обязав всех лиц в возрасте до сорока пяти лет служить в экспедиции, и собрать шестьдесят талантов прямым налогом на имущество. Поначалу были предприняты активные шаги для ускорения вооружения. Но прежде чем удалось преодолеть трудности, связанные с деталями, - прежде чем среди всеобщего отвращения к личной службе удалось определить, какие граждане должны отправиться за границу и как следует распределить бремя триерархии, - из Херсонеса прибыли новые гонцы, сообщившие сначала, что Филипп заболел, а затем, что он действительно умер. [661] Последнее сообщение оказалось ложным; но болезнь Филиппа была фактом, и, похоже, достаточно серьезным, чтобы временно приостановить его военные действия. Хотя возможность напасть на Филиппа стала еще более благоприятной, афиняне, уже не подстегиваемые страхом перед дальнейшей непосредственной опасностью, впали в прежнюю вялость и отказались или отложили намеченное вооружение. Проведя в бездействии все последующее лето, в сентябре 351 года они смогли убедить себя отправить во Фракию лишь слабый отряд под командованием наемника Харидема; десять трирем без солдат на борту и не более пяти талантов денег [662].

В это время Харидем находился на пике своей популярности. Предполагалось, что он может собрать и содержать отряд наемников благодаря собственной изобретательности и доблести. Его друзья уверенно утверждали перед афинским собранием, что он единственный человек, способный победить Филиппа и завоевать Амфиполь. [663] Один из этих сторонников, Аристократ, даже зашел так далеко, что предложил провести голосование, обеспечивающее неприкосновенность его личности и устанавливающее, что любой, кто убьет его, должен быть схвачен, где бы его ни нашли на территории Афин или их союзников. Это предложение подверглось судебной атаке со стороны обвинителя по имени Эвтикл, который позаимствовал памятное высказывание из-под пера Демосфена.

Таким образом, реальная болезнь и смерть Филиппа, которые должны были послужить стимулом для афинян, показав им их врага в момент особой слабости, оказались скорее опиатом, преувеличивающим их хроническую вялость и обманывающим их в убеждении, что дальнейшие усилия не нужны. Это убеждение, похоже, провозглашали ведущие, наиболее известные и высокопоставленные ораторы, те, кто задавал тон общественному собранию и на кого в основном полагались в поисках совета. Эти люди - вероятно, Эвбул во главе их, а вместе с ним и Фокион, которого так часто называли генералом, - либо не чувствовали, либо не могли заставить себя провозгласить болезненную необходимость личной военной службы и увеличения налогов. И хотя неоднократно обсуждались оскорбления, нанесенные Афинам в связи с их морским достоинством, и страдания союзников, которым они обязаны защитой, - в сочетании с обвинениями в адрес генералов и жалобами на неэффективность

наемных иностранцев, которых Афины брали на службу, но никогда не платили, - все же признанные государственные советники не решались взывать к дремлющему патриотизму или личной стойкости граждан. Серьезную, но необходимую обязанность, которую они таким образом упустили, за них выполнил более молодой конкурент, намного ниже их по положению и влиянию, - Демосфен, которому сейчас было около тридцати лет, - в речи, известной как первый "Филиппик".

Мы уже видели этого честолобца в качестве общественного советника в собрании. В своей первой парламентской речи за два года до этого[664] он начал прививать своим соотечественникам общий урок энергии и уверенности в себе, а также напоминать им о том, что комфорт, активность и мирная утонченность афинской жизни имели постоянную тенденцию скрывать от глаз: - что город в целом не сможет поддерживать свою безопасность и достоинство против врагов, если каждый гражданин в отдельности, помимо своих домашних обязанностей, не будет готов с готовностью и без уклонения взять на себя свою долю тягот и расходов, связанных с личной службой за границей.[665] Но тогда он был призван рассматривать (в своем рассуждении *De Symmoriis*) только случайность персидских военных действий, действительно возможных, но не близких и не объявленных; теперь он возобновляет то же самое увещевание в более насущных обстоятельствах. Ему приходится защищать уже пострадавшие интересы и отражать бесчестные оскорбления, которые с каждым месяцем становятся все более частыми, со стороны неутомимого врага. Несколько собраний были заняты жалобами страдальцев, среди публики царило чувство незаслуженной досады и беспомощности - и при этом никакого материального утешения от ведущих и авторитетных ораторов; они довольствовались тем, что возмущались небрежностью наемников, которых Афины взяли на службу, но так и не заплатили, и угрожали импичментом генералам. Собрание, утомленное повторением тем, не обещающих никаких улучшений в будущем, созывается, вероятно, для того, чтобы выслушать очередной случай нанесения ущерба македонскими крейсерами, когда Демосфен, нарушив обычные формальности старшинства, поднимается первым, чтобы обратиться к ним.

Когда-то в Афинах было принято, что глашатай официально провозглашал при открытии публичного собрания: "Кто из граждан старше пятидесяти лет желает выступить? А после них - кто из других граждан в свою очередь?"[666] Хотя это старое провозглашение уже не использовалось, все еще сохранялась привычка, что ораторы преклонного возраста и опыта поднимались первыми после того, как председательствовавшие магистраты открывали дебаты. Но отношения Афин с Филиппом обсуждались так часто, что все эти люди уже высказали свое мнение и исчерпали свои рекомендации. "Если бы их рекомендации были хороши, вам не пришлось бы сейчас снова обсуждать ту же тему"[667], - говорит Демосфен в качестве извинения за то, что он выступил вне своей очереди, чтобы высказать собственное мнение.

Его взгляды действительно были настолько новыми, настолько независимыми от партийных симпатий или антипатий, настолько откровенными в комментариях к прошлому и в требованиях к будущему, что вряд ли их мог бы предложить разве что оратор, инстинктивно проникшийся идеалом периклийского времени, знакомым ему по изучению Фукидида. В недвусмысленных выражениях Демосфен возлагает вину за общественные несчастья не только на прошлых советников и полководцев народа, но и на сам народ.[668] Именно с этого провозглашенного факта он начинает, как с главного основания для надежды на будущее улучшение. Раньше Афины с честью сражались с лакедемонянами, а теперь они обменивают позор на победу в войне с Филиппом, если граждане в отдельности избавятся от своей прошлой инертности и небрежности, и каждый из них впредь будет готов взять на себя

всю долю личного долга в общем деле. Афины пережили достаточно унижений, и даже больше, чем достаточно, чтобы преподать ей этот урок. Она могла бы узнать его и от своего врага Филиппа, который поднялся с малых высот и принес ей потери и позор, главным образом благодаря своей личной энергии, упорству и способностям; в то время как афинские граждане до сих пор были настолько отсталыми как личности и настолько неподготовленными как общество, что даже если бы счастливый поворот фортуны вручил им Амфиполь, они не были бы в состоянии захватить его. Если бы слух о том, что этот Филипп мертв, оказался правдой, они вскоре нашли бы себе другого Филиппа, столь же беспокойного" [669].

Сурово отозвавшись о былой апатии граждан и настаивая на необходимости перемены нравов, Демосфен переходит к конкретным действиям, в которых должна проявиться эта перемена. Он просит их не пугаться новизны его плана, а терпеливо выслушать его до конца. Это результат его собственных размышлений; другие граждане могут предложить что-то лучшее; если они это сделают, то он не должен стоять у них на пути. Что прошло, того не воротишь; да и вневременная речь - не лучший способ найти средства защиты для трудного будущего"[670].

Прежде всего он советует немедленно привести в готовность флот из пятидесяти трирем; граждане должны твердо решить лично служить на борту, когда этого потребует случай; триремы и другие суда должны быть специально оборудованы для половины всадников города, которые также должны служить лично. Это войско должно быть готово отплыть в любой момент и встретить Филиппа в любом из его внезапных походов - в Херсонес, в Фермопилы, в Олинф и т. д.[671]

Во-вторых, немедленно выступить с более дальними постоянными силами, чтобы занять агрессивную позицию и вести активную непрерывную войну против Филиппа, преследуя его в различных пунктах его собственной страны. Двух тысяч пехоты и двухсот конников будет достаточно, но необходимо, чтобы четвертая часть - пятьсот первых и пятьдесят вторых - были гражданами Афин. Остальные должны быть иностранными наемниками; десять быстроходных парусных военных трирем также должны быть предоставлены для защиты транспортов от морских сил Филиппа. Граждане должны служить по очереди, подкрепляя друг друга; каждый - в течение заранее установленного времени, но никто - в течение очень долгого времени.[672] Затем оратор приступает к подсчету стоимости такого постоянного войска на один год. Он назначает каждому моряку и каждому пешему воину по десять драхм в месяц, или по два обола в день; каждому всаднику - по тридцать драхм в месяц, или по одной драхме (шесть оболов) в день. Разницы между афинским гражданином и иностранцем нет. Назначенная сумма - это не полное жалованье, а просто расходы на содержание каждого человека. В то же время Демосфен обещает, что если государство выделит столько, то остаток полного жалованья (или еще столько же) будет восполнен тем, что солдаты сами приобретут на войне; и это без ущерба для союзников или нейтральных греков. Общая сумма ежегодных расходов составит девяносто два таланта (= около 22 000 фунтов стерлингов). Он не дает никакой оценки вероятной стоимости другого вооружения - пятидесяти трирем, которые должны быть оснащены и готовы в любой момент для чрезвычайных ситуаций, но не отправлены на постоянную службу.

Его следующая задача - определить пути и средства для покрытия этих дополнительных расходов в размере девяноста двух талантов. Здесь он составляет и зачитывает собранию специальную финансовую схему, составленную в письменном виде. Не будучи фактически воплощенной в речи, эта схема, к сожалению, утеряна; хотя ее содержание могло бы существенно помочь нам оценить взгляды Демосфена.[673] Она должна была быть более или

менее сложной в деталях; это не простое предложение об *эйсфоре* или налоге на имущество, которое было бы объявлено в одной фразе речи оратора.

Предполагая, что деньги, корабли и вооружение для постоянной службы будут предоставлены, Демосфен предлагает принять официальный закон, который сделает такую постоянную службу обязательной; генерал, принимающий командование, будет отвечать за эффективное использование сил.[674] Острова, морские союзники и торговля в Эгейском море станут безопасными, а прибыли Филиппа от морских захватов будут задержаны.[На время зимы или непогоды штаб-квартиры вооруженных сил могли быть размещены на Скиатосе, Тасосе, Лемносе или других прилегающих островах, откуда они могли в любое время действовать против Филиппа на его собственном побережье; в то время как из Афин было трудно добраться туда ни во время преобладания этезианских ветров, ни зимой - в сезоны, которые обычно выбирал Филипп для своих нападений][676].

Совокупность афинских средств (по утверждению Демосфена) - людей, денег, кораблей, гоплитов, всадников - была больше, чем где-либо еще. Но до сих пор они никогда не использовались должным образом. Афиняне, как неуклюжие драчуны, ждали, когда Филипп нанесет удар, а затем поднимали руку, чтобы отбить его. Они никогда не стремились смотреть ему в лицо - ни заранее подготовить хорошую оборонительную систему, ни опередить его в наступательных операциях.[677] В то время как их религиозные праздники, Панафинеи, Дионисии и другие, не только отмечались с дорогой пышностью, но и организовывались с особой тщательностью, так что в момент исполнения ничего не было упущено в деталях, их военные силы оставались без организации или заранее определенной системы. Всякий раз, когда становилось известно о новом посягательстве Филиппа, не находилось ничего готового, чтобы встретить его; для каждого особого случая приходилось принимать новые указы, изменять их и приводить в исполнение; время для действий терялось на подготовку, и прежде чем силы могли быть размещены на корабле, момент для исполнения проходил.[678] Такая практика ожидания наступательных действий Филиппа, и затем отправки помощи к месту нападения, была губительна; война должна вестись постоянными силами, приведенными в движение заранее.[679]

Обеспечение и оплата такого постоянного войска - один из главных пунктов проекта Демосфена. Другим пунктом является абсолютная необходимость того, чтобы она состояла, по крайней мере в значительной степени, из граждан. К этому последнему пункту он возвращается снова и снова, настаивая на том, что иностранные наемники, отправленные зарабатывать деньги где попало и как попало, без сопровождения афинских граждан, в лучшем случае бесполезны и не заслуживают доверия. Они причиняли больше вреда друзьям и союзникам, которые приходили в ужас от одного известия об их приближении, чем врагу.[680] Генерал, не имея средств для их оплаты, был вынужден следовать за ними, куда бы они ни отправились, игнорируя приказы, полученные из города. Судить его потом за то, чему он не мог помочь, было невыгодным позором. Но если войска получали регулярное жалованье, если, кроме того, значительную часть их составляли афинские граждане, сами заинтересованные в успехе и следящие за всем, что делается, то генерал был бы признан готовым и способным энергично атаковать врага и мог бы быть привлечен к строгой ответственности, если бы этого не сделал. Только так можно было успешно бороться с грозной и постоянно растущей силой врага Филиппа. Сейчас неэффективность афинских операций была настолько нелепой, что у людей могло возникнуть искушение усомниться в том, что Афины действительно серьезно настроены. Ее главные военные офицеры - десять генералов, десять таксиархов, десять филархов и два ежегодно выбираемых гиппарха - были заняты только делами города и показными религиозными процессиями. Настоящее военное

дело они оставили иностранному полководцу по имени Менелай.^[681] Такая система была позорной. Честь Афин должна поддерживаться их собственными гражданами, как полководцами, так и солдатами.

Таковы основные положения речи, называемой Первым Филиппиком; самой ранней публичной речи, произнесенной Демосфеном перед афинским собранием в связи с войной с Филиппом. Это не просто великолепное ораторское произведение, эмфатическое и убедительное в своем обращении к эмоциям, приводящее аудиторию разными путями к главному убеждению, которое оратор стремится внушить; глубоко одушевленное подлинным панэллинским патриотизмом и достоинством этого свободного греческого мира, которому теперь угрожает чужой монарх. Кроме того, у нее есть и другие достоинства, не менее важные сами по себе и лежащие в большей степени в сфере компетенции историка. Мы видим Демосфена, которому еще только тридцать лет, молодого в политической жизни и за тринадцать лет до битвы при Херонее, точно оценивающего политические отношения между Афинами и Филиппами; изучающего эти отношения в прошлом, указывающего, как они становились с каждым годом все более неблагоприятными, и предсказывающего опасные случайности будущего, если не будут приняты лучшие меры предосторожности; С мужественной откровенностью он разоблачает не только прошлые ошибки государственных людей, но и порочные склонности самого народа, в которых коренится такое управление; наконец, после обнаружения недостатков он берет на себя ответственность предложить конкретные меры по их исправлению и настоятельно призывает нежелающих граждан к болезненному наложению личных тягот, а также налогов. Мы обнаружим, что он настаивает на одном и том же обязательстве, раздражающем как ведущих политиков, так и народ,^[682] на протяжении всех "Олинфянок" и "Филиппиков". Мы отмечаем его предупреждения, сделанные в столь ранний период, когда своевременное предотвращение было бы легко осуществимо; и его превосходство над старшими политиками, такими как Эвбул и Фокион, в благоразумной оценке, в предвидении и в смелости высказывать неприятные истины. Более чем через двадцать лет после этого периода, когда Афины проиграли игру и находились на стадии унижения, Демосфен (отвечая на обвинения тех, кто приписывал ее несчастья его плохим советам) определяет реальную степень ответственности политического государственного деятеля. Прежде всего - "видеть события в их зародыше, заранее замечать тенденции и заранее сообщать о них другим, по возможности устранять трения, препятствия, ревность и запоздалые движения, неотделимые от шествия свободного города, и вселять в граждан согласие, дружеские чувства и рвение к исполнению своих обязанностей".^[683] Одного только первого "Филиппика" достаточно, чтобы доказать, насколько справедливо Демосфен претендует на заслугу "видеть события в их зародыше" и своевременно предупреждать своих соотечественников. Он также покажет, наряду с другими доказательствами, которые будут приведены далее, что он был не менее честен и рассудителен в своих попытках выполнить оставшуюся часть долга государственного деятеля - воспитать своих соотечественников в единомышленном и решительном стремлении; в готовности не только говорить и голосовать, но и действовать и страдать против общественного врага.

Мы не знаем ни фактического хода, ни итогового голосования этих дебатов, в которых Демосфен принял столь неожиданно заметное участие. Но мы знаем, что ни одна из двух рекомендованных им положительных мер не была приведена в исполнение. Ни рабочее вооружение не было отправлено, ни домашние войска, предназначенные для мгновенного передвижения в случае необходимости, никогда не были готовы. Только в следующем

сентябре (оратория была произнесена в первой половине 351 года до н. э.) против Филиппа были посланы реальные силы; и даже тогда не было сделано ничего, кроме отправки в Херсонес вождя наемников Харидема с десятью триремами и пятью талантами денег, но без солдат.[684] Нет никакой вероятности, что Демосфен даже получил благоприятный голос собрания; хотя сильные голоса против Филиппа часто принимались без последующего исполнения.[685]

Против Демосфена, несомненно, выступали те высокопоставленные государственные деятели, которые должны были бы сами выступить с теми же предложениями, полагая, что необходимость их неоспорима. Но какие основания были у него для возражений, мы не знаем. В то время в Афинах существовала определенная партия или секта, которая недооценивала Филиппа как врага не очень грозного - гораздо менее грозного, чем персидский царь.[686] Сообщения о силе и подготовке персов, распространенные за два года до этого, когда Демосфен произнес свою речь о Симмориях, похоже, все еще продолжались, и, возможно, отчасти объясняют бездействие Филиппа. Такие сообщения могли быть преувеличены или сфабрикованы другой афинской партией, гораздо более опасной; она была в контакте с самим Филиппом и, возможно, получала от него вознаграждение. На эту партию Демосфен делает самую раннюю ссылку в первом "Филиппике"[687] и неоднократно возвращается к ней впоследствии. Мы можем быть уверены, что среди афинских граждан были тайные агенты Филиппа, хотя и не можем назвать их имена. Приобретать таких помощников было бы не менее выгодно, чем нанимать платных шпионов в военных операциях, а распространенные в Афинах политические антипатии в сочетании с распушенностью общественной морали в отдельных людях сделали бы получение подходящих инструментов вполне осуществимым. То, что не только в Афинах, но и в Амфиполе, Потидее, Олинфе и других местах Филипп добился своих успехов, отчасти приобретая продажных партизан среди вождей своих врагов, - утверждение настолько вероятное по своей сути, что мы охотно верим ему, хотя и выдвинутое в основном недоброжелательными свидетелями. Сама по себе такая коррупция, конечно, не помогла бы ему, но она была чрезвычайно полезна в сочетании с хорошо использованной силой и военным гением.

ГЛАВА LXXXVIII. ЭВБЕЙСКИЕ И ОЛИНФСКИЕ ВОЙНЫ.

Если даже в Афинах к моменту написания первого "Филиппика" Демосфена тревога по поводу Филиппа была значительной, то среди его соседей - олинфян - она стала еще серьезнее. За четыре года до этого он склонил их на свою сторону, передав им территорию Антема и еще более важный город Потидею, захваченный его собственным оружием у Афин. Благодарные за эти уступки, они стали его союзниками в войне с Афинами, которые они ненавидели по всем признакам. Но с тех пор произошла существенная перемена. После потери Метона Афины, изгнанные с побережья Фракии и Македонии, перестали быть враждебным соседом и внушать тревогу олинфянам, а огромный рост могущества Филиппа, в сочетании с его способностями и честолюбием, перекрыл их благодарность за прошлое чувством страха за будущее. Было ясно, что принц, который простирает свои руки во всех направлениях - к Фермопиле, Иллирии и Фракии, - не потерпит, чтобы плодородный полуостров между Термическим и Стримоническим заливами долго оставался занятым свободными греческими общинами. Поэтому, похоже, после великой победы Филиппа в

Фессалии над фокийцами (в первой половине 352 года до н. э.) олинфяне проявили беспокойство, отказавшись от союза с ним против Афин. Они заключили мир с этим городом и проявили такие дружеские чувства, что союз стал считаться возможным. Этот мир, по-видимому, был заключен до ноября 352 года до н. э. [689].

Это была важная перемена в политике олинфян. Хотя они, вероятно, намеревались заключить его не как враждебную меру по отношению к Филиппу, а просто как меру предосторожности, чтобы обеспечить себе обращение в другое место в случае, если они подвергнутся его нападению, было маловероятно, что он проведет или признает какое-либо подобное различие. Скорее всего, он посчитает, что уступкой Потидеи он купил их сотрудничество против Афин, и будет рассматривать их отделение как, по крайней мере, конец всех дружественных отношений.

Через несколько месяцев после этого (в день первого Филиппика [690]) мы узнаем, что он или его солдаты нападали и совершали внезапные вылазки на их территорию, вплотную примыкавшую к его собственной.

В таком состоянии частичной враждебности, но без провозглашения или активной войны, дела, похоже, оставались в течение 351 года до н. э. Филипп был занят в течение этого года в своей фракийской экспедиции, где он заболел, так что агрессивные предприятия были на время приостановлены. Тем временем афиняне, похоже, предложили Олинфу схему решительного союза против Филиппа. [691] Но олинфяне слишком много боялись от него, чтобы самим стать агрессорами. Вероятно, они надеялись, что он найдет достаточно врагов и занятие в другом месте, среди фракийцев, иллирийцев, пеонийцев, Аримбаса и эпиротов, афинян; [692] во всяком случае, они не стали бы первыми провоцировать соперничество. Такое состояние взаимного недоверия [693] продолжалось несколько месяцев, пока, наконец, Филипп не начал серьезные операции против них; вскоре после своего выздоровления от болезни во Фракии и, по-видимому, в середине 350 года до н. э.; [694] немного раньше начала Олимпиады 107, 3.

Вероятно, именно во время сохранения таких полувраждебных отношений два сводных брата Филиппа, сыновья его отца Аминтаса от другой матери, искали и получили убежище в Олинфе. Они пришли как его враги; ведь он уже предал смерти одного из их братьев, а сами они избежали той же участи лишь бегством. Совершили ли они какой-либо поступок, чтобы вызвать его гнев, мы не знаем; но подобные трагедии были нередки в македонской царской семье. Пока Олинф был дружелюбен и благодарен Филиппу, эти изгнанники не прибегли бы к нему; но теперь они были приняты благосклонно и, возможно, питали надежду, что в случае войны смогут поднять македонскую партию против Филиппа. Для этого принца прием беглых врагов служил благовидным предлогом для войны - которую он, несомненно, при любых обстоятельствах продолжал бы вести против Олинфа; похоже, именно так он и заявлял в своих публичных заявлениях [695].

Но Филипп, совершая свои завоевания, хорошо знал, как сочетать влияние обмана и обольщения с оружием, разделять и развращать тех, кого он намеревался покорить. Для таких коварных подходов Олинф был во многом открыт. Сила этого города во многом заключалась в том, что он был главой многочисленной конфедерации, включавшей большую часть, хотя, возможно, и не все, греческих городов полуострова Халкидике. Среди различных членов такой конфедерации существовало больше или меньше разногласий, которые случайные обстоятельства могли разжечь так, чтобы вызвать желание отделиться. Кроме того, в каждом городе, и в самом Олинфе, были честолюбивые граждане, соперничавшие за власть и не щепетильные в выборе средств ее приобретения или

удержания. В каждом из них Филипп мог затевать интриги и вербовать сторонников; в некоторых он, вероятно, получил бы приглашение сделать это; ведь величие его подвигов, хотя и внушало тревогу в некоторых кругах, порождало надежды среди разочарованных и ревнивых меньшинств. Если в силу таких предрасполагающих обстоятельств он находил или находил партизан и предателей в отдаленных городах Пелопоннеса, то тем более это было осуществимо для него на соседнем полуострове Халкидике. Олинф и другие города почти все граничили с македонской территорией, а некоторые, возможно, имели нечетко установленные границы. Пердиккас II отдал олинфянам (в начале Пелопоннесской войны[696]) часть своей территории у озера Больбе: Сам Филипп отдал им округ Антема. Обладая таким количеством соседних земель, он имел возможность с небольшими потерями для себя материально поддерживать или обогащать отдельных граждан Олинфа или других городов, которые решали содействовать его замыслам. Помимо прямых взяток, где этот способ был наиболее эффективным, он мог предоставить право на безвозмездное пастбище стадам и отарам одного из них и обеспечить обильные поставки древесины другому. Если его каперы досаждали даже могущественным Афинам и островам, находящимся под их защитой, то тем более досаждали они его соседям на Халкидском полуострове, который они как бы окружали от Термического залива с одной стороны до Стримонского залива с другой. Наконец, мы не можем сомневаться, что некоторые жители этих городов сочли выгодным поступить на гражданскую или военную службу к Филиппу, что обеспечило бы ему корреспондентов и приверженцев среди их друзей и родственников.

Таким образом, легко заметить, что в отношении Олинфа и соседних с ним городов Филипп имел в своем распоряжении средства личной выгоды и раздражения в такой степени, что обеспечивал ему сотрудничество с продажным и предательским меньшинством в каждом из них; такое меньшинство, конечно, смешивало свои действия и скрывало свои цели в рамках постоянной политической вражды этих мест. Однако эти средства были лишь предварительными к прямому применению меча. Его соблазны и подарки начали работу, но его превосходный полководец и солдаты - фаланга, гипасписты и кавалерия, приведенные в восхитительное состояние за десять лет его правления, - завершили ее.

Хотя Демосфен в одном отрывке заходит так далеко, что говорит, будто Филипп настолько высоко оценивал свое влияние, что рассчитывал включить Халкидскую конфедерацию в состав своей империи без серьезных трудностей и даже без настоящей войны[698], есть основания полагать, что он встретил упорное сопротивление, за которое отомстил безмерной жестокостью после победы. Два с половиной года между серединой лета 350 года до н. э. и началом 347 года до н. э. (два последних года Олимпиады 107 и девять первых месяцев Олимпиады 108) были отмечены явлениями, более поразительными, чем что-либо в недавних анналах Греции. Не менее тридцати двух свободных греческих городов в Халкидике были взяты и разрушены, а жители обращены в рабство Филиппом. Среди них были Олинф, один из самых могущественных, процветающих и энергичных членов эллинского братства; Аполлония, жители которой теперь будут раскаиваться в несправедливом упрямстве своих отцов (тридцать два года назад), отказавшихся от щедрой и равноправной конфедерации с Олинфом и призвавших спартанскую помощь, чтобы возродить падающую власть отца Филиппа, Аминты; и Стагейра, место рождения Аристотеля. Уничтожение тридцати двух свободных эллинских общин за два года чужеземным принцем было бедствием, подобного которому не случалось со времен подавления восстания ионийцев и нашествия Ксеркса. Я уже рассказывал в предыдущей главе[699] о проявлении гнева на празднике девяносто девятой Олимпиады (394 г. до н. э.) против посланцев старшего Дионисия Сиракузского, который захватил и уничтожил пять или шесть свободных эллинских общин в Италии и Сицилии. Гораздо более сильным было бы чувство благоговения и ужаса после Олинфской

войны по отношению к македонцу, разрушившему тридцать два халкидских города. Об этом ясно свидетельствуют следующие феномены. Мы увидим, как Афины с ужасом соглашаются на бесчестный и непродуманный мир, против которого не решается выступить даже Демосфен; увидим, как Эсхинс из свободного афинского гражданина превращается в подневольного поклонника, если не платного агента, Филиппа: Мы увидим, как Исократ, некогда защитник общеэллинской свободы и целостности, демонстративно провозглашает Филиппа хозяином и арбитром Греции, одновременно убеждая его использовать свою власть для завоевания Персии. Это были ужасные времена; их жестокие подробности хорошо иллюстрируют банды поработченных халкидских греков обоих полов, которых можно увидеть даже в Пелопоннесе[700] в качестве собственности новых грантополучателей, восхвалявших щедрость дарителя Филиппа; и они хорошо завершаются ужасными небесными знаменами, ливнями огня и крови, падающими с небес на землю в знак гнева богов[701].

Однако, хотя мы с достаточной ясностью представляем себе общий результат Олинфской войны Филиппа и ужас, который она наводила на греческий разум, мы не только лишены информации о ее деталях, но даже озадачены ее хронологией. Я уже отмечал, что хотя олинфяне прониклись подозрениями к Филиппу еще до начала 351 года до н. э., что побудило их заключить мир с его врагом Афинами, они, тем не менее, отклонили предложения Афин о более тесном союзе, не желая навлекать на себя решительную вражду со стороны столь могущественного соседа, пока его агрессия не станет такой, что не оставит им выбора. У нас нет точных сведений о передвижениях Филиппа после его операций во Фракии и болезни в 351 году до н. э. Но мы знаем, что не в его характере было бездействовать; он постоянно продвигал свои завоевания; и ни одно завоевание не могло быть для него столь важным, как завоевание Олинфа и Халкидского полуострова. Поэтому мы не удивлены, что конфедерация Олинфа и Халкиды стала объектом его прямой враждебности в 350 г. до н. э. Он выдвигал предлоги для нападения то на один, то на другой из этих городов по отдельности, избегая иметь дело с конфедерацией в целом и отказываясь, через специальных посланников,[702] от всех целей, вредных для Олинфа.

Вероятно, филиппики в этом городе могли остановиться на этом отказе так же удовлетворительно и дать столько же ложных заверений о целях Филиппа, сколько мы увидим впоследствии от Эсхина в Афинах. Но большинство граждан не были так обмануты. Почувствовав, что наступило время, когда благоразумнее завершить предыдущие афинские предложения, они отправили посланников в Афины, чтобы предложить союз и пригласить к сотрудничеству против Филиппа. Их первые предложения, несомненно, не были сформулированы на языке настоятельной необходимости и беды. Им еще не угрожала реальная опасность; их сила была велика в действительности и оценивалась по достоинству за границей; кроме того, как благоразумные дипломаты, они, естественно, преувеличивали свои собственные достоинства и масштабы того, что предлагали. Конечно, они попросили бы послать афинскую помощь в Халкидику - ведь именно там шла война; но они попросили бы помощи, чтобы энергично действовать против общего врага и подавить рост его могущества, а не для того, чтобы предотвратить непосредственную опасность, угрожающую Олинфу.

Не нужно было обсуждать, чтобы склонить афинян к этому союзу. Это было то, чего они давно искали, и они с готовностью согласились на это предложение. Разумеется, они также пообещали - что, собственно, практически входило в условия принятия - послать войска для сотрудничества с Филиппом в Халкидике. После этого первого признания Олинфа в качестве союзника - или, возможно, вскоре после этого, но еще до того, как обстоятельства

изменились, - Демосфен произнес свою самую раннюю олинфскую агитацию. Из трех памятных сочинений, обозначенных таким образом, самым ранним, по моему мнению, является то, которое стоит *вторым* в отредактированном порядке. Их истинный хронологический порядок долгое время был и остается предметом споров; лучший вывод, который я могу сформулировать, заключается в том, что первое и второе места расположены ошибочно, а третье - действительно самое позднее;^[703] все они были произнесены в течение шести или семи последних месяцев 350 года до н. э.

В этом своем самом раннем выступлении (речь, которая печатается как вторая Олинфия) Демосфен настаивает на выгодной случайности, которая только что сложилась для Афин, благодаря благословию богов, в спонтанной нежности столь ценного союзника. Он рекомендует послать помощь новому союзнику; наиболее быстрая и эффективная помощь будет ему наиболее приятна. Но эта рекомендация содержится в одном предложении, в середине речи; она не повторяется во второй раз, не настаивается на ней, не расширяется за счет указания количества или качества помощи, которая должна быть отправлена. Нет никаких намеков ни на необходимость или опасность Олинфа, ни на возможность завоевания города Филиппом, ни тем более на внешние обстоятельства, что Филипп, если он его завоюет, может перенести место войны со своих берегов на берега Аттики. Напротив, Демосфен ссылается на могущество олинфян, на расположение их территории вблизи флангов Филиппа, на их твердое решение никогда больше не вступать с ним в дружбу или компромисс - как на свидетельство того, насколько ценным окажется их союз для Афин; он позволит ей с большим успехом продолжать войну против Филиппа и возместить позорные потери, нанесенные ей предыдущим бездействием. Главная цель оратора - побудить своих соотечественников к более сердечным и энергичным усилиям по ведению этой всеобщей войны; помощь же олинфянам - лишь второстепенная цель, часть более масштабного плана. "Я не стану (говорит оратор) рассказывать о грозной силе Филиппа как аргументе, побуждающем вас к исполнению вашего общественного долга. Это было бы слишком большим комплиментом и для него, и для вас. Я и сам считал бы его действительно грозным, если бы он добился своего нынешнего превозношения средствами, соответствующими справедливости. Но он возвеличил себя, отчасти благодаря твоей небрежности и нерадивости, отчасти вероломными средствами, взяв на службу продажных партизан в Афинах и обманув последовательно олинфян, фессалийцев и всех других своих союзников. Теперь эти союзники, обнаружив его вероломство, покидают его; без них его власть рассыплется. Кроме того, сами македонцы не разделяют его личных амбиций; они устали от труда, налагаемого на них его бесконечными военными передвижениями, и обеднели из-за закрытия своих портов во время войны. Его хваленые офицеры - люди никчемные и беспутные; его личные компаньоны - воры, гнусные служители развлечений, изгои наших городов. Его прошлая удача придает всей этой реальной слабости обманчивую видимость силы; и, несомненно, его удача была очень велика. Но удача Афин и ее право на благосклонную помощь богов еще больше - если только вы, афиняне, выполните свой долг. Но вот вы сидите и ничего не делаете. Нерасторопный человек не может заставить даже своих друзей работать на него, не говоря уже о богах. Я не удивляюсь, что Филипп, который всегда в поле, всегда в движении, все делает сам, никогда не упускает случая, одерживает верх над вами, которые только говорят, спрашивают и голосуют, ничего не предпринимая. Нет, наоборот, было бы замечательно, если бы при таких обстоятельствах он не стал победителем. Но что меня удивляет, так это то, что вы, афиняне, которые в прежние времена боролись за общегреческую свободу против лакедемонян, которые, презирая несправедливое возвеличивание себя, сражались лично и тратили свои средства на защиту прав других греков, теперь уклоняетесь от личной службы и уплаты денег за защиту своих собственных владений. Вы, которые так часто спасали других, теперь можете сидеть

спокойно, потеряв столько своего! Удивительно, что вы не оглядываетесь на свое поведение, которое привело ваши дела в такое плачевное состояние, и не спрашиваете себя, как они могут исправиться, если такое поведение остается неизменным. Поначалу было гораздо легче сохранить то, что мы имели, чем вернуть это теперь, когда оно утрачено; теперь нам нечего терять - нам нужно все вернуть. Это нужно сделать самим, и немедленно; мы должны предоставить деньги, мы должны служить лично, по очереди; мы должны дать нашим генералам средства, чтобы они хорошо выполняли свою работу, а затем потребовать от них сурового отчета - чего мы не можем сделать до тех пор, пока сами не будем ни платить, ни служить. Мы должны исправить выросшее злоупотребление, при котором отдельные симмории в государстве освобождают себя от обременительных обязанностей и несправедливо перекладывают их на других. Мы должны не только энергично и сердечно выступить вперед, с людьми и деньгами, но каждый человек должен добросовестно выполнять свою долю патриотических обязательств".

Таковы основные положения самой ранней речи Демосфена на тему Олинфа. В сознании современного читателя, как и в сознании ритора Дионисия,^[704] существует неосознанная тенденция представить, что эти памятные речи должны были подействовать убеждающе, и превознести эффективность их автора как исторической и руководящей личности. Но нет никаких фактов, подтверждающих такое впечатление. Демосфен был еще сравнительно молодым человеком - тридцати одного года от роду; его речами и сочинениями, написанными для того, чтобы их произносили другие, действительно восхищались,^[705] но пока они еще не пользовались большим практическим влиянием. Более того, к его чести можно сказать, что он описал и измерил внешние опасности до того, как их осознали обычные политики; что он посоветовал курс, энергичный и полезный, но болезненный для народа и неприятный для признанных лидеров; что эти лидеры, такие как Эвбул и другие, соответственно, были настроены против него. Тон Демосфена в этих речах - это тон человека, который чувствует, что он борется с тяжелыми проблемами, борется с привычным и глубоко укоренившимся нежеланием. Он - искренний оратор, выступающий от имени оппозиции, способствующий постепенному росту общественных настроений и убеждений, которые в конечном итоге могут перейти в действия. Его соперник Эвбул - представитель министерства, за которым последовало большинство, как богатых, так и бедных; человек совсем не коррумпированный (насколько мы знаем), но простой консервативный, уклоняющийся от всех болезненных потребностей и чрезвычайных мер предосторожности; примиряющий богатых, сопротивляясь налогу на имущество, и общую массу граждан, отказываясь вмешиваться в теократические расходы.

Афиняне не последовали совету Демосфена. Они приняли Олинфский союз, но не предприняли никаких активных действий, чтобы сотрудничать с Олинфом в войне против Филиппа. ^{706]} Такова была их обычная привычка, к несчастью. Привычка Филиппа была противоположной. Нам не нужно свидетелей, чтобы убедить нас, что он не ослабнет в своем наступлении и что в течение месяца или двух он овладеет не одним из халкидских городов, возможно, разгромив и олинфские войска. Олинфяне поймут, что ничего не выиграли от своих новых союзников, а филиппийцы, пользуясь беспечностью Афин, обесценят ее обещания как никчемные или неискренние и будут добиваться соглашения с врагом.^[707] Вскоре до Афин дойдут жалобы, принесенные новыми посланниками от олинфян и, возможно, от халкидян, которые больше всех пострадали от оружия Филиппа. Они, естественно, будут оправдывать это новое обращение, рассказывая о победоносных успехах Филиппа; теперь они будут более настоятельно просить о помощи и, возможно, даже затронут возможность завоевания Филиппом Халкидики. Именно на этом продвинутом этапе Демосфен снова выступил с речью, которая стоит первой в печатном издании "Олинфии".

Перед нами не филиппика, а настоящая олинфская речь. Олинф больше не является частью более обширной темы, на которую Демосфен намеревается рассуждать; он выделяет ее как главную особенность и специализацию своей речи. Теперь он объявляет, что город находится в опасности и остро нуждается в помощи; более того, на его сохранении афиняне настойчиво настаивают, как на необходимом для их собственной безопасности. Пока она стоит со своей конфедерацией вокруг нее, афиняне могут сражаться с Филиппом на его собственном побережье; если она падет, ничто не помешает ему перенести войну в Аттику и напасть на них на их собственной земле.[708] Демосфен переходит на более высокий уровень акцента, жалуясь на вялость своих соотечественников в кризисной ситуации, которая вызывает к немедленным действиям.[709] Он снова призывает немедленно принять решение о помощи Олинфу и как можно быстрее отправить два вооружения: одно - чтобы сохранить для Олинфа его города-союзники, другое - чтобы отвлечь внимание, одновременно напав на Филиппа в . Без такой двойной помощи (говорит он) города не сохранить.[710] Совет о помощи в целом он уже давал, хотя и не так категорично, в своей предыдущей речи; но теперь он добавляет новое предложение - отправить туда афинских посланников, чтобы они не только объявили о приходе войск, но и остались в Олинфе и наблюдали за ходом событий. Ибо он боится, что, если не будет послано такое немедленное подкрепление, Филипп может, даже без утомительного процесса осады, запугать или склонить к покорности олинфскую конфедерацию; отчасти напомнив им, что Афины ничего для них не сделали, и обличив ее как вероломного и бесполезного союзника.[Филипп был бы рад заманить их в какую-нибудь благовидную капитуляцию; и хотя они знали, что не могут быть уверены в том, что он впоследствии выполнит ее условия, все же он мог бы добиться успеха, если бы Афины оставались бездейственными. Настало время, когда афиняне должны были выступить вперед и выполнить свой долг без промедления; служить лично и подчиниться необходимому объему прямого налогообложения. У них больше не было ни малейшего повода для бездействия; та самая конъюнктура, которой они так долго желали, возникла сама собой - война между Олинфом и Филиппом, и то по причинам, свойственным Олинфу, а не по наущению Афин.[712] Олинфский союз был брошен на пути Афин по милости богов, чтобы дать ей возможность исправить свои многочисленные прошлые ошибки и недостатки. Она должна была хорошо рассмотреть и правильно распорядиться этими последними оставшимися возможностями, чтобы смыть позор прошлого; но если она сейчас упустит Олинф и позволит Филиппу завоевать его, то больше ничто не помешает ему идти в поход, куда он пожелает. Его честолюбие было столь ненасытным, его активность столь неутомимой, что, если предположить, что Афины будут упорствовать в своем беспечном бездействии, он перенесет войну из Фракии в Аттику, а губительные последствия были слишком очевидны[713].

"Я считаю, - продолжал оратор, - что вы должны оказать помощь в нынешнем кризисе двумя способами: сохранить для олинфян их объединенные города с помощью отряда войск, отправленного с этой целью, и в то же время использовать другие войска и другие триремы для агрессивных действий против побережья Филиппа. Если вы пренебрежете любой из этих мер, боюсь, что экспедиция потерпит неудачу. Что касается денежного обеспечения, то у вас и так больше денег, чем в любом другом городе, имеющих для целей войны; если вы будете выплачивать эти деньги солдатам на службе, то нет нужды в дальнейшем обеспечении - если нет, то нужда существует; но прежде всего *необходимо* найти деньги. Что же тогда! спросят меня, - ты согласен, чтобы фонд Теорика был направлен на военные нужды? Не я, клянусь Зевсом. Я просто выражаю свое убеждение, что солдат *нужно* снаряжать, и что получение государственных денег и исполнение государственной службы должны идти рука об руку; но ваша практика состоит в том, чтобы брать государственные деньги без всякого такого условия, для празднеств. Соответственно, не остается ничего

другого, кроме того, что все должны вносить прямой вклад; много, если нужно много, - мало, если достаточно мало. Деньги должны быть; без них нельзя сделать ни одного существенного шага. Кроме того, существуют различные способы и средства, предложенные другими. Выбирай любой из них, который покажется тебе выгодным, и энергично хватайся за события, пока еще есть возможность"[714].

Так Демосфен обратился к своим соотечественникам через некоторое время после того, как олинфяне были приняты в союзники, но до того, как к ним были посланы вспомогательные силы или даже издан указ, - когда такая отсрочка действий внушала им недоверие, угрожая даже без сопротивления бросить их в руки Филиппа и их собственной филиппинской партии. Мы видим у Демосфена ту же проницательную оценку настоящего и будущего, которую мы уже отмечали в первом Филиппике - предвидение ужасных последствий этой олинфской войны, пока еще далеких и незаметных для других. Мы видим тот же здравый смысл и мужество в использовании правильных средств защиты; хотя его предложения о личной военной службе, прямом налогообложении или отвлечении средств из Феорического фонда - все они были самыми непопулярными, которые только можно было сделать. Последнее из трех, правда, он не воплотил в предложение по существу; да он и не мог его выдвинуть, если бы не было прямой незаконности, что привело бы его к обвинению под названием *Graphê Paranomon*. Но он подходит к нему достаточно близко, чтобы поднять в общественном сознании вопрос, как он стоял на самом деле - что деньги должны быть; что есть только два способа их получения - прямое налогообложение и ассигнование из фонда фестиваля; и что последний из них должен быть восстановлен так же, как и первый. Мы еще не раз столкнемся с этим вопросом о Феорическом фонде, и в настоящее время нам придется обратить на него более пристальное внимание.

Через некоторое время после этой новой речи Демосфена - как долго после нее, или как далеко в результате ее, мы не можем сказать - афиняне заказали и отправили на помощь олинфянам и халкидянам отряд иностранных наемников. Снаряжение и перевозка этих войск частично оплачивались за счет добровольных пожертвований богатых афинских граждан. Но ни одного афинского солдата-гражданина послано не было; не было выделено денег и на оплату наемников. Экспедиция, по-видимому, была отправлена осенью 350 года до н. э., насколько мы можем претендовать на то, чтобы утверждать что-либо относительно неясной хронологии этого периода.[715] Вскоре она одержала какую-то победу над Филиппом или его генералами и получила возможность передать хорошие новости в Афины, что вызвало там большое ликование и заставило людей вообразить, что они могут справедливо отомстить Филиппу за прошлые неудачи. По мнению некоторых ораторов, не только олинфяне были вне опасности, но и Филипп был справедливо наказан и смирен. Не исключено, что успех действительно был значительным и на время приостановил успехи Филиппа. Хотя в целом он одерживал победы, он должен был испытывать частичные и временные поражения, иначе он завершил бы войну до ранней весны 347 года до н. э. Совпадал ли этот успех с победой афинского полководца Хареса над полководцем Филиппа Адэем,[716] мы не можем сказать.

Но Демосфену хватило проницательности, чтобы понять, и откровенности, чтобы заявить, что этот успех ни в коей мере не является решающим для войны в целом; хуже, чем ничего, если он побудил афинян вообразить, что они добились своего.

Исправить обманчивое представление о том, что сделано достаточно, побороть хронический недуг, при котором афиняне так легко находили поощрения и оправдания бездействию, возродить в них убеждение, что они взяли на себя долг, еще не оплаченный, перед своими олинфскими союзниками и перед собственной конечной безопасностью - вот

задача Демосфена в его третьей олинфской речи; третьей в печатном порядке, а также третьей, по моему мнению, в порядке времени; произнесенной в конце 350 г. до н.э. Как и Перикл, он не менее внимательно следил за тем, чтобы умерить экстравагантные и несвоевременные иллюзии триумфа у своих соотечественников, чем за тем, чтобы поднять их дух в моменты излишней тревоги и уныния[718].

"Разговоры, которые я слышу о наказании Филиппа (говорит Демосфен, по существу), имеют под собой ложную основу. Реальные обстоятельства дела преподносят нам совсем другой урок.[719] Они требуют, чтобы мы хорошо заботились о собственной безопасности, чтобы мы не были сами страдальцами и сохраняли наших союзников. Действительно, было время - и это я помню не так давно, - когда мы могли удержать свои позиции и наказать Филиппа; но теперь наша первая забота должна заключаться в сохранении наших собственных союзников. После того как мы убедимся в этом, настанет время подумать о наказании других. Нынешний момент требует тщательного обдумывания. Не повторяйте ошибку, совершенную три года назад. Когда Филипп осаждал Гереум во Фракии, вы приняли энергичный указ отправить против него экспедицию: вскоре пришло сообщение, что он болен и что он умер: эти хорошие новости заставили вас подумать, что экспедиция не нужна, и вы оставили ее. Если бы вы быстро исполнили то, что решили, Филипп был бы низложен уже *тогда* и не доставил бы вам больше хлопот"[720].

"Эти дела, конечно, уже в прошлом, и их не исправить. Но я обращаюсь к ним сейчас, потому что нынешний военный кризис очень похож, и я верю, что вы не совершите подобной ошибки снова. Если ты не пошлешь помощь Олинфу со всеми своими силами и средствами, то сейчас ты будешь играть за него в игру Филиппа, как и тогда. Ты долго стремился и работал над тем, чтобы втянуть олинфян в войну с Филиппом. Теперь это произошло: что же остается, кроме как от души и энергично помогать им? Вы будете покрыты позором, если не сделаете этого. Но это еще не все. Этого требует и ваша собственная безопасность дома; ведь ничто не мешает Филиппу, если он завоюет Олинф, вторгнуться в Аттику. Фокийцы истощены в средствах, а фиванцы - ваши враги.

"Все это излишне, - скажу я. Мы уже единогласно решили оказать помощь Олинфу, и мы ее окажем. Мы только хотим, чтобы вы сказали нам, как. Возможно, ты удивишься моему ответу. Немедленно назначьте номотетов.[721] Не вносите на их рассмотрение никаких предложений о новых законах, ибо их у вас и так достаточно, но отмените только те из существующих законов, которые вредны в данный момент, - те, что касаются Феорического фонда (я говорю об этом прямо), и те, что касаются граждан, находящихся на военной службе. В первом случае вы передаете деньги, которые должны были бы идти на службу солдатам, в теорическое распределение между теми, кто остается дома. Вторым вы отпускаете без наказания тех, кто уклоняется от службы, и препятствуете тем, кто хочет исполнить свой долг. Когда вы отмените эти пагубные законы и сделаете безопасным провозглашение спасительных истин, тогда ожидайте, что кто-нибудь выступит с официальным предложением, как вы все знаете, что оно необходимо. Но пока вы этого не сделаете, не ждите, что кто-то выступит с этими необходимыми предложениями от вашего имени, будучи уверенным, что вы погибнете от его рук. Вы не найдете такого человека; тем более что он понесет несправедливое наказание только для себя, без всякой пользы для города, а наказание сделает еще более грозным выступление по этому вопросу в будущем, чем сейчас. Более того, те же самые люди, которые предложили эти законы, должны также предложить их отмену; ведь неправильно, чтобы эти люди продолжали пользоваться популярностью, которая приносит вред всему городу, в то время как непопулярность реформы, полезной для всех нас, падает на голову инициатора реформы. Но пока вы

сохраняете этот запрет, вы не можете ни терпеть, чтобы кто-то из вас был достаточно влиятелен, чтобы безнаказанно нарушать закон, ни ожидать, что кто-то будет настолько глуп, чтобы с открытыми глазами бежать от наказания".

Я сожалею, что мое пространство ограничивается этой краткой и скудной выдержкой из одной из самых великолепных агиток, когда-либо произнесенных - третьей Олинфии Демосфена. Частичное преимущество, полученное над Филиппом, было сильно переоценено, и афиняне, казалось, решили, что они сделали достаточно, и отступили от своего решения энергично помогать Олиффу. Как и во многих других случаях, так и в этом - Демосфен взялся бороться с распространенными настроениями, которые он считал необоснованными и несвоевременными. С каким мужеством, мудростью и ловкостью, превосходящими оскорбительные сарказмы Фокиона, он исполняет эту самостоятельно возложенную на него обязанность, прекрасно зная о ее непопулярности!

Произошло ли какое-либо движение со стороны афинян в связи с третьей Олинфией Демосфена, мы не можем определить. У нас нет оснований полагать, что это утвердительный ответ, но мы уверены, что рекомендованная им конкретная мера - отправка вооружения из лично служащих граждан - в то время (до конца 350 года до н. э.) не была приведена в действие. Примерно в начале 349 года до н. э. внешние отношения Афин стали нарушаться еще одной надвигающейся неловкостью - восстанием Эвбеи.

После успешной экспедиции 358 года до н. э., в ходе которой афиняне изгнали фиванцев с Эвбеи, этот остров еще несколько лет оставался в беспрепятственной связи с Афинами. Халкис, Эретрия и Орей, три главных города острова, посылали по одному члену в синод союзников, заседавший в Афинах, и платили свою ежегодную квоту (кажется, по пять талантов) в фонд конфедерации.^[722] В третьей четверти 352 года до н. э. Менестрат, деспот или главный гражданин Эретрии, упоминается как особенно преданный друг Афин.^[723] Но такое положение вещей изменилось вскоре после того, как Филипп завоевал Фессалию и стал хозяином Пагасейского залива (в 353 и первой половине 352 года до н. э.). Его власть утвердилась сразу же за Ореем и северным побережьем Эвбеи, с которой его связь стала легкой и частой. Еще до написания первого филиппика Демосфена (кажется, летом 351 года до н. э.) Филипп открыл переписку в Эвбее и отправлял туда различные письма, некоторые из которых оратор читает в ходе речи, обращенной к афинскому собранию. Слова писем не приводятся, но из критики самого оратора мы видим, что они были крайне оскорбительны для афинских чувств; подстрекая эвбейцев, вероятно, к отделению от Афин, с предложением македонской помощи для этой цели.^[724] Морская война Филиппа также привела его крейсера к Гересту в Эвбее, где они захватили несколько афинских кукурузных кораблей; ^[725] оскорбив даже противоположное побережье Аттики у Марафона, чтобы понизить репутацию Афин среди ее союзников. Таким образом, в каждом из эвбейских городов вскоре образовались партии, нацеленные на приобретение господства через поддержку Филиппа; для этой же цели через западный Эвбейский пролив можно было получить отряды наемников из большого числа тех, кто находился под оружием в Фокисе.

Примерно в начале 349 года до н. э. - пока продолжалась неизвестная нам в деталях война Филиппа с олинфянами и халкидянами, в которой то и дело помогали наемники, посланные Афинами, - в Эретрии на Эвбее вспыхнули военные действия, вероятно, вызванные интригами Филиппа. Эретриец по имени Плутарх (мы не знаем, что стало с Менестратом), имея в своем распоряжении некоторое количество воинов, но против которого выступали еще более могущественные враги, заявил, что представляет в своем городе афинские интересы, и отправился в Афины просить о помощи. Демосфен, подозревая в этом человеке предателя, отговорил его.^[726] Но у Плутарха были в Афинах влиятельные друзья, кажется, из

партии Эвбула; один из них, Мейдий, ярый личный враг Демосфена, выступая за предоставление помощи, пытался даже выдвинуть против Демосфена обвинение в том, что он сам разжигал эти беспорядки в Эвбее против известного фило-афинянина Плутарха.^[727] Афинское собрание решило послать на остров отряд под командованием Фокиона, который с гоплитами переправился на остров за несколько дней до праздника Антестерия (февраль).^[728] Расходы на оборудование трирем для этой перевозки были частично покрыты добровольными взносами богатых афинян, некоторые из которых, Никрат, Эвктемон, Евтидем, внесли по одному судну.⁷²⁹⁾ Также была отправлена определенная часть городских всадников; однако все войско было не очень большим, так как предполагалось, что недостаток восполнят партизаны, которых можно было найти.

Однако эта надежда оказалась ложной. После явно дружеского приема и некоторого пребывания в Эретрии или рядом с ней Фокион обнаружил, что его предали. Каллиас, честолюбивый вождь Халкиса, собрал все эвбейские силы, какие только мог, открыто выступил против Афин и призвал на помощь македонцев (вероятно, военачальников Филиппа в соседнем Пагасейском заливе), а его брат Тавросфен нанял отряд наемников из Фокиса.^[730] Антиафинские силы стали более грозными, чем Фокион мог с ними справиться, а поддержка, оказанная ему на острове, оказалась меньше, чем он ожидал. Перебравшись через возвышенность Котилеум, он занял позицию возле города и ипподрома Тамине, на возвышенности, окаймленной оврагом; Плутарх по-прежнему исповедовал дружбу и расположился со своими наемниками рядом с ним. Позиция Фокиона была сильной, но афиняне были в меньшинстве и осаждены так, что это вызывало большую тревогу.^[731] Многие из нерадивых и беспорядочных солдат дезертировали, и Фокион презирал эту потерю, хотя в то же время он послал в Афины, чтобы сообщить о своих трудностях и потребовать подкрепления. Тем временем он продолжал обороняться в своем лагере, на который напал враг. Пренебрегая приказом и действуя с умышленной изменой, которая в Афинах считалась беспримерной, Плутарх выступил вперед из лагеря, чтобы встретить их; но вскоре бежал, увлекая за собой афинских конников, которые также продвигались в некотором беспорядке. Фокион с пехотой оказался в самой большой опасности. Противник, энергично атакуя, срывал палисад и уже готов был захватить его лагерь. Но его меры были приняты так хорошо, а гоплиты вели себя так неустрашимо и стойко в этой сложной ситуации, что он отразил нападавших с потерями и одержал полную победу. Талл и Кинеас отличились рядом с ним; Клеофан также отличился, частично восстановив разбитых всадников, а оратор Эсхинс, служивший среди гоплитов, получил похвалу за храбрость и был послан в Афины, чтобы сообщить первые новости о победе.^[732] Фокион продолжил свой успех, изгнал Плутарха из Эретрии и захватил сильный форт Заретра, расположенный у самой узкой части острова. Он отпустил всех своих греческих пленников, опасаясь, что афиняне, разгневанные недавним предательством, решат обойтись с ними крайне сурово.^[733] Каллий, похоже, покинул остров и нашел убежище у Филиппа.^[734]

Принесенная Эсхином (перед праздником Дионисия) весть о победе при Тамине избавила афинян от сильного беспокойства. После получения депеши от Фокиона сенат решил отправить в Эвбею еще одно войско, включая оставшуюся половину конницы, подкрепление гоплитов и свежую эскадру трирем. Но победа позволила им обойтись без немедленного подкрепления и весело отпраздновать праздник Дионисия. Праздник в этот год пользовался большей, чем обычно, известностью. Демосфен, выступавший на нем в качестве хорега своего племени пандионитов, был жестоко оскорблен в театре, среди всей пышности церемонии, своим врагом, богатым Мейдиасом, который, помимо других оскорблений, несколько раз ударил его кулаком по голове. Оскорбление было тем сильнее, что Мейдиас в это время занимал высокий пост Гиппарха, или одного из командиров коней. В Афинах

существовала практика созывать общественное собрание сразу после дионисийского праздника, чтобы получить извещения и выслушать жалобы по поводу событий, произошедших на самом празднике. На этом специальном собрании Демосфен подал жалобу на Мейдиаса за необоснованное возмущение и нашел горячее сочувствие у народа, который единогласно вынес порицание. Эта процедура (называемая Проболком) сама по себе не влекла за собой никакого наказания, но служила своего рода *præjudicium*, или установлением истинного счета; она позволила Демосфену привести общественность в качестве свидетеля главного факта оскорбления и побудила его преследовать Мейдиаса в обычных трибуналах; что он и сделал через несколько месяцев после этого, но был вынужден принять от Мейдиаса самостоятельно наложенный штраф в тридцать мин до окончательного вынесения приговора дикастами[736].

Из депеш Фокиона стало известно об измене Плутарха Эретрийского, так что Демосфен оправдал свои прежние замечания о нецелесообразности предоставления вооружения, а друзья Плутарха - Гегесилай и другие из партии Эвбула - вызвали недовольство, и некоторые, как видно, были впоследствии преданы суду.[737] Но враги упрекали его в том, что он отсутствовал в битве при Тамине, а гражданин по имени Эвктемон, по наущению Мейдиаса, грозил ему обвинением в дезертирстве с поста. Действительно ли Демосфен отправился в Эвбею в качестве гоплита в армии Фокиона и получил отпуск, чтобы вернуться на Дионисии, или же он вообще не отправлялся, мы не можем сказать. В любом случае, его обязанности хорега на этот год послужили убедительным оправданием; так что Эвктемон, хотя и вывесил перед статуями эпонимских героев публичное объявление о своем намерении предъявить обвинение, так и не счел нужным сделать даже первый шаг для доведения его до реального суда, и за такое неисполнение своего обязательства понес юридическую немилость.[Тем не менее, позорный и незаслуженный эпитет "дезертир" и впоследствии применялся к Демосфену Эсхином и другими его врагами, а Мейдиас даже обрушивал подобную злобу на большинство участников того собрания[739], где был принят порицательный голос против него (Probolê). Однако вскоре после дионисийского праздника возникла необходимость послать в Эвбею свежие войска, как всадников, так и гоплитов, вероятно, для того, чтобы облегчить положение некоторых или всех тех, кто там уже служил. Демосфен по этому случаю облачился в доспехи и служил на острове в качестве гоплита. Мейдиас также отправился в Аргуру в Эвбее в качестве командира всадников: однако, когда всадники были созданы для присоединения к афинскому войску, он не присоединился к ним, а остался в качестве триерарха триремы, снаряжение которой он оплатил сам.[740] Как долго войско оставалось в Эвбее, мы не знаем. По всей видимости, Демосфен вернулся в Афины к тому времени, когда в последнем месяце аттического года (Скирофорион - июнь) выбирался ежегодный сенат; вероятно, к тому времени он уже был освобожден. Он был назван (по жребию) среди пятисот сенаторов на предстоящий аттический год (начинающийся в середине лета 349 г. до н. э. = Olymp. 107, 4);[741] его старый враг Мейдиас тщетно оспаривал его квалификацию, когда он проходил докимасию или предварительный экзамен перед вступлением в должность.

Что афинская армия делала дальше в Эвбее, мы не можем выяснить. Фокион был отозван - мы не знаем, когда - и заменен генералом по имени Молосс; говорят, что он вел войну очень неудачно и даже сам попал в плен к врагу.[742] Враждебные партии на острове, на стороне Филиппа, не были покорены, и только летом 348 г. до н. э. они обратились с просьбой о мире. Но и тогда, судя по всему, он не был заключен, так что Эвбея оставалась недружелюбной к Афинам вплоть до заключения мира с Филиппом в 346 году до н. э.

Но пока афиняне занимались поддержанием Эвбеи, им пришлось принимать более эффективные меры по спасению Олинфа, и таким образом на их руках оказалось бремя сразу двух войн. Мы знаем, что им пришлось одновременно обеспечивать силой и Эвбею, и Олинф;^[743] и что повод, потребовавший этих одновременных усилий, был очень срочным. Олинфские требования и сообщения были настолько ощутимы, что побудили Афины сделать то, на чем Демосфен в своих трех "Олинфах" тщетно настаивал в течение предыдущего лета и осени, - послать туда в первой половине 349 года до н. э. отряд местных афинян. Из всадников, отправившихся из Афин в Эвбею под началом Мейдиаса на службу к Фокиону, либо все, либо часть переправились морем из Эвбеи в Олинф в течение этого полугода.^[744] Мейдиас не переправился с ними, а вернулся в качестве триерарха на своей триреме в Афины. Афинские всадники были не просто гражданами, а гражданами состоятельными и значительными; к тому же перевозка их по морю была не только хлопотной, но и дорогостоящей. Отправка таких войск подразумевает напряженные усилия и чувство срочности со стороны Афин. Кроме того, можно сделать вывод, что вместе с всадниками было отправлено более многочисленное войско гоплитов; ведь всадников вряд ли при каких-то обстоятельствах отправили бы через море одних; к тому же Олинф больше всего нуждался во вспомогательных гоплитах, поскольку его родные войска состояли в основном из всадников и пельтастов^[745].

Таким образом, свидетельство, полученное из речи против Неэры, подтверждается еще лучшим свидетельством речи против Мейдиаса, и мы убеждаемся в том важном факте, что в первой половине 349 г. до н. э. Афины были вынуждены прилагать большие общественные усилия - даже вооружать местных граждан - для поддержки Олинфа, а также для поддержания Эвбеи. Чего достигли афиняне или чему способствовали эти походы в Олинф, и как долго они там оставались, мы не знаем. Но мы можем с полным основанием предположить - хотя Филипп в течение этого 349 года до н. э., вероятно, завоевал некоторое количество из тридцати двух халкидских городов, - что союзные силы, олинфские, халкидские и афинские, противостояли ему с немалым эффектом и отложили завоевание Халкидики на следующий год. После летней кампании на этом полуострове афинские граждане, вероятно, вернулись бы домой. Мы узнаем, что олинфяне взяли в плен македонянина по имени Дердас с другими македонянами, прикрепленными к нему^[746].

Однако столь экстраординарные военные усилия, предпринятые афинянами в первой половине 349 г. до н. э. - возвращение Эвбеи и защита Олинфа - естественно, привели их в состояние финансового затруднения. Одно из доказательств этого можно найти в том, что в течение некоторого времени не хватало денег на оплату дикастеров, которые, соответственно, заседали мало; поэтому некоторое время - и мы не знаем, как долго - рассматривалось мало дел.^[747]

Чтобы частично удовлетворить денежные потребности момента, сенатор Аполлодор предпринял смелую попытку. Он внес в сенат постановление о том, что на голосование общественного собрания должно быть вынесено решение о том, следует ли излишки доходов, сверх обычных и постоянных мирных ассигнований города, перечислять в фонд теократии на различные религиозные праздники или же направлять их на оплату, снаряжение и перевозку солдат для настоящей войны. Сенат одобрил предложение Аполлодора и принял предварительную резолюцию (*probouleuma*), уполномочивающую его представить это предложение общественному собранию. В соответствии с этими полномочиями Аполлодор внес предложение в собрание, где также добился полного успеха. Собрание (как нам сообщают, без единого несогласного голоса) приняло постановление,

предписывающее, чтобы излишки доходов в условиях военного давления направлялись на выплату жалования и другие нужды солдат. Однако, несмотря на такое единодушие, гражданин по имени Стефан выдвинул обвинение в незаконности как самого постановления, так и его создателя, под предводительством графа Параномона. Аполлодор предстал перед Дикастерием и был признан виновным, главным образом (по словам его друга и родственника, прокуратора Неэры) благодаря подставленным свидетелям и ложным обвинениям, не относящимся к сути обвинения. Когда приговор был вынесен, Стефан, как обвинитель, определил меру наказания в виде крупного штрафа в пятнадцать талантов, отказавшись выслушать мольбы друзей Аполлодора, когда они просили его назвать меньшую сумму. Однако дикасты, более снисходительные, чем Стефан, согласились принять меру штрафа, назначенную Аполлодором для себя - один талант, который он и заплатил[748].

Вряд ли можно найти более убедительное доказательство срочности и бедности момента, чем тот факт, что и сенат, и народ приняли этот указ Аполлодора. В этом факте нет места для сомнений. Но дополнительное утверждение, что не было ни одного несогласного и что все, как в то время, так и после, всегда говорили, что предложение было превосходным[749], вероятно, является преувеличением. Ведь нельзя представить, что влиятельная партия, которая обычно сопротивлялась отвлечению денег из Феофициального фонда на военные нужды, должна была в этом случае полностью промолчать или фактически согласиться, хотя они и получили перевес голосов. Предложение Аполлодора было таким, которое не могло быть принято без явного нарушения закона и без того, чтобы его инициатор не подвергся тем уголовным последствиям, которые впоследствии на него обрушились. То, что даже большинство, как в сенате, так и в собрании, преодолели эту незаконность, является достаточно убедительным доказательством того, насколько сильно кризис давил на их умы.

Экспедиция афинских граждан, отправленная в Олинф до середины лета 349 года до н. э., вероятно, вернется после двух-трехмесячного похода, оказав определенную услугу македонской армии. Военные действия Филиппа против халкидян и олинфян ничуть не ослабли. В течение всех последующих восемнадцати месяцев (с середины лета 349 г. до н. э. до ранней весны 347 г. до н. э.) он все сильнее и сильнее давил на халкидян. В течение года Olymp. 407, 4, если верить цитате из Филохора[750], афиняне отправили им на помощь три экспедиции; одна - по просьбе олинфян, которые прислали посланников с мольбой о помощи, - состояла из двух тысяч пельтастов под командованием Хареса на тридцати кораблях, частично укомплектованных афинскими моряками. Второй - под командованием Харидема, по настоятельной просьбе страдающих халкидян; в составе восемнадцати трирем, четырех тысяч пельтастов и ста пятидесяти всадников. Харидем вместе с олинфянами прошел через Боттиэю и полуостров Паллен, опустошив страну; добился ли он какого-либо важного успеха, мы не знаем. Что касается Хареса и Харидема, то дошедшие до нас анекдоты повествуют скорее о наглости, вымогательстве и любовных утехах, чем о военных подвигах.[751] Ясно, что ни тот, ни другой не добились ничего существенного против Филиппа, чье оружие и развращенность достигли ужасающих успехов в Халкидике. Силы олинфян настолько ослабли, что они обратились в Афины с последним и самым настоятельным призывом, умоляя афинян не оставлять их на произвол судьбы, а прислать им отряд граждан в дополнение к уже имеющимся наемникам. Афиняне согласились, отправив туда семнадцать трирем, две тысячи гоплитов и триста всадников под командованием Хареса.

О последующих этапах этой важной войны ничего не известно, но мы видим, что во время последней части Олинфской войны Афины прилагали значительные усилия. Демосфен (в речи, произнесенной шесть лет спустя) утверждает, что афиняне отправили на помощь

Олинфу четыре тысячи граждан, десять тысяч наемников и пятьдесят трирем.[752] Он представляет халкидские города как последовательно преданные Филиппу продажными и вероломными гражданами. В том, что завоевание было достигнуто во многом благодаря коррупции, сомневаться не приходится; но язык оратора не несет точной информации. Мекиберна и Торонка, как говорят, были в числе городов, преданных без сопротивления. [753] После того как Филипп захватил тридцать два халкидских города, он двинулся против самого Олинфа с его соседями-фракийцами Метонем и Аполлонией. Форсировав реку Сардон, он встретил такое сопротивление, что его войска поначалу были отбиты, а сам он был вынужден искать спасения вплавь через реку. Кроме того, он был ранен в глаз олинфским лучником по имени Астер и полностью потерял зрение, несмотря на мастерство своего греческого хирурга Критобула.[754] Прибыв в сорок фурлонгов от Олинфа, он послал жителям императивный призыв, намекая, что либо они должны покинуть город, либо он должен покинуть Македонию.[755] Отвергнув этот призыв, они решили защищать свой город до последнего. Значительная часть последнего афинского вооружения все еще находилась в городе, чтобы помочь в обороне;[756] так что олинфяне могли с полным основанием рассчитывать, что Афины напрягут все силы, чтобы защитить своих граждан от плена. Но их надежды не оправдались. Как долго длилась осада и было ли у Афин время послать подкрепление, мы не можем сказать. Олинфы, как говорят, с потерями отразили несколько нападений Филиппа; но, по словам Демосфена, филиппики, возглавляемые продажными Евтикратом и Ластеном, добились изгнания своего главного противника Аполлонида, свели на нет все меры по энергичной обороне и предательски сдали город. У стен города они потерпели два поражения, и один из генералов этой партии, имея под своим началом пятьсот конников, намеренно предал их в руки захватчика.[757] Олинф со всеми его жителями и имуществом в конце концов перешел в руки Филиппа. Таким образом, к концу зимы 348-347 гг. до н. э. его господство на Халкидском полуострове стало полным.

Горестным было разорение, постигшее этот процветающий полуостров. Жители Олинфа - мужчины, женщины и дети - были проданы в рабство. Богатство города дало Филиппу возможность вознаградить своих солдат за труды войны; сам город он, как говорят, разрушил вместе с Аполлонией, Мефоном, Стагейрой и т. д., - всего тридцать два халкидских города. Демосфен, говоря о пяти годах спустя, утверждает, что они были так тщательно и жестоко разрушены, что их места едва различимы.[758] Сделав все возможные преувеличения, мы можем справедливо полагать, что они были разобраны и лишены всех граждан-собственников; что здания и видимые следы эллинской городской жизни были разрушены или оставлены в упадке; что оставшиеся дома, как и деревни вокруг, были арендованы зависимыми земледельцами или рабами, - теперь работающими на благо новых македонских собственников, в значительной части нерезидентов, и, вероятно, также благосклонных греческих грантополучателей.[759] Хотя различные греки получили таким образом вознаграждение за услуги, оказанные Филиппу, Демосфен утверждает, что Евтикрат и Ластен, предатели, продавшие Олинф, не были в их числе; по крайней мере, вскоре после этого они были уволены с позором и презрением.[760]

В этой Олинфской войне, губительной для халкидских греков, ужасающей для всех остальных греков и удваивающей власть Филиппа, Афины тоже должны были понести серьезные расходы. В общих чертах можно сказать, что за всю войну с Филиппом - со времени взятия Амфиополя в 358-357 гг. до н. э. и до заключения мира в 346 г. до н. э. или вскоре после этого - она потратила не менее пятнадцати сотен талантов.[761] На этих подсчетах не стоит делать большого акцента, но мы вполне можем поверить, что ее расходы были значительными. Несмотря на все нежелание, она была вынуждена что-то делать; то, что она делала, было и слишком мало, и слишком прерывисто, - делалось с опозданием,

чтобы не привести к удовлетворительному результату; но, тем не менее, совокупные расходы в течение нескольких лет были велики. Во время последней части Олинфской войны, насколько мы можем судить, она действительно, кажется, прилагала усилия, хотя вначале сделала немного. Мы можем предположить, что расходы должны были быть покрыты, по крайней мере частично, прямым налогом на имущество; ведь осуждение Аполлодора положило конец предложению брать деньги из Феорического фонда.^[762] Возможно, также были найдены средства для экономии на других расходах государства.

Хотя ассигнование средств из Феофициального фонда на другие цели по-прежнему не допускалось никакими официальными предложениями, время от времени на него намекали Демосфен и другие; и всякий раз, когда требовались деньги на войну, косвенно поднимался вопрос о том, следует ли брать их из этого источника или из прямого налога на имущество. Однако ассигнования из Феорического фонда оставались неизменными до самого кануна битвы при Херонее. Незадолго до этого сражения, когда Филипп укреплял Элатею, фонд был использован на военные нужды; взгляды Демосфена были реализованы - спустя двенадцать лет после того, как он начал их проводить в жизнь.

Этот вопрос о расходах на Феорию редко представляется современными авторами в том виде, в каком он действительно затрагивал афинское сознание. Иногда его рассматривают как своего рода милостыню для бедных, иногда - как расходы афинян на свои удовольствия. Ни тот, ни другой вариант не дает полного и правильного представления о деле; каждый из них раскрывает лишь часть истины.

Несомненно, афинская демократия много заботилась об удовольствиях граждан. Она предоставляла им самое большое количество изысканных и фантазийных удовольствий, которые когда-либо пробовала любая известная истории община; удовольствия, по сути, социальные и многообразные, связывающие граждан друг с другом, богатых и бедных, крепкими узами общности наслаждений.

Но удовольствие, хотя и было обычным аксессуаром, не являлось главной идеей или преобладающей целью расходов теориков. Эти расходы носили в основном религиозный характер, совершались только на различных праздниках и посвящались исключительно почитанию богов. Древняя религия, не только в Афинах, но и во всей Греции и современном мире, - сильно отличавшаяся в этом отношении от современной, - включала в себя и свои проявления почти весь спектр социальных удовольствий.^[763] Итак, Фонд теорий был, по сути, церковным фондом в Афинах, на который относились все расходы, понесенные государством на праздники и поклонение богам. Диобелий, или раздача двух оболов каждому гражданину, был одной из частей этих расходов; он давался для того, чтобы каждый гражданин имел возможность присутствовать на празднике и воздать честь богу; он никогда не давался тому, кто находился за пределами Аттики, потому что, конечно, он не мог присутствовать;^[764] но давался всем одинаково в пределах страны, богатым или бедным.^[Это было необходимо для всеобщего общения, которое составляло главную особенность фестиваля, не только в отношении бога, но и в отношении города;]^[766] но это была только одна часть общих выплат, покрываемых Фондом теорий. В этот общий религиозный фонд, согласно закону, должны были перечисляться излишки обычных доходов после того, как все расходы на установление мира были покрыты. Не было ассигнований, более полно отвечающих общим чувствам, более способствующих единению города и приносящих большее удовлетворение каждому жителю.

Нам не известна ни сумма Фонда теорий, ни связанные с ним распределения. Поэтому мы не можем сказать, какую долю он составлял от всех расходов на мир, - сами они также

неизвестны. Но мы не можем сомневаться, что она была велика. Скупость в расходах на манифестации в честь богов считалась у греков оборотной стороной добродетели; и особенно афиняне, чьи глаза каждый день созерцали великолепие своего акрополя, должны были усвоить другой урок, - более того, считалось, что пышная религиозная демонстрация примиряет защиту и благосклонность богов.[767] Мы можем утверждать, однако, на основании самых сильных предпосылок, что эти религиозные расходы не поглощали средств, необходимых для других отраслей мирного устройства. Ни военно-морские, ни военные, ни административные нужды не были ущемлены, чтобы пополнить избыток средств, выделенных Теориком. Эвбул отличался прекрасным содержанием доков и арсеналов, а также заботой о замене обветшавших трирем на новые. И после того как все потребности хорошо налаженного мирного хозяйства были удовлетворены, ни один афинянин не побрезговал присвоить то, что осталось под влиянием сговорившихся побуждений благочестия, удовольствия и социального братства.

Правда, афиняне могли бы ежегодно откладывать эти излишки в акрополе, чтобы сформировать накопительный военный фонд. Подобное положение было сделано за полвека до этого, при полной энергии и императорской власти Афин, когда у нее были более значительные доходы, многочисленные союзники, платившие дань, и когда Перикл председательствовал в ее советах. Возможно, было бы лучше, если бы она сделала нечто подобное в эпоху после Пелопоннесской войны. Возможно, если бы такие люди, как Перикл или даже Демосфен, пользовались заметным превосходством, ей бы посоветовали и убедили продолжать такую меру предосторожности. Но прежде чем мы сможем оценить степень импровизации, в которой справедливо обвиняют Афины, мы должны знать, какова была сумма, потраченная на празднества. Какую сумму можно было бы накопить на случай войны, даже если бы все праздники и все раздачи были прекращены? Насколько возможно было бы в любом другом случае, кроме очевидной текущей необходимости, внести экономию в расходы на праздники, которые Демадес справедливо назвал цементом политической системы,[768] не нарушив в душе каждого человека того чувства общности, религиозного, социального и патриотического, которое делало афинян городом, а не простым умножением единиц? Это те вопросы, о которых мы должны иметь информацию, прежде чем мы сможем справедливо вынести порицание Афинам за то, что они не превратили свой Фонд теократии в накопленный капитал на случай войны. Мы также должны спросить для беспристрастного сравнения, сколько правительств, древних или современных, когда-либо считали необходимым откладывать во время мира запас денег на случай войны?

Афинское мирное правительство содержало больше военных кораблей, больше доков и лучше хранимых арсеналов, чем любой город в Греции, кроме того, ежегодно тратило сорок талантов на государственных всадников и, несомненно, что-то еще (хотя мы не знаем, сколько) на другие виды военной силы. Все это, следует заметить, а также расходы на Феорику, покрывались без прямого налогообложения, которое было зарезервировано для чрезвычайных расходов, связанных с военным положением, и считалось достаточным для их покрытия, без какого-либо накопленного военного фонда. Когда война с Филиппом стала серьезной, афинских собственников, включенных в систему налогообложения, призвали покрывать расходы прямым налогом, от которого они были совершенно свободны в мирное время. Они пытались уклониться от этого бремени, требуя, чтобы вместо этого были выделены средства из фонда фестиваля;[769] таким образом они угрожали тому, что было дороже всего для чувств большинства граждан. Принцип их действий был таким же, как если

бы собственники во Франции или Бельгии требовали освободить себя от прямого налогообложения расходов на войну, предварительно забрав либо всю, либо половину ежегодной суммы, выделяемой из бюджета на поддержание религии.^[770] Мы можем судить, насколько сильные чувства вызвало бы у афинской публики в целом предложение обеднить расходы на фестиваль, чтобы сэкономить налог на имущество. Несомненно, после того как класс собственников понесет определенное бремя прямого налогообложения, их жалобы станут обоснованными. Расходы на празднества не могли оставаться неизменными под сильным и постоянным давлением войны. В качестве второго и вспомогательного ресурса стало бы необходимым использовать весь фонд или его часть для облегчения тягот войны. Но даже если бы все средства были использованы таким образом, фонд не мог бы быть достаточно большим, чтобы отказаться от необходимости вводить налог на недвижимость.

Мы видим этот конфликт интересов - между прямым налогообложением, с одной стороны, и фестивальным фондом, как средством оплаты войны, с другой, - проходящий через все оратории Демосфена и особенно заметный в четвертом Филиппике.^[771] К несчастью, этот конфликт послужил обеим сторонам оправданием для сваливания вины друг на друга и голодной войны, а также для приведения в действие отвращения, разделяемого и богатыми, и бедными, к личной военной службе за границей. Демосфен не принимает ни ту, ни другую сторону, пытается стать посредником между ними и призывает к патриотическому самопожертвованию и тех, и других. Имея перед собой активного и живого врага, ставя на карту свободы как Греции, так и Афин, он призывает ко всем видам жертв сразу - личной службе, выплате прямых налогов, отречению от празднеств. Иногда на первый план выступает одно требование, иногда другое; но чаще всего он призывает к личной службе. При таких военных потребностях расходы на теократию становились вредными не только потому, что поглощали государственные деньги, но и потому, что приковывали граждан к дому и отвращали от активной службы за границей. Огромное очарование и масса чувств, связанных с фестивалем, по сути, связанным с присутствием в Аттике, действовали как вред; в тот момент, когда треть или четверть граждан должны были нести тяжелую службу в качестве солдат на берегах Македонии или Фракии, против врага, который никогда не спал. К несчастью для афинян, все патриотическое красноречие Демосфена не смогло убедить их в том, что праздники, которые питали их благочестие и скрашивали их домашний быт в мирное время, не могут быть сохранены во время войны и должны быть отменены на время, если мы хотим сохранить свободу и безопасность Афин. Тот же недостаток энергии, который заставлял их уклоняться от тягот личной службы, также делал их неготовыми к такой большой жертве, как их празднества; да и не помогло бы им сэкономить на празднествах, если бы их беспечность как солдат продолжалась. Их могло спасти только одновременное выполнение всех трех требований, выдвинутых Демосфеном в 350 году до н. э.; в конце концов, это требование было выполнено, но слишком поздно, в 339-338 годах до н. э.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ LXXXVIII.

О ПОРЯДКЕ ОЛИНФСКИХ ОРАЦИЙ ДЕМОСФЕНА.

Относительно истинного хронологического порядка этих трех ораторских выступлений с древних времен передавались разногласия, которые сохраняются и среди современных критиков.

Следует понимать, что я всегда говорю и описываю эти речи в том порядке, в котором они были отредактированы: хотя, насколько я могу судить, этот порядок не является истинным.

Порядок Дионисия II. III. I.

С другой стороны, Флатх (Geschichte Makedoniens, р. 183-187) с такой же уверенностью высказывается в пользу порядка, установленного Дионисием. Гораздо более высокий авторитет, доктор Тирлуолл, соглашается с тем же мнением, хотя и с меньшей уверенностью, и с более справедливой оценкой наших неадекватных средств для решения вопроса. См. Приложение iii. к 5-му тому его "Истории Греции", с. 512.

Исходя из наилучшего суждения, которое я могу сформировать, я не могу полностью принять ни отредактированный порядок, ни порядок Дионисия, хотя частично согласен с обоими. Я согласен с Дионисием и доктором Тирлуоллом в том, что второй Олинфак *стоит первым* из трех. Я согласен с отредактированным порядком, поместив третьего *последним*. В Приложении д-ра Тирлуолла я заметил, что такое расположение было обосновано в диссертации Стьюве. Я не видел этой диссертации, и мое собственное заключение было сделано (даже до того, как я узнал, что оно когда-либо отстаивалось в других местах) только на основе внимательного изучения речей.

Орден Стъюве II. I. III.

Сначала рассмотрим, какое место занимает *второй* Олиф (я имею в виду тот, который стоит вторым в отредактированном порядке).

Наиболее примечательной особенностью этой оратории является то, что в ней почти ничего не говорится об Олинфе. По сути, это скорее филиппика, чем олинфянка. Эту особенность не просто признает, но и решительно *ly* выдвигает Петренц, р. 11: "*Quid! quod ipsorum Olynthiorum hac quidem in causâ tantum uno loco facta mentio est-ut uno illo versiculo sublato, vix ex ipsâ oratione, quâ in causâ esset habita, certis rationibus evinci posset.*" Как мы можем

объяснить отсутствие всех упоминаний об Олинфе? По мнению Петренца, это потому, что оратор в своей предыдущей речи уже сказал все, что было необходимо, о нуждах Олинфа и необходимости поддерживать этот город даже ради безопасности Афин; теперь он мог рассчитывать, что его первая речь останется под впечатлением от его соотечественников, и что все, что требовалось, это побороть чрезвычайный страх перед Филиппом, который мешал им привести в исполнение уже принятое решение оказать помощь олинфянам.

С этой гипотезой я не могу согласиться. Она может показаться естественной читателю Демосфена, который переходит от первого напечатанного рассуждения ко второму без какого-либо промежуточного времени, чтобы забыть только что прочитанное. Но это вряд ли подходит к случаю реального оратора в оживленных Афинах. Ни Демосфен в колеблющемся афинском собрании, ни даже любой оратор в более стабильном английском парламенте или американском конгрессе не могли быть настолько опрометчивы, чтобы рассчитывать, что речь, произнесенная за некоторое время до этого, останется запечатленной в памяти его слушателей. Если Демосфен ранее обращался к афинянам с таким сильным убеждением о бедственном положении Олинфа и о мотивах, побуждающих Афины оказать помощь Олинфу, как это отражено в первой речи, если его речь, как бы хорошо она ни была принята, не возымела действия, так что через некоторое время ему пришлось обратиться к ним снова с той же целью, я не могу поверить, что он упомянул бы Олинф только один раз, и что он просто расширил бы общие шансы и условия войны между Афинами и Филиппом. Как бы хорошо ни была рассчитана вторая олинфская речь, "ad concitandos exacerbandosque civium animos" (по выражению Петренца), она не рассчитана особым образом на то, чтобы обеспечить помощь Олинфу. Если бы оратору не удалось добиться такой помощи с помощью речи, подобной первой олинфской, он никогда не прибег бы к речи, подобной второй олинфской, чтобы восполнить недостаток; он повторил бы заново, и более внушительно, чем прежде, опасность Олинфа и опасность для самих Афин, если бы они допустили падение Олинфа. Так он мог бы достичь своей цели и в то же время побороть страх перед Филиппом в умах афинян.

Согласно моей точке зрения, отсутствие (или лишь одно мимолетное упоминание) Олинфа ясно показывает, что нужды этого города и настоятельная необходимость оказать ему помощь не были главной целью Демосфена во втором Олинфе. Его главная цель - ободрить и стимулировать своих соотечественников в их общей войне против Филиппа; принимая, с благодарностью, нового союзника Олинфа, которого они только что приобрели, но принимая его только как ценного помощника (ἐν προσηύκεις μέρει), чтобы сотрудничать с Афинами против Филиппа, а также получать помощь от Афин - не представляя его ни как особенно нуждающегося в помощи, ни как способного, если позволить ему погибнуть, подвергнуть опасности жизненные силы Афин.

Речь такого характера я не могу удовлетворительно объяснить, как следующую за совершенно иным духом первого Олинфа; но она естественна и объяснима, если мы предположим, что она предшествовала первому Олинфу. Олинф сначала не подходит к Афинам в *форме нищего*, как если бы она была в опасности и нуждалась в помощи против непреодолимого врага. Она выступает как равная, предлагая сотрудничество против общего врага и предлагая союз, которого афиняне до сих пор тщетно искали. Конечно, ей нужна помощь; это, конечно, произойдет, когда ее союз будет принят, но он более подробно останавливается на ценности того, что она *даст* афинянам в виде сотрудничества против Филиппа. Примечательно, что территориальная близость Олинфа к Филиппу представлена не как опасность, которую афиняне должны помочь ей предотвратить, а как божественное благо, позволяющее им лучше напасть на Филиппа вместе с ней. Более того, Олинф

представлен не как предчувствующий какую-либо опасность от оружия Филиппа, а как недавно обнаруживший, насколько опасно быть в союзе с ним. Возблагодарим богов (говорит Демосфен при открытии второй Олинфии) - τὸ τοὺς πολεμήσοντας Φιλίππῳ γεγενῆσθαι καὶ χώραν ὄμιον καὶ δύναμιν τινα κεκτημένους, καὶ τὸ μέγιστον ἀπάντων, τὴν ὑπὲρ τοῦ πολέμου γνώμην τοιαύτην ἔχοντας, ὥστε τὰς πρὸς ἐκεῖνον διαλλαγὰς, πρῶτον μὲν ἀπίστους, εἴτα τῆς ἐαυτῶν πατρίδος νομίζειν ἀνάστασιν εἶναι, δαιμονίᾳ τινὶ καὶ θεῇ παντάπασιν ἔοικεν εὐεργεσίᾳ (р. 18).

Общий настрой второго Олинфа созвучен этому началу. Демосфен предвкушает активную агрессивную войну Афин и Олинфа против Филиппа и подробно описывает общие шансы этой войны, отмечая как уязвимые, так и одиозные стороны Филиппа и стремясь (как справедливо замечает Петренц) "возбудить и раззадорить умы граждан".

Таковы первые яркие перспективы олинфского союза с Афинами. Но Афины, как обычно, не предпринимают никаких усилий, оставляя олинфян и халкидян бороться с Филиппом в одиночку. Вскоре выясняется, что он получил преимущества перед ними; из Фракии приходят плохие новости, и, вероятно, посланники с жалобами сообщают их. Именно тогда Демосфен выступает со своей первой "Олинфией", гораздо более настоятельной по своему тону в отношении Олинфа. Теперь главная тема - "Защитите олинфян; спасите их города-союзники; подумайте, что будет, если их разорить; ничто не помешает Филиппу в таком случае двинуться в Аттику". Взгляды Демосфена изменились с наступательных на оборонительные.

Поэтому я не могу не думать, что все внутренние свидетельства олинфийцев указывают на то, что второй вариант предшествует по времени как первому, так и третьему. Стьюве (по мнению д-ра Тирлуолла) называет еще одну причину, склоняющую к тому же выводу. Во второй Олинфии ничего не говорится о вмешательстве в дела Феорического фонда; в то время как в первой эта тема явно затрагивается, а в третьей - настойчиво и неоднократно, хотя и с достаточным ухищрением, чтобы сохранить незаконность. Это трудно объяснить, если предположить, что второе послание предшествует первому; но не менее трудно, если предположить, что второе - самое раннее из трех и было написано с той целью, на которую я указал.

С другой стороны, такая манера обращения с теоритическим фондом в третьей оратории, по сравнению с первой, является одним из веских оснований полагать (как справедливо утверждает Петренц), что третья оратория предшествует первой, а не предшествует ей, как утверждает Дионисий.

Что касается третьего Олинфа, то его направление и цель, как мне кажется, правильно изложены в аргументации, приложенной Либанием. Она была произнесена после того, как Афины послали в Олинф некоторую помощь; в то время как и первая, и вторая были произнесены до того, как было сделано хоть что-то. Я думаю, что есть все основания следовать Либанию (как это делают Петренц и другие) в его утверждении, что третья оратория признает Афины как совершившие *нечто*, чего не сделали две первые; хотя д-р Тирлуолл (р. 509) согласен с Джекобсом в сомнении такого различия. Успехи наемников, о которых сообщают в Афинах (стр. 38), несомненно, должны были быть успехами наемников по ее заказу; и триумфальные надежды, отмеченные Демосфеном как фактически распространенные, наиболее естественно объясняются предположением, что такие новости были получены. Демосфен говорит об успехе, достигнутом на самом деле, не больше, чем может помочь, потому что считает его не имеющим серьезного значения. Он хочет показать

народу, чтобы исправить распространенную излишнюю самоуверенность, что с реальной опасностью еще предстоит справиться.

Афины хоть и делали что-то, но мало - не посылали граждан, не обеспечивали их жалованием. Демосфен призывает ее сделать это без промедления и останавливается на Феорическом фонде как на одном из средств получения денег наряду с личной службой. Доктор Тирлуолл действительно утверждает, что первая "Олинфия" более настоятельна, чем третья, в изложении кризиса; отсюда он делает вывод, что она более поздняя по времени. Его аргументы частично основаны на предложении в начале первой Олинфии, где говорится о безопасности *самой Афины* - τῶν πραγμάτων ὑμῖν αὐτοῖς ἀντιληπτέον ἐστὶν, εἴπερ ὑπὲρ σωτηρίας αὐτῶν φροντίζετε: на что я могу заметить, что чтение αὐτῶν не является общепризнанным. Диндорф в своем издании читает αὐτῶν, относя его к πραγμάτων: и указывая в своем примечании, что αὐτῶν - это чтение вульгаты, впервые измененное Рейске на αὐτῶν на основании Кодекса Баварикуса. Но даже если мы признаем, что в первом Олинфее кризис изображен более опасным и срочным, чем в третьем, мы не можем сделать вывод о том, что первое послание предшествует третьему. Третья была написана сразу после получения известий об успехе под Олинфом; дела олинфян действительно процветали в течение некоторого времени и в определенной степени - хотя масштабы процветания были сильно преувеличены общественностью. Демосфен ставит перед собой задачу бороться с этим преувеличением; он как можно легче пропускает недавние хорошие новости, но не может не учесть их и не отбросить опасность Олинфа в более отдаленную перспективу. В то же время он заявляет об этом самым решительным образом, как в разделе 2, так и в разделах 9, 10.

Не будучи нечувствительным к ошибочности всех мнений, основанных на столь несовершенных доказательствах, я думаю, что истинный хронологический порядок Олинфа - это тот, который предлагает Стьюве, II. I. III. С Дионисием я согласен в том, чтобы поставить второго первым, а с общепринятым порядком - поставить третьего последним.

ГЛАВА LXXXIX. ОТ ВЗЯТИЯ ОЛИНФА ДО ОКОНЧАНИЯ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ ФИЛИППА.

Ранней весной 347 года до н. э., насколько мы можем судить, Олинф, после того как до этого были завоеваны тридцать халкидских городов, подвергся подобной участи из рук Филиппа. Изгнание и нищета стали уделом тех олинфян и халкидян, которые смогли бежать; большинство же представителей обоих полов были проданы в рабство. О разнообразии страданий, выпавших на долю этих несчастных жертв, сохранилось несколько болезненных свидетельств. Атрестидас, аркадиец, вероятно, служивший в македонской армии, получил от Филиппа в дар тридцать олинфских рабов, в основном женщин и детей, которых видели идущими за ним вереницей, когда он возвращался домой через греческие города. Многие молодые олинфянки были куплены для того, чтобы новые владельцы обратили их в свою пользу. Один из этих покупателей, афинский гражданин, выставивший свою новую покупку в Афинах, был предан суду и осужден за это Дикастерием.^[772] До нас дошли и другие анекдоты, возможно, неточные в именах и деталях,^[773] но иллюстрирующие общие тяготы,

выпавшие на долю этого некогда свободного халкидского населения. Тем временем победитель Филипп находился на пике своей славы. В честь своих завоеваний он устроил в Македонии великолепный праздник в честь Зевса Олимпийского, с беспредельным гостеприимством и всевозможными призами за поединки и выставки, как гимнастические, так и поэтические. Он делал щедрые пожертвования как греческим и македонским офицерам, которые служили ему, так и выдающимся поэтам или актерам, которые пришлось ему по вкусу. Комический актер Сатир, отказавшись от всех подарков для себя, попросил и добился от него освобождения двух девушек, взятых в Олинфе, дочерей его друга пиднейца Аполлофана, который был одним из лиц, причастных к смерти старшего брата Филиппа Александра. Сатир объявил о своем намерении не только обеспечить свободу этим молодым женщинам, но и обеспечить их уделами и выдать замуж.^[774] Филипп также нашел в Олинфе двух своих сводных братьев-изгнанников, которые послужили поводом для войны, и предал их смерти.^[775]

Уже говорилось, что Афины не раз посылали в Олинф значительное подкрепление, особенно в последний год войны. Хотя нам неизвестно, чего достигли эти экспедиции и какова была их точная численность, мы находим основания подозревать, что они использовались Харесом и другими генералами не по назначению. Противники Хареса обвиняли его, а также Дейареса и других вождей наемников в том, что они растратили морскую и военную мощь города на пустые предприятия или хищнические поборы с торговцев Эгейского моря. В общей сложности они насчитали 1500 талантов и 150 трирем, потерянных Афинами, а также широкую одиозность, вызванную среди жителей островов несправедливыми взносами, взимавшимися с них для обогащения генерала.^[776] В дополнение к этому позорному успеху пришло страшное разорение в Олинфе и Халкидике, а также великое возвеличивание их врага Филиппа. Потеря Олинфа и жалкий плен его населения сами по себе были бы достаточны, чтобы возбудить сильные чувства среди афинян. Но было еще одно обстоятельство, которое еще больше задевало их чувства. Многие из их собственных граждан служили в Олинфе в качестве вспомогательного гарнизона и теперь оказались в плену вместе с остальными.^[777] Такого несчастья, как это, не постигало Афины уже сто лет, со времен поражения Толмида при Коронее в Беотии. Весь афинский народ, и особенно родственники пленников, был полон волнения и тревоги, усиленных тревожными вестями из других мест. Завоевание угрожало безопасности всех афинских владений на Лемносе, Имбросе и Херсонесе. Особенно этот последний полуостров был совершенно беззащитен перед Филиппом, который, как сообщалось, уже был на подходе к нему; настолько, что афинские поселенцы в его пределах начали отказываться от своего имущества и переводить свои семьи в Афины. Среди горя и опасений, которые тревожили умы афинян, было проведено множество специальных собраний для обсуждения подходящих средств. Что было сделано, мы точно не знаем. Но, похоже, никто не знал, где находится генерал Харес со своим вооружением, так что даже его друзьям в собрании пришлось вторить сильным выражениям недовольства в народе и немедленно отправить легкое судно на его поиски^[778].

Серьезность кризиса заставила даже Эвбула и других государственных деятелей, до сих пор вяло участвовавших в войне, выступить против Филиппа более энергично, чем прежде. Объявив его теперь общим врагом Греции,^[779] они предложили отправиться в Пелопоннес и другие места, чтобы склонить греческие государства к конфедерации против него. Эсхин энергично содействовал принятию этого предложения и сам был назван одним из посланников в Пелопоннес^[780].

Этот способный оратор, увековеченный как соперник Демосфена, до сих пор встречался нам только как солдат в различных афинских экспедициях - в Пелопоннес (368), в битву при Мантинее (362) и в Эвбею при Фокионе (349 до н. э.); в последней он заслужил благосклонное внимание генерала и был отправлен в Афины с известием о победе при Тамине. Эсхинес был примерно на шесть лет старше Демосфена, но родился в гораздо более скромном и бедном положении. Его отец Атромет учил мальчиков азам письма; мать Глаукотея зарабатывала на жизнь тем, что председательствовала на некоторых религиозных собраниях и обрядах посвящения, предназначенных в основном для бедных прихожан; мальчик Эсхин помогал и тому, и другому в умственном отношении. Таково, по крайней мере, утверждение, дошедшее до нас, обогащенное различными унижительными подробностями, на основании сомнительного авторитета его соперника Демосфена;[\[781\]](#) который также утверждает, что мы можем принять за истину в целом, что Эсхинс провел свою раннюю юность частично как актер, частично как писец или чтец в официальных коллегиях. Для обеих функций он обладал некоторыми природными достоинствами - атлетическим телосложением, мощным голосом, готовым потоком невразумительной речи. После нескольких лет работы писцом, в течение которых он был полезен Эвбулу и другим, он был избран общественным писцом собрания, познакомился с административными и парламентскими делами города и таким образом постепенно возвысился до влияния оратора. В ораторском искусстве его, кажется, превзошел только Демосфен[\[782\]](#).

Как посланник Афин, отправленный по предложению Эвбула, Эсхин отправился в Пелопоннес весной 347 года; в то же время другие были отправлены в другие греческие города. Среди прочих мест он посетил Мегалополь, где предстал перед аркадским коллективным собранием под названием "Десять тысяч". Он обратился к ним с одухотворенным увещанием, призывая их объединиться с Афинами для защиты свобод Греции от Филиппа и горячо осуждая тех предателей, которые в Аркадии, как и в других частях Греции, продались агрессору и парализовали всякое сопротивление. Однако он встретил сильное противодействие со стороны оратора по имени Иероним, который отстаивал интересы Филиппа в собрании: и хотя он обещал вернуть некоторые лестные надежды, несомненно, что ни в Аркадии, ни в других частях Пелопоннеса его влияние не имело реальной силы.[\[783\]](#) Самым сильным чувством среди аркадян был страх и неприязнь к Спарте, что сделало их в основном равнодушными, если не благосклонными, к успехам македонцев. Возвращаясь из Аркадии в Афины, Эсхин встретил аркадца Атрестидаса с несчастным отрядом олинфских рабов; это зрелище так сильно поразило афинского оратора, что он с негодованием вспоминал о нем в своей речи перед собранием, сожалея о печальных последствиях греческого раздора и разрушения, вызванного совместным использованием Филиппом оружия и коррупции.

Эсхинес вернулся, вероятно, в середине лета 347 года до н. э. Другие посланники, отправленные в более отдаленные города, оставались в отъезде дольше; некоторые даже до следующей зимы. Хотя, судя по всему, некоторые посланники из других городов по возвращении были вынуждены посетить Афины, ни в одной части Греции не удалось добиться искреннего и сердечного сотрудничества против Филиппа. Пока Филипп в полном триумфе праздновал свой великолепный олимпийский праздник в Македонии, афиняне были удручены, обнаружив, что не могут рассчитывать на поддержку независимых греков, и им оставалось действовать только с помощью своего узкого синода союзников. Поэтому Эвбул и Эсхин стали искренними сторонниками мира, а Демосфен, по-видимому, под влиянием всеобщего уныния также проявил готовность к переговорам. Эти два оратора, хотя и стали впоследствии ожесточенными соперниками, на данном этапе не сильно расходились в настроениях. С другой стороны, ораторы-филипписты в Афинах

придерживались более смелого тона, чем когда-либо. Так как Филипп обнаружил, что его порты сильно заблокированы афинскими крейсерами, он мог воспользоваться своим превосходством для укрепления своего военно-морского флота. Теперь нигде не было такого изобилия морских запасов и боеприпасов для вооруженных кораблей, как в Афинах. Вероятно, существовали агенты или спекулянты, принимавшие меры для снабжения Филиппа этими товарами, и именно против них было направлено постановление собрания, принятое по предложению сенатора по имени Тимарх, - наказывать смертью всех, кто будет вывозить из Афин к Филиппу оружие или товары для военных кораблей.^[784] Это суровое постановление, как никогда, было принято в то самое время, когда в Афинах усиливалась склонность к миру, если мир был достижим.

За несколько месяцев до взятия Олинфа уже зародились мысли о мире, отчасти благодаря косвенным уговорам самого Филиппа. Летом 348 года до н. э. эвбейцы пытались договориться с Афинами; борьба в Эвбее, хотя мы не знаем о ней никаких подробностей, не прекращалась в течение последних полутора лет. Однако эвбейские посланники сообщили, что Филипп хотел передать им от него пожелание закончить войну и заключить мир с Афинами.^[786] Хотя Филипп в это время завоевал большую часть Халкидики и успешно против остальной части, он все же был заинтересован в том, чтобы отстранить Афины от войны, если сможет. Ее манера вести войну действительно была слабой и вялой; тем не менее она причинила ему много вреда на море и была единственным городом, способным организовать против него обширную греческую конфедерацию, которая, хотя еще и не была создана, была, по крайней мере, возможной при ее президентстве.

Влиятельный афинянин по имени Фринон был захвачен крейсерами Филиппа во время перемирия на Олимпийском фестивале в 348 году до н. э.: после некоторого заключения он получил из дома требуемый выкуп и добился своего освобождения. Вернувшись в Афины, он обладал достаточным авторитетом, чтобы убедить общественное собрание отправить вместе с ним другого гражданина в качестве общественного посланника от города к Филиппу, чтобы помочь ему вернуть выкуп, который, как он утверждал, был несправедливо потребован с одного из захваченных во время священного перемирия. Хотя такое решение кажется странным в середине войны,^[787] афинский народ отнесся к этому делу с пониманием; Ктесифон был назначен посланником и вместе с Фриноном отправился к Филиппу, которого они должны были найти занятым в войне против Олинфа. Принятые самым любезным образом, они не только добились возвращения выкупа, но и полностью расположили к себе Филиппа. Проводя свою обычную хорошую политику, он воспользовался возможностью заполучить (правильнее сказать, подкупить, так как восстановление выкупа было по сути взяткой) двух влиятельных афинских граждан, которых он теперь отправил обратно в Афины в качестве своих явных приверженцев.

Фринон и Ктесифон по возвращении горячо рассказывали о щедрости Филиппа, о его льстивых высказываниях в адрес Афин и нежелании продолжать войну против них. Народное собрание было настроено благосклонно, и гражданин по имени Филократ, который впервые предстает перед нами, предложил постановление, дающее Филиппу право послать глашатая и посланников, если он пожелает, для заключения мира; именно это Филипп и хотел сделать, по утверждению Ктесифона. Постановление было принято собранием единогласно, но через некоторое время после этого Филократ был обвинен в незаконном предложении в Дикастерии гражданином по имени Ликиний. Когда дело дошло до суда, Дикастерий вынес оправдательный приговор с таким триумфом, что Ликиний не получил даже пятой части

голосов. Филократ был настолько болен, что не смог выступить в защиту своего дела, Демосфен выступил в его поддержку и произнес длинную речь в его пользу[788].

Предложение Филократа ничего не решало, а только открывало возможность, которой, однако, Филипп не захотел воспользоваться. Но мы видим, что мысли о мире высказывались некоторыми лицами в Афинах даже в последние месяцы Олинфской войны, когда часть афинских граждан фактически помогала Олинфу против осаждающих Филиппа. Вскоре пришло страшное известие о падении Олинфа и пленении афинских граждан, находившихся там в гарнизоне. В то время как эта великая тревога (как уже говорилось) породила новые миссии для антимакедонских союзов, она привлекла на сторону мира всех друзей тех пленников, чьи жизни теперь находились в руках Филиппа. Горе, причиненное таким образом многим частным семьям, вместе с силой индивидуального сочувствия, широко распространившегося среди граждан, оказало сильное влияние на решения общественного собрания. За столетие до этого афиняне отказались от всех своих приобретений в Беотии, чтобы вернуть пленников, захваченных при поражении Толмида у Коронеи; а во время Пелопоннесской войны политика спартанцев в течение трех-четырех лет определялась главным образом стремлением обеспечить восстановление пленников Сфактерии. Кроме того, в Олинфе было захвачено несколько афинян, имевших важное личное значение, в том числе Эвкрат и Иатрокл. Вскоре после получения известий родственники этих двух людей, представ перед собранием в торжественном облике сторонников, возложили на алтарь оливковую ветвь и просили позаботиться о безопасности их пленных родственников. 789] Этот призыв, подхваченный криками многих других граждан, попавших в такую же беду, вызвал единодушное сочувствие собрания. И Филократ, и Демосфен высказались в его поддержку; Демосфен, вероятно, будучи активным сторонником войны, тем более стремился показать, что он остро переживает столь сильные индивидуальные страдания. Было решено начать косвенные переговоры с Филиппом об освобождении пленников, через некоторых из великих трагических и комических актеров, которые, путешествуя в рамках своей профессии по всем городам Греции, везде считались в некотором роде привилегированными лицами. Один из них, Неоптолем, [790] уже воспользовался своей профессией и свободой передвижения, чтобы помочь Филиппу в интригах и переписке в Афинах; другой, Аристодем, также был в хорошем расположении у Филиппа; оба, вероятно, собирались в Македонию, чтобы принять участие в готовящемся там великолепном олимпийском празднике. Им было поручено подать прошение и принять все возможные меры для обеспечения безопасности или освобождения пленников [791].

Судя по всему, эти актеры отнюдь не были оперативны в выполнении своей миссии. Вероятно, они провели некоторое время в своих профессиональных занятиях в Македонии, а Аристодем, не будучи ответственным посланником, задержался на некоторое время даже после своего возвращения, прежде чем сделать какой-либо доклад. Однако то, что его миссия была не совсем бесплодной, стало ясно после прибытия пленного Иатрокла, которого Филипп отпустил без выкупа. Тогда сенат вызвал к себе Аристодема, предложив ему сделать общий отчет о своих делах, что он и сделал: сначала перед сенатом, а затем перед общественным собранием. Он утверждал, что Филипп отнесся к его предложениям благожелательно и что он в наилучшем расположении к Афинам, желая не только заключить с ними мир, но даже быть принятым в качестве их союзника. Демосфен, бывший в то время сенатором, предложил Аристодему благодарственный голос и венок [792].

Это сообщение, насколько мы можем судить, было сделано примерно в сентябре или октябре 347 года до н. э.; Эсхинес и другие бродячие комиссары, посланные Афинами для организации антимакедонской борьбы, вернулись лишь с неутешительными заявлениями об

отказе или вялости. В это же время в Фокисе и Фермопилах произошли и другие события, имевшие серьезное значение для Афин и свидетельствовавшие о том, что Священная война и борьба между фокийцами и фиванцами поворачиваются - как и все события последних десяти лет - к еще большему возвеличиванию Филиппа.

В течение двух предыдущих лет фокийцы, теперь уже под командованием Фалека, вместо Фаила, удерживали свои позиции против Фив, владели беотийскими городами Орхоменом, Коронеей и Корсией, были хозяевами Алпона, Трониума и Никеи, а также прилегающего к ним важного перевала Термопиле.[793] Но, хотя в целом Фивы были успешны, они впали в раздор между собой. Наемников, необходимых для обороны, можно было содержать только за счет постоянного присвоения дельфийских сокровищ, которое год от года становилось все менее выгодным и все более одиозным. В результате последовательного растрачивания золотых и серебряных украшений храм, как говорят, лишился десяти тысяч талантов (около двух миллионов трехсот тысяч фунтов стерлингов), всего имевшегося в нем богатства; так что теперь фокейские вожди были вынуждены искать непроверенное сокровище, которое, как предполагалось (на основании стиха в Илиаде, а также других догадок), было скрыто под его каменным полом. Их поиски, однако, не только не увенчались успехом, но и были остановлены, как нам говорят, сильными землетрясениями, свидетельствующими о гневе Аполлона[794].

По мере того как дельфийских сокровищ становилось все меньше и меньше, сокращались и средства Фалека на оплату войск и поддержание верховенства. В то время как иностранные наемники ослабили свое послушание, его противники в Фокисе проявляли все большую враждебность к его продолжающимся святотатствам. Сила этих противников настолько возросла, что они сместили Фалека, избрали на его место Дейнократа с двумя другими и начали строгое расследование по поводу предшествующего владения дельфийскими сокровищами. Было установлено, что грубое мошенничество было совершено ради выгоды отдельных лидеров, особенно одного по имени Филон, который, будучи схвачен и подвергнут пытке, раскрыл имена нескольких сообщников. Этих людей судили, принуждали к возвращению денег и в конце концов предали смерти.[795] Фалекус, однако, сохранил свое превосходство над наемниками, которых было около восьми тысяч, чтобы удерживать Фермопилы и прилегающие к ним места, и даже в настоящее время был вновь назначен генералом.[796]

Такие междоусобные споры в сочетании с постепенным истощением храмовых фондов заметно уменьшили могущество фокийцев. Однако они все еще оставались слишком сильными для своих врагов - фиванцев, которые, лишившись Орхомена и Коронеи, обеднев от девятилетних военных усилий и не имея возможности прекратить борьбу собственными силами, решили обратиться за помощью к иностранцам. Возможно, появилась бы возможность завершить войну каким-то компромиссом, если бы сейчас можно было договориться между Фивами и Афинами; некоторые фиванские ораторы (среди них, кажется, Демосфен) попытались это сделать под влиянием всеобщего беспокойства по поводу Филиппа.[797] Но негативные настроения в обоих городах, особенно в Фивах, оказались непобедимыми; и фиванцы, не предвидя последствий, решили прибегнуть к губительному вмешательству завоевателя Олинфа. Фессалийцы, и без того ценные союзники Филиппа, присоединились к ним, прося его сокрушить фокийцев и восстановить древнюю фессалийскую привилегию Пилеи (или регулярного ежегодного собрания амфикионов в Фермопиле), которую фокийцы подавляли в течение последних десяти лет. Эта совместная молитва о вмешательстве была обращена от имени дельфийского бога, наделяя Филиппа

почетным статусом защитника амфикионийского собрания, чтобы спасти дельфийский храм от святотатственных грабителей.

Царь Македонии, с его прошлыми завоеваниями и хорошо известным духом агрессивной предприимчивости, теперь был своего рода настоящим божеством, готовым придать силу всем корыстным амбициям или слепому страху и антипатии, распространенным среди недовольных фракций эллинского мира. В то время как его интриги привели к появлению многочисленных сторонников даже в центре Пелопоннеса, - как осуждал Эсхинс по возвращении из своей миссии, сам еще не вступивший в это число, - теперь он был снабжен благочестивым предложением и приглашен могущественными городами проникнуть в сердце Греции, к последней линии ее общей обороны, Фермопилам.

Обращение фиванцев к Филиппу вызвало большую тревогу в Фокисе. Македонская армия под командованием Пармениона действительно вошла в Фессалию, где три месяца спустя осадила Халус.^[798] В сентябре 347 г. до н. э., по-видимому, распространились сообщения о том, что македонцы вот-вот войдут в Фессалию, что македонцы собираются идти на Фермопилы; фокийцы встревожились и отправили посланников в Афины и Спарту, умоляя помочь им удержать перевал и предлагая отдать три важных города вблизи него - Алпус, Тронию и Никею. Это сообщение так встревожило афинян, что они не только приказали Проксену, своему генералу в Орее, немедленно овладеть перевалом, но и приняли постановление снарядить пятьдесят трирем и выслать своих военных граждан моложе тридцати лет с энергией, подобной той, которую они проявили, когда проверяли Филиппа в том же месте. Но, судя по всему, это заявление было подано партией в Фокисе, выступавшей против Фалека. Этот вождь так сильно возмутился, что по возвращении бросил фокейских посланников в тюрьму; отказался впустить Проксена или Архидаму во владение Фермопилами и даже уволил без признания афинских глашатаев, которые пришли в свой обычный обход, чтобы провозгласить торжественное перемирие на Элевсинских мистериях.^[799] Эти действия Фалека были продиктованы, по-видимому, ревностью к Афинам и Спарте и страхом, что они поддержат противостоящую ему партию в Фокисе. Оно не могло быть продиктовано (как утверждает Эсхинс) большим доверием и симпатией к Филиппу; ведь если бы у Фалека были такие чувства, он мог бы сразу принять македонские войска, что он и сделал лишь десять месяцев спустя, под сильнейшим давлением обстоятельств.

Столь оскорбительный отказ от помощи, предложенной Проксеном при Фермопилах, в сочетании с растерянным состоянием сторон в Фокисе грозил Афинам новым затруднением. Хотя Фалек все еще удерживал перевал, его поведение вызывало сомнения в том, что он не может заключить с Филиппом отдельный договор. Вот еще одно обстоятельство, действующее на Афины, - помимо отказа от сотрудничества со стороны других греков и опасности пленников в Олинфе, - которое должно было отвратить ее от продолжения войны и укрепить позиции тех, кто выступал за мир. Это обстоятельство было тем весомее, что оно действительно затрагивало вопрос безопасности или опасности для ее собственной территории, благодаря открытию Фермопильского прохода. Именно здесь ей теперь приходилось быть начеку; она была вынуждена обороняться для обеспечения собственной безопасности дома, а не, как раньше, протягивать длинную руку для защиты дальних владений, таких как Херсонес, или далеких союзников, таких как олинфяне. Так быстро сбылись предсказания Демосфена, что если афиняне откажутся вести упорную войну с Филиппом на его побережье, то навлекут на себя еще более тяжкое зло - им придется противостоять ему на своей собственной границе или вблизи нее.

Сохранение свободы в эллинском мире против внеэллинского захватчика теперь вновь зависело от Фермопильского прохода, как и сто тридцать три года назад, во время похода перса Ксеркса.

Для Филиппа этот перевал имел неисчислимое значение. Это был его единственный путь в Грецию; его не могла форсировать ни одна сухопутная армия, а на море афинский флот был сильнее его. Несмотря на общую беззаботность Афин в военных делах, она уже дважды демонстрировала готовность к энергичным усилиям по удержанию Фермопил. Чтобы стать хозяином положения, ему необходимо было обезоружить Афины, заключив мир, - держать ее в неведении или заблуждении относительно своих истинных целей, - не дать ей зародить тревогу или послать помощь в Фермопилы, - а затем одолеть или выкупить изолированных фокийцев. Насколько умело и хитроумно управлялась его дипломатия с этой целью, мы сейчас увидим.^[800]

С другой стороны, и для Афин, и для Спарты, и для общего дела панэллинской независимости было крайне важно, чтобы Филипп оставался за пределами Фермопил. И здесь Афины были поставлены на карту больше, чем остальные, так как вопрос касался не только ее влияния за границей, но и безопасности ее собственного города и территории от вторжения. Фиванцы уже пригласили Филиппа, который и без приглашения всегда был готов войти в пределы прохода; первым интересом и первым долгом Афин было противодействовать им и не пускать его. При достаточном благоразумии ее гарантии прошлого можно было бы сделать эффективными; но мы увидим, что ее меры закончились лишь позором и разочарованием из-за вопиющей недобросовестности и явной коррупции ее собственных переговорщиков.

О растущем унынии по поводу войны и стремлении к миру, царившем в Афинах летом и осенью 347 года до н. э., уже говорилось. Мы можем быть уверены, что друзья пленников, взятых в Олинфе, будут настойчиво требовать мира, потому что не было другого способа добиться их освобождения; ведь Филипп не решил обменять их на деньги, оставив их в качестве предмета политических переговоров. В конце концов, примерно в ноябре, общественное собрание постановило отправить к Филиппу посланников, чтобы выяснить, на каких условиях может быть заключен мир; десять афинских посланников и один от синода союзников-конфедератов собрались в Афинах. Инициатором постановления был Филократ, тот самый, который ранее принял постановление, разрешающее Филиппу отправлять посланников, если он того пожелает. Этим разрешением Филипп не воспользовался, несмотря на все утверждения филиппистов в Афинах о его стремлении к миру и союзу с городом. Ему было выгодно, чтобы переговоры велись в Македонии, где он мог бы лучше воздействовать на отдельных афинских переговорщиков.

На собрании был принят указ, избраны десять посланников: Филократ, Демосфен, Эсхин, Ктесифон, Фринон, Иатроклес, Деркилл, Кимон, Наусиклес и актер Аристодем. Аглаокреон из Тенедоса был выбран для сопровождения их, как представитель союзного синода. Из этих посланников Ктесифон, Фринон и Иатроклес уже были привлечены Филиппом в партизаны еще в Македонии; кроме того, Аристодем был человеком, для которого, с его профессией актера, благосклонность Филиппа была дороже интересов Афин. Исихий был предложен Наусиклесом; Демосфен - Филократом.^[801] Хотя Демосфен и раньше так активно выступал за энергичное ведение войны, не похоже, что теперь он был против начала переговоров. Если бы он и был против, то при существующем настроении общественного мнения ему, вероятно, не удалось бы добиться даже слушания. Он, правда, считал, что Афины нанесли

врагу такой ущерб, разрушив македонскую морскую торговлю, что ей не пристало соглашаться на мир на плохих или унижительных условиях[802]. Но все же он не возражал против этих предложений, и его противодействие началось только после этого, когда он увидел, какой оборот принимают переговоры. С другой стороны, Эсхина не заподозрили в том, что он склоняется к Филиппу. И он, и Демосфен в тот момент подчинились импульсу мнения, распространенного в Афинах. Их последующие разногласия и ожесточенное соперничество выросли из самого посольства, из его результатов и поведения Эсхина.

Одиннадцать посланников были назначены посетить Филиппа, но не для того, чтобы заключить мир, а просто чтобы обсудить с ним и выяснить, на каких условиях может быть заключен мир. Это несомненно, хотя мы не располагаем оригинальным указом, на основании которого они были назначены. Послав перед собой глашатая, чтобы получить от Филиппа безопасную передачу, они покинули Афины около декабря 347 года до н. э. и отправились морем в Орей, на северное побережье Эвбеа, где ожидали встретить вернувшегося глашатая. Обнаружив, что он еще не вернулся, они, не дожидаясь его, сразу же переправились через пролив в Пагасейский залив, где Парменио с македонской армией осаждал Халус. Ему они сообщили о своем прибытии и получили разрешение пройти дальше, сначала в Пагас, затем в Лариссу. Здесь они встретили своего собственного возвращающегося герольда, под охраной которого продолжили свой путь в Пеллу[803].

Наши сведения об этом (первом) посольстве почти полностью исходят от Эсхина. Он рассказывает, что Демосфен с самого дня отправления был невыносимо хлопотным как для него, так и для его братьев-посланников; злобным, неверным и следящим за тем, чтобы впоследствии все могло быть обращено против них в качестве обвинения; наконец, хвастливым до абсурда в отношении своих красноречивых способностей. В Греции было принято вести дипломатические дела, как и другие политические вопросы, публично, перед правящей верхушкой - советом, если конституция была олигархической, и общим собранием, если демократической. В соответствии с этим обычаем посланники должны были предстать перед Филиппом в полном блеске и торжественности, обратиться к нему с официальной речью (один или несколько человек по их выбору), изложив дело Афин; после чего Филипп должен был дать ответ в такой же торжественной обстановке, либо своими устами, либо устами выбранного министра. Афинские посланники решили между собой, что, когда их представят, каждый из них должен обратиться к Филиппу в порядке старшинства; Демосфен был самым младшим из десяти, а Эсхинс - следующим над ним. Соответственно, когда их вызвали к Филиппу, Ктесифон, самый старый посланник, начал с краткого обращения; остальные семеро последовали за ним с такой же краткостью, в то время как основная часть дела была оставлена Эсхину и Демосфену[804].

Эсхин с большим удовольствием пересказывает афинянам в сокращенном виде свою подробную речь, в которой доказывает право Афин на Амфиполь, несправедливость действий Филиппа, отнявшего его и удерживающего против нее, и его первостепенную обязанность произвести титуацию, но не затрагивает никаких других вопросов.[805] Затем он продолжает утверждать - вероятно, с еще большим удовлетворением, - что Демосфен, выступавший следом, испугавшись и растерявшись, совершенно сломался, забыл свою заготовленную речь и был вынужден остановиться, несмотря на вежливые ободрения со стороны Филиппа.[806] Грубый провал, после полной подготовки, со стороны величайшего оратора древних и современных времен, кажется на первый взгляд настолько невероятным, что мы склонны считать это чистой выдумкой его противника. Тем не менее я склонен считать, что дело обстояло именно так, как рассказывает Эсхинс, и что Демосфен частично лишился своих ораторских способностей, обнаружив, что не только выступает перед врагом,

которого он так горько обличал, но и окружен всеми свидетельствами македонской власти и, несомненно, подвергается недвусмысленным знакам заслуженной ненависти со стороны тех македонцев, которые меньше, чем Филипп, старались скрыть свои истинные чувства[807].

Отпустив посланников после их речей и дав им некоторое время на размышление, Филипп вызвал их к себе. Затем он произнес свой ответ собственными устами, особенно возражая против аргументов Эсхина, и, по словам этого оратора, с такой уместностью и присутствием ума, что вызвал восхищение всех посланников, и Демосфена в том числе. Что говорил Филипп, мы не узнаем от Эсхина, который излагает лишь хитрости, уловки и ложные притворства Демосфена, чтобы скрыть его ораторскую несостоятельность и поставить себя в более выгодное положение по сравнению с его коллегами. Невозможно сказать, насколько правдивы эти сведения; да и даже если бы они были правдивы, они едва ли имеют отношение к общей истории.

Было около начала марта, когда посланники вернулись в Афины. Некоторые из них были совершенно очарованы гостеприимным обращением и обворожительными манерами Филиппа,[808] особенно когда он развлекал их на пиру: с другими он установил взаимопонимание, одновременно более близкое и более порочное. Они привезли письмо от Филиппа, которое было зачитано и в сенате, и в собрании; а Демосфен, сенатор того года, не только похвалил их всех в сенате, но и сам стал инициатором резолюции, согласно которой их следует увенчать почетным венком и пригласить на следующий день отобедать в пританеях[809].

У нас почти нет возможности оценить реальные действия этого посольства или вопросы, обсуждавшиеся с Филиппом. Эсхинес не рассказывает нам ничего, кроме формальностей беседы и речей об Амфиполе. Но мы, во всяком случае, не поступим несправедливо, если будем судить о нем по его собственному рассказу, который, если и не отражает того, что он сделал на самом деле, то представляет то, что он хотел, чтобы о нем думали. Его собственный рассказ, безусловно, свидетельствует о странном непонимании реального положения дел. Чтобы оправдать свое желание заключить мир, он делает значительный акцент на проигрышной игре, которую Афины вели во время войны, и на вероятности еще большего проигрыша, если она будет упорствовать. Он дополняет невеселую картину, добавляя то, что, несомненно, было слишком хорошо знакомо его афинской аудитории, - что Филипп на своей стороне, идя от одного успеха к другому, поднял Македонское царство на поистине грозную высоту, недавно уничтожив Олинф. И все же при таком положении сравнительных сил между двумя соперничающими сторонами Эсхин предстает перед Филиппом с непомерно высоким требованием - уступить Амфиполь. Ни о чем другом он не говорит ни слова. Он произносит красноречивую речь, чтобы убедить Филиппа в неоспоримом праве Афин на Амфиполь и доказать ему, что он был неправ, захватив и удержав его. Он полагает, что таким образом ему удастся побудить Филиппа расстаться с городом, самым крупным и беспримерным во всех его владениях, которым он владел уже двенадцать лет и который обеспечивал ему связь с его новым основанием Филиппами и окружающим их устьевым краем. Аргументы Эсхина были бы весьма кстати, если бы дело рассматривалось между двумя сторонами перед беспристрастным дикастерием в Афинах. Но здесь две воюющие стороны, находящиеся в определенном соотношении сил и перспектив, обсуждали условия мира. То, что посланник Афин, проигравшей стороны, должен теперь требовать от победившего врага то самое место, которое послужило первоначальной причиной войны и которое стало гораздо более ценным для Филиппа, чем когда он впервые его занял, было претензией совершенно нелепой. Когда Эсхинс воспроизводит свою красноречивую речь о возвращении Амфиполя, как о главной необходимости и самом почетном достижении своей дипломатической

миссии, он лишь показывает, насколько мало он был квалифицирован, чтобы оказать реальную услугу Афинам в этом качестве, не говоря уже о коррупции. Афинский народ, чрезвычайно памятный к прошлым убеждениям, глубоко вбил себе в голову, что Амфиполь принадлежит ему по праву; и, вероятно, первые посланники в Македонию - Аристодем, Неоптолем, Ктесифон, Фринон[810] и другие - были настолько обольщены учтивыми фразами, обманами и подарками Филиппа, что по возвращении представляли его не желающим купить дружбу с Афинами восстановлением Амфиполя. К этому обманчивому ожиданию в афинском сознании обращался Эсхинес, когда приписывал Филиппу свои искренние мольбы о праве афинян на это место, как будто это было единственной целью его миссии.[811] Мы увидим, как он в своем качестве посланника не только способствовал действительным заблуждениям афинской публики, но даже распространял грубые вымыслы и самозванство, касающиеся действий и целей Филиппа.

Это было примерно в первый день месяца элафеболиона[812] (марта), когда посланники, вернувшись от двора Филиппа, прибыли в Афины. Они привезли письмо от него, составленное в самых дружеских выражениях; в нем он выражал большое желание не только заключить мир с Афинами, но и стать их союзником; кроме того, он заявлял, что готов оказать ей ценную услугу, и что он более конкретно указал бы, в чем будет заключаться эта услуга, если бы мог быть уверен, что его примут как ее союзника.[813] Но, несмотря на все эти языковые удобства, дававшие повод его сторонникам в собрании, Исинесу, Филократу, Ктесифону, Фринону, Иатроклесу и другим, излагать свои прекрасные намерения, Филипп не соглашался на лучшие условия мира, чем сохранение каждой стороной того, чем она уже владела. В соответствии с этим общим принципом Афинам был гарантирован Херсонес, которым, судя по всему, хвастался Эсхин.[814] Более того, в тот момент, когда посланники покидали Пеллу, чтобы вернуться домой, Филипп также покидал ее во главе своей армии, отправляясь в поход против Керсobleпта во Фракии. Он дал посланникам особое обещание не нападать на Херсонес, пока афиняне не получат возможность обсудить, принять или отвергнуть предложения о мире. Его посланники, Антипатр и Парменион, получили приказ без промедления посетить Афины, а македонский глашатай сопровождал афинских посланников при возвращении[815].

Выяснив, на каких условиях может быть заключен мир, посланники должны были дать советы афинскому народу и подготовить его к определенному заключению, как только прибудет эта македонская миссия. Сначала они отчитались о своих действиях перед общественным собранием. Ктесифон, старейший из них, выступавший первым, рассказал об изящном присутствии и манерах Филиппа, а также об очаровании его компании в винопитии.[Эсхинес остановился на его сильном и содержательном ораторском искусстве; затем он рассказал о главных событиях путешествия и о дебатах с Филиппом, отметив, что, по договоренности посланников между собой, обязанность говорить об Амфиполе была возложена на Демосфена, если предыдущие ораторы упустят какой-либо момент. Затем Демосфен сделал свое заявление, выражаясь (по словам Эсхина) цензурно и даже оскорбительно по отношению к своим коллегам; особенно утверждая, что Эсхин в своем тщеславии решил занять все лучшие места в своей собственной речи, не оставив ни одного свободного для кого-либо другого.[817] Далее Демосфен перешел к различным постановлениям: одно - приветствовать возлияниями вестника, сопровождавшего их от Филиппа, и македонских посланников, которых ожидали; Другой - о том, что пританы должны созвать специальное собрание на восьмой день Элафеболиона (священный для Эскулапа день, в который обычно не проводилось никаких общественных дел), чтобы, если посланники из Македонии прибудут, народ мог без промедления обсудить их политические отношения с Филиппом; третий - о том, чтобы одобрить поведение афинских посланников (его коллег и его самого) и

пригласить их на обед в пританеи. Далее Демосфен добился в сенате, чтобы, когда посланники Филиппа придут, им были предоставлены почетные места на дионисийском празднике[818].

Вскоре эти македонские посланники, Антипатр, Парменион и Эврилох, прибыли, но недостаточно рано, чтобы дать возможность провести полноценные дебаты на собрании восьмого числа Элафеболиона. Поэтому Демосфен предложил и провел новое постановление, назначив два последующих дня для особых собраний, на которых обсуждались вопросы мира и союза с Македонией (как кажется, именно на этом собрании). Этими днями были названы восемнадцатый и девятнадцатый дни текущего месяца Элафеболиона (марта), сразу после праздника Дионисия и последовавшего за ним собрания в храме Дионисия.[819] В то же время Демосфен проявил большую личную любезность к македонским посланникам, пригласив их на великолепное развлечение и не только проводив их на почетное место на празднике Дионисия, но и предоставив им удобные кресла и подушки.[820]

Помимо публичного собрания, устроенного самими афинянами для получения отчета от десяти посланников, вернувшихся из Македонии, был также собран синод афинских конфедератов, чтобы выслушать отчет Аглаокреона, который отправился в качестве их представителя вместе с десятью. Этот синод принял решение, важное для предстоящих дебатов в афинском собрании, но, к сожалению, нигде не переданное нам полностью, а лишь частично и в косвенных известиях двух соперничающих ораторов. Уже упоминалось, что после взятия Олинфа афиняне разослали посланников по всей Греции, призывая различные города объединиться с ними либо в совместной войне против Филиппа, либо в совместном мире, чтобы получить какую-то взаимную гарантию против его дальнейших посягательств. Большая часть этих миссий потерпела полный крах, продемонстрировав безнадежность афинского проекта. Но некоторые из них были настолько успешными, что депутаты, больше или меньше, действительно присутствовали в Афинах в соответствии с приглашением; в то время как некоторое количество все еще отсутствовало и ожидало возвращения, - одни и те же лица, возможно, были посланы в разные места на некотором расстоянии друг от друга. Постановление синода (ни в коем случае не обязательное для афинского народа, а лишь рекомендательное) было адаптировано к такому положению дел и к тому расположению, которое недавно проявилось в Афинах в отношении совместных действий с другими греками против Филиппа. Синод посоветовал, чтобы сразу же по возвращении посланников, все еще отсутствующих в миссии (когда, вероятно, все греки, готовые даже обсудить предложение, также пришлют своих депутатов), афинские пританы созвали два общественных собрания, согласно законам, для обсуждения и решения вопроса о мире. Какое бы решение ни было принято, синод заранее принял его как свое собственное. Кроме того, они рекомендовали приложить статью, оставляющую трехмесячный интервал для любого греческого города, не являющегося стороной мира, чтобы заявить о своей приверженности, вписать свое имя в столбец записей и быть включенным на тех же условиях, что и остальные. По-видимому, это постановление синода было принято до прибытия македонских депутатов в Афины и до упомянутого выше декрета, предложенного Демосфеном в общественном собрании; этот декрет, назначавший два дня (18 и 19 числа Элафеболиона) для решения вопроса о мире и союзе с Филиппом, частично совпадал с постановлением синода[821].

Соответственно, после великого дионисийского праздника состоялись эти два предписанных собрания - 18 и 19 числа Элафеболиона. Три посла от Филиппа, Парменио,

Антипатр и Эврилох, присутствовали как на празднике, так и на собраниях.[822] Общий вопрос об отношениях между Афинами и Филиппами был вынесен на обсуждение, и в то же время было сообщено решение конфедеративного синода. Самым важным пунктом этого постановления было то, что синод заранее принял постановление афинского собрания, каким бы оно ни было; остальные пункты были рекомендациями, несомненно, заслушанными с уважением и представлявшими собой тему для ораторов, на которой они должны были настаивать, но не имевшими никакого положительного значения. Но в заявлениях двух соперничающих ораторов через несколько лет после этого (только из них мы знаем факты) все постановление синода представляется надуманным; потому что каждый из них был заинтересован в том, чтобы заявить о своей поддержке, - каждый обвиняет другого в том, что тот выступил против него; оба хотели отделиться от Филократа, тогда опального изгнанника, и от мира, который он поддерживал и который стал дискредитирован. Именно Филократ выступил на собрании как главный сторонник мира и союза с Филиппом. Его предложение не включало ни одной из рекомендаций синода, касающихся отсутствующих посланников и интервала, который должен быть оставлен для присоединения других греков; он также не ограничился, как это сделал синод, предложением о мире с Филиппом. Он предложил заключить не только мир, но и союз между афинянами и Филиппом, который в письме выразил свою большую тревогу как за одного, так и за другого. Он включил в свое предложение Филиппа со всеми его союзниками, с одной стороны, и Афины со всеми ее союзниками, с другой; сделав, однако, особое исключение для двух союзников Афин - фокийцев и города Халус у Пагасейского залива, недавно осажденного Парменио[823].

Какую роль в этом предложении сыграли Эсхин и Демосфен, определить нелегко. В своих речах, произнесенных через три года после этого, оба осуждают Филократа; каждый обвиняет другого в том, что тот его поддерживал; каждый утверждает, что сам отстаивал рекомендации синода. Противоречия между ними, а также между Эсхином в его ранней и Эсхином в поздней речи, здесь очень очевидны. Так, Демосфен обвиняет своего соперника в том, что 18-го числа месяца или первого из двух собраний он произнес речь, решительно направленную против Филократа,[824] а ночью изменил свою политику и 19-го выступил в поддержку последнего, причем так горячо, что обратил слушателей в свою веру, когда они были настроены по-другому. Эсхинес полностью отрицает такую внезапную перемену мнения; он утверждает, что произнес только одну речь, и ту в пользу рекомендации синода; кроме того, он утверждает, что говорить во второй день собрания было невозможно, поскольку этот день был посвящен исключительно постановке вопросов и голосованию, так что никакие ораторские выступления не допускались.[825] Однако Исихий, хотя в своей ранней речи (*De Fals. Leg.*) он так настойчиво настаивает на невозможности говорить 19-го числа, в своей поздней речи (против Ктесифона) обвиняет Демосфена в том, что тот много говорил именно в этот день, 19-го числа, и тем самым изменил нрав собрания.[826]

Несмотря, однако, на дискредитацию, которую Эсхинс таким образом бросает на свое собственное опровержение, я не верю внезапной перемене речи в собрании, приписываемой ему Демосфеном. Оно слишком необъяснимо и само по себе слишком неправдоподобно, чтобы верить простому утверждению соперника. Но я считаю несомненным, что ни он, ни Демосфен не могли отстаивать рекомендации синода, хотя оба утверждают, что делали это, - если верить заявлению Эсхина (у нас нет никаких сведений от Демосфена) о характере этих рекомендаций. Ведь синод (по словам Эсхина) рекомендовал дожидаться возвращения отсутствующих посланников, прежде чем обсуждать вопрос о мире. В сложившихся обстоятельствах это предложение было невыполнимым, поскольку оно означало не что иное, как откладывание вопроса на неопределенный срок. Но македонские

посланники, Антипатр и Парменион, находились сейчас в Афинах и фактически присутствовали в собрании; они прибыли по специальному приглашению, чтобы либо заключить мир, либо прервать переговоры; и Филипп согласился (как утверждает сам Эсхинс[827]) воздержаться от нападения на Херсонес, пока афиняне будут обсуждать вопрос о мире. В этих условиях было крайне необходимо дать македонским посланникам какой-то решительный и немедленный ответ. Сказать им: "Сейчас мы не можем сказать ничего определенного; вы должны дождаться возвращения наших отсутствующих посланников и выяснить, сколько греков мы сможем привлечь в наш союз", - было бы не только нелепо само по себе, но и было бы истолковано такими способными людьми, как Антипатр и Парменион, как простое проволочное действие, направленное на полный разрыв мира. Ни Демосфен, ни Эсхин не могли поддержать такое предложение, что бы они ни утверждали три года спустя. Ведь в то время, когда происходило обсуждение, не только сам Эсхин, но и афинская общественность сильно желала мира; Демосфен же, хотя и менее озабоченный, был благосклонен к нему.[828] Ни один из них не был склонен срывать переговоры коварным промедлением; да если бы и был склонен, афинская общественность не потерпела бы такой попытки.

По наилучшему заключению, которое я могу сделать, Демосфен поддержал предложение Филократа (о заключении мира и союза с Филиппом), за исключением особого пункта, который исключал фокийцев и город Халус и который был впоследствии отвергнут собранием.[О том, что Эсхинс поддержал то же предложение полностью и еще более безоговорочно, можно судить по его замечательному признанию в оратории против Тимарха[830] (произнесенной в год после заключения мира и за три года до его собственного суда), где он признает себя совместным автором мира вместе с Филократом и выражает сердечное одобрение поведению и языку Филиппа даже после разорения фокийцев. Эвбул, друг и сторонник Эсхина, заявил афинянам[831]: "Вы должны либо немедленно отправиться в Пирей, служить на корабле, платить прямые налоги и обратить Феофикийский фонд на военные нужды, либо проголосовать за условия мира, предложенные Филократом". Наш вывод о поведении Эсхина подкрепляется тем, что здесь говорится об Эвбуле. Демосфен тщетно убеждал своих соотечественников в течение последних пяти лет, когда Филипп был менее грозен, в необходимости принятия этих энергичных мер; Эвбул, его противник, теперь выступает с ними *in terrorem*, как с неприятной и невыносимой необходимостью, заставляя народ голосовать за предложенные условия мира. И как бы ни было больно соглашаться на *statu quo*, которое признавало Филиппа хозяином Амфиполя и многих других владений, некогда принадлежавших Афинам, - я не верю, что даже Демосфен в то время, когда мир обсуждался, поставил бы его заключение под угрозу, осуждая позор такой неизбежной уступки, хотя три года спустя он признается, что решительно выступал против нее[832].

Поэтому я подозреваю, что условия мира, предложенные Филократом, встретили безоговорочную поддержку одного из двух наших соперничающих ораторов и лишь частичное несогласие с одним особым пунктом со стороны другого. Как бы то ни было, предложение прошло без каких-либо изменений (насколько нам известно), кроме исключения пункта, который специально исключал Халуса и фокийцев. Филократ постановил, что все владения, фактически находящиеся в руках каждой из воюющих сторон, должны оставаться за каждой из них без вмешательства другой;[833] что на этих принципах должны быть заключены мир и союз между Афинами со всеми их союзниками с одной стороны и Филиппом со всеми его союзниками с другой. Это были единственные стороны, включенные в договор. О других греках, не союзниках ни Филиппа, ни Афин, ничего не говорилось.[834] Не упоминался и Керсobleпт.[835]

Таков был декрет о мире и союзе, принятый во второй из двух дней собрания - девятнадцатого числа месяца Элафеболиона. Разумеется, без чьей-либо вины, все это было выгодно Филиппу. Он находился в более выгодном положении, и это позволяло ему сохранить все свои завоевания. Для Афин, уступающей стороны, выгода заключалась в том, что она предотвратит дальнейшее умножение этих завоеваний и защитит себя от того, что ее будут вести от плохого к худшему.

Но вскоре выяснилось, что и это не удалось. Двадцать пятого числа того же месяца^[836] (через шесть дней после предыдущего собрания) состоялось новое собрание, чтобы обеспечить ратификацию торжественной клятвой только что заключенного договора. Было решено, что те же десять граждан, которые ранее были аккредитованы при Филиппе, должны быть вновь отправлены в Македонию для получения клятвы от него и его союзников^[837]. Далее было решено, что афиняне вместе с депутатами своих союзников, находившихся в то время в Афинах, должны немедленно принести клятву в присутствии посланников Филиппа.

Но теперь возник важнейший вопрос: кого включить в число союзников Афин? Должны ли быть включены фокийцы и керсоблепты? И те, и другие представляли два основных положения, Фермопилы и Геллеспонт, которые Филипп непременно хотел заполучить и которые Афинам было выгоднее всего обеспечить против него. Собрание своим недавним голосованием исключило предложенное Филократом особое исключение фокийцев, тем самым косвенно признав их союзниками наравне с остальными. На самом деле они были давними и ценными союзниками; у них, вероятно, были посланники в Афинах, но не было депутатов, заседавших в синоде. У Керсоблепта также не было заместителя в этом органе; но гражданин Лампсака по имени Критобул претендовал на то, чтобы действовать от его имени и приносить присягу от его имени.

Что касается того, как поступили с Керсоблептом, Эсхинс рассказывает нам две истории (одну в более ранней оратории, другую в более поздней), совершенно не похожие друг на друга и сходящиеся лишь в том, что в обеих Демосфен описывается как один из председателей общественного собрания, сделавший все возможное, чтобы не допустить посланника Керсоблепта к присяге как союзника Афин. На фоне таких разночтений подробно рассказать о том, что произошло, невозможно. Но ясно, что, во-первых, посланник Керсоблепта, не имевший места в конфедеративном синоде, но явившийся и потребовавший присяги как союзник Афин, был оспорен; во-вторых, после этого спора вопрос был вынесен на голосование общественного собрания, которое решило, что Керсоблепт был союзником и должен быть допущен к присяге как таковой^[839].

Антипатр и Парменион, со стороны Филиппа, не отказались признать Керсоблепта союзником Афин и принять его присягу. Но в отношении фокийцев они объявили о прямо противоположном решении. На собрании 25-го Элафеболиона или после него они сообщили, что Филипп категорически отказывается признать фокийцев участниками конвенции.

Об этом решении, официально объявленном Антипатром в Афинах, вероятно, стало известно самому Филиппу от Филократа и Эсхина, когда они находились с миссией в Македонии. Поэтому Филократ в своем предложении об условиях мира предложил исключить фокийцев и халусов (как я уже рассказывал). Однако теперь, когда афинское собрание, прямо отказавшись от такого исключения, постановило, что фокийцы должны быть приняты в качестве участников, а посланники Филиппа не менее прямо отвергли их, руководители мира, Эсхин и Филократ, оказались в большом затруднении. У них не было другого способа

преодолеть трудности, кроме как раздавать обманчивые обещания и несанкционированные заверения в будущих намерениях от имени Филиппа. Так, они уверенно заявили, что царь Македонии, хотя и лишен возможности из-за своих отношений с фиванцами и фессалийцами (необходимых ему, пока он находился в состоянии войны с Афинами) открыто принимать фокийцев в союзники, тем не менее в душе решительно настроен против фиванцев; И что, если его руки будут развязаны заключением мира с Афинами, он вмешается в ссору именно так, как того желают афиняне; что он поддержит фокийцев, подавит дерзость Фив и даже разрушит целостность города; восстановит также автономию Феспии, Платеи и других беотийских городов, находящихся сейчас в фиванской зависимости. Общие заверения, ранее распространявшиеся Аристодемом, Ктесифоном и другими, о стремлении Филиппа заручиться благосклонным мнением афинян, теперь еще больше усилились до предполагаемой антипатии к Фивам и даже до желания компенсировать Афинам потерю Амфиполя, сделав ее полной хозяйкой Эвбеи, а также вернув ей Ороп.

Такими блестящими измышлениями и ложью, уверенно подтвержденными, Филократ, Эсхинес и другие сторонники Филиппа полностью ввели собрание в заблуждение и побудили их не постановление об особом исключении фокейцев, как сначала предлагал Филократ, - а присягнуть Антипатру и Пармениону в заключении договора без фокейцев.^[840] Эти последние были фактически исключены, хотя общими словами мира Афины признали их право быть включенными. Их депутаты, вероятно, присутствовали, требовали, чтобы их приняли, и получили отказ от Антипатра, без какого-либо императивного протеста со стороны Афин.

Эта ткань не просто преувеличений, а наглой и чудовищной лжи в отношении целей Филиппа, как видно, продолжалась до тех пор, пока он не добился своего, проникнув к Фермопильскому проходу, и даже после этого. Мы не можем удивляться тому, что народ поверил в это, когда это было объявлено и гарантировано Филократом, Эсхином и другими посланниками, которые были отправлены в Македонию с явной целью изучить ситуацию на месте и сообщить о ней, и чьи заверения были естественным авторитетом для народа, на который он мог положиться. В данном случае обман был легче воспринят, поскольку полностью соответствовал желаниям и надеждам Афин, а также распространенному стремлению к миру. Предательство таких союзников, как фокейцы, казалось малозначительным, если было твердое убеждение, что сами фокейцы от этого не проиграют. Но этот довод, хотя и был достаточным оправданием для афинского народа, не подошел бы для такого государственного деятеля, как Демосфен, который по этому случаю (насколько мы можем судить даже по его собственному языку) не выразил решительного протеста против молчаливого умолчания о фокийцах, хотя и выступил против пункта (в предложении Филократа), который формально опускал их по имени. Спустя три месяца, когда гибель изолированных фокийцев должна была стать фактом, мы увидим, что Демосфен серьезно предупреждает и обличает их; но есть основания полагать, что его возражения^[841] были в лучшем случае лишь слабыми, когда положительный отказ Антипатра был впервые провозглашен против молчаливого согласия Афин, в результате которого фокийцы действительно были переданы Филиппу. Однако на самом деле это был великий дипломатический поворот, с которого начался грех Афин, противоречащий как долгу перед союзниками, так и ее собственной безопасности. Это был ложный шаг серьезного масштаба, который впоследствии было трудно, если вообще возможно, исправить. Вероятно, нравы афинян, жаждавших тогда мира, трепетавших за жизнь пленников и настроенных на позитивные заверения Эсхина и Филократа, с отвращением восприняли бы любой решительный протест против отказа от фокейцев, который грозил отправить Антипатра домой с отвращением и помешать предстоящему миру, - тем более что Демосфен,

если бы он поставил под сомнение заверения Эсхина относительно проектов Филиппа, не имел бы никаких положительных фактов, чтобы опровергнуть их, и был бы вынужден встать на почву простого скептицизма и отрицания;^[842] чего публика, очарованная обнадеживающими предзнаменованиями и уже обезоруженная простым комфортным предвкушением мира, ждала бы с большим нетерпением. Тем не менее, от такого государственного деятеля, как Демосфен, можно было ожидать, что он начнет энергично выступать против катастрофического договора 346 года до н. э. в тот момент, когда самая катастрофическая и позорная его часть - отказ от Фокии - была впервые подсунута.

После собрания 25-го Элафеболиона Антипатр принес клятвы мира и союза Афинам и всем остальным союзникам (кажется, включая посланника Керсоблепта) в зале совета генералов.^[843] Теперь десять афинских посланников и еще один от конфедеративного синода - те же самые люди, что были заняты в первом посольстве, - должны были отправиться и получить клятвы от Филиппа. Посмотрим, как была выполнена эта обязанность.

Постановление собрания, на основании которого посланники получили свое доверие, было большим и всеобъемлющим. Они должны были получить клятву о дружбе и союзе с Афинами и их союзниками от Филиппа, а также от главного магистрата каждого города, состоящего с ним в союзе. Им запрещалось (любопытное ограничение) вступать в любые сношения с Филиппом по отдельности;^[844] но им также предписывалось, в соответствии с общим положением, "делать все остальное, что может быть в их силах, для пользы Афин". "Наш долг как благоразумных посланников (говорит Эсхинс афинскому народу) - правильно оценить все положение дел, поскольку они касаются либо вас, либо Филиппа"^[845]. Им руководствовался Демосфен, который сразу же после отъезда Антипатра и Парменио настоял на том, чтобы отправиться прямо туда, где находился Филипп, чтобы принести ему присягу с минимальной задержкой. Мало того, что царь Македонии, самый деятельный из живущих людей, будет до последнего момента форсировать свои завоевания, так еще и Эсхину и посланникам было известно, что он покинул Пеллу, чтобы начать войну с Керсоблептом во Фракии, в то время, когда они вернулись из своего первого посольства.^[846] Более того, в день или на следующий день после описанного общественного собрания (то есть 25 или 26 числа месяца Элафеболиона) в Афины пришла депеша от Хареса, афинского командующего на Геллеспонте, в которой сообщалось, что Филипп получил важные преимущества во Фракии, занял важное место под названием Священная гора и лишил Керсоблепта значительной части его царства.^[847] Такие последовательные завоевания Филиппа усилили причины для того, чтобы посланники проявили оперативность и отправились прямо во Фракию, чтобы остановить его продвижение. Поскольку заключенный мир был основан *на uti possidetis*, датируемом днем, когда македонские посланники принесли клятву в Афинах, Филипп был обязан восстановить все завоевания, сделанные после этого дня. Но от Демосфена не ускользнуло, что это было обязательство, от которого Филипп, скорее всего, уклонится; и которое афинский народ, настроенный на мир, вряд ли приведет в исполнение.^[848] Чем быстрее посланники доберутся до него, тем меньше будет спорных мест, тем скорее он будет вынужден бездействовать, - или, по крайней мере, если он продолжит действовать, тем быстрее будет разоблачена его неискренность.

Впечатленный необходимостью немедленной встречи с Филиппом, Демосфен убеждал своих коллег отправиться в путь немедленно. Но они не поддались на его уговоры и предпочли остаться в Афинах, которые, заметим, вероятно, находились в состоянии ликования и празднества в связи с недавним заключением мира. Они так безрассудно медлили и не

хотели уезжать, что 3-го числа месяца мунихиона (апрель - девять дней после торжественной присяги Антипатра и Пармениона) Демосфен подал жалобу и внес в сенат постановление, императивно приказав им немедленно отправиться в путь и обязав Проксена, афинского военачальника в Орее в Эвбее, без промедления доставить их к месту пребывания Филиппа, где бы оно ни находилось.^[849] Но хотя посланники были вынуждены покинуть Афины и отправиться в Орей, в отношении главной цели ничего не было достигнуто, так как они, как и Проксен, решили не подчиняться прямому приказу сената и так и не отправились на поиски Филиппа. Пробыв некоторое время в Орее, они неспешным шагом направились в Македонию, где бездействовали в Пелле до возвращения Филиппа из Фракии, через пятьдесят дней после их отъезда из Афин^[850].

Если бы посланники исполнили свой долг, как советовал Демосфен, они могли бы достичь лагеря Филиппа во Фракии через пять или шесть дней после заключения мира в Афинах; если бы они даже послушались прямого приказа сената, они могли бы достичь его в тот же промежуток времени после 3-го Мунихиона; таким образом, из-за чистого пренебрежения или преднамеренного сговора с их стороны Филиппу было позволено более месяца продолжать свои завоевания во Фракии, после того как афиняне со своей стороны поклялись в мире. За это время он захватил Дориск и несколько других фракийских городов, некоторые из которых были гарнизоны афинскими солдатами, и полностью разгромил Керсobleптес, сына которого он привел в качестве пленника и заложника. [То, как эти посланники, выполнявшие важную миссию за государственный счет, потратили шесть недель критического момента на бездействие, да еще и вопреки прямому приказу сената, подтверждает высказанное ранее предположение и даже само по себе дает основание предполагать, что их лидеры были коррумпированы в планы Филиппа.

Протесты и уговоры, с которыми Демосфен обращался к своим коллегам, становились все более горячими и безмерными по мере того, как затягивалась задержка.^[852] Его коллеги, несомненно, становились все более злыми со своей стороны, так что гармония посольства была нарушена. Эсхинес утверждает, что никто из других посланников не хотел общаться с Демосфеном ни в дороге, ни в местах отдыха^[853].

Теперь Пелла была центром надежд, страхов и интриг для всего греческого мира. Туда уже прибыли послы из Фив, Спарты, Эвбеи и Фокисы; кроме того, вокруг была собрана большая македонская армия, готовая к немедленным действиям.

Наконец афинские посланники, после столь долгой задержки по собственному почину, оказались в присутствии Филиппа. И мы должны были ожидать, что они немедленно выполнят свое особое поручение, принеся клятву. Но они продолжали откладывать эту церемонию и ничего не говорили об обязательстве, лежащем на нем, вернуть все места, захваченные со дня принесения клятвы Антипатру в Афинах;^[854] места, которых теперь действительно стало так много из-за потери времени самими посланниками, что Филипп вряд ли уступил бы, даже если бы его потребовали. На совещании со своими коллегами Эсхинес, ставя себе в заслугу более широкий, чем у них, взгляд на обязанности послов, рассматривал принесение присяги как нечто второстепенное; он настаивал на том, что уместно обратиться к Филиппу по поводу предполагаемой экспедиции в Фермопилы (которую он собирался предпринять, что было ясно по большим силам, собранным у Пеллы) и увещевать его использовать ее, чтобы смирить Фивы и восстановить беотийские города. Посланники (по его словам) не должны бояться недоброжелательности фиванцев. Демосфен (по словам Эсхина) возражал против этой рекомендации, настаивая на том, что посланники

не должны вмешиваться в споры, касающиеся других частей Греции, а должны ограничиться своей особой миссией, и заявил, что не должен обращать внимания на поход Филиппа в Фермопилы.^[855] В конце концов, после долгих обсуждений, посланники договорились, что каждый из них, будучи вызван к Филиппу, должен говорить то, что считает нужным, и что самый молодой должен говорить первым.

Согласно этому правилу, первым был заслушан Демосфен, который произнес речь (если верить Эсхину), не только не содержащую никаких полезных комментариев относительно реальной ситуации, но и настолько злобную по отношению к своим коллегам и полную экстравагантной лести Филиппу, что слушатели были посрамлены.^[856] Теперь очередь дошла до Эсхина, который в сокращенном виде повторил свою собственную длинную речь, произнесенную перед Филиппом. Мы можем с некоторой уверенностью рассуждать о ней, оценивая Эхина, хотя и не можем доверять его сообщениям о Демосфене. Эсхинес обратился исключительно к теме предполагаемой экспедиции Филиппа в Фермопилы. Он увещевал Филиппа разрешить спор, возникший по поводу Амфикионов и Дельфийского храма, мирным арбитражем, а не оружием. Но если вооруженное вмешательство неизбежно, Филипп должен был тщательно ознакомиться с древними и святыми узами, которыми был скреплен синод Амфикионов. Этот синод состоял из двенадцати различных народов или частей Эллады, каждый из которых включал в себя множество городов, как малых, так и великих; каждый имел два голоса и не более; каждый связывал себя внушительной клятвой поддерживать и защищать каждый другой город Амфикионии. В соответствии с этой почтенной санкцией беотийские города, будучи такими же амфикионами, как и остальные, имели право на защиту от фиванских разрушителей. Цель экспедиции Филиппа - восстановить совет Амфикионов - была (по признанию Эсхина) святой и справедливой.^{857]} Он должен был осуществить ее в том же духе, наказав отдельных лиц, первоначально причастных к захвату Дельфийского храма, но не города, к которым они принадлежали, при условии, что эти города готовы выдать виновных. Но если Филипп пойдет дальше и подтвердит несправедливое господство Фив над другими беотийскими городами, он совершит зло на своей собственной стороне, пополнит число своих врагов и не получит благодарности от тех, к кому он благоволил"^[858].

Демосфен в своих комментариях к этому второму посольству мало затрагивает то, что Эсхин или он сам говорили Филиппу. Он утверждает, что отправился во второе посольство с большой неохотой, разгадав коварные замыслы Эсхина и Филократа. Более того, он решительно отказался бы ехать (говорит он нам), если бы не был связан обещанием, данным во время первого посольства некоторым из бедных афинских пленников в Македонии, обеспечить им средства для освобождения. Он много рассказывает о своих расходах на их выкуп во время второго посольства и о своих усилиях получить согласие Филиппа.^{859]} Это (по его словам) было все, что он мог сделать как частное лицо; что касается коллективных действий посольства, то он постоянно оказывался в меньшинстве. Он утверждает, что обнаружил нечестную игру Эсхина и остальных с Филиппом; что написал депешу, чтобы отправить домой с целью разоблачения; что его коллеги не только не позволили ему переслать ее, но и прислали другую депешу с ложной информацией.^[860] Затем он решил лично вернуться домой с той же целью раньше, чем его коллеги, и нанял торговое судно, но Филипп помешал ему отплыть из Македонии.^[861]

Приведенное здесь общее описание Демосфеном его собственного поведения во время второго посольства, вероятно, соответствует действительности. Действительно, оно в значительной степени совпадает с заявлением Эсхина, который жалуется на него как на человека, находящегося в состоянии постоянной и досадной оппозиции к своим коллегам.

Мы должны помнить, что Демосфен не имел возможности узнать, каковы на самом деле были конкретные проекты Филиппа. Это было тайной для всех, кроме самого Филиппа и его доверенных лиц или партизан. Что бы ни подозревал Демосфен, у него не было никаких публичных доказательств, которые могли бы внушить его подозрения другим или опровергнуть уверения в благоприятном исходе дела, переданные домой его коллегами.

Армия Филиппа была уже готова, и он собирался двинуться на юг к Фессалии и Фермопиле. Этот проход все еще удерживали фокийцы с лакедемонскими вспомогательными войсками,[862] вполне достаточными для того, чтобы удержать его против открытого нападения Филиппа, и, вероятно, усиленными Афинами со стороны моря, если афиняне догадаются о его истинных целях. Поэтому Филиппу было важно поддерживать в умах других веру в то, что он идет на юг с намерениями, благоприятными для фокийцев, - хотя и не заявлять об этом столь достоверно, чтобы не оттолкнуть своих фактических союзников фиванцев и фессалийцев. Афинские посланники были его самыми полезными агентами в распространении этого самозванства.

Некоторые из македонских офицеров, окружавших Филиппа, недвусмысленно заверяли, что целью его похода было завоевание Фив и восстановление беотийских городов. Этот обман зашел так далеко, что (по словам Эсхина) фиванские посланники в Македонии и сами фиванцы серьезно встревожились.[863] Движения Филиппа теперь были стержнем, на котором вращались греческие дела, а Пелла - ареной, на которой величайшие города Греции торговались за его благосклонность. Пока фиванцы и фессалийцы призывали его открыто провозгласить себя чемпионом Амфикитии против фокийцев, фокийские посланники,[864] вместе с посланниками из Спарты и Афин, пытались привлечь его к своему делу против Фив. Желая оградить фокийцев от такой поддержки, Филипп дал много заманчивых обещаний лакедемонским посланникам, которые, в свою очередь, открыто ссорились и угрожали фиванцам.[Таков был позорный аукцион, на котором эти некогда великие государства, преследуя свои взаимные антипатии, выменяли у иностранного принца достоинство эллинского имени и независимость эллинского мира,[866] следуя примеру Спарты в ее обращениях к великому царю в последние годы Пелопоннесской войны и во время Анталкидского мира. Среди такой толпы смиренных просителей и ожидателей, трепетавших от желания оскорбить его, - при содействии Эсхина, Филократа и других афинских посланников, согласившихся играть в его игру, - Филиппу не составило труда сохранить надежды всех и не допустить формирования какой-либо общей силы или решительного решения для сопротивления ему[867].

Завершив поход на юг через Фессалию, он во главе мощной армии македонцев и союзников достиг Фере у Пагасейского залива. Фокейские посланники сопровождали его поход, и с ними обращались если не как с друзьями, то, по крайней мере, так, чтобы не было сомнений, собирается ли Филипп напасть на фокейцев или фиванцев.[868] Именно в Фере афинские посланники принесли присягу как Филиппу, так и его союзникам.[Это было сделано в последний раз перед их возвращением в Афины, куда они прибыли 13 числа месяца Скиррофорион,[870] после семидесятидневного отсутствия, включавшего весь промежуточный месяц Таргелион и остаток (с третьего дня) месяца Мунихион. Они приняли в качестве представителей союзных городов всех, кого Филипп послал к ним; хотя Демосфен отмечает, что их инструкции предписывали им принести присягу главному магистрату каждого города соответственно[871]. Среди городов, которые они допустили к присяге в качестве союзников Филиппа, была Кардия, расположенная на границах фракийского

Херсонеса. Афиняне считали, что Кардия находится в пределах Херсонеса и, следовательно, принадлежит им[872].

Поэтому посланники отложили и выполнение своей особой миссии, и возвращение до последнего момента, когда Филипп находился в трех днях пути от Фермопил. О том, что они отложили его в коррумпированном сговоре с ним, утверждает Демосфен, подтвержденный всеми вероятностями дела. Филипп стремился заставить Фермопилы врасплох[873] и оставить как можно меньше времени ни фокийцам, ни Афинам для организации обороны. Клятва, которая должна была быть принесена во Фракии, но, во всяком случае, в Пелле, не была принята до тех пор, пока Филипп не приблизился к важному перевалу; посланники не посетили ни одного города среди своих союзников во исполнение своего поручения. А так как Эсхинес прекрасно понимал, что это вызовет расспросы, он предусмотрительно взял с собой письмо Филиппа к афинскому народу, составленное в самых дружеских выражениях; в нем Филипп взял на себя всю вину, которая могла бы пасть на посланников, утверждая, что они сами стремились посетить союзные города, но он задержал их, чтобы они помогли ему уладить разногласия между городами Халус и Фарсал. Это письмо, дающее еще больше оснований предполагать попустительство между посланниками и Филиппом, к тому же было основано на ложном предлоге; ведь Халус был (либо в это же время, либо вскоре после этого) завоеван его оружием, отдан фарсалийцам, а его население продано или изгнано[874].

Присягая в Фере Филиппу и его союзникам, Эсхинес и большинство афинских посланников официально и публично объявили, что фокийцы исключены из договора, и ничего не сказали о Керсоблепте. Это было если не отступлением от своего мандата, то, по крайней мере, шагом за его пределы; ведь афинский народ прямо отверг такое же исключение, предложенное Филократом в Афинах; хотя, когда македонский посланник заявил, что не может принять фокийцев, афиняне согласились принести клятву заключить договор без них. Вероятно, Филипп и его союзники не согласились бы принести клятву Афинам и их союзникам без прямого заявления о том, что фокийцы вне игры.[875] Но хотя Филократ и Эсхин открыто отреклись от фокийцев, они все же продолжали утверждать, что намерения Филиппа в отношении этого народа были весьма благоприятными. Они заявили это, вероятно, самим фокийцам в оправдание того, что объявили об особом исключении; они громко и решительно повторили это в Афинах, сразу после своего возвращения. Именно тогда Демосфен, после того как его перебили и заставили замолчать во время миссии, получил возможность публично заявить о своем протесте. Будучи одним из сенаторов того года, он сразу же, кажется, в тот же день или на следующий день после своего прибытия, сделал доклад сенату перед многочисленной аудиторией частных граждан, собравшихся для того, чтобы стать свидетелями столь важного события. Он рассказал обо всех действиях посольства, о надеждах и обещаниях, которыми Эсхинс и другие убедили афинян согласиться на мир, о том, что эти посланники в сговоре с Филиппом фабриковали неправду и обманчивые заверения, и обвинил их в том, что они своими неоправданными задержками уже предали Керсоблепта гибели. В то же время Демосфен сообщил сенату о близком приближении и быстром марше Филиппа, умоляя их вмешаться даже сейчас, в одиннадцатый час, чтобы не дать тем, кто еще остался, фокийцам и термопильцам, поддаться на столь же вероломные уловки.[Флот из пятидесяти трирем был задействован и готов в любой момент приступить к работе по этому случаю. Большинство сената решительно согласилось с Демосфеном и приняло резолюцию[878] в этом смысле, которая была передана на рассмотрение общественного собрания. Эта резолюция была настолько неблагоприятна для посланников, что не похвалила их и не пригласила на обед в пританеи; оскорбление (по словам Демосфена), не имевшее прецедента.

16 числа месяца Скиррофорион, через три дня после возвращения посланников, состоялось первое публичное собрание, на котором, согласно обычной форме, должно было обсуждаться постановление, только что принятое сенатом. Но она даже не была зачитана собравшимся; сразу же после начала заседания (так рассказывает Демосфен) Эсхин поднялся и обратился к народу, который, естественно, нетерпеливо ждал, чтобы услышать его раньше других, выступая от имени всех своих коллег.^[879] Он ничего не сказал ни о недавних заявлениях Демосфена в сенате, ни о последующей сенатской резолюции, ни даже о прошлой истории посольства, но сразу же перешел к фактическому положению дел и предстоящему будущему. Он сообщил народу, что Филипп, принесший клятву в Фере, к этому времени достиг Фермопил со своим войском. "Но он пришел туда (сказал Эсхин) как друг и союзник Афин, защитник фокийцев, восстановитель поработанных беотийских городов и враг одних Фив. Мы, твои посланники, убедили его, что фиванцы - настоящие виновники не только в их притеснениях по отношению к беотийским городам, но и в разрушении храма, которое они сговорились совершить раньше, чем фокийцы. Я (Эсхин) в своей речи перед Филиппом разоблачил беззакония фиванцев, за что они назначили цену за мою жизнь. Через два-три дня вы, афиняне, без всякого труда узнаете, что Филипп энергично продолжает осаду Фив. Вы узнаете, что он захватит и разобьет этот город, что он потребует от фиванцев компенсацию за сокровища, похищенные из Дельф, и что он восстановит покоренные общины Платеи и Феспии. И даже больше - вы услышите о еще более прямых выгодах, которые мы решили предоставить вам от Филиппа, но которые пока нецелесообразно описывать. Эвбея будет возвращена вам в качестве компенсации за Амфиполь: эвбеяцы уже выразили величайшую тревогу по поводу доверительных отношений между Афинами и Филиппом и вероятности того, что он уступит вам их остров. Есть и другие вопросы, по которым я не хочу высказываться полностью, потому что у меня есть ложные друзья даже среди моих коллег". Эти последние двусмысленные намеки были, как правило, поняты и провозглашены людьми, окружавшими оратора, как относящиеся к Оропусу, древнему владению Афин, ныне находящемуся в руках Фив.^[880] Столь пылкие обещания грядущих благ, вероятно, были увенчаны объявлением, более достойным доверия, что Филипп обязался отправить обратно всех афинских пленников к предстоящему Панафинейскому празднику,^[881] который выпал на следующий месяц Гекатомбæон.

Первое впечатление афинян, услышавших речь Эсхина, было удивление, тревога и недовольство непредвиденной близостью Филиппа,^[882] что не оставляло времени для размышлений и едва ли оставляло минимум времени для мгновенного захвата Фермопил, если бы такой шаг был сочтен необходимым. Но продолжение речи, провозгласившее им скорое достижение столь благоприятных результатов, а также удовлетворение их антипатии к Фивам, развеяло эти настроения и наполнило их приятными перспективами. Напрасно Демосфен поднялся, чтобы ответить, обвинил заверения в лживости и попытался выдвинуть то же самое утверждение, которое уже преобладало в сенате. Народ отказался его слушать; Филократ и другие друзья Эсхина оттолкнули его; большинство же было настолько полно открывшейся перед ними благоприятной перспективы, что всякое недоверие или сомнение в ее истинности казалось злобным и досадным.^[883] Следует помнить, что это были те же самые обещания, которые Филократ и другие дали им почти за три месяца до этого, когда впервые был заключен мир с Филиппом. Теперь же немедленное их выполнение было вновь обещано на том же основании посланниками, которые во второй раз общались с Филиппом и, таким образом, имели более подробные сведения, так что комфортное предвкушение, возникшее ранее, подтвердилось и укрепилось. Никто не думал об опасности допускать Филиппа в Фермопилы, когда цель его прихода была понятна: защита фокийцев и наказание ненавистных фиванцев. Демосфену едва ли позволили даже заявить протест или снять с себя ответственность за результат. Эсхинс с триумфом принял ответственность на себя, а

Филократ позабавил народ, сказав: "Неудивительно, афиняне, что мы с Демосфеном не думаем одинаково; он не любит пить воду, а я люблю вино"[884].

Именно при таком настроении собрания было принесено и зачитано письмо Филиппа, привезенное посланниками. Его обильные выражения уважения и обещания будущих благ Афинам горячо приветствовались; но, как ни были увлечены слушатели, никто из них не заметил, и никому из ораторов не было позволено указать на то, что эти выражения были весьма неопределенными и общими и что ни слова не было сказано ни о фиванцах, ни о фокийцах.[885] Далее Филократ предложил декрет, восхваляющий Филиппа за его справедливые и благодетельные обещания, предусматривающий, что мир и союз с ним должны распространяться не только на существующих афинян, но и на их потомство, и устанавливающий, что если фокийцы по-прежнему будут отказываться уступить Амфикиону дельфийский храм, афинский народ заставит их сделать это вооруженным вмешательством[886].

В течение нескольких дней после возвращения посланников в Афины (13 числа по Скиррофориону) Филипп написал два последовательных письма, приглашая афинские войска немедленно присоединиться к нему в Фермопиле.[887] Вероятно, они были отправлены в тот момент, когда Фалекус, фокейский вождь на том перевале, отрицательным ответом на первый вызов.[888] Эти два письма, должно быть, были отправлены одно за другим, выдавая значительное беспокойство Филиппа, которое нетрудно понять. Поначалу он не мог быть уверен, какой эффект произведет его непредвиденное прибытие в Фермопилы на общественное мнение в Афинах. Несмотря на все уговоры Эсхина и Филократа, афиняне могли настолько встревожиться, что воспрепятствовали бы его приходу за этот важный барьер; а Фалекус и фокийцы, имея мощные наемные силы, способные даже без посторонней помощи оказать сколько-нибудь продолжительное сопротивление, непременно попытаются сопротивляться, если им будет оказана какая-либо надежда на помощь из Афин. Кроме того, Филиппу было бы трудно вести длительные военные действия по соседству из-за нехватки провизии: земли были незасеяны в результате продолжительной предшествующей войны, а афинские триремы были под рукой, чтобы перехватить его поставки по морю.[889] Поэтому ему было важно держать афинян в иллюзии и спокойствии на данный момент; для этой цели его письма были хорошо приспособлены, в каком бы виде они ни были получены. Если бы афиняне пришли в Фермопилы, они пришли бы как его союзники, а не как союзники фокийцев. Они не только оказались бы среди его превосходящих сил и, следовательно, как бы заложниками;[890] но они были бы удалены от контакта с фокийцами и могли бы применить к последним дополнительную силу устрашения. Если же, напротив, афиняне решат не приезжать, они, во всяком случае, истолкуют его желание присутствия как доказательство того, что он не преследует целей, противоречащих их желаниям и интересам, и поверят заверениям Эсхинеса и других его сторонников в Афинах, что он втайне хорошо относится к фокийцам. Этого последнего варианта Филипп и желал, и ожидал. Он хотел только лишить фокийцев всякой возможности получить помощь из Афин и самому разобраться с ними. Его письма ослепили афинскую общественность, но его сторонники позаботились о том, чтобы не подтолкнуть собрание[891] к прямому исполнению их приглашения. В самом деле, предложение такой экспедиции (помимо постоянной неприязни граждан к военной службе) было бы особенно отталкивающим, поскольку афинянам пришлось бы, по крайней мере, якобы, выступить с оружием в руках против своих фокейских союзников. Условная угроза афинского собрания в отношении фокийцев (в случае отказа сдать храм Амфикионам), принятая по предложению Филократа, сама по себе была достаточно суровой по отношению к союзникам десятилетней давности и

была равносильна, по крайней мере, заявлению, что Афины не будут вмешиваться в их дела - а это было все, чего хотел Филипп.

Среди слушателей этих дебатов в Афинах были депутаты от тех самых фокийцев, судьба которых теперь была в подвешенном состоянии. Уже говорилось, что в сентябре предыдущего года, когда фокийцев раздирали междоусобицы, Фалекус, вождь наемников, отказался от помощи (приглашенной его фокийскими противниками) как из Афин, так и из Спарты,[892] чувствуя себя достаточно сильным, чтобы собственными силами удержать Фермопилы. Однако за прошедшие месяцы его сила и гордость уменьшились. Хотя он по-прежнему занимал Фермопилы с восемью или десятью тысячами наемников и все еще сохранял превосходство над Фивами, владея Орхоменом, Коронеей и другими местами, отнятыми у фиванцев,[893] однако его финансовые ресурсы стали настолько недостаточными для многочисленного войска, а солдаты стали настолько беспорядочными из-за отсутствия регулярного жалования,[894] что он счел разумным обратиться за помощью к Спарте весной, пока Афины покидали Фокию, чтобы заключить соглашение с Филиппом. Архидам прибыл в Фермопилы с 1600 тысячами лакедемонских вспомогательных войск.[895] Оборонительных сил, собранных таким образом, было достаточно для защиты от Филиппа на суше, но этот важный проход невозможно было удержать без помощи превосходного флота на море.[896] Теперь у фокийцев были сильные враги даже внутри прохода - фиванцы; и не было никаких препятствий, кроме афинского флота под командованием Проксена в Орее,[897] чтобы помешать Филиппу высадить войска в тылу Фермопил, соединиться с фиванцами и овладеть Фокисом со стороны Беотии.

Поэтому для безопасности фокийцев постоянная морская защита Афин была необходима, и они, несомненно, с трепетом следили за обманчивыми фазами афинской дипломатии зимой и весной 347-346 гг. до н. э. Их депутаты должны были присутствовать в Афинах, когда договор был заключен и скреплен клятвой в марте 346 г. до н. э. Хотя они были вынуждены терпеть не только отказ Антипатра, отстранившего их от присяги, но и согласие их афинских союзников, молчаливо принятое без официального объявления, принести присягу без них, - они все же слышали заверения, уверенно обращенные Филократом и Эсхином к народу, что этот отказ - всего лишь фикция, чтобы обмануть фессалийцев и фиванцев, - что Филипп будет выступать как защитник фокийцев, а все его настоящие враждебные цели направлены против Фив. Как фокийцы истолковали такую извилистую и противоречивую политику, нам не известно. Но их судьба зависела от решимости Афин; и в то время, когда афинские посланники вели переговоры или интриговали с Филиппом в Пелле, там же находились и фокейские посланники, пытавшиеся установить с Филиппом взаимопонимание при поддержке лакедемонян и афинян. И Филипп, и Эсхин, вероятно, развлекали их выгодными обещаниями. И хотя, когда Филипп принес присягу в Фере, фокийцы были официально объявлены исключенными, справедливые слова Эсхина и его заверения в добрых намерениях Филиппа по отношению к ним не прекращались.

Пока Филипп шел из Фере в Фермопилы, а афинские посланники возвращались в Афины, в Афинах побывали и фокейские депутаты, чтобы узнать о последней решимости афинского народа, от которой зависела их собственная судьба. Хотя Филипп, достигнув окрестностей Фермопил, призвал фокейского вождя Фалека сдать перевал и предложил ему условия, Фалек не давал ответа, пока его депутаты не вернулись в Афины.[898] Эти депутаты, присутствовавшие на общественном собрании 16-го Скирофориона, слышали те же лживые заверения, что и раньше, относительно замыслов Филиппа, которые Филократ и Эсхин повторяли с неослабевающей наглостью и по-прежнему принимались народом. Но на том же собрании они слышали предложенное Филократом и принятое постановление о

том, что если фокийцы не вернут Амфиктионам Дельфийский храм, то афинский народ заставит их сделать это вооруженной силой. Если фокийцы еще лелеяли надежды, то это условное объявление войны со стороны города, который по имени продолжал оставаться их союзником, открыло им глаза и показало, что у них не осталось никакой надежды, кроме как заключить с Филиппом наилучшие условия.^[899] Успешно защищать Фермопилы без Афин, а тем более против Афин, было невозможно.

Покинув Афины после собрания 16-го Скиррофориона, фокейские депутаты передали известие о случившемся Фалеку, которого они достигли в Никее, близ Фермопил, около 20-го числа того же месяца.^[900] Через три дня после этого Фалек со своей мощной армией из восьми или десяти тысяч наемной пехоты и одной тысячи конницы заключил соглашение с Филиппом. Лакедемонские вспомогательные войска, видя неискреннюю политику Афин и несомненное разорение фокийцев, ушли незадолго до этого.^[901] В договоре было оговорено, что Фалекус должен эвакуировать территорию и удалиться, куда ему будет угодно, со всеми своими наемными войсками и со всеми фокийцами, которые пожелают его сопровождать. Оставшиеся туземцы бросились на милость завоевателя.

Все города Фокиса, числом двадцать два, вместе с Фермопильским проходом, были отданы в руки Филиппа; все сдавались по собственному желанию, все не оказывали сопротивления. Как только Филипп стал хозяином страны, он объединил свои силы с фиванцами и объявил, что намерен действовать в соответствии с их политикой; передать им значительную часть Фокиса; вернуть им Орхомен, Корсиэ и Коронею, беотийские города, которые фокийцы у них отняли; а остальную часть Беотии оставить в своей зависимости, как он ее нашел^[902].

Тем временем афиняне, приняв вышеупомянутый декрет, вновь назначили (на том же собрании 16 Скиррофориона, июня) тех же десять посланников, чтобы передать сведения о нем Филиппу и быть свидетелями выполнения великолепных обещаний, данных от его имени. Но Демосфен сразу же поклялся и отказался служить, а Эсхинс, хотя и не поклялся, но был настолько нездоров, что не смог поехать. Это, по крайней мере, его собственное заявление; хотя Демосфен утверждает, что болезнь была просто согласованным предлогом, чтобы Эсхин остался дома и противодействовал любой реакции общественного чувства в Афинах, которая могла возникнуть после получения плохих новостей, о которых Эсхин знал, что они уже близки, из Фокиса.^[903] Вместо Эсхина и Демосфена были выбраны другие,^[904] десять посланников отправились в путь и дошли до Халкиса в Эвбее. Именно там они получили роковую весть с главной земли по ту сторону Евбейского пролива. 23 числа Скирофорион сдал Фалекус и все фокейские города; Филипп овладел Фермопилами, объединил свои силы с фиванцами и провозгласил безоговорочную фило-фиванскую политику; 27 числа Скирофорион посланник Деркилл поспешно вернулся в Афины, остановившись в своей миссии после известия о случившемся.

В тот момент, когда он прибыл, народ проводил собрание в Пирее по вопросам, связанным с доками и арсеналом; и на этом собрании, которое уже заседало, Деркилл сделал свой неожиданный доклад.^[905] Потрясение афинской общественности было огромным. Не только все великолепные ожидания антифиванской политики Филиппа (до сих пор народ верил и приветствовал их по положительным заверениям Филократа и Эсхина) были теперь разрушены - не только афиняне были поражены сознанием того, что Филипп переиграл их, что они сыграли на руку своим врагам фиванцам и что они предали своих союзников фокийцев на растерзание, но они также чувствовали, что они уступили Фермопилы, оборону Аттики и Греции, и что дорога на Афины была открыта их злейшим врагам фиванцам, которым

теперь помогали македонские силы. Под этим давлением удивления, печали и ужаса афиняне, по предложению Каллистена, провели следующие голосования: - Поставить Пирей, как и крепости по всей Аттике, под немедленную оборону - Ввести в эти стены для безопасности всех женщин и детей и все движимое имущество, разбросанное теперь по Аттике - Праздновать приближающийся праздник Ираклия не в деревне, как обычно, а в глубине Афин[906].

Это были знаменательные голоса, подобных которым не было в Афинах со времен Пелопоннесской войны, свидетельствующие об ужасной реакции чувств, вызванной в Афинах катастрофическими новостями из Фокисы. Теперь Эсхинс оправился от своего недоумения или (если верить Демосфену) счел удобным отбросить притворство. Он отправился в качестве самоназначенного посланника, без какого-либо нового назначения народом - возможно, с теми из десяти, кто был благосклонен к его взглядам, - к Филиппу и к объединенной македонской и фиванской армии в Фокисе. И что еще более примечательно, он отправился туда через сами Фивы,[907] хотя его речи и политика уже несколько месяцев (по его собственным словам) были яростно антифиванскими,[908] и хотя он утверждал (это, однако, основывается на свидетельстве его соперника), что фиванцы назначили цену за его голову. Присоединившись к Филиппу, Эсхинес принял участие в праздничных жертвоприношениях и торжественных пеанах, совершаемых македонцами, фиванцами и фессалийцами[909] в память и благодарность за их легкую, хотя и долго откладываемую победу над фокийцами и за завершение Десятилетней священной войны.

Вскоре после того, как Филипп овладел Фермопилами и Фокисом, он сообщил о своем успехе в письме к афинянам. Его письмо свидетельствовало о полном сознании страха и отвращения, которые его недавние неожиданные действия вызвали в Афинах:[910] но в других отношениях оно было примирительным и даже соблазнительным; в нем выражалось большое уважение к ним как к своим заклятым союзникам и вновь обещалось, что они должны получить солидные плоды от союза. Оно успокоило то острое опасение македонского и фиванского нападения, которое побудило афинян недавно одобрить меры предосторожности, предложенные Каллистом. В последующих сношениях с Афинами Филипп также находил выгоду в том, что продолжал исповедовать ту же дружбу и перемежать ее аналогичными обещаниями:[911] которые, когда их дополняли его сторонники в собрании, способствовали улажению афинян и убаюкивали их, что позволяло ему без сопротивления проводить реальные меры коварного или враждебного характера. Даже вскоре после перехода Филиппа через Фермопилы, когда он находился в полном сотрудничестве с фиванцами и фессалийцами, Эсхинес смело оправдывал его, утверждая, что эти фиванцы и фессалийцы были слишком сильны для него и заставили его против его воли действовать в соответствии с их политикой, как к гибели фокийцев, так и к обиде Афин.[912] И мы не можем сомневаться, что восстановление пленных, взятых в Олинфе, которое должно было вскоре произойти, вызвало живое удовлетворение в Афинах и помогло на время нейтрализовать пагубные общественные результаты ее недавней политики.

Хозяин Фокисы, Филипп во главе неодолимой армии македонцев и фиванцев вернул жителям Дельф храм и заново созвал собрание амфикитионов, которое не собиралось со времени захвата храма Филомелом. Амфикитионы вновь собрались под влиянием мстительной антипатии к фокийцам и безоговорочной преданности Филиппу. Первым их решением было лишить фокийцев их места в собрании как одной из двенадцати древних амфикитионийских рас и предоставить Филиппу освободившееся место и два голоса (каждая из двенадцати рас имела по два голоса). Все права, на которые фокийцы претендовали в отношении Дельфийского храма, были официально аннулированы. Все города Фокисы, а их было

двадцать два, были разобраны и разбиты на деревни. Одна только Абеса была пощажена; ее сохранил древний и прорицательский храм Аполлона, а также тот факт, что ее жители не принимали участия в разрушении Дельф.[913] Ни одна деревня не должна была содержать более пятидесяти домов и находиться ближе к другой, чем на расстоянии не менее одного аршина. При таком ограничении фокийцам по-прежнему разрешалось владеть и обрабатывать свою территорию, за исключением определенной части границы, переданной фиванцам,[914] но они должны были платить дельфийскому храму ежегодную дань в размере пятидесяти талантов, пока не возместят отнятое богатство. Лошадей фокийцев было велено продать; их оружие должно было быть сброшено с обрывов Парнаса или сожжено. Фокийцы, принимавшие личное участие в разорении, объявлялись проклятыми и подлежали аресту, где бы их ни нашли[915].

На том же амфикионийском собрании лакедемоняне, как союзники фокийцев, были лишены права голоса, то есть права участвовать в амфикионийском голосовании дорийского народа. Это голосование, вероятно, проистекало из политических антипатий аргейцев и мессенцев[916].

Строгий приговор, вынесенный амфикионами фокийцам, был милосердным по сравнению с некоторыми предложениями, прозвучавшими на собрании. Исихасты дошли до того, что предложили сбросить в пропасть всех фокейцев военного возраста, и Исихаст ставит себе в заслугу то, что он побудил собрание выслушать их защиту и тем самым сохранил им жизнь.[917] Но хотя условия приговора могли быть смягчены, мы можем быть уверены, что исполнение его фиванцами, фессалийцами и другими иностранцами, расквартированными в стране, - все они были злейшими врагами фокийского имени и давали волю своим антипатиям под маской благочестивого негодования против святотатства, - выходило далеко за рамки буквальных условий в активной жестокости. То, что фокийцев раздевали и убивали[918], то, что детей отрывали от родителей, жен от мужей, а изображения богов от храмов, то, что Филипп забирал себе львиную долю награбленного и движимого имущества, - все эти факты естественно ожидать, как сопутствующие насильственной мере разрушения городов и рассеяния жителей. Однако из тех, кто принимал известное участие в разрушении храма, большее число отправилось в изгнание вместе с Фалеком; и не они одни, а даже все умеренные и достойные граждане, которые могли найти средства для эмиграции.[919] Многие из них нашли приют в Афинах. Более бедные фокийцы по необходимости остались дома. Но разрушения, причиненные завоевателями, были столь велики, что даже два или три года спустя, когда Демосфен и другие афинские посланники проезжали через страну, направляясь на собрание Амфикионов в Дельфах, они не видели ничего, кроме свидетельств несчастья; старики, женщины и маленькие дети, лишённые взрослых, - разрушенные дома, обедневшие деревни, наполовину возделанные поля.[Демосфен мог бы с полным основанием сказать, что событий, более потрясающих и судьбоносных, не происходило в греческом мире ни в его собственное время, ни во времена его предшественников[921].

Прошло всего два года с тех пор, как завоевание и разорение Олинфа и тридцати двух халкидских греческих городов, а также тридцати двух других, повсюду распространило ужас и величие имени Филиппа. Но теперь он был вознесен на еще более высокую вершину благодаря уничтожению фокейцев, взятию Фермопил и появлению постоянного македонского гарнизона, занимавшего отныне Никей и другие места на перевале.[922] Его прославляли как восстановителя Амфикионийского собрания и как мстителя за Дельфийского бога против святотатцев-фокейцев. То, что он овладел неприступным перевалом, разгромил грозные силы Фалека и стал хозяином двадцати двух фокийских

городов, не нанеся ни одного удара, - считалось самым замечательным из всех его подвигов. Это еще больше укрепило престиж его постоянной удачи. Теперь, когда Амфикиний, согласно голосованию, получил право амфикинийского голосования, которым ранее пользовались фокийцы, он приобрел новый эллинский ранг, с более широкими возможностями для посягательств и преобладания в эллинских делах. Более того, в августе 346 года до н. э, примерно через два месяца после сдачи Фокиса Филиппу, когда наступило время празднования великого пифийского фестиваля, после обычного интервала в четыре года, Амфикионы оказали Филиппу большую честь, назначив его президентом для проведения этого фестиваля совместно с фиванцами и фессалийцами;[923] почетное преобладание, которое относилось к самым высоким устремлениям честолюбивых греческих деспотов и которое Ясон из Фере готовился присвоить себе двадцать четыре года назад, в момент, когда его убили.[924] Напрасно афиняне, удрученные и возмущенные неожиданным крушением своих надежд и полным разорением союзников, отказались послать депутатов к амфикионам - даже проигнорировали собрание как нерегулярное - и не отправили, как обычно, священную делегацию для жертвоприношения на пифийском празднике.[925] Амфикинийское голосование прошло не менее успешно; без согласия, правда, ни Афин, ни Спарты, но при горячей поддержке не только фиванцев и фессалийцев, но и аргейцев, мессенцев, аркадян и всех тех, кто рассчитывал на Филиппа как на возможного помощника против опасного спартанского соседа.[926] И когда посланники от Филиппа и фессалийцев прибыли в Афины, уведомляя, что он наделен амфикинийским избирательным правом, и приглашая Афины согласиться на его прием, - благоразумные соображения заставили афинян, хотя и против их чувств, принять решение о согласии. Даже Демосфен боялся нарушить недавний мир, каким бы бесславным он ни был, и навлечь на Афины всеобщую амфикинийскую войну, возглавляемую царем Македонии[927].

Таким образом, произошла судьбоносная политическая перемена, вдвойне фатальная для эллинского мира: во-первых, новое положение Филиппа как хозяина ключей от Греции и признанного амфикинийского лидера, имеющего прямой доступ и влияние даже на самые отдаленные города Пелопоннеса; во-вторых, опущенное знамя и неприкрытая граница Афин, опозоренных предательством как своих фокейских союзников, так и общей безопасности Греции, - и вознагражденных лишь в той мере, в какой она вернула своих пленников.

Как же афиняне согласились на позорный и разорительный мир, уступив Филиппу тот важный перевал, общий вал Аттики и Южной Греции, который он никогда не смог бы взять в войне острием меча? Несомненно, объяснение этому поступку следует искать отчасти в общем состоянии афинского ума: отвращение к военным затратам и усилиям, тоска и стыд за прошлую войну с Филиппом, тревога из-за впечатляющих успехов его оружия и настоятельное желание вернуть пленников, взятых в Олинфе. Но отмеченные здесь чувства, какими бы сильными они ни были, не привели бы к заключению такого мира, если бы им не способствовала сознательная нечестность Эсхина и большинства его коллег; они обманули своих соотечественников целым рядом ложных заверений относительно целей Филиппа и так затянули отправку второго посольства, что он оказался в Фермопиле до того, как в Афинах узнали о реальной опасности прохода.

Если принять во внимание недоверие к Демосфену как к свидетелю, то в признаниях самого Эсхина можно найти достаточно доказательств коррупции. Его ответ Демосфену, хотя и успешно справляется с некоторыми побочными отягчающими обстоятельствами, редко затрагивает и никогда не отражает основные статьи обвинения против него самого. Затягивание второго посольства, отсрочка присяги до тех пор, пока Филипп не окажется в трех днях пути от Фермопил, утаивание информации об опасности этого перевала, пока

афиняне не лишились возможности обдумать сложившуюся ситуацию, - все эти серьезные обвинения остаются без опровержения или оправдания. Отказ сразу же отправиться со вторым посольством и сразу же отправиться к Филиппу во Фракию для защиты Керсоблепта, правда, объясняется, но таким образом, что дело скорее ухудшается, чем улучшается. И самое серьезное дело - ложные заверения, данные афинской публике относительно целей Филиппа, - явно признаются Эсхином[928].

Что касается этих публичных заверений Эсхина о намерениях Филиппа, то продажная лживость представляется мне единственным допустимым предположением. Даже в его собственном рассказе нет ничего, что могло бы объяснить, как он оказался втянут в столь вопиющее заблуждение; гипотеза же о честной ошибке еще больше опровергается его собственным последующим поведением. "Если бы (утверждает Демосфен) Эсхин был искренне введен Филиппом в заблуждение и поклялся своей правдивостью и характером в истинности положительных заверений, данных публично перед своими соотечественниками относительно замыслов Филиппа, - то, обнаружив, что результат его обманул и что он смертельно ввел в заблуждение тех, кого взялся направлять, он был бы сражен состраданием и, в частности, отвратился бы от имени Филиппа как от того, кто опозорил его и сделал бессознательным орудием предательства. Но дело обстояло совершенно иначе; сразу после заключения мира Эсхинес посетил Филиппа, чтобы разделить его триумф, и с тех пор был его явным приверженцем и защитником"[929] Такое поведение несовместимо с предположением о честной ошибке и доказывает, - что подтверждают все материалы второго посольства, - что Эсхинес был наемным агентом Филиппа, намеренно обманывавшим своих соотечественников грубой ложью. Даже в его изложении язык Эсхина свидетельствует о его готовности отказаться от греческой свободы и признать Филиппа своим господином; ведь он не только дает согласие, но и одобряет вступление Филиппа в Фермопилы,[930] лишь увещевая его, когда он придет туда, действовать против Фив и в защиту беотийских городов. Такое поведение афинского посланника свидетельствует о слепоте, не дотягивающей до измены. Непоправимым несчастьем, как для Афин, так и для свободной Греции в целом, было приведение Филиппа в Фермопилы с силой, достаточной для того, чтобы уничтожить Фивы и восстановить Беотию, - даже если бы можно было быть уверенным, что это будет первым применением его силы. Тот же самый переговорщик, который начал свою миссию с нелепого призыва к Филиппу отказаться от Амфиополя, закончил тем, что вероломно передал ему новое завоевание, которое он не смог бы получить иным способом. Фермопилы, которые Эфиальт Малийский уже однажды предал Ксерксу, теперь были преданы афинскими посланниками во второй раз внеэллинской державе, еще более грозной.

Таким образом, разрушительный мир 346 года до н. э. был навязан Афинам не только из-за собственных ошибочных побуждений, но и по вине Эсхина и большей части его посланников. Демосфен, безусловно, не причастен к этому результату. Он находился в решительной оппозиции к большинству посланников; этот факт явствует как из его собственных заверений, так и из жалоб на него, как на коллегу, доставляющего невыносимые хлопоты, со стороны Эсхина. Демосфен также утверждает, что после бесплодного противостояния политике большинства он пытался донести до своих соотечественников дома информацию об их проступках как путем личного возвращения, так и с помощью писем; и в обоих случаях его попытки не увенчались успехом. Сделал ли он все, что мог, для достижения этой цели, невозможно определить; но мы не находим никаких доказательств того, что он не справился с поставленной задачей. Единственный пункт, по которому Демосфен заслуживает порицания, - это то, что он не выразил решительного протеста во время дебатов в месяц Элафеболион в Афинах, когда фокийцы впервые были

практически исключены из договора. Я не обнаружил никакой другой вины, установленной на вероятных основаниях против него, среди многочисленных обвинений, главным образом личных и не имеющих отношения к основному вопросу, выдвинутых его противником.

Что касается Филократа - фактического инициатора в афинском собрании всех важных решений, направленных на заключение мира, - то мы узнаем, что, будучи обвиненным Гиперидом[931] вскоре после этого, он удалился из Афин без суда, и был осужден в его отсутствие. И он, и Эсхин (так утверждает Демосфен) получили от Филиппа взятки и пожалования из трофеев Олинфа; а Филократ, в особенности, с наглой показностью демонстрировал в Афинах свое новоприобретенное богатство.[932] Эти обвинения сами по себе вероятны, хотя и исходят от политического соперника. Обманув всеобщие надежды, мир быстро стал восприниматься с позором и сожалением, главным виновником которых был Филократ. И Эсхин, и Демосфен пытались навлечь друг на друга обвинения в конфедерации с Филократом.

Благочестивое чувство Диодора заставляет его с особой серьезностью описывать божественные суды, которые обрушились на всех, кто участвовал в разрушении дельфийского храма. Фалек со своими наемниками из Фокисы сначала отступил в Пелопоннес; оттуда, пытаясь переправиться в Тарентум, он был вынужден вернуться назад, когда уже находился на корабле, из-за мятежа своих солдат, и перешел в Крету. Здесь он вступил в союз с жителями Кносса против жителей Ликтуса. Над последними он одержал победу, и их город был спасен от него только неожиданным прибытием спартанского царя Архидамы. Этот принц, недавно бывший помощником Фалека в Фокисе, теперь направлялся через море к Тарентуму, возле которого он был убит через несколько лет после этого. Фалекус, отбитый от Ликта, осадил Кидонию и уже подвозил двигатели, чтобы отбить стены, когда поднялась буря с громом и молнией, настолько сильная, что его двигатели "сгорели от божественного огня", [933] а сам он с несколькими солдатами погиб, пытаясь погасить пламя. Его оставшаяся армия прошла в Пелопоннес, где выступила против элейского правительства, но была побеждена, вынуждена сдаться и либо продана в рабство, либо предана смерти.[934] Даже жены фокейских вождей, украсившие себя некоторыми священными донатами из Дельфийского храма, были подвергнуты таким же жестоким страданиям. И пока боги так сурово расправлялись с авторами святотатства, они проявляли не меньшую благосклонность к своему защитнику Филиппу, которого они все больше и больше возносили на вершину почета и господства[935].

ГЛАВА ХС.

ОТ МИРА 346 ГОДА ДО Н. Э. ДО БИТВЫ ПРИ ХЕРОНЕЕ И СМЕРТИ ФИЛИППА.

В прошлой главе я описал завершение Священной войны и восстановление Филиппом Амфикисионского собрания, а также бесчестный мир 346 года до н. э., по которому Афины после войны, слабой по управлению и бесславной по результатам, были преданы вероломством собственных посланников и отказались от Фермопильского прохода - новая жертва, не требуемая ее реальным положением и более фатальная для ее будущей безопасности, чем любая из предыдущих потерь. Этот важный проход, ключ Греции, теперь перешел во владение Филиппа, который занял его вместе с фокейской территорией постоянным гарнизоном своих войск.[936] Собрание Амфикинии стало инструментом его

возвышения. И фиванцы, и фессалийцы были преданы его интересам; они радовались разорению своих общих врагов - фокийцев, не задумываясь о том, что на их границах теперь установилась более грозная сила. Хотя мощь Фив значительно возросла благодаря возвращению Орхомена и Коронеи, сравнительно новое положение Филиппа привело ее, а также Афины и остальную Грецию, к такому унижению и постороннему господству, какого они никогда прежде не испытывали[937].

Это новое положение Филиппа, как защитника Амфикисионийского собрания и в пределах общей греческой обороны, было глубоко прочувствовано Демосфеном. Через некоторое время после сдачи Фермопил, когда фессалийские и македонские посланники прибыли в Афины, объявив о недавнем решении амфикитионов предоставить Филиппу место в том собрании, откуда только что были изгнаны фокийцы, Афинам было предложено согласиться на это голосование; но афиняне, удрученные и раздраженные недавним поворотом событий, вряд ли были склонны согласиться. Здесь Демосфен занимает осторожную сторону и настоятельно советует подчиниться. Он настаивает на необходимости воздержаться от любых мер, направленных на нарушение существующего мира, какими бы плачевными ни были его условия; и не давать Амфикитионам никаких предложений для голосования за совместную войну против Афин, которую должен был вести Филипп.[938] Эти рекомендации, благоразумные в сложившихся обстоятельствах, доказывают, что Демосфен, хотя и был недоволен миром, стремился сохранить его, раз уж он был заключен; и что если впоследствии он и возобновил свои призывы к войне, то это было вызвано новыми посягательствами и более угрожающим поведением Филиппа.

Кроме приведенной речи Демосфена, у нас есть и другие свидетельства, подтверждающие влияние новой позиции Филиппа на греческие умы. Вскоре после заключения мира и до того, как разделение фокейских городов на деревни было доведено до конца, Исократ опубликовал свое письмо, адресованное Филиппу, - *Oratio ad Philipppum*. Цель этого письма - предложить Филиппу примирить четыре великих города Греции - Спарту, Афины, Фивы и Аргос; поставить себя во главе их объединенных сил, а также всей Греции; и вторгнуться в Азию с целью свержения Персидской империи, освобождения азиатских греков и предоставления нового дома для неустроенных скитальцев в Греции. Примечательно то, что Исократ ставит эллинский мир в подчинение и ученичество Филиппу, отказываясь от всякого представления о нем как о самодостаточной и саморегулирующейся системе. Он превозносит подвиги, удачу и могущество Филиппа выше всех исторических параллелей - однозначно рассматривает его как вождя Греции - и лишь призывает его использовать свою власть так же хорошо, как это делал в ранние времена его предок Геракл.[939] Он рекомендует ему беспристрастным и примирительным поведением по отношению ко всем завоевать для себя такое же преданное уважение среди греков, какое сейчас преобладает среди его собственных македонских офицеров или какое существовало среди лакедемонян по отношению к спартанским царям.[940] Велики и меланхоличны перемены, которые произошли в преклонном возрасте Исократа, с тех пор как он опубликовал панегирическую ораторию (380 г. до н.э.-за тридцать четыре года до этого), где он призывает к объединенной панэллинской экспедиции против Азии под совместным руководством двух эллинских вождей на суше и на море - Спарты и Афин; и где он возмущенно порицает Спарту за то, что она во время Анталкидова мира ввела в своих целях персидский рескрипт, чтобы навязать законы греческому миру. Унижение греческого достоинства, как бы серьезно оно ни было, связанное с Анталкидовым миром, было гораздо менее позорным, чем то, которое рекомендовал Исократ по отношению к Филиппу - сам он, правда, лично эллинского происхождения, но македонец или варвар (как его называет Демосфен[941]) по власти и положению. Как Эсхинс, отправляясь в посольство из Афин к Филиппу, считал, что его

главная обязанность состоит в том, чтобы красноречием убедить его вернуть Амфиполь Афинам и низложить Фивы, так и Исократ полагается на свое искусное перо, чтобы расположить нового вождя к правильному использованию императорской власти - сделать его защитником Греции и покорителем Азии. Если бы обильная и изящная лесть могла сотворить такое чудо, Исократ мог бы надеяться на успех. Но больно отмечать растущее раболепие таких достойных афинских вольноотпущенников, как Исократ, перед иностранным правителем; и упадок чувств эллинской независимости и достоинства, заметный после мира 346 года до н. э. по отношению к Филиппу.

От Исократа, а также от Демосфена мы получаем доказательства внушительного и устрашающего влияния имени Филиппа в Греции после мира 346 года до н. э. Охус, персидский царь, в это время был смущен неутихающим восстанием среди своих подданных, что Исократ называет одним из мотивов нападения Филиппа на него. Против персидского царя восстали не только Египет, но и Феникия и Кипр. Одна (если не две) крупномасштабная экспедиция, предпринятая им для завоевания Египта, была с позором отбита из-за способностей полководцев (афинянина Диофанта и спартанца Ламия), командовавших греческими наемниками на службе у египетского принца Нектанебуса.^[942] Однако около заключения мира в Греции в 346 году до н. э. Охус, похоже, возобновил с большим успехом свое наступление на Кипр, Феникию и Египет. Чтобы вновь завоевать Кипр, он задействовал силы карийского князя Идриея (брата и преемника Мавсола и Артемисии), в это время не только самого могущественного князя в Малой Азии, но и хозяина греческих островов Хиос, Кос и Родос, вероятно, благодаря внутренней олигархии на каждом из них, которая управляла в его интересах и через его солдат.^[943] Идрий отправил на Кипр сорок трирем и восемь тысяч наемных войск под командованием афинянина Фокиона и Эвагора, изгнанного члена династии, правившей в Саламине на острове. После долгой осады самого Саламиса, который удерживал против персидского царя Протагор, вероятно, другой представитель той же династии, и после обширных операций на всей остальной территории этого богатого острова, дававших обильную добычу солдатам, чтобы привлечь многочисленных добровольцев с материка, весь Кипр снова перешел под власть персов^[944].

Феники восстали от Охуса одновременно с киприотами и в согласии с египетским принцем Нектанебусом, от которого они получили подкрепление в виде четырех тысяч греческих наемников под командованием Ментора Родийского. Из трех великих феникийских городов - Сидона, Тира и Арадуса - каждый из которых был отдельным политическим сообществом, но управлял общими делами в объединенном городе Триполисе, состоявшем из трех отдельных обнесенных стенами кварталов, расположенных на расстоянии фурта друг от друга, - Сидон был одновременно самым древним, самым богатым и самым страдающим от персидского гнета. Поэтому сидонское население со своим князем Теннесом заняло первое место в восстании против Оха, используя свое огромное богатство для найма солдат, подготовки оружия и накопления всех средств защиты. В первом же приступе они изгнали персидский гарнизон, схватили и наказали некоторых главных офицеров, разрушили прилегающий дворец и парк, предназначенный для сатрапа или царя. Разгромив соседних сатрапов Киликии и Сирии, они укрепили оборону города тройными рвами, усиленными стенами и флотом из ста трирем и квинкверемов. Возмущенный этими действиями, Охус выступил с огромным войском из Вавилона. Но средства разложения послужили ему лучше, чем оружие. Сидонский князь Теннес в союзе с Ментором вступил с ним в частную сделку, выдал ему сначала сто главных граждан, а затем поставил персидскую армию у городских стен. Охус, убив сотню сдавшихся ему граждан и еще пятьсот человек, пришедших к нему с ветвями мольбы, объявил о своем намерении жестоко отомстить сидонцам в целом; те

приняли отчаянное решение: сначала сжечь свой флот, чтобы никто не мог спастись, а затем закрыться в своих семьях и поджечь каждый свой дом. В этом плачевном пожаре, как говорят, погибло сорок тысяч человек; и столько было уничтожено богатств, что привилегия искать развалины была куплена за большую сумму денег. Вместо того чтобы вознаградить предателя Теннеса, Охус завершил трагедию, предав его смерти[945].

Окрыленный этим неожиданным успехом, Охус с огромными силами двинулся на Египет. В его войске было десять тысяч греков: шесть тысяч по требованию греческих городов в Малой Азии, три тысячи по просьбе Аргоса и тысяча из Фив.[946] В Афины и Спарту он послал аналогичную просьбу, но получил от обоих вежливый отказ. Его армия, греческая и азиатская, самая большая из тех, что Персия посылала в течение многих лет, была распределена на три дивизии, каждой из которых командовал один греческий и один персидский генерал; одна из трех дивизий была доверена Ментору и евноху Багоасу, двум самым искусным слугам персидского царя. Египетский принц Нектанебус, давно зная о готовящемся нападении, также собрал многочисленное войско: не менее двадцати тысяч наемных греков и гораздо большее количество египтян и ливийцев. Он также позаботился о том, чтобы привести в состояние полной обороны восточный рукав Нила с крепостью Пелусий в его устье. Но эти широкие средства обороны оказались бесполезными, отчасти из-за его собственной неумелости и некомпетентности, отчасти из-за умения и хитрости Ментора и Багоаса. Нектанебу пришлось уйти в Эфиопию; весь Египет без особого сопротивления перешел в руки персов; укрепленные места капитулировали, храмы были разграблены с огромной добычей для победителей, и даже священные архивы храмов были унесены, чтобы затем перепродать их жрецам за дополнительную сумму денег. Богатая территория Египта снова стала персидской провинцией под властью сатрапа Ферендата, а Охус вернулся в Вавилон, значительно увеличив и владения, и репутацию. Греческие наемники были отпущены домой, собрав обильный урожай как жалованья, так и награбленного.[947] Фактически они составляли основной элемент силы с обеих сторон; одни греки помогали персидскому царю усмирять восставших,[948] а другие предоставляли свои силы восставшим против него.

Этим завоеванием Феникии и Египта Охус избавил себя от презрения, в которое он впал из-за неудачи своей прежней экспедиции,[949] и даже возвысил персидскую империю по силе и кредиту почти на такую же высоту, какую она когда-либо занимала прежде. Родосский Ментор и перс Багоас, оба отличившиеся в египетской кампании, стали с этого времени одними из самых эффективных его офицеров. Багоас сопровождал Охуса во внутренние провинции, сохраняя его полное доверие; Ментор же, вознагражденный суммой в 100 талантов и нагруженный египетской добычей, получил в управление сатрапию азиатского побережья.[950] Здесь он собрал значительное число греческих наемников, с которыми оказал персидскому царю значительную услугу. Хотя все побережье считалось принадлежащим Персидской империи, здесь было много отдельных сильных городов и позиций, которые удерживали вожди, имевшие собственную военную силу; они не платили дань и не подчинялись приказам. Среди этих вождей одним из самых заметных был Гермей, который жил в крепости Атарней (на материке напротив Лесбоса), но имел на жалованье множество войск и держал гарнизоны во многих соседних местах. Несмотря на то, что Гермей был частично искалечен случайным ранением в детстве,[951] он был человеком необычайной энергии и способностей и завоевал для себя это владение. Но больше всего его известности способствовало то, что он был близким другом и поклонником Аристотеля, который провел с ним три года в Атарнее после смерти Платона в 348-347 гг. до н. э. и отметил его заслуги в благородной оде. Вероломством и ложными обещаниями Ментор соблазнил Гермея на беседу, завладел его личностью и использовал его перстень для

отправки поддельных приказов, благодаря которым он стал хозяином Атарнея и всех остальных мест, принадлежащих Гермею. Так, путем успешного вероломства, Ментор подчинил себе самого энергичного из независимых вождей на азиатском побережье; после этого, путем последовательных завоеваний такого же рода, он в конце концов подчинил себе все побережье Персии[952].

Мир между Филиппом и афинянами продолжался без какого-либо формального отказа с обеих сторон более шести лет, с марта 346 г. до н. э. до середины лета 340 г. до н. э. Но хотя в течение этого периода он никогда не был формально отменен, на практике он постепенно все больше и больше нарушался обеими сторонами. Изложить последовательную историю событий этих нескольких лет не в наших силах. У нас нет ничего, чем мы могли бы руководствоваться, кроме нескольких ораций Демосфена;[953] которые, передавая живое представление о чувствах того времени, затрагивают в качестве аллюзий и материалов для рассуждений некоторые факты, но едва ли позволяют нам собрать эти факты в исторический ряд. Краткий очерк общих тенденций этого периода - это все, на что мы можем решиться.

Филипп был великим агрессором эпохи. Движение повсюду, в Греции или рядом с ней, началось с него и с тех партий в различных городах, которые действовали по его наущению и обращались к нему за поддержкой. Мы слышим о его прямом вмешательстве или о последствиях его возбуждающих предложений повсюду: в Пелопоннесе, в Амбракии и Леуках, в Эвбее и во Фракии. Жители Мегалополя, Мессены и Аргоса просили его присутствия в Пелопоннесе и активного сотрудничества против Спарты. Филипп намеревался сам отправиться туда, а пока посылал солдат и деньги с официальным предписанием Спарте отказаться от всех притязаний на Мессену. [954] Он утвердился в Элисе, [955] предоставив войска олигархической фракции и дав им возможность стать хозяевами правительства после насильственной революции. Вероятно, с этим вмешательством в дела Элиды был связан захват им трех элейских колоний - Пандосии, Бухеты и Элатеи - на побережье эпиротической Касопии, у Амбракийского залива. Эти три города он передал своему шурину Александру, которого возвысил до князя эпиротийских молоссов[956], сместив правящего князя Аррибаса. Далее он напал на два главных греческих города в этой области, Амбракию и Леукас, но, похоже, потерпел неудачу.[957] Отряды его войск появились у Мегары и Эретрии, на помощь филиппийским партиям в этих городах и к серьезной тревоге афинян. Филипп более прочно установил свое господство над Фессалией, разделив страну на четыре части и разместив гарнизон в Фере, городе, который вызывал у него наибольшее недовольство.[958] Мы также читаем, что он снова победил и покорил иллирийские, дарданские и пеонийские племена на своей северной и западной границе, захватив многие из их городов и принеся много добычи; и что он победил фракийского принца Керсоблепта, к большому удовлетворению греческих городов на Геллеспонте и вблизи него.[959] Говорят также, что он перераспределил население Македонии, переводя жителей из одного города в другой по своему усмотрению, чтобы благоприятствовать или препятствовать проживанию, - к большому несчастью и страданиям удаленных семей[960].

Такова была бурная деятельность Филиппа, ощущавшаяся повсюду, от берегов Пропонтиды до берегов Ионического моря и Коринфского залива. С каждым годом его власть росла, а города греческого мира оставались пассивными, не сплоченными и не признавали ни одного из своих лидеров. Филиппистские группировки повсюду поднимались на борьбу или замыслили захват правительств в своих интересах под эгидой Филиппа; в то время как те, кто держался за свободный и народный эллинизм, были обескуражены и отброшены в оборону[961].

Политика Филиппа заключалась в том, чтобы избежать или отсрочить любое нарушение мира с Афинами - единственной державой, при которой греки могли объединиться против него. Но такой политик, как Демосфен, достаточно ясно предвидел грядущее поглощение греческого мира, включая Афины, властью Македонии, если только не будут найдены средства возродить среди ее членов дух энергичной и единой защиты. Примерно в 344 году до н. э. мы видим, как этот оратор снова выступил в афинском собрании, убеждая своих соотечественников отправить миссию в Пелопоннес, и сам отправился в числе посланников.^[962] Он обратился к мессенцам и аргейцам с настоятельными увещаниями по поводу их преданности Филиппу, напоминая им, что из-за чрезмерного страха и антипатии к Спарте они предадут ему свою собственную свободу, а также свободу всех своих эллинских братьев.^[963] Выслушанный с одобрением, он не льстит себе тем, что добился каких-либо практических изменений в их взглядах.^[964] Но, судя по всему, в Афины прибыли посланники (в 344-343 гг. до н. э.), которым требовался какой-то ответ, и именно с предложением этого ответа Демосфен выступает со своим вторым "Филиппиком". Он вновь обличает Филиппа как агрессора, распространяющего свою власть со всех сторон, нарушающего мир с Афинами и готовящего гибель греческому миру.^[965] Не советуя немедленной войны, он призывает афинян к бдительности и осторожности, а также к организации оборонительного союза между греками в целом.

Активность Афин, к сожалению, проявилась лишь в словах; в противовес энергичным действиям Филиппа. Но это были слова Демосфена, сила которых ощущалась сторонниками Филиппа в Греции и вызывала такое раздражение у самого Филиппа, что он не раз посылал в Афины посланников и письма с выражением недовольства. Его посланник, красноречивый византиец по имени Пифон,^[966] с большим успехом обратился к афинскому собранию, жалуясь на клевету ораторов против Филиппа, категорически утверждая, что Филипп питает самые лучшие чувства к Афинам и желает лишь иметь возможность оказать им услугу, и предлагая пересмотреть и изменить условия заключенного мира. Такие общие заверения в дружбе, произнесенные с красноречием и акцентом, произвели значительный эффект на афинское собрание, как и из уст Эсхина во время обсуждения мира. Предложение Пифона было принято афинянами, и к нему были предложены две поправки. 1. Вместо существующей формулировки мира - "чтобы каждая сторона получила то, что у нее было на самом деле" - было предложено заменить ее фразой - "чтобы каждая сторона получила свое"^[967]. 2. Чтобы в мир были включены не только союзники Афин и Филиппа, но и все остальные греки; чтобы все они оставались свободными и самостоятельными; чтобы в случае нападения на кого-либо из них участники договора с обеих сторон немедленно оказали им вооруженную помощь. 3. Обязать Филиппа вернуть те места, Дориск, Серрею и т. д., которые он захватил у Керсobleптов после дня, когда в Афинах был заключен мир.

Первая поправка была внесена гражданином по имени Гегезипп, активным политиком, выступавшим против филиппизации и поддерживавшим те же взгляды, что и Демосфен. Пифон вместе с другими посланниками Филиппа, присутствовавшими на собрании, либо принял эти поправки, либо, по крайней мере, не стал протестовать против них. Он пользовался общественным гостеприимством города, как по взаимному согласию.^[968] Гегезипп с другими афинянами был послан в Македонию, чтобы добиться ратификации Филиппа; тот признал справедливость второй поправки, предложил арбитраж в отношении третьей, но отказался ратифицировать первую, отвергнув как общее предложение, так и последующее принятие его посланников в Афинах. [Более того, он проявил большую суровость в приеме Гегесиппа и его коллег, изгнав из Македонии афинского поэта Ксеноклида за то, что тот проявил гостеприимство по отношению к ним.]^[970] Таким образом, первоначальный договор остался без изменений.

Гегезипп и его коллеги отправились в Македонию не только для того, чтобы представить Филиппу две указанные поправки, но и чтобы потребовать от него возвращения маленького острова Галоннес (близ Скиатоса), который он захватил после заключения мира. Филипп отрицал, что остров принадлежит афинянам и что они имеют право выдвигать такое требование; он утверждал, что отнял его не у них, а у пирата по имени Сострат, который угрожал судоходству в соседнем море, и что теперь он принадлежит ему. Если афиняне будут оспаривать это, он предложил передать вопрос в арбитраж; *вернуть* остров Афинам, если арбитры примут решение против него, или *отдать* его ей, даже если они примут решение в его пользу[971].

Поскольку мы знаем, что Филипп обращался с Гегезиппом и другими посланниками с особой суровостью, вполне вероятно, что дипломатический спор между ними, как по поводу Галоннеса, так и по другим вопросам, велся с гневным чувством с обеих сторон. Таким образом, остров, сам по себе небольшой и незначительный, стал предметом длительной перебранки на два-три года. Когда Гегезипп и Демосфен утверждали, что Филипп поступил несправедливо по отношению к афинянам в отношении Галоннеса и что он может получить его только в порядке реституции законного афинского владения, а не как дар *proprio motu*, Эсхинс и другие отнеслись к вопросу с насмешкой, как к спору о слогах.[972] "Филипп (говорили они) предлагает нам отдать Галоннес. Давайте возьмем его, и вопрос будет исчерпан. Какая разница, *отдаст* он его нам или *вернет*?" Комические писатели по-разному подшучивали над этим словесным различием, считая его глупой тонкостью. Но хотя партийные ораторы и остроумцы могли бы найти здесь точку для поворота или сарказм для места, несомненно, что хорошо проведенная дипломатия, как современная, так и древняя, всегда тщательно отмечала это различие как важное. В данном случае речь шла не о захвате во время войны, а о захвате во время мира. Ни один современный дипломат не примет реституцию незаконно захваченного, если от него потребуют признать ее безвозмездной уступкой со стороны захватчика. Довод Филиппа о том, что он захватил остров не у Афин, а у пирата Сострата, не является веским оправданием, если предположить, что остров действительно принадлежал Афинам. Если Сострат нанес пиратский ущерб, Филипп должен был обратиться в Афины за возмещением, чего он, очевидно, не сделал. Только в случае отказа в возмещении ущерба он мог получить право на исправление ситуации силой; и даже в этом случае можно сомневаться, что захват острова мог дать ему какое-либо право на него против Афин. Афиняне отклонили его предложение о третейском суде; отчасти потому, что были уверены в своем праве на остров, отчасти потому, что ревностно относились к признанию за Филиппом любого права на вмешательство в их островное господство[973].

Галоннес оставался под гарнизоном Филиппа, являясь одной из многих тем для гневного общения в письмах и с посланниками между ним и Афинами, пока в конце концов (кажется, около 341 г. до н. э.) жители соседнего острова Пепарет не захватили его и не вывели его гарнизон. В связи с этим Филипп обратился с несколькими протестами как к пепаретцам, так и к афинянам. Не получив ответа, он напал на Пепарет и жестоко отомстил его жителям. Тогда афиняне приказали своему адмиралу нанести ему ответный удар, так что война, хотя еще и не была объявлена, все ближе и ближе подходила к возобновлению[974].

Но не только в Галоннесе Афины оказались осаждены Филиппом и филиппистскими группировками. Даже ее собственная граница со стороны Беотии теперь требовала постоянного наблюдения, поскольку фиванцы были освобождены от своих фокейских врагов; поэтому она была вынуждена держать гарнизоны гоплитов в Дриме и Панактуме.[975] В Мегаре повстанческая партия под руководством Перилая вынашивала планы захвата города с помощью войск Филиппа, которые можно было легко отправить из македонской

армии, занимавшей Фокис, по морю в Пегес, мегарийский порт на берегу Крисского залива. Узнав об этом заговоре, мегарское правительство обратилось за помощью к Афинам. Фокион, с величайшей быстротой направив в Мегару афинских гоплитов, обеспечил безопасность города и в то же время восстановил Длинные стены в Ниссее, чтобы она всегда была доступна афинянам по морю.[976] В Эвбее города Орей и Эретрия попали в руки вождей филиппики и стали враждебны Афинам. В Орее большая часть граждан склонилась к мнению главного приверженца Филиппа, Филистида, который убедил их заставить замолчать протесты и заключить в тюрьму вождя противников Эвфрея, как нарушителя общественного спокойствия. Тогда Филистид, воспользовавшись удобным случаем, добился введения македонских войск, с помощью которых обеспечил себе власть в городе как орудие Филиппа; Евфрей же, мучимый горем и тревогой, умер в тюрьме. В Эретрии Клейтарх вместе с другими устроил подобный заговор. Изгнав своих главных противников и отказав в приеме афинским посланникам, они приобрели тысячу македонских солдат под командованием Гиппоника; таким образом они овладели самой Эретрией и разрушили укрепленный морской порт Портмус, чтобы прервать удобное сообщение с Афинами. Орей и Эретрия, по словам Демосфена, страдали от жестокого гнета этих двух деспотов, Филистида и Клитарха.[977] С другой стороны, Халкис, главный город в Эвбее, кажется, был еще свободен и склонялся скорее к Афинам, чем к Филиппу, под преобладающим влиянием одного гражданина по имени Каллиас.

В это время, судя по всему, Филипп был лично занят операциями во Фракии, где он провел не менее одиннадцати месяцев, а возможно, и больше,[978] оставив управление делами в Эвбее своим военачальникам в Фокисе и Фессалии. Теперь он, по-видимому, готовил свои планы по овладению важными выходами из Эвксинского моря в Эгейское - Босфором и Геллеспонтом - и греческими городами на этих побережьях. От этих проливов зависели основные поставки импортной кукурузы для Афин и значительной части греческого мира; отсюда и огромная ценность афинского владения Херсонесом.

По поводу этого полуострова теперь возникали гневные споры. Для защиты своих поселенцев, обосновавшихся там, Афины отправили Диопитеса с наемниками, которым, однако, не было обеспечено жалованье, и они были вынуждены взимать взносы там, где могли; в то время как Филипп взял под свою защиту и гарнизонировал Кардию - город, расположенный на полуострове вблизи его перешейка, но плохо настроенный к Афинам, утверждавший независимость и принятый по миру 346 года до н. э., Эсхином и афинскими посланниками в качестве союзника Филиппа для участия в мирных клятвах.[979] В сотрудничестве с кардийцами Филипп присвоил и раздал земли, которые афинские поселенцы считали своими; а когда они пожаловались, он настоял на том, чтобы они разобрались с Кардией как с независимым городом, обратившись к арбитражу.[980] Они отказались, хотя их посланник Эсхинс признал Кардию независимым союзником Филиппа, когда был заключен мир.

Налицо было состояние противоречивых притязаний, из которого непременно должны были вырасти военные действия. Македонские войска захватили Херсонес, а Диопейтес со своей стороны совершал вылазки за пределы полуострова, вторгаясь во Фракию, подвластную Филиппу, который посылал письма с протестами в Афины.[981] Жалуясь на Афины, Филипп в то же время продвигал свои завоевания во Фракии против фракийских князей Керсobleптеса, Тереса и Ситалкеса,[982] которым было даровано почетное афинское гражданство.

Жалобы Филиппа и выступления его сторонников в Афинах вызвали в Афинах сильное чувство против Диопейта, так что народ, казалось, был склонен отозвать и наказать его.

Именно против этого шага протестует Демосфен в своей речи о Херсонесе. И эта речь, и третий филиппик были произнесены в 341-340 гг. до н. э.; по-видимому, в последней половине 341 г. до н. э. В обоих случаях он возобновляет тот энергичный и бескомпромиссный тон враждебности к Филиппу, который был характерен для первого филиппика и олинфян. Он призывает своих соотечественников не только поддержать Диопитеса, но и возобновить войну против Филиппа во всех других отношениях. Филипп (говорит он), притворяясь на словах, что сохраняет мир, уже давно нарушил его своими действиями и агрессией в многочисленных кварталах. Если Афины решили подражать ему, сохраняя мир на словах, пусть так и делают; но, во всяком случае, пусть подражают ему и в ведении упорной войны на деле.^[983] Херсонес, древнее владение Афин, можно было защитить, только поощряя и укрепляя Диопейта; Византия также наверняка станет следующим объектом нападения Филиппа, и ее следовало сохранить, как необходимую для интересов Афин, хотя до сих пор византийцы относились к ней с недоверием. Но даже эти интересы, какими бы важными они ни были, должны рассматриваться лишь как части еще более важного целого. Эллинский мир в целом находился в неминуемой опасности;^[984] над ним довлела огромная военная сила Филиппа; его разрывали на части местные группировки, опиравшиеся на его поддержку; и с каждым днем он все больше деградировал. Не было никакой надежды на спасение эллинского имени, кроме как от энергичных и хорошо направленных военных действий Афин. Она должна выступить во всеоружии; ее граждане должны лично нести службу, исправно платить прямые налоги и на время отказаться от праздничных сборов; когда они покажут, что готовы вынести настоящие тяготы и лишения борьбы, тогда пусть отправят посланников, чтобы призвать на помощь других греков против общего врага"^[985].

Такова, в общих чертах, поразительная агитка, известная как третий Филиппик. Судя по всему, афиняне теперь находились в большем согласии с Демосфеном, чем когда-либо прежде. Они поняли, - на что уже давно указывал оратор, - что Филипп переходит от одного приобретения к другому и становится только опаснее, когда другие затихают. Они действительно беспокоились за безопасность двух важных позиций - Геллеспонта и Босфора. С этого времени и до битвы при Херонее положительное влияние Демосфена на действия своих соотечественников становится очень значительным. Он уже несколько раз был посланником в Пелопоннесе (344-343 гг. до н. э.), в Амбракии, Леуках, Коркире, Иллирии и Фессалии. Теперь он направил сначала посланников на Эвбею, где, вероятно, был согласован план действий с Каллиасом и халкидянами, а затем отправил на тот же остров военный отряд против Орея и Эретрии.^[986] Эта экспедиция под командованием Фокиона была успешной. Орей и Эретрия были освобождены; Клитарх и Филистид с македонскими войсками были изгнаны с острова, хотя оба тщетно пытались умиловить Афины.^[987] Каллий с халкидянами Эвбеи и мегарянами также способствовали этому успеху.^[988] По его предложению, поддержанному Демосфеном, депутаты эвбейских городов отказались от участия и дани в афинском синоде; вместо них был учрежден эвбейский синод, заседавший в Халкисе; независимый от Афин, но союзный с ними.^[989] В этом эвбейском синоде Каллиас был главным человеком; он выступал и как сторонник Афин, и как враг Филиппа. Он продвинулся за пределы Эвбеи до Пагасского залива, откуда, вероятно, пришли македонские войска, составлявшие гарнизон Орея под командованием Филистида. Здесь он захватил несколько городов, союзных Филиппу или имевших гарнизоны, а также различные македонские суда, экипажи которых он продал в рабство. За эти успехи афиняне публично поблагодарили его.^[990] Он также занимался (осенью и зимой 341-340 гг. до н. э.) миссионерскими поездками по Пелопоннесу, чтобы организовать конфедерацию против Филиппа. В этой миссии он настойчиво убеждал города послать депутатов на съезд в Афины, который должен был состояться в следующем месяце Антестерионе (феврале) 340 года до н.

э. Но хотя он и сделал в Афинах лестное заявление о согласии и поддержке, обещанной ему, предполагаемый съезд так ни к чему и не привел[991].

В то время как важный успех в Эвбее избавил Афины от беспокойства с этой стороны, Демосфен был отправлен посланником в Херсонес и Византию. Он, несомненно, ободрил бы Диопейца и, возможно, доставил бы ему подкрепление. Но в первую очередь его услуги были полезны в Византии. Этот город уже давно плохо относился к Афинам - из-за воспоминаний о Социальной войне и из-за ревности по поводу пошлин с кукурузных кораблей, проходящих через Босфор; кроме того, он некоторое время находился в союзе с Филиппом, который теперь прилагал все усилия, чтобы убедить византийцев присоединиться к нему в активной войне против Афин. Демосфен так эффективно использовал свое красноречие в Византии, что расстроил эту цель, преодолел недружелюбные настроения граждан и заставил их понять, как сильно затрагивает их интересы и их безопасность объединение с Афинами в сопротивлении дальнейшему преобладанию Филиппа. Византийцы вместе со своими союзниками и соседями - перинфянами - заключили союз с Афинами. Демосфен справедливо гордится тем, что добился для своих соотечественников такого успеха как государственный деятель и дипломат, несмотря на неблагоприятные шансы. Если бы Филиппу удалось заручиться активным сотрудничеством Византии и Перинфа, он стал бы хозяином кукурузных поставок, а возможно, и Геллеспонта, так что война в этих регионах стала бы для Афин практически неосуществимой[992].

Как этот неожиданный переворот в политике Византии был чрезвычайно выгоден Афинам, так он был пропорционально неприятен Филиппу; он так сильно возмущался, что вскоре после этого начал осаду Перинфа на суше и на море,[993] немного раньше середины лета 340 г. до н.э. Он привел свой флот через Геллеспонт в Пропонтиду и защитил его во время прохода от нападения афинян в Херсонесе,[994] заставив свои сухопутные войска пересечь и опустошить этот полуостров. Это было нарушением афинской территории, добавившим еще один к уже накопившимся поводам для войны. В то же время, судя по всему, он пустил свои крейсера против афинских торговых судов, многие из которых он захватил и присвоил. Эти захваты, а также вторжения в Херсонес послужили последними дополнительными провокациями, подтолкнувшими афинян к решительному объявлению войны.[995] Вскоре после середины лета 340 г. до н. э., в начале правления Феофраста, они приняли официальный декрет[996], чтобы убрать колонну, на которой был записан мир 346 г. до н. э., и возобновить войну против Филиппа открыто и недвусмысленно. Кажется вероятным, что это было сделано, когда Демосфен еще отсутствовал со своей миссией на Геллеспonte и Босфоре; ведь он прямо заявляет, что ни один из декретов, немедленно приведших к военным действиям, не был принят им, но все они были приняты другими гражданами;[997] утверждение, которому мы можем с полным основанием поверить, поскольку он скорее гордился, чем стыдился такой инициативы.

Примерно в то же время, как видно, Филипп со своей стороны обратился к афинянам с манифестом и объявлением войны. В этом документе он перечислял множество обид, нанесенных им ему и до сих пор не устраненных, несмотря на официальные обращения; за эти обиды он объявил о своем намерении справедливо отомстить открытыми военными действиями.[998] Он упоминал о захвате на македонской земле вестника Никиаса с депешами; афиняне (утверждал он) держали этого вестника в плену в течение десяти месяцев и публично зачитали депеши в своем собрании. Он жаловался, что Афины поощряли жителей Тасоса, приютивших триремы из Византии и каперов из других мест, к досаде на македонскую торговлю. Он остановился на агрессивных действиях Диопейтеса во Фракии и Каллиаса в Пагасском заливе. Он осудил обращение Афин к персам за помощью

против него как отступление от эллинского патриотизма и от прежних афинских правил. Он ссылался на неподобающее вмешательство Афин в защиту фракийских князей Тереса и Керсobleпта, которые не входили в число партнеров по миру, заключенному против него; на защиту, предоставленную Афинами жителям Пепарета, которых он наказал за враждебные действия против его гарнизона в Галоннесе; на опасность, которой подвергся его флот во время плавания вверх по Геллеспонту из-за враждебности афинских поселенцев в Херсонесе, которые сотрудничали с его врагами византийцами и вынудили его охранять корабли, проводя через Херсонес сухопутные войска. Он оправдывал свои действия по оказанию помощи своим союзникам - жителям Кардии, жалуясь на то, что афиняне отказались передать свои разногласия с этим городом на справедливый арбитраж. Он отверг притязания афинян на Амфиполь, утверждая, что его собственное право на это место лучше, на всех основаниях. Особенно он настаивал на оскорбительном поведении афинян, отказавшихся, когда он отправил посланников вместе со всеми своими союзниками, "заключить справедливую конвенцию от имени греков в целом": "Если бы вы согласились на это предложение (сказал он), вы могли бы избавить от опасности всех тех, кто действительно подозревал мои цели, или вы могли бы публично выставить меня как самого никчемного из людей. Согласиться было в интересах вашего народа, но не в интересах ваших ораторов. Для них, как утверждают те, кто лучше всех знает ваше правительство, мир - это война, а война - это мир; ведь они всегда делают деньги за счет ваших генералов, выступая либо в качестве обвинителей, либо в качестве защитников; кроме того, понося в публичных собраниях ваших ведущих граждан дома и других выдающихся людей за границей, они приобретают в народе доверие к народным нравам. Мне было бы легко самыми незначительными подарками заглушить их ругательства и заставить их трубить о моих похвалах. Но мне было бы стыдно показаться, что я покупаю у *них* вашу добрую волю"[999].

Не имеет особого смысла проверять или оценивать конкретные жалобы, изложенные здесь, даже если бы мы располагали достаточной информацией для этой цели. При тех чувствах, которые преобладали в течение последних двух лет между афинянами и Филиппом, мы не можем сомневаться, что многие отдельные действия враждебного характера были совершены как с их, так и с его стороны. Утверждение Филиппа о том, что он неоднократно предлагал им полюбовно урегулировать разногласия, - правда это или нет, имеет мало значения. В его интересах было сохранить мир и спокойствие в Афинах, пока он устанавливал свое господство в других местах и накапливал силу для окончательного использования, которой она была бы не в состоянии противостоять. Афиняне почувствовали, что дальнейшее согласие с этими действиями обеспечит им ту же благосклонность, которую Полифем оказал Одиссею, - они будут съедены последними. Но лекция, которую он считает нужным прочитать как им, так и их популярным ораторам, мало чем лучше оскорбительной насмешки. Странно читать похвалы миру - как будто он бесспорно выгоден афинскому народу и как будто рекомендации войны исходят только от продажных и клеветнических ораторов, преследующих собственную выгоду, - произнесенные величайшим агрессором и завоевателем своего века, вся жизнь которого прошла в войне и в продуманной организации большой военной силы; и обращенные к народу, главным недостатком которого тогда было почти непобедимое отвращение к личным трудностям и денежным жертвам эффективной войны. Этот отрывок манифеста, вероятно, можно рассматривать как тему для Эсхина и других сторонников филиппики в афинском собрании.

Война теперь была очевидным фактом для обеих сторон. По инициативе Демосфена и других афинян было принято решение о снаряжении военно-морского флота, который был отправлен под командованием Хареса в Геллеспонт и Пропонтиду.

Тем временем Филипп привел к осаде Перинфа армию в тридцать тысяч человек и такой запас двигателей и снарядов, какого еще никогда не было.^[1000] Его атака на это место была примечательна не только храбростью и упорством обеих сторон, но и масштабностью военных действий. [Перинф был силен и защищен; он располагался на мысе, заканчивающемся крутыми скалами к югу от Пропонтиды, неприступном с моря, но покато, хотя и с крутым уклоном к суше, с которой он соединялся перешейком не более чем в фут в ширину. Через этот перешеек тянулась внешняя стена, за которой виднелись дома города, высокие, крепко построенные и поднимавшиеся террасами друг над другом по склону мыса. Филипп наседали на город, неоднократно штурмуя внешнюю стену: таранил ее таранами, подрывал соком, возводил подвижные башни высотой, как говорят, в сто двадцать футов (выше даже башен перинфской стены), чтобы отгонять защитников ракетами и пытаться штурмовать с помощью abordажных плах из рук в руки. Перинфяне, защищаясь с энергичной доблестью, долгое время отбивались от него с внешней стены. В конце концов осаждающие, под непрерывные атаки македонских солдат, воодушевленных обещаниями Филиппа, одолели эту стену и отбросили их назад в город. Однако оказалось, что город сам по себе представляет для горожан новую удобную позицию для обороны. Нижние ряды домов, объединенные мощными баррикадами на улицах, позволили перинфянам устоять. Однако, несмотря на все их усилия, город разделит бы судьбу Олинфа, если бы их не поддержала эффективная иностранная помощь. Не только их византийские родственники прилагали все усилия, чтобы оказать всяческую помощь на море, но и афинский флот, и персидские сатрапы на азиатской стороне Пропонтиды оказывали содействие. Тело греческих наемников под командованием Аполлодора, присланное из Азии фригийским сатрапом Арситом, вместе с достаточным количеством запасов по морю, поставило Перинф в условия, чтобы бросить вызов осаждающим^[1002].

После осады, которая вряд ли длилась меньше трех месяцев, Филипп обнаружил, что все его усилия против Перинфа потерпели неудачу. Тогда он изменил свой план, отвел часть своих сил и внезапно появился перед Византией. Стены были крепкими, но недостаточно укомплектованными и подготовленными; большая часть византийских войск находилась на службе в Перинфе. Среди нескольких энергичных атак Филиппу удалось провести внезапную атаку в темную и бурную ночь, которая была очень близка к успеху. Византийцы храбро защищались и даже разгромили его флот, но и они были спасены в основном благодаря иностранной помощи. Афиняне - теперь они действовали под вдохновением Демосфена, который убеждал их похоронить в великодушном забвении все свои прошлые обиды на Византию - послали на помощь еще более мощный флот под энергичным руководством Фокиона^[1003] вместо распутного и хищного Хареса. Кроме того, опасность для Византии вызвала энергичные усилия со стороны главных жителей островов Эгейского моря - хианцев, родосцев, коанцев и т. д., для которых было очень важно, чтобы Филипп не стал хозяином большого прохода для ввоза кукурузы в греческие моря. Собранный таким образом большой флот был вполне достаточно для защиты Византии.^[1004] Вынужденный отказаться от осады этого города, а также Перинфа, Филипп в очередной раз потерпел неудачу при нападении на Херсонес. Фокион не только сохранил против него полную безопасность Пропонтиды и прилегающих к ней проливов, но и получил различные преимущества перед ним как на суше, так и на море^[1005].

Эти операции, вероятно, заняли последние шесть месяцев 340 года до н. э. Они стали самым важным успехом Афин и самым серьезным поражением Филиппа с начала войны между ними. Пришедшие сразу после освобождения Эвбеи в предыдущем году, они существенно

улучшили положение Афин в борьбе с Филиппом. Фокион и его флот не только избавили граждан Византии от всех страданий, связанных с захватом македонскими солдатами, но пресекли каперство и так эффективно защищали торговые корабли, что кукуруза стала необычайно обильной и дешевой как в Афинах, так и во всей Греции:[1006] и Демосфен, как государственный деятель и дипломат, пользовался заслугами в том, что превратил Эвбею в дружественного и покровительствующего Афинам соседа, вместо того чтобы быть убежищем для мародерских крейсеров Филиппа, а также в том, что он перевел Византию из македонского союза в афинский, и таким образом предотвратил переход Геллеспонта и торговли кукурузой в руки Филиппа.[Общественные собрания Византии, Перинфа и различных городов Херсонеса вынесли Афинам самые теплые благодарственные голоса и венки в знак признательности,[1008] а афинское общественное собрание также вынесло постановление и публично провозгласило аналогичный голос благодарности и восхищения Демосфену. Декрет, предложенный Аристонином, был настолько единодушно популярен в то время, что ни Эсхинс, ни другие враги Демосфена не сочли возможным подвергнуть его импичменту[1009].

В ходе недавних военных операций столь крупного масштаба против Византии и Перинфа Филипп оказался в конфликте не только с Афинами, но и с хианами, родосцами и другими; необычайно большое количество конфедеративных греков. Чтобы разбить эту конфедерацию, он счел удобным предложить мир и отказаться от своих замыслов в отношении Византии и Перинфа - пункта, на который в первую очередь была направлена тревога конфедератов. Выведя свои войска из Пропонтиды, он получил возможность заключить мир с византийцами и большинством морских греков, присоединившихся к их помощи. Таким образом, комбинация против него была распущена, хотя с Афинами[1010] и их более близкими союзниками его морская война все еще продолжалась. В то время как он увеличивал число крейсеров и каперов, чтобы возместить призами свои большие расходы во время последних осад, весной 339 года до н. э. он предпринял со своим сухопутным войском поход против скифского царя Атея; в страну которого, между горой Хем и Дунаем, он вторгся с успехом, уведя в качестве добычи множество молодых рабов обоего пола, а также скот. Однако по возвращении через гору Хемус он подвергся внезапному нападению фракийского племени трибаллов и потерпел поражение, потеряв всех пленников и будучи тяжело ранен в бедро.[1011] Эта экспедиция и ее последствия занимали Филиппа в течение весны и лета 339 года до н.э.

Тем временем морская война Афин против Филиппа велась более эффективно, а ее флот был организован лучше, чем когда-либо прежде. Это произошло в основном благодаря важной реформе, предложенной и проведенной Демосфеном сразу после объявления войны Филиппу летом 340 года до н. э. Радуюсь, как и он, теперь, после долгого публичного опыта, возросшему доверию своих сограждан, и получив должность начальника флота,[1012] он использовал свое влияние не только для обеспечения энергичного вмешательства в дела Эвбеи и Византии, но и для исправления глубоко укоренившихся злоупотреблений, сводивших на нет эффективность афинского морского ведомства.

По закону Периандра (принятому в 357 году до н. э.) бремя триерархии было распределено между двенадцатью сотнями самых богатых граждан, внесенных в налоговую таблицу имущества, разделенного на двадцать фракций, называемых симмориями, по шестьдесят человек в каждой. Среди этих людей триста самых богатых, выделяясь, как лидеры симморий, были наделены руководством и исполнением всего, что касалось их коллективных полномочий и обязанностей. Цель этого закона состояла в том, чтобы переложить расходы на триерархию - сумму около сорока, пятидесяти или шестидесяти мин

за каждую трирему, покрывающую большую или меньшую часть снаряжения, - которые первоначально несли один богач, когда наступала его очередь, а затем два богача вместе, на более или менее многочисленное товарищество, состоящее из пяти, шести, а то и пятнадцати или шестнадцати членов одной симмории. Число таких партнеров зависело от количества трирем, которые требовались государству для оснащения в тот или иной год. Если трирем требовалось немного, то можно было выделить шестнадцать вкладчиков для коллективного покрытия расходов на триерархию: если же трирем требовалось много, то на каждую можно было выделить меньшее число партнеров, возможно, не более пяти или шести, поскольку общее число граждан, чья очередь должна была быть оценена в данном году, было фиксированным. Налог на каждого партнера, разумеется, становился тяжелее, поскольку число партнеров, назначенных на трирему, было меньше. Каждый член товарищества, состоящего из пяти, шести или шестнадцати человек, вносил равный вклад в расходы.^[1013] Таким образом, более богатые члены товарищества платили не большую сумму, чем более бедные, а иногда даже уклонялись от уплаты, заключая с кем-либо договор на выполнение обязанностей по должности, при условии, что общая сумма не будет превышать ту, которую они сами собирали с более бедных членов.

По словам Демосфена, более бедные члены этих триерархических симморий иногда были почти разорены требуемыми суммами, так что они горько жаловались и даже занимали характерные позиции поданных в Мунихии или в других местах города. Когда их обязательства перед государством не были выполнены вовремя, они становились объектом тюремного заключения со стороны офицеров, руководивших снаряжением вооружения. Помимо таких частных трудностей, возникали большие общественные беды от того, что деньги не поступали сразу; вооружение задерживалось в пути и вынуждено было покидать Пейреус либо в плохом состоянии, либо без полного состава. Отсюда в значительной степени проистекает неудача Афин в их морских предприятиях против Филиппа до заключения мира 346 года до н. э.^[1014].

Те же самые влияния, которые изначально привели к введению подобных злоупотреблений, противостояли оратору в его попытке их исправить. Тело трехсот, богатейшие люди государства - лидер или самый богатый человек в каждой симмахии, а также те, кто стоял вторым или третьим в порядке богатства, - приложили все усилия, чтобы отбросить предложение, и предложили Демосфену крупные взятки (если мы можем доверять его утверждению) в качестве стимула для отказа от него. Кроме того, ему был объявлен импичмент по Графу Параномону как автору неконституционного или незаконного указа. Чтобы противостоять этим могущественным врагам, Демосфену потребовалась немалая доля твердости и общественного духа в сочетании с признанным красноречием и известным именем.

По его новому закону триерархия взималась со всех членов симморий или со всех, кто превышал определенный минимум имущества, пропорционально их оценке; но, если мы правильно понимаем, он, кажется, несколько повысил этот минимум, так что общее число лиц, подлежащих обложению, уменьшилось.^[1015] Каждый гражданин, оцененный в десять талантов, оплачивал триерархию одной триремы; оцененный в двадцать талантов - триерархию двух; оцененный в тридцать талантов - триерархию трех; оцененный свыше тридцати талантов - три триремы и служебное судно, что считалось максимальной суммой, подлежащей оплате каждым отдельным лицом. Граждане, оцененные менее чем в десять талантов, объединялись в группы по десять талантов в совокупности, чтобы нести коллективную триерархию одной триремы; взносы каждого человека в группе были

пропорциональны сумме, на которую он был оценен. Это новое предложение, хотя и существенно облегчило положение более бедных граждан, значительно увеличило взносы богатых. Человек, оцененный в двадцать талантов, который до этого оплачивал только шестнадцатую часть расходов одной триерархии, вместе с партнерами, гораздо более бедными, чем он, но одинаково оцененными, теперь становился обязанным оплатить все расходы двух триерархий. Все ответственные лица были оценены в справедливой пропорции к сумме, на которую они были приписаны в расписании. Когда в дикастерии рассматривалось дело об обвинении Демосфена, он был оправдан более чем четырьмя пятими дикастов, так что обвинитель был вынужден заплатить установленный штраф. И так одушевлен был в тот момент нрав населения, выступавшего за энергичные меры по продолжению только что объявленной войны, что оно от души согласилось с ним и приняло основные черты его триерархической реформы. Сопротивление богачей, однако, хотя и недостаточное, чтобы отбросить эту меру, вынудило его не раз изменять ее в ходе обсуждения;^[1016] отчасти из-за противодействия Эсхина, которого он обвиняет в том, что тот был нанят богачами для этой цели.^[1017] К глубокому сожалению, речи обоих, особенно Демосфена, которые, должно быть, были многочисленны, не сохранились.

Таким образом, триерархические симмории распределялись и начислялись заново на каждого человека в соотношении с его богатством, и, следовательно, больше всего на триста самых богатых.^[1018] Как долго этот закон оставался неизменным, мы не знаем. Но оказалось, что он работает превосходно; и Демосфен хвастается, что в течение всей войны (то есть с момента возобновления войны около августа 340 года до н. э. до битвы при Херонее в августе 338 года до н. э.) все триерархи, указанные в законе, были готовы вовремя без жалоб и страданий; а корабли, хорошо оснащенные и освобожденные от прежних причин задержки, были найдены быстрыми и эффективными для всех случаев необходимости. За эти два года ни один корабль не был оставлен или потерян в море^[1019].

Вероятно, первыми плодами реформы Демосфена в афинском военно-морском управлении стал флот, снаряженный Фокионом, который так успешно действовал у Византии и вблизи нее. Морские операции афинян, хотя и не известны в деталях, судя по всему, проводились лучше и были более успешными по своим общим результатам, чем когда-либо со времен Социальной войны. Но теперь в глубине Греции возник серьезный и меланхоличный спор, который заставил ее обороняться на суше. Эта новая тревожная причина была не чем иным, как очередной Священной войной, объявленной Амфикифонийским собранием против локрийцев Амфиссы. Возбужденная в основном афинскими эсхинами, она с лихвой компенсировала Филиппу его поражение в Византии и поражение от трибаллов; как и прежняя Священная война, она принесла возвышение ему одному и гибель греческой свободе.

В четвертом томе этой работы я рассказал о первой Священной войне, зафиксированной в греческой истории (590-580 гг. до н. э.), примерно за два века до рождения Эсхина и Демосфена. Эта война была предпринята греками Амфикифонии для наказания и закончилась разрушением процветающего морского порта Кирра, расположенного недалеко от устья реки Плейстус, на побережье плодородной равнины, простиравшейся от южного склона Дельф до моря. Изначально Кирра была портом Дельф и древнего фокейского города Крисса, к которому Дельфы когда-то были присоединенным святилищем.^[1021] Но со временем Кирра выросла за счет обоих, благодаря прибыли, накопленной от бесчисленных морских посетителей, которые высаживались здесь, как в ближайшем доступе к храму. Процветающие кирхайцы, вызывая зависть в Дельфах и Криссе, были обвинены в вымогательстве пошлин, взимаемых с посетителей, а также в других

виновных или оскорбительных действиях. Амфикиционный война, в которой афинянин Солон занимал видное место, была объявлена против них, Кирра была взята и разрушена. Ее плодородная равнина была посвящена дельфийскому богу под клятвой всех членов Амфикинии, с торжественными обещаниями и грозными проклятиями против всех нарушителей. Все пространство между храмом и морем стало, как того требовал оракул, священной собственностью бога, то есть не могло быть обработано, засеяно или занято каким-либо постоянным образом человеком, а предназначалось только для самопроизвольного выпаса трав и пастбы животных.

Но хотя дельфийцы таким образом добились уничтожения своих беспокойных соседей в Кирре, было необходимо, чтобы на том же месте или рядом с ним существовал город и порт для размещения гостей, приезжавших со всех концов в Дельфы; тем более что такие люди, не только посетители, но и торговцы с товарами на продажу, теперь приезжали в большем количестве, чем когда-либо, из-за возросшей привлекательности богатых трофеев самой Кирры для пифийского праздника. Как поначалу удовлетворялась эта потребность, пока память о клятве была еще свежа, мы не знаем. Но со временем Кирра была вновь занята и укреплена западными соседями Дельф - локрийцами из Амфиссы, на границах которой она стояла и для которых, вероятно, служила портом не меньше, чем для Дельф. Эти новые обитатели принимали гостей, приходивших в храм, обогащались за счет сопутствующей прибыли и возделывали определенную часть равнины вокруг города[1022].

В какой период началось заселение Локрии, мы не можем сказать. Однако не только из Демосфена, но даже из Эсхина мы знаем, что в их время это было древнее и устоявшееся занятие, а не недавнее вторжение или новшество. Город был укреплен, а прилегающее к нему пространство обрабатывалось локрийцами и считалось их собственным.[1023] Это действительно было отступлением от клятвы, данной Солоном и его современниками-амфикиониками, посвятить Кирру и ее земли дельфийскому богу. Но если бы эта клятва была выполнена буквально, сам бог и дельфийцы, среди которых он обитал, оказались бы главными проигравшими; ведь отсутствие удобного порта стало бы серьезным препятствием, если не препятствием, для прибытия гостей, большинство из которых приплывало морем. Поэтому восстановление города и порта Кирры, несомненно, в скромных масштабах, вместе с прилегающей территорией для обработки земли, было если не поощряемо, то, по крайней мере, терпимо. Большая часть равнины, правда, все еще оставалась незаполненной и незасаженной, как собственность Аполлона; границы, возможно, были проведены не совсем точно.

Хотя локрийцы, заняв Кирру, принесли пользу дельфийскому храму, они были еще более ценны как его главные помощники и защитники против фокийцев, их давних врагов.[1024] Одной из первых задач фокийцев, после победы над локрийскими вооруженными силами, было укрепление священного участка Дельф с западной стороны от их нападений; [1025] и мы не можем сомневаться, что их положение в непосредственной близости от Дельф должно было приносить как положительные страдания, так и опасности, в течение тех лет, когда фокийские вожди со своими многочисленными наемными группами оставались в победоносной оккупации храма, и, вероятно, также гавани Кирры. Последующий поворот судьбы, когда Филипп разбил фокийцев и реорганизовал Амфикиционный совет с его вождем, должен был найти амфисских локрийцев в числе самых теплых союзников и единомышленников. Вновь овладев Киррой, они, возможно, в такой момент триумфальной реакции были готовы расширить свои владения вокруг стен в большей степени, чем раньше. Кроме того, они были одушевлены чувствами, привязанными к Фивам, и враждебно относились к Афинам, как к союзнику и защитнику их врагов - фокийцев.

В таком состоянии находились дела, когда в Дельфах проходило весеннее собрание Амфикинии (февраль или март 339 года до н. э.). Диогнет был назначен афинянами для участия в нем в качестве иеромнемона, или главного легата, с тремя пилagoрами, или вице-легатами, - Эсхином, Мейдием и Фрасиклесом.[1026] Нам трудно поверить Демосфену, когда он утверждает, что имя Эсхина было предложено без предвидения со стороны кого-либо; и что хотя оно прошло, но не более двух или трех рук были подняты в его пользу.[1027] Вскоре после того, как они добрались до Дельф, Диогнет заболел лихорадкой, так что выступление на амфикинийском собрании было поручено Эсхину.

В дельфийском храме стояли золотые или позолоченные щиты, принесенные в жертву из трофеев, взятых в битве при Платее за полтора века до этого, с надписью: "Посвящено афинянами из трофеев персов и фиванцев, участвовавших в совместной битве против греков". Похоже, что эти щиты были недавно установлены заново (возможно, фокийские грабители лишили их позолоты), в новой келье или часовне, без всех обычных форм молитвы или торжественных мероприятий;[1028] которые, возможно, можно было бы считать излишними, поскольку жертвоприношение не было посвящено впервые. Надпись, малозаметная и, возможно, потемневшая от времени на первоначальных щитах, теперь ярко выделялась на новой позолоте; она воскрешала исторические воспоминания, весьма оскорбительные для фиванцев[1029] и амфисских локрийцев как друзей Фив. Последние не только выступали против этого на амфикинийском собрании, но даже готовились (если верить Эсхину) обвинить Афины в нечестии и наложить на них штраф в пятьдесят талантов за пропуск религиозных торжеств. 1030] Но это отрицает Демосфен,[1031] который утверждает, что локрийцы не могли выдвинуть такое обвинение против Афин без официального вызова, которого они никогда не посылали. Демосфен, несомненно, прав в том, что касается обычной формы, и, вероятно, в том, что касается факта; хотя Эсхинес обвиняет его в том, что он получил взятку[1032], чтобы защищать беззакония локрийцев. Зашли ли локрийцы так далеко, что потребовали наказания, или нет, - во всяком случае, они выразили жалобу на происходящее. Такая жалоба была не лишена реальных оснований, поскольку для общей безопасности эллинской свободы против македонского агрессора было лучше, чтобы измена Фив в битве при Платее осталась в прошлом, а не была переиздана в новом издании. Но жалобщики исходили не из этого, они не могли напрямую оспаривать право Афин подкрашивать свои старые донативы. Поэтому они напали на акт, обвинив его в нечестии, поскольку ему не предшествовали надлежащие религиозные торжества; таким образом они получили возможность выступить против Афин, как союзника фокийцев в их недавнем святотатстве и врага Фив, стойких защитников бога.

"Когда собрались амфикионы (здесь я привожу основной текст, хотя и не точные слова Эсхина), пришел некто дружелюбный и сообщил нам, что амфикионы выдвигают обвинение против Афин. Мои больные коллеги попросили меня немедленно войти в собрание и взять на себя ее защиту. Я поспешил выполнить просьбу и только начал говорить, как один из амфисиан, отличавшийся крайней грубостью и жестокостью, возможно, даже под влиянием какого-то неверного божественного импульса, прервал меня и воскликнул: "Не слушайте его, люди Эллады! Не позволяйте, чтобы имя афинского народа произносилось среди вас в это священное время! Изгоните их со священной земли, как людей, на которых наложено проклятие! Затем он осудил нас за союз с фокийцами и излил на город множество других возмутительных ругательств.

"Для меня (продолжает Эсхинес) все это было невыносимо слышать; я даже сейчас не могу спокойно об этом думать, а в тот момент я был спровоцирован на такой гнев, какого никогда

не испытывал в своей жизни. Меня посетила мысль, что я отомщу амфикионам за их нечестивое вторжение на землю киррхейцев. Эта равнина, лежащая прямо под священным участком, в котором мы собрались, была видна повсюду. Видишь, Амфикионс (сказал я), эту равнину, возделанную амфикионцами, с возведенными на ней зданиями для земледелия и гончарного дела! Перед твоими глазами гавань, освященная клятвой твоих предков, ныне занятая и укрепленная. Вы сами, без свидетелей, знаете, что эти амфикионы взимают пошлины и извлекают прибыль из священной гавани! Затем я заставил публично зачитать древний оракул, клятву и проклятия (произнесенные после первой Священной войны, в которой была разрушена Кирра). Затем, продолжая, я сказал: "Вот я, готовый защищать бога и священное имущество, согласно клятве наших предков, руками, ногами, голосом и всеми силами, которыми я обладаю. Я готов очистить свой город от обязательств перед богами, если вы немедленно примите решение. Вы собрались здесь, чтобы принести жертву и молить богов о благе, публично и индивидуально. Послушайте, где же вы найдете голос, или душу, или глаза, или мужество, чтобы произнести такие мольбы, если вы позволите этим проклятым амфикионам остаться безнаказанными, когда они попали под клятву, записанную на бумаге? Вспомните, что в клятве ясно говорится о страданиях, ожидающих всех нечестивых нарушителей, и даже содержится угроза тем, кто терпит их действия, заявляя: "Те, кто не выступит в защиту Аполлона, Артемиды, Латоны и Афонской Пронеи, не смогут принести неоскверненную жертву или получить благосклонное одобрение".

Таково наглядное и впечатляющее описание,^[1033] данное самим Эхином через несколько лет после этого афинскому собранию, его собственного выступления на собрании амфикионов весной 339 года до н. э.; на возвышенном виде дельфийской Пилеи, с Киррой и ее равниной, раскинувшейся перед его глазами, и с древней клятвой и всеми ее страшными проклятиями, записанными на медной доске, которую мог прочесть каждый. Его речь, встреченная громкими криками, вызвала бурные страсти как в груди Амфикионов, так и у собравшихся вокруг слушателей. Аудитория в Дельфах не была похожа на афинскую. Афинские граждане привыкли к прекрасному ораторскому искусству и к задаче взвешивать противоположные аргументы: хотя они и были способны на сильное интеллектуальное возбуждение - восхищение или отвращение, в зависимости от обстоятельств, - они сбрасывали все это при окончательном голосовании, а затем отправлялись домой по своим личным делам. Но для сравнительно грубых людей в Дельфах речь первоклассного афинского оратора была редкостью. Когда Эсхинс с огромной риторической силой неожиданно воскресил в их воображении древнюю и страшную историю проклятия Кирры^[1034], подкрепленную всей силой видимых и местных ассоциаций, они были доведены до безумия; а в таких умах, как их, поднявшееся волнение не могло пройти при простом голосовании, но требовало немедленной разрядки действием.

О том, насколько сильными и неуправляемыми стали эти эмоции, свидетельствуют последовавшие за ними чудовищные процессы. Первоначальное обвинение в нечестивости, выдвинутое против Афин, изложенное амфисским оратором грубо и неэффективно, и, конечно, не всегда поддающееся преувеличению, теперь было полностью забыто за более отвратительной нечестивостью, в которой Эсхинс обвинил самих амфиссян. О необходимости наказать их существовал лишь один язык. Говорящие на амфисском языке, судя по всему, разбежались, поскольку даже их лица вряд ли были бы в безопасности в условиях такого волнения. И если бы день не был уже далеко, толпа сразу же устремила бы с места дебатов в Кирру. ^{1035]} Из-за позднего часа было принято постановление, которое официально провозгласил глашатай: "Наутро на рассвете все население Дельф, от шестнадцати лет и старше, как свободные, так и рабы, должны собраться на месте жертвоприношения, снабженные лопатами и кирками: Чтобы собрание легатов

Амфикионию встретило их там, чтобы выступить в защиту бога и священного имущества: Что если какой-либо город, чьи депутаты не явятся, будет исключен из храма и провозглашен нечестивым и проклятым"[1036].

На рассвете, соответственно, состоялся сбор. Дельфийцы пришли со своими орудиями для разрушения, Амфикионы с Эсхинами встали во главе, и все двинулись к порту Кирры. Жители порта, вероятно, ошеломленные и напуганные столь яростным вторжением всего населения, с которым за несколько часов до этого они были в дружеских отношениях, покинули его без сопротивления и побежали знакомиться со своими согражданами в Амфиссу. Затем Амфикионы со своими последователями вошли в Кирру, разрушили все портовые сооружения и даже подожгли все дома в городе. Об этом рассказывает сам Эсхинс; и мы можем быть уверены (хотя он и не говорит об этом), что толпа, на которую они набросились, не довольствовалась простым разрушением, а грабила и уносила все, что попадалось под руку. Однако вскоре амфикионийцы, чей город находился на возвышенности в семи или восьми милях к западу от Дельф, узнав об уничтожении своего имущества и увидев, что их дома охвачены пламенем, поспешили на помощь со всем своим вооруженным войском. Амфикионы и дельфийская толпа были вынуждены в свою очередь эвакуироваться из Кирры и поспешить обратно в Дельфы со всей возможной скоростью. Они подвергались величайшей личной опасности. По словам Демосфена, некоторые из них были схвачены, но их, должно быть, почти сразу же отпустили на свободу[1037]. Ни один из них не был предан смерти; спасение, которым они, вероятно, были обязаны уважению, которое амфикионию оказывали даже при таких изнурительных обстоятельствах.

На следующее утро после этого не слишком удачного спасения президент, фессалиец из Фарсала по имени Коттиф, созвал полную амфикионийскую еkkлeсию, то есть не только собственно амфикионов, легатов и со-легатов, назначенных из разных городов, но и вместе с ними распутную толпу, присутствовавшую на жертвоприношении и консультации с оракулом. Громкие и возмущенные обличения прозвучали на этом собрании в адрес амфикионок, а Афины восхвалялись за то, что они сыграли ведущую роль в отстаивании прав Аполлона. В конце концов было решено, что амфикионов следует наказывать как грешников против бога и священной области, а также против Амфикионов лично; что легаты должны теперь разойтись по домам, чтобы посоветоваться каждый со своим городом; и что, как только будет получено положительное решение относительно исполнительных мер, каждый должен собраться на специальное собрание, назначенное в Фермопиле на будущий день - казалось бы, недалекий, и, конечно, до наступления обычного сезона осенних созывов.

Так была зажжена искра и разгорелось пламя второй Амфикионийской войны, между шестью и семью годами после завершения первой в 346 году до н. э. То, что было только что рассказано, дошло до нас от Эсхина, самого свидетеля и поджигателя. Мы судим о нем не по обвинениям, выдвинутому его соперником Демосфеном, а по его собственным показаниям, и по фактам, которые он описывает не просто без сожаления, но с сильным чувством гордости. Невозможно читать их, не ощущая глубокого несчастья, постигшего греческий мир, поскольку единодушие или несогласие его составных частей теперь определялось не политическими конгрессами в Афинах или Спарте, а дебатами на религиозных соборах в Дельфах и Фермопилах. Здесь политические настроения амфисских локрийцев - их симпатии к Фивам и неприязнь к Афинам, - выкрикивали жалобы и инвективы против афинян, обвиняя их в нечестии. Против любого человека обычно легко было найти повод для такого обвинения, если стороны были начеку; в то время как защита была трудной, а топливо для разжигания религиозной антипатии было в распоряжении обвинителя. Поэтому Эсхинес

мало утруждает себя защитой, но сразу же переходит на сторону обвинителя и выдвигает против амфикионов аналогичное обвинение в нечестии, но на совершенно других основаниях. Превосходным ораторским искусством, а также обращением к древнему историческому факту, особенно поражающему воображение, он доводит амфикионов до такого религиозного пыла, оправдывая бога, что они с одинаковым презрением относятся как к предложениям социальной справедливости, так и к политическому благоразумию. Демосфен, отдавая Амфикионам должное за нечто похожее на справедливость процедуры, привычную для афинских идей и практики, подтвердил, что локрийцы не могли выдвинуть против Афин никакого обвинения, поскольку ни одно обвинение не принималось без предварительного уведомления Афин. Но Эсхин, обвиняя локрийцев - по вопросу, о котором он не уведомлял, и который ему впервые пришлось в голову упомянуть в момент произнесения речи[1038], - нашел этих амфикионов настолько вспыльчивыми в своих религиозных антипатиях, что они немедленно созвали и возглавили дельфийскую толпу, вооруженную кирками для разрушения. Вызвать из далекого и полузабытого прошлого воспоминания о той ожесточенной религиозной вражде, с целью вытеснить из помещения, в котором они оказывали существенную услугу многочисленным посетителям Дельф, устоявшихся владельцев, друзей и защитников храма, и осуществить эту цель с помощью жестокого насилия, чтобы вызвать максимальное раздражение у страдальцев, подвергнуть опасности жизни легатов Амфикионии и поднять еще одну Священную войну, чреватую катастрофическими последствиями, - это было такое злодеяние, которое вряд ли мог превзойти самый злейший враг Греции. Обвинения в нерелигиозности, брошенные локрийским оратором в адрес Афин, возможно, были бесполезными и злобными; но ответная реплика Эсхина была гораздо хуже, она не только усилила яд благочестивых разногласий, но и ввергла собрание Амфикионов в борьбу, из которой не было выхода, кроме как мечом Филиппа.

Некоторые комментарии по этому делу представляются необходимыми, отчасти потому, что это единственное известное нам свидетельство очевидца о совете Амфикионии, отчасти из-за его разрушительных последствий, о которых мы сейчас расскажем. Сначала, правда, эти последствия не проявились, и когда Эсхинс вернулся в Афины, он рассказал свою историю к удовлетворению народа. Можно предположить, что он изложил тогдашние события в той же манере, что и впоследствии, в сохранившейся оратории. Афиняне, возмущенные обвинением, выдвинутым локрийцами против Афин, были готовы принять участие в том движении благочестивого энтузиазма, которое Эсхинес разжег по поводу Кирры, в соответствии с древней клятвой, данной их предками. [1039] Религиозная точка зрения на этот вопрос была с такой силой навязана общественному мнению, что возражения Демосфена почти не были заслушаны. Он сразу же открыл последствия случившегося, сказав: "Эсхинс, ты приносишь войну в Аттику - амфикионийскую войну". Но его предсказания были отвергнуты как аллюзии или простое проявление партийного чувства против соперника. [1040] Эсхинес открыто осудил его как наемного агента нечестивых локрийцев; [1041] это обвинение достаточно опровергается поведением самих локрийцев, которых Эсхинес описывает как беспричинно оскорбляющих Афины.

Но хотя общее настроение в Афинах сразу после возвращения Эсхина было благоприятным для его действий в Дельфах, оно недолго оставалось таким. Перемены также трудно понять. Первое упоминание о старой клятве и первоначальном опустошении Кирры, санкционированном именем и авторитетом Солона, естественно, вызвало бы в афинском сознании сильное благочестивое чувство по отношению к жильцам этого проклятого места. Но дальнейшие сведения доказывают, что локрийцы скорее грешили, чем грешили; что использование Кирры в качестве гавани было удобным для всех греков, и прежде всего для

самого храма; наконец, что обвинения, которые, как говорят, локрийцы бросали Афинам, либо вообще не были сделаны (так утверждает Демосфен), либо были не более чем несанкционированным всплеском недоброжелательности со стороны какого-то грубого человека. -И хотя сначала Эсхинес получил одобрительные голоса за свои действия, но когда поступило предложение, что Афины должны принять участие в специальном амфикионийском собрании, созданном для наказания амфикионов, противодействие Демосфена оказалось более эффективным. И сенат, и общественное собрание приняли резолюцию, императивно запрещающую любое вмешательство Афин в это специальное собрание. "Афинские иеромнемоны и пилagoры (так гласило постановление) не должны принимать никакого участия ни словом, ни делом, ни решением в общении с лицами, собравшимися на этом особом собрании. Они должны посещать Дельфы и Фермопилы в обычное время, установленное нашими предками". Это важное постановление знаменует изменение мнения в Афинах. Эсхинес, правда, говорит нам, что оно было получено только благодаря хитрому маневру Демосфена; его поспешно провели в худом собрании, под конец работы, когда большинство граждан (и Эсхинес в том числе) ушли. Но ничто не подтверждает подобные инсинуации; к тому же Эсхин, если бы он все еще сохранял общественные настроения в свою пользу, мог бы с легкостью отразить уловки своего соперника[1042].

Специальное собрание Амфикионов в Фермопиле состоялось в промежутке между двумя обычными периодами - весной и осенью. Ни один легат не присутствовал из Афин, ни один из Фив; этот факт стал известен нам от Эсхина и примечателен тем, что свидетельствует о зарождающейся тенденции к согласию, какой никогда прежде не было между этими двумя важными городами. Остальные легаты собрались, решили собрать совместные силы для наказания амфикионов и выбрали генералом президента Коттифа. По словам Эсхина, этот отряд был собран, выступил в поход против локрийцев, привел их к покорности, но предоставил им снисходительные условия; потребовал от них штраф в пользу дельфийского бога, выплачиваемый через определенные промежутки времени, приговорил некоторых локрийских вождей к изгнанию как подстрекателей к посягательству на священные владения и отозвал других, которые противились этому. Но локрийцы (по его словам) после отступления войска нарушили веру, ничего не заплатили и вернули всех провинившихся вождей. Демосфен, напротив, утверждает, что Коттиф созвал контингенты из различных амфикионийских государств, но некоторые из них вообще не пришли, а те, что пришли, были вялыми и неэффективными, так что цель полностью провалилась.[1043] Рассказ Демосфена является более вероятным из двух: ведь от самого Эсхина мы знаем, что ни Афины, ни Фивы не принимали участия в заседании, а Спарта была исключена из Амфикионийского совета в 346 году до н. э. Таким образом, остались только второстепенные и мелкие государства. Из них пелопоннесцы, даже если бы они были склонны к этому, не смогли бы легко прийти, так как они не могли ни пройти по суше через Беотию, ни легко прийти по морю, пока амфикионии были хозяевами порта Кирра; а фессалийцы и их соседи вряд ли проявили бы такой сильный интерес к этому предприятию, чтобы провести его без остальных. Более того, те, кто только и ждал предлога для вмешательства Филиппа, предпочли бы ничего не предпринимать, чтобы показать, как невозможно действовать без него. Поэтому мы можем с полным основанием предположить, что то, что Эсхинс представляет как снисходительные условия, предоставленные локрийцам и впоследствии нарушенные ими, было в лучшем случае не более чем временной уступкой; заключенной потому, что Коттиф не мог ничего сделать - вероятно, не хотел ничего делать - без вмешательства Филиппа.

Наступила следующая Пилея, или осенняя встреча Амфикионов в Фермопиле, но локрийцы все еще не были покорены. Теперь Коттиф и его партия выступили с официальным предложением обратиться за помощью к Филиппу. "Если вы не согласитесь (сказали они амфикионам[1044]), вы должны явиться лично с силой, подписаться на достаточную сумму и оштрафовать всех неплательщиков. Выбирайте, что вам больше нравится". Решимость амфикионов была принята, чтобы призвать к вмешательству Филиппа; назначить его командующим объединенными силами и защитником бога в новой Священной войне, как он был в прежней.

На осеннем собрании[1045], где была принята эта роковая мера по вызову Филиппа, несомненно, присутствовали легаты из Афин (среди них был и Эсхинс), согласно обычному обычаю; ведь постановление Демосфена предписывало следовать обычному обычаю, хотя и запрещало присутствие легатов на особом или чрезвычайном собрании. Эсхинес[1046] не отступал от своего намерения обратиться к Филиппу; да он и не мог поступить иначе в соответствии с тем, что он сделал на предыдущем весеннем собрании. Он лишь сожалеет, что Афины под влиянием развращенных предложений Демосфена отказались возглавить крестовый поход против Амфиссы, когда сами боги выделили ее для этой благочестивой обязанности[1047]. Какое участие приняли Фивы в выдвижении Филиппа и присутствовали ли их легаты на осеннем собрании Амфикионов, мы не знаем. Но следует помнить, что один из двенадцати двойных голосов Амфикионии теперь принадлежал самим македонянам, а многие из остальных членов стали зависимы от Македонии - фессалийцы, фтиоты-ахейцы, перребийцы, долопийцы, магнеты и т. д.[1048] Вероятно, Коттифу и Эсхину не составило большого труда добиться голосования, вложившего Филиппу командование. Даже те, кто не был настроен благосклонно, могли опасаться обвинения в нечестии, если бы выступили против.

Весной и летом 339 года до н. э. (промежуток между двумя встречами Амфикионов) Филипп участвовал в походе против скифов и в сражении с трибаллами, в котором он получил тяжелую рану, о которой уже упоминалось. Его выздоровление от этой раны было завершено, когда прошло голосование Амфикионии, вручившее ему командование. Он с готовностью принял миссию, в получении которой в основном участвовали его сторонники и, вероятно, его взятки. Немедленно собрав свои силы, он отправился на юг через Фессалию и Фермопилы, объявив о своей цели отомстить дельфийскому богу за нечестивых локрийцев из Амфиссы. Его поход сопровождали депутаты Амфикиона и амфикионские контингенты в большем или меньшем количестве. Пройдя через Фермопилы, он отнял Никею (один из городов, наиболее важных для безопасности прохода) у фиванцев, в руках которых она оставалась со времени завоевания Фокисы в 346 г. до н. э., хотя и с македонским гарнизоном, участвовавшим в оккупации. 1049] Не будучи уверенным в согласии фиванцев на свои дальнейшие проекты, он счел более безопасным передать этот важный город фессалийцам, которые находились в полной его зависимости.

Его путь из Фермопил - в Дельфы и Амфиссу или в Беотию - лежал через Фокису. Эта несчастная территория все еще оставалась в том незащищенном состоянии, на которое ее обрек Амфикионий в 346 году до н. э., без единого укрепленного города, занятая лишь небольшими разбросанными деревнями и скудным и бедным населением. Достигнув Эллатеи, некогда главного фокейского города, но теперь разрушенного, Филипп остановил свою армию и сразу же начал восстанавливать стены, превращая его в сильное место для постоянной военной оккупации. В то же время он занял Китиниум,[1050] главный город на небольшой территории Дориса, в верхней части долины реки Кефисс, расположенной на короткой горной дороге из Фермопилеи в Амфиссу.

Захват Элатеи Филиппом, а также его действия по восстановлению ее в качестве постоянного военного пункта стали событием серьезнейшего значения, вызвав удивление и беспокойство во всем греческом мире. До сих пор он заявлял о себе как о генерале, действующем на основании амфикионийского права выдвижения, и о том, что он отправился в поход лишь для того, чтобы защитить дельфийского бога от святотатцев-локрийцев. Однако если бы такова была его истинная цель, у него не было бы повода останавливаться в Элатее, а тем более укреплять и гарнизонировать ее. Соответственно, теперь стало очевидно, что он имел в виду нечто иное - или, по крайней мере, нечто скрытое. Он и сам уже не скрывал своих истинных целей. Отправив посланников в Фивы, он объявил, что пришел напасть на афинян, и убедительно пригласил их к сотрудничеству в качестве своих союзников против врагов, одиозных как для нее, так и для него самого. Но если фиванцы, несмотря на прекрасную возможность сокрушить древнего врага, все же решат остаться в стороне, он потребовал от них, по крайней мере, свободного прохода через Беотию, чтобы он мог вторгнуться в Аттику со своими силами[1051].

Отношения между Афинами и Фивами в этот момент были совершенно недружественными. С момента окончания Священной войны в 346 году до н. э. между ними не было ни одного вооруженного конфликта, однако старые чувства вражды и ревности, восходящие к более ранним временам и усугубившиеся во время той войны, все еще не утихли. Смягчить эту взаимную неприязнь и добиться сотрудничества с Фивами всегда было целью некоторых афинских политиков - Эвбула-Аристофона и самого Демосфена, которого Эсхин пытается дискредитировать как человека, получившего комплименты и развращенного фиванцами. [Тем не менее, несмотря на различные визиты и посольства в Фивы, где также существовало фило-афинское меньшинство, ничего не было достигнуто. 1053 Вражда все еще сохранялась и даже искусственно усугублялась (если верить Демосфену[1054]) в течение шести месяцев, прошедших с начала амфисской ссоры, Эсхином и приверженцами Филиппа в обоих городах.

Неприязнь, существовавшая между Афинами и Фивами в тот момент, когда Филипп овладел Элатеей, была настолько очевидна, что он имел все основания считать конфедерацию этих двух городов против него невозможной. [Для того чтобы убедить Фивы, уже ставшие его союзником, продолжать действовать в качестве такового в этот критический момент, он направил туда посланников не только македонских, но и фессалийских, долопийских, фтиото-ахейских, этолийских и энианских - амфикионийских союзников, которые теперь сопровождали его поход[1056].

Если таковы были надежды Филиппа, и надежды обоснованные, мы можем легко понять, насколько сильна была тревога среди афинян, когда они впервые услышали о захвате Элатеи. Если фиванцы подчинятся, Филипп через три дня окажется на границе Аттики; и, судя по настроениям, как понимаемым, так и ощущаемым, афиняне не могли не предвидеть, что свободный проход и, кроме того, фиванское подкрепление будут предоставлены с готовностью. За десять лет до этого сам Демосфен (в своей первой "Олинфии") утверждал, что фиванцы с радостью присоединятся к Филиппу в нападении на Аттику.[1057] Если тогда отчуждение было таким, то с тех пор оно скорее увеличивалось, чем уменьшалось. Поскольку до сих пор поход Филиппа был не только быстрым, но и понимался как направленный на Дельфы и Амфиссу, афиняне не делали никаких приготовлений к обороне своей границы. Ни их семьи, ни их движимое имущество еще не были заключены в стены. Тем не менее им пришлось ожидать, что чуть более чем через сорок восемь часов на них обрушится армия, столь же грозная и опустошительная, как любая из тех, что были во время

Пелопоннесской войны, под командованием полководца, намного превосходящего Архидаму или Агиса[1058].

Хотя общая история этого важного периода может быть изложена лишь в общих чертах, нам посчастливилось получить от Демосфена поразительный рассказ с некоторыми подробностями о событиях в Афинах сразу после известия о взятии Элатеи Филиппом. Когда прибыл гонец, был уже вечер, и как раз в то время, когда пританы (или сенаторы председательствующей трибы) ужинали в своей официальной резиденции. Немедленно прервав трапезу, одни побежали звать генералов, в чьи обязанности входило созывать народное собрание, с трубачом, который оповещал об этом; так что сенат и собрание были созваны на следующее утро с рассветом. Другие занялись расчисткой рыночной площади, которая была полна киосков и лавок торговцев, продававших товары. Торопясь освободить место, они даже поджигали эти будки. Волнение и ужас охватили весь город, и общественное собрание было переполнено с самого раннего рассвета, еще до того, как сенат успел заполнить свои формы и явиться на церемонию открытия. Наконец сенат присоединился к собранию, и глашатаи вышли вперед, чтобы объявить новость, приведя гонца с его публичным заявлением. Затем глашатай провозгласил обычные слова: "Кто желает выступить?". Ни один человек не вышел вперед. Он провозгласил это снова и снова, но никто так и не поднялся.

Наконец, после долгого молчания, Демосфен поднялся и заговорил. Он обратился к тому тревожному убеждению, которое овладело умами всех, хотя никто еще не высказал его, - что фиванцы искренне сочувствуют Филиппу. "Не позволяйте себе верить в это (сказал он). Если бы это было так, Филипп уже был бы на вашей границе, не останавливаясь в Элатее. В Фивах у него много партизан, набранных обманом и коррупцией, но он не владеет всем городом. В Фивах еще есть значительная партия фиванцев, настроенная против него и благосклонная к вам. Именно для того, чтобы подбодрить своих сторонников в Фивах, ошеломить своих противников и таким образом добиться от города положительного решения в свою пользу, он выставляет свои силы в Элатее. И это ему удастся, если только вы, афиняне, не будете энергично и благоразумно противодействовать. Если вы, руководствуясь своей старой неприязнью к Фивам, будете держаться в стороне, то сторонники Филиппа в городе станут всемогущими, и все фиванские войска пойдут вместе с ним против Аттики. Ради собственной безопасности вы должны отбросить эти старые чувства, какими бы обоснованными они ни были, и встать на защиту Фив, как находящихся в большей опасности, чем вы сами. Направьте всю свою военную силу к границе и тем самым ободрите своих сторонников в Фивах, чтобы они открыто выступили против своих филиппийских противников, опирающихся на армию в Элатее. Затем отправьте в Фивы десять посланников, наделив их всеми полномочиями вместе с генералами вызывать ваши военные силы, когда они сочтут нужным. Пусть ваши посланники не требуют от фиванцев ни уступок, ни условий; пусть они просто предложат все силы Афин, чтобы помочь фиванцам в их нынешнем затруднительном положении. Если предложение будет принято, вы получите союзника, неоценимого для вашей собственной безопасности, действуя при этом с великодушием, достойным Афин; если же оно будет отклонено, фиванцы сами будут виноваты, а вы, по крайней мере, останетесь неподсудны как с точки зрения чести, так и политики"[1059].

Рекомендация Демосфена, в равной степени мудрая и великодушная, была закреплена в декрете и принята афинянами без возражений[1060]. Ни Эсхин, ни кто-либо другой не сказал ни слова против нее. Сам Демосфен, назначенный главным из десяти посланников, немедленно отправился в Фивы, а военные силы Аттики в то же время были отправлены к границе.

В Фивах посланцы Филиппа и его союзников, а также филиппизирующие фиванцы были полны триумфа, в то время как друзья Афин были настолько удручены, что первые письма Демосфена, отправленные домой сразу по прибытии в Фивы, были мрачными. [1061](#)] По греческому обычаю, две противоборствующие делегации были поочередно заслушаны в фиванском собрании. Македонские посланники Аминтас и Клиарх, а также красноречивый византиец Пифон в качестве главного оратора и фессалийцы Даох и Фрасилай. [1062](#)] Имея право первого слова, эти ораторы, как признанные союзники Фив, нашли легкую тему для обличения Афин и подкрепления своих доводов общим ходом истории со времен битвы при Лейктре. Македонский оратор противопоставил вечную враждебность Афин ценной помощи, оказанной Фивам Филиппом, когда он спас их от фокийцев и подтвердил ее господство над Беотией. "Если бы (сказал оратор) Филипп, прежде чем помочь вам против фокийцев, оговорил, что вы взамен предоставите ему свободный проход в Аттику, вы бы с радостью согласились. Неужели вы откажетесь от него теперь, когда он оказал вам услугу без всяких условий? Либо позволь нам пройти в Аттику, либо присоединись к нашему походу; таким образом ты обогатишься за счет грабежа этой страны, а не обеднеешь от того, что Беотия будет местом войны"[[1063](#)].

Все эти темы настолько полно соответствовали прежним настроениям фиванцев, что должны были произвести живое впечатление. Как отвечал на них Демосфен, нам не дано знать. Его ораторские способности, должно быть, подверглись серьезному испытанию; ведь все устоявшиеся чувства были неблагоприятными, и ему не на чем было работать, кроме как на страхе Фив перед слишком близким контактом с македонским оружием в сочетании с благодарностью за спонтанную и безоговорочную нежность Афин. И даже если говорить о страхах, фиванцам оставалось только выбирать между принятием афинской армии и армии Филиппа; выбор, в котором все предположения были в пользу последнего, как нынешнего союзника и недавнего благодетеля, против первого, как постоянного соперника и врага. Таков был результат, которого ожидали как надежды Филиппа, так и опасения Афин. И все же, несмотря на то, что все шансы были против него, Демосфен добился своего в собрании фиванцев, заставив их принять предложенный Афинами союз и отважиться на враждебность Филиппа. Он с полным основанием хвастается таким дипломатическим и ораторским триумфом,[\[1064\]](#) благодаря которому он не только получил мощного союзника против Филиппа, но и - что еще важнее - спас Аттику от захвата объединенной македонской и фиванской армией. Современный историк Теопомп справедливо превозносит непревзойденное красноречие, с помощью которого Демосфен разжег в душах фиванцев щедрое пламя панэллинского патриотизма. Но его триумф в Фивах был достигнут не только благодаря превосходному красноречию[\[1065\]](#) - хотя это, несомненно, было важным условием. Еще большее значение имело мудрое и щедрое предложение, которое он привез с собой и которое он сам уговорил сделать афинянам: безоговорочный союз без каких-либо ссылок на ревность и вражду прошлого и на условиях, даже выгодных для Фив, как более незащищенных, чем Афины, в войне против Филиппа[\[1066\]](#).

Ответ, полученный Демосфеном, был ободряющим. Важный союз, объединяющий Афины и Фивы в оборонительной войне против Филиппа, был успешно заключен. Афинское войско, уже собранное в Аттике, было приглашено в Беотию и без промедления отправилось в Фивы. В то время как часть их присоединилась к фиванским войскам на северной границе Беотии, чтобы противостоять приближению Филиппа, остальные остались в Фивах. Демосфен отмечает не только доброту, с которой их принимали в частных домах, но и их правильное и упорядоченное поведение среди семей и имущества фиванцев; на них не поступило ни

одной жалобы[1067] Антипатия и ревность между двумя городами, казалось, исчезли в сердечном сотрудничестве против общего врага. Две трети расходов, связанных с совместными операциями на суше и на море, взяли на себя Афины. Командование было поделено между союзниками поровну, а центр операций находился в Фивах[1068].

Как в этом, так и в других отношениях опасное соседство с Филиппом, придавшее Демосфену еще большее значение, придало афинским советам давно не знакомую им энергичность. Оратор убеждал своих соотечественников приостановить расходы на улучшение доков и строительство нового арсенала, чтобы направить больше средств на военные операции. Кроме того, он выдвинул еще одну идею, которую долгое время пытался осуществить косвенными средствами, но всегда тщетно: направить на военные нужды средства Теоритического фонда.[1069] В Афинах настолько преобладало ощущение опасности, что Демосфен смог предложить это предложение напрямую, и с успехом. Конечно, сначала он должен был ходатайствовать о приостановке действия постоянного постановления, в соответствии с которым даже подача предложения считалась преступлением.

Тем временем для Филиппа новый союз стал серьезным разочарованием и серьезным препятствием. Рассчитывая на постоянную поддержку Фив, на которую он считал себя вправе рассчитывать в обмен на предоставленные льготы, и, несомненно, получив заверения от своих сторонников в городе, что они могут пообещать ему сотрудничество Фив против Афин, как только он появится на границе с внушительной армией, он был смущен внезапным соединением этих двух могущественных городов, неожиданным как для друзей, так и для врагов. В дальнейшем мы увидим, что он ненавидит Фивы, как виновные в дезертирстве и неблагодарности, еще сильнее, чем Афины, своего явного врага. 1070] Но, не сумев побудить фиванцев последовать его примеру против Афин, он счел целесообразным снова вернуться к своей профессии действовать от имени дельфийского бога против Амфиссы и написать своим союзникам в Пелопоннесе, чтобы они присоединились к нему с этой конкретной целью. По словам Демосфена, его письма были настоятельными, часто повторялись и приводили к большим затруднениям.[1071] Насколько мы можем судить, они не произвели особого эффекта; пелопоннесцам нелегко было присоединиться к Филиппу - ни по суше, пока Беотия была враждебна, ни по морю, пока амфиссияне удерживали Кирру, а афиняне имели превосходный флот.

Война продолжалась в Фокисе и на границах Беотии осенью и зимой 339-338 гг. до н. э. Афиняне и фиванцы не только сохранили свои позиции против Филиппа, но даже получили некоторые преимущества перед ним; особенно в двух сражениях, названных битвой на реке и зимней битвой, которыми Демосфен находит возможность похвастаться и которые вызвали ликование и жертвоприношения, когда о них узнали в Афинах.[1072] Самому Демосфену, как главному советнику фиванского союза, Демомелес и Гиперид предложили золотой венок, и народ принял решение; и хотя гражданин по имени Диондас обвинил его в незаконном постановлении, он не получил даже пятой части голосов дикастерийцев, а потому был подвергнут штрафу в тысячу драхм.[1073] Демосфен был коронован публичным провозглашением на дионисийском празднике в марте 338 года до н. э.[1074]

Но самым запоминающимся шагом, предпринятым афинянами и фиванцами в совместной войне против Филиппа, было восстановление фокийцев как независимой и самообороняющейся части эллинского народа. Со стороны фиванцев, которые до сих пор были злейшими врагами фокийцев, эти действия свидетельствовали о принятии улучшенной и щедрой политики, достойной общеэллинского дела, в которое они теперь ввязались. В 346 году до н. э. фокийцы были завоеваны и разорены оружием Филиппа, осужденного

Амфикионом. Все их города были разрушены, а население расселено по деревням, обнищало или было изгнано. Эти изгнанники, многие из которых находились в Афинах, теперь вернулись, и фокийцы получили помощь от афинян и фиванцев, чтобы вновь занять и защитить свои города.[1075] Некоторые из этих городов были настолько малы, такие как Парапотамий[1076] и другие, что было нецелесообразно восстанавливать их. Их население было переведено в другие, чтобы увеличить силу. Амбрис, расположенный в юго-западной части Фокиса, был укреплен афинянами и фиванцами с особой тщательностью и основательностью. Он был окружен двойным кругом стены из черного камня этой страны; каждая стена была пятнадцати футов в высоту и почти шести футов в толщину, с промежутком в шесть футов между ними.[1077] Эти стены видел пять веков спустя путешественник Павсаний, который относит их к самым прочным оборонительным сооружениям в древнем мире.[1078] Амбрис был ценен для афинян и фиванцев как военная позиция для обороны Беотии, поскольку он лежал на той неровной южной дороге у моря, которую лакедемонский царь Клеомброт[1079] форсировал, когда шел из Фокиса к позиции Лейктры, ускользая от Эпаминондаса и основных фиванских сил, которые были размещены для сопротивления ему на более посещаемой дороге у Коронеи. Кроме того, заняв юго-западные районы Фокиса на берегу Коринфского залива, они помешали прибытию подкреплений Филиппу по морю из Пелопоннеса.

Война в Фокисе, которая велась, казалось, с большим размахом и активностью, между Филиппом и его союзниками с одной стороны, и афинянами и фиванцами с их союзниками с другой, закончилась роковой битвой при Херонее, состоявшейся в августе 338 года до н. э.; она продолжалась около десяти месяцев с того времени, когда Филипп, получив звание полководца на собрании Амфикитии (около осеннего равноденствия), отправился на юг и занял Элатею.; продолжалось около десяти месяцев с того момента, когда Филипп, получив звание полководца на собрании Амфикитионов (около осеннего равноденствия), двинулся на юг и занял Элатею.[1080] Но что касается промежуточных событий, то мы, к сожалению, лишены четких сведений. Мы улавливаем лишь несколько намеков и намеков, которые не позволяют нам понять, что произошло. Мы не можем определить ни количество задействованных вспомогательных войск, ни общее число воинов на поле боя с обеих сторон. Демосфен хвастается тем, что приобрел для Афин в качестве союзников эвбейцев, ахейцев, коринфян, фиванцев, мегарян, лейкадцев и коркирян, выставив вместе с афинскими солдатами не менее пятнадцати тысяч пехоты и двух тысяч конницы;[1081] и денежные взносы, кроме того, на немалую сумму, для оплаты наемных войск. Сражались ли все эти войска в Фокисе или в Херонее, мы не можем определить; мы проверяем ахейцев и коринфян.[1082] Насколько мы можем доверять Демосфену, осень и зима 339-338 гг. до н. э. были временем преимущества афинян и фиванцев над Филиппом и ликования в их двух городах; не без особых неудобств для Филиппа, о чем свидетельствуют его настоятельные просьбы о помощи от его пелопоннесских союзников, которые они не выполнили. Демосфен был военным министром того времени, пользовался большим влиянием, чем генералы, совещался в Фивах в согласии с беотархами, советовал и убеждал фиванское общественное собрание, так же как и афинское, и, вероятно, отправлялся в другие города для оказания давления на военные силы.[1083] Корона, пожалованная ему на празднике Дионисия (март 338 г. до н. э.), знаменует вершину его славы и меридиан его надежд, когда, казалось, появился шанс успешно противостоять македонскому нашествию.

Филипп рассчитывал на положительную помощь Фив; в худшем случае - на ее нейтралитет между ним и Афинами. О том, что она сердечно присоединится к Афинам, ни он, ни кто-либо другой не предполагал; да и невозможно было бы добиться столь невероятного результата, если бы Демосфен не вел афинскую игру с необычайной решительностью и

рассудительностью. Соответственно, когда против него выступило неожиданное соединение фиванских и афинских сил, нет ничего удивительного в том, что Филипп поначалу был отбит. Такие неудобства вряд ли заставили бы его немедленно послать предложение о мире;^[1084] но они побудили бы его подтянуть свежие силы и возобновить вторжение в течение последующих весны и лета, используя средства, адекватные известному сопротивлению. Кажется вероятным, что все силы македонской армии, доведенные теперь до высокого уровня организации после постоянных улучшений в течение двадцати лет его царствования, будут направлены в Фокис летом 338 года до н. э., чтобы разбить самую грозную комбинацию врагов, с которой когда-либо сталкивался Филипп. Вместе с ними отправился и его сын Александр, которому сейчас было восемнадцать лет.

Среди обвинений, выдвинутых Эксином против Демосфена, - то, что, нанимая наемные войска, он неправоммерно брал государственные деньги на оплату людей, которые никогда не появлялись; и еще то, что он предоставил в распоряжение амфикионов большой отряд из десяти тысяч наемных войск, тем самым отстранив их от основной афинской и беотийской армии; таким образом Филипп получил возможность разбить на куски наемников по отдельности, тогда как все войска, если бы они держались вместе, никогда бы не были разбиты. Эксин утверждает, что сам он упорно противился такому разделению войск, последствия которого были катастрофическими и обескураживающими для всего дела.^[1085] Судя по всему, Филипп напал на Амфиссу и взял ее. Мы читаем о том, что он обманул афинян и фиванцев ложной депешей, которую хотели перехватить, чтобы побудить их отказаться от охраны дороги, ведущей к этому месту.^[1086] Священная область была восстановлена, а амфиссцы, или, по крайней мере, те из них, кто принимал участие в борьбе с Дельфами, были изгнаны.^[1087]

Именно на седьмой день месяца Метагейтнийон (второй месяц аттического года, почти соответствующий августу) союзная греческая армия встретила Филиппа у Хераней, последнего беотийского города на границах Фокисы. Похоже, что теперь он был достаточно силен, чтобы попытаться пробиться в Беотию, и, как говорят, оттеснил союзников с сильной позиции на равнину, опустошив соседние поля.^[1088] Диодор называет его численность в тридцать тысяч пеших и две тысячи конных; несомненно, с ним были фессалийцы и другие союзники из Северной Греции, но не было ни одного союзника из Пелопоннеса. Общее число противостоящих ему греков неизвестно.^[1089] Поэтому мы не можем сравнивать их по численности, хотя превосходство македонской армии в организации неоспоримо. Самыми крупными греческими контингентами были афинские под командованием Лисикла и Хареса и фиванские под командованием Феагена; кроме того, были фокийцы, ахейцы и коринфяне - возможно, также эвбейцы и мегаряне. Лакедемоняне, мессенцы, аркадяне, элейцы и аргейцы не принимали участия в войне. ¹⁰⁹⁰ Все они, несомненно, были затребованы с обеих сторон; как Демосфеном, так и сторонниками Филиппа. Но ревность и страх перед Спартой заставили четыре последних государства скорее смотреть на Филиппа как на защитника от нее - хотя в этом случае они не принимали никакого участия.

Командование армией было разделено между афинянами и фиванцами, а ее передвижения определялись совместным решением государственных деятелей и полководцев. Что касается государственных деятелей, то присутствие Демосфена, по крайней мере, обеспечивало им здравый и патриотический совет, мощно изложенный; что касается генералов, то ни один из трех не подходил для столь серьезной и ужасной ситуации. Печальная судьба Греции заключалась в том, что в этот кризис ее свободы, когда все было поставлено на карту, под рукой не оказалось ни Эпаминондаса, ни Ификрата. Фокион отсутствовал как командующий афинским флотом в Геллеспонте и Эгейском море.^[1091]

Говорили, что произошли предзнаменования и пророчества, рассчитанные на то, чтобы обескуражить греков; но Демосфен, воодушевленный видом столь многочисленного войска, с готовностью и выступившего на защиту греческой независимости, отнесся ко всем этим рассказам с тем же безразличием[1092], какое проявил Эпаминондас перед битвой при Лектре, и обвинил дельфийскую жрицу в филиппике. Более того, он был настолько уверен в результате (по словам Эсхина), что когда Филипп, сам опасаясь, готов был предложить условия мира, а беотархи были склонны принять их, один только Демосфен выступил против, объявив предателем любого, кто заикнется о мире[1093], и похваляясь, что если фиванцы боятся, то его земляки афиняне не желают ничего лучшего, чем свободно пройти через Беотию и напасть на Филиппа с одной рукой. Эсхин выдвигает это в качестве обвинения; однако он сам оправдывает своего соперника, указывая, что беотархи так жаждали мира, что еще до начала переговоров предложили отправить афинских солдат домой в Аттику, чтобы обсудить вопрос о заключении мира. Нас вряд ли удивит, что Демосфен "вышел из себя"[1094] (так выражается Эсхин), услышав предложение, столь чреватое безрассудством. Филипп добился бы своего даже без сражения, если бы, прибегнув к мирным переговорам, смог заставить союзную армию разойтись. Объединить все силы Афин и Фив с другими подчиненными государствами в одном строю и для одной цели было редкой удачей, которую вряд ли удастся повторить, если она однажды ускользнет. И если Демосфен горячим и даже страстным выступлением предотвратил такое преждевременное рассеяние, он оказал неоценимую услугу, обеспечив греческой свободе полное испытание сил при обстоятельствах, не лишенных перспектив; а в худшем случае - катастрофу, достойную и почетную.

На поле боя под Херонеей Филипп сам командовал отборным войском на фланге против афинян, а его юный сын Александр, которому помогали опытные офицеры, командовал против фиванцев на другом фланге. О ходе битвы нам почти ничего не известно. Говорят, что она была настолько упорной, что некоторое время результат был сомнительным. Фиванская священная дружина, вставшая в одну часть фиванской фаланги, истощила все свои силы и энергию в безуспешных попытках сбить более сильную фалангу и множество пик, противостоящих им. Юный Александр[1095] впервые проявил здесь свою огромную военную энергию и способности. После долгой и кровопролитной борьбы фиванский священный отряд был побежден и погиб в своих рядах,[1096] а фиванская фаланга была разбита и отброшена назад. Филипп со своей стороны все еще находился в нерешительном противостоянии с афинянами, первый натиск которых, как говорят, был настолько стремительным, что обратил в бегство часть войск его армии; настолько, что афинский генерал воскликнул в триумфе: "Будем преследовать их до самой Македонии"[1097]. Мы читаем другое утверждение, более похожее на правду: афинские гоплиты, хотя и были полны энергии при первом ударе, не могли перенести усталость и длительную борьбу, как тренированные ветераны в противоположных рядах.[1098] Упорно сопротивляясь им в течение значительного времени, Филипп воодушевился, видя успех своего сына, и удвоил свои усилия, чтобы разбить и рассеять их. Таким образом, вся греческая армия была обращена в бегство с большими потерями[1099].

Македонская фаланга, как она была вооружена и организована Филиппом, имела шестнадцать человек в глубину; она была меньше, чем фаланга фиванцев при Делиуме или при Лектре. В ее передней шеренге были воины-ветераны, обладавшие большой силой и полной выучкой; но, вероятно, воины вряд ли превосходили Священную группу, которая составляла переднюю шеренгу фиванцев. Но его огромное превосходство заключалось в длине македонской пики или сариссы, в количестве этих орудий, выступавших перед передовыми солдатами, и в долгой практике бойцов по эффективному управлению этой

непробиваемой массой пик. Ценность усовершенствованной Филиппом фаланги была подтверждена победой при Херонее.

Но победа была одержана не только фалангой. Военная организация Филиппа включала в себя множество родов войск, помимо фаланги: телохранителей, как конных, так и пеших, гипаспистов, или легких гоплитов, легкую конницу, лучников, пращников и т. д. Когда мы читаем о военных операциях Александра через три года после этого, в первый же год его правления, прежде чем он успел пополнить унаследованную от Филиппа армию, и когда мы видим, с какой эффективностью все эти различные виды войск используются в полевых условиях, [1100] мы можем быть уверены, что Филипп и имел их рядом с собой, и использовал их в битве при Херонее.

Тысяча афинских граждан погибла в этой катастрофической битве; еще две тысячи попали в руки Филиппа как пленники. [1101] Говорят, что потери фиванцев были ужасны, так же как и ахейцев. [1102] Но мы не знаем цифр; мы также не имеем никаких сведений о потерях македонцев. Демосфен, сам присутствовавший в рядах гоплитов, разделял бегство своих побежденных соотечественников. Его обвиняют политические враги в том, что он проявил крайнюю и позорную трусость; но по тому, с каким доверием и уважением к нему относились все его соотечественники, мы видим, что они не могли согласиться с этим обвинением. Два афинских генерала, Харес и Лисикл, оба бежали с поля боя. После этого последний был публично обвинен в Афинах оратором Ликургом - гражданином, которого очень уважали за честность и усердие в управлении финансами, а также за суровость в обвинении политических преступников. Лисикл был приговорен Дикастерием к смерти. [1103] Что отличало его поведение от поведения его коллеги Хареса, который, конечно же, не был осужден и даже, как утверждается, не был обвинен, мы не знаем. Память фиванского полководца Теагена [1104] также, хотя он и пал в битве, подверглась нападкам со стороны обвинения в измене.

Невыразима была агония Афин при известии об этой катастрофе, когда множество неизвестных граждан остались на поле боя или попали в плен, а победоносный враг находился в трех или четырех днях пути от города. Все население, даже старики, женщины и дети, носились по улицам в полном ужасе и скорби, обмениваясь излияниями беды и сочувствия и расспрашивая каждого беглеца о безопасности их родственников в битве. [1105] Все граждане военного возраста были заняты; и прежде чем были выяснены размеры потерь, опасались, что никто, кроме стариков, не останется для защиты города. В конце концов, потери стали известны: они были тяжелыми и ужасными, но не полным кораблекрушением, как в случае с армией Никиаса в Сицилии.

Как и в тот раз, так и сейчас: среди всех бедствий и тревог афинянам было не свойственно отчаиваться. Масса граждан поспешила собрать общественное собрание, [1106] на котором были приняты самые энергичные решения по обороне. Были приняты постановления, предписывающие каждому вывести свою семью и имущество из открытой местности Аттики в различные крепости; предписывающие сенаторам, которые по общему правилу были освобождены от военной службы, отправиться с оружием в руках в Пирей и привести эту гавань в состояние, пригодное для осады; отдав всех без исключения мужчин в распоряжение генералов, как солдат для защиты, и наложив наказание за измену на каждого, кто сбежит; [1107] предоставив права всем рабам, годным к ношению оружия, предоставив гражданство метисам при тех же обстоятельствах, и восстановив в полном объеме привилегии граждан тех, кто был лишен прав по приговору суда. [1108] Этот последний указ был предложен Гиперидом, но несколько других были предложены Демосфеном, к которому, несмотря на недавнее несчастье с афинским оружием,

прислушивались с неизменным уважением и доверием. По его предложению были приняты общие меры по укреплению стен, открытию рвов, распределению военных постов и строительству земляных сооружений; кажется, он был назначен членом специального совета по надзору за укреплениями.[1109] Не только он, но и большинство видных граждан и постоянных ораторов в собрании выступили с большими частными пожертвованиями, чтобы удовлетворить насущные потребности момента.[1110] Каждый человек в городе протянул руку помощи, чтобы исправить дефектные места в укреплениях. Материалы добывались путем вырубki деревьев в окрестностях города и даже путем взятия камней из соседних усыпальниц[1111], как это делалось после персидской войны, когда стены возводились по замыслу Фемистокла.[1112] Храмы были лишены оружия, подвешенного в них, для оснащения безоружных граждан.[1113] Благодаря таким искренним и единодушным усилиям оборона города и Пирея вскоре была значительно улучшена. На море Афинам нечего было бояться. Ее мощные военно-морские силы были нетронуты, а превосходство над Филиппом в этом вопросе неоспоримо. В Трезен, Эпидавр, Андрос, Кеос и другие места были отправлены посланники с просьбой о помощи и сборе денег; в одном или другом из этих посольств служил Демосфен, после того как он обеспечил насущные нужды обороны[1114].

Каков был непосредственный результат этих обращений к другим городам, мы не знаем. Но эффект, произведенный на некоторых из этих островов Эгейского моря сообщением о падении Афин, весьма примечателен. Один афинский гражданин по имени Леократ, вместо того чтобы остаться в Афинах и принять участие в обороне, проявил позорную робость[1115] и немедленно бежал из Пирея со своей семьей и имуществом. Он поспешил на Родос, где распространил ложное известие о том, что Афины уже взяты, а Пирей осажден. Сразу же услышав эту весть и поверив в ее достоверность, родосцы со своими триремами отправились в поход, чтобы захватить торговые суда в море.[1116] Отсюда мы косвенно узнаем, что афинская морская мощь была постоянной защитой для этих торговых судов, и как только эта защита была снята, вооруженные крейсера начали нападать на них с различных островов Эгейского моря.

Таковы были меры предосторожности, принятые в Афинах после этого рокового дня. Но Афины находились на расстоянии трех-четырех дней пути от поля Херонеи, в то время как Фивы, расположенные гораздо ближе, приняли на себя первую атаку Филиппа. О поведении этого принца после победы мы имеем противоречивые сведения. По одним сведениям, он предавался самому оскорбительному и развратному ликованию на поле битвы, особенно подшучивая над ораторским искусством и движениями Демосфена; от этого нрава его избавил мужественный упрек Демадеса, который был тогда его пленником в качестве одного из афинских гоплитов.[1117] Сначала он даже отказался дать разрешение на погребение убитых, когда герольд прибыл из Лебадеи, чтобы сделать обычное требование. [1118] Согласно другому рассказу, поведение Филиппа по отношению к побежденным афинянам было мягким и терпимым. [1119] Как бы ни обстояли дела с его первыми проявлениями, несомненно, что его позитивные меры были суровыми по отношению к Фивам и снисходительными к Афинам. Он продал фиванских пленников в рабство; говорят, что он также потребовал цену за свободу, предоставленную для погребения убитых фиванцев, от которой, по греческому обычаю, победитель никогда не отказывался и уж тем более не продавал. Оказали ли Фивы дальнейшее сопротивление или выдержали осаду, мы не знаем. Но вскоре город перешел во власть Филиппа, который предал смерти нескольких ведущих граждан, изгнал других и конфисковал имущество тех и других. Совет трехсот, состоявший из фиванцев-филиппистов, в большинстве своем только что вернувшихся из изгнания, был наделен властью над городом и властью жизни и смерти над каждым.[1120] Состояние Фив стало примерно таким же, каким оно было, когда спартанец Фибид в сотрудничестве с

фиванской партией во главе с Леонтиадом напал на Кадмею. Теперь в Кадмее был размещен македонский гарнизон, как тогда был размещен спартанский гарнизон. Опираясь на этот гарнизон, филипповские фиванцы стали бесконтрольными хозяевами города, имея полную власть и не стесняясь в средствах для удовлетворения своих политических антипатий. В то же время Филипп восстановил мелкие беотийские города - Орхомен, Платею, возможно, также Феспию и Коронею - до состояния свободных общин вместо подчинения Фивам[1121].

В Афинах ораторы-филипписты также громко и уверенно возвышали свои голоса, осуждая Демосфена и его политику. Против него выдвигались новые ораторы,[1122] которые вряд ли выступили бы раньше. Однако все обвинения оказались безуспешными; народ продолжал доверять ему, не упуская ни одной меры защиты, которую он предлагал. Эсхинес, до этого отрицавший всякую связь с Филиппом, теперь изменил тон и стал хвастаться дружескими и гостеприимными узами, существовавшими между ним и принцем.[1123] Он предложил свои услуги, чтобы отправиться посланником в македонский лагерь; туда он был отправлен, несомненно, с другими, возможно, с Ксенократом и Фокионом.[1124] Среди них был и Демадес, только что освобожденный из плена. То ли благодаря уговорам Демадеса, то ли в силу изменения собственного настроения Филипп теперь был склонен заключить с Афинами выгодный договор. Тела убитых афинян были сожжены победителями, а их пепел собран для перевозки в Афины; хотя официальное заявление герольда об этом было ранее отклонено.[1125] Эсхинес (по утверждению Демосфена) принял участие в качестве сочувствующего гостя в пире и празднествах, на которых Филипп праздновал свой триумф над греческой свободой.[1126] Вскоре Демадес с другими посланниками вернулся в Афины, сообщив о согласии Филиппа заключить мир, вернуть многочисленных пленников, находившихся в его руках, а также передать Оропус от фиванцев Афинам.

Демадес предложил заключить мир афинскому собранию, которое с готовностью приняло решение. Избежать вторжения и осады македонской армии, несомненно, было невыразимым облегчением; возвращение двух тысяч пленников без выкупа было приобретением огромной важности не только для города в целом, но и для симпатий многочисленных родственников. Наконец, возвращение Оропа - владения, которым они когда-то наслаждались и за которое долгое время боролись с фиванцами, - было еще одним поводом для удовлетворения. Такие условия, несомненно, устраивали Афины. Но с другой стороны нужно было сделать уступку, которая современникам Перикла показалась бы невыносимой даже в качестве цены за предотвращенное вторжение или возвращенных пленников. Афиняне должны были признать возвышение Филиппа во главе греческого мира и способствовать тому, чтобы все остальные греки признали это на конгрессе, который должен был быть созван в ближайшее время. Они должны были отказаться от всех притязаний на главенство не только для себя, но и для всех остальных греческих государств; признать не Спарту или Фивы, а царя Македонского в качестве панэллинского вождя; согласиться с переходом Греции из положения свободной, самоопределяющейся политической совокупности в провинциальную зависимость от царей Пеллы и Игеи. Нелегко представить себе более ужасное потрясение для традиционных чувств гордости и патриотизма, унаследованных от предков, которые, отразив и победив персов, сначала организовали приморских греков в конфедерацию, параллельную и дополняющую неморских греков, союзных со Спартой; таким образом, не допуская иностранного владычества, греческий мир превратился в систему, основанную на местных симпатиях и свободном управлении. Такие традиционные чувства, хотя они уже не определяли характер афинян и не внушали им мотивов к действию, все еще крепко держались в их воображении и памяти, где они постоянно ли поддерживались красноречием Демосфена и других. Демадский мир, признавший Филиппа вождем Греции, был отказом от всего этого гордого

исторического прошлого и принятием нового, униженного положения, как для Афин, так и для Греции в целом.

Полибий восхваляет щедрость Филиппа, предоставившего столь выгодные условия, и даже утверждает, не очень точно, что тем самым он заручился неизменной благодарностью и привязанностью афинян.[1127] Но Филипп ничего бы не выиграл, убив своих пленников; не говоря уже о том, что он вызвал бы непримиримый дух мести среди афинян. Продав пленников в рабство, он бы что-то выиграл, но то, как их использовали в действительности, дало ему больше. Признание Афинами его эллинского господства стало главным шагом для осуществления его целей. Оно обезопасило его от несогласных среди оставшихся греческих государств, чья приверженность еще не была определена и которые, возможно, выступили бы против столь нового и антиэллинского предложения, если бы Афины показали им пример. Более того, если бы Филипп не купил признание Афин таким образом, он мог бы потерпеть неудачу, пытаясь вырвать его силой. Ведь хотя, будучи хозяином поля, он мог безнаказанно опустошить Аттику и даже основать в ней постоянную крепость вроде Декелеи, афинский флот был силен, как никогда, и ее перевес на море был непреодолим. При таких обстоятельствах Афины и Пирей могли быть защищены от него, как Византий и Перинф за два года до этого; афинский флот мог всячески препятствовать его операциям; а осада Афин могла вызвать взрыв эллинского сочувствия, чтобы затруднить его дальнейшее продвижение. Фивы - внутренний город, ненавидимый другими беотийскими городами - был разрушен в битве при Херонее и остался без средств для успешной обороны. Но тот же удар не был абсолютно смертельным для Афин, объединенных по численности населения на всей территории Аттики и превосходящих ее на море. Поэтому мы видим, что, имея перед собой такие трудности, если бы он довел афинян до отчаяния, Филипп поступил мудро, использовав свою победу и пленных, чтобы добиться признания ею его главного корабля. Его политическая игра была хорошо разыграна, как и всегда; но на похвалу великодушию, воздаваемую Полибием, он мало претендует.

Кроме признания Филиппа вождем Греции, афиняне, по предложению Демадеса, приняли в его пользу различные почетные и комплиментарные голоса; какого именно характера, мы не знаем.[1128] Немедленного избавления от опасности и восстановления двух тысяч пленных граждан было достаточно, чтобы в первый момент сделать мир популярным; кроме того, афиняне, как бы сознавая упадок решимости и сил, приступили к той карьере лести могущественным царям, которую, как мы увидим в дальнейшем, они довели до позорной расточительности. Вероятно, именно во время преобладания этих настроений, которые продолжались недолго, юный Александр Македонский в сопровождении Антипатра нанес визит в Афины[1129].

Между тем уважение, которым пользовался Демосфен среди своих соотечественников, ничуть не уменьшилось. Хотя его политические противники сочли время благоприятным для выдвижения против него многочисленных импичментов, ни один из них не увенчался успехом, а когда пришло время избрать оратора для произнесения заупокойной речи на похоронах убитых в Херонее, он был удостоен этой торжественной обязанности не только в отличие от Эсхина, который был выставлен на конкурс, но и от недавно заключившего мир Демадеса[1130] - и удостоился сильных знаков уважения и сочувствия со стороны оставшихся в живых родственников этих доблестных граждан. Кроме того, выяснилось, что Демосфен продолжал занимать важный финансовый пост одного из совместных управляющих Феорическим фондом и члена совета по закупке кукурузы; он также продолжал или вскоре после этого был вновь назначен начальником стен и оборонительных

сооружений города. Оратор Гиперид, политический соправитель Демосфена, был подвергнут импичменту Аристогеитоном при графе Параномоне за его незаконный и неконституционный указ (предложенный под влиянием ужаса, вызванного поражением при Херонее) о предоставлении права на освобождение рабов, гражданства митикам и восстановлении в гражданстве тех, кто был лишен гражданства по приговору суда. Наступление мира устранило всякую необходимость в действии этого указа; тем не менее против его автора был выдвинут импичмент. Гиперид, не в силах отрицать его незаконность, поставил свою защиту на истинное и очевидное основание: "Македонское оружие (сказал он) омрачило мое зрение. Это не я провел декрет; это была битва при Херонее"[1131].

Покорив и гарнизонировав Фивы, восстановив антифиванские города в Беотии, принудив Афины к покорности и зависимому союзу, установив гарнизон в Амбракии, одновременно овладев Акарнанией и изгнав ведущих акарнанцев, выступавших против него, Филипп направился с оружием в Пелопоннес. Он не встретил сопротивления нигде, кроме территории Спарты. Коринфяне, аргейцы, мессенцы, элейцы и многие аркадяне подчинились его власти, а некоторые из страха и неприязни к Спарте даже добивались его союза. Филипп вторгся в Лаконию с армией, слишком мощной для спартанцев, чтобы противостоять им в поле. Он опустошил страну и занял несколько отделенных постов, но саму Спарту не взял и, как мы знаем, даже не атаковал. Спартанцы не могли сопротивляться, но они не покорились и не попросили мира. Судя по всему, Филипп урезал их территорию и сузил границы со всех трех сторон: к Аргосу, Мессене и Мегалополю.[1132] У нас нет точных сведений о деталях его действий, но ясно, что он делал только то, что казалось ему хорошим, и что правительства всех пелопоннесских городов перешли в руки его сторонников. Спарта была единственным городом, который противостоял ему; она сохранила свою древнюю свободу и достоинство, в условиях слабости и унижения, с более непоколебимой решимостью, чем Афины.

Затем Филипп созвал конгресс греческих городов в Коринфе. Здесь он объявил, что намерен предпринять экспедицию против персидского царя, чтобы освободить азиатских греков и отомстить за вторжение Ксеркса в Грецию. Общий голос съезда назначил его вождем объединенных греков для этой цели и постановил, что к нему присоединится греческий отряд, который будет сформирован из контингентов, предоставленных различными городами. Общая численность обещанного войска указана только Юстином, который называет двести тысяч пеших и пятнадцать тысяч конных; армия, которую Греция, конечно, не могла собрать, и мы с трудом можем поверить, что она была даже обещана.[1133] Спартанцы стояли в стороне от конгресса, продолжая отказываться от любого признания главенства Филиппа. Афиняне присутствовали на съезде и согласились с голосованием, которое, по сути, было следующим шагом к осуществлению мира, заключенного Демадесом. От них требовалось предоставить хорошо оснащенный флот для службы под началом Филиппа; в то же время они лишались своего достоинства вождей морской конфедерации, а острова зачислялись в морскую зависимость от Филиппа, вместо того чтобы продолжать посылать депутатов в синод, заседающий в Афинах.[1134] Похоже, что Самос все еще признавался принадлежащим им[1135] - по крайней мере, та часть острова, которую занимали многочисленные афинские клерухи или переселенцы, впервые основанные на острове после завоевания Тимофеем в 365 г. до н. э. и впоследствии усиленные, а затем были усилены. В течение нескольких лет после этого военно-морские силы на верфях Афин все еще оставались многочисленными и мощными, но с этого момента ее морское превосходство исчезает.

Афинянам, глубоко уязвленным таким унижением, Фокион объяснил, что это необходимый результат мира, который они приняли по предложению Демадеса, и что теперь уже слишком поздно роптать.^[1136] Мы не можем удивляться их чувствам. Вместе с другими свободными городами Греции они были зачислены в контрибуцию македонского царя; революция, для них более неприятная, чем для остальных, поскольку они сразу же перешли не просто от простой автономии, но от состояния высшего достоинства, в общую зависимость. Афинам оставалось лишь одобрить продиктованную Филиппом схему и внести свою лепту в ее осуществление. Более того, этот план - вторжение в Персию - перестал быть предметом искренних чаяний во всем греческом мире. Великий царь, больше не внушавший ужас Греции в целом, теперь мог рассматриваться как способный оказать защиту от македонского гнета. Освобождение азиатских греков от персидского владычества само по себе было бы предприятием, благодарным греческому чувству, хотя все подобные желания должны были постепенно угаснуть после заключения Анталкидского мира. Но освобождение, осуществленное Филиппом, было бы лишь переходом азиатских греков из-под власти персов в его владения. Коринфский синод не преследовал никакой цели, кроме как запрячь греков в свою машину, для далекого предприятия, выгодного для его солдат и отвечающего его ненасытному честолюбию.

Именно в 337 году до н. э. эта персидская экспедиция была согласована и решена. В течение этого года велись приготовления, достаточно масштабные, чтобы истощить финансы Филиппа;^[1137] который в то же время вел военные действия и сражался в тяжелой битве с иллирийским царем Птериасом.^[1138] Весной 336 года до н. э. часть македонской армии под командованием Пармениона и Аттала была отправлена в Азию для начала военных действий; сам Филипп намеревался быстро последовать за ними.^[1139]

Однако ему не была уготована такая судьба. Незадолго до этого он принял решение отречься от своей жены Олимпии, обвинив ее в неверности; говорят, что она стала ему противна из-за яростных и диких порывов ее характера. Он последовательно женился на нескольких женах, последней из которых была Клеопатра, племянница македонского Аттала. Именно по ее примеру он, как говорят, отрекся от Олимпии, которая удалилась к своему брату Александру из Эпира.^{1140]} Этот шаг вызвал сильные разногласия между сторонниками обеих цариц и даже между Филиппом и его сыном Александром, который выразил сильное негодование по поводу отречения своей матери. Во время брачного пира Аттал произнес тост и молитву о том, чтобы от Филиппа и Клеопатры поскорее появился законный сын, который унаследовал бы македонский престол. На что Александр в гневе воскликнул: "Так ты объявляешь *меня* бастардом?" - и одновременно швырнул в него кубок. Разгневанный таким поступком, Филипп поднялся, выхватил меч и яростно бросился на сына, но от страсти и опьянения упал на землю. Только эта случайность сохранила жизнь Александру; он ответил: "Вот человек, готовящийся перейти из Европы в Азию, который еще не может уверенно переступить с одной кушетки на другую"^[1141]. После этой бурной ссоры отец и сын расстались. Александр проводил мать в Эпир, а затем сам отправился к иллирийскому царю. Через несколько месяцев после этого Филипп по просьбе коринфянина Демарата послал за ним обратно и примирился с ним, но вскоре возникла другая причина для недовольства, поскольку Александр начал переговоры о браке с дочерью сатрапа Карики. Отвергнув такой союз как недостойный, Филипп резко упрекнул сына и изгнал из Македонии нескольких придворных, которых он подозревал в близости с Александром;^[1142] в то время как друзья Аттала пользовались большим расположением.

Такова была вражда, отвлекавшая двор и семью Филиппа. У него только что родился сын от новой жены Клеопатры^[1143]. Его экспедиция против Персии, решенная и подготовленная в

течение предыдущего года, была фактически начата; Парменио и Аттал были отправлены в Азию с первой частью, за которой вскоре должен был последовать он сам с оставшейся армией. Но Филипп предвидел, что во время его отсутствия может возникнуть опасность со стороны разъяренной Олимпии, горько возмущенной недавними событиями и подстрекающей своего брата Александра, царя Эпира, с которым она сейчас жила. Филипп действительно держал македонский гарнизон в Амбракии,^[1144] главном греческом городе на эпирской границе; кроме того, он внес немалый вклад в становление Александра как принца. Но теперь он считал необходимым еще больше примирить его особыми узами союза, выдав за него замуж Клеопатру, свою дочь от Олимпии. ^{1145]} Для этого брака, отпразднованного в Эге в Македонии в августе 336 года до н. э., Филипп устроил празднества, Филипп устроил празднества величайшей стоимости и пышности, отмечая в то же время недавнее рождение сына от Клеопатры.^[1146] Банкеты, щедрые подарки, гимнастические и музыкальные поединки, трагические выставки,^[1147] среди которых актер Неоптолем выступал в трагедии Кинираса, и т. д. со всеми видами аттракционов, известных эпохе, - все это было собрано, чтобы примирить несогласные партии в Македонии и произвести эффект на умы греков; которые из каждого города посылали депутатов для поздравлений. Статуи двенадцати великих богов, великолепно выполненные, торжественной процессией внесли в театр; сразу за ними - статуя самого Филиппа, как тринадцатого бога^[1148].

Среди этой праздничной толпы, однако, не обошлось без недовольных сторонников Олимпии и Александра, которым молодая царица с новорожденным ребенком угрожала грозным соперничеством. Был и еще более опасный злопыхатель - Павсаний, один из царских телохранителей, благородный юноша, родившийся в округе Орестис в Верхней Македонии; он, в силу свойственных ему причин, питал смертельную ненависть к Филиппу. Провокацию, которую он получил, мы не можем ни удобно переписать, ни точно изложить среди расхождений в показаниях. Провокатором был Аттал, дядя новой царицы Клеопатры, который нанес Павсанию оскорбление самого жестокого и отвратительного характера. Даже за столь чудовищный поступок в Македонии не могли добиться обычного правосудия в отношении могущественного человека. Павсаний пожаловался Филиппу лично. По одним сведениям, Филипп отмахнулся от жалобы и даже отнесся к ней с насмешкой; по другим - он выразил свое неудовольствие по поводу этого поступка и попытался утешить Павсания денежными подарками. Но он не дал ни возмещения, ни удовлетворения чувствам оскорбленного человека.^[1149] Поэтому Павсаний решил отомстить за себя. Вместо того чтобы мстить Атталу - который, правда, был вне пределов его досягаемости, находясь во главе македонских войск в Азии, - он обрушил свой гнев на самого Филиппа, которому было отказано в требовании возмещения ущерба. Похоже, что такой поворот чувств, отвлекающий жажду мести от настоящего преступника, не был спонтанным со стороны Павсания, а был искусно подстрекаем различными партийными заговорщиками, желавшими уничтожить Филиппа. Враги Аттала и царицы Клеопатры (которая, как говорят, сама относилась к Павсанию с оскорблением^[1150]), будучи, конечно, также сторонниками Олимпии и Александра, были не прочь использовать обезумевшего Павсания в качестве орудия и направить его раздражение против царя. Он излил свои жалобы и Олимпии, и Александру; первая, как говорят, горячо настраивала его против своего покойного мужа, а второй повторил ему стих из Еврипида, где свирепая Медея, покинутая своим мужем Ясоном, который женился на дочери коринфского царя Креона, клянется отомстить самому царю, а также своему мужу и его новой жене.^[1151] То, что мстительная Олимпия положительно подтолкнет Павсания к убийству Филиппа, весьма вероятно. Что касается Александра, хотя его также обвиняли, нет достаточных доказательств, чтобы оправдать подобное утверждение; но то, что некоторые из его сторонников - люди, желающие посоветоваться с

его чувствами и обеспечить его престолонаследие, - давали свои подстрекательства, представляется достаточно обоснованным. Говорят также, что греческий софист по имени Гермократ способствовал этому делу, хотя, казалось бы, без умысла, своими разговорами; а персидский царь (по невероятным сведениям) - своим золотом[1152].

Не подозревая о заговоре, Филипп собирался войти в театр, уже переполненный зрителями. Подойдя к двери в белом одеянии, он настолько возвысился от впечатления собственного достоинства и уверенности в восхищенных симпатиях окружающих, что двинулся вперед без оружия и защиты, приказав своим стражникам сдерживаться. В этот момент Павсаний, стоявший неподалеку с галльским мечом, спрятанным под одеждой, бросился на него, вонзил оружие в тело и убил. Выполнив задуманное, убийца тут же бросился бежать и попытался добраться до ворот, где ранее были размещены лошади. Будучи сильным и деятельным, он, возможно, сумел бы скрыться, как большинство убийц Ясона Ферейского[1153] при очень похожих обстоятельствах, если бы его нога не споткнулась о виноградную лозу. Стражники и друзья Филиппа сначала были парализованы изумлением и оцепенением. Однако в конце концов некоторые поспешили на помощь умирающему царю, а другие бросились в погоню за Павсанием. Леоннат и Пердиккас настигли его и тут же убили[1154].

Каким образом и в какой степени сообщники Павсания оказали ему помощь, нам не дано знать. Возможно, они расположились так, чтобы помешать преследованию и дать ему шанс на спасение, который после такого безмерного дерзкого поступка был бы крайне мал. Из предполагаемых сообщников нам известны имена только трех братьев из Линкестийского округа Верхней Македонии - Александра, Херомена и Аррибея, сыновей Эропа;[1155] но, похоже, были и другие. Линкестиец Александр, чей тесть Антипатр был одним из самых видных и доверенных офицеров на службе Филиппа, принадлежал к хорошей семье в Македонии, возможно, даже происходил из древнего рода князей Линкестиса. Именно он, сразу после убийства Филиппа Павсанием, поспешил приветствовать царевича Александра как царя, помог ему облачиться в доспехи и в составе его гвардии отправился во владение царским дворцом[1157].

Этот "prima vox"[1158] был для Александра не просто предзнаменованием или предвестием грядущей империи, но по сути служил ему реальной определяющей причиной или условием. Наследование македонского престола часто нарушалось враждой или кровопролитием между членами царской семьи; а при последних обстоятельствах царствования Филиппа такие нарушения были особенно вероятны. Он был в плохих отношениях с Александром и в еще худших - с Олимпией. Изгоняя лиц, привязанных к Александру, он прислушивался к Атталу с партизанами новой царицы Клеопатры. Если бы эти последние начали действовать после убийства, они бы организовали оппозицию Александру в пользу младенца-принца; эта оппозиция могла бы иметь некоторые шансы на успех, так как они были в фаворе у покойного царя и поэтому обладали многими важными должностями. Но поступок Павсания застал их врасплох и на мгновение парализовал; не успели они опомниться или начать концерт, как один из сообщников убийцы побежал, чтобы без промедления привести Александра в движение. Решительное движение, предпринятое им и его друзьями в этот критический момент, определило колеблющихся и предотвратило сопротивление. Поэтому не приходится удивляться, что Александр, став царем, выказал необычайную признательность и уважение к своему тезке Линкестию, не просто освободив его от смертной казни, постигшей остальных соучастников, но и выдвинув его на высокие почести и важные военные посты. Ни Александр и Олимпия, с одной стороны, ни Аттал и Клеопатра, с другой, не были в личной безопасности, кроме как получив наследство. Одним из первых действий Александра было послать в Азию

специального офицера, чтобы вернуть домой пленного Аттала или предать его смерти; последнее было сделано, по-видимому, благодаря сотрудничеству Парменио (который командовал вместе с Атталом) и его сына Филота.^[1159] Несчастливая Клеопатра и ее ребенок были преданы смерти вскоре после этого.^[1160] Были убиты и другие лица, о которых я буду говорить дальше при описании царствования Александра.

Мы могли бы пожелать узнать от кого-нибудь из присутствующих, какой эффект произвело на огромную разношерстную толпу в театре внезапное убийство Филиппа, когда о нем стало известно. Среди присутствовавших греков, несомненно, было меньше тех, кто приветствовал это событие с молчаливым удовлетворением, как будто оно вновь открыло для них дверь свободы. Лишь один человек осмелился выразить удовлетворение, и это была Олимпия^[1161].

Так погиб разрушитель свободы и независимости в эллинском мире в возрасте сорока шести или сорока семи лет, после двадцатитрехлетнего правления^[1162]. Наши сведения о нем крайне скудны. Ни его средства, ни его планы, ни трудности, которые он преодолел, ни его внутреннее управление не известны нам с точностью или на основании современного исторического авторитета. Но великие результаты его правления и основные черты его характера неоспоримы. В момент его воцарения Македонское царство представляло собой узкую территорию вокруг Пеллы, частично отрезанную независимыми и сильными греческими городами даже от соседнего морского побережья. После его смерти македонское господство было установлено от берегов Пропонтиды до берегов Ионического моря, а также Амбракийского, Мессенского и Саронического заливов. В этих границах все города признавали верховенство Филиппа, за исключением Спарты и горцев, таких как этолийцы и другие, защищенные суровым домом. Удача сопутствовала Филиппу с редкими перерывами,^[1163] но это была удача, увенчавшая усилия редкого таланта, политического и военного. Действительно, неугомонное честолюбие, неутомимая личная активность и выносливость, а также авантюрная храбрость Филиппа были такими, которые в короле почти сами по себе гарантируют успех, даже при способностях, значительно уступающих его. Что среди причин завоеваний Филиппа была коррупция, которая в изобилии использовалась для разжигания розни и приобретения сторонников среди соседей и врагов, что с привлекательными и приятными манерами он сочетал безрассудство в ложных обещаниях, обман и вымогательство даже по отношению к союзникам, и бессовестное лжесвидетельство, когда это соответствовало его положению - это мы находим подтвержденным, и нет никаких причин не верить этому.^[1164] Такие распадающиеся силы сглаживали путь для эффективной и восхитительной армии, организованной и обычно управляемой им самим. Ее организация переняла и расширила лучшие методы научной войны, использованные Эпаминондасом и Ификратом.^[1165] Начатая и завершенная Филиппом, завещанная им как готовый двигатель для завоеваний Александра, она представляет собой эпоху в военной истории. Но чем больше мы превозносим гений Филиппа как завоевателя, созданного для успешных завоеваний и расширения за счет всех своих соседей, тем меньше мы можем найти места для той мягкости и умеренности, которую некоторые авторы обнаруживают в его характере. Если в некоторых случаях его жизни и можно справедливо признать такие черты, то против них следует поставить разрушение тридцати двух греческих городов в Халкидике и массовое переселение не желающих жить и несчастных семей из одного населенного пункта в другой.

Помимо полководческого и политического мастерства, Филипп обладал недюжинными греческими способностями в области риторики и письма. Свидетельство Эсхина о его ораторских способностях, хотя и требует некоторого смягчения, не должно быть отвергнуто.

Исократ отзывается о нем как о друге литературы и философии; эта репутация подтверждается тем, что он выбрал Аристотеля в качестве наставника своего сына Александра. Однако в Филиппе, как и в двух Дионисиях Сиракузских и других деспотах, эти вкусы не были сочтены несовместимыми ни с преступлениями честолюбия, ни с лицензиями неумеренного аппетита. Современный историк Теопомп, горячий поклонник гения Филиппа, осуждает не только вероломство его государственных дел, но и пьянство, азартные игры и всевозможные излишества, которым он предавался, поощряя к тому же окружающих. Его македонская и греческая гвардия в количестве восьмисот человек представляла собой отряд, в котором не мог жить ни один порядочный человек; они отличались воинской храбростью и умением, но пресыщались грабежом и были запятнаны таким бесстыдным вероломством, кровожадностью и необузданной похотью, какие подобают только кентаврам и лестригонам.[Число любовниц и жен Филиппа достигало почти восточных масштабов,^[1167] а раздоры, вносимые в его двор потомством от разных матерей, были чреваты пагубными последствиями.

Оценивая гений Филиппа, мы должны оценить и партии, которым он противостоял. Его удача нигде не проявилась так ярко, как в том, что он попал в те дни разобщенности и отсталости Греции (на что указывает последнее предложение "Эллиники" Ксенофонта), когда не было ни ведущего города, готового нести вахту, ни ведущего генерала, готового принять командование, ни граждан-солдат, желающих и готовых переносить тяготы стабильной службы. Филипп не сражался с такими противниками, как Эпаминондас, Агесилай или Ификрат. Как изменилась бы его карьера, если бы Эпаминондас выжил после победы при Мантинее, одержанной всего за два года до воцарения Филиппа! Чтобы противостоять Филиппу, нужен был человек, подобный ему самому, способный не только давать советы и проекты, но и лично командовать, стимулировать рвение граждан-солдат и подавать пример мужественного отношения к опасности и усталости. К несчастью для Греции, такого лидера не нашлось. В советах и речах Демосфена было достаточно для чрезвычайной ситуации. Дважды до битвы при Херонее - в Византии и в Фивах - он знаменательно срывал комбинации Филиппа. Но он не был сформирован, чтобы взять на себя инициативу в действии, и рядом с ним не было никого, кто мог бы восполнить этот недостаток. На поле Филипп столкнулся лишь с той "общественной неэффективностью" в Афинах и других местах Греции, на которую жалуется даже Эсхин;^[1168] и этому упадку греческой энергии, а не только своим собственным выдающимся качествам, был обязан беспрецедентный успех его царствования. В правление его сына Александра (о котором мы расскажем в следующем томе) мы увидим, что подобный гений и энергичность проявились в еще больших масштабах и достигли еще более замечательных результатов; в то время как некогда волнующая политика Греции после одного слабого усилия опустилась еще ниже, до ничтожества подвластной провинции.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

^[1] Диодор. xiii. 86-114; xiv. 70; xv. 24. Другой мор упоминается Диодором в 368 году до н. э. (Diodor. xv. 73).

Моверс отмечает сильные и частые страдания древних финикийцев в их собственной стране от моровой язвы и страшные наказания, к которым эти страдания приводили ("Die Phönizier", т. ii. ч. ii. с. 9).

[2] Diodor. xiv. 78.

[3] Diodor. xiv. 78. Διονύσιος δ' εἰς Μεσσήνην κατώκισε χιλίους μὲν Λοκρούς, τετρακισχίλους δὲ Μεδιμναίους, ἑξακοσίους δὲ τῶν ἐκ Πελοποννήσου Μεσσηνίων, ἕκ τε Ζακύνθου καὶ Ναυπάκτου φευγόντων.

Медимнеи совершенно неизвестны. Клувериус и Весселинг предполагают, что *медмæйцы* - от Medmæ или Medamæ, отмеченного Страбоном как город на юге Италии. Но это предположение не может быть принято как достоверное, тем более что общее число названных лиц так велико. Догадка Пальмериуса - Μηθυμναίους - имеет еще меньше оснований. См. примечание Весселинга.

[4] Diodor. xiv. 78.

[5] Diodor. xiv. 87.

[6] Diodor. xiv. 78. εἰς τὴν τῶν Σικελῶν χώραν πλεονάκεις στρατεύσας, etc. Весселинг в своем примечании показывает, что эти и следующие за ними слова должны относиться к Дионисию.

[7] Diodor. xiv. 87-103.

[8] Diodor. xiv. 8, 87, 106

[9] Diodor. xiv. 88.

[10] Diodor. xiv. 88. μετὰ δὲ τὴν ἀτυχίαν ταύτην, Ἀκραγαντῖνοι καὶ Μεσσηνῖοι τοὺς τὰ Διονυσίου φρονοῦντας μεταστησάμενοι, τῆς ἐλευθερίας ἀντείχοντο, καὶ τῆς τοῦ τυράννου συμμαχίας ἀπέστησαν.

Мне кажется, что слова καὶ Μεσσηνῖοι в этом предложении не могут быть правильными. Мессенцы были новым населением, только что основанным Дионисием и полагавшимся на него в защите от Регии: более того, они появятся во время непосредственно следующих событий, постоянно находясь в связи с ним и являясь объектами нападения его врагов.

Я не могу не думать, что Диодор нечаянно поместил здесь слово Μεσσηνῖοι вместо имени, принадлежащего какому-то другому сообществу - какому именно, мы не можем сказать.

[11] Diodor. xiv. 90-95.

[12] Diodor. xiii. 113.

[13] Diodor xiv. 90.

[14] Diodor. xiv. 95, 96.

[15] Diodor. xiv. 96.

[16] Livy, iv. 37-44; Strabo, v. p. 243-250. Диодор (xii. 31-76) относит начало существования кампанцев к 438 г. до н. э., а завоевание ими Кумæ - к 421 г. до н. э. Скилакс в своем Перипле упоминает Кумæ и Неаполис как Кампанию (s. 10.) Фукидид говорит о Кумæ как о ἐν Ὀπκίᾳ (vi. 4).

[17] Strabo, v. p. 246.

[18] Фукидид (vii. 53-57) не упоминает *кампанцев* (он упоминает тирренцев) как служивших в осаждающем афинском войске перед Сиракузами (414-413 гг. до н. э.) Он вообще не вводит

имя *кампанцев*, хотя упоминает иберийских наемников как людей, которых Афины рассчитывали привлечь к своей службе (vi. 90).

Однако Диодор упоминает, что восемьсот кампанцев были наняты халкидскими городами в Сицилии для службы у афинян при Никии, и что они спаслись во время бедствий афинской армии (xiii. 44).

Завоевание Кумæ в 416 году до н. э. открыло для этих кампанских самнитов возможность наемной военной службы за морем. Кумæ, будучи по своему происхождению халкидской, естественно, должна была соответствовать халкидским городам на Сицилии. Это образует звено связи, которое объясняет нам, как кампанцы поступили на службу в 413 году до н. э. под командованием афинского полководца в Сиракузах, а затем так часто под командованием других в Сицилии (Diodor. xiii. 62-80 и т. д.).

[19] Strabo, vi. p. 253, 254. См. ценный раздел на эту тему в Niebuhr, *Römisch. Geschichte*, vol. i. p. 94-98.

Оказывается, сиракузский историк Антиох не упоминал ни луканов, ни бруттиев, хотя перечислил жителей именно той территории, которую впоследствии занимали эти два народа. После повторения утверждения Антиоха о том, что эту территорию занимали италийцы, *Ænotrians* и хонийцы, Страбон продолжает: -Οὗτος μὲν οὖν ἀπλουστέρως εἴρηκε καὶ ἀρχαϊκῶς, οὐδὲν διορίσας περὶ τῶν Λευκανῶν καὶ τῶν Βρεττίων. Немецкий переводчик Гроскурд понимает эти слова как то, что Антиох "не отличал луканов от бруттиев". Но если мы прочтем этот абзац до конца, то, как мне кажется, Страбон хотел сказать, что Антиох не высказал ничего положительного ни в отношении луканов, ни в отношении бруттиев. Нибур (стр. 96 *ut supra*) утверждает, что Антиох представлял луканийцев как распространившихся до Ляуса; я не могу этого найти.

Дата Антиоха, по-видимому, точно не установлена. Его труд по сицилийской истории дошел с ранних времен до 424 г. до н. э. (Diodor. xii. 71). Его молчание о луканцах подтверждает мнение, что дата завоевания ими территории, называемой Луканией, была значительно позже этого года.

Полиэн (ii. 10. 2-4) упоминает о войне, которую вели жители Фурий под руководством Клиандрида, отца Гилиппа, против луканийцев. Судя по возрасту и обстоятельствам жизни Клеандрида, это вряд ли может быть позже 420 года до н. э.

[20] Strabo, vi. p. 256. Перипл Скилакса (s. 12, 13) признает, что Лукания простирается вплоть до Регия. Дата, к которой относится этот Перипл, - около 370-360 гг. до н. э.: см. поучительную статью в *Kleine Schriften* Нибура, p. 105-130. Скилакс не упоминает бруттийцев (Klausen, *Hekataëus and Skylax*, p. 274. Berlin, 1831).

[21] Diodor. xiv. 91-101. Сравните Polybius, ii. 39. Когда Никиас, направляясь в Сицилию, подошел к Регию и предложил регийцам сотрудничать против Сиракуз, регийцы отказались, ответив: ὅ,τι ἂν καὶ τοῖς ἄλλοις Ἰταλιώταις ξυνδοκῇ, τοῦτο ποιήσειν (Thucyd. vi. 44).

[22] Diodor. xiv. 101.

[23] Diodor. xiv. 100.

[24] Diodor. xiv 100.

[25] Herodot. vi. 21; Strabo, vi. p. 253.

[26] См. описание этой горной области между Тарентинским заливом и Тирренским морем в интересном труде французского генерала, служившего в Калабрии в 1809 г. - Калабрия во время трехлетнего военного пребывания, Письма, 17, 18, 19 (перевод и издание Эффингема Уилсона. Лондон, 1832).

[27] Diodor. xiv. 101. βουλόμενοι Λᾶον, πόλιν εὐδαίμονα, πολιορκῆσαι. Это, по-видимому, истинное чтение: это остроумная догадка, предложенная Нибуром (Römisch. Geschicht. i. p. 96) вместо слов-βουλόμενοι λαὸν καὶ πόλιν εὐδαίμονα, πολιορκῆσαι.

[28] Diodor. xiv. 102.

[29] Diodor. xiv. 103.

[30] Полибий (i. 6) дает нам истинное название этой реки: Диодор называет ее рекой Гелорус.

[31] Diodor. xiv. 105. παρέδωκαν αὐτοὺς περὶ ὀγδόην ὥραν, ἥδη τὰ σώματα παρείμενοι.

[32] Diodor. xiv. 105. Καὶ πάντων αὐτοῦ ὑποπτευόντων τὸ θηριῶδες, τοῦναντίον ἐφάνη πάντων ἐπιεικέστατος.

[33] Diodor. xiv. 105. καὶ σχεδὸν τοῦτ' ἔδοξε πράττειν ἐν τῷ ζῆν κάλλιστον. Strabo, vi. p. 261.

[34] Diodor. xiv. 106. καὶ παρακαλέσαι μηδὲν περὶ αὐτῶν ὑπὲρ ἄνθρωπον βουλευέσθαι.

[35] Diodor. xiv. 106.

[36] Diodor. xiv. 106, 107.

[37] Plato, Epistol. vii. p. 332 D. Διονύσιος δὲ εἰς μίαν πόλιν ἀθροίσας πᾶσαν Σικελίαν ὑπὸ σοφίας, etc.

[38] Diodor. xiv. 107, 108. Полиэн рассказывает об этой хитрости Дионисия с провизией, как будто она была применена при осаде Гимеры, а не Регины (Polyæn. v. 3, 10).

[39] Diodor. xiv. 112. Ὁ δὲ Φύτων, κατὰ τὴν πολιορκίαν στρατηγὸς ἀγαθὸς γεγενημένος, καὶ κατὰ τὸν ἄλλον βίον ἐπαινούμενος, οὐκ ἀγεννῶς ὑπέμενε τὴν ἐπὶ τῆς τελευταίας τιμωρίας- ἀλλ' ἀκατάπληκτον τὴν ψυχὴν φυλάξας, καὶ βοῶν, ὅτι τὴν πόλιν οὐ βουλευθεὶς προδοῦναι Διονυσίῳ τυγχάνει τῆς τιμωρίας, ἣν αὐτῷ τὸ δαιμόνιον ἐκείνῳ συντόμως ἐπιστήσει- ὥστε τὴν ἀρετὴν τάνδρὸς καὶ παρὰ τοῖς στρατιώταις τοῦ Διονυσίου κατελεγεῖσθαι, καὶ τινὰς ἤδη θορυβεῖν. Ὁ δὲ Διονύσιος, εὐλαβηθεὶς μή τινες τῶν στρατιωτῶν ἀποτολμήσωσιν ἐξαρπάζειν τὸν Φύτωνα, παυσάμενος τῆς τιμωρίας, κατεπόντωσε τὸν ἀτυχῆ μετὰ τῆς συγγενείας. Οὗτος μὲν οὖν ἀναξίως τῆς ἀρετῆς ἐκνόμοις περιέπεσε τιμωρίας, καὶ πολλοὺς ἔσχε καὶ τότε τῶν Ἑλλήνων τοὺς ἀλγήσαντας τὴν συμφορὰν, καὶ μετὰ ταῦτα ποιητὰς τοὺς θρηνήσοντας τὸ τῆς περιπετείας ἐλεεινόν.

[40] Strabo, vi. p. 258 ἐπιφανῆ δ' οὖν πόλιν οὔσαν ... κατασκάψαι Διονύσιον, etc.

[41] Polybius, ii. 39, 67.

[42] Polybius, i. 6.

[43] Chap. LXXVI. Том X.

[44] Ливий сохранил упоминание об этом важном приобретении Дионисия (xxiv. 3).

"Sed arx Crotonis, unâ parte imminens mari, alterâ vergente in agrum, situ tantum naturali quondam munita, postea et muro cincta est, quâ per aversas rupes ab Dionysio Siciliæ tyranno per dolum fuerat capta."

Юстин также (xx. 5) упоминает о нападении Дионисия на Кротона.

Мы можем с достаточной уверенностью отнести это взятие к данной части карьеры Дионисия.

См. также Ælian, V. H. xii. 61.

[45] Aristotel. Auscult. Mirab. s. 96; Athenæus, xii. p. 541; Diodor. xiv. 77.

Полемон указал это дорогое одеяние в своем труде Περί τῶν ἐν Καρχηδόνι Πέπλων....

[46] Strabo, vi. p. 261.

[47] Strabo, v. p. 241. Похоже, что два приморских города, которые, как говорят, были основаны на побережье Апулии на Адриатике Дионисием *младшим* в первые годы его правления - согласно Диодору (xvi. 5) - должны были быть действительно основаны *старшим* Дионисием, примерно в то время, до которого мы сейчас дошли.

[48] Diodor. xv. 13, 14.

[49] Diodor. xv. 14; Strabo, v. p. 226; Servius ad Virgil. Æneid. x. 184.

[50] Justin, xx. 5; Xenoph. Hellen. vii. 1, 20.

[51] См. Pseudo-Aristotel. Œconomic. ii. 20-41; Цицерон, De Natur. Deor. iii. 34, 82, 85: в этих отрывках, однако, должно быть несколько неверных утверждений относительно реальных разграбленных храмов; ведь Дионисий не мог быть в Пелопоннесе, чтобы ограбить храм Зевса в *Олимпии* или Эскулапа в *Эпидавре*.

Афиней (xv. p. 693) рассказывает анекдот о том, что Дионисий ограбил храм Эскулапа в *Сиракузах*, забрав ценный золотой стол; это гораздо более вероятно.

[52] Diodor. xv. 74. См. мистер Файнс Клинтон, Fast. Hellen. ad ann. 367 B. C.

[53] См. другую версию истории о Филоксене у Плутарха, De Fortun. Alexand. Magni, p. 334 C.

[54] Diodor. xiv. 109; xv. 6.

[55] См. том VII этой истории, гл. LV. с. 57 *и далее*.

[56] См. выше, в этой работе, том X. гл. LXXVII. с. 76. Я уже отмечал особенность этого олимпийского праздника 384 года до н. э. в связи с положением и настроениями греков в Пелопоннесе и Азии. Теперь я вынужден отметить ее еще раз, применительно к грекам Сицилии и Италии - особенно к Дионисию.

[57] Diodor. xv. 14. Παρὰ δ' Ἡλείοις Ὀλυμπιάς ἤχθη ἐννενηκοστὴ ἐννάτῃ (B. C. 384), καθ' ἣν ἐνίκα στάδιον Δίκων Συρακούσιος.

Павсаний, vi. 3, 5. Δίκων δὲ ὁ Καλλιμβρότου πέντε μὲν Πυθοῖ δρόμου νίκας, τρεῖς δὲ ἀνείλετο Ἰσθμίων, τέσσαρας δὲ ἐν Νεμέᾳ, καὶ Ὀλυμπιακὰς μίαν μὲν ἐν παισὶ, δύο δὲ ἄλλας ἀνδρῶν- καὶ οἱ καὶ ἀνδριάντες ἴσοι ταῖς νίκαις εἰσὶν ἐν Ὀλυμπίᾳ- παιδὶ μὲν δὴ ὄντι αὐτῷ Καυλωνιάτῃ, καθάπερ γε καὶ ἦν, ὑπῆρξεν ἀναγορευθῆναι- τὸ δὲ ἀπὸ τούτου Συρακούσιον αὐτὸν ἀνηγόρευσε ἐπὶ χρήμασι.

Павсаний утверждает, что Дикон получил взятку за то, чтобы его провозгласили сиракузянином, а не каулониатом. Такие случаи коррупции действительно имели место (сравните другой случай подобного подкупа, предпринятый сиракузскими посланниками, Pausan. vi. 2, 4), вызванные тщеславием греческих городов присвоить себе славу выдающегося победителя в Олимпии. Но в данном случае вина, возлагаемая на Дикона, больше, чем он заслуживает. Каулония уже была обезлюжена и присоединена к Локри; жителей увезли в Сиракузы и сделали сиракузскими гражданами (Diodor. xiv. 106). Поэтому Дикон не мог быть провозглашен каулониатом, даже если бы он этого захотел, когда города Каулония уже не существовало. Впоследствии город действительно был восстановлен, и это обстоятельство, несомненно, способствовало введению в заблуждение Павсания, который, похоже, не знал о его временном подрыве Дионисием.

[58] Dionys. Hal. Judic. de Lysâ, p. 452, Reisk.

[59] Lysias, Fragm. Orat. 33. ap. Dionys. Hal. p. 521. ὁρῶν οὕτως αἰσχυρῶς διακειμένην τὴν Ἑλλάδα, καὶ πολλὰ μὲν αὐτῆς ὄντα ὑπὸ τῷ βαρβάρῳ, πολλὰς δὲ πόλεις ὑπὸ τυράννων ἀναστάτους γεγενημένας.

[60] Lysias, Fr. Or. 33. l. c. Ἐπίστασθε δὲ, ὅτι ἡ μὲν ἀρχὴ τῶν κρατούντων τῆς θαλάττης, τῶν δὲ χρημάτων βασιλεὺς ταμίας- τὰ δὲ τῶν Ἑλλήνων σώματα τῶν δαπανᾶσθαι δυναμένων- ναῦς δὲ πολλὰς αὐτὸς κέκτηται, πολλὰς δ' ὁ τύραννος τῆς Σικελίας.

[61] Lysias, Orat. Frag. l. c. Θαυμάζω δὲ Λακεδαιμονίους πάντων μάλιστα, τίνοι ποτε γνώμη χρώμενοι, καιομένην τὴν Ἑλλάδα περιορῶσιν, ἡγεμόνες ὄντες τῶν Ἑλλήνων, οὐκ ἀδίκως, etc.

Οὐ γὰρ ἀλλοτρίας δεῖ τὰς τῶν ἀπολωλότων συμφορὰς νομίζειν ἄλλ' οἰκείας- οὐδ' ἀναμεῖναι, ἕως ἂν ἐπ' αὐτοὺς ἡμᾶς αἱ δυνάμεις ἀμφοτέρων ἔλθωσιν, ἀλλ' ἕως ἔτι ἕξεσσι, τὴν τούτων ὕβριν κωλύσαι.

Я привожу в тексте основные моменты того, что осталось от этого рассуждения Лисия, не ограничиваясь словами.

[62] Diodor. xv. 23. οἱ μέγιστοι τῶν τότε δυναστῶν, etc.

[63] Diodor. xv. 13.

[64] Исократ использует аналогичные выражения, как о разрушительных завоеваниях Дионисия, так и о прошлых страданиях и нынешней опасности Эллады, в своем Orat. IV. (Панегирик.), написанном около 380 г. до н. э. и (что вполне вероятно) читавшемся на олимпийском празднике того года (s. 197). ἴσως δ' ἂν καὶ τῆς ἐμῆς εὐηθείας πολλοὶ καταγελάσειαν, εἰ δυστυχίας ἀνδρῶν ὀδυροίμην ἐν τοιοῦτοις καιροῖς, ἐν οἷς Ἰταλία μὲν ἀνάστατος γέγονε, Σικελία δὲ καταδεδούλωται (ср. с. 145), τοσαῦται δὲ πόλεις τοῖς βαρβάροις ἐκδέδονται, τὰ δὲ λοιπὰ μέρη τῶν Ἑλλήνων ἐν τοῖς μεγίστοις κινδύνοις ἐστίν.

Исократ обратился с письмом к старцу Дионисию. Он кратко упоминает о нем в своем Orat. ad Philippum (Orat. v. s. 93) в выражениях, которые, по-видимому, указывают на то, что оно было смело и ясно сказано (θρασύτερον τῶν ἄλλων). Первое письмо из десяти, приписываемых Исократу, называется письмом к Дионисию; но, судя по последним словам, это скорее предисловие к последующему письму. В нынешнем виде из него нельзя сделать ничего определенного".

[65] Strabo, v. p. 212.

[66] Dionys. Hal. p. 519. Jud. de Lysiâ. Ἐστὶ δὴ τις αὐτῷ πανηγυρικὸς λόγος, ἐν ᾧ πείθει τοὺς Ἕλληνας ... ἐκβάλλειν Διονύσιον τὸν τύραννον τῆς ἀρχῆς, καὶ Σικελίαν ἐλευθερῶσαι, ἄρξασθαι τε τῆς ἐχθρᾶς αὐτίκα μάλα, διαρπάσαντας τὴν τοῦ τυράννου σκηνὴν χρυσῷ τε καὶ πορφύρᾳ καὶ ἄλλῳ πλούτῳ πολλῷ κεκοσμημένην, etc.

Diodor. xiv. 109. Λυσίας ... προετρέπετο τὰ πλήθη μὴ προσδέχεσθαι τοῖς ἱεροῖς ἀγῶσι τοὺς ἐξ ἄσεβεστάτης τυραννίδος ἀπεσταλμένους θεωρούς.

Сравните Плутарх Vit. x. Orator, p. 836 D.

[67] Diodor. xiv. 109. ὥστε τινὰς τολμῆσαι διαρπάζειν τὰς σκηνάς.

[68] Diodor. xiv. 109.

[69] Diodor. xiv. 109.

[70] Diodor. xv. 7. Ὁ δὲ Διονύσιος, ἀκούσας τὴν τῶν ποιημάτων καταφρόνησιν, ἐνέπεσεν εἰς ὑπερβολὴν λύπης. Αἰεὶ δὲ μᾶλλον τοῦ πάθους ἐπίτασιν λαμβάνοντος, μανιωδῆς διάθεσις κάτεσχε τὴν ψυχὴν αὐτοῦ, καὶ φθονεῖν αὐτῷ φάσκων ἅπαντας, τοὺς φίλους ὑπώπτευσεν ὥς ἐπιβουλεύοντας- καὶ πέρας, ἐπὶ τοσοῦτο προῆλθε λύπης καὶ παρακοπῆς, ὥστε τῶν φίλων πολλοὺς μὲν ἐπὶ ψευδέσιν αἰτίαις ἀνελεῖν, οὐκ ὀλίγους δὲ καὶ ἐφυγάδευσεν- ἐν οἷς ἦν Φίλιστος καὶ Λεπτίνης ὁ ἀδελφός, и т.д.

[71] Об изгнании и возвращении Филиста и Лептинеса см. Diodor. xv. 7 и Plutarch, Dion. c. 11. Возможно, именно по этому случаю Поликсен, шурин Дионисия, обратился в бегство как единственное средство сохранить свою жизнь (Плутарх, Дион. с. 21).

Плутарх упоминает инцидент, который оскорбил Дионисия и стал причиной изгнания Филиста и Лептинеса. Диодор не замечает этого инцидента, но это не противоречит его повествованию. Плутарх не упоминает об изгнании Лептинеса, а только Филиста.

С другой стороны, он утверждает (как и Непос, Dion. c. 3), что Филист вернулся только после смерти старшего Дионисия, в то время как Диодор говорит о его возвращении вместе с Лептинесом, не указывая на разницу во времени. Здесь я придерживаюсь утверждения Плутарха как более вероятного.

Однако есть один момент, который вызывает недоумение. Плутарх (Тимолон, с. 15) ссылается на отрывок из истории Филиста, где тот с пафосом, который Плутарх считает детским и чрезмерным, описывает меланхоличное состояние дочерей Лептинеса, "которые из великолепия двора попали в бедное и жалкое состояние". Как это согласуется с тем фактом, о котором говорит Диодор, что Лептинес через некоторое время был отозван Дионисием из изгнания, снова принят и получил командование в битве при Крониуме, где и был убит? Трудно поверить, что Филист мог бы с таким сочувствием рассказывать о лишениях, выпавших на долю дочерей Лептинеса, если бы изгнание отца длилось недолго.

[72] В одной из предыдущих глав этой истории (т. X. гл. LXXVII. с. 75) я уже привел основания, вытекающие из обстоятельств Центральной Греции и Персии, для отнесения только что замеченной речи Лисия к Олимпиаде 99 или 384 г. до н. э. Здесь я добавляю некоторые дополнительные причины, вытекающие из того, что говорится о Дионисии, для того же заключения.

В xiv. 109 Диодор описывает события 388 года до н. э., года Олимпиады 98, когда Дионисий все еще вел войну в Италии, осаждая Регий. Он говорит, что Дионисий приложил беспрецедентные усилия, чтобы отправить на этот фестиваль великолепную демонстрацию;

великолепное представительство с богато украшенными палатками, несколькими прекрасными колесницами и четверками, а также поэмы, которые должны были декламировать лучшие актеры. Он утверждает, что оратор Лисий произнес против него сильную инвективу, побудив тех, кто ее услышал, исключить сиракузского деспота из числа жертвователей и разграбить богатые шатры. Затем он подробно описывает, как цели Дионисия потерпели неудачу по всем пунктам; прекрасные шатры были атакованы, колесницы все бежали неправильно или были сломаны, стихи шипели, корабли, возвращавшиеся в Сиракузы, потерпели крушение и т. д. Однако, несмотря на такое количество несчастий (рассказывает он), Дионисий был полностью успокоен своими льстецами (которые говорили ему, что такая зависть всегда следует за величием) и не прекращал поэтических усилий.

И снова, в хв. 6, 7, Диодор описывает события 386 года до нашей эры. Здесь он снова рассказывает, что Дионисий, упорно занимаясь поэзией, сочинял стихи, которые были очень безразличны, что он гневался и наказывал Филоксена и других, кто их свободно критиковал, что он послал некоторые из этих сочинений для декламации на Олимпийском фестивале, что, несмотря на все эти преимущества, стихи были презираемы и осмеяны олимпийской публикой, что Дионисий был подавлен этим отпором, вплоть до мучений и безумия, а также различными суровостями и жестокостями по отношению к своим друзьям, о которых уже говорилось в моем тексте.

Теперь мы должны отметить следующее.

1. 386 год до н. э. не является олимпийским годом. Соответственно, действия, описанные Диодором в хв. 6, 7, совершенные Дионисием после того, как его руки были свободны от войны, должны быть перенесены на следующий олимпийский год, 384 г. до н. э. Год, в который Дионисий был так глубоко потрясен событиями в Олимпии, должен быть, следовательно, 384 г. до н. э. или Олимпиадой 99 (относящейся к 388 г. до н. э.).

2. Сравните Диодор. хiv. 109 и хв. 7. В первом отрывке Дионисий представлен как человек, приложивший огромные усилия, чтобы показать себя в Олимпии во всех отношениях, с прекрасными палатками, колесницами, стихами и т. д., а также как человек, подвергшийся оскорблению со стороны оратора Лисия и потерпевший позорный провал во всех отношениях. Однако все это он, по описанию, переносил с терпимым хладнокровием, успокаиваемый своими льстецами. Но в хв. 7 (относящемся к 386 г. до н. э. или, скорее, к 384 г. до н. э.) он представлен просто как неудачник в отношении эффекта своих стихов; ничего не говорится ни о демонстрации любого другого рода, ни о проповеди Лисия, ни об оскорблении посланников или палаток. Однако утверждается, что простой отказ от стихов в этом случае поверг Дионисия в пароксизм печали и безумия.

Если Диодор терпеливо переносит оскорбительное обращение, которое относится к 388 году до н. э., то как мы можем поверить, что его свела с ума куда менее поразительная неудача в 384 году до н. э.? Разумеется, яростная инвектива Лисия и глубокое унижение Дионисия - части одного и того же олимпийского феномена; первое - как причина или существенная часть причины, второе - как следствие. Тогда факты будут читаться последовательно и гармонично. В том виде, в каком они сейчас представлены у Диодора, нет рационального объяснения ужасным страданиям Дионисия, описанным в хв. 7; они выглядят как комическое преувеличение реальности.

3. Опять же, огромные усилия и расходы, которые Диодор утверждает, что Дионисий предпринял в 388 году до н. э. для показа на Олимпийских играх, приходятся как раз на то время, когда Дионисий, находясь в середине своей италийской войны, вряд ли мог иметь

досуг или средства, чтобы посвятить так много на другую цель; тогда как на следующем Олимпийском фестивале, или в 384 году до н. э., он был свободен от войны, и ничто не могло отвлечь его от подготовки с большими усилиями всех средств для олимпийского успеха.

Мне кажется, что факты, изложенные Диодором, почти все верны, но он неправильно датировал их, отнеся к 388 году до н. э., или Olymp. 98 - то, что правильно отнести к 384 г. до н. э., или Olymp. 99. Очень может быть, что Дионисий отправил одну или несколько колесниц на первую из двух Олимпиад; но его грандиозные усилия и оскорбительная неудача, частично вызванная Лисиасом, относятся ко второй.

Дионисий Галикарнасский, которому мы обязаны цитатой из оратории Лисия, не уточняет, к какой из Олимпиад она относится.

[73] Diodor. xv. 7. διὸ καὶ ποιήματα γράφειν ὑπεστήσατο μετὰ πολλῆς σπουδῆς, καὶ τοὺς ἐν τούτοις δόξαν ἔχοντας μετεπέμπετο, καὶ προτιμῶν αὐτοὺς συνδιέτριβε, καὶ τῶν ποιημάτων ἐπιστάτας καὶ διορθωτὰς εἶχεν.

Сиракузский историк Атанис (или Афинис) обратил внимание на некоторые своеобразные фразы, встречающиеся в стихах Дионисия: см. Athenæus, iii. p. 98.

[74] Thucyd. vi. 16. Οἱ γὰρ Ἕλληνες καὶ ὑπὲρ δύναμιν μείζω ἡμῶν τὴν πόλιν ἐνόμισαν, τῷ ἐμῷ διαπρεπεῖ τῆς Ὀλυμπιάζε θεωρίας (речь Алкивиада).

[75] См. поразительный отрывок из "Архидама" (Or. vi. s. 111, 112) Исократа, в котором спартанцев заставляют остро почувствовать свое изменившееся положение после поражения при Лейктре: особенно невыносимую боль от того, что, посещая Олимпийский фестиваль, они сталкивались с поношением или пренебрежением со стороны зрителей, ожесточенных открытыми насмешками со стороны восстановленных мессенцев, вместо почета и почтения, которых они привыкли ожидать.

Это может помочь нам составить некоторое представление о болезненных чувствах Дионисия, когда его посланники вернулись с олимпийского фестиваля 384 года до н. э.

[76] Существуют различные утверждения о точном годе рождения Платона: см. Diogenes Laert. iii. 1-6. Счета колеблются между 429 и 428 годами до н. э.; а Гермодор (ap. Diog. L. iii. 6), похоже, поместил его в 427 год до н. э.: см. Corsini, Fast. Attic. iii. p. 230; Ast. Platon's Leben, p. 14.

Платон (Epistol. vii. p. 324) утверждает, что ему было около (σχεδόν) сорока лет, когда он впервые посетил Сицилию. Если принять за дату его рождения 428 год до н. э., то в 388 году до н. э. ему было бы сорок лет.

Кажется невероятным, что беседа Платона с Дионом в Сиракузах (которая продолжалась достаточно долго, чтобы оказать заметное и постоянное влияние на характер последнего) и его интервью с Дионисием должны были состояться, когда Дионисий вел итальяскую войну или осаждал Региум. Я думаю, что дата беседы должна быть установлена после взятия Региума в 387 году до н. э. А выражение Платона (приведенное в письме, написанном более чем через тридцать лет после этого) о его собственном возрасте не следует воспринимать как исключаящее предположение, что ему мог быть сорок один или сорок два года, когда он приехал в Сиракузы.

Афиней (xi. p. 507) упоминает о визите Платона.

[77] Плутарх, Дион. с. 5.

[78] Плутарх, Дион, с. 5; Диодор. xv. 7; Диоген. Laert. iii. 17; Cornelius Nepos, Dion, с. 2.

[79] Diodor. xiv. 6.3. По всей видимости, именно при строительстве этих обширных укреплений Дионисий разрушил часовню, возведенную сиракузянами в честь Диоклеса (Diodor. xiii. 635).

Серра ди Фалько (Antichità di Sicilia, vol. iv. p. 107) считает, что Дионисий построил только северную стену на скале Эпиполе, а не южную. Эта последняя (по его мнению) была построена только во времена Иеронима II.

В этом вопросе я с ним не согласен. Отрывок, на который ссылается Диодор, на мой взгляд, является достаточным доказательством того, что старший Дионисий построил и южную стену Эпиполя, и укрепления Неаполя. Тот же вывод следует и из того, что мы читаем о последующих действиях Диона и Тимолеона.

[80] Diodor. xv. 13.

[81] См. Платон, Epist. vii. p. 333, 336 - а также некоторые поразительные строки, адресованные поэтом Феокритом Иерону II, деспоту Сиракуз в следующем веке: Theokrit. xvi. 75-85.

Dionysius-ἐζήτει λαβεῖν πρόφασιν εὐλόγον τοῦ πολέμου, etc.

[82] Diodor. xv. 15.

[83] Diodor. xv. 15.

[84] Diodor. xv. 16, 17.

[85] Diodor. xv. 17.

[86] Plato, Epistol. vii. p. 333 A. После перечисления советов, которые Дион и он сам дали Дионисию младшему, он продолжает говорить-ἔτοιμον γὰρ εἶναι, τούτων γενομένων, πολὺ μᾶλλον δουλώσασθαι Καρχηδονίους τῆς ἐπὶ Γέλωνος αὐτοῖς γενομένης δουλείας, ἀλλ' οὐχ, ὥσπερ νῦν τοῦναντίον, ὁ πατήρ αὐτοῦ φόρον ἐτάξατο φέρειν τοῖς βαρβάροις, etc.

[87] Diodor. xv. 24.

[88] Strabo, vi. p. 261; Pliny, H. N. iii. 10. Последний называет перешеек шириной в двадцать миль и говорит, что Дионисий хотел (intercisam) прорезать его насквозь: Страбон говорит, что он предлагал перегородить его стеной (διατειχίζειν), что более вероятно.

[89] Xenoph. Hellen. vi. 2, 4, 33; vii i. 20-28. Diodor. xv. 70.

[90] Diodor. xxii. p. 304.

[91] Diodor. xv. 73; xvi. 5.

[92] Diodor. xv. 74.

[93] Плутарх, Тимолеон, с. 15.

[94] Polyb. xv. 35. Διὸ καὶ Πόπλιον Σκιπίωνά φασι, τὸν πρῶτον καταπολεμήσαντα Καρχηδονίους, ἐρωτηθέντα, τίνας ὑπολαμβάνει πραγματικωτάτους ἄνδρας γεγονέναι καὶ σὺν νῶι τολμηροτάτους, εἰπεῖν, τοὺς περὶ Ἀγαθοκλέα καὶ Διονύσιον τοὺς Σικελιώτας.

[95] Плутарх, Дион, с. 7.

[96] Пример Дионисия - его долгая успешная карьера и спокойная смерть - является одним из тех, которые Котта приводит у Цицерона (De Nat. Deor. iii. 33, 81, 85) для опровержения доктрины Бальбуса о провидении богов и их моральном управлении человеческими делами.

[97] Isokratês, Or. v. (Philipp.) s. 73. Διονύσιος ... ἐπιθυμήσας μοναρχίας ἀλόγως καὶ μανικῶς, καὶ τολμήσας ἅπαντα πράττειν τὰ φέροντα πρὸς τὴν δύναμιν ταύτην, etc.

[98] Thucyd. vi. 55. ἀλλὰ καὶ διὰ τὸ πρότερον ξύνηθες, τοῖς μὲν πολίταις φοβερὸν, τοῖς δὲ ἐπικούροις ἀκριβὲς, πολλῶ τῷ περιόντι τοῦ ἀσφαλοῦς ἐκράτησε (Гиппиас).

О либеральности старшего Дионисия по отношению к своим наемникам см. упоминание в Платоне, Epistol. vii. p. 348 A.

Расширение и усовершенствование двигателей для военных целей при Дионисии было отмечено как своего рода эпоха (Athenæus, De Machinis ap. Mathemat. Veteres, ed. Paris, p. 3).

[99] Cornelius Nepos, De Regibus, c. 2. "Dionysius prior, et manu fortis, et belli peritus fuit, et, id quod in tyranno non facile reperitur, minime libidinosus, non luxuriosus, non avarus, nullius rei denique cupidus, nisi singularis perpetuique imperii, ob eamque rem crudelis. Nam dum id studuit munire, nullius pepercit vitæ, quem ejus insidiatorem putaret." С той же целью Цицерон, Tusc. Disp. v. 20.

[100] Aristotel. Politic. v. 9, 5.

[101] Pseudo-Aristotel. Œconomic. ii. c. 21, 42; Cicero, De Nat. Deorum, iii. 34, 83, 84; Valerius Maxim. i. 1.

[102] Plutarch, Dion, c. 28; Plutarch, De Curiositate, p. 523 A; Aristotel. Politic. v. 9, 3. Названия этих шпионов -αἱ πτοαγωγίδες καλούμεναι - как мы читаем у Аристотеля; или οἱ πτοαγωγεῖς - как мы находим у Плутарха - возможно, оба правильные.

[103] Cicero in Verrem, v. 55, 143.

[104] Plutarch, De Fortunâ Alexandr. Magni, p. 338 B. Каковы были преступления Дионисия, которые Павсаний читал и описывал общими словами Διονυσίου τὰ ἀνοσιώτατα и которые он обвиняет Филиста в том, что тот намеренно опустил в своей истории, мы теперь не можем сказать (Pausan. i. 13, 2: ср. Plutarch, Dion, c. 36). Автор по имени Аминтиан, современник Павсания и один из тех, кого цитирует Фотий (Кодекс 131), написал параллельные жизни Дионисия и императора Домициана.

[105] Plato, Epistol. vii. p. 332 A; Aristotel. Politic. v. 5, 6.

[106] Plato, Epistol. vii. p. 332 D. Διονύσιος δὲ εἰς μίαν πόλιν ἄθροίσας πᾶσαν Σικελίαν ὑπὸ σοφίας, πιστεύων οὐδενὶ, μόγις ἐσώθη и т. д.

Это краткое, но многозначительное выражение Платона свидетельствует о чрезмерном недоверии, которое преследовало Дионисия, как об общем факте; что иллюстрируется анекдотами Цицерона, Tuscul. Disput. v. 20, 23; и De Officiis, ii. 7; Плутарх, Дион, с. 9; Диодор. xiv. 2.

Известный анекдот о Дамокласе и мече, который Дионисий подвесил над его головой на конском волосе в разгар пира, как иллюстрация того, как мало ценится величие в разгар ужаса, пересказан Цицероном.

[107] Плутарх, Дион, с. 3; Плутарх, Тимолеон, с. 6.

[108] Это настроение, выраженное Платоном, Исократом, Цицероном, Сенекой, Плутархом и т. д., нигде не выражено с такой силой, как в диалоге Ксенофонта под названием "Иеро", в котором оно, собственно, и составляет текст и тему. Тот, кто прочтет эту картину положения греческого τύραννος, увидит, что вряд ли человек, занимающий такое положение, мог быть иным, кроме как жестоким и деспотичным правителем".

[109] См. цитату из Платона в примечании, непосредственно предшествующем этому.

[110] Plato, Epistol. iii. p. 315 E. (к младшему Дионисию). Φασὶ δ' οὐκ ὀλίγοι λέγειν σε πρὸς τινὰς τῶν παρὰ σε πρεσβευόντων, ὡς ἄρα σοῦ ποτὲ λέγοντος ἀκούσας ἐγὼ μέλλοντος τὰς τε Ἑλληνίδας πόλεις ἐν Σικελίᾳ οἰκίζειν, καὶ Συρακουσίους ἐπικουφίσαι, τὴν ἀρχὴν ἀντὶ τυραννίδος εἰς βασιλείαν μεταστήσαντα, ταῦτ' ἄρα σὲ μὲν τότε διεκώλυσα, σοῦ σφόδρα προθυμουμένου, νῦν δὲ Δίωνα διδάσκοιμι ὁρᾶν αὐτὰ ταῦτα, καὶ τοῖς διανοήμασι τοῖς σοῖς τὴν σὴν ἀρχὴν ἀφαιρούμεθά σε.

Ibid. p. 319 C. Μὴ με διάβαλλε λέγων, ὡς οὐκ εἶων σε πόλεις Ἑλληνίδας ἐρρόουσας ὑπὸ βαρβάρων οἰκίζειν, οὐδὲ Συρακουσίους ἐπικουφίσαι ... ὡς ἐγὼ μὲν ἐκέλευον, σὺ δ' οὐκ ἤθελες πράττειν αὐτά.

См. также Epistol. vii. p. 331 F. 332 B. 334 D. 336 A.-D.- и краткое сообщение Фотия (Codex, 93) об утраченных исторических трудах Арриана, касающихся Диона и Тимолеона.

Epistol. viii. p. 357 A. (Что намеревался сделать Дион, если бы ему не помешала смерть) - Καὶ μετὰ ταῦτα Σικελίαν ἂν τὴν ἄλλην κατώκισα, τοὺς μὲν βαρβάρους ἦν νῦν ἔχουσιν ἀφελόμενος, ὅσοι μὴ ὑπὲρ τῆς κοινῆς ἐλευθερίας διεπολέμησαν πρὸς τὴν τυραννίδα, τοὺς δ' ἔμπροσθεν οἰκητὰς τῶν Ἑλληνικῶν τόπων εἰς τὰς ἀρχαίας καὶ πατρῶας οἰκῆσεις κατοικίσας. Сравните Плутарх, Тимолеон, с. 2. αἱ δὲ πλεῖσται πόλεις ὑπὸ βαρβάρων μισθῶν καὶ στρατιωτῶν ἀμίσθων κατεῖχοντο.

βάρβαροι, на которых Платон ссылается в этом последнем отрывке, - это не карфагеняне (от которых нельзя было ожидать, что они придут и будут сражаться ради свержения деспотии в Сиракузах), а кампанцы и другие наемники, которых старший Дионисий обеспечивал на землях отторгнутых греков. Эти люди были бы наиболее заинтересованы в поддержании деспотии, если бы с ней было связано сохранение их собственных владений. Дион считал благоразумным примирить эту мощную силу, пообещав подтверждение их собственности тем из них, кто выступит на стороне свободы.

[И Диодор (xvi. 9), и Корнелий Непос (Dion, с. 5) говорят о ста тысячах пеших и десяти тысячах конных. Первый говорит о четырехстах военных кораблях, второй - о пятистах.

Численность пеших и конных явно преувеличена. Оба автора, должно быть, копировали с одного и того же оригинала, возможно, Эфора.

[112] Плутарх, Дион, с. 6; Теопомп, Fr. 204, ed. Didot. ap. Athenæum, x. p. 435; Diodor. xvi. 6; Cornel. Непос (Dion, с. 1).

Схолиаст на четвертое Послание Платона приводит сведения о личных отношениях и браках старшего Дионисия, не вполне согласующиеся с тем, что говорится в шестой главе "Жизни Диона" Плутарха.

[113] Плутарх, Дион, с. 3. Возраст младшего Дионисия нигде точно не указан. Но в 356 г. до н. э. - или в 355 г. до н. э., самое позднее, - у него родился сын Аполлократес, достаточно взрослый, чтобы ему доверили командование Ортыгией, когда он сам впервые эвакуировал ее (Плутарх, Дион, с. 37). Мы не можем предположить, что Аполлократесу было меньше

шестнадцать лет в тот момент, когда ему доверили такую функцию, ведь у него под началом были его мать и сестры (с. 50). Таким образом, Аполлократес должен был родиться по крайней мере в 372 году до н. э.; возможно, даже раньше. Предположим, что Дионисию младшему было двадцать лет, когда родился Аполлократес; таким образом, в начале 367 года до н. э., когда умер Дионисий старший, ему шел двадцать пятый год. Выражения Платона о молодости Дионисия младшего в этот период не являются неподходящими для такого возраста.

[114] Aristotel. Polit. v. 5, 6.

[115] Plato Epistol. vii. p. 347 A. Сравните предложение Диона содержать пятьдесят трирем за свой счет (Plutarch, Dion, с. 6.)

[116] Диону было пятьдесят пять лет на момент смерти, на четвертый год после его отъезда из Пелопоннеса (Cornelius Nepos, Dion, с. 10).

Его смерть произошла, по-видимому, около 354 г. до н. э. Таким образом, он родился около 408 г. до н. э.

[117] Plato, Epistol. vii. p. 326 D. ἐλθόντα δέ με ὁ ταύτη λεγόμενος αὖ βίος εὐδαίμων, Ἰταλιωτικῶν τε καὶ Συρακουσίων траπεζῶν πλήρης, οὐδαμῇ οὐδαμῶς ἤρεσκε, δὶς τε τῆς ἡμέρας ἐμπιπλάμενον ζῆν καὶ μηδέποτε κοιμώμενον μόνον νύκτωρ, etc.

[118] Cicero, De Finibus, v. 20; De Republic. i. 10. Ямблих (Vit. Pythagoræ, с. 199) называет Диона членом пифагорейского братства, в чем можно сомневаться; но его утверждение, что Дион приобрел для Платона, хотя и за большую цену (сто мин), книгу, написанную пифагорейцем Филолаем, кажется неправдоподобным. Древние пифагорейцы ничего не писали. Филолай (по-видимому, примерно современник Сократа) был первым пифагорейцем, оставившим письменные воспоминания. В то, что эта книга могла быть получена только благодаря вмешательству влиятельного сиракузянина, да и то лишь за большую цену, легко поверить.

См. поучительную диссертацию Группе "О фрагментах Архита и других пифагорейцев", стр. 24, 26, 48 и т. д.

[119] См. замечательный отрывок, Plato, Epist. vii p. 328 F.

[120] Plato, Epistol. vii. p. 335 F. Δίωνα γὰρ ἐγὼ σαφῶς οἶδα, ὡς οἶόν τε περὶ ἀνθρώπων ἄνθρωπον δι᾽ οὐχί εἶναι, ὅτι τὴν ἀρχὴν εἰ κατέσχευεν, ὡς οὐκ ἂν ποτε ἐπ' ἄλλο γε σχῆμα τῆς ἀρχῆς ἐτρέπετο, ἢ ἐπὶ τὸν Συρακούσας μὲν πρῶτον, τὴν πατρίδα τὴν ἑαυτοῦ, ἐπεὶ τὴν δουλείαν αὐτῆς ἀπήλλαξε καὶ φαιδρύνας ἐλευθερίῳ ἐν σχήματι κατέστησε, τὸ μετὰ τοῦτ' ἂν πάσῃ μηχανῇ ἐκόσμησε νόμοις τοῖς προσήκουσί τε καὶ ἀρίστοις τοὺς πολίτας-τό τε ἐφεξῆς τοῦτοις προθυμεῖτ' ἂν πράξειν, πᾶσαν Σικελίαν κατοικίσειν καὶ ἐλευθέραν ἀπὸ τῶν βαρβάρων ποιεῖν, τοὺς μὲν ἐκβάλλων, τοὺς δὲ χειρούμενος ῥᾶον Ἰέρωνος, etc.

Сравните начало того же послания, p. 324 A.

[121] Plato, Epist. iv. p. 320 F. (адресовано Диону). ... ὡς οὖν ὑπὸ πάντων ὁρώμενος παρασκευάζου τὸν τε Λυκοῦργον ἐκείνον ἀρχαῖον ἀποδείξων, καὶ τὸν Κῦρον καὶ εἴτις ἄλλος πώποτε ἔδοξεν ἦθαι καὶ πολιτεία διενεγκεῖν, etc.

[122] Плутарх, Клеомены, с. 2-11.

[123] Plato, Epistol. vii. p. 327 A. Δίων μὲν γὰρ δὴ μάλ' εὐμαθὴς ὢν πρὸς τε τᾶλλα, καὶ πρὸς τοὺς τότε ὑπ' ἐμοῦ λεγομένους λόγους, οὕτως ὀξέως ὑπήκουσε καὶ σφόδρα, ὡς οὐδεὶς πώποτε ὢν

ἐγὼ προσέτυχον νέων, καὶ τὸν ἐπίλοιπον βίον ζῆν ἠθέλησε διαφερόντως τῶν πολλῶν Ἰταλιωτῶν καὶ Σικελιωτῶν, ἀρετὴν περὶ πλείονος ἡδονῆς τῆς τε ἄλλης τρυφῆς ποιούμενος- ὅθεν ἐπαχθέστερον τοῖς περὶ τὰ τυραννικὰ νόμιμα ζῶσιν ἐβίω, μέχρι τοῦ θανάτου τοῦ περὶ Διονύσιον γενομένου.

Плутарх, Дион, с. 4. ὡς πρῶτον ἐγεύσατο λόγου καὶ φιλοσοφίας ἡγεμονικῆς πρὸς ἀρετὴν, ἀνεφλέχθη τὴν ψυχὴν, etc.

[124] См. рассказ Ямблиха (Vit. Pythagoræ, с. 189) о роте сиракузских войск под командованием Эвримена, брата Диона, посланных в засаду для некоторых пифагорейцев между Тарентумом и Метапонтом. Эта история не отличается правдивостью, но положение дел, которое она предполагает, иллюстрирует отношения между Дионисием и городами в Тарентском заливе.

[125] Плутарх, Дион, с. 5, 6; Корнелий Непос, Дион, с. 1, 2.

[126] Плутарх, Дион, с. 17, 49. О редкости голосования за спартанское гражданство см. примечательный отрывок Геродота, ix. 33-35.

Плутарх утверждает, что спартанцы проголосовали за гражданство Диона во время его изгнания, когда он находился в Пелопоннесе после 367 года до н. э., враждуя с младшим Дионисием, тогдашним деспотом Сиракуз; которого (по словам Плутарха) спартанцы рискнули обидеть, чтобы продемонстрировать свое крайнее восхищение Дионом.

Я не могу не думать, что Плутарх ошибается относительно времени предоставления этого гранта. В 367 году до н. э. и после него спартанцы находились в состоянии глубокой депрессии, ведя проигрышную игру с Фивами. Вряд ли можно представить, чтобы они были настолько неосмотрительны, чтобы оттолкнуть ценного союзника ради безвозмездного почитания изгнанника, которого он ненавидел и изгнал. Если же предположить, что голосование было проведено при жизни старшего Дионисия, то оно будет считаться комплиментом как ему, так и Диону, и, таким образом, будет актом политического благоразумия, а также искреннего уважения. Плутарх говорит так, будто предполагает, что Дион никогда не был в Пелопоннесе до момента своего изгнания, что, на мой взгляд, крайне маловероятно.

[127] Cornelius Nepos, Dion, с. 2; Plutarch, Dion, с. 6.

[128] Diodor. xv. 74.

[129] Plato, Epistol. vii. p. 338 E. Ὁ δὲ οὔτε ἄλλως ἐστὶν ἀφυῆς πρὸς τὴν τοῦ μανθάνειν δύναμιν, φιλότιμος δὲ θαυμαστῶς, etc. Сравните p. 330 A. p. 328 B.; также Epist. iii. p. 316 C. p. 317 E.

Плутарх, Дион, с. 7-9.

[130] Plato, Epistol. vii. p. 332 E. ἐπειδὴ τὰ παρὰ τοῦ πατρὸς αὐτῷ συνεβεβήκει οὕτως ἀνομιλήτῳ μὲν παιδείας, ἀνομιλήτῳ δὲ συνουσιῶν τῶν προσηκουσῶν γεγόνεναι, etc.

[131] Плутарх Дион, с. 6.

[132] Плутарх, Дион, с. 7. Ὁ μὲν οὖν Διονύσιος ὑπερφυῶς τὴν μεγαλοψυχίαν ἐθαύμασε καὶ τὴν προθυμίαν ἡγάπησεν.

[133] Дионисий II. был занят войной в то время, когда Платон впервые посетил его в Сиракузах, в течение года сразу после его воцарения (Plato, Epistol. iii. p. 317 A). Мы можем с полным основанием предположить, что это была война с Карфагеном.

Сравните Диодора (xvi. 5), который упоминает, что младший Дионисий также некоторое время вел вялую войну с луканами и основал два города на побережье Апулии в Адриатике. Я считаю вероятным, что эти два последних упомянутых основания были актами Дионисия I, а не Дионисия II. Они вряд ли могли быть предприняты молодым принцем с попятным нравом при его первом воцарении".

[134] Tacitus, Histor. ii. 49. "Othoni sepulcrum exstructum est, modicum, et mansurum".

Человек по имени Тимей был увековечен как строитель погребальной кучи: см. Athenæus, v. p. 206. И Гёллер (Timæi Fragm. 95), и М. Дидо (Timæi Fr. 126) отнесли этот отрывок к историку Тимею и предположили, что он относится к описанию погребальной сваи, данному Тимеем. Но отрывок из "Афиней", как мне кажется, указывает на то, что Тимей *был строителем*, а не *описателем* этой знаменитой пурá.

Именно он, вероятно, имеется в виду в отрывке Цицерона (De Naturâ Deor. iii. 35) - (Дионисий) "in suo lectulo mortuus in *Tympanidis rogam illatus est, eamque potestatem quam ipse per scelus erat nactus, quasi justam et legitimam hereditatis loco filio tradidit.*" Это, по крайней мере, кажется лучшим способом объяснить отрывок, который вызывает недоумение у редакторов: см. примечание Дэвиса.

[135] Плутарх (De Exilio. p. 637) и Корнелий Непос (Dion, c. 3) утверждают, что Филист был отозван по уговорам врагов Диона в качестве противовеса и корректора возвышения последнего над Дионисием младшим. Хотя впоследствии Филист действительно исполнил эту роль, я сомневаюсь, что именно этот мотив послужил причиной его отзыва. Похоже, что он вернулся *до* похорон Дионисия старшего, то есть очень рано после начала нового царствования. Филист описал эти похороны в своей истории настолько подробно и обстоятельно, что этот отрывок его работы вызвал особое внимание античных критиков (см. Филистийский фрагмент 42, изд. Дидо; Плутарх, Пелопидас, с. 34). Смею думать, что это доказывает, что он *присутствовал* на похоронах, что, конечно, произвело бы на него большое впечатление, поскольку они были одним из первых событий, которые он увидел после своего долгого изгнания.

[136] Плутарх, Дион, с. 11. Ταῦτα πολλάκις τοῦ Δίωνος παραινοῦντος, καὶ τῶν λόγων τοῦ Πλάτωνος ἔστιν οὕστινας ὑποσπείροντος, etc.

[137] Plutarch, Dion, c. 10, 11; Plato, Epist. vii. p. 327 C.

[138] Plato, Epist. vii. p. 328 A. p. 335 E.; Plato, Republic, vi. p. 499 C. D.

[139] Plato, Epist. vii. p. 327 E. ... Ὁ δὴ καὶ νῦν εἰ διαπράξαιτο ἐν Διονυσίῳ ὡς ἐπεχείρησε, μεγάλας ἐλπίδας εἶχεν, ἄνευ σφαγῶν καὶ θανάτων καὶ τῶν νῦν γεγονότων κακῶν, βίον ἂν εὐδαίμονα καὶ ἀληθινὸν ἐν πάσῃ τῇ χώρᾳ κατασκευάσαι.

[140] Plato, Epistol. vii. p. 333 B. Ταῦτόν πρὸς Δίωνα Συρακόσιοι τότε ἔπαθον, ὅπερ καὶ Διονύσιος, ὅτε αὐτὸν ἐπεχείρει παιδεύσας καὶ θρέψας βασιλέα τῆς ἀρχῆς ἄξιον, οὕτω κοινωνεῖν αὐτῷ τοῦ βίου παντός.

[141] Plato, Epist. vii. p. 327 E.; Plutarch. Dion, c. 11. ἔσχεν ἔρωσ τὸν Διονύσιον ὁξὺς καὶ περιμανῆς τῶν τε λόγων καὶ τῆς συνουσίας τοῦ Πλάτωνος. Εὐθύς οὖν Ἀθήναζε πολλὰ μὲν ἐφοῖτα γράμματα παρὰ τοῦ Διονυσίου, πολλὰ δ' ἐπισκήψεις τοῦ Δίωνος, ἄλλαι δ' ἐξ Ἑλλάδος παρὰ τῶν Πυθαγορικῶν, etc.

[142] Plato, Epist. vii. p. 328.

[143] Plato, Epistol. vii. p. 328. Ταύτη μὲν τῇ διανοίᾳ καὶ τόλμῃ ἀπῆρα οἴκοθεν, οὐχ ἧ τινὲς ἐδόξαζον, ἀλλ' αἰσχυρόμενος μὲν ἑμαυτὸν τὸ μέγιστον, μὴ δόξαιμί ποτε ἑμαυτῷ παντάπασι λόγος μόνον ἀτεχνῶς εἶναί τις, ἔργου δὲ οὐδενὸς ἂν ποτε ἐκὼν ἀνθάψασθαι, κινδυνεύσειν δὲ προδοῦναι πρῶτον μὲν τὴν Δίῳ ξενίαν ἐν κινδύνοις ὄντως γεγονότος οὐ σμικροῖς- εἴτ' οὖν πάθοι τι, εἴτ' ἐκπεσὼν ὑπὸ Διονυσίου καὶ τῶν ἄλλων ἐχθρῶν ἔλθοι παρ' ἡμᾶς φεύγων, καὶ ἀνέροιτο, εἰπὼν, etc.

[144] Это содержится в словах οὐχ ἧ τινὲς ἐδόξαζον-перед цитированием.

[145] Plato, Epistol. vii. p. 350 E. ταῦτα εἶπον μεμισηκῶς τὴν περὶ Σικελίαν πλάνην καὶ ἀτυχίαν, etc.

Ксенократ, кажется, сопровождал Платона в Сицилию (Diogen. Laert. iv. 2, 1).

[146] Plutarch, De Adulator, et Amici Discrimine, p. 52 C.

[147] Plutarch, Dion, c. 13. Οὐ παύσῃ καταρώμενος ἡμῖν;

[148] Плутарх, Дион, с. 14. Ἐνιοὶ δὲ προσεποιοῦντο δυσχεραίνειν, εἰ πρότερον μὲν Ἀθηναῖοι ναυτικάς καὶ πεζικάς δυνάμεις δεῦρο πλεύσαντες ἀπώλοντο καὶ διεφθάρησαν πρότερον ἢ λαβεῖν Συρακούσας, νυνὶ δὲ δι' ἐνὸς σοφιστοῦ καταλύουσι τὴν Διονυσίου τυραννίδα, и т.д.

Платон здесь назван *софустом* на языке тех, кому он не нравился. Платон, великий авторитет, который всегда цитируется в уничижении лиц, называемых *софустами*, имеет такое же право на это название, как и они, и в равной степени называется так недружелюбными комментаторами. Я обратил особое внимание на этот факт в своей шестьдесят восьмой главе (т. VIII), где попытался показать, что не существует школы, секты или группы лиц, отличающихся единообразием доктрины или практики, правильно называемых *софустами*, и что это название является общим для всех литераторов или учителей, когда о них говорят в недружелюбном духе.

[149] Plato, Epistol. vii. p. 330 B. Ἐγὼ δὲ πάντα ὑπέμενον, τὴν πρώτην διάνοιαν φυλάττων ἥπερ ἀφικόμην, εἶπας εἰς ἐπιθυμίαν ἔλθοι τῆς φιλοσόφου ζωῆς (Dionysius)-ὁ δ' ἐνίκησεν ἀντιτείνων.

[150] Plato, Epistol. vii. p. 332 E. Ἄ δὲ καὶ Διονυσίῳ συνεβουλεύομεν ἐγὼ καὶ Δίῳ, ἐπειδὴ τὰ παρὰ τοῦ πατρὸς αὐτῷ συνεβεβήκει, οὕτως ἀνομιλήτῳ μὲν παιδείας, ἀνομιλήτῳ δὲ συνουσιῶν τῶν προσηκουσῶν γεγονέναι, πρῶτον ἐπὶ ταῦτα ὁρμήσαντα φίλους ἄλλους αὐτῷ τῶν οἰκείων ἅμα καὶ ἡλικιωτῶν καὶ συμφώνους πρὸς ἀρετὴν κτήσασθαι, μάλιστα δὲ αὐτὸν αὐτῷ, τούτου γὰρ αὐτὸν θαυμαστῶς ἐνδεᾶ γεγονέναι- λέγοντες οὐκ ἐναργῶς οὕτως-οὐ γὰρ ἦν ἀσφαλὲς-ὥς οὕτω μὲν πᾶς ἀνὴρ αὐτόν τε καὶ ἐκείνους ὧν ἂν ἡγεμὼν γένηται σώσει, μὴ ταύτῃ δὲ τραπόμενος τάναντία πάντα ἀποτελεῖ- πορευθεὶς δὲ ὥς λέγομεν, καὶ ἑαυτὸν ἔμφρονα καὶ σώφρονα ποιησάμενος, εἰ τὰς ἐξηρημωμένας Σικελίας πόλεις κατοικήσειε νόμοις τε ξυνδῆσειε καὶ πολιτείαις и др.

Сравните также p. 331 F.

[151] Horat. Satir. ii. 1, 17.

"Haud mihi deero

Cum res ipsa feret. Nisi dextro tempore, Flacci

Verba per attentam non ibunt Cæsaris aurem.

Cui male si palpere, recalcitrat undique tutus."

[152] Plato, Epist. iii. 315 E. Φάσι δὲ οὐκ ὀλίγοι λέγειν σε πρὸς τινὰς τῶν παρὰ σε πρεσβευόντων, ὡς ἄρα σοῦ ποτὲ λέγοντος ἀκούσας ἐγὼ μέλλοντος τάς τε Ἑλληνίδας πόλεις ἐν Σικελίᾳ οἰκίζειν, καὶ Συρακουσίους ἐπικουφίσει, τὴν ἀρχὴν ἀντὶ τυραννίδος εἰς βασιλείαν μεταστήσαντα, ταῦτ' ἄρα σὲ μὲν τότε, ὡς σὺ φῆς, διεκώλυσσας· νῦν δὲ Δίωνα διδάσκοιμι δρᾶν αὐτὰ, καὶ τοῖς διανοήμασι τοῖς σοῖς τὴν σὴν ἀρχὴν ἀφαιρούμεθά σε....

Ibid. p. 319 B. εἴπερ δὲ καὶ μάλ' ἀπλάστως γελῶν, εἰ μέμνημαι, ὡς Παιδευθέντα με ἐκέλευες ποιεῖν πάντα ταῦτα, ἢ μὴ ποιεῖν. Ἔφην ἐγὼ Κάλλιστα μνημονεῦσαί σε.

Корнелий Непос (Dion, с. 3) приписывает Платону заслугу, которая полностью принадлежит Диону, в том, что он вдохновил Дионисия на эти идеи.

[153] Plutarch, De Adulator, et Amici Discrimine, p. 52 E. Мы можем противопоставить этому, однако, отрывок в одном из других трактатов Плутарха (Philosophand. cum Principibus, p. 779 *ad finem*), в котором он замечает, что Платон, прибыв в Сицилию с надеждой превратить свои политические доктрины в законы через посредство Дионисия, нашел последнего уже испорченным властью, невосприимчивым к лечению и глухим к наставлениям.

[154] Plato, Phædon, с. 88. p. 89 D. Οὐκοῦν αἰσχρόν; καὶ δῆλον, ὅτι ἄνευ τέχνης τῆς περὶ τὰνθρώπεια ὁ τοιοῦτος χρῆσθαι ἐπιχειρεῖ τοῖς ἀνθρώποις;

Он излагает причины и рост мизантропических склонностей; один из самых ярких отрывков в его диалогах.

[155] Плутарх, Дион, с. 14, Платон, Эпистола. vii. p. 333 C. Ὁ δὲ (Дионисий) τοῖς διαβάλλουσι (ἐπίστευε) καὶ λέγουσιν ὡς ἐπιβουλεύων τῇ τυραννίδι Δίων πράττει πάντα ὅσα ἔπραττεν ἐν τῷ τότε χρόνῳ, ἵνα ὁ μὲν (Dionysius) παιδείᾳ δὴ τὸν νοῦν κληθεὶς ἀμελοῖ τῆς ἀρχῆς ἐπιτρέψας ἐκείνῳ, ὁ δὲ (Dion) σφετερίσαιο, καὶ Διονύσιον ἐκβάλοι ἐκ τῆς ἀρχῆς δόλῳ.

[156] Plato, Epistol. vii. p. 329 C. ἐλθὼν δὲ, οὐ γὰρ δεῖ μηκύνειν, εὖρον στάσεως τὰ περὶ Διονύσιον μεστὰ ξύμπαντα καὶ διαβολῶν πρὸς τὴν τυραννίδα Δίωνος πέρι· ἥμυνον μὲν οὖν καθ' ὅσον ἡδυνάμην, σμικρὰ δ' οἷός τε ἦ, etc.

[157] Эта история встречается у Плутарха (Dion, с. 14), который ссылается на Тимея как на свой авторитет. В основном его подтверждает Платон, Epistol. vii. p. 329 D. μηνὶ δὲ σχεδὸν ἴσως τετάρτῳ Δίωνα Διονύσιος, αἰτιώμενος ἐπιβουλεύειν τῇ τυραννίδι, σμικρὸν εἰς πλοῖον ἐμβιβάσας, ἐξέβαλεν ἀτίμῳς.

Диодор (xvi. 6) утверждает, что Дионисий пытался предать Диона смерти, и тот спасся только бегством. Но предпочтительнее версия Платона и Плутарха.

Юстин (xxi. 1, 2) дает отличный от всех рассказ о правлении и действиях младшего Дионисия. Я не могу представить, каким авторитетом он руководствовался. Он даже не называет имени Диона.

[158] Plato, Epistol. iii. p. 315 F.; Epist. vii. p. 329 D.; p. 340 A. Plutarch, Dion, с. 15.

[159] Plato, Epist. vii. p. 329, 330.

[160] Plato, Epist. vii. p. 338 C.

[161] Plato, Epistol. iii. p. 317 B. C.

[162] Plato, Epist. vii. p. 338-346; Plutarch, Dion, c. 19. Эсхинес, спутник Сократа вместе с Платоном, как говорят, долгое время провел в Сиракузах вместе с Дионисием, пока не был изгнан этим деспотом (Diogen. Laert. ii. 63).

[163] Плутарх, De Fortunâ Alex. Magn. p. 338 В. Δωρίδος ἐκ μητρὸς Φοίβου κοινῶμασι βλαστῶν.

[164] См. отрывок в Plato, Epistol. ii. p. 314 E.

[165] Plato, Epistol. iii. p. 318 A.; vii. p. 346, 347. Плутарх, Дион, с. 15, 16.

[166] Плутарх, Тимолеон, с. 15 - по авторитету Аристоксена.

[167] Plato, Epistol. vii. p. 350 A. В.

[168] Plato, Epistol. vii. p. 350 C. Возвращение Платона и его первая встреча с Дионом, как говорят, произвели большой фурор среди зрителей на фестивале (Diogenes Laert. iii. 25).

Олимпийский фестиваль, о котором здесь идет речь, должен быть (я полагаю) праздником 366 года до н. э.: то же самое говорится и в Epistol. ii. p. 310 D.

[169] Plutarch, Dion, c. 21; Cornel. Nepos, Dion, c. 4.

[170] Плутарх, Дион, с. 17; Athenæus, xi. p. 508. Платон, по-видимому, также получал в Афинах денежную помощь, переведенную Дионисием из Сиракуз, на расходы подобного рода, а также на обеспечение приданого для некоторых бедных племянниц. Дион и Дионисий оба помогали ему (Plato, Epistol. xiii. p. 361).

Автор по имени Онетор утверждал, что Дионисий дал Платону непомерную сумму в восемьдесят талантов; эта история явно преувеличена (Diogenes Laert. iii. 9).

[171] Plato, Epistol. vii. p. 350 F.

[172] Plato, Epistol. vii. p. 350. Это рассказ, который Платон приводит *после* смерти Диона, когда дела приняли катастрофический оборот, о степени его собственного вмешательства в предприятие. Но Дионисий предполагал, что он был более решительным в своей поддержке экспедиции; и письмо Платона, адресованное самому Диону, после победы последнего в Сиракузах, похоже, подтверждает это предположение.

Сравните Epistol. iii. p. 315 E.; iv. p. 320 A.

[173] Плутарх, Дион, с. 22. Впоследствии Эвдем был убит в одной из битв в Сиракузах (Aristotle apud Ciceron. Tusc. Disp. i. 25, 53).

[174] Plutarch, Dion, c. 23-25.

[175] Aristotel. Politic. v. 8, 17.

[176] См. Orat. adv. Leptinem, s. 179. p. 506: ораторская речь, произнесенная примерно через два года после этого; вскоре после победы Диона.

Сравните Диодор. xvi. 9; Плутарх, Тимолеон, с. 2.

[177] Плутарх, Дион, с. 22. Спевсипп из Афин переписывался как с Дионом, так и с Дионисием в Сиракузах; по крайней мере, между ними существовала переписка, которую Диоген Лаэртский считает подлинной (iv. 1, 2, 5).

[178] Plato, Epistol. iii. p. 318 C.

[179] Plato, Epistol. vii. p. 348 B. Οἱ δ' ἐφέροντο εὐθύς πρὸς τὰ τεῖχη, παιῶνά τινα ἀναβοήσαντες βάρβαρον καὶ πολεμικόν- οὗ δὴ περιδεῆς Διονύσιος γένόμενος, etc.

[180] Plato, Epistol. iii. p. 318; vii. p. 348, 349.

[181] Plato, Epist. vii. p. 348 A. ... ἐπεχείρησεν ὀλιγομισθοτέρους ποιεῖν παρὰ τὰ τοῦ πατρὸς ἔθη, etc.

[182] Плутарх, Дион, с. 32; Дiodор. xvi. 6-16.

[183] Aristotel. Politic. v. 8, 14; Plutarch, Dion, с. 7. Эти привычки, вероятно, появились у него после второго отъезда Платона, который не отмечает их в своих письмах.

[184] Плутарх, Дион, с. 23. ἀνὴρ παρηκμακῶς ἤδη и т. д.

[185] Plutarch, Dion, с. 22; Diodor. xvi. 10.

[186] Thucyd. vii. 50. См. том VII этой истории, гл. lx. с. 314.

[187] Плутарх, Дион, с. 24.

[188] Плутарх, Дион, с. 26; Diodor. xvi. 10, 11.

[189] Плутарх, Дион, с. 25.

[190] Thucyd. vi. 104.

[191] Diodor. xvi. 10.

[192] Plutarch, Dion, с. 26, 27; Diodor. xvi. 9.

[193] Плутарх (Дион, с. 27) называет число присоединившихся к нему около пяти тысяч человек, что весьма достоверно. Дiodор преувеличивает это число до двадцати тысяч (xvi. 9).

[194] Плутарх, Дион, с. 27. Эти живописные подробности похода Диона тем более достойны внимания, что Плутарх имел перед собой рассказ Тимонида, спутника Диона и фактически участвовавшего в экспедиции. Тимонид написал отчет о том, что прошло, Спевсиппу в Афинах, несомненно, для сведения Платона и их друзей в Академии (Plutarch, Dion, с. 31-35).

Диоген Лаэртский упоминает также человека по имени *Симонид*, который писал Спевсиппу: τὰς ἱστορίας ἐν αἷς κατατετάχει τὰς πράξεις Δίωνος τε καὶ Βίωνος (iv. 1, 5). Вероятно, *Симонид* может быть ошибочным названием *Тимонида*.

Арриан, автор "Анабасиса" Александра, написал повествования о подвигах Диона и Тимолеона. К сожалению, они не сохранились; более того, сам Фотий, похоже, никогда их не видел (Photius, Codex, 92).

[195] Плутарх, Дион, с. 29. Ἐπεὶ δ' εἰσῆλθεν ὁ Δίων κατὰ τὰς Μεντιίδας πύλας, etc.

Большинство лучших критиков сходятся во мнении, что здесь следует читать τὰς Τεμεντιίδας πύλας. Статуя и священное место Аполлона Теменита были наиболее примечательной особенностью этой части Сиракуз и, естественно, должны были послужить названием для ворот. Фраза Μεντιίδας не может иметь никакого значения.

[196] Плутарх, Дион, с. 27, 28, 29. Диодор (xvi. 10) также упоминает поразительный факт венков, которые носила эта приближающаяся армия.

[197] Plutarch, Dion, с. 27.

[198] Plutarch, De Curiositate, p. 523 A.

[199] Plutarch, Dion. с. 28; Diodor. xvi. 10.

[200] Cicero in Verr. iv. 53. "Altera autem est urbs Syracusis, cui nomen Acradina est: in quâ forum maximum, pulcherrimæ porticus, ornatissimum prytaneum, amplissima est curia, templumque egregium Jovis Olympii; cæteræque urbis partes, *unâ totâ viâ perpetuâ*, multisque transversis, divisæ, privatis ædificiis continentur."

[201] Plutarch, Dion, с. 29; Diodor. xvi. 11. Сравните проявления жителей Скионки по отношению к Брасиду (Thucyd. iv. 121).

[202] Plutarch, Dion, с. 29; Diodor. xvi. 10, 11. Плутарх дает четкое описание положения этого солнечного циферблата, а проповедь, которую произнес Дион, стоя на нем, является впечатляющим фактом: - Ἦν δ' ὑπὸ τὴν ἀκρόπολιν καὶ τὰ πεντάπυλα, Διονυσίου κατασκευάσαντος, ἡλιοτρόπιον καταφανὲς καὶ ὑψηλόν. Ἐπὶ τοῦτω προσβὰς ἐδημηγόρησε, καὶ παρώρμησε τοὺς πολίτας ἀντέχεσθαι τῆς ἐλευθερίας.

Таким образом, солнечные часы находились *под* акрополем, то есть в низине, непосредственно примыкающей к Ортигии; недалеко от того места, где старший Дионисий, как утверждается, разместил свои большие портики и рыночный дом (Diodor. xiv. 7), и где младший Дионисий воздвиг погребальный памятник своему отцу (xv. 74). Чтобы попасть на солнечный циферблат, Дион должен был спуститься с высоты Ахрадины. Теперь Плутарх упоминает, что Дион *поднялся* через Ахрадину (ἀνῆι διὰ τῆς Ἀχραδινῆς). Очевидно, что он должен был снова спуститься из Ахрадины, хотя Плутарх об этом специально не упоминает. И если он привел своих людей под стены вражеского гарнизона, то это вряд ли могло быть по какой-либо другой причине, кроме той, которую я указал в тексте.

Плутарх достаточно четко указывает отдельные населенные пункты, но не дает точного описания всего похода. Так, он говорит, что Дион, "желая сам побеседовать с народом, *отправился вверх* через Ахрадину" (Βουλόμενος δὲ καὶ δι' ἑαυτοῦ προσαγορεύσαι τοὺς ἀνθρώπους, ἀνῆι διὰ τῆς Ἀχραδινῆς), а место, с которого Дион ораторствовал перед народом, находилось *под* акрополем Ортигии.

Диодор еще менее четко определяет местность, ничего не говорит о солнечных часах или точном месте, откуда Дион говорил, хотя и упоминает о походе Диона через Ахрадину.

Кажется вероятным, что то, что Плутарх называет τὰ πεντάπυλα, - это то же самое, что Диодор (xv. 74) указывает словами ταῖς βασιλικαῖς καλουμέναις πύλαις.

[203] Cornelius Nepos, Dion, с. 5.

[204] Plutarch, Dion, с. 29.

[205] Плутарх, Дион, с. 29; Диодор. xvi. 12. Плутарх говорит: τὴν δὲ ἀκρόπολιν ἀπτετείχισε - Диодор более определенно - τῶν δὲ Συρακοσίων κατεσκευακόντων ἐκ θαλάσσης εἰς θάλασσαν διατειχίσματα и т. д. Эти слова ценны тем, что указывают на линию и два конца блокирующей стены Диона.

[206] Плутарх, Дион, с. 29.

[207] Это возвращение Дионисия, через семь дней после прихода Диона, указано и Плутархом, и Диодором (Plutarch, Dion, с. 26-29; Diodor. xvi. 11).

[208] Diodor. xvi. 16.

[209] Плутарх, Дион, с. 30. ἐμπλήσας ἀκράτου. В древности мы редко читаем о подобном обращении с солдатами. Диодор. xvi. 11, 12. τὸ μέγεθος τῶν ἐπαγγελιῶν.

[210] Diodor. xvi. 12. Ὁ δὲ Δίων ἀνελπίστως παρεσπονδημένος, μετὰ τῶν ἀρίστων στρατιωτῶν ἀπῆντα τοῖς πολεμίοις- καὶ συνάψας μάχην, πολὺν ἐποίησε φόνον ἐν σταδίῳ. Ὀλίγῳ δὲ διαστήματι, τῆς διατευχίου ἔσω, μάχης οὕσης, συνέδραμε πλῆθος στρατιωτῶν εἰς στένον τόπον.

Текст здесь не совсем ясен (см. примечание Весселинга); но из этого отрывка мы черпаем сведения о топографии Сиракуз.

[211] Плутарх, Дион, с. 30; Диодор. xvi. 12, 13.

[212] Diodor. xvi. 13.

[213] Diodor. xvi. 16. Плутарх утверждает, что Ираклид взял с собой только семь трирем. Но сила, указанная Диодором (приведенная в моем тексте), кажется более вероятной. Иначе трудно объяснить то количество кораблей, которым располагали сиракузяне. Кроме того, легче объяснить то большое значение, которое приобретает Ираклид в противовес Диону.

[214] Плутарх, Дион, с. 35. Об афинских морях в Ортигии см. примечательный отрывок Платона, Epistol. vii. p. 350 A. Когда Платон был в Сиракузах, подвергаясь опасности от наемников, афинские моряки, работавшие там, предупредили его как своего земляка.

[215] Diodor. xvi. 16.

[216] Diodor. xvi. 16.

[217] См. фрагмент сороковой книги "Филиппики" Феопомпа (Theopomp. Fr. 212, ed. Didot), который, по-видимому, относится к этому моменту времени.

[218] Diodor. xvi. 16; Plutarch, Dion, с. 35.

[219] Plato, Epist. iv. p. 321 B. ... ἐνθυμοῦ δὲ καὶ ὅτι δοκεῖς τισὶν ἐνδεεστέρως τοῦ προσήκοντος θεραπευτικὸς εἶναι- μὴ οὖν λανθανέτω σε ὅτι διὰ τοῦ ἀρέσκειν τοῖς ἀνθρώποις καὶ τὸ πράττειν ἐστίν, ἢ δ' αὐθάδεια ἐρημία ξύνοικος.

[220] Плутарх, Дион, с. 32.

[221] Plutarch, Dion, с. 33. Похоже, что этот Ираклид и есть тот человек, о котором говорится во фрагменте из сороковой книги Филиппик Феопомпа (Theop. Fr. 212, ed. Didot):-.

Προστάται δὲ τῆς πόλεως ἦσαν τῶν μὲν Συρακουσίων Ἀθηνίς καὶ Ἡρακλείδης, τῶν δὲ μισθοφόρων Ἀρχέλαος ὁ Δυμαῖος.

Вероятно, Athênis - это тот же человек, которого Диодор и Плутарх называют *Athanis* или *Athanas* (Diodor. xv. 94; Plutarch, Timoleon, с. 23-37). Он написал историю сиракузских дел в период правления Диона и Тимолеона, начиная с 362 г. до н. э., и продолжил историю Филиста. См. *Historicorum Græc. Fr. ed. Didot, vol. ii. p. 81.*

[222] Plutarch, Dion, с. 31.

[223] Плутарх, Дион, с. 32.

[224] Плутарх, Дион, с. 34.

[225] Плутарх, Дион, с. 37; Diodor. xvi. 17.

[226] Плутарх, Дион, с. 37; Дiodор. xvi. 17.

[227] Плутарх, Дион, с. 38. θέρους μεσοῦντος и т. д.

[228] Плутарх, Дион, с. 38.

[229] Плутарх, Дион, с. 39; Дiodор. xvi. 17.

[230] Плутарх, Дион, с. 40.

[231] Плутарх, Дион, с. 41; Дiodор. xvi. 18, 19.

[232] Плутарх, Дион, с. 45.

[233] Diodor. xvi. 20. διανύσας ὁξέως τὴν εἰς Συρακούσας ὁδὸν, ἦκε πρὸς τὰ Ἑξάπυλα, etc.
Плутарх, Дион, с. 45. εἰσέβαλε διὰ τῶν πυλῶν εἰς τὴν Ἑκατόμπεδον λεγομένην и др.

[234] Плутарх, Дион, с. 45. ὀρθίους λόχους ποιῶν καὶ διαιρῶν τὰς ἡγεμονίας, ὅπως πολλαχόθεν ἄμα προσφέροίτο φοβερώτερον.

[235] Plutarch, Dion, с. 46. παρατεταγμένων παρὰ τὸ τεῖχισμα χαλεπὴν ἔχον καὶ δυσεκβίαστον τὴν πρόσοδον.

Для человека, который, проникнув во внутреннюю часть стены Эпиполя, встал на склоне и посмотрел вниз на восток, внешняя стена Тихи, Ахрадины и Неаполя могла бы показаться одной теῖχισμα; не в одной и той же линии или направлении, но непрерывной от северного до южного края Эпиполя.

[236] Плутарх, Дион, с. 46. Ὡς δὲ προσέμιξαν τοῖς πολεμίοις, ἐν χερσὶ μὲν ὀλίγων πρὸς ὀλίγους ἐγένετο μάχη, διὰ τὴν στενότητα καὶ τὴν ἀνωμαλίαν τοῦ τόπου, etc.

[237] Plutarch, Dion, с. 45, 46; Diodor. xvi. 20.

[238] Плутарх, Дион, с. 47. Ὁ δὲ Δίων παραμυθούμενος αὐτοὺς ἔλεγεν, etc.

[239] Plutarch, Dion, с. 47.

[240] См. т. VIII. Ch. lxiv. p. 165 этой Истории.

[241] Plutarch, Dion, с. 48.

[242] Diodor. xvi. 20.

[243] Плутарх, Дион, с. 48.

[244] Plutarch, Dion, с. 48. καὶ δι' αὐτὴν ἀπορία καὶ σπάνις ἐν ταῖς Συρακούσαις, etc.

[245] Плутарх, Дион, с. 49.

[246] Плутарх, Дион, с. 50.

[247] Плутарх, Дион, с. 50.

[248] Плутарх, Дион, с. 51.

[249] Cornelius Nepos, Dion, c. 5.

[250] Ювенал, Сатир. x. 381.

"Quid illo cive (Marius) tulisset

Imperium in terris, quid Roma beatius unquam,

Si circumducto captivorum agmine, et omni

Bellorum pompâ, animam exhalasset opimam,

Cum de Teutonico vellet descendere curru?"

[251] Plutarch, Dion, c. 52.

[252] Плутарх, Дион, с. 52. Τοῦ μέντοι περὶ τὰς ὁμιλίας ὄγκου καὶ τοῦ πρὸς τὸν δῆμον ἀτενοῦς ἐφίλονεῖκει μηδὲν ὑφελεῖν μηδὲ χαλάσαι, καίτοι τῶν πραγμάτων αὐτῷ χάριτος ἐνδεῶν ὄντων, καὶ Πλάτωνος ἐπιτιμῶντος, etc.

[253] Плутарх, Дион, с. 52.

[254] Plutarch, Dion, c. 53; Plato, Epistol. vii. p. 334, 336; viii. p. 356.

[255] Plato, Epistol. vii. p. 335 F. p. 351 A.; Epistol. viii. p. 357 A.

[256] Plutarch, Dion, c. 53.

[257] Plutarch, Dion. c. 53. "Ἐπεὶτα κατηγορεῖ τοῦ Δίωνος ὅτι τὴν ἄκραν οὐ κατέσκαψε, καὶ τῷ δῆμῳ τὸν Διονυσίου τάφον ὠρμημένῳ λῦσαι καὶ τὸν νεκρὸν ἐκβαλεῖν οὐκ ἐπέτρεψε, etc.

Сравните Плутарх, Тимолеон, с. 22.

[258] Plutarch, Dion, c. 53; Cornelius Nepos, Dion, c. 6.

[259] Cornel. Nepos, Dion, c. 7.

[260] Cornelius Nepos, Dion. c. 7. "Insuetus male audiendi" и т. д.

[261] Плутарх, Дион, с. 56. Ἄλλ' ὁ μὲν Δίων, ἐπὶ τοῖς κατὰ τὸν Ἡρακλείδην ἀχθόμενος, καὶ τὸν φόνον ἐκεῖνον, ὥς τινα τοῦ βίου καὶ τῶν πράξεων αὐτῷ κηλὶδα προκειμένην, δυσχεραίνων ἀεὶ καὶ βαρυνόμενος εἶπεν, ὅτι πολλάκις ἤδη θνήσκειν ἔτοιμός ἐστι καὶ παρέχειν τῷ βουλομένῳ σφάττειν αὐτόν, εἰ ζῆν δεήσει μὴ μόνον τοὺς ἐχθροὺς ἀλλὰ καὶ τοὺς φίλους φυλαττόμενον.

Сравните Плутарх, Аποφthegm. p. 176 F.

[262] Plato, Epistol. vii. p. 333 F.: compare Plutarch. Dion. c. 17, 28, 54.

Афиней, напротив, утверждает, что Каллипп был учеником Платона и одним учеником с Дионом в школе (Athenæus, xi. p. 508).

Заявление Платона вряд ли настолько далеко, чтобы отрицать предположение о том, что Каллипп мог часто посещать его школу и получать там образование в течение большего или меньшего времени. Но оно опровергает идею о том, что дружба Диона и Каллиппа возникла на почве общих для обоих философских вкусов, которую, по-видимому, хотел донести Афиней.

[263] Plutarch, Dion, c. 54; Cornelius Nepos, Dion, c. 8.

[264] Плутарх, Дион, с. 56.

[265] Платон упоминает двух братьев, которых Дион сделал своими друзьями в Афинах и которые в конце концов убили его, но не называет имени ни одного из них (Plato, Epistol. vii. p. 333 F.).

Третий афинянин, чью верность он решительно противопоставляет лживости этих двух, по-видимому, означает самого Платона. Сравните с. 333 и 334.

[266] Плутарх, Дион, с. 57; Корнелий Непос, Дион, с. 9; Диодор. xvi. 31.

[267] Herodotus, v. 66. ἑσσούμενος δ' ὁ Κλεισθένης τὸν δῆμον προσεταιρίζεται.

[268] Cicero de Officiis, ii. 7. "Acriores morsus intermissæ libertatis quam retentæ".

[269] Cornelius Nepos, Dion, с. 10.

[270] Plutarch, Dion, с. 56, 57.

[271] Плутарх, Дион, с. 58.

[272] Плутарх, Дион, с. 58.

[273] Плутарх, Дион, с. 58; Диодор. xvi. 31-36.

[274] Плутарх, Тимолеон, с. 11; Плутарх, сравн. Тимолеон и Павел Эмилий, с. 2.

[275] Это, по-видимому, вытекает из Плутарха, Дион, с. 58, в сравнении с Диодор. xvi. 36.

[276] Plato, Epistol. viii. p. 353, 355, 356.

[277] Plato, Epist. viii. 356 B. ἐλεῶν δὲ πατρίδα καὶ ἱερῶν ἀθεραπευσίαν καὶ τάφους, etc.

[278] Плутарх, Тимолеон, с. 1.

[279] Plato, Epistol. viii. p. 353 F. ... διολέσθαι δ' ὑπὸ τοῦ κύκλου τούτου καὶ τὸ τυραννικὸν ἅπαν καὶ τὸ δημοτικὸν γένος, ἥξει δὲ, ἐάν περ τῶν εἰκότων γίγνηται τι καὶ ἀπευκτῶν, σχεδὸν εἰς ἐρημίαν τῆς Ἑλληνικῆς φωνῆς Σικελία πᾶσα, Φοινίκων ἢ Ὀπικῶν μεταβαλοῦσα εἰς τινα δυναστεῖαν καὶ κράτος. Τούτων δὴ χρὴ πάσῃ προθυμίᾳ πάντας τοὺς Ἕλληνας τέμνειν φάρμακον.

[280] Plato, Epistol. viii. p. 356.

[281] Herodot. iv. 161.

[282] Плутарх, Тимолеон, с. 1.

... Regnabis sanguine multo

Ad regnum quisquis venit ab exilio.

[283] Aristotle and Theopompus, ap. Athenæum, x. p. 435, 436; Theopomp. Fragm. 146, 204, 213, ed. Didot.

[284] Aristotel. Politic. v. 6, 7.

[285] Strabo, vi. p. 258.

[286] Плутарх, Тимолеон, с. 11; Сравн. Тимолеон и Павел. Emil. с. 2; Theopompus ap. Athenæ. xii. p. 536; Плутарх, Reipub. Gerend. Præcept. p. 821 D. О двух цитаделях в Локри см. Livy, xxix. 6.

Возможно, это был хищный флот на службе младшего Дионисия, который, как упоминает Ливий, в это время опустошал побережье Лация, сотрудничая с галлами против части римской территории (Livy, vii. 25, 26).

[287] Похоже, что между Дионисием Младшим и тарентинцами все еще сохранялись дружеские отношения или дружеская зависимость. В пританеуме или правительственном доме Тарентума можно было увидеть великолепную люстру с тремястами шестьдесятю пятью горелками, подаренную Дионисием (Euphorion, ap. Athenæum, xv. p. 700).

[288] Strabo, vi. p. 259, 260; Athenæus, xii. p. 541.

[289] Diodor. xvi. 67.

[290] Плутарх, Тимолеон, с. 2.

[291] Плутарх, Тимолеон, с. 3.

[292] Plutarch, Timoleon, с. 3. ἀλλὰ θεοῦ τινος, ὡς ἔοικεν, εἰς νοῦν ἐμβαλόντος τῷ ἀνθρώπῳ, etc.

[293] Плутарх, Тимолеон, с. 3 ... φιλόπατρις δὲ καὶ πρῶτος διαφερόντως, ὅσα μὴ σφόδρα μισοτύραννος εἶναι καὶ μισοπόνηρος.

[294] Herodot. v. 92.

[295] Plutarch, Timoleon, с. 4. В какое время произошла эта битва, выяснить невозможно.

[296] Plutarch, Timoleon, с. 4. Ἐπεὶ δ' οἱ Κορίνθιοι, δεδιότες μὴ πάθοιεν οἷα καὶ πρότερον ὑπὸ τῶν συμμάχων ἀποβαλόντες τὴν πόλιν, etc.

Коринфяне вели войну совместно с Афинами и Спартой против Фив, когда (в 366 году до н. э.) афиняне изложили свой план захвата города. Коринфяне, вовремя узнав об этом, приняли меры, чтобы сорвать его. См. Ксенофонт, Hellen. vii. 4, 4-5.

[297] Aristotel. Политика, т. 5, 9.

[298] Plutarch, Timoleon, с. 4. συχνοὺς ἀνελῶν ἀκρίτους τῶν πρώτων πολιτῶν, ἀνέδειξεν αὐτὸς ἑαυτὸν τύραννον.

Диодор (xvi. 65) совпадает с ним в главном, но отличается в некоторых деталях.

[299] Плутарх, Тимолеон, с. 4. αὐθις ἀνέβη πρὸς τὸν ἀδελφὸν и др.

[300] Плутарх, Тимолеон, с. 4; Корнелий Непос, Тимол. с. 1; Плутарх, Reipub. Gerend. Præcept. p. 808 A. То, что Телеклеид присутствовал и принимал участие в этом деле - хотя Плутарх прямо называет только Эсхила и Ортагора, - похоже, подразумевается в косвенном намеке впоследствии (с. 7), где Телеклид говорит Тимолеону после его назначения на сицилийскую должность: Ἄν νῦν καλῶς ἀγωνίσῃς τύραννον ἀνηρηκέναι δόξομεν- ἂν δὲ φαυλῶς, ἀδελφόν.

Присутствие пророка, по-видимому, показывает, что они только что принесли жертву, чтобы узнать волю богов относительно того, что они собирались сделать.

Непос говорит, что Тимолеон не присутствовал в момент смерти брата, а стоял в стороне, чтобы предотвратить прибытие помощи.

Диодор (xvi. 65) утверждает, что Тимолеон убил своего брата на рынке. Но рассказ Плутарха кажется более предпочтительным.

[301] Плутарх, Тимолеон, с. 5.

[302] Plutarch, Timoleon, с. 7.

[303] Плутарх, Тимолеон, с. 7. Диодор (xvi. 65) приводит эту поразительную антитезу, как будто она была высказана сенатом Тимолеону при передаче ему нового командования. Он представляет, что прошение из Сиракуз пришло в Коринф вскоре после смерти Тимофана и в то время, когда суд над Тимолеоном еще не был завершен. Он говорит, что сенат выдвинул Тимолеона на должность командующего, чтобы избежать необходимости выносить приговор в ту или иную сторону.

Я следую рассказу Плутарха, как более предпочтительному, признавая долгий промежуток между смертью Тимофана и назначением его из Сиракуз промежутком долгих душевных страданий Тимолеона.

[304] Herodot. vii. 155.

[305] Плутарх, Тимолеон, с. 8, 11, 12, 30; Диодор, xvi. 66; Плутарх, Ser. Num. Vind. p. 552. В аристотелевском трактате "Риторика к Александру", с. 9, говорится, что у Тимолеона было *девять* кораблей.

[306] Plutarch, Timoleon, с. 7.

[307] Плутарх, Тимолеон, с. 8; Diodor. xvi. 66.

[308] Плутарх, Тимолеон, с. 9; Diodor. xvi. 68.

[309] Плутарх, Тимолеон, с. 10.

[310] Плутарх, Тимолеон, с. 10, 11.

[311] Плутарх, Тимолеон, с. 11.

[312] Diodor. xvi. 67.

[313] Плутарх, Тимолеон, с. 13-24; Diodor. xvi. 72.

[314] Diodor. xvi. 82.

[315] Плутарх, Тимолеон, с. 11.

[316] Плутарх, Тимолеон, с. 12; Диодор. xvi. 68. Диодор и Плутарх согласны в количестве убитых и плененных на стороне Гикета.

[317] Плутарх, Тимолеон, с. 12.

[318] Plutarch, Timoleon, с. 13; Diodor. xvi. 69.

[319] Diodor. xvi. 68, 69. О том, что Тимолеон дошел до Сиракуз, говорит Диодор, но не Плутарх. Я следую Диодору до сих пор, потому что это делает последующие действия в отношении Дионисия более ясными и понятными.

Но Диодор добавляет еще два момента, которые не могут быть верными. Он утверждает, что Тимолеон преследовал Гикетаса бегом (*δρομαῖος*) сразу с поля битвы в Адрануме до Сиракуз и что затем он овладел частью Сиракуз под названием Эпиполе.

Тимолеон с некоторым трудом смог вывести свои войска даже на поле битвы при Адрануме без предварительного отдыха, настолько долгим и утомительным был поход, который они совершили из Тавромения. Поэтому невозможно, чтобы они были склонны или компетентны преследовать (в быстром темпе) Гикета сразу же с поля битвы при Адрануме до Сиракуз.

Далее, из последующих операций следует, что Тимолеон не овладел в этот раз никакой другой частью Сиракуз, кроме островка Ортигия, сданного ему Дионисием. В Эпиполе он вошел только после этого.

[320] Плутарх, Тимолеон, с. 13. ἀπειρηκῶς ἤδη ταῖς ἐλπίσι καὶ μικρὸν ἀπολιπὼν ἐκπολιорκεῖσθαι, etc.

[321] Tacitus, Histor. iii. 70. О последних днях императора Вителлия: "Ipse, neque jubendi neque vetandi potens, non jam Imperator, sed tantum belli causa erat."

[322] См. среди прочих иллюстраций этого факта поразительное замечание Солона (Плутарх, Солон, с. 14).

[323] Плутарх, Тимолеон, с. 13; Диодор. xvi. 70. Диодор, как мне кажется, неправильно датирует эти факты, помещая капитуляцию Дионисия и сдачу Ортигии Тимолеону *после* захвата Тимолеоном другой части Сиракуз. Я следую хронологии Плутарха, который ставит капитуляцию Ортигии на первое место.

[324] Плутарх, Тимолеон, с. 16.

[325] Феопомп утверждал, что Дионисий отправился из Сицилии в Коринф на торговом корабле (νηὶ στοργύλῃ). Тимей опроверг это утверждение, видимо, со свойственной ему резкостью, и заявил, что Дионисий был отправлен на военном корабле (νηὶ μακρᾷ). См. Тимей, фрагмент 133; Феопомп, фрагм. 216, ed. Didot.

Диодор (xvi. 70) копирует Феопомпа.

Полибий (xii. 4 а) порицает Тимея за то, что он придирается к таким мелким неточностям, как будто разница между ними не стоит внимания. Возможно, язык Тимея и заслуживает порицания как невоспитанный; но суть дела, как мне кажется, вполне заслуживает исправления. Отправить Дионисия на триреме означало отнестись к нему как к пленнику с уважением, что Тимолеон, несомненно, должен был сделать; и что он был бы склонен сделать по собственным соображениям - ведь он был сильно заинтересован в том, чтобы въезд Дионисия в Коринф в качестве пленника стал впечатляющим зрелищем. К тому же трирема могла достичь Коринфа быстрее, чем торговое судно.

То, что Дионисий отправился на торговом судне, было еще одним свидетельством неудачной судьбы; и, похоже, именно по этой причине его взял на вооружение Феопомп - из-за страсти, распространенной среди многих греческих авторов, к преувеличению контрастов.

[326] Плутарх, Тимолеон, с. 13, 14, 15.

[327] Плутарх, Тимолеон, с. 14; Diodor. xvi. 70. Замечания Тацита о последних часах императора Вителлия относятся и к греческим чувствам по этому поводу (Histor. iii. 68): - "Nec quisquam adeo rerum humanarum immemor, quem non commoveret illa facies; Romanum principem, et generis humani paulo ante dominum, relictâ fortunæ suæ sede, exire de imperio. Nihil tale viderant, nihil audierant," etc.

[328] Plutarch, Timoleon, с. 14; Theopomp. Fragm. 217, ed. Didot.; Justin xxi. 5.

[329] Timæus, ap. Polybium. xii. 24.

[330] Плутарх, Тимол. с. 14; Цицерон, Tuscul. Disp. iii. 12, 7. Его замечание о том, что Дионисий открыл школу из желания получить удовольствие от власти, вряд ли можно считать серьезным.

Мы не можем предположить, что Дионисий в своем изгнании в Коринфе страдал от недостатка удобного дохода: Ибо упоминается, что вся его движимая мебель (ἐπισκευή) была куплена его тезкой Дионисием, удачливым деспотом понтийской Гераклеи; и эта мебель была столь великолепна, что приобретение ее причисляется к особым знакам украшения и достоинства Гераклеийской династии: - см. Фрагменты историка Мемнона Гераклеийского, гл. iv. p. 10, ed. Orell. apud Photium Cod. 224.

[331] Aristoxenus, Fragm. 15, ed. Didot. ap. Athenæum, p. 545. δεύτερον δὲ, φησὶ, τὸν ἡμέτερον τύραννον θεῖη τις ἄν, καίπερ πολὺ λειπόμενον.

Видно, что слово τύραννος употреблялось даже теми, кто не имел в виду никакого недружественного смысла - его применял восхищенный посланник к своему господину.

[332] Плутарх, Тимолеон, с. 15. Аристоксен услышал от Дионисия в Коринфе замечательный анекдот о верной привязанности двух друзей-пифагорейцев, Дамона и Финтия. На Дионисия этот случай произвел сильное впечатление, и он любил рассказывать его (πολλάκις ἡμῖν διηγέτο, Aristoxen. Fragm. 9, ed. Didot; apud Jamblichum Vit. Pythag. s. 233).

[333] Плутарх, Тимолеон, с. 16.

[334] Плутарх, Тимолеон, с. 13.

[335] Плутарх, Тимолеон, с. 18.

[336] Плутарх, Тимолеон, с. 16.

[337] Плутарх, Тимолеон, с. 18. ... Ὁ δὲ Κορίνθιος Νέων, κατιδὼν ἀπὸ τῆς ἄκρας τοὺς ὑπολελειμμένους τῶν πολεμίων ἀργῶς καὶ ἀμελῶς φυλάττοντας, ἐξαίφνης ἐνέπεσε διεσπαρμένοις αὐτοῖς- καὶ τοὺς μὲν ἀνελὼν, τοὺς δὲ τρεψάμενος, ἐκράτησε καὶ κατέσχε τὴν λεγομένην Ἀхраδινῆν, ὃ κράτιστον ἐδόκει καὶ ἀθραυστότατον ὑπάρχειν τῆς Συρακουσίων μέρος πόλεως, τρόπον τινα συγκεϊμένης καὶ συνηρμοσμένης ἐκ πλειόνων πόλεων. Εὐπορήσας δὲ καὶ σίτου καὶ χρημάτων οὐκ ἀφῆκε τὸν τόπον, οὐδ' ἀνεχώρησε πάλιν ἐπὶ τὴν ἄκραν, ἀλλὰ φραζάμενος τὸν περίβολον τῆς Ἀхраδινῆς καὶ συνάψας τοῖς ἐρύμασι πρὸς τὴν ἀκρόπολιν, διεφύλαττε.

[338] Плутарх, Тимолеон, с. 19.

[339] Плутарх, Тимолеон, с. 20.

[340] Плутарх, Тимолеон, с. 20.

[341] Плутарх, Тимолеон, с. 21. Рассказ Плутарха о нападении Тимолеона очень понятен. Он утверждает, что сторона Эпиполя, обращенная к югу или к реке Анапус, была самой сильной.

Саверио Каваллари (Zur Topographie von Syrakus, p. 22) подтверждает это, отмечая, что северная сторона Эпиполя, по направлению к Трогилу, является самой слабой и легкой для доступа или нападения.

Таким образом, мы видим, что Эпиполь был *последней* частью Сиракуз, которой овладел Тимолеон, а не *первой*, как утверждает Диодор (xvi. 69).

[342] Πλутарх, Τιμοлеон, с. 21.

[343] Πлутарх, Τιμοлеон, с. 20, 21. Диодор также подразумевает тот же вердикт (xvi. 69), хотя его рассказ краток и неясен.

[344] Πлутарх, Τιμοлеон, с. 21. Τὸ μὲν ἀλῶναι τὴν πόλιν (Σиракузы) κατ' ἄκρας καὶ γενέσθαι ταχέως ὑποχείριον ἐκπεσόντων τῶν πολέμιων, δίκαιον ἀναθεῖναι τῇ τῶν μαχομένων ἀνδραγαθία καὶ τῇ δεινότητι τοῦ στρατηγοῦ- τὸ δὲ μὴ ἀποθανεῖν τινα μηδὲ τρωθῆναι τῶν Κορινθίων, ἴδιον ἔργον αὐτῆς ἢ Τιμολέοντος ἐπεδείξατο τύχη, καθάπερ διαμιλλωμένη πρὸς τὴν ἀρετὴν τοῦ ἀνδρὸς, ἵνα τῶν ἐπαινουμένων αὐτοῦ τὰ μακαριζόμενα μᾶλλον οἱ πυνθανόμενοι θαυμάζωσιν.

[345] Гомер, *Odysseus*. iii. 219 (Нестор обращается к Телемаху).

Εἰ γάρ σ' ὥς ἔθελαι φιλέειν γλαυκῶπις Ἀθήνη,

Ὡς τότε Ὀδυσσεύς περικήδετο κυδαλίμοιο

Δήμῳ ἐνὶ Τρώων, ὅθι πάσχομεν ἄλγε' Ἀχαιοί-.

Οὐ γάρ πω ἴδον ὧδε θεοὺς ἀναφανδὰ φιλεῦντας,

Ὡς κείνῳ ἀναφανδὰ παρίστατο Παλλὰς Ἀθήνη.

[346] Plutarch, Timoleon, c. 36. μετὰ τοῦ καλοῦ πολὺ τὸ ῥαδίως ἔχουσα (ἢ Τιμολέοντος στρατηγία) φαίνεται, τοῖς εὖ καὶ δικαίως λογιζόμενοις, οὐ τύχης ἔργον, ἀλλ' ἀρετῆς εὐτυχούσης.

[347] Plutarch, Timoleon, c. 36; Cornelius Nepos, Timoleon, c. 4; Plutarch, *De Sui Laude*, p. 542 E.

[348] Solon, *Fragm.* 26, ed. Schneid.; Plutarch, Solon, c. 14.

Οὐκ ἔφυ Σόλων βαθύφρων, οὐδὲ βουλήεις ἀνὴρ-.

Ἐσθλὰ γὰρ θεοῦ διδόντος, αὐτὸς οὐκ ἐδέξατο.

Περιβαλὼν δ' ἄγραν, ἀγασθεῖς οὐκ ἀνέσπασεν μέγα

Δίκτυον, θυμοῦ θ' ἀμαρτῇ καὶ φρενῶν ἀποσφαλεῖς.

[349] Πлутарх, Τιμοлеон, с. 22. Γενόμενος δὲ τῆς ἀκρᾶς κύριος, οὐκ ἔπαθε Δίῳνι ταῦτ' ὁ πάθος, οὐδ' ἐφείσατο τοῦ τόπου διὰ τὸ κάλλος καὶ τὴν πολυτέλειαν τῆς κατασκευῆς, ἀλλὰ τὴν ἐκεῖνον διαβαλοῦσαν, εἴτ' ἀπολέσασαν ὑποψίαν φυλαξάμενος, ἐκήρυξε τῶν Συρακοσίων τὸν βουλόμενον παρεῖναι μετὰ σιδήρου καὶ συνεφάπτεσθαι τῶν τυραννικῶν ἐρυμάτων. Ὡς δὲ πάντες ἀνέβησαν, ἀρχὴν ἐλευθερίας ποιησάμενοι βεβαιωτάτην τὸ κήρυγμα καὶ τὴν ἡμέραν ἐκείνην, οὐ μόνον τὴν ἄκραν, ἀλλὰ καὶ τὰς οἰκίας καὶ τὰ μνήματα τῶν τυράννων ἀνέτρεψαν καὶ κατέσκαψαν. Εὐθύς δὲ τὸν τόπον συνομαλύνας, ἐνωκοδόμησε τὰ δικαστήρια, χαριζόμενος τοῖς πολίταις, καὶ τῆς τυραννίδος ὑπερτέραν ποιῶν τὴν δημοκρατίαν.

Сравните Корнелий Непос, Τιμοлеон, с. 3.

[350] Πлутарх, Τιμοлеон, с. 23; Diodor. xvi. 83.

[351] Πлутарх, Τιμοлеон, с. 23.

[352] Πлутарх, Τιμοлеон, с. 24.

[353] Diodor. xiii. 35; xvi. 81.

[354] Diodor. xvi. 70.

[355] Плутарх, Тимолеон, с. 23; Дион Хризостом, Orat. xxxvii. p. 460.

[356] Сравните случай с коринфским провозглашением Эпидамна, Thucyd. i. 27; лакедемонское основание Ираклии, Thucyd. iii. 93; провозглашение баттиада Аркесилая на Самосе для нового корпуса переселенцев в Кирену (Herodot. iv. 163).

[357] Плутарх, Тимолеон, с. 23. Диодор утверждает, что из Коринфа прибыло только пять тысяч (xvi. 82).

[358] Плутарх, Тимолеон, с. 23. Чтобы оправдать свое заявление о таком большом количестве, Плутарх упоминает (хотелось бы, чтобы он делал это чаще) автора, у которого он это скопировал - Афаниса, или Афанаса. Этот автор был коренным сиракузянином, написавшим историю сиракузских дел с момента окончания истории Филиста в 363 или 362 году до н. э. и до смерти Тимолеона в 337 году до н. э.; таким образом, в нее вошли все дела Диона и Тимолеона. К глубокому сожалению, от его работы ничего не осталось (Diodor. xv. 94; Fragment. Historic. Græc. ed. Didot, vol. ii. p. 81). Его имя, кажется, упоминается в "Теопомпе" (Fr. 212, ed. Didot) как совместного командующего сиракузскими войсками вместе с Ираклидом.

[359] Плутарх, Тимолеон, с. 23. καὶ γενομένοις αὐτοῖς ἐξακισμυρίοις τὸ πλῆθος, ὡς Ἰθαυὶς εἶρηκε, τὴν μὲν χώραν διένειμε, τὰς δὲ οἰκίας ἀπέδοτο χιλίων τάλαντων, ἅμα μὲν ὑπολειπόμενος τοῖς ἀρχαίοις Συρακουσίοις ἐξωνεῖσθαι τὰς αὐτῶν, ἅμα δὲ χρημάτων εὐπορίαν τῷ δήμῳ μηχανώμενος οὕτως πενομένῳ καὶ πρὸς τᾶλλα καὶ πρὸς τὸν πόλεμον, ὥστε, etc.

Диодор (xvi. 82) утверждает, что сорок тысяч новых поселенцев были приняты εἰς τὴν Συρακουσίαν τὴν ἀδιαίρετον, и что десять тысяч были поселены на прекрасной и плодородной территории Агириума. Эта последняя мера была принята, несомненно, после того, как деспот Агирии был низложен Тимолеоном. Мы были бы рады получить объяснение τὴν Συρακουσίαν τὴν ἀδιαίρετον: при отсутствии информации догадки о смысле тщетны.

[360] Плутарх, Тимолеон, с. 24.

[361] Плутарх, Тимолеон, с. 30. Диодор. (xvi. 72) вообще не упоминает о том, что Хикетас покорился. Он утверждает, что Тимолеон был отбит при нападении на Леонтины; и что Хикетас после этого напал на Сиракузы, но был отбит с потерями, во время отсутствия Тимолеона в его экспедиции против Лептинов.

[362] Плутарх, Тимолеон, с. 24; Диодор. xvi. 73.

[363] Плутарх, Тимолеон, с. 25; Диодор. xvi. 77. Они согласны в основном в отношении числовых элементов и, похоже, копировали с одного и того же источника.

[364] Плутарх, Тимолеон, с. 27; Диодор. xvi. 80.

[365] Плутарх, Тимолеон, с. 25; Диодор. xvi. 78. Диодор называет общую численность войска Тимолеона в двенадцать тысяч человек; Плутарх - только шесть тысяч. Большая цифра кажется мне наиболее вероятной, учитывая обстоятельства. Плутарх, по-видимому, учитывал только тех, кто находился с Тимолеоном в Сиракузах, и не перечислял другую часть войска, которая, будучи послана разорять карфагенскую провинцию, была вынуждена отойти и присоединиться к Тимолеону, когда высадился большой карфагенский десант.

Диодор и Плутарх в основном следуют одним и тем же авторитетам в отношении этой кампании.

[366] Плутарх, Тимолеон, с. 30.

[367] Анекдот о петрушке приводится как у Плутарха (Timol. с. 26), так и у Диодора (xvi. 79).

Верхняя часть реки Кримесус, около которой произошла эта битва, находилась в горной области, называемой Диодором ἡ Σελινουντία δυσχωρία: через нее пролегала дорога между Селином и Панормом (Diodor. xxiii. Frag. p. 333, ed. Wess.).

[368] Плутарх, Тимолеон, с. 27. ἰσταμένου θέρους ὥραν-λήγοντι μηνὶ Θαργελίῳ, etc.

[369] Из этих боевых колесниц, как говорят, у них было не менее двух тысяч в неудачной битве, которую они вели против Агатокла в Африке, недалеко от Карфагена (Diodor. xx. 10).

После Пирра они стали использовать прирученных слонов, обученных для войны.

[370] Из Полибия следует, что Тимей приписывает Тимолеону, непосредственно перед этой битвой, речь, которую Полибий называет абсурдной и неподходящей (Timæus, Fr. 134, ed. Didot; Polyb. xii. 26 a).

[371] Плутарх, Тимолеон, с. 27. Ἀναλαβὼν τὴν ἀσπίδα καὶ βοήσας ἔπεσθαι καὶ θάρρειν τοῖς πέζοις ἔδοξεν ὑπερφυεῖ φωνῇ καὶ μείζονι κεχρησθαι τοῦ συνήθους, εἴτε τῷ πάθει παρὰ τὸν ἀγῶνα καὶ τὸν ἐνθουσιασμὸν οὕτω διατεινόμενος, εἴτε δαιμονίου τινὸς, ὥς τοῖς πολλοῖς τότε παρέστη, συνεπιφθεγξαμένου.

[372] Diodor. xvi. 79. Περιεγένοντο γὰρ ἀνελπίστως τῶν πολεμίων, οὐ μόνον διὰ τὰς ἰδίας ἀνδραγαθίας, ἀλλὰ καὶ διὰ τὴν τῶν θεῶν συνεργίαν.

[373] Плутарх, Тимолеон, с. 27, 28; Diodor. xvi. 79, 80.

[374] Плутарх, Тимолеон, с. 29; Диодор. xvi. 80, 81.

[375] Diodor. xvi. 81. Τοσαύτη δ' αὐτοῦς κατάπληξις καὶ δέος κατεῖχεν, ὥστε μὴ τολμᾶν εἰς τὰς ναῦς ἐμβαίνειν, μηδ' ἀποπλεῖν εἰς τὴν Λιβύην, ὥς διὰ τὴν τῶν θεῶν ἀλλοτριότητα πρὸς αὐτοῦς ὑπὸ τοῦ Λιβυκοῦ πελάγους καταποθησομένου. Сравните рассказ о религиозном терроре карфагенян после их поражения от Агафокла (Diodor. xx. 14).

Так, в споре между Андокидом и его обвинителями в афинском Дикастерии обвинители утверждают, что Андокид явно не верит в богов, поскольку, совершив великое нечестие, он все же не побоялся после этого совершить морское путешествие (Lysias, cont. Andokid. s. 19).

С другой стороны, сам Андокид с триумфом доказывает, что, судя по тому, что он благополучно перенес морское путешествие зимой, он *не* вызывает неудовольствия у богов.

"Если бы боги считали, что я их обидел, они не преминули бы наказать меня, когда застали в величайшей опасности. Ибо что может быть опаснее морского путешествия в зимнее время? Тогда в руках богов были и моя жизнь, и мое имущество, и все же они сохранили меня. Разве не могли они тогда так распорядиться, чтобы я не получил даже погребения для своего тела? Неужели боги уберегли меня от морских и пиратских опасностей только для того, чтобы я погиб в Афинах по вине моего злодейского обвинителя Кефисия? Нет, Дикастс; опасности обвинения и суда - человеческие, а опасности, встречающиеся на море, - божественные. Поэтому, если мы хотим догадаться о чувствах богов, я думаю, они будут крайне недовольны и разгневаны, если увидят, как человек, которого они сами оберегали, уничтожается другими". (Andokides, De Mysteriis, s. 137-139). ἐγὼ μὲν οὖν ἡγοῦμαι χρῆναι νομίζειν τοὺς τοιοῦτους κινδύνους ἀνθρωπίνους, τοὺς δὲ κατὰ θάλασσαν θεῖους. Εἴπερ οὖν δεῖ τὰ τῶν θεῶν

ὑπονοεῖν, πολὺ ἂν αὐτοὺς οἶμαι ἐγὼ ὀργίζεσθαι καὶ ἀγανακτεῖν, εἰ τοὺς ὑφ' ἑαυτῶν σωζομένους, ὑπ' ἄλλων ἀπολλυμένους ὀρῶεν.

Сравните Плутарх, Павел. Emil. с. 36. μάλιστα κατὰ πλοῦν ἐδεδίειν τὴν μεταβολὴν τοῦ δαίμονος, etc.

[376] Claudian, De Tertio Consulatu Honorii, v. 93.

"Te propter, gelidis Aquilo de monte procellis

Obruit adversas acies, revolutaque tela

Vertit in auctores, et turbine reppulit hastas.

O nimium dilecte Deo, cui fundit ab antris

Æolus armatas hyemes; cui militat æther,

Et conjurati veniunt ad classica venti".

Сравните отрывок из речи Фрасибула, Xenoph. Hellen. ii. 4, 14.

[377] Плутарх, Тимолеон, с. 29; Diodor. xvi. 80.

[378] Плутарх, Тимолеон, с. 30; Diodor. xvi. 82.

[379] Плутарх, Тимолеон, с. 30. Ἐξ ὧν καὶ μάλιστα τὴν Τιμολέοντος εὐτυχίαν συνέβη γενέσθαι διώνυμον.... Τὴν μὲν οὖν πρὸς Τιμολέοντα τῶν θεῶν εὐμένειαν, οὐχ ἥττον ἐν αἷς προσέκρουσε πράξεσιν ἢ περὶ ἃς κατῴρθου, θαυμάζεσθαι συνέβαινε.

Сравните Плутарх, De Serâ Num. Vind. p. 552 F.

[380] Plutarch, Timoleon, с. 31.

[381] Plutarch, Timoleon, с. 33.

[382] Diodor. xv. 17. Миноа (Гераклея) была карфагенским владением, когда Дион высадился на берег (Плутарх, Дион, с. 25).

Корнелий Непос (Тимолеон, с. 2) ошибочно утверждает, что карфагеняне были полностью изгнаны из Сицилии Тимолеоном.

[383] Плутарх, Тимолеон, с. 34; Диодор. xvi. 82.

[384] Diodor. xiii. 114.

[385] Корнелий Непос (Тимолеон, с. 2) называет Мамеркуса итальянским полководцем, который прибыл в Сицилию, чтобы помочь деспотам. Вполне возможно, что он мог быть итальянским греком; ведь он должен был быть греком, судя по тому, как Плутарх отзывается о его поэтических сочинениях.

[386] Плутарх, Тимолеон, с. 37.

[387] Плутарх, Тимолеон, с. 31.

[388] Плутарх, Тимолеон, с. 34.

[389] Diodor. xvi. 82.

[390] Πλутарх, Τιμολεон, с. 37. Ὡς δὲ ἐπανήλθεν εἰς Συρακούσας, εὐθὺς ἀποθέσθαι τὴν μοναρχίαν καὶ παραιτεῖσθαι τοὺς πολίτας, τῶν πραγμάτων εἰς τὸ κάλλιστον ἡκόντων τέλος.

[391] Plutarch, l. c. εὐθὺς ἀποθέσθαι τὴν μοναρχίαν: compare c. 22.

[392] Πлутарх, Тимолеон, с. 36.

[393] Plato, Epistol. viii. p. 353 F.

[394] Diodor. xvi. 65, 82; Plutarch, Timoleon, c. 35.

[395] С момента отплытия Тимолеона с экспедицией из Коринфа до его смерти прошло восемь лет: с 345-344 гг. до н. э. до 337-336 гг. до н. э. (Диодор, xvi. 90; Плутарх, Тимолеон, с. 37).

Битву при Кримесе Диодор относит к 340 году до н. э. Но что касается других военных достижений Тимолеона на Сицилии, то Диодор и Плутарх не точны и не согласны друг с другом.

[396] Plutarch, Timoleon, c. 37. μόνος, ἐφ' ᾧ οἱ σοφισταὶ διὰ τῶν λόγων τῶν πανηγυρικῶν αἰὶ παρεκάλουν πράξεις τοὺς Ἑλληνας, ἐν αὐταῖς ἀριστεύσας, etc.

[397] Πлутарх, Тимолеон, с. 35. Οἷς οὐ μόνον ἀσφάλειαν ἐκ πολέμου τοσούτου καὶ γαλήνην ἰδρυομένοις παρεῖχεν, ἀλλὰ καὶ τᾶλλα παρασκευάσας καὶ συμπροθυμηθεὶς ὥσπερ οἰκιστὴς ἡγαπᾶτο. Καὶ τῶν ἄλλων δὲ διακειμένων ὁμοίως πρὸς αὐτὸν, οὐ πολέμου τις λύσις, οὐ νόμων θέσις, οὐ χώρας κατοικισμὸς, οὐ πολιτείας διάταξις, ἐδόκει καλῶς ἔχειν, ἧς ἐκεῖνος μὴ προσάψαιτο μηδὲ κατακοσμήσειεν, ὥσπερ ἔργῳ συντελουμένῳ δημιουργὸς ἐπιθεὶς τινα χάριν θεοφιλῇ καὶ πρέπουσαν.

Сравните Корнелий Непос, Тимолеон, с. 3.

[398] Diodor. xvi. 70; Cicero in Verrem, ii. 51.

[399] Πлутарх, Тимолеон, с. 38.

[400] Πлутарх, Тимолеон, с. 38. Ἐπὶ δὲ τῆς οἰκίας ἱερὸν ἰδρυσάμενος Αὐτοματίας ἔθυσεν, αὐτὴν δὲ τὴν οἰκίαν Ἰερῷ Δαίμονι καθιέρωσεν.

Cornelius Nepos, Timoleon, c. 4; Plutarch, Reip. Gerend. Præcept. p. 816 D.

Идея Αὐτοματία не та же, что у Τύχη, хотя это слово иногда переводят так, как будто это так. Оно более близко к Ἀγαθῇ Τύχῃ - хотя, как мне кажется, все же не совсем то же самое.

[401] Πлутарх, Тимолеон, с. 38; Cornel. Nepos, Timoleon, c. 4.

[402] Она встречается у Корнелия Непоса до Плутарха, и, вероятно, была скопирована обоими с одного и того же источника.

[403] Πлутарх, Тимолеон, с. 37; Корнелий Непос, Тимолеон, с. 5.

[404] Xenoph. Œconomic. xxi. 12. Οὐ γὰρ πάνυ μοι δοκεῖ ὅλον τουτὶ τὸ ἀγαθὸν ἀνθρώπινον εἶναι, ἀλλὰ θεῖον, τὸ ἐθέλοντων ἄρχειν- σαφῶς δὲ δίδοται τοῖς ἀληθινῶς σωφροσύνῃ τετελεσμένοις. Τὸ δὲ ἀκόντων τυραννεῖν διδόασιν, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, οὐκ ἂν ἡγῶνται ἀξίους εἶναι βιοτεύειν, ὥσπερ ὁ Τάνταλος ἐν ᾧ λέγεται τὸν αἰὶ χρόνον διατρίβειν, φοβούμενος μὴ δις ἀποθάνῃ.

[405] Diodor. xvi. 83.

[406] Plutarch. Тимолеон, с. 39. Ἐν τοιαύτῃ δὲ γηροτροφούμενος τιμῇ μετ' εὐνοίας, ὥσπερ πατὴρ κοινός, ἐκ μικρᾶς προφάσεως τῷ χρόνῳ συνεφαψαμένης ἐτελεύτησεν.

[407] Плутарх, Тимолеон, с. 39; Диодор, xvi. 90.

[408] Плутарх. Тимолеон, с. 36. Ὁ μάλιστα ζηλωθεὶς ὑπὸ Τιμολέοντος Ἐπαμεινώνδας, etc.

Полибий считает Гермократа, Тимолеона и Пирра самыми совершенными людьми действия (πραγματικωτάτους) из всех тех, кто играл заметную роль в сицилийских делах (Polyb. xii. 25. ed. Didot).

[409] Demosthenes, Orat. pro Megalopolit. p. 203, 204, s. 6-10; p. 206. s. 18 - и вообще вся оратория, которая является поучительным изложением политики.

[410] Xen. Hellen. vii. 4, 6, 10.

[411] Xenoph. Hellen. vi. 5, 23; vii 5, 4. Diodor. xv. 62. Акарнанцы были союзниками Фив во время первой экспедиции Эпаминонда в Пелопоннес; оставались ли они таковыми во время его последней экспедиции, точно не известно. Но поскольку в последний из этих двух периодов господство фиванцев над Фессалией было гораздо сильнее, чем в первый, мы можем быть уверены, что они не утратили своего влияния на локрийцев и малийцев, которые (как и фокийцы) лежали между Бёотией и Фессалией.

[412] Vol. X. Ch. lxxvii. p. 161; Ch. lxxviii. p. 195; Ch. lxxx. p. 312.

[413] Орхомен граничил с фокейской территорией (Павсаний, ix. 39, 1.)

[414] Isokrates, Or. viii. De Pace, s. 21; Demosthenes adv. Leptinem, p. 490. s. 121; pro Megalopol. p. 208. s. 29; Philippic ii. p. 69. s. 15.

[415] Xenoph. Hellen. vii. 5, 4; Плутарх, Пелопидас, с. 35. Вахсмут утверждает, по моему мнению, ошибочно, что Фивы потерпели разочарование в попытке установить господство в Фессалии (Hellenisch. Alterthümer, vol. ii. x. p. 338).

[416] Plato, Kriton, p. 53 D; Xenoph. Memorab. i. 2. 24; Demosthen. Olynth. i. p. 15. s. 23; Demosth. cont. Aristokratem, p. 658. s. 133.

"Pergit ire (римский консул Квинций Фламинин) в Фессалии: ubi non liberandæ modo civitates erant, sed ex omni colluvione et confusione in aliquam tolerabilem formam redigendæ. Nec enim temporum modo vitiis, ac violentiâ et licentiâ regiâ (m. e. македонян) turbati erant; sed inquieto etiam ingenio gentis, nec comitia, nec conventum nec concilium ullum, non per seditionem et tumultum, jam inde a principio ad nostram usque ætatem, traducentis" (Livy, xxxiv. 51).

[417] Xenoph. Hellen. vi. 1, 19.

[418] Xenoph. Hellen. vi. 4, 32.

[419] Demosthenes adv. Polyklem. p. 1207. s. 5, 6; Diodor. xv. 61-95. См. мой предыдущий том X. Ch. lxxx. p. 370.

[420] Я согласен с г-ном Файнсом Клинтоном (Fast. Hellen. ad. ann. 359 В. С., и Appendix, с. 15) в том, что это вероятная дата убийства Александра из Фере; это событие упоминается Дидором (xvi. 14) под годом 357-356 В. С., но в связи с рядом последующих событий, и таким

образом, который едва ли заставляет нас верить, что он хотел утверждать, что само убийство действительно имело место в этом году.

К аргументам, приведенным г-ном Клинтоном, можно добавить еще один, заимствованный из выражения Плутарха (Pelopidas, с. 35) ὀλίγον ὕστερον. Он утверждает, что убийство Александра произошло "спустя некоторое время" после того периода, когда фиванцы, отомстив за смерть Пелопида, привели деспота к покорности. Это уменьшение не может быть позже 363 г. до н. э. Поэтому тот промежуток времени, который Плутарх называет "немного времени", составит три года, если мы поместим убийство в 359 г. до н. э., шесть лет, если мы поместим его в 357-356 гг. до н. э. Три года - более подходящее толкование этих слов, чем *шесть лет*.

[421] Xenoph. Hiero, i. 38; ii. 10; iii. 8.

[422] Xenoph. Hellen. vi. 4, 36, 37; Plutarch, Pelopidas, с. 35; Conon, ap. Photium, Narr. 50. Codex, 186; Cicero, de Offic. ii. 7. Подробности убийства, приводимые этими авторами, различаются. Я в основном следовал Ксенофону и не допускал ничего положительно противоречащего его утверждениям.

[423] Justin, vii. 5; Diodor. xvi. 2. Упоминание в речи Филоты непосредственно перед его казнью (Curtius, vi. 43. p. 591, Mützell) подтверждает утверждение Юстина, что Пердиккас был убит.

[424] Антипатр (полководец Филиппа и наместник его сына Александра в Македонии), как говорят, оставил исторический труд, Περδίκκου πράξεις Ἰλλυρικᾶς (Suidas, v. Ἀντίπατρος), который едва ли может относиться к какому-либо другому Пердиккасу, чем тот, который сейчас перед нами.

[425] Athenæus, xi. p. 506 E. Πλάτων, ὃν Σπεύσιππὸς φησι φίλτατον ὄντα Ἀρχελάῳ, etc.

[426] Diogenes Laert. v. 1, 1.

[427] Athenæus, xi. p. 506 E. p. 508 E. Четвертое из писем Платона (на которое ссылается Диоген Лаэртский, iii. 62) адресовано Пердикке, частично рекомендуя и восхваляя Евфрея. Нет ничего, что доказывало бы, что это подделка; но независимо от того, подделка это или подлинник, факт переписки Платона с Пердиккасом достаточно вероятен.

[428] Юстин, vi. 9; vii. 5. "Philippus obses triennio Thebis habitus" и т. д.

Сравните Плутарха, Пелопидас, с. 26; Диодора. xv. 67; xvi. 2; и обширную заметку Весселинга к последнему отрывку. Эти два отрывка Диодора не очень последовательны; в последнем он утверждает, что Филипп был помещен в Фивы иллирийцами, которым он был передан в качестве заложника своим отцом Аминтой. Это крайне маловероятно, как и по другим причинам (указанным Весселингом), так и потому, что иллирийцы, если бы и получили его в качестве заложника, не отправили бы его в Фивы, а оставили у себя. Памятная беседа, описанная Эскином, между афинским полководцем Ификратом и македонской царицей Эвридикой с ее двумя малолетними сыновьями Пердиккой и Филиппом, должна была состояться за некоторое время до смерти Птолемея Алорита и до воцарения Пердикки. Выражения Эскина, возможно, не обязательно заставляют нас предположить, что беседа состоялась *сразу* после смерти Александра (Æschines, Fal. Leg. p. 31, 32): однако трудно согласовать заявление оратора с признанием трехлетнего непрерывного проживания в Фивах. Флатх (Geschichte Makedoniens, vol. i. p. 39-47) полагает, что Эскинес допустил ораторское искажение, когда заявил, что Филипп присутствовал в Македонии во время

беседы с Ификратом. Это неудовлетворительный способ выйти из затруднения; но хронологические утверждения в их нынешнем виде вряд ли могут быть полностью верными. Не исключено, что после беседы с Ификратом Филипп снова отправился в Фивы или был послан обратно; таким образом, мы можем получить три года его пребывания в этом городе, причем два раза по несколько лет. Мы не должны полагать, что в Фивах он находился в тяжелом состоянии и подвергался жестокому обращению. См. Mr. Clinton, Fast. Hell. App. iv. p. 229.

[429] Athenæus, xi. p. 506. διατρέφων δ' ἐνταῦθα δύναμιν (Philippus) и т. д. О Дердасе см. Xenoph. Hellen. v. 2, 38.

[430] В последующие времена римский сенат, навязывая условия мира полузавоеванным царям, часто требовал заложников за верность, среди которых был молодой принц царской крови; и часто случалось, что последний, после нескольких лет пребывания в Риме, возвращался домой изменившимся во многих отношениях.

См. случай Деметрия, младшего сына последнего Филиппа Македонского и младшего брата Персея (Ливий, xxxiii. 13; xxxix. 53; xl. 5), молодых парфянских принцев Вононеса (Тацит, Анналы, ii. 1, 2), Фраатеса (Тацит, Анналы, vi. 32), Мегердата (Тацит, Анналы, xii. 10, 11).

[431] Даже по мнению очень компетентных судей: см. Æschines, Fals. Leg. c. 18. p. 253.

[432] Плутарх, Пелопидас, с. 26. ζηλωτῆς γεγόνεναί ἔδοξεν Ἐπαμεινώνδου, τὸ περὶ τοὺς πολέμους καὶ τὰς στρατηγίας δραστήριον ἴσως κατανοήσας, ὃ μικρὸν ἦν τῆς τοῦ ἀνδρὸς ἀρετῆς μόριον, etc.

[433] Justin, vii. 4. Менелай, отец Аминта и дед Филиппа, как утверждается, был незаконнорожденным сыном, а сам Аминт, как говорят, первоначально был слугой или рабом Эропа (Ælian, V. Н. xii. 43). Наши сведения о взаимоотношениях сменявших друг друга царей и претендентов на престол в Македонии туманны и неудовлетворительны. Юстин (l. c.) согласен с Илианом, называя отцом Аминтаса Менелая; но Дексипп (ар. Syncellum, p. 263) называет его Аридеем, а Диодор (xiv. 92) - Тарралеем.

[434] Justin, xxix. 1.

[435] Диодор xvi. 2; Юстин, vii. 5; Quint. Curt. vi. 48, 26.

[436] Юстин, vii. 5. Аминтас жил в царствование Филиппа, а затем был предан смерти Александром по обвинению в заговоре. См. Юстин, xii 6; Квинт Курций, vi. 34, 17; с примечанием Мютцеля.

[437] Юстин, viii. 3. "Post hæc Olynthios aggreditur (Philip): receperant enim per misericordiam, post cædem unius, duos fratres ejus, quos Philippus, ex novercâ genitos, velut participes regni, interficere gestiebat."

[438] Arrian, Exp. Alex. iv. 11. οὐ βίᾳ, ἀλλὰ νόμῳ Μακεδόνων ἄρχοντες διετέλεσαν (Александр и его предки до него).

[439] Суд над Филотой, обвиненным Александром в заговоре перед собранием македонских воинов возле штаб-квартиры, является примером, на котором больше всего настаивают в пользу распространенности этого обычая, публичного суда при уголовных обвинениях. Квинт Курций говорит (vi. 32. 25): "De capitalibus rebus vetusto Macedonum more inquirebat exercitus; in pace erat vulgi: et nihil potestas regum valebat, nisi prius valuisset auctoritas." Сравните Арриан, iii. 26; Диодор. xvii. 79, 80.

В то, что таков был древний македонский обычай в отношении видных лиц, обвиненных в измене, мы охотно верим; и что с офицером такого высокого ранга и военной репутации, как Филота, если его подозревали в измене, вряд ли можно было поступить как-то иначе. Если его осуждали, то все его родственники и свойственники, независимо от того, были они причастны к этому или нет, становились причастными к тому же осуждению. Несколько родственников Филоты бежали или покончили с собой, и тогда Александр издал указ о помиловании всех, кроме Парменио, который находился в Медии и которого он немедленно отправил с тайным приказом. Если рассматривать процесс против Филоты, описанный Курцием, как правильный, то это скорее обращение Александра к солдатам за согласием на убийство опасного врага, чем расследование вины или невинности.

Олимпия во время междоусобиц, последовавших после смерти Александра, похоже, предала смерти столько знаменитых македонцев, сколько пожелала, без всякого суда. Но когда ее враг Кассандр одержал верх, покорил и захватил ее, он не решился предать ее смерти без согласия македонского собрания (Diodor. xix. 11, 51; Justin, xiv. 6; Pausanias, i. 11, 2). Эти македонские собрания, насколько мы о них читаем, созывались главным образом как инструменты, чтобы санкционировать какую-то заранее определенную цель царя или военного лидера, преобладающего в то время. Флатх (Geschicht. Makedon. p. 43-45), по моему мнению, сильно преувеличивает права и полномочия, которыми пользовался македонский народ.

[440] Xenoph. Hellen. vi. 1, 6, 16.

[441] Diodor. xvi. 2, 3.

[442] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 660. s. 144.

[443] Diodor. xvi. 3; Demosthen. cont. Aristokrat. p. 660 *ut sup.* τῶν ἡμετέρων τινὰς πολιτῶν, etc. Юстин, vii 6.

[444] Diodor. xvi. 3.

[445] Diodor. xvi. 4.

[446] См. замечания Нибура об этих миграциях галльских племен с запада и их влиянии на предшествующее население, обосновавшееся между Дунаем и Эгейским морем (Niehbuhr, Vorträge über alte Geschichte, vol. iii. p. 225, 281; также более ранняя работа того же автора- Kleine Schriften, Untersuchungen über die Geschichte der Skythen, p. 375).

[447] Theopompus, Fragm. 35, ed. Didot; Cicero de Officiis, ii. 11; Diodor. xvi. 4.

[448] Arrian, vii. 9, 2, 3.

[449] Diodor. xvi. 4-8. Фронтин (Strategem. ii. 3, 2) упоминает о битве, которую Филипп выиграл у иллирийцев: заметив, что их отборные войска находятся в центре, он поставил свои самые большие силы на правое крыло, атаковал и разбил их левое крыло, затем зашел им во фланг и разгромил всю их армию. Была ли это та битва, о которой говорится, мы не можем сказать. Применяемая тактика та же, что и у Эпаминонда при Лейктре и Мантинее: усиление одного крыла специально для наступления и сдерживание остальной части армии в обороне.

[450] См. т. X. гл. lxxx. с. 379 и далее.

[451] Demosthenes, Orat. de Chersonese, p. 98, s. 34. φέρε γὰρ, πρὸς Διὸς, εἰ λόγον ὑμᾶς ἀπατήσκειαν οἱ Ἕλληνες ὧν νυνὶ παρείκατε καιρῶν διὰ ῥαθυμίαν, etc.

[452] Xenoph. Hellen. vi. 5, 23. Εὐβοεῖς ἀπὸ πασῶν τῶν πόλεων: также vii. 5, 4. Βοιωτοὺς ἔχων πάντας καὶ Εὐβοέας (Эпаминондас) и др.

Виневский в своем поучительном комментарии к историческим фактам "Орации Демосфена о Короне" ошибочно утверждает, что Эвбея находилась в зависимости от Афин без перерыва с 377 по 358 г. до н. э. (Winiewski, Commentarii Historici et Chronologici in Demosthenis Orationem de Coronâ, p. 30).

[453] Xenoph. Hellen. vii. 4, 1; Diodor. xv. 76; Demosthen. de Coronâ, p. 259. s. 123.

[454] Demosthenes, Orat. de Chersones. p. 108. s. 80. τοὺς Εὐβοέας σώζειν, ὅτε Θηβαῖοι κατεδουλοῦντ' αὐτοὺς, etc.: compare Demosthen. de Coronâ, p. 259. s. 123. Θηβαίων σφετεριζομένων τὴν Εὐβοίαν и т. д.; и Æschines cont. Ktesiphont. p. 397. c. 31. ἐπειδὴ διέβησαν εἰς Εὐβοίαν Θηβαῖοι, καταδουλώσασθαι τὰς πόλεις πειρώμενοι, etc.

[455] Demosthen. Orat. de Chersones. p. 108. s. 80. Εἴπέ μοι, βουλευέσθε, ἔφη (Timotheus), Θηβαίους ἔχοντες ἐν νήσῳ, τί χρήσεσθε, καὶ τί δεῖ ποιεῖν; Οὐκ ἐμπλήσετε τὴν θάλασσαν, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τριηρῶν; Οὐκ ἀναστάντες ἤδη πορεύσεσθε εἰς τὸν Πειραιᾶ; Οὐ κατέλξετε τὰς ναῦς;

[456] См. в качестве иллюстрации этих задержек Демосфен, Филиппики i. p. 50 s. 42.

Любой гражданин, считавший, что он не по своей воле был призван к триерархии или другой дорогостоящей обязанности, а другой гражданин был неоправданно пощажен, мог предложить этому последнему обмен имуществом, предлагая взять на себя эту обязанность, если имущество другого будет передано ему. Лицо, которому делалось предложение, должно было сделать одно из трех: 1. либо доказать в судебном порядке, что очередь не его и что он не несет ответственности; 2. либо освободить гражданина, сделавшего предложение, от только что наложенной на него триерархии; 3. либо принять обмен, получив имущество другого и передав взамен свое собственное; в этом случае гражданин, сделавший предложение, брал на себя триерархию.

Этот обязательный обмен имуществом с сопутствующим ему судебным процессом назывался антидосисом.

[457] То, что Тимофей был полководцем, Демосфен точно не указывает, но можно сделать вывод из Плутарха, De Gloriâ Athen. p. 350 F. ἐν ᾧ Τιμόθεος Εὐβοίαν ἡλευθέρου, что в случае с таким военным человеком, как Тимофей, вряд ли может означать только речь, которую он произнес в собрании. Диокл упоминается Демосфеном как заключивший договор с фиванцами, но это не обязательно означает, что он был командующим: см. Demosth. cont. Meidiam, p. 570 s. 219.

О Филине как коллеге Демосфена по триерархии см. Demosthen. cont. Meidiam, p. 566. s. 204.

[458] Диодор (xvi. 7) утверждает, что борьба в Эвбее продолжалась довольно долго.

Демосфен говорит о том, что экспедиция достигла цели за три дня, Эсхин - за пять дней; последний также утверждает, что в течение тридцати дней фиванцы были побеждены и изгнаны (Demosthenes cont. Androtion. p. 597. s. 17; Æschines cont. Ktesiphont. p. 397. c. 31).

О Харесе и наемниках см. Demosthenes cont. Aristokrat. p. 678. s. 206.

[459] Demosthenes cont. Androtion. p. 616. s. 89; cont. Timokrat. p. 756. s. 205.

[460] Æschines cont. Ktesiphont. p. 401, 403, 404. c. 32. 33; Demosthenes pro Megalopolitan. p. 204. s. 16.

[461] См. т. X. гл. lxx. p. 381, 382.

[462] Demosthenes, De Rhodior. Libertat. p. 194. s. 17. παρὸν αὐτοῖς (родосцы) Ἕλλησι καὶ βελτίοσιν αὐτῶν ὑμῖν ἐξ ἴσου συμμαχεῖν ἢ др.

[463] Diodor. xv. 95.

[464] Demosthenes, Philip, i. 46. s. 28. ἐξ οὗ δ' αὐτὰ καθ' αὐτὰ τὰ ξενικὰ ὑμῖν στρατεύεται, τοὺς φίλους νικᾷ καὶ τοὺς συμμάχους, οἱ δ' ἐχθροὶ μείζους τοῦ δέοντος γεγόνασιν. Καὶ παρακύψαντα ἐπὶ τὸν τῆς πόλεως πόλεμον, πρὸς Ἀρτάβαζον ἢ πανταχοῦ μᾶλλον οἵχεται πλέοντα- ὁ δὲ στρατηγὸς ἀκολουθεῖ- εἰκότως- οὐ γὰρ ἔστιν ἄρχειν μὴ διδόντα μισθόν.

Ibid. p. 53. s. 51. Ὅποιοι δ' ἂν στρατηγὸν καὶ ψήφισμα κενὸν καὶ τὰς ἀπὸ τοῦ βήματος ἐλπίδας ἐκπέμψητε, οὐδὲν ὑμῖν τῶν δεόντων γίγνεται, ἀλλ' οἱ μὲν ἐχθροὶ καταγελῶσιν, οἱ δὲ σύμμαχοι τεθναῖσι τῷ δέει τοὺς τοιούτους ἀποστόλους.

Ibid. p. 53. s. 53. Νῦν δ' εἰς τοῦθ' ἥκει τὰ πράγματα αἰσχύνης, ὥστε τῶν στρατηγῶν ἕκαστος δις καὶ τρις κρίνεται παρ' ὑμῖν περὶ θανάτου, πρὸς δὲ τοὺς ἐχθροὺς οὐδεὶς οὐδ' ἅπαξ αὐτῶν ἀγωνίσασθαι περὶ θανάτου τολμᾷ, ἀλλὰ τὸν τῶν ἀνδραποδιστῶν καὶ λωποδυτῶν θάνατον μᾶλλον αἰροῦνται τοῦ προσήκοντος.

Сравните Olynthiac ii. p. 26. s. 28; De Chersoneso, p. 95. s. 24-27, cont. Aristokrat. p. 639. s. 69; De Republ. Ordinand. περὶ Συντάξεως, p. 167. s. 7. Также Æschines de Fals. Legat. p. 264. c. 24; Isokrates, De Pace, s. 57. 160.

[465] Xenoph. Hellen. vi. 3, 18; vi. 5, 2.

[466] Demosthenes, De Rhodior. Libertat. p. 191. s. 3. ἡτιάσαντο γὰρ ἡμᾶς ἐπιβουλεύειν αὐτοῖς Χῆοι καὶ Βυζάντιοι καὶ Ῥόδιοι, καὶ διὰ ταῦτα συνέστησαν ἐφ' ἡμᾶς τὸν τελευταῖον τουτονὶ πόλεμον- φανήσεται δ' ὁ μὲν πρυτανεύσας ταῦτα καὶ πείσας Μαύσωλος, φίλος εἶναι φάσκων Ῥοδίων, τὴν ἐλευθερίαν αὐτῶν ἀφηρημένος.

[467] Demosthen. de Rhodior. Libert. p. 195. s. 17. p. 198 s. 34; de Pace, p. 63. s. 25; Diodor. xvi. 7.

[468] Demosthen. de Pace, p. 63. s. 25. (ἐῷμεν) τὸν Κᾶρα τὰς νήσους καταλαμβάνειν, Χίον καὶ Κῶν καὶ Ῥόδον, καὶ Βυζαντίους κατάγειν τὰ πλοῖα, etc.

Сравните Demosthenes adv. Polykl. p. 1207 s. 6. p. 1211. s. 22; adv. Leptinem, p. 475. s. 68.

[469] Thucyd. viii. 15.

[470] Диодор xvi. 7, Корнелий Непос, Хабрия, с. 4, Плутарх, Фокион, с. 6, рассказывают об этом событии скупно и неполно.

Демосфен в своей речи, произнесенной через три года после этого, упоминает о смерти Хабрия и восхваляет его поведение на Хиосе среди других его славных деяний, но не приводит никаких подробностей (Demosth. cont. Leptin. p. 481, 482).

Корнелий Непос говорит, что Хабрий не был командиром, а только служил рядовым солдатом на корабле. Я считаю это менее вероятным, чем утверждение Диодора, что он был командиром вместе с Харесом.

[471] Похоже, что в этом 357 году до н. э. был большой и всеобщий дефицит кукурузы. Demosthenes adv. Leptinem, p. 467. s. 38. προπέρουσι σιτοδείας παρὰ πᾶσιν ἀνθρώποις γενομένης, etc. Эта оратория была произнесена в 355 г. до н. э.

[472] Я следую главным образом рассказу Диодора об этих операциях, скудному и неудовлетворительному (xvi. 21). Непос (Timotheus, с. 3) отличается от Диодора по нескольким пунктам. Он утверждает, что и Самос, и Геллеспонт восстали против Афин, и что местность, в которой Харес совершил нападение, вопреки мнению двух его коллег, находилась недалеко от Самоса, а не в Геллеспонте. Далее он утверждает, что Менестей, сын Ификрата, был назван коллегой Хареса; и что Ификрат и Тимофей были назначены советниками Менестея.

Что касается последнего утверждения - что Тимофей служил только в качестве советника своего младшего родственника, а не в качестве официально назначенного генерала, - то оно само по себе маловероятно и не согласуется с Исократом (Or. xv. De Permutat. s. 137), который представляет Тимофея как прошедшего через обычное испытание на ответственность. Непос также не может быть прав, говоря, что Самос теперь восстал: ведь мы находим его все еще во владении Афин после Социальной войны, и мы знаем, что после этого туда была отправлена новая партия афинских клерухов.

С другой стороны, я думаю, что Непос, вероятно, прав в своем утверждении, что Геллеспонт теперь восстал ("descierat Hellespontus"). Этот факт сам по себе маловероятен и помогает нам понять, как случилось, что Харес завоевал Сестос в 353 году до н. э. (Diodor. xvi. 34), и что афиняне, как говорят, отвоевали Херсонес у Керсоблепта.

У Полиэна (iii. 9, 29) есть рассказ о том, что нежелание Ификрата воевать проявилось возле Эмбаты; это место не согласуется ни с Непосом, ни с Диодором. Эмбата находилась на континенте Азия, на территории Эритреи.

См. об отношениях Афин с Сестосом в моем последнем предыдущем томе, том X. гл. lxxx. стр. 380 примечание.

Наши свидетельства об этом периоде настолько скудны, что ничего похожего на уверенность достичь невозможно".

[473] Deinarchus cont. Philokl. s. 17. ἑκατον ταλάντων τιμήσαντες (Τιμόθεον), ὅτι χρήματ' αὐτὸν Ἀριστοφῶν ἔφη παρὰ Χίων εἰληφέναι καὶ Ῥοδίων: compare Deinarch. cont. Demosthen. s. 15, где упоминается то же обвинение во взяточничестве, хотя αὐτὸς ἔφη помещено вместо αὐτὸν Ἀριστοφῶν ἔφη, по-видимому, по ошибке переписчика.

[474] См. Аристотель. Риторика. ii. 24; iii. 10. Квинтилиан, Inst. Or. v. 12, 10.

[475] Isokrates, Or. xv. (Permutat.) s. 137. εἰ τοσαύτας μὲν πόλεις ἐλόντα, μηδεμίαν δ' ἀπολέσαντα, περὶ προδοσίας ἔκρινε (ἡ πόλις Τιμόθεον), καὶ πάλιν εἰ διδόντος εὐθύνας αὐτοῦ, καὶ τὰς μὲν πράξεις Ἰφικράτους ἀναδεχομένου, τὸν δ' ὑπὲρ τῶν χρημάτων λόγον Μενεσθέως, τούτους μὲν ἀπέλυσε, Τιμόθεον δὲ τοσούτοις ἐζημίωσε χρήμασιν, ὅσοις οὐδένα πώποτε τῶν προγεγενημένων.

[476] Isokrates, Or. xv. (Permutat.) s. 146. Ταῦτα δ' ἀκούων ὀρθῶς μὲν ἔφασκέ με λέγειν, οὐ μὴν οἷός τ' ἦν τὴν φύσιν μεταβαλεῖν, etc.

Исократ подробно останавливается на этом вопросе с 137 по 147 ст. Это рассуждение было написано, по-видимому, в 353 году до н. э., примерно через год после смерти Тимофея и через четыре года после описываемого здесь суда.

[477] Demosthenes cont. Meidiam, p. 534, 535; Xenoph. Hellen. vi. 2. 39.

[478] Dionysius Halikarnass., *Judicium de Lysiâ*, p. 481; Justin, vi. 5. Аристотель в своей "Риторике" заимствует несколько иллюстраций по риторическим вопросам из речей Ификрата, но ни одной из речей Тимофея.

[479] Polyænus, iii. 9, 29. То, что это могло быть сделано при покровительстве и даже по умыслу Ификрата, достаточно вероятно. Но мне кажется, что любая очевидная цель запугивания Дикастерия могла принести ему больше вреда, чем пользы.

[480] Реданц (*Vitæ Iphicratis, Chabriæ, et Timothei*, p. 224 *seqq.*), собирая и поучительно обсуждая все факты, касающиеся этих двух полководцев, помещает дату этого памятного суда в 354 г. до н. э.; через три года после событий, к которым он относится, и через два года после мира, завершившего Социальную войну. Г-н Клинтон (*Fast. Hellenici*, B. C. 354) приводит то же самое утверждение. Я не согласен с их мнением относительно даты и считаю, что суд должен был состояться вскоре после неудачной битвы в Геллеспонте, то есть в 357 году до н. э. (или в 356 году до н. э.), когда социальная война еще продолжалась.

Реданц и Клинтон опираются на высказывание Дионисия Галикарнаса. (*De Dinarcho Judicium*, p. 667). Говоря об оратории, ложно приписываемой Дейнарху, Дионисий говорит, что она была произнесена до зрелости этого оратора - *εἴρηται γὰρ ἐπὶ τοῦ στρατηγοῦ Τιμοθέου ζῶντος, κατὰ τὸν χρόνον τὸν τῆς μετὰ Μενεσθέως στρατηγίας, ἐφ' ἧ τὰς εὐθύνας ὑποσχὼν, ἔαλω. Τιμόθεος δὲ τὰς εὐθύνας ὑπέσχηκεν ἐπὶ Διοτίμου, τοῦ μετὰ Καλλίστρατον, ὅτε καὶ....* Это последние слова в MS., так что предложение не сохранилось; г-н Клинтон предлагает *ἐτελεύτησεν*, что очень вероятно.

Архонство Диотимы приходится на 354-353 гг. до н. э.; таким образом, Дионисий здесь утверждает, что суд состоялся в 354 г. до н. э. Но, с другой стороны, тот же Дионисий в другом отрывке утверждает, что тот же самый суд состоялся, когда еще продолжалась Социальная война, то есть где-то между 358 и 355 гг. до н. э. *De Lysiâ Judicium*, p. 480. *ἐν γὰρ τῷ συμμαχικῷ πολέμῳ τὴν εἰσαγγελίαν Ἰφικράτης ἡγώνισται, καὶ τὰς εὐθύνας ὑπέσχηκε τῆς στρατηγίας, ὡς ἐξ αὐτοῦ τοῦ λόγου γίνεταί καταφανές- οὗτος δὲ ὁ πόλεμος πίπτει κατὰ Ἀγαθοκλέα καὶ Ἑλπίνην ἄρχοντας.* Архонство Агафокла и Элпинеса охватывает промежуток между серединой лета 357 г. до н. э. и серединой лета 355 г. до н. э.

Совершенно очевидно, что эти два отрывка из Дионисия противоречат друг другу. Реданц и мистер Клинтон замечают это противоречие, но рассматривают первый приведенный отрывок как содержащий истину, а второй - как ошибочный. Я не могу не считать, что последний приведенный отрывок заслуживает наибольшего доверия, и что истинная дата суда - 357-356 гг. до н. э., а не 354 г. до н. э., а не 354 г. до н. э. Когда Дионисий утверждает, что суд состоялся, когда еще шла социальная война, он добавляет: , "как явствует из самой речи - ὡς ἐξ αὐτοῦ γίνεταί τοῦ λόγου καταφανές". Таким образом, здесь не было возможности быть введенным в заблуждение ошибочными таблицами; доказательства прямые и полные; в то время как он не говорит нам, на каком основании он сделал другое утверждение, об архонстве Диотимы. Далее, конечно, невероятно, чтобы неудачная битва в Геллеспонте и ожесточенная ссора между Харесом и его коллегами, вероятно, сопровождавшаяся большим волнением на флоте, могли оставаться без судебного решения в течение трех лет. Наконец, если предположить, что утверждение об архонстве Диотимы является ошибкой, то

легко понять, как она возникла. Дионисий перепутал год смерти Тимофея с годом его суда. Похоже, он умер в 354 году до н. э. Добавлю, что текст в этом отрывке не вызывает подозрений.

[481] Cornelius Nepos, *Timoth.* c. 4; Rehdantz, *Vit. Iph., Ch. et Timoth.* p. 235; Isokrates, *Or.* xv. (*Permutat.*) s. 108, 110. 137.

[482] Diodor. xvi. 22. У Демосфена (*Philippic.* i. p. 46. s. 28) есть выразительный отрывок, упоминающий это действие со стороны Хареса; он представляет его как необходимый результат беспечности афинян, которые не хотели ни служить сами, ни снабжать своего генерала деньгами для оплаты его иностранных войск, и как меру, которой генерал не мог избежать.

... ἐξ οὗ δ' αὐτὰ καθ' αὐτὰ τὰ ξενικὰ ὑμῖν στρατεύεται, τοὺς φίλους νικᾷ καὶ τοὺς συμμάχους, οἱ δ' ἐχθροὶ μείζους τοῦ δέοντος γεγόνασιν, καὶ παρακύψαντα ἐπὶ τὸν τῆς πόλεως πόλεμον, πρὸς Ἀρτάβαζον καὶ πανταχοῦ μᾶλλον οἴχεται πλέοντα- ὁ δὲ στρατηγὸς ἀκολουθεῖ- εἰκότως-οὐ γὰρ ἔστιν ἄρχειν, μὴ διδόντα μισθόν. Сравните схолии на ту же ораторию, отрывок, который встречается несколько раньше, p. 44. s. 22.

Из этого отрывка кажется очевидным, что афиняне сначала были недовольны таким отвлечением от регулярной цели войны, хотя плата от Артабаза впоследствии частично примирила их с этим; это несколько отличается от утверждения Диодора.

Из надписи (приведенной в Rehdantz, *Vitæ Iphicratis, Chabriæ, etc.*, p. 158) мы узнаем, что Харес, Харидем и Фокион в это время совместно командовали афинским флотом у Лесбоса и что они вели какие-то переговоры о денежных поставках с персидским Оронтом на материке. Но надпись настолько изуродована, что невозможно установить ни одного конкретного факта.

[483] Diodor. xvi. 22. Я мало доверяю аргументам, приложенным к оратории Исократы De Пасе. Насколько я в состоянии понять факты этого неясного периода, мне кажется, что автор этого аргумента ошибочно соединил их вместе и неверно представил ситуацию.

Утверждение Демосфена в оратории против Лептинов (p. 481. s. 90) о поведении хиосцев в отношении памяти Хабрия, скорее, подразумевает, что мир с Хиосом был заключен до произнесения этой оратории. Она была произнесена в самый год заключения мира 355 г. до н. э.

[484] Demosthenes *adv. Leptinem*, p. 464. s. 26, 27; и *De Coronâ*, p. 305 s. 293.

[485] Diodor. xvi. 8.

[486] Демосфен, *Olynth.* i. p. 11. s. 8 ... εἰ γὰρ, ὅθ' ἤκομεν Εὐβοεῦσι βεβοηθηκότες καὶ παρῆσαν Ἀμφιπολιτῶν ἱέραξ καὶ Στρατοκλῆς ἐπὶ τούτῳ τὸ βῆμα, κελεύοντες ἡμᾶς πλεῖν καὶ παραλαμβάνειν τὴν πόλιν, τὴν αὐτὴν παρειχόμεθ' ὑπὲρ ἡμῶν αὐτῶν προθυμίαν ἥνπερ ὑπὲρ τῆς Εὐβοέων σωτηρίας, εἶχετ' ἂν Ἀμφίπολιν τότε καὶ πάντων τῶν μετὰ ταῦτα ἂν ἦτε ἀπαλλαγμένοι πραγμάτων.

[487] Demosthenes *cont. Aristokrat.* p. 659. s. 138. ...κάκεῖνο εἰδότες, ὅτι Φίλιππος, ὅτε μὲν Ἀμφίπολιν ἐπολιόρκει, ἴν' ὑμῖν παραδῶ, πολιορκεῖν ἔφη- ἐπειδὴ δ' ἔλαβε, καὶ Ποτειδαίαν προσαφείλετο.

Также Орация De Halonneso, p. 83. s. 28. ... τῆς δ' ἐπιστολῆς, ἣν πρὸς ὑμᾶς ἔπεμψεν (Philip) ὅτ' Ἀμφίπολιν ἐπολιόρκει, ἐπιλέλησται, ἐν ᾗ ὡμολόγει τὴν Ἀμφίπολιν ὑμετέραν εἶναι- ἔφη γὰρ ἐκπολιορκήσας ὑμῖν ἀποδώσειν ὡς οὔσαν ὑμετέραν, ἀλλ' οὐ τῶν ἐχόντων.

[488] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 660. s. 144.

[489] Diodor. xvi. 8, с отрывком из Либания, приведенным в примечании Весселинга. Демосфен, Olynth. i. p. 10. s. 5.

Гиеракс и Стратокл были амфиполитанскими посланниками, отправленными в Афины с просьбой о помощи против Филиппа. Сохранилась надпись, в которой зафиксирован приговор о вечном изгнании Филона и Стратоклеса. См. Voesckh, Corp. Inscr. No. 2008.

[490] Thucyd. i. 61, 137; Diodor. xiii. 49. Пидна была приобретена Тимофеем для Афин.

[491] Об этих тайных переговорах, об обмене Пидны на Амфиполь, кратко упоминает Демосфен, и, похоже, их полностью отметил Феопомп (Demosthenes, Olynth. ii. p. 19. s. 6. с комментариями Ульпиана; Theopompus, Fr. 189, ed. Didot).

[492] Demosthenes, Philipp. ii. p. 71. s. 22.

[493] Demosthen. adv. Leptinem, p. 476. s. 71. ... φέρει δὴ κάκεῖνο ἐξετάσωμεν, οἱ προδόντες τὴν Πύδναν καὶ τᾶλλα χωρία τῷ Φιλίππῳ τῷ ποτ' ἐπαρθέντες ὑμᾶς ἡδίκουν; ἢ πᾶσι πρόδηλον τοῦτο, ὅτι ταῖς παρ' ἐκείνου δωρεαῖς, αἷς διὰ ταῦτα ἔσεσθαι σφίσις ἡγοῦντο;

Сравните Olynthiac i. p. 10. s. 5.

Эта речь была произнесена в 355 году до н. э., что подтверждает дату сдачи Пидны и Потидеи.

Что это за "другие места", о которых говорит Демосфен (помимо Пидны и Потидеи), мы не знаем. Диодор (xvi. 31) утверждает, что Метона была взята только в 354-353 гг. до н. э.

[494] Завоевания Филиппа всегда перечисляются Демосфеном в таком порядке: Амфиполь, Пидна, Потидея, Метона и т. д., Olynthiac i. p. 11. s. 9. p. 12. s. 13; Philippic i. p. 41. s. 6; De Coronâ, p. 248. s. 85.

См. Ulpian ad Demosthenem, Olynth. i. p. 10. s. 5; также Diodor. xvi. 8 и примечание Весселинга.

[495] В публичном голосовании благодарности, принятом много лет спустя афинским собранием в отношении Демосфена, перечисляются его заслуги, и среди них мы находим этот вклад в помощь пленным в Пидне, Мефоне и Олинфе (Плутарх, Вит. Х. Оратор, стр. 851).

[496] Сравните Демосфен, Олинфский сборник i. p. 11. s. 9; Филиппики i. p. 50. s. 40 (где он упоминает экспедицию в Потидею как слишком позднюю, но не упоминает никакой экспедиции для помощи Пидне).

[497] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 656. s. 128. πρὸς ὑμᾶς πολεμῶν, χρήματα πολλὰ ἀναλώσας (Филипп, при осаде Потидеи). В этой оратории (произнесенной до н. э. 352 г.) Демосфен рассматривает взятие Потидеи как дело рук Филиппа; Во второй "Олинфии" он говорит, будто Филипп был второстепенным агентом, полезным помощником олинфян в осаде: πάλιν αὖ πρὸς Ποτίδαιαν Ὀλυνθίοις ἐφάνη τι τοῦτο συναμφότερον - и. т. е. македонская держава была проσθήκη τις οὐ σμικρά.... Первое представление, сделанное за два-три года до второго, несомненно, является более верным.

[498] Demosthenes, Philipp. ii. p. 71. s. 22. Ποτίδαιαν δ' ἐδίδου, τοὺς Ἀθηναίων ἀποίκους ἐκβάλλων (Филипп отдал его олинфянам), καὶ τὴν μὲν ἐχθρὰν πρὸς ἡμᾶς αὐτὸς ἀνήρηντο, τὴν χώραν δ' ἐκείνοις ἐδεῶκει καρποῦσθαι. Отрывок из Oratio de Halonneso (p. 79. s. 10) указывает на это же изгнание и экспроприацию афинских клерухов, хотя Voemel и Franke (ошибочно, я думаю) полагают, что он указывает на обращение с этими клерухами Филиппа несколько лет спустя, когда он взял Потидею себе. Мы можем быть уверены, что ни одному афинскому клеруху не было позволено остаться в Потидее даже после первого захвата.

[499] Общее описание, данное в первом филиппике Демосфена о ἀπόστολοι из Афин, несомненно, может быть применено к экспедиции для помощи Потидее - Демосфен, Филиппики i. p. 46. s. 28. p. 53, s. 52. и общий тон проповеди.

[500] Диодор (xvi. 8), упоминая о взятии Потидеи, считает свидетельством доброго расположения Филиппа и его большого уважения к достоинству Афин (φιλανθρώπως προσενεγκάμενος) то, что он пощадил находившихся там афинян и позволил им уйти. Но при данных обстоятельствах было большой ошибкой, что он изгнал и экспроприировал их, когда ему не было нанесено никакого оскорбления и когда не было формальной войны (Demosth. Or. de Halonneso, p. 79. s. 10).

Диодор также утверждает, что Филипп отдал Пидну, а также Потидею олинфянам; это неверно.

[501] Demosthenes, Philippic i. p. 41. s. 6 ... εἴχομέν ποτε ἡμεῖς Πύδναν καὶ Ποτίδαιαν καὶ Μεθώνην, καὶ πάντα τὸν τόπον τοῦτον οἰκεῖον κύκλῳ, etc.

[502] Demosthenes, Philipp. ii. p. 70. s. 22.

[503] Diodor. xvi. 4-8; Harpokration v. Δάτον. Herodot. ix. 74.

[504] Diodor. xvi. 22; Plutarch, Alexand. c. 3.

[505] Юстин, vii. 6.

[506] Plutarch, Alexand. c. 2. 3. В "Вакхах" Еврипида содержится мощное описание этих возбуждающих церемоний.

[507] Plutarch, Alexand. c. 2. ἡ δὲ Ὀλυμπιάς μᾶλλον ἐτέρων ζηλώσασα τὰς κατοχὰς, καὶ τοὺς ἐνθουσιασμοὺς ἐξάγουσα βαρβαρικώτερον, ὅφεις μεγάλους χειροθήεις ἐφείλκετο τοῖς θιάσοις, etc.

Сравните Duris apud Athenæum, xiii. p. 560.

[508] Плутарх, Alexand. c. 3; Юстин, xii. 19.

[509] *Æschines*, De Fals. Legat. p. 280. c. 36. Об амфиктионийском собрании см. трактат Титтмана, Ueber den Amphiktyonischen Bund, p. 37, 45, seqq.

[510] Diodor. xvi. 23-29; Justin, viii. 1.

[511] *Æschines*, De Fals. Leg. p. 279. c. 35.

[512] Сравните Xenoph. Hellen. vi. 5, 23 и vii. 5, 4. О вражде фессалийцев и фокийцев см. Herodot. vii. 176, viii. 27; *Æschines*, De Fals. Leg. p. 289. c. 43; о локрийцах и фокийцах - Xenoph. Hellen. iii. 5, 3; Pausanias, iii. 9, 4.

[513] Diodor. xvi. 23; Justin, viii. 1; Павсаний, x. 2, 1; Duris ap. Athenæum, xiii. p. 560. Юстин говорит: "Causa et origo hujus mali, Thebani fuere; qui cum rerum potirentur, secundam fortunam

imbecillo animo ferentes, victos armis Lacedæmonios et Phocenses, quasi parva supplicia cædibus et rapinis luissent, apud commune Græciæ concilium superbe accusaverunt Lacedæmoniis crimini datum, quod arcem Thebanam induciarum tempore occupassent; Phocensibus, quod Bœotiam depopulati essent; prorsus quasi post arma et bellum locum legibus reliquissent."

[514] Diodor. xvi. 23, 24; Pausanias, x. 2, 1.

[515] В том, что этот замысел, вменяемый фиванцам, был частью дела, выдвинутого фокийцами в свою пользу, мы можем убедиться на основании отрывка из Демосфена, Fals. Leg. p. 347. s. 22. Демосфен обвиняет Эсхина в том, что он дал ложные обещания и заявления афинскому собранию, вернувшись из своего посольства в 346 году до н.э. Эсхин сказал афинянам (так утверждает Демосфен), что он убедил Филиппа действовать полностью в интересах и в интересах Афин; что афиняне очень скоро увидят Фивы, осажденные Филиппом, и восстановленные беотийские города; и, кроме того, τῷ θεῷ δὲ τὰ χρήματα εἰσπραττόμενα, οὐ παρὰ Φωκέων, ἀλλὰ παρὰ Θηβαίων τῶν βουλευσάντων τὴν κατάληψιν τοῦ ἱεροῦ διδάσκειν γὰρ αὐτὸς ἔφη τὸν Φίλιππον ὅτι οὐδὲν ἦττον ἤσεβήκασιν οἱ βεβουλευκότες τῶν ταῖς χερσὶ πραξάντων, καὶ διὰ ταῦτα χρήμαθ' ἑαυτῷ τοὺς Θηβαίους ἐπικεκρυχέναι.

Насколько Эсхин действительно обещал афинянам то, что, как утверждает Демосфен, он обещал, - это вопрос, который предстоит выяснить, когда мы приступим к рассмотрению сделок 346 года до н. э. Но мне кажется очевидным, что обвинение (истинное или ложное) против фиванцев в том, что они сами участвовали в заговоре с целью захвата храма, должно было исходить сначала от фокийцев, как часть оправдания их собственных действий. Если фиванцы когда-либо задумывали такую идею, то это должно было произойти до фактического захвата храма фокийцами; если бы их ложно обвинили в заговоре, то ложное обвинение также было бы предпочтительным в то время. Демосфен вряд ли придумал бы его через двенадцать лет после захвата храма фокийцами".

[516] Herodot. i. 54.

[517] Strabo, ix. p. 423.

[518] Thucyd. i. 12.

[519] Thucyd. v. 18.

[520] Юстин (viii. 1) не обращает внимания на эту первую позицию фокийцев в отношении храма в Дельфах. Он рассматривает их так, как будто они были опустошителями храма даже вначале; "velut deo irascentes".

[521] Diodor. xvi. 24. Гесихий (v. Λαφριάδαι) упоминает еще одну фратрию или род в Дельфах, называемую Laphriadæ. См. Wilhelm Götte, Das Delphische Orakel, p. 83. Leipsic, 1839.

Павсаний утверждает, что фокийцы собирались поступить с Дельфами и их жителями самым суровым образом, намереваясь убить всех мужчин военного возраста, продать оставшееся население в рабство и сровнять весь город с землей. Архидам, царь Спарты, (согласно Павсанию) убедил фокийцев отказаться от этого решения (Pausan. iii. 10, 4).

В какой момент фокийцы решились на этот шаг - да и вообще, решились ли они на него - мы не можем сказать с уверенностью. Мы также не можем с уверенностью решить, заимствовал ли Павсаний это утверждение у Теопомпа, которого он цитирует чуть раньше.

[522] Didorus xvi. 27. Ὅμοίως δὲ καὶ πρὸς τὰς ἄλλας τὰς ἐπισημοτάτας τῶν κατὰ τὴν Ἑλλάδα πόλεων ἀπέστειλεν, ἀπολογούμενος, ὅτι κατείληπται τοὺς Δελφοὺς, οὐ τοῖς ἱεροῖς χρήμασιν ἐπιβουλεύων, ἀλλὰ τῆς τοῦ ἱεροῦ προστασίας ἀμφισβητῶν- εἶναι γὰρ Φωκέων αὐτὴν ἰδίαν ἐν τοῖς παλαιοῖς χρόνοις ἀποδεδειγμένην. Τῶν δὲ χρημάτων τὸν λόγον ἔφη πᾶσι τοῖς Ἕλλησιν ἀποδώσειν, καὶ τὸν τε σταθμὸν καὶ τὸν ἀριθμὸν τῶν ἀναθημάτων ἔτοιμος εἶναι παραδίδόναι τοῖς βουλομένοις ἐξετάζειν. Ἡξίου δὲ, ἅν τις δι' ἐχθρὰν ἢ φθόνον πολέμῃ Φωκεῦσι, μάλιστα μὲν ξυμμαχεῖν, εἰ δὲ μή γε, τὴν ἡσυχίαν ἄγειν.

Что касается обязательства, взятого на себя Филомелом, что он выставит и проверит перед любыми общеэллинскими экспертами все ценное имущество в Дельфийском храме, по весу и количеству предметов, то читатель найдет интересный материал для сравнения в Аттических надписях. No. 137-142, vol. i. Corpus Inscriptt. Græcarum Бозция с ценным комментарием Бозция. Это сохранившиеся в Парфеноне записи о многочисленных золотых и серебряных донатах, передаваемых ежегодно назначаемыми казначеями богини своим преемникам в конце года, от одного Панафинейского праздника к другому. Вес каждого предмета официально фиксируется, и указываются новые предметы, получаемые каждый год (ἐπέτεια). Если какой-либо предмет передается без взвешивания (ἄσταθμον), этот факт отмечается. О том, что драгоценные донаты в дельфийском храме также тщательно взвешивались, можно судить по утверждению Геродота, что золотой лев, посвященный Крёзом, потерял часть своего веса при пожаре здания (Herodot. i. 50).

Павсаний (x. 2, 1) не обращает внимания на разницу между первой и второй частью действий Филомела: сначала захват храма без изъятия сокровищ, но просто на том основании, что фокийцы имели лучшее право управлять его делами; затем захват сокровищ и пожертвований храма, к чему он пришел позже, когда нашел это необходимым для защиты.

[523] Diodor. xvi. 25, 26, 27.

[524] Diodor. xvi. 25.

[525] Diodor. xvi. 28.

[526] Diodor. xvi. 28. ψηφισαμένων δὲ τῶν Ἀμφικτυόνων τὸν πρὸς Φωκεῖς πόλεμον, πολλὴ ταραχὴ καὶ διάστασις ἦν καθ' ὅλην τὴν Ἑλλάδα. Οἱ μὲν γὰρ ἔκριναν βοηθεῖν τῷ θεῷ, καὶ τοὺς Φωκεῖς, ὡς ἱεροσύλους, κολάζειν- οἱ δὲ πρὸς τὴν τῶν Φωκέων βοήθειαν ἀπέκλιναν.

[527] Diodor. xvi. 32. οὐκ ὀνόμαρξε-πολλαῖς γὰρ καὶ μεγάλαις δίκαις ὑπὸ τῶν Ἀμφικτυόνων ἦν καταδεδικασμένος ὁμοίως τοῖς ἄλλοις и др.

Ономарх назван коллегой Филомела, сар. 31, и его братом, сар. 61.

[528] Даже в 374 г. до н. э., за три года до битвы при Лейктре, фокейцы не могли защититься от Фив без помощи Спарты (Xenoph. Hellen. vi. 1, 1).

[529] Diodor. xvi. 30. ἡναγκάζετο (Philomelus) τοῖς ἱεροῖς ἀναθήμασιν ἐπιβαλεῖν τὰς χεῖρας καὶ συλᾶν τὸ μαντεῖον. Подобное предложение было выдвинуто коринфскими посланниками на конгрессе в Спарте незадолго до Пелопоннесской войны; в качестве одного из путей и средств они предлагали взять в долг из сокровищниц Дельф и Олимпии с последующим погашением (Thucyd. i. 121). Перикл выступил с подобным предложением в афинском собрании; "в целях безопасности" имущество храмов может быть использовано для покрытия военных расходов, с обязательством последующей замены (χρησαμένους τε ἐπὶ σωτηρίᾳ ἔφη χρῆναι μὴ ἐλάσσω ἀντικαταστήσαι πάλιν, Thucyd. ii. 13). После катастрофы в Сиракузах и в годы борьбы, предшествовавшие окончанию войны, афиняне были

вынуждены из-за финансовых трудностей отдать на общественные нужды многие из богатых пожертвований в Парфеноне, которые они так и не смогли впоследствии заменить.

Подтверждение этой абстракции можно найти в надписях, опубликованных Бёкхом, Corp. Inscript. No. 137-142, которые содержат официальные записи сменявших друг друга советов казначеев Athênê. В недавней поучительной диссертации Й. Л. Уссинга (*De Parthenone ejusque partibus Disputatio*, p. 3. Copenhagen, 1849) говорится: "Multæ in arce Athenarum inventæ sunt tabulæ Quæstorum Minervæ, in quibus quotannis inscribebant, quænam vasa aurea aliæque res pretiosæ in æde Minervæ dedicata extarent. Harum longe maxima pars ante Euclidem archontem scripta est...: Nec tamen una tabula templi dona continebat universa, sed separatim quæ in Pronao, quæ in Hecatompedo, quæ in Parthenone (часть храма, специально так названная), servabantur, separatim suis quæque lapidibus consignata erant. Singulari quadam fortuna contigit, ut inde ab anno 434 B. C., ad 407 B. C., tam multa fragmenta tabularum servata sint, ut hos donorum catalogos aliquatenus restituere possimus. In quo etiam ad historiam illius temporis pertinet, quod florentibus Athenarum rebus opes Deæ semper augeri, fractis autem bello Siculo, inde ab anno 412 B. C., eas paulatim deminui videmus.... Urgente pecuniæ inopia Athenienses ad Deam confugiebant, et jam ante annum 406 B. C., pleraque Pronai dona ablata esse videmus. Proximis annis sine dubio nec Hecatompedo nec Parthenoni pepercerunt; nec mirum est, post bellum Peloponnesiacum ex antiquis illis donis fere nulla comparere."

[530] Theopompus, Frag. 182, ed. Didot; Athenæ. xiii. p. 605, vi. p. 232; Ephorus, Frag. 155, ed. Didot; Diodor. xvi. 64.

[531] Isokrates, Orat. v. (ad Philippum) s. 60. τελευτῶντες δὲ πρὸς Φωκέας πόλεμον ἐξήνεγκαν (фиванцы), ὥς τῶν τε πόλεων ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ κρατήσοντες, τὸν τε τόπον ἅπαντα τὸν περιέχοντα κατασχίσοντες, τῶν τε χρημάτων τῶν ἐν Δελφοῖς περιγενησόμενοι ταῖς ἐκ τῶν ἰδίων δαπάναις.

[532] Diodor. xvi. 31; Pausan. x. 2, 1. Даты и продолжительность этих событий известны нам только в свободном и поверхностном виде из повествования Диодора.

[533] Diodor. xvi. 32. Οἱ δὲ Φωκεῖς-ἐπανήλθον εἰς Δελφοὺς καὶ συνελθόντες μετὰ τῶν συμμάχων εἰς κοινὴν ἐκκλησίαν, ἐβουλεύοντο περὶ τοῦ πολέμου.

[534] *Æschines*, Fals. Leg. p. 286. с. 41. τῶν ἐν Φωκεῦσι τυράννων, etc. Demosthen. cont. Aristokrat. p. 661. s. 147. Φαῦλλος ὁ Φωκεὺς ἢ τις ἄλλος δυναστής, etc.

[535] Diodor. xvi. 33. Многочисленные железные вертелы, посвященные придворным Родописом в Дельфах, вероятно, могли быть использованы для этой военной цели. Геродот (ii. 135) видел их в Дельфах; во времена Плутарха гид по храму показал только место, где они когда-то стояли (Plutarch, *De Pythiæ Oraculis*, p. 400).

[536] Theopompus, Frag. 255, ed. Дидо; Павсаний, iii. 10, 2; iv. 5, 1. Поскольку Архидам, как говорят, частным образом предоставил Филомелу пятнадцать талантов (Diodor. xvi. 24), он, возможно, получил теперь возмещение из имущества храма.

[537] Diodor. xvi. 33.

[538] Diodor. xvi. 33. Его рассказ об операциях Ономарха, как обычно, очень скуден - εἰς δὲ τὴν πολεμίαν ἐμβαλὼν, Θρόνιον μὲν ἐκπολιορκήσας ἐξηνδραποδίσατο, Ἀμφισσεῖς δὲ καταπληξάμενος, τὰς δ' ἐν Δωριεῦσι πόλεις πορθήσας, τὴν χώραν αὐτῶν ἐδήλωσεν.

О том, что Трония, Алпонус и Никея были тремя местами, которые контролировали Фермопильский проход, и что все эти три места находились во владении фокийцев

непосредственно перед их завоеванием Филиппом Македонским в 346 г. до н. э., мы знаем из *Æschines, Fals. Leg. p. 286. c. 41.*

...πρέσβεις πρὸς ὑμᾶς (афиняне) ἦλθον ἐκ Φωκέων, βοηθεῖν αὐτοῖς κελεύοντες, καὶ ἐπαγγελλόμενοι παραδῶσιν Ἀλπωνὸν καὶ Θρόνιον καὶ Νίκαιαν, τὰ τῶν παρόδων τῶν εἰς Πύλας χωρία κύρια.

Чтобы завоевать Тронию, Ономарх должен был пройти через эпикнемидских локрийцев и овладеть ими; и хотя Диодор не указывает никакого места, кроме Тронии, кажется очевидным, что Ономарх не мог завоевать одну только Тронию.

[539] Diodor. xvi. 34.

[540] Diodor. xvi. 52.

[541] Diodor. xvi. 34.

[542] Polyænus, iv. 2, 22, кажется, относится к этому моменту.

[543] Мы извлекаем то, что здесь сказано, из сравнения двух отрывков, собранных вместе, как это допускает неопределенность их тенор, Diodor. xvi. 34, с Demosth. cont. Aristokrat. p. 681. s. 219 (s. 183, в издании Вебера, с примечанием которого следует ознакомиться).

Демосфен говорит: Φιλίππου γὰρ εἰς Μαρώνειαν ἐλθόντος ἔπεμψε (Kersobleptes) πρὸς αὐτὸν Ἀπολλωνίδην, πίστεις δοὺς ἐκείνῳ καὶ Παμμένει- καὶ εἰ μὴ κρατῶν τῆς χώρας Ἀμάδοκος ἀπεῖπε Φιλίππῳ μὴ ἐπιβαίνειν, οὐδὲν ἂν ἦν ἐν μέσῳ πολεμεῖν ἡμᾶς πρὸς Καρδιανοὺς ἥδη καὶ Κερσοβλέπτην. Καὶ ὅτι ταῦτ' ἀληθὴ λέγω, λαβὲ τὴν Χάρητος ἐπιστολήν.

Упоминание Паммена как находящегося в пределах связи с Керсоблептом, упоминание Хареса как находящегося в Херсонесе и отправляющего депеши домой, упоминание Филиппа как находящегося в Маронее - все это позволяет связать этот отрывок с 353-352 гг. до н. э. и с фактами, отнесенными к этому году Диодором, xvi. 34. Между присутствием Хареса, о котором здесь говорится, и присутствием Хареса, отмеченным ранее в той же оратории, p. 678. s. 206, сразу после успешной экспедиции в Эвбею в 358 г. до н. э. Прошло пять лет, и Керсоблепт действовал враждебно по отношению к Афинам в районе Херсонеса (p. 680. s. 214), а также по отношению к двум соперничающим фракийским князьям, друзьям Афин. В то же время Сестос снова восстал; афинские войска были вовлечены в Социанскую войну с 358 по 355 год до н. э. В 353 году до н. э. Харес находится на Геллеспонте, восстанавливает Сестос и снова побеждает козни Керсоблепта, который уступает Афинам часть территории, которую он все еще удерживал в Херсонесе. Диодор объясняет эту уступку Керсоблепта неприязнью к Филиппу и доброй волей к афинянам. Возможно, это были мотивы, на которые претендовал Керсоблепт, которому определенная партия в Афинах приписывала более благосклонное отношение, чем признает Демосфен в оратории против Аристократа, как мы можем видеть из самой оратории. Но я скорее полагаю, что Диодор, описывая Керсоблепта как враждебного Филиппу и дружественного Афинам, применил к 353 году до н. э. состояние отношений, которое стало реальным лишь позднее, ближе к моменту заключения мира между Филиппом и афинянами в 346 году до н. э.

[544] Dionysius, Hal. Judic. de Dinarcho, p. 664; Strabo. xiv. p. 638.

[545] Diodor. xvi, 14. Этот отрывок относится к 357-356 гг. до н. э., и, возможно, Филипп начал вмешиваться в фессалийские партийные споры еще в том году; но его эффективное вмешательство произошло двумя или тремя годами позже. См. общий порядок агрессии Филиппа, указанный Демосфеном, Olynth. i. p. 12. s. 13.

[546] Diodor. xvi. 22.

[547] См. поразительный отрывок в Демосфене, Philipp. i. p. 48. s. 35. Было еще одно место под названием Метона - фракийская Метона, расположенная на Халкидском или Фракийском полуострове, недалеко от Олинфа и Аполлонии, о которой мы сейчас услышим.

[548] Демосфен, Philipp. i. p. 50. s. 40; Olynth. i. p. 11. s. 9.

[549] Диодор (xvi. 31-34) упоминает о захвате Филиппом Метона дважды, в два последовательных года: сначала в 354-353 гг. до н. э.; затем, более подробно, в 353-352 гг. до н. э. По моему мнению, более ранняя из двух дат более вероятна. В 353-352 гг. до н. э. Филипп вел войну во Фракии, около Абдеры и Маронеи, а также войну с Ономархом в Фессалии; этих операций, кажется, достаточно, чтобы заполнить время. Из языка Демосфена (Olynth. i. p. 12. s. 13) мы видим, что Филипп напал на Фессалию только после взятия Метона. Диодор, а также Страбон (vii. p. 330) и Юстин (vii. 6) утверждают, что Филипп был ранен и потерял зрение на один глаз во время этой осады. Но, по-видимому, это произошло позже, возле фракийского Мефона.

Сравните Юстин, vii. 6; Полиэн, iv. 2. 15. Под 354-353 гг. до н. э. Диодор упоминает не только о взятии Филиппом Мефона, но и о взятии *Пага*. Παγὰς δὲ χειρωσάμενος, ἡνάγκασεν ὑπποταγῆναι. *Пагæ* неизвестен, он находится вблизи Македонии и Фессалии. Весселинг и мистер Клинтон предполагают, что имеется в виду *Пагас* в Фессалии. Но мне кажется невозможным, чтобы Филипп, не обладавший значительной силой на море, мог взять Пагасæ до своих войн в Фессалии и до того, как он стал хозяином Феры, а эти события произошли только через год или два года после этого. Пагасæ - это порт Феры, а Ликофрон, деспот Феры, был еще могущественным и непокоренным. Поэтому, если Диодор имеет в виду слово Παγασάς, а не Παγὰς, я думаю, что утверждаемый факт не может быть верным.

[550] Этот факт упоминается в публичном голосовании благодарности афинского народа Демосфену (Плутарх, Vitæ X. Orat. p. 851).

[551] Thucyd. vi. 7. Μεθ'ὧν τὴν ὄμωρον Μακεδονίᾳ, etc.

[552] Таково описание афинского чувства, как оно тогда было, данное Демосфеном двадцать четыре года спустя в оратории De Coronâ, p. 230. s. 21.

Τοῦ γὰρ Φωκικοῦ συστάντος πολέμου, πρῶτον μὲν ὑμεῖς οὕτω διέκεισθε, ὥστε Φωκέας μὲν βούλεσθαι σωθῆναι, καίπερ οὐ δίκαια ποιοῦντας ὀρώντες, Θηβαίοις δ' ὀτιοῦν ἂν ἐφησθῆναι παθοῦσιν, οὐκ ἀλόγως οὐδ' ἀδίκως αὐτοῖς ὀργιζόμενοι, и т.д.

[553] Diodor. xvi. 58. Βουλόμενος τὰ Λευκτρικὰ φρονήματα συστεῖλαι τῶν Βοιωτῶν, etc., выражение, употребленное по отношению к Филиппу через несколько лет после этого, но более оживленное и выразительное, чем мы обычно находим у Диодора, который, возможно, заимствовал его у Теопомпа.

[554] Год рождения Демосфена - предмет печально известного спора. Ни одно из утверждений относительно него не опирается на убедительные доказательства.

Этот вопрос с большой тщательностью и умением исследовали как г-н Клинтон (Fasti Hellen. Appen. xx.), так и д-р Тирлуолл (Histor. G. vol. v. Appen. i. p. 485 seq.); Бёнеке (Forschungen, p. 1-94) более подробно, чем осторожно, но все же с большим количеством указаний; также К. Ф. Герман (De Anno Natali Demosthenis), и многие другие критики.

При принятии года Olymp. 99. 3 (архонтство Эвандера, 382-381 гг. до н. э.), я согласен с выводами г-на Клинтона и К. Ф. Германа; отличаясь от д-ра Тирлволла, который предпочитает предыдущий год (Olymp. 99. 2), и от Бёнеке, который подтверждает год, утвержденный Дионисием (Olymp. 99. 4).

Мистер Клинтон определяет *первый месяц* в Olymp. 99. 3, как месяц, в котором родился Демосфен. Это кажется мне более точным, чем требуют доказательства.

[555] Плутарх, Демосф. с. 4; Æschines adv. Ktesiph. p. 78. с. 57; Demosth. cont. Aphob. B. p. 835. Согласно Эсхину, Гилон был отдан под суд за то, что предал Нимфею врагу, но, не явившись, был приговорен к смерти в свое отсутствие и стал изгнанником. Затем он отправился на Босфор (Пантикапей), заручился благосклонностью царя (вероятно, Сатира - см. приложение г-на Клинтона о царях Босфора - Fasti Hellenic. Append. xiii, p. 282), вместе с пожалованием района под названием Кепи, и женился на дочери богатого человека, от которого у него было две дочери. Впоследствии он отправил этих двух дочерей в Афины, где одна из них, Клеобула, была выдана замуж за старшего Демосфена. Эсхинес, вероятно, преувеличил тяжесть приговора Гилону, который, похоже, был лишь оштрафован. Опекуны Демосфена утверждают не более чем то, что Гилон был оштрафован и умер с неуплаченным штрафом, в то время как Демосфен утверждает, что штраф *был* уплачен.

По поводу фактов, изложенных Эсхином, будет полезно сделать несколько пояснительных замечаний. Демосфен родился в 382-381 гг. до н. э., поэтому рождение его матери Клеобулы, вероятно, относится к периоду, близкому к концу Пелопоннесской войны, 405-404 гг. до н. э. Таким образом, мы видим, что основание Гилона в Босфорском царстве и его брачная связь там должны были произойти в последние годы Пелопоннесской войны; между 412 г. до н. э. (год после афинской катастрофы в Сиракузах) и 405 г. до н. э.

Это были годы большого несчастья для Афин. После катастрофы в Сиракузах она больше не могла поддерживать господство или предоставлять защиту такому далекому притоку, как Нимфей в Херсонесе Таврическом. Поэтому было естественно, что поселившиеся там афинские граждане, занимавшиеся, вероятно, экспортной торговлей кукурузой в Афины, искали безопасности, заключая как можно более выгодные сделки с соседними царями Босфора. В этой сделке Гелон, по-видимому, занял видное место, получив и пользу, и выгоду для себя. А когда после окончания войны торговля кукурузой снова стала сравнительно беспрепятственной, он смог вести ее в больших и прибыльных масштабах. Другой пример греков, получивших благосклонность, занявших должности и сколотивших состояние при Сатире на Босфоре, приводится в "Трапезитике" Исократ (Oratio (xvii.) Trapezitica), s. 3, 14. Сравните также случай с афинянином Мантифеем (Lysias pro Mantitheo, Or. xvi. s. 4), которого отец отправил на некоторое время пожить у Сатира перед окончанием Пелопоннесской войны; это показывает, что Сатир в то время, когда Нимфея, вероятно, находилась под его защитой, был в дружеских отношениях с Афинами.

Я могу заметить, что женщина, на которой женился Гилон, хотя Эсхинс называет ее скифкой, скорее всего, была дочерью какого-то грека (не афинянина), проживавшего на Босфоре.

[556] Demosth. cont. Onetor. ii. p. 880. κέκομισμένον μηδ' ὀτιοῦν, καὶ ταῦτ' ἐθέλοντα ποιεῖν ὑμῖν αὐτοῖς, εἴτι τῶν δεόντων ἐβούλεσθε πράττειν.

То, что в итоге он получил гораздо меньше, чем имел право, следует из его собственного заявления в оратории против Мейдиаса, p. 540.

См. Westermann, De Litibus quas Demosthenes oravit ipse, cap. i. p. 15, 16.

Плутарх (Vit. X Oratt. p. 844) говорит, что он добровольно воздержался от приведения в исполнение полученного решения. Я не совсем понимаю, что имеет в виду Исихий (Cont. Ktesiph. p. 78), когда называет Демосфена τὰ πατρῶα καταγελάστως προέμενος.

[557] Plutarch, Demosth. c. 5; Vit. X Orator. p. 844; Hermippus ap. Aul. Gell. iii. 13. Об этом знаменитом судебном процессе нельзя сказать ничего определенного: ни даты, ни точного места, о котором идет речь, ни того, как Каллистрат участвовал в нем, ни того, кто был его противниками. Было предложено множество гипотез, существенно отличающихся одна от другой, и все они неопределенны.

Эти предположения собраны вместе и рассмотрены в Rehdantz, Vitæ Iphicratis, Chabriæ, et Timothei, p. 111-114.

В ноябре 361 года до н. э. Каллистрат находился в ссылке в Мефоне в Термическом заливе. Он был дважды приговорен афинянами к смерти (Demosth. cont. Polykl. p. 1221). Но когда были вынесены эти приговоры, мы не знаем.

[558] Плутарх. Demosth. c. 4. Такой взгляд на необходимость ораторского искусства выдвигает Калликл в "Горгиасе" Платона, p. 486, 511. c. 90, 142. τὴν ῥητορικὴν τὴν ἐν τοῖς δικαστηρίοις διασώζουσιν и т. д. Сравните Aristot. Rhetoric, i. 1, 3. Ἄτοπον, εἰ τῷ σώματι μὲν αἰσχρὸν μὴ δύνασθαι βοηθεῖν ἑαυτῷ, λόγῳ δὲ, οὐκ αἰσχρὸν- ὃ μᾶλλον ἰδίον ἐστὶν ἀνθρώπου τῆς τοῦ σώματος χρείας.

Сравнение Аристотеля поучительно с точки зрения свободного грека. "Если позорно не иметь возможности защитить себя телесной силой, то столь же позорно не иметь возможности защитить себя силой речи, которая в более особой степени является привилегией человека". См. также Тацит, Dialog. de Orator. c. 5.

[559] Плутарх, Demosth. c. 4; Æschines cont. Timarch. p. 17, 18. c. 27, с Схолием, De Fal. Leg. p. 41. c. 31. εἰ γάρ τις σοῦ τὰ κομψὰ ταῦτα χλανίσκια περικλῶμενος καὶ τοὺς μαλακοὺς χιτωνίσκους, ἐν οἷς τοὺς κατὰ τῶν φίλων λόγους γράφεις, περιενέγκας, δοίῃ εἰς τὰς χεῖρας τῶν δικαστῶν, οἶμαι ἂν αὐτοὺς εἴτις μὴ προειπὼν ταῦτα ποιήσειεν, ἀπορήσειν εἴτε γυναικὸς εἴτε ἀνδρὸς εἰλήφασιν ἐσθῆτα. Сравните Æsch. Fal. Leg. p. 45.

Основание прозвища *Батала* неясно, и оно по-разному понималось разными людьми; сравните также Либаний, Vita Demosth. p. 294, ap Westermann, Scriptores Biographici. Но вряд ли это была очень дискредитирующая основа, поскольку Демосфен присваивает это имя себе, De Coronâ, p. 289.

[560] Plutarch, Demosth. c. 30.

Εἴπερ ἴσῃν ῥώμην γνῶμη, Δημόσθενες, εἶχες,

Οὐποτ' ἂν Ἑλλήνων ἦρξεν Ἄρης Μακεδῶν.

[561] Положение Демосфена, πατὴρ τριηραρχικὸς-χρυσέα κρητὶς, κατὰ Πίνδαρον, etc. (Lucian, Encomium Demosth. vol. iii. p. 499, ed. Reitz.).

[562] См. рассказ Демосфена (cont. Meidiam, p. 539, 540) о том, как Мейдиас и Фрасилох впервые начали преследовать его, пока продолжалась тяжба с его опекунами. Эти опекуны пытались избавиться от иска, побуждая Фрасилоха принудить его к обмену имущества (Antidosis), предложенного Фрасилохом, который только что был низложен за триерархию.

Если бы обмен состоялся, Фрасилох дал бы опекунам освобождение. Демосфен мог избежать этого, только согласившись взять на себя расходы по триерархии - 20 мин.

[563] Демосфен внимательно изучал диалоги и слушал речи Платона (Cicero, Brutus, 31, 121; Orator. 4, 15; Plutarch, Vit. X Orator. p. 844). Тацит, Dialog. de Orator. с. 32.

[564] Dionys. Hal. De Thucydide Judicium, p. 944; De Admirab. Vi. Dicend. Demosthen. p. 982, 983.

[565] Эти и другие подробности приводятся в "Жизни Демосфена" Плутарха, с. 4, 9. Они опираются на веские доказательства, поскольку он ссылается на Деметрия Фалерийского, который сам слышал их от Демосфена в последние годы его жизни. Подземную камеру, где практиковал Демосфен, показывали в Афинах еще во времена Плутарха.

Цицерон (который также ссылается на Деметрия Фалерия), De Divinat. ii. 46, 96. Либаний, Зосима и Фотий приводят в целом те же утверждения с некоторыми вариациями.

[566] Plutarch, Demosth. с. 9. Ἐπεὶ τόλμαν γε καὶ θάρσος οἱ λεχθέντες ὑπ' αὐτοῦ λόγοι τῶν γραφέντων μᾶλλον εἶχον- εἴ τι δεῖ πιστεύειν Ἑρατοσθένει καὶ Δημητρίῳ τῷ Φαληρεῖ καὶ τοῖς κωμικοῖς. Ὡν Ἑρατοσθένης μὲν φησιν αὐτὸν ἐν τοῖς λόγοις πολλαχοῦ γεγονέναι παράβακχον, ὁ δὲ Φαληρεὺς τὸν ἔμμετρον ἐκεῖνον ὄρκον ὁμόσαι ποτε πρὸς τὸν δῆμον ὥσπερ ἐνθουσιῶντα. Еще раз, с. 11. Τοῖς μὲν οὖν πολλοῖς ὑποκρινόμενος ἤρεσκε θαυμαστῶς, οἱ δὲ χαριέντες ταπεινὸν ἡγοῦντο καὶ ἀγεννὲς αὐτοῦ τὸ πλάσμα καὶ μαλακὸν, ὧν καὶ Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς ἐστίν.

Это предложение иллюстрируется отрывком из Квинтилиана, i. 8. 2. "Sit autem in primis lectio virilis, et cum suavitate quadam gravis: et non quidem prosæ similis-quia carmen est, et se poetæ canere testantur-non tamen in canticum dissoluta, nec *plasmate* (ut nunc a plerisque fit) effeminata."

Смысл *плазмы* на техническом языке риториков, современных Квинтилиану, кажется иным, чем тот, который она несет в "Дионисии", p. 1060-1061. Но точно ли Плутарх передал нам слова Деметрия Фалерия о Демосфене - говорил ли Деметрий о модуляциях Демосфена как о *низких* и *вульгарных* - я не могу не сомневаться. Эсхин выдвигает против него совсем другие упреки - в излишнем труде и жеманстве, но в сочетании с горечью и злобой (Adv. Ktesiph. p. 78-86). Он осуждает *характер* Демосфена как низкий и вульгарный, но не его ораторские выступления. Выражение ὥσπερ ἐνθουσιῶν, которое Плутарх цитирует у Деметрия Фалерия, вряд ли хорошо сочетается с ταπεινὸν καὶ ἀγεννές.

[567] Plutarch, Demosth. с. 11. Αἰσίωνα δὲ φησιν Ἑρμιππος, ἐρωτηθέντα περὶ τῶν πάλαι ῥητόρων καὶ τῶν καθ' αὐτὸν, εἰπεῖν, ὡς ἀκούων μὲν ἂν τις ἐθαύμασεν ἐκείνους εὐκόσμως καὶ μεγαλοπρεπῶς τῷ δήμῳ διαλεγόμενους, ἀναγινωσκόμενοι δὲ οἱ Δημοσθένους λόγοι πολὺ τῇ κατασκευῇ καὶ δυνάμει διαφέρουσιν.

[568] Dionys. Hal. De Adm. Vi Dicend. Demosth. p. 1022, очень примечательный отрывок.

[569] *Æschines* cont. Timarch. p. 16, 24.

[570] *Æschines* cont. Timarchum, p. 13, 17, 25, cont. Ktesiphont. p. 78. Περὶ δὲ τὴν καθ' ἡμέραν δίαιταν τίς ἐστίν; Ἐκ τριηράρχου λογογράφος ἀνεφάνη, τὰ πατρῶα καταγελάστως προέμενος и др.

См. также Демосфен, De Fals. Legat. p. 417-420.

Сравните стыд богатого юноши Гиппократа в платоновском диалоге "Протагор", когда ему внушают мысль, что он собирается посетить Протагора, чтобы самому стать софистом (Plato, Protagor. p. 154 F, 163 A, cap. 8-19).

[571] *Ælian*, V. H. iii. 47; Plutarch, Phokion, c. 10; Cornelius Nepos, Phokion, c. 1.

[572] Я делаю здесь эту оговорку относительно времени не для того, чтобы утверждать обратное в отношении периода после смерти Филиппа, а для того, чтобы отложить на время рассмотрение более поздних обвинений против Демосфена - получение денег из Персии и отказ от сокровищ Гарпалуса. Я рассмотрю эти вопросы в подходящее время.

[573] Плутарх, Фокион, с. 8. Ὁμολογεῖται γὰρ, ὅτι πέντε καὶ τεσσαράκοντα στρατηγίας ἔλαβεν οὐδ' ἅπαξ ἀρχαιρεσίῳ παρὰ τυχῶν, ἀλλ' ἀπόντα μεταπεμπομένων αὐτὸν ἀεὶ καὶ χειροτονοῦντων, ὥστε θαυμάζειν τοὺς οὐκ εὖ φρονοῦντας τὸν δῆμον, ὅτι πλεῖστα τοῦ Φωκίωτος ἀντικρούοντος αὐτῷ καὶ μηδὲν εἰπόντος πώποτε μηδὲ πράξαντος πρὸς χάριν, ὥσπερ ἀξιοῦσι τοὺς βασιλεῖς τοῖς κόλαξι χρῆσθαι μετὰ τὸ κατὰ χειρὸς ὕδωρ, ἐχρήτο οὗτος τοῖς μὲν κομψοτέροις καὶ ἱλαροῖς ἐν παιδιᾷς μέρει δημαγωγοῖς, ἐπὶ δὲ τὰς ἀρχὰς ἀεὶ νήφων καὶ σπουδάζων τὸν αὐστηρότατον καὶ φρονιμώτατον ἐκάλει τῶν πολιτῶν καὶ μόνον ἢ μᾶλλον ταῖς βουλήσεσιν αὐτοῦ καὶ ὁρμαῖς ἀντιτασσόμενον.

[574] Tacit. Dialog. de Clar. Orator. c. 2. "Aper, communi eruditione imbutus, contemnebat potius literas quam nesciebat."

[575] Plutarch, Phokion, c. 4, 14.

[576] Plutarch, Phokion, c. 5. ἡ τῶν ἐμῶν λόγων κοπιῶν παρέστιν.

[577] Plutarch, Phokion, c. 5. εἰπεῖν-ὅτι ῥήτωρ μὲν ἄριστος εἶη Δημοσθένης, εἰπεῖν δὲ δεινότατος ὁ Φωκίων.

[578] Так и Тацит, сообщив точный ответ трибуна Субрия Флавия, когда его допрашивали как соучастника заговора против Нерона - "Ipsa retuli verba: quia non, ut Senecæ, vulgata erant; nec minus nosci decebat sensus militaris viri incomptos sed validos."

[579] Plutarch, Phokion, c. 4, 5.

[580] Корнелий Непос (Phocion, c. 1) не нашел у своих авторов никаких сведений о военных подвигах Фокиона, но много говорит о его личной честности.

[581] Плутарх, Фокион, с. 8. Οὕτω δὲ συντάξας ἑαυτὸν ἐπολιτεύετο μὲν ἀεὶ πρὸς εἰρήνην καὶ ἡσυχίαν, etc.

[582] Плутарх, Фокион, с. 16. См. первую реплику, приписываемую Фокиону.

[583] Плутарх, Фокион, с. 7.

[584] См. ответы Фокиона в Plutarch, Phokion, c. 23.

[585] Я уже не раз ссыался на памятную картину афинского характера в отличие от спартанского, нарисованную коринфским посланником в Спарте в 432 году до н. э. (Thucyd. i. 70, 71). Среди множества качеств, свидетельствующих о бурной энергии и активности, я выбираю те, которые были наиболее необходимы и которых не хватало, чтобы сдержать Филиппа.

1. Παρὰ δύναμιν τολμηταὶ, καὶ παρὰ γνῶμην κινδυνευταὶ, καὶ ἐν τοῖς δεινοῖς εὐέλπιδες.

2. Ἄοκνοι πρὸς ὑμᾶς μελλήτας καὶ ἀποδημηταὶ πρὸς ἐνδημοτάτους (в противовес вам, спартанцы).

3. Τοῖς μὲν σώμασιν ἀλλοτριωτάτοις ὑπὲρ τῆς πόλεως χρῶνται, τῇ γνώμῃ δὲ οἰκειοτάτῃ ἐς τὸ πράσσειν τι ὑπὲρ αὐτῆς, и т.д.

4. Καὶ ταῦτα μετὰ πόνων πάντα καὶ κινδύνων δι' ὅλου τοῦ αἰῶνος μοχθοῦσι, καὶ ἀπολαύουσιν ἐλάχιστα τῶν ὑπαρχόντων, διὰ τὸ ἀεὶ κτᾶσθαι καὶ μήτε ἐορτὴν ἄλλο τι ἡγεῖσθαι ἢ τὸ τὰ δέοντα πρᾶξαι, συμφορὰν τε οὐχ ἥσσον ἡσυχίαν ἀπράγμονα ἢ ἀσχολίαν ἐπίπονον, и т.д.

С той же целью Перикл высказывается в своей погребальной оратории в следующем году; восхваляя энергичность и мужество своих соотечественников, как в равной степени передовых и неутомимых, но в то же время сочетающихся с любовью к публичным дискуссиям и вкусом ко всем изыскам мирной и интеллектуальной жизни (Thucyd. ii. 40, 41).

[586] Thucyd. ii. 40, 41, 43. τῆς πόλεως δύναμιν καθ' ἡμέραν ἔργῳ θεωμένους καὶ ἐραστὰς γιγνομένους αὐτῆς, καὶ ὅταν ὑμῖν μεγάλη δόξη εἶναι, ἐνθυμουμένους ὅτι τολμῶντες καὶ γιγνώσκοντες τὰ δέοντα καὶ ἐν τοῖς ἔργοις αἰσχυνόμενοι ἄνδρες αὐτὰ ἐκτήσαντο, и др.

Сравните ii. 63 - последняя речь Перикла.

[587] Thucyd. i. 80, 81, 141.

[588] Xenoph. Hellen. v. 2, 21. Союзные города предоставили деньги вместо людей в экспедиции Мнасиппа на Коркиру (Xenoph. Hellen. vi. 2, 16).

[589] Thucyd. i. 99.

[590] Isokrates, Orat. v. (Philipp.) s. 112. ...ἐν ἐκείνοις δὲ τοῖς χρόνοις οὐκ ἦν ξενικὸν οὐδὲν, ὥστ' ἀναγκαζόμενοι ξενολογεῖν ἐκ τῶν πόλεων, πλέον ἀνήλiskon εἰς τὰς διδομένας τοῖς συλλέγουσι δωρεὰς, ἢ τὴν εἰς τοὺς στρατιώτας μισθοφορὰν.

О щедрых вознаграждениях Кира полководцам Клеарху, Проксену и другим за сбор армии, а также самим солдатам см. Xenoph. Анабас. i. 1, 9; i. 3, 4; iii. 1, 4; vi. 8, 48.

[591] См. упоминание о наемных греках на службе у сатрапа Мания в Иолисе - сатрапах Тиссафернесе и Фарнабазе, спартанце Агесилае - Ификрате и других, Xenoph. Hellen. iii. 1, 13; iii. 3, 15; iv. 2, 5; iv. 3, 15; iv. 4, 14; iv. 8, 35; vii. 5, 10.

Сравните Гарпократион-Ξενικὸν ἐν Κορίνθῳ и Демосфен, Philipp. i. p. 46.

[592] Xenoph. Hellen. vi. 1, 5.

[593] Исократ излагает эту жалобу во многих местах: в четвертой или панегирической оратории (380 г. до н. э.); в восьмой или Oratio de Pace (356 г. до н. э.); в пятой или Oratio ad Philipppum (346 г. до н. э.). Последняя из этих речей произнесена на самом сильном языке. См. Orat. Panegyri. s. 195 τοὺς δ' ἐπὶ ξένης μετὰ παιδῶν καὶ γυναικῶν ἀλᾶσθαι, πολλοὺς δὲ δι' ἔνδειαν τῶν καθ' ἡμέραν ἐπικουρεῖν (i. m. e. статья ἐπικοῦρος, или платным солдатом на иностранной службе) ἀναγκαζόμενους ὑπὲρ τῶν ἐχθρῶν τοῖς φίλοις μαχομένους ἀποθνήσκειν. См. также Orat. De Pace (viii.) s. 53, 56, 58; Orat. ad. Philippp. (v.) s. 112. οὕτω γὰρ ἔχει τὰ τῆς Ἑλλάδος, ὥστε ῥᾶον εἶναι συστήσαι στρατόπεδον μεῖζον καὶ κρεῖττον ἐκ τῶν πλανωμένων ἢ τῶν πολιτευομένων, etc.... также s. 142, 149; Orat. de Permutat. (xv.) s. 122. ἐν τοῖς στρατοπέδοις τοῖς πλανωμένοις κατατετριμμένος, etc. Меланхоличная картина подобных бедствий представлена также в девятом послании Исократа к Архидаму, s. 9, 12. Сравните Demosth. cont. Aristokrat. p. 665. s. 162.

Пример разочарованного любовника, который пытается отвлечься, отправляясь на иностранную военную службу, см. в Theokritus, xiv. 58.

[594] Isokrates ad Philipp. (v.) s. 142-144. πρὸς δὲ τούτοις κτίσαι πόλεις ἐπὶ τούτῳ τῷ τόπῳ, καὶ κατοικίσαι τοὺς νῦν μὲν πλανωμένους δι' ἔνδειαν τῶν καθ' ἡμέραν καὶ λυμαينوμένων οἷς ἂν ἐντύχωσιν. Οὕς εἰ μὴ παύσομεν ἄθροιζομένους, βίον αὐτοῖς ἱκανὸν πορίσαντες, λήσουσιν ἡμᾶς τοσοῦτοι γενόμενοι τὸ πλῆθος, ὥστε μηδὲν ἥττον αὐτοὺς εἶναι φοβεροὺς τοῖς Ἕλλησιν ἢ τοῖς βαρβάροις, и т.д.

[595] Thucyd. ii. 41 (погребальная речь Перикла)-ξυνελών τε λέγω τήν τε πόλιν πᾶσαν τῆς Ἑλλάδος παιδευσιν εἶναι, καὶ καθ' ἕκαστον δοκεῖν ἂν μοι τὸν αὐτὸν ἄνδρα παρ' ἡμῶν ἐπὶ πλείστ' ἂν εἶδῃ καὶ μετὰ χαρίτων μάλιστ' ἂν εὐτραπέλως τὸ σῶμα αὐταρκες παρέχεσθαι.

[596] Замечательная организация македонской армии, с ее систематическим сочетанием различных видов оружия и родов войск, была делом рук Филиппа. Александр нашел ее готовой в первые же месяцы своего царствования. Несомненно, она постепенно формировалась, год за годом совершенствовалась Филиппом, и мы должны быть рады возможности проследить шаги его прогресса. Но, к сожалению, у нас нет никакой информации о военных мерах Филиппа, кроме голых фактов и результатов. Поэтому я вынужден отложить то, что должно быть сказано о македонской военной организации, до царствования Александра, о деятельности которого у нас есть ценные подробности".

[597] Herodot. viii. 137.

[598] Это плохое состояние македонского населения при воцарении Филиппа отражено в поразительной речи, произнесенной через тридцать шесть лет после этого Александром Македонским (в 323 году до н. э., за несколько месяцев до смерти) перед своими солдатами, пресыщенными завоеваниями и грабежами, но недовольными его растущей наглостью и восточностью.

Арриан, Exp. Alex. vii. 9. Φίλιππος γὰρ παραλαβὼν ὑμᾶς πλανήτας καὶ ἀπόρους, ἐν διφθέραις τοὺς πολλοὺς νέμοντας ἀνὰ τὰ ὄρη πρόβατα κατὰ ὀλίγα, καὶ περὶ τούτων κακῶς μαχομένους Ἰλλυριοῖς καὶ Τριβαλλοῖς καὶ τοῖς ὁμόροις Θραξί, χλαμύδας μὲν ὑμῖν ἀντὶ τῶν διφθερῶν φορεῖν ἔδωκε, κατήγαγε δὲ ἐκ τῶν ὁρῶν ἐς τὰ πεδία, и др.

Другие моменты добавлены в версии той же речи, приведенной Квинтом Курцием (x. 10) - "En tandem! Illyriorum paulo ante et Persarum tributariis, Asia et tot gentium spolia fastidio sunt. Modo sub Philippo seminudis, amicula ex purpura sordent: aurum et argentum oculi ferre non possunt; lignea enim vasa desiderant, et ex cratibus scuta et rubiginem gladiatorum."

[599] Фукидид (ii. 100) признает добротность македонской кавалерии: так же поступает и Ксенофонт, рассказывая о спартанской экспедиции против Олинфа (Hellen. v. 2, 40).

То, что пехота была малоэффективна, видно из суждения Брасида - Thucyd. iv. 26. Сравните также ii. 100.

См. краткий трактат О. Мюллера о македонцах, приложенный к его "Истории дорийцев", с. 33.

[600] Aristot. Polit. vii. 2, 6.

[601] Herodot. vii. 102. τῇ Ἑλλάδι πενίη μὲν αἰεὶ κοτε σύντροφός ἐστι, etc.

О персах - Herodot. i. 71; Arrian, v. 4, 13.

[602] Орацию De Symmoriis Дионисий Галикарнасский относит к архонству Диотимы, 354-353 гг. до н. э. (Dionys. Hal. ad Ammæum. p. 724). И она явно составлена до экспедиции, отправленной фиванцами под командованием Памменеса на помощь восставшему Артабазу против Великого Царя; эту экспедицию Диодор (xvi. 34) относит к 353-352 гг. до н.э. Тот, кто проверит, как Демосфен рассуждает в оратории De Symmoriis (p. 187. s. 40-42) об отношениях фиванцев с Персией, увидит, что он не мог ничего знать о помощи, оказанной фиванцами Артабазу против Персии.

[603] Diodor. xvi. 21.

[604] Demosthenes cont. Timokratem, s. 15; см. также второй аргумент, приложенный к этой оратории.

[605] См. Epistola Philipp. ap. Demosthen. p. 160. s. 6.

[606] Demosthenes, De Symmoriis, p. 179. s. 7. Οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἀπ' ἴσης ὁρῶ τοῖς τ' ἄλλοις Ἑλλήσι καὶ ὑμῖν περὶ τῶν πρὸς τὸν βασιλέα τὴν βουλήν οὔσαν-ἀλλ' ἐκείνων μὲν πολλοῖς ἐνδέχεσθαι μοι δοκεῖ τῶν ἰδία τι συμφερόντων διοικουμένοις τῶν ἄλλων Ἑλλήνων ἀμελεῖσαι, ὑμῖν δ' οὐδ' ἀδικουμένοις παρὰ τῶν ἀδικούντων καλὸν ἐστὶ λαβεῖν ταύτην τὴν δίκην, εἰσαί τινας αὐτῶν ὑπὸ τῷ βαρβάρῳ γενέσθαι.

[607] Demosthen. De Symmor. p. 181. s. 14.

[608] Demosthen. De Symmor. p. 188. s. 42-46. ... Ὅστ' οὔτε φοβεῖσθαι φημι δεῖν πέρα τοῦ μετρίου, οὔθ' ὑπαχθῆναι προτέρους ἐκφέρειν τὸν πόλεμον....

... Τοῦτον ἡμεῖς φοβώμεθα; μηδαμῶς- ἀλλὰ μηδ' ἀδικῶμεν, αὐτῶν ἡμῶν ἕνεκα καὶ τῆς τῶν ἄλλων Ἑλλήνων ταραχῆς καὶ ἀπιστίας- ἐπεὶ εἴ γ' ὁμοθυμαδὸν ἦν μετὰ πάντων ἐπιθέσθαι μόνῳ, οὐδ' ἀδικεῖν ἡμᾶς ἐκείνων ἀδίκημ' ἂν ἔθηκα. Ἐπειδὴ δὲ τοῦθ' οὕτως ἔχει, φυλάττεσθαι φημι δεῖν μὴ πρόφασιν δῶμεν βασιλεῖ τοῦ τὰ δίκαια ὑπὲρ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων ζητεῖν- ἡσυχίαν μὲν γὰρ ἐχόντων ὑμῶν, ὑποπτος ἂν εἴη τοιοῦτό τι πράττων-πόλεμον δὲ ποιησαμένων προτέρων εἰκότως ἂν δοκοῖη διὰ τὴν πρὸς ὑμᾶς ἐχθρὰν τοῖς ἄλλοις φίλος εἶναι βούλεσθαι. Μὴ οὖν ἐξελέγξητε ὥς κακῶς ἔχει τὰ Ἑλληνικά, συγκαλοῦντες ὅτ' οὐ πείσετε, καὶ πολεμοῦντες ὅτ' οὐ δυνήσεσθε- ἀλλ' ἔχετε ἡσυχίαν θάρρουντες καὶ παρασκευαζόμενοι.

[609] Demosthen. De Symmor. p. 181. s. 17. Τὴν μὲν παρασκευὴν, ὅπως ὥς ἄριστα καὶ τάχιστα γενήσεται, πάνυ πολλὰ πράγματα ἔσχον σκοπῶν.

[610] Demosthenes, De Symmoriis, p. 182. s. 18. Ἔστι τοίνυν πρῶτον μὲν τῆς παρασκευῆς, ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, καὶ μέγιστον, οὕτω διακεῖσθαι τὰς γνώμας ὑμᾶς, ὥς ἕκαστον ἔκοντα προθύμως ὅ,τι ἂν δέη ποιήσονται. Ὅρατε γὰρ, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, ὅτι, ὅσα μὲν πώποθ' ἅπαντες ὑμεῖς ἡβουλήθητε, καὶ μετὰ ταῦτα τὸ πράττειν αὐτὸς ἕκαστος ἑαυτῷ προσήκειν ἡγήσατο, οὐδὲν πώποθ' ὑμᾶς ἐξέφυγεν- ὅσα δ' ἡβουλήθητε μὲν, μετὰ ταῦτα δ' ἀπεβλέψατε πρὸς ἀλλήλους ὥς αὐτὸς μὲν ἕκαστος οὐ ποιήσων, τὸν δὲ πλησίον πράξοντα, οὐδὲν πώποθ' ὑμῖν ἐγένετο. Ἐχόντων δ' ὑμῶν οὕτω καὶ αρωξυμένων и т.д.

[611] Thucyd. ii. 39, 40.

[612] Aristophanes, Equit. 750.

[613] Demosthenes, Orat. pro Megalopolitanis, p. 203. s. 5. p. 210. s. 36. Ἔστι τοίνυν ἔν τινι τοιούτῳ καιρῷ τὰ πράγματα νῦν, εἴ τι δεῖ τοῖς εἰρημένοις πολλάκις παρ' ὑμῖν λόγοις τεκμήρασθαι, ὥστε Θηβαίους μὲν Ὀρχομενοῦ καὶ Θεσπιῶν καὶ Πλαταιῶν οἰκισθεισῶν ἀσθενεῖς γενέσθαι, etc. Ἄν μὲν τοίνυν καταπολεμηθῶσιν οἱ Θηβαῖοι, ὥσπερ αὐτοὺς δεῖ и т. д.

Сравните Demosthenes cont. Aristokrat. p. 654. s. 120.

[614] Demosthenes pro Megalopol. p. 206. s. 18; ср. Xenoph. Hellen. vii. 2, 1-5.

[615] Demosthenes pro Megalopolit. p. 202. s. 1.

[616] Demosthen. pro Megalop. p. 203. s. 5, 6. Сравните аналогичные настроения, Demosthenes cont. Aristokrat. p. 654. s. 120.

[617] Demosthen. pro Megalop. p. 203. s. 7, 9. p. 207. s. 22.

[618] См. Demosthen. cont. Leptinem, p. 489. s. 172 (доставлено в 355 г. до н. э.) и Olynthiac i. p. 16. s. 27.

[619] Demosthenes pro Megalopol. p. 207. s. 24.

[620] Diodor. xvi. 14; Demosthenes, De Coronâ, p. 241. s. 60. Harpokration v. Σίμος.

[621] Isokrates, Orat. viii. (De Pace) s. 143, 144.

[622] Diodor. xvi. 35.

[623] Diodor. xvi. 35.

[624] Этот факт упоминает Юстин (vii. 2), и он кажется правдивым, судя по тому, с какой суровостью Филипп после победы обращался с фокейскими пленниками. Но дальнейшее утверждение Юстина вряд ли может быть правдой - что фокийцы, увидев знаки отличия бога, бросили оружие и бежали без сопротивления.

[625] Diodor. xvi. 55; Pausan. x. 2, 3; Philo Judæus apud Eusebium Præp. Evang. viii. p. 392. Диодор утверждает, что Харес с афинским флотом проплывал мимо *случайно*. Но это кажется крайне неправдоподобным. Нельзя не предположить, что ему было суждено сотрудничать с фокийцами.

[626] Diodor. xvi. 37.

[627] Demosthenes, Philippic i. p. 50. s. 40. Καίτοι, τί δήποτε νομίζετε ... τοὺς ἀποστόλους πάντα ὑμῖν ὑστερίζειν τῶν καιρῶν, τὸν εἰς Μεθώνην, τὸν εἰς Παγασάς, τὸν εἰς Ποτίδαιαν, etc.

Демосфен, Olynth. i. p. 11. s. 9. Καὶ πάλιν ἦνικα Πύδνα, Ποτίδαια, Μεθώνη, Παγασαί-πολιορκούμενα ἀπηγγέλλετο, εἰ τότε τούτων ἐνὶ τῷ πρώτῳ προθύμῳ καὶ ὡς προσῆκεν ἐβοηθήσαμεν αὐτοὶ, etc.

Первый Филиппик был написан в 352-351 гг. до н. э., что доказывает, что захват Филиппом Пагаса не мог быть позже этого года. Оно также не могло быть раньше захвата Фереса - как я уже отмечал в связи с отрывком Диодора (xvi. 31), где оно, по-видимому, помещено в 354-353 гг. до н. э.; если Παγὰς следует принять за Παγασάς.

Я полагаю, что первый поход Филиппа в Фессалию против фокийцев, где он был побежден и изгнан Ономархом, можно отнести к лету 353 г. до н. э. Второй вход в Фессалию, с поражением и смертью Ономарха, относится к ранней весне 352 г. до н. э. Взятие Феры и Пагаса происходит сразу после этого; затем экспедиция Филиппа в Фермопилы, где его продвижение было задержано афинянами, происходит около середины лета 352 г. до н. э.

[628] Demosthenes, De Pace, p. 62. s. 23; Philippic ii. p. 71. s. 24; De Fals. Legat. p. 443. s. 365.

[629] Demosthenes, De Fals. Leg. p. 367. s. 94. p. 446. s. 375. Τίς γὰρ οὐκ οἶδεν ὑμῶν ὅτι τῷ Φωκέων πολέμῳ καὶ τῷ κυρίου εἶναι Πυλῶν Φωκέας, ἥ τε ἀπὸ Θηβαίων ἄδεια ὑπῆρχεν ἡμῖν, καὶ τὸ μηδέποτ' ἐλθεῖν ἂν εἰς Πελοπόννησον μηδ' εἰς Εὐβοίαν Φίλιππον μηδὲ Θηβαίους;

[630] Diodor. xvi. 37, 38.

[631] Demosthenes, Philippic i. p. 44. s. 20; De Coronâ, p. 236. s. 40; De Fals. Leg. p. 444. s. 366.

[632] Demosthenes, De Fals. Leg. p. 367. s. 95.

[633] Thucyd. vi. 31.

[634] Justin, vii. 2. Его риторические преувеличения не должны заставлять нас отвергать выражение этого мнения против Афин, как реальный факт.

[635] Демосфен (Fals. Leg. p. 443) утверждает, что никто, кроме Афин, не помогал и не спасал фокийцев в этой чрезвычайной ситуации. Но Диодор (xvi. 37) упоминает о помощи и других союзников, и, похоже, нет оснований не верить ему. Однако хвастовство Демосфена, что Афины в одиночку спасли фокийцев, не является неверным с точки зрения главного факта, хотя и преувеличено в выражении. Ведь афиняне, командуя морским флотом, и в этом редком случае быстро двигаясь, достигли Фермопил вовремя, чтобы задержать продвижение Филиппа, и до того, как пелопоннесские войска смогли прибыть. Афинская экспедиция в Фермопилы, по-видимому, произошла около мая 352 года до н. э. - насколько мы можем судить о хронологии того времени.

[636] Diodor. xvi. 56. Об этих донатах Крёза можно прочитать у Геродота (i. 50, 51), который видел их в Дельфах. Что касается точного веса и количества, то между ним и Диодором есть некоторые расхождения; кроме того, текст самого Геродота не свободен от неясностей.

[637] Theopomp. Fragm. 182, 183; Phylarchus, Frag. 60, ed. Didot; Anaximenes and Ephorus ap. Athenæum, vi. p. 231, 232. Пифийские игры, о которых здесь идет речь, должно быть, отмечались в августе или сентябре 350 г. до н. э. Поэтому кажется, что Фаиллус пережил этот период.

[638] Diodor. xvi. 56, 57. Прилагаемая история об Ификрате и кораблях Дионисия Сиракузского - история, которая, во всяком случае, совершенно не соответствует своему хронологическому месту - кажется мне не заслуживающей доверия, в том виде, в каком ее приводит Диодор. Эскадра Дионисия, которую Ификрат захватил на побережье Коркиры, шла на помощь и по просьбе лакедемонян, находившихся тогда в состоянии войны с Афинами (Xenoph. Hellen. vi. 2, 33). Поэтому для афинского полководца это был достойный захват вместе со всеми, кто находился на борту. Если бы среди груза оказались подарки, предназначенные для Олимпии и Дельф, то они, как находящиеся на борту военного корабля, последовали бы судьбе остальных людей и вещей. Они не считались собственностью бога до тех пор, пока не были посвящены в его храм. Отправляющий их человек также не имел права ссылаться на привилегию освященного груза, пока не избавил его от враждебного сопровождения. Письмо с жалобой афинянам, которое Диодор выдает за отправленное Дионисием, не кажется мне ни подлинным, ни даже правдоподобным.

[639] Timæus, Fragm. 67, ed. Didot; ap. Athenæum, vi. p. 264-272.

[640] Diodor. xvi. 57: сравните Demosthen. Fals. Leg. p. 367.

[641] Diodor. xvi. 37, 38.

[642] Diodor. xvi. 52.

[643] Diodor. xvi. 34.

[644] Diodor. xvi. 39.

[645] Diodor. xvi. 38.

[646] Diodor. xvi. 38, 39.

[647] Diodor. xvi. 40. ἐπὶ δὲ τούτων, Θηβαῖοι κάμνοντες τῷ πρὸς Φωκεῖς πολέμῳ, καὶ χρημάτων ἀπορούμενοι, πρέσβεις ἐξέπεμψαν πρὸς τὸν τῶν Περσῶν βασιλέα.... Τοῖς δὲ Βοιωτοῖς καὶ τοῖς Φωκεῦσιν ἀκροβολισμοὶ μὲν καὶ χώρας καταδρομαὶ συνέστησαν, πράξεις δὲ κατὰ τοῦτον τὸν ἐνιαυτὸν (351-350 до н. э. - по хронологии Диодора) οὐ συνετελέσθησαν.

[648] Isokrates, Orat. v. (ad Philipp.) s. 61.

[649] Demosthenes, Philippic i. p. 46. s. 26. (352-351 ΓΓ. ΔΟ Η. Θ.)

Сравните Philippic iii. p. 124. s. 63.

[650] Demosthenes, Olynth. ii. p. 23. s. 17. (произнесено в 350 г. до н. э.) ... Οἱ δὲ δὴ περὶ αὐτὸν ὄντες ξένοι καὶ πεζέταιροι δόξαν μὲν καὶ ἔχουσιν ὥς εἰσὶ θαυμαστοὶ καὶ συγκεκροτημένοι τὰ τοῦ πολέμου, etc.

[651] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 657. s. 133 (352-351 гг. до н. э.); также Demosthen. Olynth. i. p. 15. s. 23. (349 Г. ΔΟ Η. Θ.) ἤκουον δ' ἔγωγέ τινων ὥς οὐδὲ τοὺς λιμένας καὶ τὰς ἀγορὰς ἔτι δώσοιεν αὐτῷ καρποῦσθαι- τὰ γὰρ κοινὰ τὰ Θετταλῶν ἀπὸ τούτων δέοι διοικεῖν, οὐ Φίλιππον λαμβάνειν- εἰ δὲ τούτων ἀποστερηθήσεται τῶν χρημάτων, εἰς στενὸν κομιδῇ τὰ τῆς τροφῆς τοῖς ξένοις αὐτῷ καταστήσεται.

[652] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 657. s. 131-133 (352-351 гг. до н. э.); ср. Isokrates, Orat. v. (ad Philipp. s. 5.)

[653] Xenoph. Hellen. v. 4, 56; Hermippus ap. Athenæum, i. p. 27. О прибыльной торговле в Персидском заливе, ссылаясь на Деметрия и Феба Фтиотида, см. Livy, xxxix. 25.

[654] Demosthenes cont. Polykl. p. 1207; De Coronâ Trierarchicâ, p. 1230; Diodor. xv. 95; Xenoph. Hellen. vi. 1, 11.

[655] Demosthenes, Olynth. i. p. 15. s. 23. Καὶ γὰρ Παγασὰς ἀπαιτεῖν αὐτόν εἰσιν ἐψηφισμένοι (фессалийцы отвоевывают место у Филиппа), καὶ Μαγνησίαν κεκωλύκασι τειχίζειν. В Olynth. ii. p. 21. s. 11. стоит-καὶ γὰρ νῦν εἰσιν ἐψηφισμένοι Παγασὰς ἀπαιτεῖν, καὶ περὶ Μαγνησίας λόγους ποιεῖσθαι. Я использую последнее выражение для более точного изложения факта; фессалийцы проголосовали за то, чтобы *возразить* Филиппу; маловероятно, что они *действительно препятствовали ему*. И если впоследствии он "отдал им Магнезию", как сказано в более поздней оратории, произнесенной в 344 году до н. э. (Philippic ii. p. 71. s. 24), то, вероятно, он отдал ее с запасом укрепленных постов для себя; поскольку мы знаем, что его господство над Фессалией не только не ослабло, но стало более жестоким и сжимающим.

О том, какое значение македонские цари с этого времени продолжали придавать Магнезии и впадине Пагасейского залива, свидетельствует основание города Деметрия на этом

важном месте Деметрием Полиоркетом примерно через шестьдесят лет после этого. Деметриас, Халкис и Коринф считались самыми выгодными позициями в Греции.

Этот прекрасный залив и плодородная территория, лежащая на его берегах под горой Пелион, хорошо описаны полковником Ликом в "Путешествиях по Северной Греции", т. iv. гл. 41. с. 373 и далее. Я сомневаюсь, что Ульпиан (ad Demosthen. Olynth. i. p. 24) или полковник Лик (p. 381) полагают, что на берегах залива существовал какой-либо город под названием *Магнесия*. Ни Страбон, ни Скилак не упоминают о таком городе; и я полагаю, что в приведенных выше отрывках из Демосфена под *Магнесией* подразумевается область, населенная магнетами; как и в Demosthenes cont. Neæram. p. 1382. s. 141.

[656] Demosthenes, Philippic i. p. 46. s. 25. δεῖ γὰρ, ἔχοντος ἐκείνου ναυτικὸν, καὶ ταχειῶν τριηρῶν ἡμῖν, ὅπως ἀσφαλῶς ἡ δύναμις πλέη. -p. 49. s. 38. Πρῶτον μὲν, τὸν μέγιστον τῶν ἐκείνου πόρων ἀφαιρήσεσθε- ἔστι δ' οὗτος τίς; ἀπὸ τῶν ὑμετέρων ὑμῖν πολεμεῖ συμμάχων, ἄγων καὶ φέρων τοὺς πλέοντας τὴν θάλασσαν. Ἔπειτα, τί πρὸς τοῦτω; τοῦ πάσχειν αὐτοὶ κακῶς ἔξω γενήσεσθε, οὐχ ὥσπερ τὸν παρελθόντα χρόνον εἰς Λῆμνον καὶ Ἴμβρον ἐμβαλὼν αἰχμαλώτους πολίτας ὑμετέρους ὥχετ' ἄγων, πρὸς τῷ Γεραιστῷ τὰ πλοῖα συλλαβὼν ἀμύθητα χρήματ' ἐξέλεξε, τὰ τελευταῖα εἰς Μαραθῶνα ἀπέβη, καὶ τὴν ἱερὰν ἀπὸ τῆς χώρας ὥχετ' ἔχων τριήρη, etc.

Мы вряд ли можем быть уверены, что захваченная таким образом священная трирема была либо Паралом, либо Саламинием; возможно, кроме этих двух были и другие священные триремы.

[657] Demosthenes, Philippic i. p. 52. s. 49. ὁρῶν τὴν μὲν ἀρχὴν τοῦ πολέμου γεγεννημένην ὑπὲρ τοῦ τιμωρήσασθαι Φίλιππον, τὴν δὲ τελευτὴν οὖσαν ἤδη ὑπὲρ τοῦ μὴ παθεῖν κακῶς ὑπὸ Φιλίππου. (Между серединой лета 352 и серединой лета 351 года до н. э.)

[658] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 660. s. 144. p. 656. s. 130. Ἀλλ' ὁ μάλιστα δοκῶν νῦν ἡμῖν ἐχθρὸς εἶναι Φίλιππος οὐτοσί и т. д. (эта арганта также между серединой лета 352 и серединой лета 351 года до н. э.)

[659] Demosthenes, Olynth. i. p. 13. s. 13.

[660] Демосфен, Olynth. iii. p. 29. s. 5 (произнесена во второй половине 350 года до н. э.)

... ἀπηγγέλθη Φίλιππος ὑμῖν ἐν Θράκῃ, τρίτον ἢ τέταρτον ἔτος τουτὶ, Ἡραῖον τεῖχος πολιορκῶν, τότε τοῖνυν μὴν μὲν ἦν Μαιμακτηριῶν, и т. д.

Эта фракийская экспедиция Филиппа (упоминаемая также Демосфеном, Olynth. i. p. 13. s. 13) фиксируется на ноябре 352 года до н. э. на достаточно веских основаниях.

В том, что город или крепость под названием Ἡραῖον Τεῖχος находился недалеко от Херсонеса, сомневаться не приходится. Комментаторы отождествляют его с Ἡραῖον, упомянутым Геродотом (iv. 90) как находящийся недалеко от Перинфа. Но эта гипотеза вызывает большие сомнения. Ἡραῖον Τεῖχος - это не совсем то же самое, что Ἡραῖον; последнее место не было очень близко к Херсонесу; и Филипп еще не был в состоянии провоцировать или угрожать такому могущественному городу, как Перинф - хотя он сделал это через десять лет после этого. (Diodor. xvi. 74).

Я не думаю, что мы знаем, где находился Ἡραῖον Τεῖχος, кроме того, что он был во Фракии и недалеко от Херсонеса.

[661] Демосфен, Olynth. iii. p. 29, 30. ὡς γὰρ ἡγγέλθη Φίλιππος ἀσθενῶν ἢ τεθνεῶς (ἤλθε γὰρ ἀμφότερα) и т. д. Эти сообщения о болезни и смерти Филиппа во Фракии упоминаются в первом Филиппике, р. 43. s. 14. Об экспедиции Филиппа, угрожающей Херсонесу, и о голосовании, проведенном афинянами, когда они впервые услышали об этой экспедиции, также упоминается в первом Филиппике, р. 44. s. 20. p. 51. s. 46. καὶ ὑμεῖς, ἂν ἐν Χερρόνῃσιν πύθῃσθε Φίλιππον, ἐκείσε βοηθεῖν ψηφίζεσθε, etc. Когда Филипп осаждал Ἡραῖον Τεῖχος, о нем говорили, что он ἐν Χερρόνῃσιν.

[662] Demosthenes, Olynth. iii. p. 30. s. 6.

[663] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 625. s. 14. p. 682, 683. Эта речь, произнесенная между серединой лета 352 и серединой лета 351 года до н. э., по-видимому, была произнесена до ноября 352 года до н. э., когда до Афин дошли вести о том, что Филипп осаждает Ἡραῖον Τεῖχος.

[664] Я принимаю дату, принятую большинством критиков, на основании авторитета Дионисия Галикарнасского, для первого Филиппика; архонство Аристодема 352-351 до н. э. Он относится, я думаю, ко второй половине этого года.

Высказывания Дионисия, касающиеся этой оратории, подвергаются большому сомнению; в определенной степени, с полным основанием, в том, что он говорит о *шестом Филиппике* (ad Ammæum, p. 736). То, что он называет *шестым*, на самом деле является *пятым* по счету, следующим после первого Филиппика и трех Олинфских. Oratio De Pace, которая по праву является шестой в его перечислении, он не присваивает никакого порядкового номера. Что еще более озадачивает, так это то, что в качестве начальных слов того, что он называет *шестым* Филиппиком, он приводит некоторые слова, которые встречаются в середине первого Филиппика, сразу после финансовой схемы, прочитанной Демосфеном народу, слова: Ἄ μὲν ἡμεῖς, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δεδυνήμεθα εὐρεῖν ταῦτ' ἐστίν (Philipp. i. p. 48). Если это верно, то мы должны были бы разделить первый Филиппик на две части, а последнюю часть (после слов ἄ μὲν ἡμεῖς) признать отдельной и более поздней орацией. Некоторые критики, среди которых д-р Тирлуолл, согласны с Дионисием настолько, что отделяют вторую часть от первой и рассматривают ее как часть какого-то более позднего оратора. Я придерживаюсь более распространенного мнения, принимая ораторию как единое целое. Существует путаница, как в тексте, так и в утверждениях Дионисия, которая еще никогда не была и, возможно, не может быть удовлетворительно прояснена.

Бёнеке (Böhnecke) в своих "Исследованиях по аттическому Реднеру" (Forschungen auf dem Gebiete der Attischen Redner, p. 222 seq.) провел полное и тщательное исследование первого Филиппика и всех споров, связанных с ним. Он полностью отвергает утверждение Дионисия. Он считает, что оратория в ее нынешнем виде представляет собой единое целое, но произнесена на три года позже, чем утверждает Дионисий: не в 351 году до н. э., а весной 348 года до н. э., после трех Олинфиев и немного раньше падения Олинфа. Он отмечает различные хронологические моменты (по моему мнению, ни один из них не доказывает его точку зрения), которые показывают, что оратория не могла быть произнесена так рано, как в 351 году до н. э. Но я думаю, что трудность предположения, что оратория была произнесена в столь поздний период Олинфской войны, и что в ней ничего не говорится об этой войне, и почти ничего о самом Олинфе - больше, чем все те трудности, которые Бёнеке пытается использовать против более ранней даты.

[665] Demosthenes, De Symmor. p. 182. s. 18.

[666] Æschines cont. Ktesiphont. p. 366.

[667] Δημοσφεν. Philipp. i. init. ... Εἰ μὲν περὶ καινοῦ τινὸς πράγματος προϋτίθετο λέγειν, ἐπισχῶν ἂν ἕως οἱ πλείστοι τῶν εἰωθότων γνώμην ἀπεφῆναντο ... ἐπειδὴ δὲ περὶ ὧν πολλάκις εἰρήκασιν οὗτοι πρότερον συμβαίνει καὶ νυνὶ σκοπεῖν, ἡγοῦμαι καὶ πρῶτος ἀναστὰς εἰκότως ἂν συγγνώμης τυγχάνειν- εἰ γὰρ ἐκ τοῦ παρεληλυθότος χρόνου τὰ δέοντα οὗτοι συνεβούλευσαν, οὐδὲν ἂν ὑμᾶς νῦν ἔδει βουλευέσθαι.

[668] Demosthenes, Philippic i. p. 40, 41. Ὅτι οὐδὲν τῶν δεόντων ποιούντων ὑμῶν κακῶς τὰ πράγματα ἔχει- ἐπεὶ τοι, εἰ πάνθ' ἃ προσῆκε πραττόντων οὕτως εἶχεν, οὐδ' ἂν ἐλπίς ἦν αὐτὰ βελτίω γενέσθαι, etc. Еще раз, с. 42. Ἄν τοίνυν καὶ ὑμεῖς ἐπὶ τῆς τοιαύτης ἐθελήσῃτε γενέσθαι γνώμης νῦν, ἐπειδὴ περ οὐ πρότερον, ... καὶ παύσησθε αὐτὸς μὲν οὐδὲν ἕκαστος ποιήσειν ἐλπίζων, τὸν δὲ πλησίον πάνθ' ὑπὲρ αὐτοῦ πράξειν, etc.

Сравните с предыдущей агиткой, De Symmoriis, p. 182. s. 18.

[669] Demosthenes, Philippic i. p. 43. s. 15. ὥς δὲ νῦν ἔχετε, οὐδὲ διδόντων τῶν καιρῶν Ἀμφίπολιν δέξασθαι δύναισθ' ἂν, ἀπηρητημένοι καὶ ταῖς παρασκευαῖς καὶ ταῖς γνώμαις.

[670] Δημοσφен, Филиппы. i. p. 44. ... ἐπειδὴν ἅπαντα ἀκούσητε, κρίνατε-μὴ πρότερον προλαμβάνετε- μὴδ' ἂν ἐξ ἀρχῆς δοκῶ τινὶ καινὴν παρασκευὴν λέγειν, ἀναβάλλειν με τὰ πράγματα ἡγείσθω- οὐ γὰρ οἱ ταχὺ καὶ τήμερον εἰπόντες μάλιστα εἰς δέον λέγουσιν, etc.

... Οἶμαι τοίνυν ἐγὼ ταῦτα λέγειν ἔχειν, μὴ κωλύων εἴ τις ἄλλος ἐπαγγέλλεταιί τι.

Этот уничижительный тон заслуживает внимания, как и трудности, которые оратор предвидит, чтобы получить слушание.

[671] Demosthenes, Philipp. i. p. 44, 45.

[672] Demosthenes, Philipp. i. p. 45, 46.

[673] Demosthen. Philipp. i. p. 48, 49. Ἄ δ' ὑπάρξει δεῖ παρ' ὑμῶν, ταῦτ' ἐστὶν ἀγὼ γέγραφα.

[674] Demosthen. Philipp. i. p. 49. s. 37.

[675] Demosthen. Philipp. i. p. 49. s. 38, 39.

[676] Demosthenes, Philipp. i. p. 48, 49. "Упрямство и жестокость этейских ветров в июле и августе хорошо известны тем, кому приходилось бороться с ними в Эгейском море в это время года" (Colonel Leake, Travels in Northern Greece, vol. iv. ch. 42. p. 426).

Этейские ветры, дующие с севера, затрудняли путь в Македонию из Афин.

Сравните Δημοσφен, De Rebus Chersonesi, p. 93. s. 14.

[677] Δημοσφен. Philipp. i. p. 51. s. 46. ... ὑμεῖς δὲ, πλείστην δύναμιν ἀπάντων ἔχοντες, τριηρεῖς, ὀπλίτας, ἱππέας, χρημάτων πρόσοδον, τούτων μὲν μέχρι τῆς τήμερον ἡμέρας οὐδενὶ πώποτε εἰς δέον τι κέχρησθε.

[678] Demosthen. Philipp. i. p. 50. ἐν δὲ τοῖς περὶ τοῦ πολέμου ἅτακτα, ἀδιόρθωτα, ἀόριστα, ἅπαντα. Τοιγαροῦν ἅμα ἀκηκόαμέν τι καὶ τριηράρχους καθίσταμεν, καὶ τούτοις ἀντιδόσεις ποιούμεθα καὶ περὶ χρημάτων πόρου σκοποῦμεν, и т. д.

[679] Demosthen. Philipp. i. p. 48, 49. δεῖ-μὴ βοηθείαις πολεμεῖν (ὑστεριοῦμεν γὰρ ἀπάντων) ἀλλὰ παρασκευῇ συνεχεῖ καὶ δυνάμει.

Сравните его орацию De Rebus Chersonesi, p. 92. s. 11.

[680] Demosthenes, Philippic i. p. 46. s. 28. ἐξ οὗ δ' αὐτὰ καθ' αὐτὰ τὰ ξενικὰ ὑμῖν στρατεύεται, τοὺς φίλους νικᾷ καὶ τοὺς συμμάχους, οἱ δ' ἐχθροὶ μείζους τοῦ δέοντος γεγόνασιν- καὶ παρακύψαντα ἐπὶ τὸν τῆς πόλεως πόλεμον, πρὸς Ἀρτάβαζον καὶ πανταχοῖ μάλλον οἴχεται πλέοντα, ὁ δὲ στρατηγὸς ἀκολουθεῖ, εἰκότως- οὐ γὰρ ἔστιν ἄρχειν μὴ διδόντα μισθόν. Τί οὖν κελεύω; τὰς προφάσεις ἀφελεῖν καὶ τοῦ στρατηγοῦ καὶ τῶν στρατιωτῶν, μισθὸν πορίσαντας καὶ στρατιώτας οἰκείους ὥσπερ ἐπὶ τῶν στρατηγουμένων παρακαταστήσαντας ἢ др.

... p 53. s. 51. καὶ οἱ μὲν ἐχθροὶ καταγελῶσιν, οἱ δὲ σύμμαχοι τεθνᾶσι τῷ δέει τοιούτους ἀποστόλους, etc.

[681] Demosthen. Philipp. i. p. 47. ἐπεὶ νῦν γε γέλως ἔσθ' ὥς χρώμεθα τοῖς πράγμασι.

[682] Demosthenes, Philippic i. p. 54 s. 58. Ἐγὼ μὲν οὖν οὕτ' ἄλλοτε πώποτε πρὸς χάριν εἰλόμην λέγειν, ὅ,τι ἂν μὴ καὶ συνοίσειν πεπεισμένος ὦ, νῦν τε ἃ γινώσκω πάνθ' ἀπλῶς, οὐδὲν ὑποστειλάμενος, πεπαρρησίασμαι. Ἐβουλόμεν δ' ἂν, ὥσπερ ὅτι ὑμῖν συμφέρει τὰ βέλτιστα ἀκούειν οἶδα, οὕτως εἰδέναι συνοίσον καὶ τῷ τὰ βέλτιστα εἰπόντι- πολλῶ γὰρ ἂν ἥδιον εἶπον. Νῦν δ' ἐπ' ἀδῆλοις οὗσι τοῖς ἀπὸ τούτων ἐμαυτῷ γενησομένοις, ὅμως ἐπὶ τῷ συνοίσειν ὑμῖν, ἂν πράξητε, ταῦτα πεπεῖσθαι λέγειν αἰροῦμαι.

[683] Demosthenes, De Coronâ, p. 308. s. 306. Ἀλλὰ μὴν ὧν γ' ἂν ὁ ῥήτωρ ὑπεύθυνος εἴη, πᾶσαν ἐξέτασιν λάμβανε- οὐ παραιτοῦμαι. Τίνα οὖν ἐστὶ ταῦτα; Ἰδεῖν τὰ πράγματα ἀρχόμενα, καὶ προαισθῆσθαι καὶ προειπεῖν τοῖς ἄλλοις. Ταῦτα πέπρακταί μοι. Καὶ ἔτι τὰς ἐκασταχοῦ βραδυτήτας, ὀκνοῦς, ἀγνοίας, φιλονεικίας, ἃ πολιτικὰ ταῖς πόλεσι πρόσσεστιν ἀπάσαις καὶ ἀναγκαῖα ἁμαρτήματα, ταῦθ' ὥς εἰς ἐλάχιστα συστεῖλαι, καὶ τούναντιον εἰς ὁμόνοιαν καὶ φιλίαν καὶ τοῦ τὰ δέοντα ποιεῖν ὁρμὴν προτρέψαι.

[684] Demosthenes, Olynth. iii. p. 29. s. 5.

[685] Demosthenes, Philipp. i. p. 48. s. 34; Olynth. ii. p. 21. s. 12; Olynth. iii. p. 29. s. 5. p. 32. s. 16; De Rhodiorum Libertate, p. 190. s. 1. И не только голоса против Филиппа, но и против других, оставались либо неисполненными, либо исполненными недостаточно (Demosthenes, De Republicâ Ordinandâ, p. 175, 176).

[686] Демосфен. De Rhodior. Libertat. p. 197. s. 31. ὁρῶ δ' ὑμῶν ἐνίους Φιλίππου μὲν ὡς ἄρ' οὐδενὸς ἀξίου πολλάκις ὀλιγωροῦντας, βασιλέα δ' ὡς ἰσχυρὸν ἐχθρὸν οἷς ἂν προέλῃται φοβουμένους. Εἰ δὲ τὸν μὲν ὡς φαῦλον οὐκ ἀμυνούμεθα, τῷ δὲ ὡς φοβερῷ πάνθ' ὑπείξομεν, πρὸς τίνας παραταξόμεθα;

Эта оратория была произнесена в 351-350 гг. до н. э.; через несколько месяцев после первого Филиппика.

[687] Demosthenes, Philipp. i. p. 45. s. 21; Olynthiac ii. p. 19. s. 4.

[688] Сравните совет фиванцев Мардонию в 479 году до н. э. - во время персидского вторжения в Грецию (Herodot. ix. 2).

[689] Demosthen. cont. Aristokrat. p. 656. s. 129. ἐκεῖνοι (Olynthians) ἕως μὲν ἐώρων αὐτὸν (Philip) τηλικούτον ἡλικὸς ὧν πιστὸς ὑπῆρχε, σύμμαχοί τε ἦσαν, καὶ δι' ἐκεῖνον ἡμῖν ἐπολέμουν- ἐπειδὴ δὲ εἶδον μείζω τῆς πρὸς αὐτοὺς πίστεως γινόμενον ὑμᾶς, οὓς ἴσασιν ἀπάντων ἀνθρώπων ἥδιστ' ἂν καὶ τοὺς ἐκείνου φίλους καὶ αὐτὸν τὸν Φίλιππον ἀποκτείναντας, φίλους πεποίηται, φασὶ δὲ καὶ συμμάχους ποιήσεσθαι.

Мы знаем от Дионисия, что эта оратория была произнесена между серединой лета 352 г. до н. э. и серединой лета 351 г. до н. э. Я уже отмечал, что она должна была быть произнесена, по моему мнению, до месяца Мемактериона (ноября) 352 г. до н. э.

[690] Demosthenes, Philippic i. p. 44. s. 20. ... ἐπὶ τὰς ἐξαίφνης ταύτας ἀπὸ τῆς οἰκείας χώρας αὐτοῦ στρατείας, εἰς Πύλας καὶ Χερρόνησον καὶ Ὀλυνθον καὶ ὅποι βούλεται.

[691] Demosthenes, Olynthiac i. p. 11. s. 7. ... νυνὶ γὰρ, ὃ πάντες ἐθρύλλουν τέως, Ὀλυνθίους ἐκπολεμῆσαι δεῖν Φιλίππῳ, γέγονεν αὐτόματον, καὶ ταῦθ' ὥς ἂν ὑμῖν μάλιστα συμφέροι. Εἰ μὲν γὰρ ὑφ' ὑμῶν πεισθέντες ἀνείλοντο τὸν πόλεμον, σφαλεροὶ σύμμαχοι καὶ μέχρι τοῦ ταῦτ' ἂν ἐγνωκότες ἦσαν ἴσως, и т. д.

Сравните Olynth. iii. p. 30. s. 9. и p. 32. s. 18. οὐχ οὖς, εἰ πολεμήσαιεν, ἐτοίμως σώσειν ὑπὸ σπινθόρῳ, οὗτοι νῦν πολεμοῦνται;

[692] Demosthen. Olynth. i. p. 13. s. 13.

[693] Demosthen. Olynth. iii. p. 30. s. 8. οὔτε Φίλιππος ἐθάρρει τούτους, οὔθ' οὔτοι Φίλιππον, etc.

[694] Demosthen. Olynth. i. p. 13. s. 13. ... ἡσθένησε- πάλιν ῥαῖσας οὐκ ἐπὶ τὸ ῥαθυμεῖν ἀπέκλινεν, ἀλλ' εὐθὺς Ὀλυνθίοις ἐπέχειρσεν.

Какой промежуток времени обозначается наречием εὐθὺς, конечно, можно только догадываться. Если бы это выражение встречалось в оратории De Corona, произнесенной двадцать лет спустя, мы могли бы трактовать εὐθὺς очень вольно. Но здесь оно встречается в оратории, произнесенной, вероятно, во второй половине 350 г. до н. э., но, конечно, не позднее первой половины 348 г. до н. э. Соответственно, вряд ли разумно отводить промежутку, обозначенному здесь εὐθὺς (между выздоровлением Филиппа и его серьезным нападением на олинфян), более длительное время, чем шесть месяцев. Тогда мы должны предположить, что это нападение было начато примерно в последнем квартале Olymp. 107, 2; или в первой половине 350 г. до н. э. Это мнение Бёнеке, и, как мне кажется, очень вероятное (Forschungen, p. 211).

[695] Юстин, viii. 3; Орозий, iii. 12. Юстин называет это *причиной* нападения Филиппа на Олинф, чему я не верю. Но я не вижу оснований сомневаться в самом факте или в том, что Филипп воспользовался им в качестве *предлога*. Он нашел сводных братьев в Олинфе, когда город был взят, и предал их обоим смерти".

[696] Thucyd. i. 58.

[697] Demosthenes, Fals. Leg. p. 425, 426; Ксенофонт, Hellen. v. 2. 17.

[698] Demosthenes, Olynth. i. p. 15. s. 22. οὐτ' ἂν ἐξήνεγκε τὸν πόλεμόν ποτε τοῦτον ἐκεῖνος, εἰ πολεμεῖν ᾤκηθαι δεήσειν αὐτόν, ἀλλ' ὥς ἐπιὼν ἅπαντα τότε ἥλπιζε τὰ πράγματα ἀναιρήσεσθαι, κατὰ διέψευσται. Τοῦτο δὲ πρῶτον αὐτόν ταραττεῖ παρὰ γνώμην γεγονὸς и т. д.

[699] См. гл. lxxiii. с. 35 настоящего тома.

[700] Demosthenes, Fals. Leg. p. 439. Сам Эсхин встретил человека по имени Атрестидас, за которым следовал один из этих скорбных отрядов. Мы можем быть уверены, что этот случай был лишь одним из многих.

[701] Плиний, Н. N. ii. 27. "Fit et coeli ipsius hiatus, quod vocant chasma. Fit et sanguineâ specie (quo nihil terribilius mortalium timori est) incendium ad terras cadens inde; sicut Olympiadis centesimæ septimæ anno tertio, cum rex Philippus Græciam quateret. Atque ego hæc statis

temporibus naturæ, ut cetera, arbitror existere; non (ut plerique) variis de causis, quas ingeniorum acumen excogitat. *Quippe ingentium malorum fuere prænuntia*; sed ea accidisse non quia hæc facta sunt arbitror, verum hæc ideo facta, quia incasura erant illa: raritate autem occultam eorum esse rationem, ideoque non sicut exortus supra dictos defectusque et multa alia nosci."

Точность этой хронологической заметки делает ее ценной. Olymp. 107, 3 - соответствует году между серединой лета 350 и серединой лета 349 года до н. э.

Тейлор, который цитирует этот отрывок в своих *Prolegomena ad Demosthenem* (ap. Reiske Oratt. Gr. vol. viii. p. 756), берет на себя смелость, не имея никаких рукописных полномочий, изменить *tertio* на *quarto*; что Бёнеке справедливо называет необоснованным (*Forschungen*, p. 212). Отрывок в его нынешнем виде является свидетельством, не только подтверждающим потрясающий характер времени, но и доказывающим, среди прочих доказательств, что нападение Филиппа на олинфян и халкидян началось в 350-349 гг. до н. э. - не в следующем олимпийском году или в период после середины лета 349 г. до н. э.

Бёнеке (*Forschungen*, p. 201-221) занялся изучением дат и событий этой Олинфской войны и расположил их в порядке, отличном от всех предшествующих критиков. Его исследование острое и поучительное, однако некоторые рассуждения не имеют особой силы и актуальности. Я в целом следую за ним, помещая начало Олинфской войны и олинфян Демосфена перед Olymp. 107, 4. Это лучшее мнение, которое я могу сформировать по вопросам, к сожалению, не подтвержденным и неопределенным.

[702] Demosth. Philipp. iii. p. 113. О том, что Филипп не только атаковал, но даже покорил тридцать два халкидских города, прежде чем отправиться в поход непосредственно и окончательно штурмовать Олинф, говорится во фрагменте Каллистена (Kallisthenes ap. Stobæum, Eclog. Тит. vii. p. 92.

Каллистен, история которого утеряна, был уроженцем Олинфа, родившимся за несколько лет до взятия города.

[703] Некоторые замечания по порядку олинфийцев можно найти в [Приложении](#) к настоящей главе.

Следует понимать, что я всегда говорю об олинфийцах как о *первых, вторых и третьих*, согласно общепринятому и отредактированному порядку; хотя я не могу принять этот порядок как правильный.

[704] Dionys. Hal. ad Ammæ. p. 736. μετὰ γὰρ ἄρχοντα Καλλίμαχον, ἐφ' οὗ τὰς εἰς Ὀλυνθον βοηθείας ἀπέστειλαν Ἀθηναῖοι, πεισθέντες ὑπὸ Δημοσθένους, etc.

Он связывает трех олинфян Демосфена с тремя афинскими вооружениями, посланными в Олинф в год, следующий за серединой лета 349 г. до н. э.; о вооружении которых он незадолго до этого упоминал у Филохора.

[705] Это видно из насмешек Мейдиаса: см. ораторию Демосфена cont. Meidiam, p. 575, 576. (произнесенную в следующем году - 349-348 гг. до н. э.)

Я не без сожаления замечаю, что сам Демосфен не постеснялся вложить подобные насмешки в уста клиента, выступающего в Дикастерии против Лакрита: "Этот очень умный человек, который заплатил десять мин Исократу за курс риторики и считает себя способным говорить с тобой, как ему заблагорассудится" и т. д. (Demosth. adv. Lakrit. p. 938).

[706] Оратор из следующего поколения (Deinarchus cont. Demosthen. p. 102, s. 99) высмеивает Демосфена как простого оппозиционера, в противовес прекрасному управлению финансами и морским делом при Евбуле - ποῖαι γὰρ τριήρεις εἰσὶ κατεσκευασμέναι διὰ τοῦτον (Демосфен) ὥσπερ ἐπὶ Εὐβούλου, τῇ πόλει; ἢ ποῖοι νεώσοικοι τούτου πολιτευομένου γεγόνασι; правление Евбула, должно быть, оставило о себе достойное воспоминание, чтобы впоследствии быть процитированным таким образом.

См. Theopompus ap. Harpokr. v. Εὐβουλος; Плутарх, Reipubl. Gerend. Præcept. p. 812. Сравните также Demosth. Fals. Leg. p. 435; и Æschines adv. Ktesiph. p. 57. с. 11.

[707] Demosth. Olynth. i. p. 9. ὥς ἔστι μάλιστα τοῦτο δέος, μὴ πανοῦργος ὢν καὶ δεινὸς ἄνθρωπος (Philip) πράγμασι χρῆσθαι τὰ μὲν εἰκὼν ἡνίκ' ἂν τύχη, τὰ δ' ἀπειλῶν, τὰ δ' ἡμᾶς διαβάλλων καὶ τὴν ἀπουσίαν τὴν ἡμετέραν τρέψη τε καὶ παρασπάσῃται τι τῶν ὅλων πραγμάτων.

Это происходит в следующей за этим речи Демосфена, намекающей на то, что Филипп и его сторонники уже вывели как вывод из прошлого пренебрежения афинян послать какую-либо помощь в Олинф. Конечно, такие выводы не могли быть сделаны до тех пор, пока не прошло некоторое время для ожиданий и разочарований; это одна из многих причин считать, что первая Олинфия была позже по времени, чем вторая.

[708] Demosth. Olynth. i. p. 12, 13.

[709] Demosth. Olynth. i. p. 9.

[710] Demosth. Olynth. i. p. 14. Φημί δὴ διχῇ βοηθητέον εἶναι τοῖς πράγμασιν ὑμῖν- τῷ τε τὰς πόλεις τοῖς Ὀλυνθίοις σῶζειν, καὶ τοὺς τοῦτο ποιήσοντας στρατιώτας ἐκπέμπειν—καὶ τῷ τὴν ἐκείνου χώραν κακῶς ποιεῖν καὶ τριήρεσι καὶ στρατιώταις ἑτέροις· εἰ δὲ θατέρου τούτων ὀλιγωρήσετε, ὅκνῳ μὴ μάταιος ὑμῶν ἡ στρατεία γένηται.

[711] Demosth. Olynth. i. p. 9, 10.

[712] Demosth. Olynth. i. p. 11.

[713] Demosth. Olynth. i. p. 12, 13, 16. ...εἰ δὲ προησόμεθα καὶ τούτους τοὺς ἀνθρώπους, εἴτ' Ὀλυνθον ἐκεῖνος καταστρέψεται, φρασάτω τις ἐμοί, τί τὸ κωλύον ἔτ' αὐτὸν ἔσται βαδίζειν ὅποι βούλεται.

... τίς οὕτως εὐήθης ἐστὶν ὑμῶν ὅστις ἀγνοεῖ τὸν ἐκεῖθεν πόλεμον δεῦρο ἦξοντα, ἂν ἀμελήσωμεν;

[714] Demosth. Olynth. i. p. 15.

[715] На мой взгляд, необходимо полностью отделить разбирательство, упомянутое в Демосфеновых Олинфах, от трех экспедиций в Олинф, упомянутых Филохором в течение следующего года - 349-348 гг. до н. э., архонтства Каллимаха. Я не вижу причин оспаривать утверждение Филохора, что в том году было три экспедиции, которые он описывает. Но он, должно быть, ошибается (или Дионисий ошибочно переписал его), представляя эти три экспедиции как всю Олинфскую войну, а первую из них - как начало войны. Олинфская война началась в 350 году до н. э., и три олинфские экспедиции Демосфена относятся, по моему мнению, к первым месяцам войны. Но она продолжалась до ранней весны 347 года до н. э., так что вооружение, о котором упоминает Филохор, могло произойти в последней половине войны. Я не могу не думать, что Дионисий, удовлетворившись тем, что нашел три экспедиции в Олинф, которые можно было бы приложить в качестве результатов к трем орациям Демосфена, слишком поспешно выписал эти три из Филохора и назначил дату 349-

348 гг. до н. э. для трех *ораций* только потому, что нашел эту дату, указанную Филохором для трех *экспедиций*.

Восстание в Эвбее, экспедиция Фокиона с битвой при Тамине и продолжительная война на этом острове начались примерно в январе или феврале 349 года до н. э. и продолжались весь этот и следующий год. Мистер Клинтон даже помещает эти события на год раньше, с чем я не согласен, но что, если бы было принято, отбросило бы начало Олинфской войны еще на один год назад. Несомненно, что *до Эвбейской войны* в Олинф была отправлена по крайней мере одна афинская экспедиция (Demosthen. cont. Meidiam, p. 566-578) - экспедиция настолько значительная, что на ее расходы были получены добровольные пожертвования от богатых граждан. Вот хорошее доказательство (лучше, чем у Филохора, если, конечно, оно не соответствует тому, что он действительно сказал) того, что афиняне не только заключили союз с Олинфом, но и фактически помогали Олинфу в 350 году до н. э. Теперь олинфийцы Демосфена представляют, на мой взгляд, убедительные доказательства того, что они относятся к самым ранним месяцам олинфской войны. Поэтому я считаю разумным предположить, что экспедиция иностранных наемников в Олинф, о которой говорит третий Олинф, - это та же самая экспедиция, для которой требовались ἐπιδόσεις, упомянутые в Мейдиане. См. Böhnecke, Forschungen, p. 202; и K. F. Hermann, De Anno Natali Demosthenis, p. 9.

[716] Theopompus ap. Athenæ; xii. p. 532. Эта победа, казалось бы, более естественно (как замечает д-р Тирлуолл) относится к операциям Хареса и Ономарха против Филиппа в Фессалии в 353-352 гг. до н. э. Но этот момент не может быть определен.

[717] Demosth. Olynth. iii. p. 29. μέμνησθε, ὅτ' ἀπηγγέλθη Φίλιππος ὑμῖν ἐν Θράκῃ τρίτον ἢ τέταρτον ἔτος τοῦτ', Ἡραῖον τεῖχος πολιορκῶν- τότε τοίνυν μὴν μὲν ἦν Μαίμακτηριῶν, etc. Это был месяц Мæмактерион или ноябрь 352 г. до н. э. Если считать вперед от этой даты, то τρίτον ἔτος означает *следующий год, кроме одного*; это аттический год Olymр. 107. 3, или год между серединой лета 350 г. и серединой лета 349 г. до н. э. Дионисий Галикарнасский говорит (стр. 726) - Καλλιμάχου τοῦ τρίτου μετὰ Θέσσαλον ἄρξαντος - хотя между Фессалом и Каллимахом был только один архонт. Когда Демосфен говорит τρίτον ἢ τέταρτον ἔτος - ясно, что оба варианта не могут быть точными; мы должны выбрать один или другой; и τρίτον ἔτος приводит нас к 350-349 году до н. э.

Чтобы показать, что ораторская речь была произнесена, скорее всего, в первой половине того же года или до февраля 349 года до н. э., можно обратить внимание еще на одно свидетельство.

В то время, когда была произнесена третья олинфская речь, на помощь Олинфу еще *не* была отправлена экспедиция афинских *граждан*. Но мы увидим, что афинские граждане *были* отправлены туда в первой половине 349 года до н.э.

Действительно, было бы необычно, если бы олинфийские речи были произнесены *после* экспедиции на Эвбею, чтобы Демосфен ни в одной из них не упомянул об этой экспедиции, столь важном и интересном деле, которое держало Афины в серьезном волнении в течение большей части года и сопровождалось продолжительной войной на соседнем острове. В третьем Олинфе Демосфен намекает на то, что собирается воевать против Коринфа и Мегары (стр. 34). Неужели он мог оставить незамеченными гораздо более важные события в Эвбее? Стал бы он ничего не говорить о серьезном кризисе, в котором оказался предложенный

Аполлодором декрет? Эта трудность исчезает, когда мы признаем, что Олинфия предшествовала Эвбейской войне.

[718] Thucyd. ii. 65. Ὅποτε γοῦν αἴσθοιτό τι αὐτοὺς παρὰ καιρὸν ὕβρει θαρσοῦντας, λέγων κατέπλησεν (Perikles) εἰς τὸ φοβεῖσθαι- καὶ δεδιότας αὐτὸν ἀλόγως ἀντικαθίστη πάλιν ἐπὶ τὸ θαρσεῖν.

Сравните аргументацию третьего олинфянина у Либания.

[719] Demosth. Olynth. iii. p. 28, 29. Τοὺς μὲν γὰρ λόγους περὶ τοῦ τιμωρῆσασθαι Φίλιππον ὁρῶ γιγνομένους, τὰ δὲ πράγματα εἰς τοῦτο προήκοντα, ὥστε ὅπως μὴ πεισόμεθα αὐτοῖ πρότερον κακῶς σκέψασθαι δεόν.

... τοῦθ' ἱκανὸν προλαβεῖν ἡμῖν εἶναι τὴν πρώτην, ὅπως τοὺς συμμάχους σώσομεν.

[720] Demosth. Olynth. iii. p. 30.

[721] Demosth. Olynth. iii. p. 31, 32.

[722] *Aeschines* adv. Ktesiphont. p. 67, 68.

[723] Demosthenes cont. Aristokrat. p. 661. φέρ' , ἐὰν δὲ δὴ καὶ Μενέστρατος ἡμᾶς ὁ Ἐρετριεὺς ἀξιοῖ τὰ αὐτὰ καὶ αὐτῷ ψηφίσασθαι, ἢ Φάύλλος ὁ Φωκεὺς, etc.

[724] Demosthen. Philipp. i. p. 51.

[725] Demosthen. Philipp. i. p. 49.

[726] Demosthenes, De Pace, p. 58.

[727] Demosthenes cont. Meidiam, p. 550. ...καὶ τῶν ἐν Εὐβοίᾳ πραγμάτων, ἃ Πλούταρχος ὁ τούτου ξένος καὶ φίλος διεπράξατο, ὡς ἐγὼ αἰτίος εἰμι κατεσκευάζε, πρὸ τοῦ τὸ πρᾶγμα γενέσθαι φανερόν διὰ Πλουτάρχου γεγονός.

[728] Demosth. cont. Meidiam, p. 558; cont. Boeotum de Nomine, p. 999. Упоминание χόες в последнем отрывке, как второго дня праздника, называемого Anthesteria, идентифицирует месяц.

[729] Demosthen. cont. Meidiam, p. 566, 567.

[730] *Aeschines* cont. Ktesiphont. p. 399. ... Ταυροσθένης, τοὺς Φωκικοὺς ξένους διαβιβάσας, etc. Из этого отрывка нет оснований делать вывод (вместе с Böhneske, p. 20, и др.), что фокийцы сами поддержали Филиппа в организации эвбейских партий против Афин. Фокийцы тогда были в союзе с Афинами и вряд ли стали бы участвовать в шаге, одинаково вредном и оскорбительном для нее, без всякой пользы для себя. Но некоторых наемников, служивших в Фокисе, можно было бы легко склонить к перемене службы и переходу на Эвбею, пообещав хорошее вознаграждение".

[731] Demosth. cont. Meidiam, p. 567. ἐπειδὴ δὲ πολιορκεῖσθαι τοὺς ἐν Ταμύναις στρατιώτας ἐξηγγέλλετο, etc.

[732] *Aeschines*, Fals. Leg. p. 300. с. 53; cont. Ktesiphont. p. 399. с. 32. Плутарх, Фокион, с. 13. У Плутарха нет четкого представления о различных состязаниях, проводившихся на острове Эвбея. Он без всякого перехода переходит от этой войны на острове (в 349-348 гг. до н. э.) к последующей войне в 341 г. до н. э.

Действительно, ничто не может быть более туманным и сложным для распутывания, чем последовательность эвбейских операций.

Следует отметить, что Эсхинес возлагает вину за предательство, в результате которого афинская армия оказалась в ловушке и под угрозой, на Каллия Халкиса, а Демосфен - на Плутарха Эретрийского. Вероятно, и Плутарх, и Каллий заслужили это клеймо. Но Демосфен в данном случае заслуживает большего доверия, чем Эсхинс, так как речь против Мейдиаса, в которой содержится это утверждение, была произнесена всего через несколько месяцев после битвы при Тамине; в то время как утверждение Эсхинса содержится в его речи против Ктесифона, которая была произнесена только через много лет после этого.

[733] Плутарх, Фокион, с. 13.

[734] *Эсхинес* действительно говорит, что Каллий, получив прощение от Афин по этому случаю, после этого, безвозмездно и из чистой вражды и неблагодарности к Афинам, отправился к Филиппу. Но я думаю, что это, скорее всего, преувеличение. Оратор делает сильный выпад против Каллиаса, который впоследствии был связан с Демосфеном и оказал Афинам значительную услугу в Эвбее.

Об измене Каллиаса и Тавросфена упоминает Дейнарх в своей речи против Демосфена, с. 45.

[735] Demosthenes cont. Meidiam, p. 567.

[736] *Æschines* cont. Ktesiph. p. 61; Plutarch, Demosth. с. 12. Вестерманн и многие другие критики (*De Litibus quas Demosthenes oravit ipse*, p. 25-28) утверждают, что речь против Мейдиаса не могла быть действительно произнесена Демосфеном в Дикастерии, поскольку если бы она была произнесена, он не мог бы после этого вступить в компромисс. Но, конечно, возможно, что он произнес речь и добился решения в свою пользу, а затем, когда предстояло второе голосование дикастов для определения наказания, принял предложение ответчика заплатить умеренный штраф (ср. Demosth. cont. Neæram, p. 1348), опасаясь слишком сильно разозлить влиятельных друзей, окружавших Мейдиаса. Действия Демосфена против Мейдиаса, несомненно, были ἀγὼν τιμητός. О προβολή см. Meier and Schömann, *Der Attische Prozess*, p. 271.

[737] Demosthenes, *De Pace*, p. 58; *De Fals. Leg.* p. 434 со Схолионом.

[738] Demosthen. cont. Meidiam, p. 548. ... ἐφ' ἧ γὰρ ἐκεῖνος (Евктемон) ἠτίμωκεν αὐτὸν οὐκ ἐπεξελθὼν, οὐδεμιᾶς ἔγωγ' ἔτι προσδέομαι δίκης, ἀλλ' ἱκανὴν ἔχω.

Эсхин говорит, что Никодим выдвинул обвинение против Демосфена за то, что тот покинул свое место в рядах; но Демосфен его подкупил и воздержался от передачи дела в дикастерию (*Æsch. Fals. Leg.* p. 292).

[739] Demosth. cont. Meid. p. 577.

[740] Demosth. cont. Meid. p. 558-567.

[741] Demosth. cont. Meid. p. 551.

[742] Плутарх, Фокион, с. 14; Павсаний, i. 36, 3.

[743] Demosthen. cont. Neæram, p. 1346. ... συμβάντος τῇ πόλει καιροῦ τοιοῦτου καὶ πολέμου, ἐν ᾧ ἦν ἡ κρατήσασιν ὑμῖν μεγίστοις τῶν Ἑλλήνων εἶναι, καὶ ἀναμφισβητήτως τὰ τε ὑμέτερα αὐτῶν κεκομίσθαι καὶ καταπεπολεμηκέναι Φίλιππον—ἢ ὑστερήσασι τῇ βοηθείᾳ καὶ προεμένοις τοὺς

συμμάχους, δι' ἀπορίαν χρημάτων καταλυθέντος τοῦ στρατοπέδου, τούτους τ' ἀπολέσαι καὶ τοῖς ἄλλοις Ἑλλήσιν ἀπίστους εἶναι δοκεῖν, καὶ κινδυνεύειν περὶ τῶν ὑπολοίπων, περὶ τε Λήμνου καὶ Ἰμβρου καὶ Σκύρου καὶ Χερρόνησου-καὶ μελλόντων στρατεύεσθαι ὑμῶν πανδημεὶ εἰς τε Εὐβοίαν καὶ Ὀλυνθον-ἔγραψε ψήφισμα ἐν τῇ βουλῇ Ἀπολλόδωρος βουλευών, etc.

Эта речь была произнесена в Дикастерии человеком по имени Феомнест в поддержку обвинения против Неэры - возможно, через шесть или восемь лет после 349 г. до н. э. Независимо от того, был ли Демосфен автором речи или нет, ее ценность как доказательства существенно не изменится.

[744] Demosthen. cont. Meidiam, p. 578. ...οὗτος τῶν μεθ' ἑαυτοῦ στρατευσαμένων ἱππέων, ὅτε εἰς Ὀλυνθον διέβησαν, ἐλθὼν πρὸς ὑμᾶς εἰς τὴν ἐκκλησίαν κατηγορεῖ. Сравните ту же ораторию, с. 558-περὶ δὲ τῶν συστρατευσαμένων εἰς Ἀργουραν (в Эвбее) ἴστε δῆπου πάντες οἷα ἐδημηγόρησε παρ' ὑμῖν, ὅτ' ἦκεν ἐκ Χαλκίδος, κατηγορῶν καὶ φάσκων ὄνειδος ἐξελεθεῖν τὴν στρατιὰν ταύτην τῇ πόλει.

Этот переход афинских всадников в Олинф, имевший место после битвы при Тамине, отличается от добровольных взносов в Афинах на олинфскую экспедицию (ἐπιδόσεις εἰς Ὀλυνθον-Demosth. cont. Meidiam, p. 566); эти взносы были сделаны до битвы при Тамине и до экспедиции в Эвбею, частью которой была эта битва.

Эти всадники отправились из Эвбеи в Олинф *до того, как Меΐδιαс вернулся в Афины*. Но мы знаем, что он вернулся в Афины до начала нового аттического или олимпийского года (Olymp. 107, 4, 349-348 гг. до н. э.), то есть, говоря приблизительно, до 1 июля 349 г. до н. э. Ибо он присутствовал в Афинах и обвинял Демосфена в сенаторской докимасии, или предварительном экзамене, который проходили все сенаторы, прежде чем занять свои места с началом нового года (Demosth. cont. Meid. p. 551).

Поэтому кажется очевидным, что афинская экспедиция - несомненно, всадники, а возможно, и гоплиты - отправилась в Олинф до 1 июля 349 г. до н. э. Я упоминал об этой экспедиции афинских граждан в Олинф в предыдущей заметке - как связанной с датой третьей Олинфии Демосфена.

[745] Xenoph. Hellen. v. 2, 41; v. 3, 3-6.

[746] Theopompus, Fragm. 155; ap. Athenæum, x. p. 436; Ælian, V. H. ii. 41.

[747] См. Demosthenes adv. Boeotum De Nomine, p. 999. ...καὶ εἰ μισθὸς ἐπορίσθη τοῖς δικαστηρίοις, εἰσῆγον ἂν δῆλον ὅτι. Эта речь была произнесена вскоре после битвы при Таминце, стр. 999.

[748] Demosthen. cont. Neær. p. 1346, 1347.

[749] Demosthen. cont. Neær. p. 1346. ἀλλὰ καὶ νῦν ἔτι, ἃν που λόγος γένηται, ὁμολογεῖται παρὰ πάντων, ὡς τὰ βέλτιστα εἶπας ἄδικα πάθοι.

[750] Philochorus ap. Dionys. Hal. ad Amm. p. 734, 735. Филохор говорит нам, что афиняне *теперь* заключили союз с Олинфом; что, конечно, неточно. Союз был заключен в предыдущем году.

[751] Theopomp. Fragm. 183-238; Athenæus, xii. p. 532.

[752] Demosth. Fals. Leg. p. 426.

[753] Diodor. xvi. 52.

[754] Kallisthenes ap. Stobæum, t. vii. p. 92; Плутарх, Parallel. c. 8; Demosth. Philipp. iii. p. 117. Критобул не мог спасти зрение глаза, но он, как говорят, предотвратил любое видимое уродство. "Magna et Critobulo fama est, extracta Philippi regis oculo sagitta et citra deformitatem oris curata, orbitate luminis" (Плиний, Н. N. vii. 37).

[755] Demosth. Philipp. iii. p. 113.

[756] *Æschines*, Fals. Leg. p. 30.

[757] Demosth. Philipp. iii. p. 125-128; Fals. Leg. p. 426; Diodor. xvi. 53.

[758] Demosth. Philipp. iii. p. 117; Justin, viii. 3.

[759] Демосфен (Fals. Leg. p. 386) говорит, что и Филократ, и Эсхин получили от Филиппа не только дары леса и кукурузы, но и пожалования продуктивных и ценных ферм на олинфской территории. В доказательство своего утверждения он приводит несколько олинфских свидетелей, но их показания не приводятся.

[760] Demosth. De Chersones. p. 99. Существование этих олинфских предателей, проданных Филиппу, доказывает, что он мог не прибегать к помощи философа-стагерита Аристотеля, чтобы указать ему, кто были самые богатые олинфские граждане в то время, когда пленники были выставлены на продажу в качестве рабов. Афинянин Демохарес, примерно тридцать лет спустя, в своей яростной речи против философов утверждал, что Аристотель оказал эту позорную услугу Филиппу (Aristokles ap. Eusebium, Præp. Ev. p. 792) Весселинг (ad Diodor. xvi. 53) опровергает это обвинение, говоря, что Аристотель был в то время вместе с Гермеем в Атарнее; опровержение не очень убедительное, и я рад, что могу его подтвердить.

[761] *Æschines*, Fals. Leg. p. 37. с. 24. Демосфен (Olynth. iii. p. 36) упоминает ту же сумму государственных денег как растраченную εἰς οὐδὲν δέον - даже в начале Олинфской войны и до Эвбейской войны. Как свидетельства фактического количества, такие заявления не имеют никакой ценности.

[762] Ульпиан в своем комментарии к первой Олинфии рассказывает, что после штрафа, наложенного на Аполлодора, Эвбул принял и провел закон, согласно которому любое будущее посягательство на фонд Феора должно караться смертью.

Авторитет Ульпиана недостаточен для подтверждения этого утверждения. Штраф, наложенный Дикастерием на Аполлодора, был мягким; поэтому мы можем обоснованно сомневаться, что народные настроения пойдут навстречу оратору и сделают подобное преступление смертным в будущем.

[763] Среди многочисленных отрывков, иллюстрирующих эту ассоциацию в греческом сознании между идеей религиозного праздника и идеей наслаждения, можно привести высказывания Геродота о великом празднике в Спарте под названием Гиакинфия. Летом 479 года до н. э. спартанцы запоздали с отправкой своих военных сил на защиту Аттики - они были заняты на этом празднике. Οἱ γὰρ Λακεδαιμόνιοι ὀρταζόν τε τὸν χρόνον τοῦτον, καὶ σφὶ ἦν Ὑακίνθια- περὶ πλείστου δ' ἦγον τὰ τοῦ θεοῦ πορσύνειν (Herod. ix. 7). Вскоре в Спарту прибывают афинские посланники, чтобы пожаловаться на задержку в следующих выражениях: Ὑμεῖς μὲν, ὦ Λακεδαιμόνιοι, αὐτοῦ τῇδε μένοντες, Ὑακίνθια τε ἄγετε καὶ παίζετε, καταπροδόντες τοὺς συμμαχοὺς.

Здесь выражения "исполнить требования бога" и "развлечься" используются при описании одного и того же праздника и почти как эквиваленты.

[764] Harpokration, v. Θεωρικά ... διένειμεν Εὐβουλος εἰς τὴν θυσίαν, ἵνα πάντες ἐορτάζωσι, καὶ μηδεὶς τῶν πολιτῶν ἀπολίπηται δι' ἀσθένειαν τῶν ἰδίων.... Ὅτι δὲ οὐκ ἐξῆν τοῖς ἀποδημοῦσι θεωρικὸν λαμβάνειν, Ὑπερίδης δεδήλωκεν ἐν τῷ κατ' Ἀρχεστρατίδου.

[765] См. Demosth. adv. Leocharem, p. 1091, 1092; Philipp. iv. p. 141. Сравните также Schömann, Antiq. Jur. Att. s. 69.

[766] См. указания старых оракулов, цитируемые Демосфеном cont. Meidiam, p. 531. ἰστάναι ὠραίων Βρομίῳ χάριν ἄμμιγα πάντας, etc. στεφανηφορεῖν ἐλευθέρους καὶ δούλους, etc.

[767] См. хвастовство Исократы, Orat. iv. (Panegy.) s. 40; Платон, Алкивиад. ii. p. 148. Ксенофонт (Vectigal. vi. 1.), предлагая некоторые схемы улучшения афинских доходов, в качестве одного из преимуществ указывает, что "религиозные праздники будут отмечаться тогда с еще большим великолепием, чем сейчас".

[768] Plutarch, Quæstion. Platonic. p. 1011. ὡς ἔλεγε Δημάδης, κόλλαν ὀνομάζων τὰ θεωρικὰ τοῦ πολιτεύματος (ошибочно написано θεωρητικά).

[769] По мнению автора оратории против Неэры, закон действительно предусматривал, что во время войны излишки доходов должны направляться на военные нужды - κελευόντων τῶν νόμων, ὅταν πόλεμος ᾖ, τὰ περιόντα χρήματα τῆς διοικήσεως στρατιωτικὰ εἶναι (p. 1346). Но мне кажется, что это должно быть искажение, придуманное в угоду оратору. Если бы закон был таков, то Аполлодор не совершил бы в своем предложении ничего противозаконного; более того, все фехтование и маневрирование Демосфена в его первой и третьей "Олинфиях" не имело бы смысла.

[770] Приведенное здесь дело, хотя и аналогичное по принципу, по степени противостоит афинским собственникам; ведь даже в мирное время половина французского дохода собирается путем прямого налогообложения.

[771] Demosth. Philipp. iv. p. 141-143; De Republicâ Ordinandâ, p. 167. Были ли эти две оратории произнесены на самом деле в их нынешнем виде, можно, пожалуй, сомневаться. Но я с уверенностью ссылаюсь на них как на сочинения Демосфена; собранные из фрагментов и мыслей Демосфена.

[772] Deinarchus cont. Demosth. p. 93; Demosth. Fals. Leg. p. 439, 440. Демосфен утверждает также, что олинфские женщины были подарены Филиппом Филократу (p. 386-440). Возмущение, которое он приписывает (с. 401) Эсхину и Фринону в Македонии против олинфских женщин, не следует принимать за факт, поскольку Эсхин его с негодованием отрицает (Fals. Leg. init. и p. 48). Тем не менее, это, вероятно, слишком верное изображение реальных поступков, совершенных другими, если не Эсхином.

[773] История о старике из Олинфа (Сенека, Controv. v. 10), которого купил художник Паррасий и подверг пыткам, чтобы сделать из него сюжет для картины о страдающем Прометее, более чем сомнительна: ведь Паррасий, уже пользовавшийся большой славой как художник до 400 г. до н. э. (см. Вряд ли он мог еще процветать в 347 году до н. э. (см. Xenoph. Mem. iii. 10), но, по крайней мере, он показывает одну из многих форм страдания рабов, которые иногда реализовывались.

[774] Demosth. Fals. Leg. p. 384-401; Diodor. xvi. 55.

[775] Justin, viii. 3.

[776] *Æschines*, Fals. Leg. p. 37. c. 24.

[777] *Æschines*, Fals. Leg. p. 30.

[778] *Æschines*, Fals. Leg. p. 37.

[779] Demosth. Fals. Leg. p. 434. καὶ ἐν μὲν τῷ δήμῳ κατηρῶ (ты, Эвбул) Φιλίππῳ, καὶ κατὰ τῶν παίδων ὥμνυες ἧ μὴν ἀπολωλέναι Φίλιππον ἂν βούλεσθαι, etc.

[780] Demosth. Fals. Leg. p. 438, 439.

[781] Демосфен утверждает это в два разных раза - Fals. Leg. p. 415-431; De Coronâ, p. 313.

Стехов (Vita Æschinis, p. 1-10) собирает воедино все то небольшое, что можно узнать об Эсхине.

[782] Dionys. Hal. De Adm. Vi Dicend. Demosth. p. 1063; Cicero, Orator, c. 9, 29.

[783] Demosth. Fals. Leg. p. 344-438; Æschin. Fals. Leg. p. 38. Поведение Эсхина в этот период во многом совпадает с тем, что описывает его соперник и что признает он сам. По правде говоря, это был один из самых почетных периодов его жизни.

[784] Demosth. Fals. Leg. p. 433. Это постановление, должно быть, было предложено Тимархом либо ближе к концу Olymp. 108, 1- или в начале следующего года, Olymp. 108, 2; то есть незадолго до или вскоре после середины лета 347 года до н. э. Но какая из этих двух дат предпочтительнее, вопрос спорный. Франке (Prolegom. ad Æschin. cont. Timarchum, p. xxxviii.-xli.) считает, что Тимарх был сенатором в Olymp. 108, 1 и предложил декрет именно тогда; он предполагает, что ораторская речь Эсхина была произнесена в начале Olymp. 108, 3, и что выражение (стр. 11), объявляющее Тимарха сенатором "за год до этого" (πέρουσι), следует толковать вольно, как означающее "за год, но за один до этого".

Г-н Клинтон, Бёкх и Вестерманн полагают, что ораторская речь Эсхина против Тимарха была произнесена в Olymp. 108, 4, а не в Olymp. 108, 3. В этом случае, если мы принимаем слово πέρουσι в его обычном значении, Тимарх был сенатором в 108, 3. Теперь ясно, что он не предлагал декрет, запрещающий экспорт морских запасов Филиппу, в столь поздний срок, как 108, 3; потому что мир с Филиппом был заключен в Элафеболионе Olymp. 108, 2. (Март, 346 г. до н. э.) Но может быть допустимо предположение, что Тимарх был сенатором в два разных года - и в Olymp. 108, 1 и в Olymp. 108, 3 (не в два последовательных года). В таком случае сенаторский год Тимарха, на который ссылается Эсхинес (Cont. Timarch. p. 11), будет Olymp. 108, 3, а другой сенаторский год, в который Тимарх издал указ о запрете экспорта, - Olymp. 108, 1.

Тем не менее, я согласен с мнением Бёнеке (Böhnecke, Forschungen, p. 294), который считает, что оратория была произнесена Olymp. 108, 3 и что Тимарх был сенатором и предложил указ о запрете экспорта магазинов Филиппу в предыдущем году, то есть Olymp. 108, 2; в начале года - в середине лета 347 г. до н. э.

[785] Demosth. Fals. Leg. p. 348-445.

[786] *Æschin*. Fals. Leg. p. 29.

[787] В рассказе Эсхина о Фриноне есть не одна необычность. Жалоба Фринона подразумевает предположение, что олимпийское перемирие приостанавливало военные действия по всей Греции между воюющими греками. Но такая максима не была признана или принята на вооружение; насколько нам известно, военные действия были приостановлены. Вёмель (Proleg. ad Demosth. De Pace, p. 246), чувствуя эту трудность,

понимает под олимпийским перемирием, о котором здесь говорится, олимпийский праздник, устроенный самим Филиппом в Македонии весной или летом 347 г. до н. э. Это устраняет трудность, связанную с действием перемирия; ведь Филипп, конечно, соблюдал бы свое собственное провозглашенное перемирие. Но против этого есть и другое возражение: Эсхинес явно указывает на то, что взятие Фринона произошло до падения Олинфа. Кроме того, Эсхинес вряд ли использовал бы слова ἐν ταῖς Ὀλυμπικαῖς σπονδαῖς без какого-либо специального добавления для обозначения македонских игр.

[788] *Æschines*, Fals. Leg. p. 30. c. 7; cont. Ktesiph. p. 63. Наши знания об этих событиях почти полностью почерпнуты из речей одного, другого или обоих ораторов-соперников, произнесенных через четыре или пять лет после этого на процессе De Falsâ Legatione. Демосфен пытается доказать, что до посольства в Македонию, в котором он и Эсхинес участвовали совместно, Эсхинес был настроен на продолжение войны с Филиппом и стал сторонником Филиппа только во время и после посольства. Эсхинес не отрицает, что в тот момент он прилагал усилия, чтобы начать более эффективную войну против Филиппа, и этот факт нисколько не позорит его. С другой стороны, он пытается доказать против Демосфена, что он (Демосфен) был в то время и сторонником мира с Филиппом, и другом Филократа, с которым он впоследствии так яростно враждовал. С этой целью Эсхинес ссылается на ходатайство Филократа о разрешении Филиппу отправить посланников в Афины и на речь Демосфена в Дикастерии в пользу Филократа.

Для Демосфена не будет ничего предосудительного, если оба эти утверждения окажутся верными. Предложение Филократа было совершенно неопределенным и ни к чему не обязывало Афины, и Демосфен вполне мог счесть неразумным подвергать государственного деятеля импичменту за такое предложение.

[789] *Æschines*, Fals. Leg. p. 30. c. 8. Ὑπὸ δὲ τοὺς αὐτοὺς χρόνους Ὀλυνθος ἦλθ, καὶ πολλοὶ τῶν ὑμετέρων ἐγκατελήφθησαν πολιτῶν, ὧν ἦν Ἰατροκλῆς καὶ Εὐκратος. Ὑπὲρ δὲ τούτων ἱκετηρίαν θέντες οἱ οἰκεῖοι, ἐδέοντο ὑμῶν ἐπιμέλειαν ποιήσασθαι- παρελθόντες δ' αὐτοῖς συνηγόρουν Φιλοκράτης καὶ Δημοσθένης, ἀλλ' οὐκ Αἰσχίνης.

Чтобы проиллюстрировать эффект, производимый этой впечатляющей церемонией на афинское собрание, можно вспомнить памятную сцену, упоминаемую Ксенофонтом и Диодором (Xen. Hell. i. 7, 8; Diodor. xiii. 101) после битвы при Аргинусе, когда родственники воинов, погибших на борту затонувших кораблей, предстали перед собранием с обритыми головами и в траурных одеждах. Сравните также Демосфена, De Coronâ, p. 262 с примечанием Диссена, и *Æschines contra Timarchum* p. 9. c. 13, о представлениях торжественных мольб собранию.

[790] Demosth. De Pace, p. 58.

[791] *Эсхинес* (Fals. Leg. p. 30. c. 8) упоминает только Аристодема. Но из различных пассажей в орациях Демосфена (De Fals. Leg. p. 344, 346, 371, 443) следует, что с ним был связан актер Неоптолем; возможно, также афинянин Ктесифон, хотя это менее точно. Демосфен снова упоминает Аристодема в речи De Coronâ (p. 232) как первого инициатора мира.

Еще до этого Демосфен (De Pace, p. 58) осуждал Неоптолема как ведущего в Афинах продажную игру в интересах Филиппа. Вскоре после заключения мира Неоптолем продал все свое имущество в Афинах и отправился жить в Македонию.

[792] *Æschin*. Fals. Leg. p. 30. c. 8.

[793] Diodor. xvi. 58; Demosth. Fals. Leg. p. 385-387; *Æschines*, Fals. Leg. p. 45. c. 41.

[794] Diodor. xvi. 56.

[795] Diodor. xvi. 56, 57.

[796] *Æschin*. Fals. Leg. p. 62. c. 41; Diodor. xvi. 59. Φάλαικον, πάλιν τῆς στρατηγίας ἡξιωμένον, etc.

[797] *Æschines* cont. Ktesiph. p. 73. c. 44; Demosth. De Coronâ, p. 231. Демосфен в своей оратории De Coronâ, произнесенной через много лет после событий, утверждает, что возможность союза между Афинами и Фивами в этот момент была гораздо более вероятной, чем он осмеливается утверждать в более ранней речи De Falsâ Legatione.

[798] Demosth. Fals. Leg. p. 392.

[799] *Æschines*, Fals. Leg. p. 40. c. 41. Именно это замечание о μυστηριωτίδες σπονδαὶ служит указанием на время события. Элевсинские мистерии праздновались в месяц Боэдромион (сентябрь). Эти события произошли в сентябре 347 года до н. э., Olymp. 108, 2 - архонтство Фемистокла в Афинах. Есть и другое указание на время, данное Эсхином: событие произошло до того, как он был назначен посланником, - πρὶν ἐμὲ χειροτονηθῆναι πρεσβευτὴν (p. 46. c. 41). Это опровергает предположение Вимеля (Proleg. ad Demosth. de Pace, p. 255), который относит это событие к следующему месяцу Элафеболиону (марту) на основании некоторых других слов Эскина, намекающих на то, что "новость достигла Афин, когда афиняне обсуждали вопрос о мире". Бёнке также полагает, что мистерии, о которых здесь идет речь, - это меньшие мистерии, отмечаемые в Антестерионе, а не большие, которые принадлежат Боэдромиону. Это предположение кажется мне неправдоподобным и ненужным. Мы можем с полным основанием полагать, что в Афинах было много обсуждений по поводу мира, прежде чем посланники были назначены. Некоторые из этих обсуждений вполне могли состояться в месяц Боэдромион.

[800] Именно в этот момент, пытаясь разобраться в дипломатических операциях между Афинами и Филиппом с лета 347 по 346 год до н. э., мы оказываемся погруженными в противоречивые утверждения двух соперничающих ораторов - Демосфена и Эскина; при этом подлинный исторический авторитет мало чем их контролирует. В 343-342 гг. до н. э. Демосфен обвинил Эскина в коррупционном предательстве интересов Афин во время второго из трех его посольств к Филиппу (в 346 г. до н. э.). Сохранившаяся длинная речь (De Falsâ Legatione), в которой содержится его обвинение, содержит множество подробностей, касающихся мира с его непосредственными предшественниками и последствиями. Мы также располагаем речью, произнесенной Эскинесом в свою защиту и в качестве контробвинения Демосфену; речь, в которой рассматривается та же самая тема, соответствующая его собственной цели и точке зрения. Наконец, у нас есть две речи, произнесенные несколько лет спустя (в 330 г. до н. э.), в которых Эскинес преследует Ктесифона, а Демосфен защищает его; в них поведение Демосфена в отношении мира 346 г. до н. э. снова становится предметом спора. Все эти речи интересны не только как красноречивые сочинения, но и тем, что дают поразительное представление о живых настроениях и спорах того времени. Но когда мы пытаемся извлечь из них реальный и достоверный исторический материал, они становятся мучительно неловкими; так очевидны противоречия не только между двумя соперниками, но и между ранними и поздними высказываниями одного и того же оратора, особенно Эскина; так очевиден дух извращения, так беспринципны проявления враждебного чувства с обеих сторон. Мы не можем доверять утверждениям одного из ораторов против другого, за исключением тех случаев, когда в подтверждение можно привести какие-либо сопутствующие факты или вероятности. Но утверждения каждого из них по вопросам, которые не направлены против другого, очень

ценны; даже искажения, поскольку они есть у обеих сторон, иногда могут послужить взаимной корректировке; и мы часто обнаружим, что можно обнаружить основу реальных фактов, которые один или оба могут пытаться извратить, но которые ни один из них не может осмелиться отбросить или полностью скрыть от глаз. К большому сожалению, мы почти ничего не знаем об истории, кроме того, что может рассказать тот или иной из этих соперничающих ораторов, каждый из которых руководствуется целями, полностью расходящимися с целями историка, либо прямым указанием, либо косвенным упоминанием.

[801] *Æschines*, Fals. Leg. p. 30. s. 9. p. 31. c. 10. p. 34. c. 20; Argumentum ii ad Demosth. Fals. Leg.

[802] Demosth. Fals. Leg. p. 442. Сравните p. 369, 387, 391.

[803] Demosth. Fals. Leg. p. 392.

[804] *Æschines*, Fals. Leg. p. 31. c. 10, 11.

[805] *Æschines*, Fals. Leg. p. 31. c. 11.

[806] *Æschines*, Fals. Leg. p. 32. c. 13, 14.

[807] *Æschines*, Fals. Leg. p. 32, 33. c. 15. Сам Демосфен почти ничего не говорит об этом первом посольстве и вообще ничего не говорит ни о своей речи, ни о речи Эсхина.

[808] *Æschines*, Fals. Leg. p. 33. c. 17, 18. Влияние манеры и поведения Филиппа на посланника Ктесифона убедительно показано здесь Эсхином.

[809] *Æschines*, Fals. Leg. p. 34. c. 19; Demosth. Fals. Leg. p. 414. Этот благодарственный голос и приглашение на обед, по-видимому, были настолько единообразным обычаем, что Демосфен (Fals. Leg. p. 350) комментирует отказ от комплимента, когда вернулось второе посольство, как позор, не имеющий аналогов. То, что Демосфен должен был предложить предложение с такой обычной формальностью, - факт малозначительный. Он скорее доказывает, что отношения Демосфена с его коллегами во время посольства не могли быть такими недоброжелательными, как утверждал Эсхинс. Сам Демосфен признает, что начал подозревать своих коллег только во время дебатов в Афинах после возвращения этого первого посольства.

[810] Demosth. Fals. Leg. p. 344. Сравните p. 371. τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης πρέσβεις πέμπειν ὡς Φίλιππον ἐπείσθητε ὑπ' Ἀριστοδήμου καὶ Νεοπτολέμου καὶ Κτησιφῶντος, καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἐκεῖθεν ἀπαγγελλόντων οὐδ' ὅτιοῦν ὑγιᾶς, etc.

[811] Между двумя ораторами, Эсхином и Демосфеном, существуют большие противоречия относительно этой речи Эсхина перед Филиппом по поводу Амфиполя. Демосфен представляет Эсхина так: "Я (Эсхин) ничего не сказал об Амфиполе, чтобы оставить эту тему свежей для Демосфена" и т. д.

Сравните Demosth. Fals. Leg. p. 421; *Æschines*, Fals. Leg. p. 33, 34. c. 18, 19, 21.

Что касается этого конкретного факта, то я склонен верить скорее Эсхину, чем его сопернику. Вероятно, он действительно произнес перед Филиппом красноречивую речь об Амфиполе.

[812] Восьмой день Элафеболиона выпал через некоторое время после их прибытия, так что, возможно, они даже достигли Афин в последние дни месяца Антестерион (*Æschines adv. Ktesiph. p. 63. c. 24*). Читатель поймет, что греческие лунные месяцы не точно, а лишь приблизительно совпадают с нашими.

[813] *Demosth. Fals. Leg. p. 353, 354. ... ὁ γὰρ εἰς τὴν προτέραν γράψας ἐπιστολὴν, ἣν ἠνέγκαμεν ἡμεῖς, ὅτι "ἔγραφόν τ' ἂν καὶ διαρρήδην, ἥλικα ὑμᾶς εὖ ποιήσω, εἰ εὖ ᾔδαιν καὶ τὴν συμμαχίαν μοι γενησομένην," etc.* Сравните *Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 85*. Эсхинес ссылается на это письмо, *Fals. Leg. p. 34. c. 21*.

[814] *Demosth. Fals. Leg. p. 365*.

[815] *Æschines, Fals. Leg. p. 39. c. 26; Æschines cont. Ktesiphont. p. 63. c. 23. παρηγγέλλετο δ' ἐπ' αὐτὸν (Kersobleptes) ἤδη στρατεία, etc.*

[816] *Æschines, Fals. Leg. p. 34. c. 20. τῆς ἐν τοῖς πότοις ἐπιδεξιότητος-συμπιεῖν δεινὸς ἦν (c. 21).*

[817] *Æschines, Fals. Leg. p. 34, 35. c. 21; Dem. Fals. Leg. p. 421*. Однако Эсхин, описывая те же факты в своей оратории против Ктесифона (р. 62. с. 23), просто говорит, что Демосфен представил собранию отчет о ходе первого посольства, подобный тому, который дали другие посланники -*ταῦτὰ τοῖς ἄλλοις πρέσβεσιν ἀπήγγειλε*, и т. д.

Замеченный в тексте пункт (что Демосфен обвинил Эскина в нежелании позволить кому-либо еще что-либо сказать) встречается и у Эскина, и у Демосфена, *De Fals. Legat.* и поэтому в основном может рассматриваться как действительно имевшее место. Но, вероятно, заявление Демосфена перед народом о ходе посольства *было* в основном таким же, как и у его коллег. И хотя более поздняя оратория Эскина сама по себе является менее достоверным свидетельством, чем более ранняя, но когда мы находим два разных высказывания Эскина о Демосфене, мы можем с полным основанием предположить, что *наименее неблагоприятное* из них является *наиболее достоверным*.

[818] *Æschines, Fals. Leg. p. 34, 35, 42. c. 20, 21, 34; Æschines adv. Ktesiphont. p. 62, 63. c. 23, 24*. В первой из этих двух речей Эсхинс не упоминает о предложенном Демосфеном постановлении относительно собрания восьмого числа Элафеболиона. Он упоминает его в речи против Ктесифона со значительными уточнениями.

[819] *Æschines, Fals. Leg. p. 36. c. 22. ἕτερον ψήφισμα, Æsch. adv. Ktesiph. p. 63. c. 24*. Этот последний указ, фиксирующий два особых дня месяца, вряд ли мог быть предложен до тех пор, пока посланники Филиппа не достигли Афин.

[820] *Æschines, Fals. Leg. p. 42. c. 34; Adv. Ktesiphont. p. 62. c. 22; Demosth. Fals. Leg. p. 414; De Coronâ, p. 234*. Эту вежливость и учтивость по отношению к македонским посланникам признает и сам Демосфен. Это не было обстоятельством, которого он мог бы стыдиться.

[821] Я вставляю в текст то, что кажется мне вероятной правдой относительно этого постановления конфедеративного синода. Этот вопрос неясен и по-разному рассматривается разными комментаторами.

Демосфен в своей более ранней речи (*De Fals. Leg. p. 346*) утверждает, что Эсхин в своей речи перед общественным собранием 19-го Элафеболиона (о том, что Афины должны действовать только для себя и не думать ни о каких других греках, кроме тех, которые ей помогали) допустил позорные выражения; и это в присутствии и на глазах тех посланников из других греческих городов, за которыми афиняне послали по наущению самого Эскина.

Присутствие этих посланников в собрании, как здесь подразумевается, является не главным обвинением, а побочным, отягчающим; тем не менее Эсхинс (как это часто бывает в его защите) уделяет почти все свое внимание отягчающему обстоятельству, уделяя сравнительно мало внимания главному обвинению. Он с большим акцентом утверждает (Fals. Leg. p. 35), что посланники, отправленные из Афин с миссией, *не вернулись*, и что *не было посланников* ни от одного греческого города.

Мне кажется разумным поверить утверждению Демосфена о том, что там присутствовали посланники из других греческих городов, хотя сам он в своей более поздней оратории (De Coronâ, p. 232, 233) говорит так, как будто это не так, как будто все греки уже давно признаны отступниками в деле свободы и как будто никаких посланников из Афин тогда не было в миссии. Я принимаю *положительное* утверждение Эсхина как верное - что в то время были афинские посланники, отсутствовавшие в миссии, которые, возможно, по возвращении могли бы привести с собой депутатов от других греков; но я не принимаю его *отрицательное* утверждение - что ни один афинский посланник не вернулся из миссии и что ни один депутат не прибыл от других греков. То, что среди множества отправленных афинских посланников все потерпели неудачу, кажется мне очень невероятным.

Если мы последуем аргументам Эсхина (в речи De Fals. Leg.), то увидим, что вполне достаточно, если мы предположим, что *некоторые* из посланников, отправленных с миссией, а не *все*, отсутствовали. Для доказательства этого факта он приводит (p. 35, 36) постановление конфедеративного синода, в котором говорится об отсутствующих посланниках и рекомендуется определенный курс, который следует предпринять после их возвращения. Из этого не обязательно следует, что *все они* отсутствовали. Стехов справедливо замечает, что некоторые посланники обязательно должны были отсутствовать долгое время, посещая несколько городов, и, возможно, городов, удаленных друг от друга ("Vita Æschinis", p. 41).

Я также принимаю то, что говорит Эсхинес о резолюции конфедеративного синода, как в основном верное. В том, что касается фактического значения этого постановления, он не противоречит сам себе как в ранней, так и в поздней оратории. Винеvский (Comment. Historic. in Demosth. De Coronâ, p. 74-77) и Вестерманн (De Litibus quas Demosthenes oravit ipse, p. 38-42) утверждают, я думаю, без оснований, что значение этого постановления по-разному представлено Эхином в ранних и поздних орациях. Что действительно отличается в двух орациях, так это то, как Эсхин извращает смысл резолюции, чтобы обвинить Демосфена; утверждая в поздней орации, что если бы Афины дождались возвращения своих посланников с миссией, то могли бы заключить мир с Филиппом вместе с большим количеством греческих союзников; и что именно Демосфен помешал ей сделать это, поторопив обсуждение мира (Æsch. adv. Ktesiph. p. 61-63) и т. д. Вестерманн считает, что синод не стал бы предписывать, сколько собраний афиняне должны созывать для обсуждения мира. Но, по-видимому, у афинян было принято по поводу мира или других особых и важных дел созывать два собрания в два дня, следующих друг за другом: Синод рекомендовал афинянам следовать обычному обычаю - προῦράψαι τοὺς πρυτάνεις ἐκκλησίᾳς δύο κατὰ τοὺς νόμους, и т. д. То, что для этой цели должны быть созваны два собрания, ни меньше, ни больше, не имело существенного значения, за исключением того, что это указывало на решимость решить вопрос сразу - без *разбора*.

[822] Æschines, adv. Ktesiph. p. 64.

[823] Демосфен. Fals. Leg. p. 391. τὴν τε γὰρ εἰρήνην οὐχὶ δυνηθέντων ὥς ἐπεχείρησαν οὗτοι, "πλὴν Ἀλέων καὶ Φωκέων," γράψαι-ἀλλ' ἀναγκασθέντος ὑφ' ὑμῶν τοῦ Φιλοκράτους ταῦτα μὲν ἀπαλεῖψαι, γράψαι δ' ἀντικρὺς "Ἀθηναίους καὶ τοὺς Ἀθηναίων συμμάχους," и т.д.

[824] Demosthen. Fals. Leg. p. 345, 346.

[825] *Æschines*. Fals. Leg. p. 36.

[826] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 63, 64.

[827] *Æschines*, Fals. Leg. p. 39.

[828] Исходя из изложенных здесь соображений, мы можем оценить обвинения Эскина против Демосфена, даже по его собственным показаниям; хотя точный ход обоих не очень ясен.

Он обвиняет Демосфена в том, что тот продался Филиппу (Adv. Ktes. p. 63, 64); обвинение совершенно бесполезное и невероятное, опровергаемое всем поведением Демосфена, как до, так и после. Получал ли Демосфен взятки от Гарпала - или от персидского двора - будет предметом будущего расследования. Но утверждение о том, что он был подкуплен Филиппом, абсурдно. Сам Эскинс признает, что оно совершенно расходится с принятым в Афинах мнением (Adv. Ktes. p. 62. с. 22).

Он обвиняет Демосфена в том, что тот под влиянием этих взяток воспротивился и сорвал рекомендацию конфедеративного синода, поспешил сразу же начать обсуждение вопроса о мире и тем самым лишил Афины возможности дожидаться возвращения своих отсутствующих посланников, что позволило бы ей заключить мир в сотрудничестве с мощной группой сотрудничающих греков. Это обвинение выдвигает Эскин, сначала в речи De Fals. Leg. p. 36, а затем, с большей длиной и акцентом, в более поздней речи, Adv. Ktesiph. p. 63, 64. Из сказанного в тексте видно, что такая неопределенная отсрочка, когда Антипатр и Парменион находились в Афинах по приглашению, была совершенно невозможна, не прерывая переговоров. Не говоря уже о том, что сам Эскинс самым решительным образом заявляет о невозможности убедить других греков присоединиться к Афинам и горько сетует на их отсталость (Fals. Leg. p. 38. с. 25). В этом с ним полностью согласен Демосфен (De Coronâ, p. 231, 232). Так что даже если бы отсрочка и была возможна, она не принесла бы Афинам ни пользы, ни увеличения силы, поскольку греки не были склонны сотрудничать с ней.

Таким образом, обвинение Эскина против Демосфена несостоятельно и предполагает опровержение даже из уст самого обвинителя. Демосфен, правда, отвечает на него по-другому. Когда Эскинес говорит: "Ты поторопился с обсуждением вопроса о мире, не дав Афинам дожидаться возвращения своих посланников, которые тогда отсутствовали с миссией", Демосфен отвечает: "*Никаких* афинских посланников тогда не было. Все греки уже давно были признаны неизлечимо апатичными". (De Coronâ, p. 233). Это резкий и решительный ответ, который, возможно, было бы безопасно дать Демосфену с интервалом в тринадцать лет после событий. Но к счастью, можно дать и другой ответ, поскольку я считаю, что это утверждение не соответствует ни фактам, ни заявлениям самого Демосфена в речи De Falsâ Legatione.

[829] Demosth. Fals. Leg. p. 391-430. Эскинес в своей более поздней оратории против Ктесифона (стр. 63) решительно утверждает, что Демосфен горячо поддерживал предложение Филократа о союзе и мире с Филиппом. Он утверждает, что приводит точную фразу, использованную Демосфеном, которую он порицает как неэлегантную - οὐ δεῖν ἀπορρήξαι τῆς εἰρήνης τὴν συμμαχίαν, и т. д. Он добавляет, что Демосфен вызвал на трибуну

македонского посла Антипатра, задал ему вопрос и получил заранее согласованный ответ. Насколько это соответствует действительности, я сказать не могу. Версия, изложенная Эсхином в его поздней речи, как обычно, отличается от ранней.

Обвинение Демосфена в коррупционном сговоре с Антипатром невероятно и абсурдно.

[830] *Æschines*, adv. Timarch. p. 24, 25. с. 34. παρεμβάλλων (Demosthenes) τὰς ἐμὰς δημηγορίας, καὶ ψέγων τὴν εἰρήνην τὴν δι' ἐμοῦ καὶ Φιλοκράτους γεγεννημένην, ὥστε οὐδὲ ἀπαντήσεσθαι με ἐπὶ τὸ δικαστήριον ἀπολογησόμενον, ὅταν τὰς τῆς πρεσβείας εὐθύνας διδῶ, etc. ... Φίλιππον δὲ νῦν μὲν διὰ τὴν τῶν λόγων εὐφημίαν ἐπαινῶ, etc.

[831] Demosth. Fals. Leg. p. 434. φήσας (Eubulus) καταβαίνειν εἰς Πειραιᾶ δεῖν ἤδη καὶ χρήματ' εἰσφέρειν καὶ τὰ θεωρικὰ στρατιωτικὰ ποιεῖν-ἢ χειροτονεῖν ἃ συνεῖπε μὲν οὗτος (*Æschines*) ἔγραψε δ' ὁ βδελυρὸς Φιλοκράτης.

[832] Demosthen. Fals. Leg. p. 385.

[833] Pseudo-Demosthen. De Halonneso, p. 81-83. Демосфен в одном из отрывков (Fals. Leg. p. 385) говорит, будто это часть клятвы афинян, что они будут противостоять и относиться как к врагам ко всем, кто попытается спасти от Филиппа и вернуть Афинам места, которые сейчас признаны владением Филиппа на будущее. Хотя Voemel (Proleg. ad Demosth. De Pace, p. 265) и Böhnecke (p. 303) вставляют эти слова как часть фактической формулы, я сомневаюсь, что они являются чем-то большим, чем конструктивное расширение, данное самим Демосфеном, значения формулы.

[834] Об этом мы узнаем из последующих дискуссий об *изменении* мира, упомянутых в Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 84.

[835] *Æschines*, Fals. Leg. p. 33. с. 26.

[836] Эта дата сохранилась в *Æschines* adv. Ktesiph. p. 64. с. 27. ἔκτη φθίνοντος τοῦ Ἐλαφεβολιῶνος μηνός, etc. В более ранней оратории (De Fals. Leg. p. 40. с. 29) Эсхин утверждает, что Демосфен был в числе проэдров или председательствующих сенаторов общественного собрания, состоявшегося ἐβδόμῃ φθίνοντος накануне. Не исключено, что публичных собраний могло быть два, в два последовательных дня (23 и 24 или 24 и 25, в зависимости от того, что месяц Элафеболион в том году имел 30 или 29 дней), и Демосфен мог быть среди проэдров в обоих случаях. Но операция, описанная (в оратории против Ктесифона) как произошедшая в последний из этих двух дней, должна была предшествовать той, которая упоминается (в оратории De Fals. Leg.) как произошедшая в более ранний из этих двух дней; или, по крайней мере, не могла следовать за ней; так что, похоже, в одном или в другом случае есть неточность. Если слово ἔκτη в оратории против Ктесифона и ἐβδόμῃ в речи о Ложном легате оба верны, то операции, упомянутые в одной из них, не могут быть хронологически согласованы с теми, о которых рассказывается в другой. Были предложены различные предположительные изменения. См. Voemel, Prolegg. ad Demosth. Orat. De Pace, p. 257; Böhnecke, Forschungen, p. 399.

[837] *Æschines*, Fals. Leg. p. 39. ἤδη δὲ ἡμῶν κεχειροτονημένων εἰς τοὺς ὄρκους, οὕτω δὲ ἀπηρκότων ἐπὶ τὴν ὑστέραν πρεσβείαν, ἐκκλησίᾳ γίνεται и т. д.

Этот ἐκκλησίᾳ, по-видимому, тот же самый, который назван Эсхином в речи против Ктесифона, как состоявшийся 25-го Элафеболиона.

[838] Demosth. Fals. Leg. p. 397. καίτοι δύο χρησιμώτερους τόπους τῆς οἰκουμένης οὐδ' ἂν εἶς ἐπιδείξει τῇ πόλει, κατὰ μὲν γῆν, Πυλῶν-ἐκ θαλάττης δὲ τοῦ Ἑλλησπόντου- ἃ συναμφότερα οὗτοι πεπράκασιν αἰσχροῦς καὶ καθ' ὑμῶν ἐγκεχειρίκασι Φιλίππῳ.

[839] Сравните Æschines, Fals. Leg. p. 39. с. 26, с Æschines cont. Ktesiphont. p. 64. с. 27.

Франке (Proleg. ad Demosth. Fals. Leg. p. 30, 31) сделал несколько резких замечаний по поводу несоответствия между этими двумя утверждениями.

То, что был поставлен вопрос о принятии Керсоблепта и подтвержден голосованием, следует из заявления Эсхина в речи De Fals. Leg.-τὸ ψήφισμα ἐπεψηφίσθη-ἐψηφισμένου δὲ τοῦ δήμου. Сравните Demosth. De Fals. Leg. p. 398, и Demosthen. Philipp. iv. p. 133.

Филипп в своем письме к афинянам через несколько лет после этого утверждает, что Керсоблепт хотел быть допущенным к присяге, но был исключен афинскими генералами, которые объявили его врагом Афин (Epist. Phil. ap. Demosth. p. 160). Если правда, что генералы пытались исключить его, то их исключение должно было быть отменено голосованием собрания".

[840] Demosthenes, Fals. Leg. p. 444. ἐντεῦθεν οἱ μὲν παρ' ἐκείνου πρέσβεις προὔλεγον ὑμῖν ὅτι Φωκέας οὐ προσδέχεται Φίλιππος συμμάχους, οὗτοι δ' ἐκδεχόμενοι τοιαῦτ' ἐδημηγόρουν, ὡς φανερώς μὲν οὐχὶ καλῶς ἔχει τῷ Φιλίππῳ προσδέξασθαι τοὺς Φωκέας συμμάχους, διὰ τοὺς Θηβαίους καὶ τοὺς Θετταλοὺς, ἂν δὲ γένηται τῶν πραγμάτων κύριος καὶ τῆς εἰρήνης τύχη, ἅπερ ἂν συνθέσθαι νῦν ἀξιώσαιμεν αὐτὸν, ταῦτα ποιήσει τότε. Τὴν μὲν τοίνυν εἰρήνην ταύταις ταῖς ἐλπίσι καὶ ταῖς ἐπαγωγαῖς εὗροντο παρ' ὑμῶν ἄνευ Φωκέων.

Ibid. p. 409. Εἰ δὲ πάντα τάναντία τούτων καὶ πολλὰ καὶ φιλάνθρωπα εἰπόντες Φίλιππον, φιλεῖν τὴν πόλιν, Φωκέας σώσειν, Θηβαίους παύσειν τῆς ὕβρεως, ἔτι πρὸς τούτοις μείζονα ἢ κατ' Ἀμφίπολιν εὖ ποιήσειν ὑμᾶς, ἐὰν τύχη τῆς εἰρήνης, Εὐβοίαν, Ὠρωπὸν ἀποδώσειν-εἰ ταῦτ' εἰπόντες καὶ ὑποσχόμενοι πάντ' ἐξηπατήκασι καὶ πεφνεακίκασι, и др.

Сравните также, p. 346, 388, 391, о ложных обещаниях, под которыми афиняне склонялись к согласию на мир-τῶν ὑποσχέσεων, ἐφ' αἷς εὐρίσκετο (Филипп) τὴν εἰρήνην. Те же ложные обещания, выдвинутые *перед* заключением мира и побудившие афинян к его заключению, Демосфен отмечает и во втором Филиппике (с. 69), τὰς ὑποσχέσεις, ἐφ' αἷς τῆς εἰρήνης ἔτυχεν (Philip)-p. 72. τοὺς ἐνεγκόντας τὰς ὑποσχέσεις, ἐφ' αἷς ἐπείσθητε ποιήσασθαι τὴν εἰρήνην. Этот второй филиппик датируется на год раньше, чем оратория "Лжедмитрий", и является лучшим авторитетом, чем эта оратория, не только из-за более ранней даты, но и потому, что это парламентская харенга, не запятанная обвинительной целью и не упоминающая Эсхина по имени.

[841] Демосфен говорит об упущении фокийцев при принесении клятвы в Афинах как о деле малой важности (Fals. Leg. p. 387, 388; ср. p. 372), то есть в предположении, что обещания, данные Эсхином, оказались выполненными.

В своей речи De Pace (p. 59) он ставит себе в заслугу свои протесты от имени фокейцев, но только протесты, сделанные *после* его возвращения из второго посольства, а не протесты, сделанные, когда Антипатр отказался допустить фокейцев к присяге.

Вестерманн (De Litibus quas Demosthenes oravit ipse, p. 48) подозревает, что Демосфен не видел обмана Эсхина до тех пор, пока фокийцы не были полностью уничтожены. Возможно, это не совсем верно; но в то время, когда в Афинах произошел обмен клятвами, он либо еще

не ясно представлял себе последствия того жалкого маневра, в который Афины были втянуты Филократом и т. д., либо боялся заявить о них во всеуслышание.

[842] Demosth. Fals. Leg. p. 355. τραχέως δ' ὑμῶν τῷ "μηδὲ προσδοκᾶν" σχόντων, etc. (афинская публика была недовольна Демосфеном, когда он сказал, что не ожидает выполнения обещаний Эсхина; это было после второго посольства, но иллюстрирует нравы собрания еще до второго посольства) -ibid. p. 349. τίς γὰρ ἂν ἠνέσχετο, τηλικαῦτα καὶ τοσαῦτα ἔσεσθαι προσδοκῶν ἀγαθὰ, ἢ ταῦθ' ὥς οὐκ ἔσται λέγοντός τινος, ἢ κατηγοροῦντος τῶν πεπραγμένων τούτοις;

То, как непопулярно было противопоставлять простое отрицательное недоверие блестящим обещаниям грядущих благ, здесь настойчиво подчеркивает Демосфен.

О преждевременном обезоруживании афинян см. Demosth. De Coronâ, p. 234.

[843] Æschines, Fals. Leg. p. 39. с. 27.

[844] Demosth. Fals. Leg. p. 430. οὐ τὸ μὲν ψήφισμα "οὐδαμοῦ μόνους ἐντυγχάνειν Φιλίππῳ," οὗτοι δ' οὐδὲν ἐπαύσαντο ἰδίᾳ χρηματίζοντες;

[845] Æschines, Fals. Leg. p. 41. с. 32. Τὸ δὲ ὑπὲρ τῶν ὅλων ὀρθῶς βουλευέσασθαι, ὅσα καθ' ἡμᾶς ἐστὶν ἢ Φιλίππον, τοῦτο ἤδη ἔργον ἐστὶ πρεσβέων φρονίμων.... Ἀφίγμεθα δ' ἡμεῖς ἔχοντες τοῦ δήμου ψήφισμα, ἐν ᾧ γέγραπται, Πράττειν δὲ τοὺς πρέσβεις, καὶ ἄλλ' ὅ,τι ἂν δύνωνται ἀγαθόν.

[846] Æschines, Fals. Leg. p. 39. с. 26.

[847] Æschines, Fals. Leg. p. 40. с. 29. ὅτι Κερσοβλέπτης ἀπολώλεκε τὴν ἀρχὴν, καὶ τὸ ἱερὸν ὄρος κατεῖληφε Φίλιππος.

Нет никаких оснований полагать, что слова ἀπολώλεκε τὴν ἀρχὴν действительно употреблены Харесом, или что Керсоблепт, по утверждению Хареса, потерял все, что имел. Для аргументации Эсхина было удобно приводить это утверждение в размашистой и преувеличенной форме.

[848] См. справедливые и благоразумные рассуждения Демосфена, Fals. Leg. p. 388, и De Coronâ, p. 234.

Сравните также Псевдо-Демосфена, De Halonneso, p. 85, 86.

[849] Demosth. Fals. Leg. p. 389; De Coronâ, p. 234. Эсхин (Fals. Leg. p. 40. с. 29, 30) признает тот факт, что это постановление было принято сенатом 3-го числа Мунихиона, и что посланники покинули Афины в связи с ним. Он не упоминает, что его предложил Демосфен. Эсхинс подтверждает очень важным образом факт задержки, как утверждает Демосфен, а объяснение, которое он дает, почему посланники не отправились во Фракию, совершенно не имеет ценности.

Документ, выдаваемый за этот указ, приводится в Demosth. De Coronâ, p. 234, но его подлинность слишком сомнительна, чтобы можно было его процитировать.

[850] Demosth. Fals. Leg. p. 390.

[851] Æschines, Fals. Leg. p. 38. с. 26; Demosth. De Halonneso, p. 85; Fals. Leg. p. 390-448: ср. Philippic iii. p. 114. Среди фракийских мест, захваченных Филиппом в этот период, Демосфен

называет Священную гору. Но она была захвачена до конца Элафеболиона, если Эсхин правильно цитирует письмо Хареса, Fals. Leg. p. 40. с. 29.

[852] Demosth. Fals. Leg. p. 390.

[853] *Æschines*, Fals. Leg. p. 41. с. 30. Демосфен (и, несомненно, другие посланники) отправился в путь пешком, с двумя рабами, которые несли его одежду и постельные принадлежности. В вьюке, который нес один раб, был талант в деньгах, предназначенный для помощи некоторым из бедных пленников для их выкупа".

[854] Demosth. Fals. Leg. p. 388. ἡ γὰρ παρόντων (мы, посланники) καὶ κατὰ τὸ ψήφισμα αὐτὸν (Филипп) ἐξορκωσάντων, ἃ μὲν εἰλήφει τῆς πόλεως, ἀποδώσειν, τῶν δὲ λοιπῶν ἀφέξεσθαι-ἢ μὴ ποιοῦντος ταῦτα ἀπαγγελεῖν ἡμᾶς εὐθὺς δεῦρο, и т. д.

[855] *Æschines*, Fals. Leg. p. 42. с. 33. πορεύεται Φίλιππος εἰς Πύλας- ἐγὼ δ' ἐγκαλύπτομαι, etc. Это язык, которого, как утверждает Эсхин, придерживался Демосфен во время посольства. Он полностью противоречит всему тому, что Демосфен утверждает, снова и снова, относительно своих действий; и (по моему мнению) всем вероятностям дела.

[856] *Æschines*, Fals. Leg. p. 42. с. 34.

[857] *Æschines*, Fals. Leg. p. 43. с. 36. Τὴν μὲν οὖν ἀρχὴν τῆς στρατείας ταύτης ὁσίαν καὶ δικαίαν ἀπεφηνάμην εἶναι, etc.

... Ἀπεφηνάμην ὅτι ἐμοὶ δοκεῖ δίκαιον εἶναι, μὴ περιορᾶν κατεσκαμμένους τὰς ἐν Βοιωτοῖς πόλεις, ὅτι δὴ ἦσαν Ἀμφικτυονίδες καὶ ἔνορκοι.

[858] *Æschines*, Fals. Leg. p. 43. с. 37; сравните Demosth. Fals. Leg. p. 347.

[859] Demosthen. Fals. Leg. p. 393, 394, 395.

[860] Demosth. Fals. Leg. p. 396. καὶ τὴν μὲν γραφεῖσαν ἐπιστολὴν ὑπ' ἐμοῦ πρὸς ὑμᾶς ἀπεψηφίσαντο μὴ πέμπειν, αὐτοὶ δ' οὐδ' ὅτιοῦν ὑγιὲς γράψαντες ἔπεμψαν. Сравните с. 419.

[861] Demosthen. Fals. Leg. p. 445. ἐγὼ δ' , ὥσπερ ἀκηκόατ' ἤδη πολλάκις, οὐχὶ δυνηθεῖς προαπελθεῖν, ἀλλὰ καὶ μισθωσάμενος πλοῖον κατακωλυθεῖς ἐκπλεῦσαι. Сравните с р. 357.-οὐδ' ἂν ἐμὲ, ἡνίκα δεῦρο ἀποπλεῖν ἐβουλόμην, κατεκώλυεν (Филипп) и т. д.

[862] Лакедемонские войска оставались в Фермопиле за некоторое время до того, как Филипп достиг его (Demosth. Fals. Leg. p. 365).

[863] *Æschines*, Fals. Leg. p. 46. с. 41. αὐτοὶ δὲ οὐκ ἠπόρουν καὶ ἐφοβοῦντο οἱ τῶν Θηβαίων πρέσβεις; ... τῶν δ' ἐταίρων τινες τῶν Φιλίππου οὐ διαρρήδην πρὸς τινὰς ἡμῶν ἔλεγον, ὅτι τὰς ἐν Βοιωτίᾳ πόλεις κατοικεῖ Φίλιππος; Θηβαῖοι δ' οὐκ ἐξεληλύθεσαν πανδημεῖ, ἀπιστοῦντες τοῖς πράγμασιν;

Демосфен очень превозносит неподкупность и сердечные усилия фиванских посланников (Fals. Leg. p. 384); это утверждение, вероятно, не лучше, чем риторический контраст, чтобы дискредитировать Эсхина - его можно включить в многочисленный список ораторских преувеличений и извращений истории, собранных в интересном трактате Вейске, De Hyperbolê, errorum in Historiâ Philippi commissorum genitrice (Meissen, 1819).

[864] Demosth. Philipp. iii. p. 113; Justin, viii. 4. "Contra Phocensium legati, adhibitis Lacedæmoniis et Atheniensibus, bellum deprecabantur, cujus ab eo dilationem ter jam emerant."

Я не понимаю, на какие факты ссылается Юстин, когда утверждает, что фокийцы "уже трижды покупали у Филиппа отсрочку войны".

[865] Демосфен. Fals. Leg. p. 365. τοὺς Λακεδαιμονίους μετεπέμπετο, πάντα τὰ πράγματα ὑποσχόμενος πράξειν ἐκείνοις, etc.

Æschines, Fals. Leg. p. 46. c. 41. Λακεδαιμονίοι δὲ οὐ μεθ' ἡμῶν τάναντία Θηβαίοις ἐπρέσβευον, καὶ τελευτῶντες προσέκρουον φανερώς ἐν Μακεδονίᾳ, καὶ διηπείλουν τοῖς τῶν Θηβαίων πρέσβεισιν;

[866] Эта мысль поразительно представлена Юстином (viii. 4), вероятно, от Теопомпа - "Fœdum prorsus miserandumque spectaculum, Græciam, etiam nunc et viribus et dignitate orbis terrarum principem, regum certo gentiumque semper victricem et multarum adhuc urbium dominam, alienis excubare sedibus, aut rogantem bellum aut deprecantem: in alterius ope omnem spem posuisse orbis terrarum vindices; eoque discordia sua civilibusque bellis redactos, ut adulentur ultro sordidam paulo ante clientelæ suæ partem: et hæc potissimum facere Thebanos Lacedæmoniosque, antea inter se imperii, nunc gratiæ imperantis, æmulos."

[867] Justin, viii. 4.

[868] Demosth. Philipp. iii. p. 113. τοῦτο δ' εἰς Φωκέας ὡς πρὸς συμμάχους ἐπορεύετο, καὶ πρέσβεις Φωκέων ἦσαν οἱ παρηκολούθουν αὐτῷ πορευομένῳ- καὶ παρ' ἡμῖν ἦριζον πολλοὶ, Θηβαίοις οὐ λυσιτελήσειν τὴν ἐκείνου πάροδον. Слова παρ' ἡμῖν обозначают афинских посланников (среди которых был и Демосфен) и окружающих их лиц, шедших вместе с Филиппом; клятвы еще не были принесены.

[869] Demosth. Fals. Leg. p. 390. Присяга была принесена на постоялом дворе перед часовней Диоскуров, недалеко от Фере.

[870] Demosth. Fals. Leg. p. 359. Более чем в одном месте он утверждает, что их отсутствие в Афинах длилось целых три месяца (p. 390; также De Coronâ, p. 235). Но это преувеличение времени. Декрет сената, который вынуждал их уехать, был принят третьего числа Мунихиона. Если предположить, что они отправились в тот же день (хотя более вероятно, что они отправились только на следующий день), то их отсутствие продлилось бы всего семьдесят дней.

[871] Demosth. Fals. Leg. p. 430. Магнезийские и ахейские города вокруг Пагасейского залива, все, кроме Халуса, были включены в клятву как союзники Филиппа (Epistola Philippi ap. Demosthen. p. 159).

[872] Demosth. Fals. Leg. p. 395. Сравните Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 87.

[873] Demosth. Fals. Leg. p. 351. ἦν γὰρ τοῦτο πρῶτον ἀπάντων τῶν ἀδικημάτων, τὸ τὸν Φίλιππον ἐπιστῆσαι τοῖς πράγμασι τούτοις, καὶ δεόν ὑμᾶς ἀκοῦσαι περὶ τῶν πραγμάτων, εἴτα βουλευσασθαι, μετὰ ταῦτα δὲ πράττειν ὅ,τι δόξαι, ἅμα ἀκοῦειν κάκεῖνον παρεῖναι, καὶ μηδ' ὅ,τι χρῆ ποιεῖν ῥᾶδιον εἰπεῖν εἶναι. Сравните Demosth. De Coronâ, p. 236. πάλιν ὠνεῖται παρ' αὐτῶν ὅπως μὴ ἄπιώμεν ἐκ Μακεδονίας ἕως τὰ τῆς στρατείας τῆς ἐπὶ τοὺς Φωκέας εὐτρεπῆ ποιήσαιτο, etc.

[874] Демосфен. Fals. Leg. p. 352, 353; ad Philipp. Epistol. p. 152. Демосфен утверждает далее, что Эсхин сам написал письмо от имени Филиппа. Эсхин отрицает, что он написал его, и

обосновывает свое отрицание достаточными основаниями. Но он не отрицает, что принес его (Æschines, Fals. Leg. p. 44. с. 40, 41).

Жители Фарсала были привязаны к Филиппу, в то время как жители Фереса выступали против него настолько, насколько осмеливались, и даже отказались (по словам Демосфена, Fals. Leg. p. 444) присоединиться к его армии в этой экспедиции. Здесь снова проявилось старое соперничество между двумя городами.

[875] Демосфен. Fals. Leg. p. 355. ἐκ τοῦ, ὅτε τοὺς ὄρκους ἤμελλε Φίλιππος ὀμνύναι τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης, ἐκσπόνδους ἀποφανθῆναι τοὺς Φωκέας ὑπὸ τούτων, ὃ σιωπᾶν καὶ ἔῤῥιν εἰκὸς ἦν, εἴπερ ἤμελλον σώζεσθαι. Сравните с. 395. Πρῶτον μὲν τοίνυν Φωκεῖς ἐκσπόνδους καὶ Ἀλεῖς ἀπέφηναν καὶ Κερσοβλέπτην, παρὰ τὸ ψήφισμα καὶ τὰ πρὸς ὑμᾶς εἰρημένα, etc.; также p. 430.

[876] Demosth. Fals. Leg. p. 346.

[877] Demosth. Fals. Leg. p. 444. ἐφ' ἣν αἱ πεντήκοντα τριήρεις ὁμῶς ἐφώρμουν, etc. Сравните Æschines, Fals. Leg. p. 33.

[878] Demosth. Fals. Leg. p. 350, 351. Демосфен заставляет зачитать дикастам это постановление сената (προβούλευμα) вместе с показаниями сенатора, который его выдвинул. Документ не приводится *дословно*, но Демосфен комментирует его перед дикастами после прочтения и особенно отмечает, что в нем нет ни похвалы, ни приглашения, которые сенат всегда имел обыкновение голосовать возвращающимся посланникам. Этого достаточно, чтобы опровергнуть утверждение Эсхинеса (Fals. Leg. p. 44. с. 38), что Демосфен сам принял решение похвалить посланников и пригласить их на банкет в Пританеи. Эсхинес не приводит такого постановления и не заставляет читать его перед дикастами.

[879] Demosth. Fals. Leg. p. 347, 351, 352. τοῦτο μὲν οὐδεὶς ἀνέγνω τῷ δήμῳ τὸ προβούλευμα, οὐδ' ἤκουσεν ὁ δῆμος, ἀναστὰς δ' οὗτος ἐδημηγόρει. Дата 16-го Скирофориона уточняется, с. 359.

[880] Здесь я сжато изложил суть того, что говорит Демосфен, Fals. Leg. p. 347, 348, 351, 352, 364, 411 и т. д. Другое утверждение на тот же счет, сделанное Демосфеном в оратории De Pace (произнесенной всего через несколько месяцев после описываемого собрания, и не являющейся судебным обвинением против Эсхина, а представляющей собой рассуждение перед общественным собранием), является даже лучшим доказательством, чем обвинительная речь De Falsâ Legatione-ἡνίκα τοὺς ὄρκους τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης ἀπειληφότες ἤκομεν οἱ πρέσβεις, τότε Θεσπιάς τινων καὶ Πλαταιᾶς ὑπισχνουμένων οἰκισθῆσεσθαι, καὶ τοὺς μὲν Φωκέας τὸν Φίλιππον, ἃν γένηται κύριος, σώσειν, τὴν δὲ Θηβαίων πόλιν διοικεῖν, καὶ τὸν Ὀρωπὸν ὑμῖν ὑπάρξειν, καὶ τὴν Εὐβοίαν ἀντ' Ἀμφιπόλεως ἀποδοθήσεσθαι, καὶ τοιαύτας ἐλπίδας καὶ φανακισμοὺς, οἷς ἐπαχθέντες ὑμεῖς οὔτε συμφόρως οὔτ' ἴσως οὔτε καλῶς προεῖσθε Φωκέας οὐδὲν τούτων οὔτ' ἐξαπατήσας οὔτε σιγήσας ἐγὼ φανήσομαι, ἀλλὰ προειπὼν ὑμῖν, ὥς οἶδ' ὅτι μνημονεύετε, ὅτι ταῦτα οὔτε οἶδα οὔτε προσδοκῶ, νομίζω δὲ τὸν λέγοντα ληρεῖν (De Pace, p. 59).

Сравните также Philippic ii. p. 72, 73, где Демосфен повторяет подобное утверждение; также De Chersoneso, p. 105; De Coronâ, p. 236, 237.

[881] Демосфен утверждает (Fals. Leg. p. 394. εἰς τὰ Παναθηναῖα φήσας ἀποπτόμεναι), что он получил это заверение от Филиппа, когда тот во время миссии был занят попытками добиться выкупа или освобождения пленников. Но мы можем быть уверены, что Эсхин, который был гораздо более благосклонен к Филиппу, также должен был получить это заверение, так как оно послужило бы прекрасным поводом для его первой речи в Афинах в этот критический момент.

[882] Demosth. Fals. Leg. p. 352. ὥσθ' ὑμᾶς, ἐκπεπληγμένους τῇ παρουσίᾳ τοῦ Φιλίππου, καὶ τούτοις ὀργιζομένους ἐπὶ τῷ μὴ προηγγελκέναι, πρᾶοτέρους γενέσθαι τινὸς, πάνθ' ὅς' ἐβούλεσθ' ὑμῖν ἔσεσθαι προσδοκήσαντας, etc.

[883] Demosth. Fals. Leg. p. 348, 349, 352. οἱ δ' ἀντιλέγοντες ὄχλος ἄλλως καὶ βασκανία κατεφαίνετο, etc.

[884] Dem. Fals. Leg. p. 355; Phil. ii. p. 73.

[885] Dem. Fals. Leg. p. 353.

[886] Demosth. Fals. Leg. p. 356. Οὗτος (Æschines) ἦν ὁ λέγων ὑπὲρ αὐτοῦ καὶ ὑπισχνούμενος- πρὸς δὲ τοὺς παρὰ τούτου λόγους ὠρμηκότας λαβὼν ὑμᾶς ὁ Φιλοκράτης, ἐγγράφει τοῦτ' εἰς τὸ ψήφισμα, ἐὰν μὴ ποιῶσι Φωκεῖς ἃ δεῖ, καὶ παραδίδωσι τοῖς Ἀμφικτύοσι τὸ ἱερὸν, ὅτι βοηθήσει ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων ἐπὶ τοὺς διακωλύοντας ταῦτα γίνεσθαι.

Тот факт, что по этому предложению Филократа мир был распространен на "потомство" афинян, Демосфен называет "величайшим позором из всех", с такой силой подчеркивая его, что трудно вникнуть (Philippic ii. p. 73).

[887] Demosth. Fals. Leg. p. 357. Демосфен заставляет прочесть оба письма и продолжает: -Αἰ μὲν τοίνυν ἐπιστολαὶ καλοῦσιν αὗται, καὶ νῆ Δία ἤδη γε.

Также Æschines, Fals. Leg. p. 46. c. 4. ὑμῖν δὲ ταῦθ' ὁρῶν οὐκ ἔγραψεν ἐπιστολὴν ὁ Φίλιππος, ἐξίναί πάσῃ τῇ δυνάμει βοηθήσοντας τοῖς δίκαιοις; Эсхинес замечает только одно из двух писем. Бёнеке (Forschungen, p. 412) считает, что письма были написаны и отправлены между 16 и 23 числами месяца Скирофорион.

[888] Demosth. Fals. Leg. p. 359.

[889] Demosth. Fals. Leg. p. 379.

[890] Это было одним из оснований для возражений Демосфена и его друзей против отправки войск в Фермопилы в соответствии с письмом Филиппа - согласно утверждению Эскина (Fals. Leg. p. 46. c. 41); который относится к этому возражению с презрением, хотя оно кажется вполне обоснованным и разумным.

[891] Demosth. Fals. Leg. p. 356, 357.

[892] Æschin. Fals. Leg. p. 46. c. 41.

[893] Demosth. Fals. Leg. p. 387.

[894] Æschines, Fals. Leg. p. 46. c. 41. Это утверждение Эсхинеса - об упадке сил фокийцев и его причинах - имеет все шансы быть верным с точки зрения фактов; хотя оно не подтверждает выводов, которые он на нем строит.

Сравните Demosth. Olynth. iii. p. 30 (произнесенное четырьмя годами ранее) ἀπειρηκότων δὲ χρήμασι Φωκέων и т. д.

[895] Demosth. Fals. Leg. p. 365; Diodor. xvi. 59.

[896] Для обороны Фермопил в период вторжения Ксеркса греческий флот в Артемизиуме был не менее важен, чем сухопутные войска Леонида, стоявшие в лагере на самом перевале.

[897] Το, что фокийцы не смогли бы удержать Фермопилы без помощи Афин и что Филипп мог бы дойти до границ Аттики без каких-либо промежуточных препятствий, которые могли бы помешать ему, если бы Олинф попал в его руки, - это убедительно доказал Демосфен в первом Олинфе, почти за четыре года до месяца Скиррофориона, 346 г. до н. э.

Ἄν δ' ἐκεῖνα Φίλιππος λάβῃ, τίς αὐτὸν κωλύσει δεῦρο βαδίζειν; Θηβαῖοι; οἷ, εἰ μὴ λίαν πικρὸν εἶπεῖν, καὶ συνεισβαλοῦσιν ἐτοίμως. Ἀλλὰ Φωκεῖς; οἱ τὴν οἰκίαν οὐχ οἷοί τε ὄντες φυλάττειν, ἐὰν μὴ βοηθήσῃ ὑμεῖς (Demosth. Olynth. i. p. 16).

[898] Demosth. Fals. Leg. p. 359. ἤκομεν δὲ δεῦρο ἀπὸ τῆς πρεσβείας τῆς ἐπὶ τοὺς ὄρκους τρίτῃ ἐπὶ δέκα τοῦ Σκίρροφοριῶνος μηνὸς, καὶ παρῆν ὁ Φίλιππος ἐν Πύλαις ἤδη καὶ τοῖς Φωκεῦσιν ἐπηγγέλλετο ὧν οὐδὲν ἐπίστευον ἐκεῖνοι. Σημεῖον δὲ-οὐ γὰρ ἂν δεῦρ' ἦκον ὡς ὑμεῖς ... παρῆσαν γὰρ οἱ τῶν Φωκέων πρέσβεις ἐνθάδε, καὶ ἦν αὐτοῖς καὶ τί ἀπαγγελοῦσιν οὗτοι (Æschines, Philokrates, etc.) καὶ τί ψηφιεῖσθε ὑμεῖς, ἐπιμελὲς εἰδέναι.

[899] Demosth. Fals. Leg. p. 357. οἱ μὲν τοίνυν Φωκεῖς, ὡς τὰ παρ' ὑμῶν ἐπύθοντο ἐκ τῆς ἐκκλησίας καὶ τό τε ψήφισμα τοῦτ' ἔλαβον τὸ τοῦ Φιλοκράτους, καὶ τὴν ἀπαγγελίαν ἐπύθοντο τὴν τούτου καὶ τὰς ὑποσχέσεις-κατὰ πάντας τοὺς τρόπους ἀπώλοντο.

Эсхинес (Fals. Leg. p. 45. с. 41) касается заявлений Демосфена о посланниках Фалека в Афинах и о влиянии новостей, которые они привезли, на решение о капитуляции. Он жалуется на них в целом как на "настроенных против него" (ὁ κατήγορος μεμυχήνεται), но не противоречит им ни по одному конкретному пункту. Ему также не удастся опровергнуть главный аргумент, с большой точностью приведенный Демосфеном.

[900] Demosth. Fals. Leg. p. 359: сравните Diodor. xvi. 59. В этом отрывке Демосфен отсчитывает семь дней между окончательным собранием в Афинах и капитуляцией, заключенной фокийцами. В другом отрывке он называет тот же промежуток всего в пять дней (стр. 365), что, несомненно, является неточностью. В третьем отрывке тот же интервал, по-видимому, составляет пять или шесть дней, с. 379.

[901] Demosth. Fals. Leg. p. 356-365. ἐπεὶ δὲ δ' ἦκεν (Филипп) εἰς Πύλας, Λακεδαιμόνιοι δ' αἰσθόμενοι τὴν ἐνέδραν ὑπεχώρησαν, etc.

[902] Demosth. Fals. Leg. p. 359, 360, 365, 379, 413. ὁ δὲ (Æschines) τοσοῦτον δεῖ τῶν ὑπαρχόντων τινα αἰχμάλωτον σῶσαι, ὥσθ' ὅλον τόπον καὶ πλεῖν ἢ μυρίου μὲν ὀπλίτας, ὁμοῦ δὲ χιλίους ἵππεας τῶν ὑπαρχόντων συμμάχων, ὅπως αἰχμάλωτοι γένωνται Φιλίππῳ συμπαρεσκεύασεν.

Диодор (xvi. 59) называет численность наемников Фалека в восемь тысяч человек.

Поскольку фокийцы капитулировали перед Филиппом, а не перед фиванцами (стр. 360) - поскольку ни один из их городов не оказал сопротивления, - Демосфен утверждает, что это доказывает их уверенность в благоприятном расположении Филиппа, о котором свидетельствует Эсхинс. Но он слишком усложняет этот аргумент против Эсхина. У фокийцев не было другого выбора, кроме как сдаться, как только все шансы на афинскую помощь были явно исключены. Вера в благосклонность Филиппа, несомненно, была вспомогательным мотивом, но не основным или преобладающим.

[903] Demosthen. Fals. Leg. p. 378; Æschines, Fals. Leg. p. 40. с. 30. Оказывается, что десять посланников были не все одинаковы - τῶν ἄλλων τοῦς πλείστους τοὺς αὐτοὺς и т. д.

[904] Demosthen. Fals. Leg. p. 380. οὐθ' ὅτι πρεσβευτῆς ἄλλος ἤρηντο ἀνθ' αὐτοῦ, etc.

Æschines (Fals. Leg. p. 46. c. 43), кажется, не отрицает этого однозначно.

[905] Demosthen. Fals. Leg. p. 359, 360, 365, 379.

[906] Demosthen. Fals. Leg. p. 368-379. Эсхинес также признает факт проведения этого голосования, чтобы перевезти движимое имущество Афин в безопасное место, хотя, естественно, говорит об этом очень мало (Fals. Leg. p. 46. c. 42).

В орации Демосфена, De Coronâ, p. 238, это постановление, выдвинутое Каллистеном, не только упоминается, но и, как утверждается, приводится *дословно*. Дата, как мы ее читаем - 21-е число месяца Мемактерион, - несомненно, ошибочна, поскольку настоящий указ должен был быть принят в последние дни месяца Скиррофорион, сразу после того, как был заслушан доклад Деркилла. Эта явная ошибка в дате не позволяет нам верить в подлинность документа. Из этих предполагаемых оригинальных документов, вставленных в орацию De Coronâ, Дройзен и другие критики показали, что некоторые из них явно поддельные; и все они настолько сомнительны, что я не решаюсь приводить их в качестве авторитета.

[907] Demosthen. Fals. Leg. p. 380.

[908] Æschines, Fals. Leg. p. 41. c. 32. p. 43. c. 36. Эсхинес обвиняет Демосфена в предательском пристрастии к Фивам.

[909] Demosthen. Fals. Leg. p. 380; De Coronâ, p. 321. Эсхин (Fals. Leg. p. 49, 50) признает и пытается оправдать это действие.

[910] Demosth. De Coronâ, p. 237, 238, 239. Очевидно, что Демосфен не нашел в письме ничего, что можно было бы обратить против Филиппа. Его тон должен был быть благовидным и выигрышным.

В эту орацию *дословно* вставлено письмо, выдаваемое за письмо Филиппа к афинянам. Я согласен с теми критиками, которые сомневаются или не верят в подлинность этого письма, и поэтому я его не цитирую. Если бы Демосфен имел перед собой письмо, столь императивное и наглое по своему тону, он бы осудил его гораздо строже.

[911] Эсхинес продолжал хвастаться прекрасным расположением Филиппа к Афинам и великими благами, которые Филипп обещал ей предоставить, по крайней мере, несколько месяцев после взятия Фермопил Æschines, cont. Timarch. p. 24. c. 33. Φίλιππον δὲ νῦν μὲν διὰ τὴν τῶν λόγων εὐφημίαν ἐπαίνῳ- ἐὰν δ' αὐτὸς ἐν τοῖς πρὸς ὑμᾶς ἔργοις γένηται, οἷός νῦν ἐστὶν ἐν ταῖς ὑποσχέσεσιν, ἀσφαλῆ καὶ ῥᾶδιον τὸν καθ' αὐτοῦ ποιήσεται ἔπαινον.

Эта речь была произнесена, по-видимому, около середины Olymp. 108, 3; через несколько месяцев после завоевания Филиппом Фермопил.

[912] Demosth. De Pace, p. 62, Philippic ii. p. 69.

[913] Pausanias, x. 3, 2.

[914] Эта передача фиванцам не упоминается Диодором, но, кажется, содержится в словах Демосфена (Fals. Leg. p. 385) -τῆς τῶν Φωκέων χώρας ὁπόσῃν βούλονται: ср. p. 380.

[915] Diodor. xvi. 60; Demosth. Fals. Leg. p. 385. ὅλων τῶν τευχῶν καὶ τῶν πόλεων ἀναίρέσεις. Демосфен заставляет зачитать этот суровый приговор Амфикинийского собора в Дикастерии (Demosth. Fals. Leg. p. 361.) К сожалению, он не сохранился.

[916] Pausanias, x. 8, 2.

[917] *Æschines*, Fals. Leg. p. 47. c. 44.

[918] Justin, viii. 5. "Victi igitur necessitate, pactâ salute se dediderunt. Sed pactio ejus fidei fuit, cujus antea fuerat deprecâti belli promissio. Igitur cæduntur passim rapiunturque: non liberi parentibus, non conjuges maritis, non deorum simulacra templis suis relinquuntur. Unum tantum miseris solatium fuit, quod cum Philippus portione prædæ socios fraudasset, nihil rerum suarum apud inimicos viderunt."

Сравните Demosthen. Fals. Leg. p. 366.

[919] *Æschines*, Fals. Leg. p. 47. c. 44; Demosth. Fals. Leg. p. 366; Demosthen. De Pace, p. 61. ὅτι τοὺς Φωκέων φυγάδας σώζομεν и т. д.

[920] Demosthen. Fals. Leg. p. 361. θέαμα δεινὸν καὶ ἐλεεινόν- ὅτε γὰρ νῦν ἐπορευόμεθα εἰς Δελφοὺς ἐξ ἀνάγκης ἥν ὁρᾶν ἡμῖν πάντα ταῦτα, οἰκίας κατεσκαμμένας, τεῖχη περιηρημένα, χώραν ἔρημον τῶν ἐν τῇ ἡλικίᾳ, γυναῖα δὲ καὶ παιδάρια ὀλίγα καὶ πρεσβύτας ἀνθρώπους οἰκτροὺς, οὐδ' ἂν εἷς δύναιτ' ἐφικέσθαι τῷ λόγῳ τῶν ἐκεῖ κακῶν νῦν ὄντων.

Поскольку эта оратория была произнесена в 343-342 гг. до н. э., наречие времени νῦν можно с полным основанием отнести к началу этого года, а путешествие в Дельфы, возможно, было предпринято для весеннего заседания Амфикифонийского совета того года; между двумя и тремя годами после уничтожения фокийцев Филиппом.

[921] Demosth. Fals. Leg. p. 361.

[922] Demosth. ad Philipp. Epistolam, p. 153. Νικαίαν μὲν φρουρᾷ κατέχων, etc.

[923] Diodor. xvi. 60. τιθέναι δὲ καὶ τὸν ἀγῶνα τῶν Πυθίων Φίλιππον μετὰ Βοιωτῶν καὶ Θετταλῶν, διὰ τὸ Κορινθίους μετεσχηκέναι τοῖς Φωκεῦσι τῆς εἰς τὸ θεῖον παρανομίας.

Причина, по которой Амфикифоны передали празднование пифийского праздника в руки Филиппа, не может быть понята Диодором. Возможно, это правда, что коринфяне вступили в союз с фокийцами во время Священной войны, хотя других доказательств этого факта, кроме данного отрывка, нет. Но коринфяне никогда не были наделены каким-либо авторитетом в отношении *пифийского* фестиваля. Они были признанными председателями *Истмийского* фестиваля. Я не могу не думать, что Диодор был введен в заблуждение, спутав эти два праздника один с другим".

[924] Xenoph. Hellen. vi.

[925] Demosth. Fals. Leg. p. 380-398. οὕτω δεινὰ καὶ σχέτλια ἡγουμένων τοὺς τλαιπῶρους πάσχειν Φωκέας, ὥστε μήτε τοὺς ἐκ τῆς βουλῆς θεωροὺς μήτε τοὺς θεσμοθέτας εἰς τὰ Πύθια πέμψαι, ἀλλ' ἀποστῆναι τῆς πατρίου θεωρίας, etc. Demosth. De Pace, p. 60. τοὺς συνεληλυθότας τούτους καὶ φάσκοντας Ἀμφικτύονας εἶναι, etc.

[926] Demosth. Fals. Leg. p. 61; Philippic ii. p. 68, 69.

[927] Demosth. De Pace, p. 60-63; Demosth. Fals. Leg. p. 375. В последнем отрывке, p. 375, Демосфен обвиняет Эсхина в том, что он был единственным оратором в городе, выступившим в поддержку предложения, в то время как в собрании и в народе было сильное чувство против него. Демосфен, должно быть, забыл или не хотел вспоминать свою собственную речь De Pace, произнесенную за три года до этого. Несмотря на неприятие народа, которое очень легко понять, я прихожу к выводу, что декрет должен был пройти; ведь

если бы он был отклонен, должны были возникнуть последствия, которые стали бы нам известны".

[928] *Æschin*. Fals. Leg. p. 43. с. 37. Τοῦτο οὐκ ἀπαγγεῖλαι, ἀλλ' ὑποσχέσθαι μέ φησίν.

Сравните с р. 43. с. 36. р. 46. с. 41. р. 52. с. 54- также р. 31-41- также речь против Ктесифона, р. 65. с. 30. ὡς τάχιστα εἴσω Πυλῶν Φίλιππος παρήλθε καὶ τὰς μὲν ἐν Φωκεῦσι πόλεις παραδόξως ἀναστάτους ἐποίησε, etc.

[929] Demosth. Fals. Leg. p. 373, 374. Я перевожу суть аргумента, а не слова.

[930] *Æschines*, Fals. Leg. p. 43. с. 36. Опровергая выдвинутое против него обвинение в предательстве фокийцев Филиппу, Эсхинс (Fals. Leg. p. 46, 47) останавливается на том обстоятельстве, что никто из фокийских изгнанников не явился, чтобы помочь в обвинении, и что около трех или четырех фокийцев и беотийцев (которых он называет по имени) были готовы выступить в качестве свидетелей в его пользу.

Причина, по которой никто из них не выступил против него, кажется мне достаточно объясненной Демосфеном. Фокийцы находились в слишком подавленном состоянии, чтобы навлечь на себя новую вражду или выступить в качестве обвинителей одного из афинских партизан Филиппа, чьи солдаты владели их страной.

Причину, по которой некоторые из них выступили в его пользу, объясняет и сам Эсхинс, утверждая, что он выступал за них перед собранием Амфикионов и добился для них смягчения того крайнего наказания, которое требовали против них их самые жестокие враги. Для пленников, оказавшихся на милости своих противников, такое вмешательство вполне могло бы показаться достойным благодарности; совершенно не считая вопроса о том, в какой степени Исихий как посланник своими предыдущими сообщениями афинскому народу способствовал предательству Фермопилы и фокийцев Филиппу.

[931] Demosth. Fals. Leg. p. 376.

[932] Demosth. Fals. Leg. p. 375, 376, 377, 386

[933] Diodor. xvi. 63. ὑπὸ τοῦ θεοῦ πυρὸς κατεφλέχθησαν, etc.

[934] Diodor. xvi. 61, 62, 63.

[935] Diodor. xvi. 64; Justin, viii. 2. "Dignum itaque qui a Diis proximus habeatur, per quem Deorum majestas vindicata sit."

Однако некоторые из этих наемников, нанятых в Фокисе, погибли в Сицилии на службе у Тимолеона, как уже говорилось.

[936] Demosth. Philipp. iii. p. 119.

[937] Demosth. De Pace, p. 62. νυνὶ δὲ Θηβαίοις πρὸς μὲν τὸ τὴν χώραν κεκομίσθαι, κάλλιστα πέπρακται, πρὸς δὲ τιμὴν καὶ δόξαν, αἴσχιστα, etc.

[938] Demosth. De Pace, p. 60, 61.

[939] Isokrates. Or. v. ad Philipp. s. 128-135.

[940] Isokrat. Or. v. ad Philipp. s. 91. ὅταν οὕτω διαθῇς τοὺς Ἕλληνας, ὥσπερ ὁρᾷς Λακεδαιμονίους τε πρὸς τοὺς ἑαυτῶν βασιλέας ἔχοντας, τοὺς δ' ἐταίρους τοὺς σοὺς πρὸς σὲ διακειμένους. "Ἔστι δ' οὐ χαλεπὸν τυχεῖν τούτων, ἢν ἐθελήσῃς κοινὸς ἅπασι γενέσθαι, etc.

[941] Demosth. Philipp. iii. p. 118.

[942] Isokrates, Or. v. Philipp. s. 118; Diodor. xv. 40, 44, 48. Диодор трижды упоминает об этом отступлении Оха из Египта. Сравните Demosth. De Rhod. Libert. p. 193.

Трог упоминает три различных похода Оха против Египта (Argument. ad Justin. lib. x).

[943] Isokrates, Or. v. Philipp. s. 102. Ἰδριέα γε τὸν εὐπορώτατον τῶν νῦν περὶ τὴν ἥπειρον, etc.

Demosth. De Pace, p. 63. ἡμεῖς δὲ ἐῷμεν-καὶ τὸν Κάρα τὰς νήσους καταλαμβάνειν, Χίον καὶ Κῶν καὶ Ῥόδον, etc. Ораторская речь, произнесенная во второй половине 346 г. до н. э. после заключения мира.

Сравните Demosth. De Rhod. Libertat. p. 121, орацию, произнесенную четырьмя годами ранее.

[944] Diodor. xvi. 42-46. В надписи № 87 Corpus Inscriptt. Боэция мы находим постановление, принятое афинянами о признании дружбы и гостеприимства с сидонским князем Стратоном, от которого они, похоже, получили пожертвование в размере десяти талантов. Отметка о дате этого постановления не сохранилась, но М. Бёкх считает, что оно датируется периодом между Олимпиадой 101-104 гг.

[945] Diodor. xvi. 42, 43, 45. "Occisis optimatibus Sidona cepit Ochus" (Trogus, Argum. ad Justin. lib x).

[946] Diodor. xvi. 47; Isokrates, Or. xii. Panathenaic. s. 171.

[947] Diodor. xvi. 47-51. Ley, Fata et Conditio, Ægypti sub Regno Persarum, p. 25, 26.

[948] Isokrates, Or. iv. Philipp. s. 149. καὶ τοὺς ἀφισταμένους τῆς ἀρχῆς τῆς βασιλέως συγκαταστρέφόμεθα, etc.

[949] Isokrates, Or. iv. Philipp. s. 117, 121, 160. Диодор относит успешные походы Оха против Феникии и Египта к трем годам между 351-348 гг. до н. э. (Diodor. xvi. 40-52). По моему мнению, они были осуществлены только после заключения мира между Филиппом и Афинами в марте 346 года до н. э.; вероятно, они были завершены в два лета 346-345 годов до н. э. Рассуждения или письма Исократа к Филиппу являются лучшим доказательством в этом вопросе хронологии, чем утверждение Диодора. Рассуждения Исократа были опубликованы вскоре после заключения мартовского мира 346 года до н. э. и адресованы принцу, прекрасно осведомленному обо всех общественных событиях своего времени. Один из главных аргументов, используемых Исократом, чтобы побудить Филиппа напасть на Персидскую империю, это слабость Оха вследствие того, что Египет и Феникия все еще находились в состоянии восстания и не были покорены, а также презрение, в которое Ох впал после того, как попытался вновь завоевать Египет и был с позором отвергнут. Египет и был бесславно отбит -ἀπῆλθεν ἐκεῖθεν (Ochus) οὐ μόνον ἡττηθεὶς ἀλλὰ καὶ καταγελασθεὶς, καὶ δόξας οὔτε βασιλεύειν οὔτε στρατηγεῖν ἄξιος εἶναι (s. 188) ... οὕτω σφόδρα μεμισημένος καὶ καταπεφρονημένος ὑφ' ἀπάντων ὡς οὐδεὶς πώποτε τῶν βασιλευσάντων (s. 160).

Завоевание Египта Охусом с огромной армией и большим числом греков, участвовавших с обеих сторон, должно быть, было одним из самых впечатляющих событий эпохи. Возможно, Диодор перепутал дату *первой* экспедиции, в которой Охус потерпел неудачу, со *второй*, в которой он преуспел.

[950] Diodor. xvi. 50-52.

[951] Strabo, xvi. p. 610. Suidas v. Aristotelis-ἑλβίας ἐκ παιδός.

[952] Диодор помещает назначение Ментора сатрапом азиатского побережья и захват им Гермеи в Olymp. 107, 4 (349-348 гг. до н. э.), сразу после успешного вторжения в Египет.

Но эта дата не может быть верной, поскольку Аристотель посетил Гермею в Атарнее после смерти Платона и провел с ним три года - от архонтства Феофила (348-347 гг. до н. э. Olymp. 108, 1), в котором умер Платон, до архонтства Эвбула (345-344 гг. до н. э. Olymp. 108, 4) (Vita Aristotelis ap. Dionys. Hal. Epist. ad Ammæum, c. 5; Scriptt. Biographici, p. 397, ed. Westermann); Diogen. Laert. v. 7.

Вот еще одна причина, подтверждающая замечание, сделанное в моем предыдущем примечании, что Диодор поместил завоевание Египта Охом на три или четыре года раньше; поскольку назначение Ментора сатрапом азиатского побережья следует естественно и сразу после выдающейся роли, которую он принял в завоевании Египта.

Захват Гермеи Ментором, вероятно, должен был произойти около 343 г. до н. э. Пребывание Аристотеля в Гермее, вероятно, заняло три года между 347 и 344 гг. до н. э.

В отношении хронологии этих событий г-н Клинтон следует за Диодором; Бёнеке не согласен с ним - справедливо, на мой взгляд (Forschungen, p. 460-734, примечание). Бёнеке, похоже, считает, что человек, упомянутый в Demosth. Philipp. iv. (p. 139, 140) как схваченный и доставленный в плен к персидскому царю, обвиненный в заговоре с Филиппом о враждебных мерах против последнего, - это Гермей. Само по себе это не является невероятным, но авторитет комментатора Ульпиана вряд ли достаточен для того, чтобы положительно утверждать эту идентичность.

Примечательно, что Диодор не упоминает о мире 346 года до н. э. между Филиппом и афинянами.

[953]

		Доставлено в
Демосфен,	Филиппики ii.	B. C. 344-343
--	De Halonneso, не подлинник	B. C. 343-342
--	De Falsâ Legatione	<i>ib.</i>
Æschines,	De Falsâ Legatione	<i>ib.</i>
Демосфен,	Де Херсонесо	B. C. 342-341
--	Philipp. iii.	<i>ib.</i>
--	Philipp. iv.	B. C. 341-340
--	ad Philipp. Epist.	B. C. 340-339

[954] Demosth. De Pace, p. 61; Philippic ii. p. 69.

[955] Demosth. Fals. Leg. p. 424; Pausan. iv. 28, 3.

[956] Justin, viii. 6. Диодор утверждает, что Александр стал князем только после смерти Аррибаса (xvi. 72).

[957] Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 84; Demosth. Fals. Leg. p. 424-435; Philippic iii. p. 117-120; Philippic iv. p. 133.

Поскольку эти предприятия Филиппа против Амбракии и Леуки не упоминаются во втором Филиппике, а только в орациях более позднего времени, мы можем предположить, что они имели место только после Olymp. 109, 1 = 344-343 ГГ. ДО Н. Э. Но это не очень уверенное предположение.

[958] Demosth. Fals. Leg. p. 368, 424, 436; Philipp. iii. 117, 118. iv. p. 133; De Coronâ, p. 324; Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 84.

Сравните Harpokration v. Δεκαδρχία.

[959] Diodor. xvi. 69, 71.

[960] Justin, viii. 5, 6. "Reversus in regnum, ut pecora pastores nunc in hybernos, nunc in æstivos saltus trajiciunt-sic ille populos et urbes, ut illi vel replenda vel derelinquenda quæquæ loca videbantur, ad libidinem suam transfert. Miseranda ubique facies et similis excidio erat," etc. Сравните Livy, xl. 3, где описываются аналогичные действия Филиппа, сына Деметрия (182 г. до н. э.).

[961] См. поразительный отрывок в четвертом "Филиппике" Демосфена, с. 132.

[962] Demosth. De Coronâ, p. 252.

[963] Demosth. Philipp. ii. p. 71, 72. Сам Демосфен сообщает афинскому собранию (в 344-343 гг. до н. э.), что он говорил мессенцам и аргейцам.

[964] Demosth. Philipp. ii. p. 72.

[965] Demosth. Philipp. ii. p. 66-72. Кто были эти посланники и откуда они прибыли, из оратории не ясно. Либаний в своем "Аргументе" говорит, что они прибыли совместно от Филиппа, от аргейцев и от мессенцев. Дионисий Хал. (ad Ammæum, p. 737) утверждает, что они пришли из Пелопоннеса.

Я не могу заставить себя поверить, опираясь на авторитет Либания, что среди них были посланники от Филиппа. Тенденция беседы, похоже, противоречит этому предположению".

[966] Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 81, 82. Виневский (Comment Histor. in Demosth. De Coronâ, p. 140) считает, что посольство Пифона в Афины - это то самое посольство, на которое второй филиппик Демосфена дает или вводит ответ. Я согласен с Бёнеке, считая это предположение маловероятным.

[967] Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 81. Περί δὲ τῆς εἰρήνης, ἣν ἔδοσαν ἡμῖν οἱ πρέσβεις οἱ παρ' ἐκείνου πεμφθέντες ἐπανορθώσασθαι, ὅτι ἐπηνωρθωσάμεθα, ὃ παρὰ πᾶσιν ἀνθρώποις ὁμολογεῖται δίκαιον εἶναι, ἐκατέρους ἔχειν τὰ ἑαυτῶν, ἀμφισβητεῖ (Philip) μὴ δεδωκέναι, μηδὲ τοὺς πρέσβεις ταῦτ' εἰρῆκεναι πρὸς ὑμᾶς, и т.д.

Сравните Демосфен. Fals. Leg. p. 398.

[968] Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 81. См. Ulpian ad Demosth. Fals. Leg. p. 364.

[969] Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 81, 84, 85. ἀμφισβητεῖ μὴ δεδωκέναι (Филипп утверждает, что он никогда не предлагал условий мира для изменения) μηδὲ τοὺς πρέσβεις ταῦτ' εἰρῆκεναι πρὸς ὑμᾶς ... Τοῦτο δὲ τὸ ἐπανόρθωμα (вторая поправка) ὁμολογῶν ἐν τῇ ἐπιστολῇ, ὡς ἀκούετε, δίκαιόν τ' εἶναι καὶ δέχεσθαι, etc.

[970] Гегезипп был сильно осужден ораторами-филиппистами в Афинах (Demosthen. Fals. Leg. p. 364). Его посольство к Филиппу некоторые авторы трактуют как принуждение к "грубому софистическому толкованию одной из статей мира", что справедливо возмутило Филиппа. Но, по моему мнению, это не было толкованием первоначального договора и не было никакой софистикой со стороны Афин. Это был измененный пункт, представленный афинянами вместо первоначального. Они никогда не утверждали, что измененный пункт означает то же самое, что и пункт до внесения поправок. Напротив, они подразумевают, что смысл *не* тот же самый, и именно на этом основании они представляют измененную форму слов.

[971] Сравните Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 77, и Epistola Philippi, p. 162. Первый говорит: ἔλεγε δὲ καὶ πρὸς ἡμᾶς τοιοῦτους λόγους, ὅτε πρὸς αὐτὸν ἐπρεσβεύσαμεν, ὡς ληστὰς ἀφελόμενος ταύτην τὴν νῆσον κτήσαιο, καὶ προσήκειν αὐτὴν ἑαυτοῦ εἶναι.

Письмо Филиппа согласуется с основными фактами.

[972] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 65. с. 30. περὶ συλλαβῶν διαφερόμενος, etc.

[973] Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 78-80.

[974] Epistol. Philipp. ap. Demosth. p. 162. Оратория Псевдо-Демосфена De Halonneso - это речь, обращенная к народу по поводу одного из эпистолярных посланий Филиппа, привезенного посланниками, которые также обратились к народу *vivâ voce*. В письме Филиппа были затронуты и другие темы, но письмо Галоннеса стояло на первом месте.

[975] Demosth. Fals. Leg. p. 446. Я полагаю, что эти слова означают не какой-то конкретный поход в эти места, а постоянный караул, который держался там с тех пор, как северная граница Аттики была открыта после заключения мира. О большом значении Панактума как пограничной позиции между Афинами и Фивами см. Фукидид, т. 35, 36, 39.

[976] Demosth. Fals. Leg. p. 368, 435, 446, 448; Philippic iv. p. 133; De Coronâ, p. 324; Plutarch, Phokion, с. 16.

[977] Общее положение дел, как здесь указано, в Орее и Эретрии существовало в то время, когда Демосфен произнес две свои оратории - третью филиппику и орацию о Херсонесе; поздней весной и летом 341 г. до н. э. -De Chersoneso, p. 98, 99, 104; Philipp. iii. p. 112, 115, 125, 126.

...δουλεύουσί γε μαστιγούμενοι καὶ στρεβλούμενοι (жители Эретрии при Клитархе, с. 128).

[978] Demosth. De Chersoneso, p. 99.

[979] Demosth. cont. Aristokrat. p 677. De Fals. Leg. p. 396; De Chersoneso, p. 104, 105.

[980] Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 87.

[981] Demosth. De Chersoneso, p. 93; Pseudo-Demosth. De Halonneso, p. 87; Epistol. Philipp. ap. Demosth. p. 161.

[982] Epistol. Philipp. l. с.

[983] Philippic iii. p. 112.

[984] Philippic iii. p. 118, 119.

[985] Philippic iii. p. 129, 130.

[986] Demosth. De Coronâ, p. 252.

[987] Diodor. xvi. 74.

[988] Stephanus Byz. v. Ὠρεός.

[989] *Æschines* adv. Ktesiphont. p. 67, 68. Эскинес сильно порицает Демосфена за то, что тот лишил афинский синод этих важных членов. Но эвбейские члены, несомненно, не принесли Афинам никакой пользы своим реальным или номинальным присутствием в синоде в течение нескольких лет. Создание свободного эвбейского синода, вероятно, давало наилучший шанс обеспечить реальную гармонию между островом и Афинами.

Эскинес приводит здесь длинный перечень обвинений, касающихся коррупционных интриг между Демосфеном и Каллиасом в Афинах. Многие из этих обвинений невозможно согласовать с тем, что мы знаем о ходе истории в то время. Мы должны помнить, что Эскинес делает это заявление спустя одиннадцать лет после событий.

[990] Epistol. Philipp. ap. Demosth. p. 159.

[991] *Æschines* adv. Ktesiph. l. c. *Æschines* здесь указывает месяц, но не год. Мне кажется, что наиболее вероятной датой является Антестерион, 340 г. до н. э. (Olymp. 109, 4); хотя Бёнеке и другие помещают его на год раньше.

[992] Demosth. De Coronâ, p. 254, 304, 308. βουλόμενος τῆς σιτοπομπίας κύριος γενέσθαι (Филипп), παρελθὼν ἐπὶ Θράκης Βυζαντίους συμμάχους ὄντας αὐτῷ τὸ μὲν πρῶτον ἡξίου συμπολεμεῖν τὸν πρὸς ὑμᾶς πόλεμον, etc.

ἡ μὲν ἐμὴ πολίτεια ... ἀντὶ δὲ τοῦ τὸν Ἑλλήσποντον ἔχειν Φίλιππον, λαβόντα Βυζάντιον, συμπολεμεῖν τοὺς Βυζαντίους μεθ' ἡμῶν πρὸς αὐτὸν (ἐποίησεν) ... Τίς ὁ κωλύσας τὸν Ἑλλήσποντον ἀλλοτριωθῆναι κατ' ἐκείνους τοὺς χρόνους; (p. 255.)

Сравните *Æschines* adv. Ktesiph. p. 90.

То, что Демосфен за несколько месяцев до этого предвидел планы Филиппа в отношении Византии, явствует из ораций De Chersoneso, p. 93-106, и Philippic iii. p. 115.

[993] Diodor. xvi. 74.

[994] Epistola Philippi ap. Demosth. p. 163.

[995] Что это были две последние причины, которые непосредственно предшествовали и определили объявление войны, мы можем видеть по Демосфену, De Coronâ, p. 249-Καὶ μὴν τὴν εἰρήνην γ' ἐκεῖνος ἔλυσε τὰ πλοῖα λαβὼν, οὐχ ἡ πόλις, etc.

Ἀλλ' ἐπειδὴ φανερώς ἤδη τὰ πλοῖα ἐσεσύλητο, Χερρόνησος ἐπορθεῖτο, ἐπὶ τὴν Ἀττικὴν ἐπορεύεθ' ἄνθρωπος, οὐκέτ' ἐν ἀμφισβητησίμῳ τὰ πράγματα ἦν, ἀλλ' ἐνείστικει πόλεμος, etc. (p. 274.)

[996] Philochorus, Frag. 135. ed. Didot; Dionys. Hal. ad Ammæum, p. 738-741; Diodorus, xvi. 77. Цитата, приведенная Дионисием из Филохора, в одном месте не совсем точна. В ней говорится, что решающее решение об объявлении войны было принято Демосфеном, тогда как сам Демосфен говорит, что ни одно из предложений на этом этапе не было сделано им (De Coronâ, p. 250).

[997] Demosth. De Coronâ, p. 250. Как видно, я не обращаю внимания на два постановления афинян и письмо Филиппа, содержащееся в оратории De Coronâ, p. 249, 250, 251. Я уже

говорил, что все документы, которые мы читаем как приложенные к этой оратории, настолько запятнаны либо явной ошибкой, либо причинами, вызывающими сомнения, что я не могу приводить их в качестве авторитетов в этой истории, где бы они ни стояли отдельно. Поэтому я не принимаю во внимание ни предполагаемую осаду Селимбрии, упомянутую в поддельном письме Филиппа, но нигде более не упоминаемую, ни двадцать афинских кораблей, захваченных македонским адмиралом Аминтой, а затем восстановленных Филиппом по протесту афинян, упомянутых в поддельном афинском постановлении, выдвинутом Евбулом. Ни Демосфен, ни Филохор, ни Диодор, ни Юстин ничего не говорят об осаде Селимбрии, хотя все они упоминают о нападениях на Византий и Перинф. Я не верю, что осада Селимбрии когда-либо имела место. Более того, афинские корабли, захваченные, но затем восстановленные Филиппом по требованию афинян, вряд ли могли быть фактической причиной войны.

Мнимые декреты и письмо не соответствуют отрывку Демосфена, к которому они приложены.

[998] Epistol. Philipp. ap. Demosth. p. 165. Это Послание Филиппа к афинянам здесь вставлено среди ораций Демосфена. Некоторые критики отвергают его как подделку, но я не вижу достаточных оснований для такого мнения. Является ли оно сочинением самого Филиппа или какого-то грека, работавшего в кабинете Филиппа, - это вопрос, который мы не можем определить.

Ораторская речь Демосфена, которая, как говорят, была произнесена в ответ на это письмо Филиппа (Orat. xi), по моему мнению, описана неверно. Она не только не имеет никакого отношения к вопросам, содержащимся в письме, но и должна быть датирована двумя или тремя месяцами позже, поскольку в ней упоминается помощь, посланная персидскими сатрапами в Перинф, и снятие осады этого города Филиппом (p. 153).

[999] Epistol. Philipp. ap. Demosth. p. 159, 164; cp. Isokrates. Or. v. (Philip.) s. 82.

[О том, насколько сильно Филипп усовершенствовал осадные машины как часть своей общей военной организации, свидетельствует любопытный отрывок более позднего автора о механике. Athenæus, De Machinis ap. Auctor. Mathem. Veter. p. 3, ed. Paris.-ἐπίδοσιν δὲ ἔλαβεν ἡ τοιαύτη μηχανοποιΐα ἅπασα κατὰ τὴν τοῦ Διονυσίου τοῦ Σικελιώτου τυραννίδα, κατὰ τε τὴν Φιλίππου τοῦ Ἀμύντου βασιλείαν, ὅτε ἐπολιόρκει Βυζαντίους Φίλιππος. Εὐημέρει δὲ τῇ τοιαύτῃ τέχνῃ Πολύειδος ὁ Θεσσαλός, οὗ οἱ μαθηταὶ συνεστρατεύοντο Ἀλεξάνδρῳ.

О двигателях, использованных Дионисием Сиракузским, см. Diodor. xiv. 42, 48, 50.

[1001] Diodor. xvi. 74-76; Плутарх, Vit. Alexandri, с. 70; также Laconic. Apophthegm. p. 215, и De Fortunâ Alexan. p. 339.

[1002] Demosth. ad Philip. Epistol. p. 153; Diodor. xvi. 75; Pausanias, i. 29, 7.

[1003] Плутарх, Фокион, с. 14; Плутарх, Vit. X. Orat. p. 848-851. Для этого флота Фокиона Демосфен предоставил трирему, а оратор Гиперид плавал с флотом в качестве триерарха. См. Boeckh, Urkunden über das Attische Seewesen, p. 441, 442, 498. Из этого источника неясная хронология рассматриваемого нами периода получает некоторый свет, поскольку становится ясно, что экспедиция Хареса началась во время правления Никомаклида, то есть в год до середины лета 340 года до н. э., в то время как экспедиция Фокиона и Кефисофона началась в год, следующий за серединой лета 340 года до н. э.

См. некоторые анекдоты об этой осаде Византии Филиппом, собранные у более поздних авторов (Дионисий Византийский, Гесихий Милесий и другие) благодаря усердию Böhnecke-Forschungen, p. 470 и далее.

[1004] Diodor. xvi. 77: Плутарх, Демосфен. с. 17.

[1005] Плутарх, Фокион, с. 14.

[1006] Demosth. De Coronâ, p. 255; Плутарх, De Glor. Athen. p. 350.

[1007] Demosth. De Coronâ, p. 305, 306, 307: comp. p. 253. μετὰ ταῦτα δὲ τοὺς ἀποστόλους πάντας ἀπέστειλα, καθ' οὓς Χερρόνησος ἐσώθη, καὶ Βυζάντιον καὶ πάντες οἱ σύμμαχοι, etc.

[1008] Demosth. De Coronâ, p. 255, 257. То, что эти благодарственные голоса были приняты, подтверждается словами самой оратории. К оратории приложены документы, якобы являющиеся постановлениями византийцев и перинфян, а также херсонесских городов. Я не осмеливаюсь приводить их как подлинные, учитывая, сколько других документов, приложенных к оратории, явно поддельные.

[1009] Demosth. p. 253. Аристоник снова упоминается, с. 302. Появляется документ, стр. 253, якобы представляющий собой голосование афинян о благодарности и коронации Демосфена, предложенное Аристонику. Имя афинского архонта указано неверно, как и во всех других документах, включенных в эту орацию, где фигурирует имя афинского архонта.

[1010] Диодор (xvi. 77) упоминает об этом мире, говоря, что Филипп снял осаду Византии и Перинфа и заключил мир πρὸς Ἀθηναίου καὶ τοὺς ἄλλους Ἑλληνας τοὺς ἐναντιούμενους.

Весселинг (ad loc.) и Вайске (De Hyperbolê, ii. p. 41) сомневаются в реальности этого мира. Ни Бёнеке, ни Винецкий не признают его. Г-н Клинтон признает его в примечании к своему Приложению 16. стр. 292, хотя и не включает его в свою колонку событий в таблицах.

Я полностью согласен с этими авторами в несогласии с Диодором в том, что касается *Афин*. Предположение о том, что в это время между Филиппом и Афинами был заключен мир, однозначно опровергается языком Демосфена (De Coronâ, p. 275, 276); косвенно также и Эсхином. И из Демосфена, и из Филохора, по моему мнению, достаточно ясно следует, что война между Филиппом и афинянами продолжалась без перерыва с лета 340 года до н. э. до битвы при Херонее в августе 338 года.

Но я не вижу причин не верить Диодору, поскольку он утверждает, что Филипп заключил мир с другими греками - византийцами, перинфянами, хианами, родосцами и т. д.

[1011] Justin, ix. 2, 3. Эсхин упоминает об этой экспедиции против скифов весной при архонте Теофрасте или в 339 г. до н. э. (Æschin. cont. Ktesiph. p. 71).

[1012] Æschines cont. Ktesiph. p. 85. с. 80. ἐπιστάτης τοῦ ναυτικοῦ.

[1013] Demosthen. De Coronâ, p. 260-262. ἦν γὰρ αὐτοῖς (τοῖς ἡγεμόσι τῶν συμμοριῶν) ἐκ μὲν τῶν προτέρων νόμων συνεκκαίδεκα λειτουργεῖν αὐτοῖς μὲν μικρὰ καὶ οὐδὲν ἀναλίσκουσιν, τοὺς δ' ἀπόρους τῶν πολιτῶν ἐπιτρέβουσιν ... ἐκ δὲ τοῦ ἐμοῦ νόμου τὸ γιγνόμενον κατὰ τὴν οὐσίαν ἕκαστον τιθέναι - καὶ δυοῖν ἐφάνη τριήραρχος ὁ τῆς μιᾶς ἕκτος καὶ δέκατος πρότερον συντελής - οὐδὲ γὰρ τριήραρχους ἔτι ὠνόμαζον ἑαυτοὺς, ἀλλὰ συντελεῖς.

Триерархия и триерархические симмории в Афинах - тема не вполне известная; лучшие изложения ее можно найти в "Общественном хозяйстве Афин" Боэция (p. iv. гл. 11-13) и в

другом его труде "Urkunden über das Attische Seewesen" (гл. xi. xii. xiii.); кроме того, Parreidt, De Symmoriis, part ii. p. 22, seq.

Фрагмент Гиперида (цитируемый Гарпократионом против Συμμορίᾱ), упоминающий триерархическую реформу Демосфена, хотя и кратко и неясно, является интересным подтверждением орации De Coronâ.

[1014] В более ранней оратории Демосфена De Symmoriis есть момент, иллюстрирующий недовольство, которое он теперь реформировал. Это недовольство состояло, в основном, в том, что самый богатый гражданин в триерархическом товариществе платил сумму не большую (иногда даже меньшую), чем самый бедный. Примечательно, что такое несправедливое распределение платы могло иметь место, и от него теперь можно защититься в симмориях, предложенных самим Демосфеном. Его симмории, каждая из которых состоит из шестидесяти человек или одной двадцатой части от общего числа активных двенадцати сотен, предписывается разделить на пять фракций по двенадцать человек в каждой, или сотую часть от двенадцати сотен. Каждая группа из двенадцати должна состоять из самых богатых наряду с самыми бедными членами из шестидесяти (ἀνταναπληροῦντας πρὸς τὸν εὐπορώτατον ἀεὶ τοὺς ἀπορώτατους, с. 182), так что в каждой группе были бы лица, весьма неравные по богатству, хотя совокупное богатство одной группы было бы почти равно богатству другой. Эти двенадцать человек должны были совместно оплачивать расходы на триерархию для одного корабля, двух кораблей или трех кораблей, в зависимости от количества кораблей, которые могли потребоваться государству (p. 183). Но Демосфен нигде не указывает, в каких пропорциях они должны были разделить расходы между собой; должны ли были самые богатые граждане из двенадцати платить только равную сумму с самыми бедными или же сумму, большую пропорционально их богатству. В его проекте нет ничего, что могло бы помешать более богатым членам настаивать на том, что все должны платить поровну. Это то самое злоупотребление, которое он осудил впоследствии (в 340 году до н. э.), как фактически реализованное и исправленное новым законом. Ораторская речь Демосфена De Symmoriis, опускающая все положительные определения относительно пропорций выплат, помогает нам понять, как росло это злоупотребление.

[1015] Эсхинес (Adv. Ktesiph. p. 86) обвиняет Демосфена в том, что он "украл из города триерархов шестидесяти пяти быстроходных парусных судов". Это подразумевает, как я полагаю, что новый закон уменьшил общее число лиц, обвиняемых в триерархии.

[1016] Deinarchus adv. Demosthen. p. 95. s. 43. Εἰσὶ τινες ἐν τῷ δικαστηρίῳ τῶν ἐν τοῖς τριακοσίοις γεγενημένων, ὃθ' οὗτος (Demosthenes) ἐτίθει τὸν περὶ τῶν τριηράρχων νόμον. Οὐ φράσετε τοῖς πλησίον ὅτι τρία τάλαντα λαβὼν μετέγραφε καὶ μετεσκεύαζε τὸν νόμον καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν, καὶ τὰ μὲν ἐπώλει ὧν εἰλήφει τὴν τιμὴν, τὰ δ' ἀποδόμενος οὐκ ἔβεβαίον;

Не принимая это утверждение враждебного оратора, поскольку оно обвиняет Демосфена в получении взятки, мы можем смело принять его, поскольку оно утверждает, что он внес несколько изменений и модификаций в закон, прежде чем он был окончательно принят; факт, ничуть не удивительный, учитывая сильное противодействие, которое он вызвал.

Некоторые из дикастов, перед которыми выступал Дейнарх, были включены в число трехсот (то есть самых богатых граждан государства), когда Демосфен предложил свою триерархическую реформу. Это, наряду с другими доказательствами, которые можно было бы привести, показывает, что афинские дикасты не всегда принадлежали к беднейшему классу граждан, как нас заставляют думать шутки Аристофана.

[1017] Demosthen. De Coronâ, p. 329. Boeckh (Attisch. Seewesen, p. 183, и Publ. Econ. Ath. iv. 14) считает, что этот пассаж - διτάλαντον δ' εἶχε εἶρανον δωρεάν παρὰ τῶν ἡγεμόνων τῶν συμμοριῶν, ἐφ' οἷς ἐλυμήνω τὸν τριηραρχικὸν νόμον - должно быть, намекает на вред, нанесенный эсхинами закону в позднейшие годы, после того как он стал законом. Но я не вижу причин для такого ограничения его значения. Богачи, несомненно, дали бы наибольший взятки и оказали бы наибольшее сопротивление против первого принятия закона, поскольку тогда они имели бы наибольшую вероятность добиться успеха; а Эсхинес, подкупленный или не подкупленный, естественнее всего и эффективнее всего выступил бы против новшества, введенного его соперником, не дожидаясь, пока оно действительно станет частью законов государства".

[1018] См. цитату из Гиперида в Harpokrat. v. Συμμορία. Симмории упоминаются в надписи xiv. из "Urkunden über das Attische Seewesen" Боэция (стр. 465), которая датируется 325 г. до н. э. Многие из этих надписей называют отдельных граждан, в разных числах три, пять или шесть, как совместных триерархов одного и того же судна.

[1019] Demosth. De Coronâ, p. 262.

[1020] Chap. xxviii. p. 62 seqq.

[1021] О топографии страны вокруг Дельф см. поучительный труд Ульриха "Путешествия и исследования в Грихенланде" (Бремен, 1840), главы i. и ii. о Кирре и Криссе.

[1022] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 69; ср. Livy, xlii. 5; Павсаний, x. 37, 4. Расстояние от Дельф до Кирры Павсаний называет в шестьдесят стадий, или около семи английских миль: Страбон - в восемьдесят стадий.

[1023] *Æschines*, l. c.; Demosth. De Coronâ, p. 277. τὴν χώραν ἣν οἱ μὲν Ἀμφισσεῖς σφῶν αὐτῶν γεωργεῖν ἔφασαν, οὗτος δὲ (Æschines) τῆς ἱερᾶς χώρας ἡτιάτο εἶναι, etc.

[1024] Diodor. xvi. 24; Thucyd. iii. 101.

[1025] Diodor. xvi. 25.

[1026] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 69.

[1027] Demosthen. De Coronâ, p. 277.

[1028] Это должно быть ἀποκατάστασις τῶν ἀναθημάτων (ср. Plutarch, Demetrius, c. 13), требующее, чтобы ему предшествовали торжественные церемонии, иногда специально предписанные оракулом.

[1029] О том, как болезненно фиванцы эпохи Демосфена переживали воспоминания о союзе их предков с персами в Платее, мы можем прочесть в Demosthenes, De Symmoriis, p. 187.

Оказывается, фиванцы также возвели новую часовню в Дельфах (после 346 г. до н. э.) из трофеев, полученных от покоренных фокийцев - ὃ ἀπὸ Φωκέων ναὸς, ὃν ἰδρύσαντο Θηβαῖοι (Diodor. xvii. 10).

[1030] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 70. Слова его речи, однако, не дают ни полного, ни ясного отчета о сделке; это я постарался, насколько мог, изложить в тексте.

[1031] Demosthen. De Coronâ, p. 277.

[1032] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 69.

[1033] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 70.

[1034] Demosth. De Coronâ, p. 277. ὥς δὲ τὸ τῆς πόλεως ἀξίωμα λαβὼν (*Æschines*) ἀφίκετο εἰς τοὺς Ἀμφικτύονας, πάντα τ᾽ ἄλλ' ἄφεις καὶ παριδὼν ἐπέβαινεν ἐφ' οἷς ἐμισθώθη, καὶ λόγους εὐπροσώπους καὶ μύθους, ὅθεν ἡ Κιρῥαία χώρα καθιερώθη, συνθείς καὶ διεξελθὼν, ἀνθρώπους ἀπείρους λόγων καὶ τὸ μέλλον οὐ προορωμένους, τοὺς Ἀμφικτύονας, πείθει ψηφίσασθαι, etc.

[1035] *Æschin.* adv. Ktesiph. p. 70. κραυγὴ πολλὴ καὶ θόρυβος ἦν τῶν Ἀμφικτυόνων, καὶ λόγος ἦν οὐκέτι περὶ τῶν ἀσπίδων ἃς ἡμεῖς ἀνέθεμεν, ἀλλ' ἤδη περὶ τῆς τῶν Ἀμφισσέων τιμωρίας. Ἦδη δὲ πόρρω τῆς ἡμέρας οὔσης, προσελθὼν ὁ κῆρυξ и т.д.

[1036] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 71.

[1037] Demosthen. De Coronâ, p. 277. Согласно второму постановлению Амфикитионов, приведенному в этой оратории (стр. 278), некоторые из Амфикитионов были ранены. Но я согласен с Дройзеном, Франке и другими, оспаривающими подлинность этих указов; и утверждение, что некоторые из Амфикитионов были ранены, является одним из оснований для оспаривания: ведь если бы это был факт, Эскинес вряд ли мог бы не упомянуть о нем, поскольку это точно соответствовало бы направлению и цели его речи.

Эскинес, безусловно, является лучшим свидетелем того, что происходило на этом весеннем собрании амфикитионов. Он не только присутствовал, но и был главным действующим лицом; если он говорит неправду, это должно быть сделано намеренно. Но если факты, изложенные Эскином, хоть сколько-нибудь близки к истине, то вряд ли два постановления, приведенные Демосфеном, могли быть настоящими постановлениями, принятыми Амфикитионами. Суть решения, приведенная Эскином, стр. 70, 71, существенно отличается от первого постановления, процитированного в оратории Демосфена, стр. 278. В письме нет упоминания о тех ярких и заметных обстоятельствах - созыве всех дельфийцев, свободных и рабов старше шестнадцати лет, с лопатами и мотыгами, исключении из храма и проклятии любого города, который не явился принять участие.

Составитель этих постановлений, похоже, имел перед собой только Демосфена и ничего не знал об Эскине. О насильственных действиях амфикитионов, спровоцированных и описанных Эскином, Демосфен ничего не говорит.

[1038] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 70. ἐπῆλθε δ' οὖν μοι ἐπὶ τὴν γνώμην μνησθῆναι τῆς τῶν Ἀμφισσέων περὶ τὴν γῆν τὴν ἱερὰν ἀσεβείας, etc.

[1039] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 71. καὶ τὰς πράξεις ἡμῶν ἀποδεξαμένου τοῦ δήμου, καὶ τῆς πόλεως πάσης προαιρουμένης εὐσεβεῖν, etc. Οὐκ ἔῃ (*Demosthenes*) μεμνησθαι τῶν ὄρκων, οὓς οἱ πρόγονοι ὤμοσαν, οὐδὲ τῆς ἀρχῆς οὐδὲ τῆς τοῦ θεοῦ μαντείας.

[1040] Demosth. De Coronâ, p. 275.

[1041] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 69-71.

[1042] *Æschines* adv. Ktesiph. p. 71.

[1043] Demosthen. De Coronâ, p. 277; *Æschines* adv. Ktesiph. p. 72.

[1044] Demosth. De Coronâ, p. 277, 278.

[1045] Хронология событий, о которых здесь рассказывается, по-разному понимается разными авторами. Согласно моей точке зрения, первое движение, поднятое Эсхином против амфисских локрийцев, произошло на весеннем собрании амфикионов в Дельфах в 339 г. до н. э. (год архонта Феспия). (год правления архонта Теофраста в Афинах); затем было проведено специальное или чрезвычайное собрание амфикионов и военное выступление против локрийцев; после этого состоялось очередное осеннее собрание в Фермопилах (339 г. до н. э. - сентябрь - год правления архонта Лисимахида в Афинах), на котором было принято решение призвать Филиппа к военному вмешательству.

Эта хронология, действительно, не согласуется с двумя так называемыми декретами Амфикионов и с документальным утверждением - Ἀρχὼν Μνησιθεΐδης, Ἀνθεστηριῶνος ἔκτῃ ἐπὶ δέκα - которое мы читаем как включенное в орацию De Coronâ, p. 279. Но я уже говорил, что считаю эти документы поддельными.

Архонт Мнеситедес (как и все другие архонты, названные в документах, приведенных в оратории De Coronâ) - это неправильное имя, и оно не могло быть взято из какого-либо подлинного документа. Далее, первый указ Амфикионов не согласуется с утверждением Эсхина, который сам был великим движителем, о том, что Амфикионы действительно сделали. Наконец, второй декрет явно намекает на то, что тот, кто составил эти два декрета, считал, что выдвижение Филиппа произошло на том же амфикионийском собрании, что и первое движение против локрийцев. Одни и те же слова: ἐπὶ ἱερέως Κλειναγόρου, ἑαρινῆς πυλαίας - приложенные к обоим постановлениям, должны быть поняты как указание на одно и то же собрание. Предположение г-на Клинтона о том, что первый декрет был принят на весеннем собрании 339 года до н. э., а второй - на весеннем собрании 338 года до н. э. - Клейнагор был эпонимом в оба года - представляется мне маловероятным. Особое назначение и ценность эпонима исчезли бы, если бы один и тот же человек выступал в этом качестве два года подряд. Боэкс принимает предположение Рейске, изменяя ἑαρινῆς πυλαίας во втором указе на ὀπωρινῆς πυλαίας. Это привело бы второй указ в лучшее соответствие с хронологией; но в состоянии текста нет ничего, что могло бы оправдать такое нововведение. Бёнеке (Forsch. p. 498-508) принимает еще более невероятное предположение. Он полагает, что Эсхин был избран Пилагором в начале аттического года 340-339 гг. до н. э. и что он присутствовал сначала в Дельфах на осеннем собрании амфикионов 340 г. до н. э.; что он поднял там сильную бурю, которую сам описывает в своей речи; и что после этого, на последующем весеннем собрании, он принял оба постановления, которые мы сейчас читаем в оратории De Coronâ. Но первый из этих двух декретов никак не мог быть принят после возмутительных действий, описанных Эсхином. Добавлю, что в форме декрета президент Коттиф назван аркадцем, тогда как Эсхинес обозначает его как *фарсалийца*.

[1046] Demosth. De Coronâ, p. 278.

[1047] Æschines adv. Ktesiph. p. 72 ... τῶν μὲν θεῶν τὴν ἡγεμονίαν τῆς εὐσεβείας ἡμῖν παραδεδωκότων, τῆς δὲ Δημοσθένους δωροδοκίας ἐμποδῶν γεγεννημένης.

[1048] См. Isokrates, Orat. V. (Philipp.) s. 22. 23.

[1049] Æschines adv. Ktesiph. p. 73. ἐπειδὴ Φίλιππος αὐτῶν ἀφελόμενος Νίκαιαν Θετταλοῖς παρέδωκε, etc.

Сравните Demosthen. ad Philipp. Epistol. p. 153. ὑποπτεύεται δὲ ὑπὸ Θηβαίων Νίκαιαν μὲν φρουρᾷ κατέχων, etc.

[1050] Philochorus ap. Dionys. Hal. ad Ammæum, p. 742.

[1051] Demosthen. De Coronâ, p. 293-299. Justin, ix. 3, "diu dissimulatum bellum Atheniensibus infert." Это выражение верно в том смысле, что Филипп, который до сих пор делал вид, что идет на Амфиссу, раскрыл свою настоящую цель - выступить против Афин в тот момент, когда захватил Элатею. В противном случае он находился в состоянии открытой войны с Афинами с момента осады Византия и Перинфа в предыдущем году.

[1052] Æschines, Fals. Leg. p. 46, 47.

[1053] Æschines adv. Ktesiph. p. 73; Demosth. De Coronâ, p. 281.

[1054] Demosth. De Coronâ, p. 276, 281, 284. Ἀλλ' ἐκεῖσε ἐπάνειμι, ὅτι τὸν ἐν Ἀμφίσσῃ πόλεμον τούτου (Æschines) μὲν ποιήσαντος, συμπεραναμένων δὲ τῶν ἄλλων τῶν συνέργων αὐτοῦ τὴν πρὸς Θηβαίους ἐχθρὰν, συνέβη τὸν Φίλιππον ἐλθεῖν ἐφ' ἡμᾶς, οὐπὲρ ἕνεκα τὰς πόλεις οὗτοι συνέκρουον, etc. Οὕτω μέχρι πόρρω προήγαγον οὗτοι τὴν ἐχθρὰν.

[1055] Demosth. De Coronâ-ἦκεν ἔχων (Philip) τὴν δύναμιν καὶ τὴν Ἑλάτειαν κατέλαβεν, ὡς οὐδ' ἂν εἴ τι γένοιτο ἔτι συμπνευσάντων ἂν ἡμῶν καὶ τῶν Θηβαίων.

[1056] Philochorus ap. Dionys. Hal. ad Ammæum, p. 742.

[1057] Demosth. Olynth. i. p. 16. Ἄν δ' ἐκεῖνα Φίλιππος λάβῃ, τίς αὐτὸν κωλύσει δεῦρο βαδίζειν; Θηβαῖοι; οἱ, εἰ μὴ λίαν πικρὸν εἶπεῖν, καὶ συνεισβαλοῦσιν ἐτοίμως.

[1058] Demosth. De Coronâ, p. 304. ἡ γὰρ ἐμὴ πολιτεία, ἥς οὗτος (Æschines) κατηγορεῖ, ἀντὶ μὲν τοῦ Θηβαίους μετὰ Φιλίππου συνεμβαλεῖν εἰς τὴν χώραν, ὃ πάντες ὦντο, μεθ' ἡμῶν παραταξαμένους ἐκεῖνον κωλύειν ἐποίησεν, etc.

[1059] Demosth. De Coronâ, p. 286, 287; Diodor. xvi. 84. Я вкратце изложил суть того, что, по словам Демосфена, говорил он сам.

[1060] Этот указ или документ, претендующий на него, приводится *дословно* в Demosthenes, De Coronâ, p. 289, 290. Он датирован 16-м числом месяца Скиррофорион (июнь), при архонте Наусиклесе. Этот архонт является неправильным или псевдоэпонимным архонтом: документ, не говоря уже о его многословности, подразумевает, что Афины теперь собирались выйти из мирных отношений с Филиппом и начать войну против него - что противоречит реальному факту.

За несколько страниц до этого в той же речи (стр. 282) появляются еще четыре документа, относящиеся ко времени, непосредственно предшествовавшему захвату Элатеи Филиппом. 1. Постановление афинян, датированное месяцем Элафеболион архонта *Геропифа*. 2. Другой указ, датированный месяцем Мунихион того же *архонта*. 3. Ответ, адресованный Филиппом афинянам. 4. Ответ, адресованный Филиппом фиванцам.

Здесь снова архонт, названный *Геропифом*, является неправильным и неизвестным архонтом. Одной такой явной ошибки в дате было бы достаточно, чтобы я не доверял этому документу как подлинному. По моему мнению, Дройзен прав, отвергая все эти пять документов как поддельные. Ответ Филиппа афинянам адаптирован к двум декретам афинян и не может быть подлинным, если они поддельные.

Эти декреты, как и декрет Скиррофориона, не соответствуют истинным отношениям между Афинами и Филиппом. Они подразумевают, что она была в мире с ним, и что военные действия против него были впервые предприняты ею после захвата Элатеи, в то время как

открытая война шла между ними уже более года, начиная с лета 340 года до н. э. и морских операций против него в Пропонтиде. О том, что война шла без перерыва все это время, что Филипп не мог приблизиться к Афинам, чтобы нанести удар по ним и прекратить войну, кроме как путем привлечения фиванцев и фессалийцев к сотрудничеству с ним, и что для достижения этой последней цели он разжег Амфисскую войну через коррумпированное агентство Эсхина - это прямое заявление Демосфена, De Coronâ, p. 275, 276. Поэтому я считаю невозможным верить в подлинность ни четырех процитированных здесь документов, ни этого предполагаемого очень длинного постановления афинян о заключении союза с Фивами, датированного 16-м числом месяца Скиррофорион и приведенного в De Coronâ, p. 289. Добавлю, что два декрета, которые мы читаем в стр. 282, утверждают, что они были приняты в месяцы Элафеболион и Мунихион и носят имя архонта *Херопифа*; в то время как цитируемый декрет, стр. 289, датирован 16-м числом Скиррофориона и носит имя другого архонта, *Наусикла*. Если эти указы подлинные, то события, описанные в обоих, должны были произойти при одном и том же архонте, с интервалом примерно в шесть недель между последним днем Мунихиона и 16-м Скирофориона. Невозможно предположить, чтобы между ними был интервал в один год и шесть недель.

При внимательном прочтении слов самого Демосфена мне кажется, что *фальсарий* или человек, составивший эти четыре первых документа, не совсем правильно понял, что именно Демосфен заставил прочесть государственного секретаря. Демосфен хочет показать, как умело он распорядился и как хорошо заслужил свою страну, заключив союз фиванцев с Афинами сразу после взятия Филиппом Элатеи. Для этого он останавливается на плохом состоянии отношений между Афинами и Фивами до этого события, вызванном тайными подстрекательствами Филиппа через продажных партизан в обоих местах. Теперь, чтобы проиллюстрировать это враждебное чувство *между Афинами и Фивами*, он заставляет секретаря прочитать некоторые постановления и ответы - ἐν οἷς δ' ἦτη ἡδὴ τὰ πρὸς ἀλλήλους, τούτων τῶν ψηφισμάτων ἀκούσαντες καὶ τῶν ἀποκρίσεων εἶσεσθε. Καὶ μοι λέγε ταῦτα λαβὼν.... (p. 282). Документы, о которых здесь говорится, касаются не отношений между *Афинами и Филиппом* (которые были активной войной и не нуждались в иллюстрациях), а отношений между *Афинами и Фивами*. Очевидно, что между двумя городами происходили перебранки и недоброжелательные чувства, выражавшиеся в публичных постановлениях или публичных ответах на жалобы и протесты. Вместо этого два афинских постановления, которые мы сейчас читаем как следующие, адресованы не фиванцам, а Филиппу; в первом из них Фивы вообще не упоминаются; во втором Фивы упоминаются только для того, чтобы привести в качестве основания для жалобы на Филиппа, что он пытается поссорить два города; и это тоже, среди других оснований для жалобы, гораздо более серьезных и предполагающих более враждебные цели. Затем следуют два ответа, которые не являются ответами между Афинами и Фивами, как это должно быть, а ответами Филиппа, первый - афинянам, второй - фиванцам. Ни декреты, ни ответы в их нынешнем виде не иллюстрируют того, на что нацелился Демосфен, - дурных предчувствий и взаимных провокаций, которыми обменивались незадолго до этого Афины и Фивы. Ни то, ни другое не оправдывает слов оратора, сказанных сразу после прочтения документов - Οὕτω διαθεῖς ὁ Φίλιππος τὰς πόλεις πρὸς ἀλλήλας διὰ τούτων (через Эсхина и его сторонников), καὶ τούτοις ἐπαρθεῖς τοῖς ψηφίσμασι καὶ ταῖς ἀποκρίσεσιν, ἥκεν ἔχων τὴν δύναμιν καὶ τὴν ἑλάνειαν κατέλαβεν, ὥς οὐδ' ἂν εἴ τι γένοιτο ἔτι συμπευσάντων ἂν ἡμῶν καὶ τῶν Θηβαίων.

Демосфен описывает Филиппа как действующего на Фивы и Афины через посредство продажных граждан в каждом из них; автор этих документов представляет себе Филиппа как действующего через свои собственные депеши.

Декрет 16-го Скиррофориона не только устанавливает союз с Фивами, но и право *брака* между двумя городами. На момент принятия указа фиванцы как были, так и оставались в плохих отношениях с Афинами, так что было сомнительно, что они примут или отвергнут предложение; более того, была вероятность, что они отвергнут его и присоединятся к Филиппу. Вряд ли можно считать возможным, что при таком положении вещей афиняне зашли бы так далеко, чтобы высказаться за установление *брачных отношений* между двумя городами.

[1061] Demosth. De Coronâ, p. 298.

[1062] Plutarch, Demosth. c. 18. Даох и Фрасилай названы Демосфеном фессалийскими партизанами Филиппа (Demosth. De Coronâ, p. 324).

[1063] Demosth. De Coronâ, p. 298, 299. Аристотель. Rhetoric. ii. 23; Dionys. Hal. ad Ammæum, p. 744; Diodor. xvi. 85.

[1064] Demosth. De Coronâ, p. 304-307. εἰ μὲν οὖν μὴ μετέγνωσαν εὐθέως, ὡς ταῦτ' εἶδον, οἱ Θηβαῖοι, καὶ μεθ' ἡμῶν ἐγένοντο, etc.

[1065] Theopompus, Frag. 239, ed. Didot; Plutarch, Demosth. c. 18.

[1066] Здесь мы можем больше доверять хвастовству Демосфена по поводу его собственной государственной деятельности и ораторского искусства, поскольку мы располагаем комментариями Эсхина, а значит, знаем худшее, что может сказать недоброжелательный критик. Эсхин (Adv. Ktesiph. p. 73, 74) говорит, что фиванцев побудили присоединиться к Афинам не ораторские способности Демосфена, а страх перед приближением Филиппа и их недовольство из-за того, что у них отняли Никейю. Демосфен говорит фактически то же самое. Несомненно, самый искусный оратор должен иметь в запасе несколько подходящих моментов, которые он мог бы использовать в своих выступлениях. Но ораторы с другой стороны нашли бы в истории прошлого гораздо более богатую коллекцию вопросов, на которые можно было бы апеллировать как на причины антипатии к Афинам и благосклонности к Филиппу; и против этого превосходного случая Демосфен должен был возражать.

[1067] Demosthen. De Coronâ, p. 299, 300.

[1068] Æschines adv. Ktesiph. p. 74.

[1069] Philochorus Frag. 135, ed. Didot; Dionys. Hal. ad Ammæum, p. 742.

[1070] Æschines adv. Ktesiph. p. 73. Эсхинес отмечает факт, но извращает выводимые из него умозаключения.

[1071] Demosthen. De Coronâ, p. 279. Δὸς δὴ μοι τὴν ἐπιστολὴν, ἣν, ὡς οὐχ ὑπήκουον οἱ Θηβαῖοι, πέμπει πρὸς τοὺς ἐν Πελοποννήσῳ συμμάχους ὁ Φίλιππος, ἵν' εἴδῃτε καὶ ἐκ ταύτης σαφῶς ὅτι τὴν μὲν ἀληθῆ πρόφασιν τῶν πραγμάτων, τὸ ταῦτ' ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα καὶ τοὺς Θηβαίους καὶ ὑμᾶς πράττειν, ἀπεκρύπτετο, κοινὰ δὲ καὶ τοῖς Ἀμφικτύοσι δόξαντα ποιεῖν προσεποιεῖτο, etc.

Далее следует письмо, якобы написанное Филиппом пелопоннесцам. Я согласен с Дройзеном, сомневающимся в его подлинности. Я не делаю никаких заявлений на его основе. Македонский месяц Лёус не совпадает с аттическим Боэдромионом; также маловероятно, что Филипп в письме к пелопоннесцам вообще ссылался на аттические месяцы. Различные последующие письма, написанные Филиппом пелопоннесцам и свидетельствующие о большом смущении, на которые Демосфен ссылается далее - Ἀλλὰ μὴν

οἷας τότε ἡφίει φωνὰς ὁ Φίλιππος καὶ ἐν οἷαις ἦν ταραχαῖς ἐπὶ τούτοις, ἐκ τῶν ἐπιστολῶν ἐκείνου μαθήσεσθε ὧν εἰς Πελοπόννησον ἔπεμπεν (с. 301, 302). Демосфен устраивает публичное чтение писем, но ни одно из них не приводится *дословно*.

[1072] Demosth. De Coronâ, p. 300.

[1073] Demosth. De Coronâ, p. 302; Плутарх, Vit. X. Orator., p. 848.

[1074] То, что Демосфен был коронован на Дионисийском празднике (март 338 г. до н. э.), утверждает Бёнеке (Forschungen, p. 534, 535); на основании, которое кажется достаточным, против мнения Боэция и Виневского (Comment. ad Demosth. De Coronâ, p. 250), которые считают, что он не был коронован до Панафинейского праздника, в последующем июле.

[1075] Pausanias, x. 3, 2.

[1076] Pausanias, x. 33, 4.

[1077] Pausanias, x. 36, 2.

[1078] Pausanias, iv. 31, 5. Он ставит укрепления Амбриса в один ряд с укреплениями Византии и Родоса.

[1079] Pausan. ix. 13, 2; Diodor. xv. 53; Xenoph. Hell. vi. 4, 3.

[1080] Хронология этого периода вызвала много недоумений и была по-разному выстроена разными авторами. Однако выяснится, что все трудности и споры относительно нее возникли из-за того, что они опираются на поддельные постановления, воплощенные в речи Демосфена De Coronâ, как если бы они были подлинной историей. Мистер Клинтон в своих "Fasti Hellenici" цитирует эти постановления, как если бы они были частями самого Демосфена. Если отбросить эти документы, то общие положения Демосфена и Эсхина, хотя они и не являются точными и конкретными, покажутся совершенно ясными и последовательными в отношении хронологии этого периода.

То, что битва при Херонее произошла 7 числа аттического месяца метагейтниона (августа) 338 года до н. э. (второй месяц правления архонта Херондаса в Афинах), подтверждается Плутархом (Camill. с. 19) и в целом признается.

Время, когда Филипп впервые занял Элатью, г-н Клинтон и большинство авторов называют предыдущим месяцем Скиррофориона, на пятьдесят дней или чуть раньше. Но это опирается исключительно на свидетельство притворного декрета о союзе между Афинами и Фивами, который появляется в Demosthenes De Coronâ, p. 289. Даже те, кто отстаивает подлинность этого указа, вряд ли могут доверять истинности месячной даты, когда имя архонта Наусиклеса признано ошибочным. Для меня ни этот документ, ни другие так называемые афинские указы, претендующие на дату в Мунихионе и Элафеболионе (стр. 282), не имеют под собой никаких доказательств.

Общие утверждения Демосфена и Эсхина указывают на то, что назначение Филиппа амфикинийским полководцем произошло на осеннем созыве амфикитионов в Фермопиле. Вскоре после этого назначения Филипп отправился со своей армией в Грецию, чтобы действовать в соответствии с этим назначением. В этом походе он подошел к Элатее и начал укреплять ее; вероятно, около октября 339 года до н. э. Афиняне, фиванцы и другие греки вели против него войну в Фокисе около десяти месяцев, до битвы при Херонее. О том, что эта война должна была длиться так же долго, как и десять месяцев, можно судить по фактам, упомянутым на моей последней странице - восстановлению фокийцев и их городов, и

особенно тщательному укреплению Амбриса. Бёнеке (Forschungen, p. 533) справедливо отмечает (хотя я не согласен с его общей схемой событий войны), что это восстановление фокейских городов подразумевает значительный промежуток времени между занятием Элатеи и битвой при Херонее. Мы также имеем две битвы, выигранные у Филиппа, одна из них - μάχη χερσινῇ, что прекрасно согласуется с этим расположением.

[1081] Demosth. De Coronâ, p. 306; Плутарх, Demosth. с. 17. В постановлении афинского народа (Плутарх, Vit. X. Orat. p. 850), принятом после смерти Демосфена, о предоставлении различных почестей и статuae в его память, говорится, что он привлек своими уговорами не только союзников, перечисленных в тексте, но также локрийцев и мессенцев; и что он получил от союзников общую сумму, превышающую пятьсот талантов. Однако мессенцы, конечно же, не сражались при Херонее; также неверно говорить, что Демосфен склонил амфисских локрийцев стать союзниками Афин.

[1082] Strabo, ix. p. 414; Pausanias, vii. 6, 3.

[1083] Plutarch, Demosth. с. 48. Эсхинес (Adv. Ktesiph. p. 74) ставит эти же факты - большое личное превосходство Демосфена в этот период - в неблагоприятную точку зрения.

[1084] Plutarch, Demosth. с. 18. ὥστε εὐθὺς ἐπικηρυκεύεσθαι δεόμενον εἰρήνης, etc.

Возможно, Филипп пытался разделить собравшихся против него врагов, обращаясь к некоторым из них с отдельными предложениями.

[1085] Æschines adv. Ktesiph. p. 74. Дейнарх упоминает фиванца по имени Проксен, которого он называет предателем, как командовавшего этими наемными войсками в Амфиссе (Deinarchus adv. Demosth. p. 99).

[1086] Polyænus, iv. 2, 8.

[1087] Мы узнаем об этом из эдикта, изданного Полисперхоном несколько лет спустя (Diodor. xviii. 56).

[1088] Polyænus, iv. 2, 14.

[1089] Диодор утверждает, что армия Филиппа превосходила его по численности; Юстин утверждает обратное (Diodor. xvi. 85; Justin, ix. 3).

[1090] Павсаний, iv. 2, 82; v. 4, 5; viii. 6, 1.

[1091] Плутарх, Фокион, с. 16.

[1092] Плутарх, Демосф. с. 19, 20; Æschin. adv. Ktesiph. p. 72.

[1093] Æschin. adv. Ktesiph. p. 74, 75.

[1094] Æschines adv. Ktesiph. p. 75. Ὡς δ' οὐ προσεῖχον αὐτῷ (Δημοσθένει) οἱ ἄρχοντες οἱ ἐν ταῖς Θήβαις, ἀλλὰ καὶ τοὺς στρατιώτας τοὺς ὑμετέρους πάλιν ἀνέστρεψαν ἐξεληλυθότας, ἵνα βουλευσαιοθε περὶ τῆς εἰρήνης, ἐνταῦθα παντάπασιν ἔκφρων ἐγένετο и т.д.

По-видимому, именно об этой склонности Филиппа к открытию переговоров упоминает Плутарх как о благосклонно принятой Фокионом (Plutarch, Phokion, с. 16).

[1095] Diodor. xvi. 85. Сам Александр, после своих обширных завоеваний в Азии и незадолго до смерти, кратко упоминает о своем присутствии в Херонее в речи, произнесенной перед своей армией (Арриан, vii. 9, 5).

[1096] Плутарх, Пелопид, с. 18.

[1097] Polyænus, iv. 2, 2. Он упоминает Стратоклса как афинского полководца, от которого исходило это восклицание. Мы знаем от Эсхина (Adv. Ktesiph. p. 74), что Стратокл был генералом афинских войск в Фивах или около них вскоре после заключения союза с фиванцами. Но, похоже, что Харес и Лисикл командовали в Херонее. Поэтому возможно, что анекдот, рассказанный Полиэном, относится к одному из более ранних сражений, предшествовавших Херунейской битве.

[1098] Polyænus, iv. 2, 7; Frontinus.

[1099] Diodor. xvi. 85, 86.

[1100] Арриан, Exp. Alex. i. 2, 3, 10.

[1101] Так утверждают современные ораторы (Demades, Frag. p. 179), Ликург (ap. Diodor. xvi. 85; adv. Leokratem, p. 236. с. 36) и Демосфен (De Coronâ, p. 314). Последний не уточняет количество пленных, но называет тысячу убитых. Сравните Павсаний, vii. 10, 2.

[1102] Pausanias, vii. 6, 3.

[1103] Diodor. xvi. 88.

[1104] Plutarch, Alexand. с. 12; Deinarchus adv. Demosth. p. 99. Сравните псевдодемосфеновский Oratio Funebr. p. 1395.

[1105] Lykurgus adv. Leokrat. p. 164, 166. с. 11; Deinarchus cont. Demosth. p. 99.

[1106] Lykurgus adv. Leokrat. p. 146. Γεγεννημένης γὰρ τῆς ἐν Χαίρωνείᾳ μάχης, καὶ συνδραμόντων πάντων ὑμῶν εἰς ἐκκλησίαν, ἐψηφίσατο ὁ δῆμος, παῖδας μὲν καὶ γυναῖκας ἐκ τῶν ἀγρῶν εἰς τὰ τεῖχη κατακομίζειν, etc.

[1107] Lykurgus adv. Leokrat. p. 177. с. 13.

[1108] Lykurgus adv. Leokrat. p. 170. с. 11. ἤνιχ' ὁρᾶν ἦν τὸν δῆμον ψηφισάμενον τοὺς μὲν δούλους ἐλευθέρους, τοὺς δὲ ξένους Ἀθηναίους, τοὺς δὲ ἀτίμους ἐντίμους. Оратор заставляет секретаря публично зачитать в суде это постановление, предложенное Гиперидом.

Сравните Псевдо-Плутарха, Vit. X. Orat. p. 849. и Demosth. cont. Aristog. p. 803.

[1109] Demosth. De Coronâ, p. 309; Deinarchus adv. Demosth. p. 100.

[1110] Demosth. De Coronâ, p. 329; Deinarchus adv. Demosth. p. 100; Плутарх, Vit. X. Orat. p. 851.

[1111] Lykurgus adv. Leokrat. p. 172. с. 11; Æschines adv. Ktesiph. p. 87.

[1112] Thucyd. i. 93.

[1113] Lykurgus adv. Leokrat. l. с.

[1114] Ликург (Adv. Leokrat. p. 171 с. 11) упоминает об этих посольствах; Дейнарх (Adv. Demosth. p. 100) утверждает, что Демосфен обеспечил себе побег из города в качестве посланника-αὐτὸς ἑαυτὸν πρεσβευτὴν κατασκεύασας, ἴν' ἐκ τῆς πόλεως ἀποδραίη, и т. д. Сравните Æschines adv. Ktesiph. p. 76.

Оба враждебных оратора относятся к такому временному отсутствию Демосфена в посольстве за помощью, как к трусливому дезертирству с поста. Такая трактовка совершенно несправедлива.

[1115] Леократ был не единственным афинянином, который бежал или пытался бежать. Другой был схвачен при попытке (по словам Эсхина) и приговорен к смерти Советом Ареопага (Æschines adv. Ktesiph. p. 89). Член самого Ареопага по имени Автолик (тот самый, о котором, вероятно, с особым уважением упоминает Эсхинс cont. Timarchum, p. 12), отослал свою семью в безопасное место; Ликург впоследствии упрекнул его за это, и он был осужден дикастерией (Harpokration v. Αὐτόλυκος).

[1116] Lykurgus adv. Leokrat. p. 149. Οὕτω δὲ σφόδρα ταῦτ' ἐπίστευσαν οἱ Ῥόδιοι, ὥστε τριήρεις πληρώσαντες τὰ πλοῖα κατήγον, etc.

[1117] Diodor. xvi. 87. История о Демадесе рассказывается несколько иначе в Sextus Empiricus adv. Grammaticos, p. 281.

[1118] Plutarch, Vit. X. Orator, p. 849.

[1119] Justin, ix. 4; Polybius, v. 10; Theopomp. Frag. 262. См. примечание Wickers ad Theopompi Fragmenta, p. 259.

[1120] Justin, ix. 4. Dienarch. cont. Demosth. s. 20. p. 92.

[1121] Pausanias, iv. 25, 5; ix. 1, 3.

[1122] Demosth. De Coronâ, p. 310. οὐ δι' ἑαυτῶν τό γε πρῶτον, ἀλλὰ δι' ὧν μάλισθ' ὑπελάμβανον ἀγνοήσεσθαι, etc.

Так враги Алкивиада выставили против него в собрании ораторов, отличавшихся поразительной откровенностью и беспристрастностью - ἄλλους ῥήτορας ἐνιέντες и т. д. Thucyd. vi. 29.

[1123] Demosth. De Coronâ, p. 319, 320.

[1124] Demosth. De Coronâ, p. 319. ὃς εὐθέως μετὰ τὴν μάχην πρεσβευτῆς ἐπορεύου πρὸς Φίλιππον, etc. Сравните Плутарх, Фокион, с. 16. Диоген. Laert. iv. 5. в его Жизни философа Ксенократа.

[1125] Demades, Fragment. Orat. p. 179. χιλίων ταφῇ Ἀθηναίων μαρτυρεῖ μοι, κηδευθεῖσα ταῖς τῶν ἐναντίων χερσίν, ἃς ἀντὶ πολεμίων φιλίας ἐποίησα τοῖς ἀποθανοῦσιν. Ἐνταῦθα ἐπιστὰς τοῖς πράγμασιν ἔγραψα τὴν εἰρήνην- ὁμολογῶ. Ἐγραψα καὶ Φιλίππῳ τιμὰς- οὐκ ἄρνοῦμαι- διςχιλίους γὰρ αἰχμαλώτους ἄνευ λύτρων καὶ χίλια πολιτῶν σώματα χωρὶς κήρυκος, καὶ τὸν Ὀρωπὸν ἄνευ πρεσβείας λαβὼν ὑμῖν, ταῦτ' ἔγραψα. См. также Suidas v. Δημάδης.

[1126] Demosth. De Coronâ, p. 321.

[1127] Polybius, v. 10; xvii. 14; Diodor. Fragm. lib. xxxii.

[1128] Demades, Frag. p. 179. ἔγραψα καὶ Φιλίππῳ τιμὰς, οὐκ ἄρνοῦμαι и т. д. Сравните Арриан, Exr. Alex. i. 2, 3-καὶ πλείονα ἔτι τῶν Φιλίππῳ δοθέντων Ἀλεξάνδρῳ ἐς τιμὴν συγχωρῆσαι, etc., и Clemens Alex. Admonit. ad Gent. p. 36 В. τὸν Μακεδόνα Φίλιππον ἐν Κυνοσάργει νομοθετοῦντες προσκυνεῖν, etc.

[1129] Justin, ix. 4.

[1130] Demosth. De Coronâ, p. 310-320.

[1131] Plutarch, Vit. X. Orat. p. 849.

[1132] Polybius, ix. 28, 33, xvii. 14; Тацит, Анналы, iv. 43; Страбон, viii. p. 361; Павсаний, ii. 20, 1. viii. 7, 4. viii. 27, 8. Из Диодора xvii. 3, мы видим, насколько эта приверженность Филиппу была достигнута под давлением необходимости.

[1133] Justin, ix. 5.

[1134] Plutarch, Phokion, c. 16; Pausanias, i. 25, 3. Τὸ γὰρ ἀτύχημα τὸ ἐν Χαιρωνείᾳ ᾗπασιν τοῖς Ἑλλήσιν ἦρξε κακοῦ, καὶ οὐχ ἥκιστα δούλους ἐποίησε τοὺς ὑπεριδόντας, καὶ ὅσοι μετὰ Μακεδόνων ἐτάχθησαν. Τὰς μὲν δὴ πολλὰς Φίλιππος τῶν πόλεων εἴλεν. Ἀθηναίοις δὲ λόγῳ συνθέμενος, ἔργῳ σφᾶς μάλιστα ἐκάκωσε, νήσους τε ἀφελόμενος καὶ τῆς εἰς τὰ ναυτικὰ παύσας ἀρχῆς.

[1135] Diodor. xviii. 56. Σάμον δὲ δίδομεν Ἀθηναίοις, ἐπειδὴ καὶ Φίλιππος ἔδωκεν ὁ πατήρ. Сравните Плутарх, Alexand. c. 28.

[1136] Plutarch, Phokion, c. 16.

[1137] Arrian, vii. 9, 5.

[1138] Diodor. xvi. 93.

[1139] Justin, ix. 5; Diodor. xvi. 91.

[1140] Athenæus, xiii. p. 557; Justin, ix. 7.

[1141] Plutarch, Alexand. c. 9; Justin, ix. 7; Diodor. xvi. 91-93.

[1142] Плутарх, Alexand. c. 10; Арриан, iii. 6, 5.

[1143] Павсаний (viii. 7, 5) упоминает сына, рожденного Филиппом от Клеопатры; Диодор (xvii. 2) также отмечает сына. Юстин в одном месте (ix. 7) упоминает дочь, а в другом (xi. 2) - сына по имени Каранус. Сатир (Ap. Athenæum, xiii. p. 557) утверждает, что дочь по имени Эвропа родилась у него от Клеопатры.

Похоже, что сын родился лишь незадолго до последнего праздника и убийства Филиппа, но я склоняюсь к мысли, что брак с Клеопатрой вполне мог состояться за два года или более до этого события, и что дочь могла родиться раньше сына. Конечно, Юстин различает их, утверждая, что дочь была убита по приказу Олимпии, а сын - по приказу Александра (ix. 7; xi. 2).

Арриан (iii. 6, 5), по-видимому, имеет в виду *Клеопатру*, жену Филиппа, хотя говорит об Эвридике.

[1144] Diodor. xvii. 3.

[1145] Эта Клеопатра, дочь Филиппа, сестра Александра Македонского и носившая то же имя, что и последняя жена Филиппа, была, таким образом, племянницей Эпиротика Александра, ее мужа. Союзы такой степени родства в те времена не были ни неблагоприятными, ни редкими.

[1146] Диодор. xvii. 2.

[1147] Josephus, Antiq. xix. 1, 13; Suetonius, Caligula, c. 57. См. Приложение (4) г-на Клинтона о царях Македонии. Fast. Hellen. p. 230, note.

[1148] Diodor. xvi. 92.

[1149] Aristot. Polit. v. 8. 10. Ἡ Φιλίππου (ἐπίθεσις) ὑπὸ Παυσανίου, διὰ τὸ ἐᾶσαι ὑβρισθῆναι αὐτὸν ὑπὸ τῶν περὶ Ἄτταλον, etc. Юстин, ix. 6; Diodor. xvi. 93.

[1150] Плутарх, Алекс. с. 10.

[1151] Plutarch, Alex. c. 10.

[1152] Arrian, Exp. Alex. ii. 14, 10.

[1153] Xenoph. Hellen. vi. 4, 32.

[1154] Diodor. xvi. 94; Justin, ix. 7; Plutarch, Alex. c. 10.

[1155] Arrian, Exp. Alex. i. 25, 1.

[1156] Юстин, xii. 14; Квинт Курций, vii. 1, 5, с примечанием Мютцеля.

[1157] Arrian, i. 25, 2; Justin, xi. 2. "Soli Alexandro Lyncistarum fratri pepercit, servans in eo auspiciū dignitatis suæ; nam regem eum primus salutaverat."

[1158] Tacitus, Hist. ii. 80. "Dum quæritur tempus locusque, quodque in re tali difficillimum est, *prima vox*; dum animo spes, timor, ratio, casus observantur; egressum cubiculo Vespasianum, pauci milites solito adsistentes ordine, *Imperatorem* salutavere. Tum cæteri accurrere, *Cæsarem*, et *Augustum*, et omnia principatus vocabula cumulare: mens a metu ad fortunam transierat."

[1159] Quintus Curtius, vii. 1, 3; Diodorus, xvii. 2, 5. Сравните Юстин, xi. 5.

[1160] Justin, ix. 7; xi. 2. Павсаний, viii. 7, 5; Плутарх, Alex. c. 10.

Согласно Павсанию, Олимпиада заставила Клеопатру и ее младенца погибнуть ужасной смертью: их зажарили или испекли на медном сосуде, окруженном огнем. Согласно Юстину, Олимпиада сначала убила дочь Клеопатры на груди ее матери, а затем повесила саму Клеопатру; Александр же предал смерти Карануса, младенца, сына Клеопатры. Плутарх ничего не говорит об этом, но утверждает, что жестокое обращение с Клеопатрой было совершено по приказу Олимпии во время отсутствия Александра, и что он был очень недоволен этим. Главный факт, что Клеопатра и ее младенец были изгнаны насильственным путем, не вызывает разумных сомнений, хотя мы не можем проверить детали.

[1161] После торжественных похорон Филиппа Олимпия сняла и сожгла тело Павсания (которое было распято), поставив ему надгробный памятник и устроив ежегодную церемонию поминовения. Юстин, ix. 7.

[1162] Юстин (ix. 3) называет Филиппа сорока семи лет от роду; Павсаний (viii. 7, 4) говорит о нем как о сорока шести. См. книгу мистера Клинтона "Fast. Hellen. Appen. 4. p. 227.

[1163] Theopompus, Frag. 265. ap. Athenæ. iii. p. 77. καὶ εὐτυχῆσαι πάντα Φίλιππον. Сравните Demosth. Olynth. ii. p. 24.

[1164] Theopomp. Frag. 249; Theopompus ap. Polybium, viii. 11. ἀδικώτατον δὲ καὶ κακοπραγμονέστατον περὶ τὰς τῶν φίλων καὶ συμμάχων κατασκευὰς, πλείστας δὲ πόλεις ἐξηνδραποδισμένον καὶ πεπραξικοπηκότα μετὰ δόλου καὶ βίας, etc.

Юстин, ix. 8. Павсаний, vii. 7, 3; vii. 10, 4; viii. 7, 4. Diodor. xvi. 54.

Язык Павсания о Филиппе, после того как он отдал справедливость его великим завоеваниям и подвигам, очень силен - ὅς γε καὶ ὄρκους θεῶν κατεπάτησεν ἀεὶ, καὶ σπονδὰς ἐπὶ πάντι ἐψεύσατο, πίστιν τε ἡτίμασε μάλιστα ἀνθρώπων, и т.д. Таким поведением, по словам Павсания, Филипп навлек божественный гнев и на себя, и на свой род, который вымер со следующим поколением.

[1165] В третьем Филиппике Демосфена (стр. 123-124) есть поразительный отрывок, который слишком долго приводить, свидетельствующий о чудесном прогрессе, достигнутом Филиппом в искусстве и средствах эффективной войны.

[1166] Theopomp. Frag. 249. Ἀπλῶς δ' εἶπεῖν ... ἡγοῦμαι τοιαῦτα θηρία γεγονέναι, καὶ τοιοῦτον τοὺς φίλους καὶ τοὺς ἐταίρους Φιλίππου προσαγορευθέντας, οἷους οὔτε τοὺς Κενταύρους τοὺς τὸ Πήλιον κατασχόντας, οὔτε τοὺς Λαιστρυγόνας τοὺς Λεοντῖνον πεδῖον οἰκήσαντας, οὔτ' ἄλλους οὐδ' ὁποίους.

Сравните Athenæ. iv. p. 166, 167; vi. p. 260, 261. Демосфен. Olynth. ii. p. 23.

Полибий (viii. 11) порицает Феопомпа за самопротиворечие, приписывая Филиппу беспринципные средства и невоздержанные привычки, и в то же время превознося его способности и энергию как царя. Но я не вижу противоречия между ними. Любовь к наслаждениям не мешала военным и политическим планам Филиппа ни ему самому, ни его офицерам. Страсть-хозяин подавляла все аппетиты; но когда эта страсть не требовала усилий, несдержанность была привычным расслаблением". Полибий не приводит никаких достаточных фактов и не ссылается ни на один современный авторитет, чтобы опровергнуть Теопомпа.

Следует отметить, что высказывания Теопомпа, касающиеся как общественного, так и частного поведения Филиппа, столь же пренебрежительны, как и все, что написано у Демосфена.

[1167] Satyrus ap. Athenæ. xiii. p. 557. Ὁ δὲ Φίλιππος ἀεὶ κατὰ πόλεμον ἐγάμει, etc.

[1168] Æschines cont. Timarchum, p. 26. εἴτα τί θαυμάζομεν τὴν κοινὴν ἀπραξίαν, τοιοῦτων ῥητόρων ἐπὶ τὰς τοῦ δήμου γνώμας ἐπιγραφόμενων;

Эту общественную неэффективность, которую многие признавали и сожалели, хотя немногие, кроме Демосфена, упорно боролись с ней, Эскинес объясняет тем, что людям со скандальной личной жизнью (например, Тимарху) было позволено, вопреки закону, принимать постановления в общественном собрании. Сравните Æschines, Fals. Leg. p. 37.

Примечание транскриптора

- Изображение обложки книги было создано транскриптором и является общественным достоянием.
- Сноски были перенумерованы и перенесены в конец книги.
- Пустые страницы пропущены.
- Очевидные типографские ошибки были беззвучно исправлены после сравнения с более поздним изданием этой работы. Греческий текст также исправлен

после сверки с этим более поздним изданием и с Персеем, когда была найдена ссылка.

- Оригинальная орфография, дефис и пунктуация сохранены, но варианты написания приведены в соответствие, если было обнаружено преобладающее употребление.
 - Невзирая на это, не было предпринято никаких попыток нормализовать имена собственные (напр. Абдера и Абдера, Алкивиад и Алкивиад, Аполлократ и Аполлократ, Афинис и Афинис, Деметра и Деметра, Диоклес и Диоклес, Эвктемон и Эвктемон, Европа и Европа, Здесь и Здесь, Иатрокл и Иатроклес, Исократ и Исократес, Лептин и Лептинес, Мавсол и Мавсол, Ороп и Ороп, Палленк и Палленк, Паммен и Памменес, Филомел и Филомел, Феники и Феники и др.). В начале первого тома этой работы автор установил некоторые правила транскрипции собственных имен, но ни он, ни его издатель не следуют им последовательно.
-